

ЗАПИСКИ
Г. БУРИЕННА,
ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.
О
НАПОЛЕОНѢ,
ДИРЕКТОРИИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРИИ И
ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБУНОВЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
С. ДЕ ШАПЛЕТЬ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ,
ЧАСТЬ IX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ
СТРАЖИ.

1835

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра С. Пе-
тербургъ 18 Іюня 1835 года.

Цензоръ *П. Гаевскі*

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Величія падшія и величія существующія. — Остановка въ отъездѣ моемъ въ Гамбургъ. — Немиролюбивый духъ Наполеона. — Война, основаніе могущества Императора. — Липпекій Департаментъ. — Сужденія Иозефины. — Справедливое предчувствіе относительно Испанскихъ дѣлъ. — Мои поездки въ Мальмезонъ. — Первый другъ и первая жена Наполеона. — Горестъ Иозефины и привязанность ея къ парядамъ. — Слезы и туалеть.

Я принимаюся за послѣднюю часть моихъ Записокъ, а мнѣ еще остается сказать многое, и это многое можетъ быть гораздо щекотливѣе всего, о чемъ я говорилъ до сихъ поръ, потому что до сего я говорилъ объ ошибкахъ величія падшаго, а теперь буду заниматься величіями существующими и кознями, которыхъ пламя при мнѣ зажжено было и до сихъ поръ

Часть IX.

1

еще не угасло. Такъ какъ и въ восьми первыхъ частяхъ, я буду говорить истину: одна она была моею цѣлю, когда я рѣшился сообщить свѣту то, чего былъ свидѣтелемъ. Однакоже такое предварительное разсужденіе не можетъ еще имѣть отношенія къ тому, съ чего мнѣ начать должно—я довелъ читателя до весны 1814 года, а въ это время я располагался ѣхать за своимъ семействомъ въ Гамбургъ. Разныя дѣла задержали меня до Мая мѣсяца, такъ что я былъ еще въ Парижѣ въ день рожденія Короля Римскаго.

Я дозволю себѣ сдѣлать приближеніе, которое, по моему мнѣнію, довольно важно, и кажется можетъ значительно пояснить послѣдовавшія вскорѣ происшествія. Изступленные обожатели Наполеона, хотѣли сдѣлать изъ этого великаго воина, миролюбиваго Государя, который бы дорожилъ спокойствіемъ Европы и всеобщимъ въ ней порядкомъ; если послушать ихъ, то они будутъ говорить, что Наполеонъ только что защищался; я съ своей стороны знаю, какъ объ этомъ думать, по крайней мѣрѣ въ отношеніи того времени изъ его поприща, когда я находился при немъ, а потому сказалъ, и кажется доказалъ, что даже когда первые пушечные выстрѣлы сдѣланы были противъ него, то и тогда онъ не менѣе былъ причиною войны, потому что великая

наука его политики состояла въ томъ, чтобы принуждать другія Державы нападать на него, и онъ достигалъ сего безпрерывными присвоеніями чужихъ земель или оскорбленіями, наносимыми другимъ Государямъ.

Вотъ что показываютъ событія, а еще болѣе, вѣрное понятіе о Наполеоновомъ характерѣ. Сколько разъ говорилъ онъ мнѣ, что война его стихія; что для утвержденія его могущества, необходима война! Послѣ сего какъ согласить вмѣстѣ это отъявленное желаніе, сдѣлать родъ свой самымъ старшимъ изъ всѣхъ царствующихъ домовъ Европы, съ тою кротостію, которая удерживала его всегда въ оборонительномъ положеніи? Это невозможно.

Наполеону ли, посреди своей славы, на самой высокой степени своего могущества, по духу умѣренности и по склонности къ миру, отказаться отъ врожденной своей раздражительности, которою онъ увлекался съ такою силою, и даже могу сказать опрометчивостію въ знаменитомъ привѣтствіи своемъ Лорду Витворту, еще въ то время, когда онъ облеченъ былъ только сомнительною властію Перваго Консула! Кто зналъ Бонапарте, тотъ не можетъ допустить подобныхъ предположеній.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ Императора было такое блестящее, его горделивое чувство владычества достигло до такой высокой степе-

пени, что невозможно было подумать, что онъ поступалъ такъ изъ опасенія оскорбить Русскаго Императора; потому что, зная, какъ Государь сей былъ недоволенъ вторженіемъ въ Анзатическія земли, онъ немедленно отвѣтствовалъ на такое негодованіе, присоединивъ новый Департаментъ, состоящій изъ земель Реца, Мюнстера и Нейгаузена, и наименовалъ оный Линнскимъ Департаментомъ. Я сказала Дюрокъ о моихъ о семъ мысляхъ; я вросилъ его, умолялъ, изъ преданности къ Императору, дать ему почувствовать сколь безразсудно раздражать Россію еще новыми оскорбленіями; но Дюрокъ могъ только тужить вмѣстѣ со мною о послѣдствіяхъ необузданнаго честолюбія, которое онъ наконецъ ясно видѣлъ, и котораго онъ долженъ былъ сдѣлаться одною изъ самыхъ достойныхъ сожалѣнія жертвъ.

Надобно вспомнить, что онъ мѣ въ повѣрилъ тайну свою о Булонскомъ лагерѣ, единственно потому, что я ее угадалъ, и вообще отъ него можно было что нибудь узнать, или угадывая или когда у него что нибудь вырывалось въ минуты нескромныхъ разговоровъ.

Въ тогдашнее время пребыванія моего въ Парижѣ продолжали очень заниматься Пенинскою и Португальскою войною, и это было такое предпріятіе, на счетъ котораго прозорливость Іозефины ее необманула. Она обыкновенно-

но мало мѣшалась въ политическія дѣла, во первыхъ потому, что это не понравилось бы Наполеону, а во вторыхъ, что по вѣтренности своей она увлекалась суетными мыслями; но она была одарена, могу сказать, столь совершеннымъ врожденнымъ чувствомъ, что рѣдко ошибалась, говоря о томъ, хорошо или худо какое дѣло кончится для ея супруга, и я помню, что она тогда говорила мнѣ, что узнавъ о намѣреніи Императора отдать Испанскій тронъ Іосифу, она такъ была перепугана, что и сама не знала отъ чего такъ великъ былъ ея испугъ. Не знаю, какъ опредѣлить это врожденное чувство, которое заставляетъ усматривать будущее въ предчувствіяхъ; но вѣрно то, что Іозефина изъ всѣхъ кого я только зналъ, наиболѣе была одарена такимъ чувствомъ, и такой даръ былъ для нея пагубенъ, потому что она была несчастна и настоящимъ, и будущимъ. Я ѣздилъ къ ней часто въ Мальмезонъ, потому что Дюрокъ увѣрялъ меня, что Императоръ въ томъ не находилъ ничего худого, хотя онъ впрочемъ и могъ полагать, что въ нашихъ съ глазу на глазъ разговорахъ съ Іозефиною, мы не всегда его хвалили, и въ самой вещи его первый другъ, и первая жена, были очень извѣнительны, взаимно повѣря другъ другу свои жалобы.

Не смотря на то, что уже прошелъ цѣлый

годъ послѣ развода, горестъ была все еще свѣжа въ Иозефинномъ сердцѣ, и все способствовало къ ея увеличенію. «Повѣрите ли, любезный другъ, говорила она мнѣ часто, сколько мученій я должна была вытерпѣть съ самаго того пагубнаго дня, о которомъ я вамъ говорила; не понимаю какъ я еще жива? можете ли себѣ представить, какое было для меня мученіе, когда я видѣла вездѣ описанія сражденствъ? А въ первый разъ, какъ онъ пришелъ ко мнѣ послѣ своей женидьбы, какое свиданіе! и сколько слезъ онъ заставлялъ меня пролить. Тѣ дни, въ которые онъ прѣзжаетъ, для меня самыя мучительныя, потому что онъ меня не бережетъ. Съ какими жестокосердіемъ онъ говоритъ мнѣ о ребенкѣ, который ему родится! Понимаете ли, Буріеннъ, все, что въ этомъ для меня есть ненавистнаго. Гораздо бы лучше быть въ заточеніи за тысячу миль отсюда; однакоже прибавила она, нѣсколько друзей моихъ, останись мнѣ по прежнему преданными, и для меня теперь единственное утѣшеніе, когда удастся провести съ ними нѣсколько минутъ.» Истинно то, что она была очень несчастна и тогда еще не чѣмъ было утѣшать ее, кромѣ соболезнованія къ ея жалобамъ. Однакоже доскутки имѣли надъ нею еще такую власть, что проплакавъ съ четверть часа, она тотчасъ забывала свое

горе, чтобы принять модныхъ торговокъ или изобрѣтателей новыхъ уборовъ. При взглядѣ на шляпку, Юзефина дѣлалась только женщиною. Однажды я помню, что пользуясь минутою покоя, который доставилъ ей полный запасъ сихъ блестящихъ бездѣлушекъ, я не могъ удержаться, чтобы не поздравить ее съ счастливымъ вліяніемъ, какое онѣ на нее дѣлали: «Что вы хотите, любезный другъ, сказала она мнѣ, конечно мнѣ это должно быть все равно, «да такая у меня привычка.» Юзефина могла бы прибавить: и запятіе; безъ преувеличенія можно сказать, что если бы изъ жизни Юзефины исключить то время, которое она провела, проливая слезы и за туалетомъ, то число дней ея значительно бы уменьшилось.

Г Л А В А II.

Огромное пространство Имперіи, присяга Бонапарте Сенату — Сомнѣнія. — Измѣненіе нравовъ, законовъ и обычаевъ въ Европѣ.—Извѣстія изъ Италіи — Списокъ убитымъ и со сланнымъ въ Піемонтъ.—Характеръ Италійскій и характеръ Нѣмецкій.—Изрѣченіе Алжѣри о Испаніи.— Разкрытыя книги на письменномъ столѣ Бонапарте. — Удачи въ Испаніи.—Уронъ Массены въ Португаліи.—Дурное положеніе арміи, и славные поступки Мармонта—Въ Испаніи стяжали бесполезную славу—Собраніе Кортесовъ.—Свѣдѣнія, доставленныя мнѣ Дюрокомъ. — Упорство Наполеона за континентальную систему.—Исправленіе неумышленной забывчивости.— Слова мои Савари въ 1811 году. — Цѣлая Европа дѣлается жертвою континентальной системы. — Встрѣча съ Мюратомъ на Елисейскихъ поляхъ. — Характеръ Мюрата.—Откровенность. — Причины неудовольствія Мюрата.—Мюратъ угадываетъ намѣренія Наполеона относительно Италіи.—Скромность съ моей стороны.

Пока я оставался въ Гамбургѣ, дѣла Сѣверной Германіи и кое-какая переписка, занимали все мое время. По присоединеніи Анзѣатическихъ городовъ къ Имперіи, я обратился къ

частной жизни, и имѣлъ возможность узнать въ большей подробности о дѣлахъ на Югѣ Франціи или Европы, что сдѣлалось почти одно и тоже, съ тѣхъ норъ какъ Франція причислила Тибрскій Департаментъ къ своимъ Департаментамъ. Только десять лѣтъ прошло и, благодаря постояннымъ вторженіямъ въ чужія земли, можно было не выстуная изъ за границы Франціи, проходить огромное пространство, раздѣляющее устья Эльбы съ Остійскимъ портомъ; и едва минуло шесть лѣтъ, какъ Бонапарте, принимая отъ Сената Императорскую корону, столь торжественно объявилъ, что ни подъ какимъ видомъ не хочетъ дѣлать распространенія границы *Республики*. Если бы Наполеонъ былъ и такой человекъ, на котораго бы могло въ семь случаевъ найти сомнѣніе въ духовномъ отношеніи, то ему бы легко было найти между своими теологами, такого, который бы его тотчасъ успокоилъ, убѣдивъ отъ чистаго сердца, что онъ распространяетъ границы не Республики — Республики болѣе уже не существовало, а потому слѣдуетъ, что онъ выполнилъ обѣтъ свой какъ слѣдуетъ доброму христіанину.

Обширная Имперія представляла видъ напоминавшій болѣе владычество Римлянъ и побѣды Карла Великаго, чѣмъ привычки и политическія движенія новѣйшей Европы. Въ самой

вещи почти около двухъ вѣковъ до самой революціи, или лучше до восшествія Наполеона, не было значительныхъ измѣненій въ разграниченій Европейскихъ Государствъ. Во время владычества Наполеона все было внезапно измѣнено; обычаи, нравы, законы, замѣнились новыми законами, нравами и обычаями, предписанными силою, и все это составляло разнородную массу, которой надлежало очевидно разрушиться, когда бы эта сила утратила свое дѣйствіе. Въ Парижѣ я видѣлъ еще нѣсколько изступленныхъ; но какъ бы они сбавили своего удивленія, если бы покинувъ средоточіе круга, отдалились отъ онаго въ какомъ либо направленіи! Италія была такъ угнѣтена, что, какъ я узналъ отъ одной достойной довѣрія особы, если бы армія Принца Евгенія, вмѣсто того, чтобы одержать побѣду, потерпѣла поражение въ Шавѣ, то возстаніе, тайно приуроченное, долженствовало открыться въ одно время и въ Пиемонтѣ, и въ самой Италіи, гдѣ впрочемъ большая часть жителей отдавала справедливость прекраснымъ качествамъ Евгенія. Я также узналъ положительнымъ образомъ, что уже составлены были списки о тѣхъ Французахъ, которыхъ надлежало перерѣзать, и о тѣхъ, которые найдя случай смягчить жестокость повелѣній Императорскаго Правительства, были бы только выпровождены за границы. Я безъ

труда повѣрилъ всему, что мнѣ говорили о такомъ расположеніи Италіянцевъ, потому что я помнилъ еще столько характеръ ихъ, и не могъ не знать, что причины замѣченнаго мною въ Германіи неудовольствія были повсюду однѣ и тѣже; онѣ произвели бы слѣдствія, которыя бы обнаружилась сообразно съ различіемъ характеровъ — возмущеніе было столь же свойственно Италіянцамъ, какъ покорность добрымъ моимъ Нѣмцамъ и отчаянное неистовство Испанскому народу. При этомъ случаѣ нельзя не припомнить словъ Алфіери: въ одномъ его сочиненіи, изданомъ за пятнадцать лѣтъ до Испанской войны, онъ кидая взглядъ на разные Европейскіе народы, видитъ, что только «въ одномъ Испанскомъ народѣ осталось до-вольна энергіи, чтобы бороться противъ чужеземнаго ига.» Если бы я находился еще при Наполеонѣ, то навѣрное, прибѣгнувъ къ одной невинной хитрости, которую я употреблялъ нѣсколько разъ съ успѣхомъ, подожилъ бы на его бюро книгу Алфіери, раскрывъ ей на той страницѣ, которую бы я хотѣлъ заставить его прочесть. Иногда онъ не обращалъ вниманія на книгу, но когда раскрывалъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ была закладка то рѣдко случалось, чтобы не раздумалъ о мысли, которая случалась въ какомъ нибудь соотношеніи съ

господствующими въ то время въ умѣ его мыслями.

Какъ бы то ни было, мнѣніе Алфіери объ Испанскомъ народѣ, на дѣлѣ оправдалося какъ нельзя болѣе, и признаюсь, что не могу безъ содроганія вспомнить о потокахъ крови оросившихъ полуостровъ этого народа — и для чего?—чтобы сдѣлать Юсіфа Бонапарте Королемъ.

1811 годъ начался довольно благопріятнымъ образомъ Французскому оружію въ Испаніи; въ самый первый день года сего Маршалъ Сюше взялъ городъ Тортозу, и почти въ то же время мы пріобрѣтали значительныя выгоды въ Португаліи; тамъ въ теченіи Генваря мѣсяца Порто и Оливенца достались во власть Французамъ, бывшимъ подъ командою Генерала Жирара; мы имѣли и другія выгоды, какъ-то взятіе Пардалераса и Геборское сраженіе, данное Герцогомъ Далматскимъ. Но въ началѣ Марта счастье перемѣнилось. Герцогъ Беллунскій, не смотря на храбрость войскъ своихъ, не могъ умилостивить это непостоянное счастье въ день сраженія при Шихланѣ, и съ самаго этого дня Французская армія не могла ничего предпринять противъ Англо-Португальской арміи. Самъ Массена, не смотря на титулъ Эслингенскаго Князя полученный имъ подъ стѣнами Вьны, въ послѣднемъ сраженіи,

не былъ уже любимымъ дитятею побѣды, какъ въ Цюрихѣ.

Говоря о Массенѣ, я радъ случаю сказать, что онъ не былъ приверженцемъ сдѣланнаго при основаніи Имперіи измѣненія въ образѣ правленія. Массена любилъ очень двѣ вещи: славу и деньги; что касается до такъ называемыхъ почестей, то онъ заботился только о тѣхъ, которыя происходятъ отъ командованія арміею; онъ возносился еще воспоминаніями къ Республикѣ, потому что Республика напоминала ему самыя славныя эпохи блестящаго его военного поприща. Онъ былъ изъ числа тѣхъ Маршаловъ, которымъ бы хотѣлося видѣть конецъ честолюбія Бонапарте, и конечно, онъ такъ довольно сдѣлалъ съ самаго начала войнъ Республики, что имѣлъ полное право желать покоя — къ тому же тогдашнее его здоровье того требовало. Что могъ онъ сдѣлать противъ Англичанъ въ Португаліи? Соединенныя Англійскія и Португальскія силы съ каждымъ днемъ увеличивались, а наши уменьшались. Англии ничего не стоило обезпечить себя успѣхъ въ завязавшейся великой борьбѣ, и такъ какъ она не жалѣла денегъ, то ея армія, производя исправно платежи не имѣла недостатка ни въ продовольствіи, ни въ амуниціи, а это обстоятельство принуждало и Французскую армію платить за свое продовольствіе, на

того конца, чтобы жители не стали рѣшительно держаться сторовы Англичавъ; а средствъ къ тому такихъ же совсемъ не имѣли. Это самое даже не помѣшало вспыхнуть во многихъ мѣстахъ частвнымъ возстаніямъ, отъ чего сношенія съ Франціею сдѣлались чрезвычайно затруднительны; вооруженные шайки захватывали безпрестанно нашихъ солдатъ, когда они были гдѣ въ незначительномъ числѣ, а присутствіе Англійскихъ войскъ, съ помощію денегъ, которыми здѣсь они такъ и сорили, раздражало противъ насъ умы жителей—никому не придетъ въ голову, чтобы Португалія, безъ пособія Англій, могла хотя на краткое время противустоять Франціи. Сраженіе, дурное время года, лишенія, даже нищета, изнурили Французскую армію и ей надобно было дать отдыхъ, хотя предпріятія ея должны были остаться безъ успѣха; въ такомъ положеніи дѣлъ Массена былъ отозванъ, потому что здоровье его было такъ растросно, что ему физически было невозможно употребить довольно дѣятельности на то, чтобы поставить армію на порядочную ногу.

Въ сихъ обстоятельствахъ Наполеонъ послалъ Бертрана въ Иллирію на мѣсто Мармона, а Мармонъ заступилъ мѣсто Массены въ Португаліи. При вступленіи въ командованіе войсками, Мармонъ нашелъ ихъ въ жалкомъ состояніи. Труд-

ность въ добываніи продовольствія, была чрезвычайна, а средства, какія къ тому употребляли, еще усугубляли то, что было въ положеніи арміи ужаснаго; въ тоже время замѣнительство и неподчиненность достигли до такой степени, что описывать было бы и больно, и трудно. Мармону удалось своими поступками устроить дѣла, и онъ вскорѣ имѣлъ подъ своею командою довольно порядочную армію, изъ тридцати тысячъ пѣхоты, съ сорока орудіями артиллеріи; кавалеріи собралъ онъ очень не много, да и въ той были предурныя лошади.

Происходившее въ Испаніи въ началѣ 1811 года, мало чѣмъ разнилось отъ того, что было въ Португаліи; сначала повсемѣстные успѣхи, но за нихъ платили такъ дорого, что легко можно было предвидѣть, какое будетъ окончательное слѣдствіе этой борьбы, потому, что коль скоро народъ дерется въ своей землѣ за свою независимость, то всегда войска нападающія уменьшаются, а въ тоже время толпы народа, вооружаяся и ободряясь успѣхами, увеличиваются гораздо въ болѣе замѣтельной соразмѣрности. Нельзя тотчасъ замѣнить уничтоженный полкъ, тогда какъ вызженная деревня, у народа полнаго энергіи, заставляетъ жителей цѣлой провинціи приняться за оружіе. Напрасно Суллетъ и Суше покрыли славою и себя, и войска свои при Тортозѣ, Оливенцѣ, Геборѣ; въ

Бадайозъ эта слава, обогрнная Испанскою кровію долженствовала быть бесполезною; возстаніе для Испанцевъ сдѣлалось священнымъ долгомъ, которому недавнее собраніе Кортесовъ на островѣ Леонѣ давало видъ, такъ сказать, законности, потому что Испанія находила въ воспоминаніи древней своей свободы по крайней мѣрѣ тѣнь правленія, средоточіе, къ которому могли стрѣмиться защитники земли полуострова.

Въ Парижѣ Испанская война была предметомъ большой части разговоровъ; но всѣ были въ сомнѣніи, потому что всякой зналъ, что извѣстіямъ изъ арміи было нельзя вѣрять. Я узналъ отъ Дюрока, что Испанская война много способствовала къ его разочарованію; я помню, что онъ мнѣ сказалъ однажды: «хорошія вѣсти изъ Испаніи получаемыя, меня устрашаютъ почти также, какъ и дурныя; эта страна «будетъ наконецъ пагубною Императору,» Дюрокъ увѣрилъ меня тогда, что Императоръ не одинъ разъ объяснялъ ему свое сожалѣніе о томъ, что ввязался въ эту войну; но съ той поры, какъ пришлось драться съ Англичанами, ни какое уваженіе ни могло принудить его отказаться отъ своего намѣренія, тѣмъ болѣе потому, что цѣлю тогдашнихъ всѣхъ его дѣйствій было намѣреніе защитить честь своей континентальной системы. Я объяснился съ Дюрокомъ по

по сему предмету, точно также какъ дѣлалъ то со всѣми съ кѣмъ говорилъ, какъ дѣлалъ столько разъ съ Герцогомъ Ровиго, и какъ дѣлаю въ моихъ Запискахъ.

Въ отношеніи этой достойной сожалѣнія континентальной системы, я припоминаю теперь одно обстоятельство, которое я невольно упустилъ изъ виду, описывая совѣщанія мои съ Савари, въ послѣдствіе коихъ, я принялъ на себя пригласить Г. Лафитта къ Министру. Я нашелъ въ одной запискѣ, которую считалъ затерянною, одно обстоятельство, имѣющее отношеніе къ бывшему у насъ съ Савари разговору—вотъ вѣрная выписка изъ этой записки.

Говоря съ Савари о континентальной системѣ, я ему высказалъ, все, что думалъ объ ней худаго. Вчера (*) я убѣждалъ его повидаться съ Г. Лафиттомъ, видя, что онъ почти совершенно убѣжденъ въ томъ, какой ненависти, какого посмѣянія достойна континентальная система. «Савари отвѣчалъ мнѣ: «Ты правъ, я думаю, что я хорошо сдѣлаю если повидажусь съ Лафиттомъ, но Императоръ его не любитъ; его политическія правила ему не нравятся; на него часто дѣлаютъ доносы, которые я опровергать стараюсь.» Я возразилъ Министру: «однако за

(*) Записка моя была начерно написанная бумага безъ числа и я не знаю, къ какому дню относится это вчера, но оно должно было въ Февраль 1811 года.

«мѣтъ, что я тебѣ не говорю ни о дружбѣ, ни о установленіяхъ, ни о политикѣ; я говорю тебѣ о деньгахъ. Лафиттъ можетъ ошибаться въ такихъ вещахъ, которыя не положительны, но въ финансахъ, увѣряю тебя, онъ смыслитъ болѣе твоего патрона, и все что должно сказать о познаніяхъ его въ финансахъ таково же, чего заслуживаетъ его прямотушіе. Ты знаешь, что я часто тебѣ говаривалъ, что Императоръ ничего не смыслитъ въ общественномъ кредитѣ, въ курсѣ, въ биржевыхъ оборотахъ; поговори съ Г. Лафиттомъ—это тебѣ «послужитъ къ добру.» Сіе, повторяю я, извлечено изъ записки, составленной мною на другой день послѣ этого разговора, и тогда же мнѣ поручено было отъ Савари попросить Г. Лафитта къ нему; мы всѣ трое имѣли продолжительное совѣщаніе, котораго подробности и послѣдствія я объяснилъ въ предъидущемъ томѣ.

Какъ можно отрицать, что эта ненавистная система была причиною, если не предварительнаго паденія Наполеона, то по крайней мѣрѣ послѣдственности сего паденія, когда принять вразсужденіе блестящее положеніе Имперіи въ 1811 году, и то дѣйствіе, какое сія система произвела почти вдругъ во всей Европѣ, изрывъ пропасть подъ трономъ, самымъ сильнымъ, по которому посреди его силы и пышности приходилось существовать еще только три года.

Я сказалъ, что въ Испаніи Наполеонъ защищалъ континентальную систему, и въ этомъ нѣтъ сомнѣній, потому что удалось его удостовѣрить, что эта система, при строгомъ ея соблюденіи, убьетъ Англійскую торговлю; къ тому же я слышалъ отъ Дюрока такую вещь, которая въ этомъ отношеніи немаловажна: Наполеонъ сказалъ ему однажды: «Я не хлопочу болѣе о томъ, чтобы Юсифа сдѣлать Испанскимъ Королемъ, да и самъ онъ о томъ не думаетъ. Я посажу на этотъ тронъ перваго, кто мнѣ попадется на глаза, только бы онъ могъ запретить свои порты Англичанамъ» Что, съ другой стороны, озаботило Имперію обладаніемъ Голландіею? Уирямая воля Императора заставитъ Голландцевъ перенести бѣдствія, имѣющія связь съ его пагубною системою. Къ чему было присоединеніе Анзатическихъ городовъ къ Имперіи? все для той же цѣли. Какое несообразное съ политикою нествозство могло поудить Наполеона къ завладѣнію герцогствомъ Ольденбургскимъ, не смотря на то, что Приицъ Ольденбургскій былъ зять Императора Александра? опять строгое соблюденіе континентальной системы. Здѣсь, я не скрываю самъ отъ себя, что родственныя связи очень не надежны въ политическихъ дѣлахъ; это въ послѣдствіи доказалъ Наполеонъ на опытѣ; но они могутъ съ удачею служить предлогомъ

тѣмъ, кто подъ видомъ требованія къ нимъ уваженія, въ самой вещи повинуются только потребности ихъ политики; а политика Россіи, Швеціи, Даніи и Пруссіи состояла тогда въ томъ, чтобы уклониться отъ ненасытныхъ требованій Наполеоновыхъ.

Родственныя связи давали достойный уваженія видъ ополченію Россіи; но какъ же уважалъ Бонапарте такія связи въ отношеніи къ брату своему Людовику? Это видѣли; какъ бы ему уважать ихъ къ Мюрату, когда было время, что онъ находилъ его неслишкомъ хорошей породы, къ тому чтобы сдѣлаться зятемъ Перваго Консула, а послѣ сдѣлалъ его Неаполитанскимъ Королемъ? Онъ хотѣлъ также наложить на него иго своей ненавистной континентальной системы, и принудить его къ тому, что все бремя этой системы легло всею тяжестію на народъ, къ управленію которымъ онъ самъ его призвалъ.

Мюратъ пріѣхалъ, чтобы присутствовать при разрѣшеніи отъ бремени Императрицы; во время пребыванія его въ Парижъ, я съ нимъ видѣлся часто, потому что мы всегда были хороши другъ съ другомъ, и надобно ему отдать справедливость въ томъ, что онъ представлялъ изъ себя Короля только съ своими служителями и съ такими людьми, которые его не знавали до полученія имъ Королевскаго сана. Во-

семь или десять дней спустя по рожденіи Римскаго Короля, событіи, о которомъ, я хотя и немного, но буду говорить ниже, когда я проходилъ утромъ часу въ девятомъ по одной аллеѣ Елиссейскихъ полей, идущей вдоль садовъ предмѣстія Сень-Гопоре, ко мнѣ вдругъ подошла Мюратъ, котораго я прежде не замѣтилъ. Онъ былъ одинъ, въ длинномъ синемъ сюртукѣ; мы были противъ самого сада невѣстки его Принцессы Боргезской:—«Ну, Буріеннъ, сказалъ мнѣ Мюратъ послѣ взаимныхъ привѣтствій, «что ты теперь подѣлываешь?» Я рассказалъ ему, какую со мною сыгралъ штуку Наполеонъ, который для того, чтобы я не былъ въ Гамбургъ, когда туда дойдетъ декретъ о присоединеніи, призвалъ меня въ Парижъ, подъ наружнымъ видомъ довѣренности. Мнѣ кажется, что и теперь еще гляжу на прекрасное и полное живости лице Іоахима, когда онъ слыша, что я называю его Государемъ и Его Величествомъ, сказалъ мнѣ: «Ну, полно любезный Буріеннъ, развѣ мы не по прежнему старые товарищи. Императоръ неправъ противъ тебя! Да противъ кого же онъ не таковъ? Его не смилость право лучше милости; такъ дорого онъ заставляетъ за нее платить! Онъ говоритъ, «что сдѣлалъ насъ Королями, да развѣ не мы «его сдѣлали Императоромъ! Послушай, любезный другъ, я тебя давно, и хорошо знаю, а

«потому и могу тебѣ объявить мой образъ мыслей: Моя шиага, моя кровь, моя жизнь принадлежатъ Императору: пускай онъ призываетъ меня на поле брани, сражаться съ его врагами и съ врагами Франціи—перестану быть Королемъ и по прежнему дѣлаюсь Маршаломъ Имперіи, но пускай онъ отъ меня не требуетъ болѣе. Въ Неаполѣ я хочу быть Неаполитанскимъ Королемъ, и ни какъ не намѣренъ жертвовать жизнию, счастьемъ и выгодами моихъ подданныхъ, его ложнымъ расчетамъ. Онъ и не думай поступать со мною такъ, какъ поступалъ съ Людовикомъ! Я готовъ защищать, если надобно, даже противъ него самого, права народа, надъ которымъ онъ мнѣ вручилъ правленіе. Развѣ я авангардный Король! . . .» Эти послѣднія слова въ особенности мнѣ показались примѣчательны въ устахъ Мюрата, который всегда служилъ въ авангардѣ нашихъ армій, и выразилъ, по моему мнѣнію, очень удачно подобіе, какое было между нимъ какъ Королемъ, и какъ солдатомъ.

Я прогуливался съ Мюратомъ около полуса. Въ продолженіи нашего разговора онъ не скрылъ отъ меня, что со стороны Наполеона для него всего обиднѣе то, что онъ подвинувъ его впередъ, потомъ покинулъ. «Когда я пріѣхалъ въ Неаполь, сказалъ онъ мнѣ еще, меня извѣстили, что я буду убитъ. Что же я сдѣ-

«Маль? въѣхалъ въ Неаполь, одинъ, среди благо-го дня, въ открытой коляскѣ, и право лучше бы хотѣлъ, чтобы меня убили въ первый день, чѣмъ жить въ безпрерывномъ страхѣ, что меня убьютъ. Я тотчасъ попытался сдѣлать «экспедицію противъ острова Исхія, и она уда-лась. Предпринялъ такую же экспедицію про-тивъ Сициліи, и она, я увѣренъ, удалась бы «мнѣ также, если бы Императоръ исполнилъ «свое обѣщаніе и прислалъ бы изъ Тулона «флотъ, чтобы способствовать моимъ дѣйстви-ямъ; но онъ отмѣнилъ данное о томъ приказа-ніе: *Онъ поступилъ какъ Мазаринъ и хотѣлъ «меня трактовать, какъ удалого Герцога Гиз-скаго.* Теперь я вижу, чего онъ хочетъ. Съ «тѣхъ поръ какъ у него есть сынъ, котораго «онъ наименовалъ Римскимъ Королемъ, онъ ду-маетъ самъ про себя, что Неаполитанская ко-рона у меня на головѣ только на сохраненіе. «Онъ считаетъ Неаполь иначе, какъ за буду-щую прибавку къ Римскому Королевству, съ «которымъ, я вижу, онъ намѣренъ совокупить «всю Италію; но если онъ доведетъ меня до «крайности, то я или ему въ томъ воспрепят-ствую, или погибну съ оружіемъ въ рукахъ.»

Я имѣлъ благоразуміе, или по крайней мѣ-рѣ скромность, не говорить Мюрату, какъ вѣр-но угадалъ онъ намѣренія Наполеона и виды его на Италію, какъ я то объяснилъ прежде;

но когда онъ дошелъ до континентальной системы, которая была для меня предметомъ самымъ важнымъ, или, какъ говорить Стернъ, моимъ *кожькожь*, то я высказалъ ему все точно также, какъ наследному Шведскому Принцу, и я видѣлъ, что онъ, какъ нельзя болѣе готовъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, что достаточно доказалъ на опытъ. Дѣйствительно континентальная система положила конецъ тому, что было нераздѣлимаго у Мюрата съ Наполеономъ и заставила новаго Неаполитанскаго Короля искать союза съ Государями, бывшими въ войнѣ съ Франціею. По этому предмету судили розно: что касается до меня, то изъ всѣхъ пересудовъ я могу заключить, что Маршалъ Имперіи былъ виновать, а Неаполитанскій король правъ.

Г Л А В А III.

Новые титулы и старыя имена.—Сила привычки.—Презрѣніе, какое имѣлъ Фуше къ своему Герцогскому титулу.—Отсутствіе Фуше изъ Парижа.—Стихи на бракосочетаніе Наполеона, заказанные Министромъ Фуше.—Добрыя на мѣренія Савари въ отношеніи къ литераторамъ.—Жаръ пѣвцовъ придворныхъ.—Раздача наградъ въ Полиціи.—Пѣвцы-хвалители, и нѣкоторыя исключенія.—Шатобрианъ и Лемерсье.—Смерть Шенье и его пріемникъ.—Предметъ разговоръ во всемъ Парижѣ.—Всеобщія заключенія о назначеніи Шатобриана и о его рѣчи.—Похвала невозможному царевѣйству.—Коммисія судить рѣчь.—Два партіи въ Академіи.—Наполеонъ читаетъ Шатобрианову рѣчь.—Негодование и угрозы.—Возобновленіе давнихъ обидъ и причины запрещенія Меркурія.—Сравненіе Бонапарте съ Нерономъ.—Мое по этому предмету мнѣніе.—Разница между дѣйствіями и словами.—Воспоминанія.—Два ваканціи въ Институтъ.—Гг. Лемерсье и Эменаръ.—Двойное представленіе Императору.—Страшность и гнѣвъ.

Прошу прощенія у Принцевъ и Герцоговъ Имперіи въ томъ, что часто, говоря объ нихъ, я называю ихъ республиканскими импами; право

это съ моей стороны не жеманство, по которому бы хотѣлъ отказывать имъ въ титулахъ, столь заслуженныхъ болышею ихъ частію, и за которые многіе изъ нихъ заплатили своею кровію на поляхъ брани—это просто дѣйствіе привычки. По привычкѣ, разговаривая съ Іозефиною о Императорѣ, мы всегда называли его Бонапарте. Не могу порядочно растолковать, по чему я помѣщаю здѣсь такое разсужденіе: я думаю потому что оно пришло мнѣ на умъ; и другія размышленія, нечаянно вкрадывающіеся въ мой разсказъ, не имѣютъ другой побудительной причины кромѣ самоохотности, отъ которой я даже не стараюсь остерегаться. Въ семь отношеній Маршалы гораздо менѣе дорожили дворянскими титулами, чѣмъ Герцоги и Графы, изъ статской службы. Изъ всѣхъ дѣтей Республики Рено де Сепъ-Жанъ-д'Анжели, всѣхъ болѣе радъ былъ своему Графству; а изъ всѣхъ отцевъ революціи никто не имѣлъ такого презрѣнія, какъ Фуше къ своему титулу Отрантскаго Герцога: онъ порадовался ему только однажды, но это было послѣ паденія Имперіи, а въ какихъ обстоятельствахъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ въ моихъ Запискахъ.

Я сказалъ уже, что я не любилъ Фуше, и видѣли за что; я не могъ терпѣть въ немъ той необходимости, какую онъ чувствовалъ сдѣлать изъ Полиціи Правительство въ Правительствѣ.

по моему возвращеніи его не было уже въ Парижѣ, но я не разъ имѣлъ случай говорить объ этой знаменитой особѣ съ Савари, котораго по сей часъ вышеприведенной мною причинѣ, я не всегда называю Герцогомъ Ровиго. Савари больше всякаго другаго былъ въ состояніи знать про его дживныя средства управленія, по тому что онъ занялъ его мѣсто. Фуне, подъ предлогомъ поощренія литераторовъ, хотя и зналъ, что Императоръ ихъ не любитъ, какъ я то нѣсколько разъ имѣлъ случай доказывать, ни очемъ такъ не заботился, какъ о томъ, чтобы нанести имъ безчестіе, заставляя ихъ писать стихи по заказу. Можно было также замѣтить, что изъ того, какую жестокою ненависть питалъ Бонапарте къ этому во всѣхъ обществахъ уважаемому классу людей, не должно заключать, чтобы онъ хотѣлъ сдѣлать публику повѣреннымъ такой своей ненависти. Впрочемъ кто посвящаетъ перо свое исключительно на восхваленіе его славы и величія, тотъ могъ быть увѣренъ, что его сочиненіе будетъ принято съ благоволеніемъ, а въ такихъ людяхъ, какъ извѣстно, недостатку у него небыло. Какъ съ одной стороны Карломанъ и Людовикъ XIV обязаны были отчасти блескомъ своего царствованія тому сілцію, которымъ озарила литература ихъ дѣланіа, то и онъ хотѣлъ казаться ихъ покровителемъ, только съ тѣмъ, чтобы сочинители

не касались никогда предметовъ высшей философіи, независимости человѣка и правъ народныхъ и политическихъ. Что касается до ученыхъ, то это было другое дѣло—онѣ ихъ уважали искренно, собственно же называемыхъ литераторовъ онѣ почитали только въичкомъ Императорской еяеи короны.

Женидба Императора на Австрійской Эрдгерцогниѣ привела въ восторгъ всѣхъ стихотворцевъ придворныхъ, и въ этой борьбѣ хваленій и наущицествъ, должно признаться, что ложные боги были побѣждены истиннымъ Богомъ, потому что не смотря на ихъ исполненные обожанія стихи, ни одному изъ Аполлоновыхъ учениковъ, какъ они ни бились, не удалось добиться Епископскаго сана. При этомъ случаѣ Савари, который столько любилъ Императора, что хотѣлъ сдѣлать чтобы всѣ отголоски его славы дышали тою же любовію, занялся въ особенности литераторами. Онѣ уверялъ меня, что большая часть стиховъ наводившихъ Парижъ по случаю бракосочетанія, были заказаны его предшественникомъ, и я этому легко вѣрилъ: Герцогу Ровиго поручена была задача сочинителямъ хвалебныхъ произведеній знаковъ монаршей щедрости. Этимъ господамъ надобно было бы подумать, что одно имя Герцогскаго Министерства было для нихъ поношеніемъ.

Я не былъ, какъ видѣли уже, въ Парижѣ во время бракосочетанія Наполеона съ Маріею Луизою; но былъ тогда какъ родился Римскій Король, и могъ судить, по избыточно пѣвцовъ хвалителей при этомъ случаѣ, что такое было въ прошломъ году. Я далекъ отъ того, чтобы осуждать Правительство за то, что оно даетъ пенсїи и награды сочинителямъ, но я бы хотѣлъ, чтобы ихъ давали за произведенія полезныя, а не за фиміамъ возжениый въ похвалу Монарха; но лезть есть болѣзнь человеческого ума, началась она при созданіи міра, и кончится не иначе какъ съ нимъ же. Въ такія времена, когда необходимость возвыситься, желаніе сдѣлаться вѣстнымъ, поработаютъ пѣкоторые умы, есть что-то тонкое въ уваженіи публики и оно имѣетъ отношеніе къ людямъ высшаго ума, которыхъ перо остается независимымъ, посреди всеобщаго совращенія. Таковы были Лемерсе, Шатобріанъ. Я былъ въ Парижѣ весною 1811 года, когда по смерти Шенье, бывшій во второмъ классѣ Института, въ большомъ числѣ, друзья Г. Шатобріана думали, какъ бы сдѣлать его преемникомъ покойнаго. Это было уже не одно литературное событіе, потому что высокая репутація Г. Шатобріана, не только превзошла репутацію самыхъ вѣстныхъ литераторовъ, но воспоминаніе о похвальномъ поведеніи его во время смерти

Герцога Энгіенскаго, было еще у всѣхъ въ свѣжей памяти, а къ тому же кто не зналъ о несонзмѣримой разности въ мнѣніяхъ, которая раздѣляла Шенье отъ Г. Шатобріана. Я имѣлъ случай говорить тогда объ этомъ съ Г. Фонтанемъ, который очень большое принялъ участіе въ томъ, чтобы сей выборъ состоялся, и, если не ошибаюсь, такъ онъ уговорилъ Г. Шатобріана представиться—обрядъ необходимый и, по моему, очень забавный, но безъ котораго академическое достоинство почло бы для себя за уничиженіе, сдѣлать по собственной своей волѣ избраніе чловѣка съ гениемъ. Я долженъ прибавить, что говорилъ объ этомъ съ Савари, который изъявилъ величайшую готовность ходатайствовать, чтобы Императоръ не воспротивился такому выбору, и я помню, какъ онъ гордился тѣмъ, что не встрѣтилъ дальнихъ препятствій.

Г. Шатобріанъ представился къ избранію на мѣсто Шенье, получилъ въ свою пользу большинство голосовъ и былъ избранъ членомъ Института. Тутъ-то открылось въ Парижѣ поле разнымъ заключеніямъ; старался разгадать, какъ сочинитель книги О духѣ Христіанства, вѣрный защитникъ Бурбоновъ, могъ принудить свое краснорѣчіе до такой степени, чтобы произнести похвалу царсубійству, и всѣ кто только сохранилъ у себя въ памяти тогдашнее

время, должны вспомнить, что это тогда былъ предметъ, о которомъ разсуждать вездѣ было обязанностію. День пріема новаго члена Института наступилъ; но онъ дерзнулъ говорить въ своей рѣчи, съ которой нѣсколько списковъ ходили по рукамъ въ Парижъ и которую я тогда читалъ (*) о смерти Лудовика XVI, и возставать противъ царевубійствъ. Это бы не могло не понравиться Бонапарте; но Г. Шатобрианъ обнаруживалъ также мысли въ пользу свободы, которая, говорилъ онъ, имѣеть убѣжище у писателей, когда се изгоняютъ изъ политическаго сословія. Все это было слишкомъ дерзко по тогдашнему времени, потому, что если Наполеонъ въ тайнѣ и доволенъ былъ тѣмъ, что отважное перо мараетъ имя судей Лудовика XVI, но они всё занимали высокія въ Государствѣ должности. Камбассересъ былъ второе лице въ Имперіи, хотя отъ перваго былъ очень отдаленъ; Мерлинъ де Дуэй былъ человекъ всемогущій; извѣстно до какой степени свобода была заглушена и прикрыта обманчивымъ и ослѣпительнымъ дымомъ, который называютъ славою.

Я описываю здѣсь эти подробности, хотя изъ нихъ нѣкоторыя я узналъ уже по возвращеніи моемъ изъ предположенной поѣздки въ Гамбургъ; 29 Апрѣля составлена была комми-

(*) Я послѣ узналъ, что эти списки были невѣрны.

сія для разсмотрѣнія Шатобріановой рѣчи, а я уѣхалъ изъ Парижа три или четыре дня спустя. Въ тотъ день, когда назначена была коммисія, я завтракалъ, кажется, у Герцога Ровиго, котораго я навѣщалъ раза по три и четыре въ недѣлю. Гг. Суарь, Сегюръ, Фонтанъ и еще два или три члена Института тогоже класса, имена которыхъ я позабылъ, полагали, что рѣчь можетъ быть произнесена; но большинство членовъ были противнаго мнѣнія. Когда Наполеонъ узналъ о происшедшемъ, то потребовалъ рѣчь, которую ему представилъ Г. Дарю. Прочитавъ ее, онъ вскричалъ: «Если бы эта рѣчь была произнесена, то я бы велѣлъ «заложить стѣны Института, а Шатобріана на всю жизнь бросить въ яму.» По пріятности такого восклицанія, которое въ послѣдствіи мнѣ пересказали, а Дюрокъ и подтвердилъ, я тотчасъ узналъ врожденную горячность Бонапарте, въ особенности въ первыхъ движеніяхъ его гнѣва. Гроза продолжалася долго; наконецъ стали искать средствъ къ примиренію. Императоръ требовалъ, чтобы Шатобріанъ сочинилъ другую рѣчь, но тотъ рѣшительно отказался, не смотря ни на какія угрозы. Услужливыя особы вмѣшались въ это дѣло: Госпожа Гей просила Г-жу Репо де Сен-Жанъ-д'Анжели, которая убѣдила своего мужа въ пользу творца книги: О духъ Христіанства. Монталиве и Са-

вари дѣйствовали при семъ случаѣ также самымъ благороднымъ образомъ, и успѣли угнѣшить первые порывы гнѣва Императора; но имя Шатобріана безпрестанно ему напоминало тѣ обстоятельства, по которымъ онъ ему далъ отставку; къ тому же Наполеону, послѣ того, и еще представилась другая причина на него досадовать. Г. Шатобріанъ напечаталъ въ Меркуріѣ статью о путешествіи, совершенномъ Александромъ Лабордомъ; статью эту читали на перехватъ во всемъ Парижѣ, что заставило запретить Меркурій. Въ этой статьѣ замѣтили знаменитое изрѣченіе, которое такъ часто послѣ повторяли: «Тицегио Неронъ торжествуетъ; Тацитъ уже родился въ Имперію.» По случаю сего изрѣченія, которое мнѣ пришло на память, я не могу не повторить сказаннаго уже, кажется, мною, то есть, что въ сравненіи Бонапарте съ Нерономъ было чрезвычайное преувеличеніе: честолюбіе могло заставить его быть слѣпымъ къ преступленіямъ политическимъ, но въ домашней жизни никто не былъ менѣе его жестокъ и кровожаденъ; не смотря на высокое уваженіе мое къ дарованію и характеру Г. Шатобріана, никакая сила человѣческая не можетъ заставить меня согласиться съ такимъ сравненіемъ; но осуждая это сравненіе, я дивлюсь отважности, съ какою оно сдѣлано во время Наполеонова всемогущества. Доказатель-

ствомъ тому, что онъ не походилъ на Перона, служить то, что въ семь случаевъ гнѣвъ его разразился только словами противъ сочинителя статьи. — «Какъ! вскричалъ онъ, развѣ Шатобріанъ думаетъ, что я дуракъ, и что его не «понимаю? Да если онъ неуймется, такъ я велю «его изрубить въ куски на ступеняхъ лѣстницы Тюліерійскаго дворца.» Я узнаю въ этихъ словахъ Наполеона; но то что онъ сказалъ въ гнѣвѣ, Перонъ бы выполнилъ на дѣлѣ, а въ подобномъ обстоятельстве надобно признаться, что есть нѣкоторая разница между словами и дѣломъ.

Рѣчь Г. Шатобріана оживила воспоминанія Наполеона и обновила въ немъ сильную противъ его ненависть; онъ получилъ повелѣніе выѣхать изъ Парижа. Г. Дарю возвратилъ сочинителю въ Сен-Клу, рукопись, которая была у Наполеона; онъ самъ въ ней рвалъ листы и по мѣстамъ маралъ карандашемъ; не зная этой рукописи, я смѣю увѣрять, что слова о свободѣ были не изъ числа тѣхъ, которыя Императорскій карандашъ пощадилъ. Какъ бы то ни было распустили письменныя копія съ рѣчи, которая была измѣнена и изуродована; меня увѣряли, что она была даже напечатана однимъ тисненіемъ, только мнѣ не удавалось видѣть ни одного экземпляра; я не нашелъ этой рѣчи и въ собраніи сочиненій Г. Шатобріана, и я изъ

сего заключаю, что авторъ еще не разсудилъ сдѣлать ее извѣстною свѣту.

Таковы были главнѣйшія обстоятельства избранія Г. Шатобриана въ Институтъ; теперь я могу разсказать другія такого же рода обстоятельства, относящіяся къ избранію стариннаго и постояннаго посѣтителя Малмезона, Г. Лемерсье; въ нихъ усмотрятъ одну изъ тѣхъ странностей, которыя столь часто происходили отъ характера Бонапарте.

Съ самого основанія Имперіи, Г. Лемерсье пересталъ вѣдѣть и въ Тюліери, и въ Сен-Клу, и въ Малмезонѣ, гдѣ мы часто видалися въ гостиной Г-жи Бонапарте, когда она еще не надѣялася сдѣлаться государынею. Въ одно и тоже время открылись двѣ вакансіи во второмъ классѣ Института, гдѣ существовала еще сторона свободы. Эта сторона не имѣя возможности избрать двухъ членовъ удовольствовалась избраніемъ одного, съ взаимнымъ условіемъ, что она приметъ охотно кандидата, который назначенъ будетъ стороною правительства съ тѣмъ, чтобы она также не прогивилась выбору стороны свободы. Свободные мужи Института обратили взоръ на Г. Лемерсье, но такъ какъ имъ была извѣстна и старинная связь его и разстройка съ Бонапарте, то хотѣли напередъ знать, точно ли онъ не сдѣлаетъ чего такого, чтобы могло навлечь ихъ выборомъ

неудовольствіе. Тому самому Шенье, котораго мѣсто нѣсколько времени спустя заступилъ Г. Шатобріанъ, поручено было переговорить съ Г. Лемерсье, чтобы удостовѣриться, согласится ли онъ ѣхать въ Тюліери, когда Институтъ отправится туда всѣмъ своимъ сословіемъ, а именно когда онъ, какъ вновь избранный, по обыкновенію, будетъ представленъ, Императору. Г. Лемерсье увѣрилъ, что онъ никогда не сдѣлаетъ ничего противнаго тому, чего требовали обыкновенія и приличія того сословія, къ коему онъ принадлежать будетъ: и его избрали. Кандидатъ Правительства былъ Г. Эмнардь, сочинитель поемы о Навигациіи, о которой въ то время Савари часто отзывался мнѣ съ величайшими похвалами; онъ былъ также избранъ. Два новые Академика были представлены Императору въ одинъ день, и я узналъ что въ этотъ день было болѣе четырехъ сотъ особъ въ той залѣ, гдѣ происходило это двойное представленіе; отъ одного изъ числа этихъ особъ я знаю сіи подробности. Какъ скоро Императоръ увидѣлъ Г. Лемерсье, къ которому онъ давно притворялся, что очень благоволитъ, подошелъ къ нему и сказалъ самымъ обязательнымъ образомъ: «Ну, Лемерсье, вотъ и вы сидите въ креслахъ!» Не отвѣчая ни слова, Лемерсье низко поклонился. Досадуя на такое молчаніе, Императоръ сколько грубо, столько

и несправедливо разразилъ всю тягость своего негодованія на Эменарда, новоизбраннаго, который наиболее ему былъ долженъ нравиться. Съ быстротою молніи обернувшись къ нему онъ сказалъ: «Пу, Эменардъ, все ли ты еще сохранилъ свое мѣсто при Полиціи?» Наполеонъ произнесъ эти слова такимъ громкимъ голосомъ, что всѣ присутствовавшіе могли ихъ слышать; безъ сомнѣнія сіи ужасныя слова, будучи худо истолкованы, дали врагамъ Эменарда оружіе, чтобы посягнуть на доброе имя этого благороднаго чловѣка, и распространить на гласныя должности, которыя онъ исправлялъ съ искусствомъ и благоразуміемъ, печать отверженія, и которую я всегда считалъ несправедливостью. Но изъ людей хорошо знавшихъ характеръ Бонапарте, кто не узнаеть его во всемъ пространствѣ?»

Г Л А В А IV.

Предполагаемое торжество враговъ монаховъ.—Рожденіе Римскаго Короля.—Распространеніе клеветы.—Корвизаръ меня успокоиваетъ. — Искренній вопросъ при рожденіи Наполеонова сына.—Положеніе Франціи въ 1811 году.—Пятдесятъ семь миліоновъ людей подвластныхъ Наполеону.— Отъездъ мой въ Гамбургъ.—Размышленіе въ дорогѣ, и прибытіе — Жалкое положеніе Анзеатическихъ земель.—Даву, и злоупотребленіе силы. — Порученіе Правительства въ Гамбургъ. — Дальній родственникъ Іозефины.—Г. Шабазъ. — Его исторія, и странный случай въ Рошамбо.— Честолюбивое желаніе сдѣлаться Сенаторомъ, остается безъ удовлетворенія.— Тягость, наложенная на Анзеатическіе города.— Прохожденіе двухъ сотъ тысячъ челоуѣкъ, и одежда ихъ. — Замѣчательныя происшествія во время пребыванія моего въ Гамбургъ.—Ссоры Наполеона съ Папою.—Безполезныя посредничества у Святаго Отца.—Кардиналъ Фенъ на сторонѣ Папы.—Принисываемыя ему слова.—Созваніе совѣта. — Внезапное распущеніе и Епископы въ Вишневъ. — Новалъ похвалка Наполеона въ Голландію.—Языкъ льстецовъ и истина.

Когда въ началѣ 1811 года я оставилъ Парижъ, куда я пріѣзжалъ, имѣя права на благорасположеніе Императора и надежды, которыя

полагать быточными, то начиналъ выходить изъ заблужденія на счетъ принца, столь блестящимъ образомъ предо мною открывшагося во время Консульства. Я видѣлъ хорошо, что Бонапартъ вмѣсто того, чтобы принять меня такъ какъ я ожидалъ, отказался меня видѣть, изъ чего должно было заключить, что клеветы враговъ моихъ одержали верхъ, и что не было болѣе надежды на возвращеніе милостиваго расположенія со стороны властелина, котораго самыя несправедливости, дѣлали еще несправедливѣе. Онъ обладалъ тѣмъ, чего съ такою горячностью такъ давно желалъ—дѣтятею его крови, наследникомъ его имени, могущества и трона. Здѣсь я долженъ сказать, что по истинѣ, слухи, злонамѣреніемъ тогда распространяемые относительно рожденія Римскаго Короля, были безъ всякаго основанія, и какъ нельзя болѣе ложны. Другъ мой Корвизаръ, не покидавшій ни на минуту Марію Луизу во все время продолжительныхъ и трудныхъ родовъ ея, не оставилъ во мнѣ никакого на этотъ счетъ сомнѣнія, и столько же справедливо, что маленькой Принцъ, воспріимникомъ котораго отъ купели былъ Австрійскій Императоръ, дѣйствительно сынъ Наполеона и Эрцгерцогини Маріи Луизы, сколько ложно то, что Наполеонъ былъ отецъ старшаго изъ дѣтей Гортензіи. Еще объ одномъ событіи я умолчать не долженъ

потому, что ни моя привязанность, ни мои въ то время обманутыя надежды, не могутъ сдѣлать меня несправедливымъ. Рожденіе на свѣтъ Наполеонова сына, было привѣтствовано всеобщимъ восторгомъ; вѣрили прочности правленія, которое было уже не безъ будущности, продолженію новой династіи, которая не оставалась болѣе безъ потомства, и я думаю еще никогда ребенокъ не родился на свѣтъ, озаряемымъ столь блестящими лучами славы.

Въ самой вещи Императоръ былъ на самой высочайшей степени своего могущества со дня рожденія своего сына, до первыхъ превратностей, которыя его ожидали за Москвою. Имперія, считая земли состоящія во владѣніи Императорской фамиліи, имѣла около пятидесяти семи миліоновъ жителей (*), но приближилась

(*) Народы подвластные Наполеону въ прямомъ или косвенномъ отношеніи были:

Франціи, которая съ присоединеніемъ къ себѣ Голландіи городовъ Антверпскихъ, Шимонга, Генуи, земли Валлисева, владѣній Пармы и Паченцы, Тосканы и Римскихъ владѣній, содержала въ сто тридцати Департаментахъ жителей	42,365,454
Провинціи Иллирійскія, раздѣленныя на одиннадцать частей	1,531,000
Королевство Италія, раздѣленная на двадцать четыре Департамента	6,662,531
Сень-Марииская Республика	7,000
Королевство Неаполитанское, раздѣленное на четырнадцать провинцій	5,990,000

минута, въ которую это непостижимое въ новѣйшія времена могущество должноствовало начать уменьшаться, и вскорѣ склониться подъ собственною своею тяжестію. Во время проѣзда моего изъ Парижа въ Гамбургъ, мысли мои были совсѣмъ не веселы, и мнѣ было довольно досугу пораздумать объ этихъ великихъ перемѣнахъ счастья, которыя я издавна предвидѣлъ; понимая все, что было истиннаго въ восторгъ Французовъ при рожденіи Наслѣдника Престола, я не могъ ослѣплять себя относительно несчастья столькаго числа народа, несчастья, котораго я такъ долго былъ свидѣтелемъ, и котораго мнѣ приходилось видѣть опять плачевную картину, омраченную не воображимыми удрученіями.

Изъ всего сказаннаго мною выше, о моемъ пребываніи въ Германіи можно было видѣть, сколько я любилъ Гамбургъ и его жителей; но въ какомъ положеніи я нашелъ этотъ несчастный городъ! Такъ какъ я принималъ самое живѣйшее участіе во всемъ томъ, что касалось до

Княжество Луккское и Пюмбинское	179,000
Княжество Беневентское	20,000
Попте-Корво	6,000

А всего . . 56,760,765.

Примѣчаніе. Я не включаю въ это изчисленіе десяти съ половиною миліоновъ жителей, считавшихся тогда въ Испаніи, хотя они и были помѣщены въ показаніи числа вассаловъ Имперіи.

Анзеатическихъ городовъ, то первымъ по приѣздѣ моемъ стараніемъ было узнать отъ достойныхъ довѣрія особъ о тѣхъ начальникахъ, которые имѣли болѣе вѣсу въ новомъ правленіи. Даву, какъ уже знаютъ, былъ главнымъ. Зная хорошо непріязненные намѣренія и виды своего Государя, тотчасъ по своемъ прибытіи онъ устроилъ въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, въ Шведской Помераніи, въ Стральзундѣ, главнымъ городъ сей провинціи, военные и таможенные посты, и все это въ полной силѣ мирнаго съ этими землями положенія и безъ всякаго предварительнаго объявленія. Всемогущество Наполеона и ужасъ внушаемый именемъ Даву, уничтожили всѣ препятствія, какія могли представиться отъ незаконности такихъ вторженій. Надобно было, какъ и всегда, чтобы слабый уступилъ сильному.

Въ Гамбургѣ составили Правительствующую Коммисію; Предсѣдателемъ въ ней былъ Маршалъ Принцъ Экмюльскій, а членами Графъ Шабанъ, Статскій Совѣтникъ управляющій внутренними дѣлами и финансами и Г. Форъ, которому было поручено образованіе судовъ и присутственныхъ мѣстъ.

Я видалъ уже нѣсколько разъ въ Мальмезонѣ Г. Шабана, дальняго родственника Иозефины. Онъ служилъ прежде Офицеромъ въ Французской Гвардіи, и принужденъ былъ сдѣлаться

эмигрантомъ, потому что во время Революціи испыталь всякаго рода преслѣдованія; я при семь случаѣхъ не могу не вспомнить про одинъ случай, который слишкомъ хорошо изображаетъ тогдашнія несчастныя времена. Будучи принужденъ, чтобы проѣхать Францію во время этихъ ужасовъ, прибѣгнуть къ переодѣванію, онъ купилъ себѣ кафтанъ и весь нарядъ извозчика, телѣгу, лошадей и полную поклажу мѣшковъ съ рожью. Онъ развѣзжалъ съ своею повозкою изъ города въ городъ, стараясь выѣхать за границу. Однажды проѣзжая чрезъ Рошамбо въ Вандомской провинціи, онъ тамъ остановился и былъ узнавъ Маршаломъ Рошамбо, который бояся подвергнуть его опасности при своихъ людяхъ, обошелся съ нимъ, какъ съ простымъ извозчикомъ и сказалъ ему только: *«Ступай пообѣдай въ кухню»*. Какъ бы то ни было, Г. Шабанъ возвратился одинъ изъ первыхъ, когда 18 Брюмера открыло врата Франціи большому числу эмигрантовъ, которые какъ и онъ жаждали увидѣть опять свое отечество. Родство его, сначала доставило ему только мѣсто Подъ-Префекта въ Вандомѣ; но при присоединеніи Тосканы къ Франціи, Наполеонъ назначилъ его членомъ Юнты, на которую возложено было устройство этой страны. Поэтому онъ былъ Префектомъ въ Кобленцѣ и Брюксель, Графомъ фабрики Бонапарте, и на-

конецъ въ вышесизъясненной мною должности. Г. Шабанъ, котораго смерть была поводомъ къ страннымъ обстоятельствамъ, какъ-то увидать ниже, былъ благородный человекъ и въ разныхъ должностяхъ своихъ, умѣлъ пріобрѣсти уваженіе и привязанность подчиненныхъ. Всѣ его честолюбивые виды клонились къ тому, чтобы его въ награду за труды его, сдѣлали Сенаторомъ, но Наполеонъ рѣшительно въ томъ отказалъ, и ему удалось только добиться до званія члена Почетнаго Легіона.

Города Анзсатическіе, будучи присоединены подъ предлогомъ ихъ благосостоянія къ великой Имперіи, скоро почувствовали благодѣтельные слѣды новаго устройства возстановительнаго Правительства. Имъ тотчасъ подарили пошлину гербовую, за внесеніе въ протоколъ, за логарю, налоги: карточный и градскіе. Такое изобиліе въ подаркахъ, возбудило, какъ можно себя представить, живѣйшую признательность. Назначили военный постоя и сборъ потребностей для войскъ. Такой налогъ не избавлялъ отъ личнаго помѣщенія, не только Офицеровъ и солдатъ, но и всѣхъ гражданскихъ начальниковъ и ихъ чиновниковъ. Сахарныя заводы, цуварни и всякаго рода фабрики запрещены. Захватили Адмиралтейскую казну, благотворительныхъ обществъ, фабричную, экономическую и запасную для работни-

ковъ, капиталы тюремные, назначенные въ пособіе немощнымъ, страннопріимные, сиротскіе и госпитальныя.

Болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ солдатъ Италіянскихъ, Голландскихъ и Французскихъ, приходило попеременно стоять здѣсь, но только съ тѣмъ, чтобы заставить себя одѣть и обуть, а тамъ они отправлялись опять одѣтые съ головы до ногъ, какъ говорится съ иголки. Чтобы ничего желать не оставалось, ниже увидать, что Даву, прежде, чѣмъ отправился къ Русской арміи въ 1812 году, учредилъ военныя комиссіи во всей тридцать второй военной дивизіи, а чтобы довершить всѣ эти угнетательныя мѣры, онъ въ тоже время учредилъ также и высшій Таможенный Судъ. При этомъ случаѣ Г. Эудесъ, управляющій ординарными таможенными, человѣкъ строгій, но справедливый, сказалъ: *управленія ординарныхъ таможенъ будутъ жалеть; до сихъ поръ видѣли только розы.* Предполагаемая въ этомъ судѣ разбирательства и рѣшеній, были безъ апелляціи и исполнялись безъ отлагательства. По всему сказанному мною можно судить о положеніи северной Германіи, о ея нищетѣ, и о томъ, какія неудовольствія были того слѣдствіемъ.

Во время пребыванія моего въ Гамбургъ, которое на этотъ разъ было непродолжительно, два дѣла занимали въ особенности Наполеона,

одно вѣнское, а другое, сдѣлавшееся внутреннимъ: Португальская кампанія и споры его съ Папою. Я сказалъ, какъ Наполеонъ недоволенъ тѣмъ, что захватилъ Маркизство Анконское, чтобы присоединить его къ своему Италіянскому Королевству, присоединилъ Римское Государство къ Имперіи, чтобы сдѣлать оно удѣломъ своего сына, и какъ Пана былъ похищенъ у Рима въ послѣднюю Австрійскую кампанію. Съ самаго этого времени Пана, сдѣлавъ нѣсколько перѣздовъ изъ одного города въ другой, жилъ въ Савонѣ чрезвычайно просто; и даже достовѣрно узналъ, что этотъ старецъ отказался принять миліонъ, который Императоръ хотѣлъ ему назначить. Чтобы скрыть такой отказъ, посылали все миліонъ въ Савону, и такъ какъ Цезарь Бертъ былъ назначенъ, Интендантомъ дома, сформированнаго для Папы противъ его воли, то можно было быть увѣреннымъ, что этотъ любящій расходы человекъ его истратитъ.

Въ то время не такъ-то опасались Римскаго проклятія, однакоже увеличили предосторожности къ тому, чтобы отлученіе отъ церкви, учиненное Пиемъ VII противъ Наполеона осталось покрыто тайною; но не смотря на всѣ эти предосторожности, все обнаружилось, и Пана скоро составилъ себѣ партію между духовенствомъ. Такіе раздоры между трономъ и церковью на-

водили на Императора какое-то безпокойство, которому онъ не могъ противиться, потому что Папа съ упорствомъ не хотѣлъ и слушать ни о какихъ предложеніяхъ къ примиренію, прежде чѣмъ не будетъ возстановленъ въ Римъ со всѣми своими правами духовными и свѣтскими. Желая убѣдить Пія VII отказаться отъ такого требованія. Наполеонъ, который въ семь случаевъ ни за что на свѣтѣ не сдѣлалъ бы уступки, отправилъ въ Савону Пантскаго Буржскаго, Трирскаго и Турскаго Архіепископовъ, чтобы попытаться еще уладить примиреніе. Но всѣ ихъ покушенія были тщетны, и пробывъ въ Савонѣ цѣлый мѣсяцъ, они возвратились въ Парижъ съ ничѣмъ. Такая первая неудача не отняла у Наполеона надежды, нѣсколько времени спустя, онъ отправилъ другую депутацію, которая имѣла участь одинаковую съ первою. Наполеоновъ дядя Кардиналь Фешъ объявилъ себя на сторонѣ Папы — это я знаю навѣрное; не смѣю ручаться, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ Императору такой отвѣтъ, какъ говорили. Мнѣ рассказывали, что однажды Наполеонъ, разговаривалъ съ своимъ дядею о упорствѣ Папы; Кардиналь сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній относительно собственныхъ его поступковъ съ Его Святѣйшествомъ, который пріѣзжалъ короновать его въ Парижъ. Наполеонъ пришелъ въ бѣшенство, сказалъ, что

и Папа и дядюшка были старые дураки, прибавивъ: «Это старый упрямецъ, который ничего и слышать не хочетъ! нѣтъ, уже вѣрно я «ему не отдамъ назадъ Римъ! . . . Онъ не хочетъ «оставаться въ Савонѣ? . . . Ну такъ куда ему «хочется чтобы я его отправилъ?»...—«Вѣроятно «на тотъ свѣтъ.» Я уже сказалъ, что не ручаюсь за истину этаго отвѣта, но если дѣйствительно такъ отвѣчалъ Кардиналъ, то это дѣлаетъ ему честь.

Вѣрно то, что Императоръ былъ въ ужасномъ ожесточеніи на Пія VII; глядя не благопріятнымъ окомъ на сплетни, толки и происходящее отъ того волненіе умовъ, онъ хотѣлъ знать, что ему тутъ дѣлать. Папа не хотѣлъ и слышать ни о какихъ предложеніяхъ, которыя ему дѣлали, и онъ оправдывалъ свое упорство тѣмъ, что при немъ не было никого изъ такихъ особъ, которыя бы могли ему способствовать своими совѣтами. Все сіе произошло лѣтомъ 1811 года. Наполеонъ рѣшился созвать соборъ, который послѣ шести или семи сотъ другихъ соборовъ, какіе собирали съ первыхъ временъ существованія церкви, долженствовалъ можетъ быть постановить что нибудь положительное и водворить миръ въ церквѣ. Этотъ соборъ созванъ въ Парижъ. Въ немъ было много Италіянскихъ Епископовъ.

Папа по прежнему настаивалъ, чтобы рассу-

ждали о правахъ свѣтскихъ вмѣстѣ съ дѣлами духовными. Ему отвѣчали, что хотѣть совсемъ противнаго. Такимъ образомъ уладить было нельзя. Съ помощію собора, надѣялись обойтись и безъ его Святѣйшества.

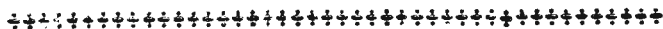
Какъ ни были расположены нѣсколько чело-вѣкъ прелатовъ, въ особенности Италіянскихъ, отдѣлить эти двѣ статьи подлежаващаго имъ обсужденія, но вліяніе Церкви и интригъ, довольно хорошо обдуманыхъ, мало по малу дало перевѣсъ видамъ Папы. Императору надобно и онъ хотѣлъ кончить. Открывъ, что заседающіе на соборѣ Епископы и Архіепископы разослали секретныя инструкціи, онъ разсудилъ за то наказать нѣкоторыхъ изъ нихъ; Гентскій, Трояскій, Дорпинскій и Тулузскій были арестованы и отправлены въ Виссеннъ; онъ назначилъ на ихъ мѣста другихъ, потребовавъ ихъ отрѣшенія. Онъ рѣшился распустить соборъ, который ни къ чему не служилъ и въ томъ опасеніи, чтобы онъ не дозволилъ себѣ сдѣлать что нибудь противъ Высочайшей его воли, каждый членъ собора составилъ особенное мнѣніе, которымъ признавалъ согласными съ уставами церкви предложенія о желаемыхъ перемѣнахъ. Въ то время увѣряли, что въ этихъ каждомъ особенно поданныхъ объявленіяхъ, они были всѣ одного мнѣнія: однакоже извѣстно навѣрное, что въ засѣданіяхъ собора, въ мнѣніяхъ было

несогласіе и многіе судили совсемъ противно тому, что въ послѣдствіи подписали, безъ сомнѣнія *по соглашенію*. Не знаю, какими глазами Папа глядѣлъ на эти письменныя мнѣнія, сравнивая ихъ съ изустными; но хотя по прежнему его держали въ Савонѣ, но онъ отказался согласиться съ тѣми, которые тайно положили свои мнѣнія. Мы скоро увидимъ его въ Фонтенебло.

Послѣ всѣхъ этихъ ссоръ съ Папою, Императоръ совершилъ еще путешествіе въ Голландію: онъ проѣхалъ до Амстердама. Конечно давно уже я не сопутствовалъ ему въ его поѣздкахъ, но такъ какъ я часто имѣлъ возможность сравнивать то, какъ дѣйствительно что происходило, съ тѣмъ какъ описывали въ общенародное извѣстіе, и еще въ то время, когда онъ, подавая Франціи надежду на мудрое и умѣренное съ его стороны правленіе, былъ истиннымъ предметомъ всѣхъ желаній, то и зналъ, что думать о пышныхъ описаніяхъ, собираемыхъ изступленными хвалителями или историками, не имѣющими собственнаго своего мнѣнія. По этому-то, не смотря на увѣренія о томъ, какія восклицанія возбуждало присутствіе Наполеона въ послѣднее его путешествіе въ Голландію, я смѣю ручаться, что ни одинъ Голландецъ не глядѣлъ на него съ удовольствіемъ. Надобно быть дуракомъ, чтобы вѣрить восторгу народа

угиѣтельнаго, ограбленнаго и раззореннаго, къ такому челоѣку, который его раззоряетъ, грабить и притѣсняетъ, къ челоѣку, который отягощаетъ народъ налогами, отъ времени до времени отымаетъ молодыхъ людей, всегда въ возрастающемъ числѣ, и который, оскорбляя этотъ народъ своею пышностію и гордась своимъ могуществомъ, говоритъ ему: «Вы жили торговлею? . . . ну, теперь больше торговать не будете!» онъ же, соединяя жестокую насмѣшку съ злоупотребленіемъ силы, велитъ печатать въ Монитерѣ, что все это для величайшаго ихъ блага. Все что я зналъ, какъ изъ разговоровъ, такъ и изъ обширной моей переписки, будучи въ Гамбургъ и послѣ того, все способствовало къ убѣжденію меня, что эти изъявленія радости существовали только въ воображеніи Наполеоновыхъ льстецовъ.

Г Л А В А V.

Поперемѣнные удачи и потери въ Испаніи. — Албуверское сраженіе. — Праздники по случаю рожденія Римскаго Короля. — Наполеонъ удостовѣрять въ войнѣ съ Россіею. — Посольство Лористона въ Петербургъ. — Безполезность дипломатіи. — Невозможность сохранить миръ. — Препятствіе, причиненное континентальною системою. — Пренебреженіе Испанскою войною. — Солдаты всѣхъ народовъ, и одинъ человекъ. — Мои посщенія Савари. — Начало нашей связи. — Моя переписка, и совѣты Герцогу Ровиго. — Общія предчувствія. — Пожертвованія, искусно отвергнутыя. — Калмыки въ Парижъ. — Огромныя приуготовленія. — Украшенія для коронаціи и Императорскій багажъ. — Наборъ Национальной гвардіи. — Трактатъ о обоюдномъ обезпеченіи пограничныхъ правъ Пруссіи и Австріи. — Условія въ пользу Оттоманской Порты. — Возобновленіе договоровъ съ Швейцарціи.

Въ продолженіи лѣта 1811 года въ Испаніи не произошло ничего рѣшительнаго: то ушибы, ужасно дорого покупаемые, то уроны, и все съ пролитіемъ крови безъ пользы. Въ этомъ хаосѣ крови и бѣдствій, въ который Испанія

была ввергнута войною единственною изъ всѣхъ, какія когда либо предпринимали, нѣсколько блестящихъ дѣлъ свидѣлствуютъ храбрость нашихъ войскъ и искусство нашихъ Генераловъ: таковы Албуферское сраженіе и взятіе Таррагоны Маршаломъ Сюше, тогда какъ Веллингтонъ былъ принужденъ снять осаду Бадайозы. Эти выгоды, принося одну только славу, все таки щекотали надежду Наполеона на то, что онъ восторжествуетъ надъ полуостровомъ и давали ему возможность съ большею безопасностью наслаждаться празднествами, которыя затѣяны были въ Парижѣ въ продолженіи лѣта, чтобы достойно торжествовать рожденіе Римскаго Короля. Я уже довольно часто объяснялъ, какой я былъ не охотникъ всегда до этого пышнаго блеску, а потому нечего опасаться, что я примуся описывать здѣсь торжества сіи; да я же старался всегда быть отъ нихъ по далѣе. Торжества сіи были отпращиваемы до Наполеоновой поѣздки, о которой я сей часъ говорилъ; поѣздка эта продолжалась до исхода Октября мѣсяца, а тутъ онъ возвратился въ Сен-Клу.

На возвратномъ пути изъ Голландіи Наполеонъ началъ не сомнѣваться болѣе въ близкомъ и неизбѣжномъ разрывѣ съ Россією. Тщетно послалъ онъ Лористона въ Петербургъ въ качествѣ посланника, на мѣсто Коленкура,

который тамъ не хотѣлъ болѣе оставаться, и въ самомъ дѣлѣ что могла сдѣлать вся дипломатія, невозможное искусство Посланника, у Правительства, которое приняло твердое намѣреніе. Уже по всей Европѣ, съ одного края до другаго были сдѣланы соглашенія; всѣ кабинеты съ горячностію желали испроверженія Наполеонова могущества, такъ какъ и народы съ неменьшею горячностію желали также порядка вещей менѣе вреднаго для ихъ торговли и промышленности; здѣсь то можно сказать, что настоящая сила находится только тамъ, гдѣ народы согласны, и такъ сказать въ союзѣ съ своимъ Правительствомъ. Въ крайности, въ какую приведена была Европа, никто не могъ оспоривать съ успѣхомъ желаніе Россіи и ея союзниковъ вести войну съ Франціею, и Лористонъ не больше Коленкура. Многіе другіе полагали, что Наполеонъ хочетъ мира; я уже говорилъ и объяснялъ, по чему онъ никогда не хотѣлъ его: миръ былъ противенъ его склонности, желаніямъ, выгодамъ, неограниченному честолюбію; сверхъ того миръ былъ противенъ и его нравственному образованію. Но предполагая даже, что онъ бы желалъ мира, возможенъ ли былъ тогда миръ, не смотря на внушаемый именемъ его страхъ? Правда, что вмѣстѣ съ симъ страхомъ, и безпрестаннымъ распространеніемъ границъ Франціи, представлялася эта

проклятая континентальная система, которая разрѣшала вопросъ; надлежало сражаться или пасть; солдаты Кортеса, когда этотъ безстрашный удалецъ сожегъ свои корабли, не столько имѣли необходимости покорить Американскіе страны, сколько Сѣверные народы сокрушить свинцовое иго, которое дѣлали тамошни перваго агента Правительство Европы. Только одинъ голосъ могъ возвысится противъ Бонапарте; ему только можно было предохранить свои границы отъ вторженія, и уклониться отъ этой раззорительной системы. Если Императоръ полагался на условія, по которымъ разныя Державы покорялися его власти, то это было только для виду.

Какъ бы то ни было, сія неминуемая война, къ которой надобно было готовиться, привудила Наполеона пренебречь Испанію и оставить тамъ дѣла въ истинно опасномъ положеніи. Занятіе Испаніи и очень извѣстное намѣреніе тамъ держаться, были также причинами, побуждавшими Державы вести войну, потому что Наполеоновы силы были раздѣлены.

Внезапно войска, бывшіе въ Италіи или на Сѣверъ Германіи двинулись къ границамъ Русской Имперіи.

Съ Марта мѣсяца 1811 года Императоръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи почти все военныя силы Европы. Все дѣлается такому со-

единенію народовъ, различныхъ правовъ, нарѣній, вѣръ и побужденій, готовыхъ сражаться за одного человѣка, съ Державою, которая имъ ничего не сдѣлала. Самая Пруссія, которая не могла простить ему своихъ несчастій, также вступила въ союзъ съ нимъ, впрочемъ очень естественно съ намѣреніемъ разорвать этотъ союзъ при первомъ случаѣ.

Я уже не сомнѣвался въ приготовленіяхъ къ войнѣ Россіи, когда еще былъ Французскимъ Полномочнымъ Министромъ въ Гамбургѣ, и видѣли, какъ я былъ вознагражденъ за то, что доставилъ первыя о томъ свѣдѣнія Императору; все, что узналъ я во время вторичнаго моего въ семь городѣ пребыванія, доказало мнѣ, какъ основательны были полученныя мною свѣдѣнія. По возвращеніи моемъ, я продолжалъ, какъ и прежде, видѣться часто съ Министромъ Полиціи Герцогомъ Ровиго. Я знакомъ съ нимъ былъ съ самаго Маренгскаго сраженія. Подпора, какую онъ мнѣ оказывалъ у Императора противъ враговъ моихъ, его дружескіе и откровенные разговоры, словомъ все со мною поступки, внушали мнѣ истинную къ нему привязанность. Въ молодости вступивъ въ военную службу, онъ былъ пораженъ великими дѣлами человѣка, о которомъ Дезе часто съ нимъ разговаривалъ (*). Поступивъ въ 1800 году въ Адъютанты къ

(*) Савари былъ у Дезе Адъютантомъ.

Наполеону, онъ положилъ въ душѣ своей начало признательности и преданности, которыя границъ не имѣли. Все, чѣмъ ему попрекаютъ, должно приписать этимъ двумъ чувствамъ. Если онъ что дѣлалъ худо, то это отъ заблужденія, или изъ преданности; но онъ никогда не подавалъ худыхъ совѣтовъ. Я долженъ сказать, что онъ съ жадностію выслушивалъ все, что я сообщалъ ему о нашихъ дѣлахъ, и когда былъ въ чѣмъ убѣжденъ, то дѣйствовалъ, сколько то ему позволяли характеръ и виды Императора.

Когда въ 1814 году поговаривали уже о войнѣ съ Россією, то мы часто имѣли разговоръ объ этомъ предметѣ. Я ему сообщалъ все, что доходило до меня изъ за границы объ этомъ обширномъ предпріятіи. Герцогъ Ровиго раздѣлялъ мои и корреспондентовъ моихъ предчувствія, и еслибъ слушался только его, или тѣхъ, кто одинаково съ нимъ думалъ, то вѣроятно войны бы не было. Отъ него я узналъ о особахъ, которыя подстрекали къ сему вторженію. Ихъ непамятное честолюбіе влекло ихъ къ войнѣ; Вице-Королевства, Княжества, староствы, помѣстья, не позволяли имъ видѣть козаковъ въ Парижѣ. Герцогъ Ровиго, получавшій отъ всюду важныя извѣстія обовесмь, что происходило въ Европѣ, все проповѣдывалъ миръ; я говорю это потому, что оно было правда. Самое безумное честолюбіе, совершенное ослѣпленіе, и

низкая безпрестанная лесть, имѣвшая основаніемъ собственныя свои выгоды, могли только заставитьъ поднять оружіе въ 1812 году, и воспрепятствовать потомъ положить ихъ въ Дрезденъ. Безъ сомнѣнія надобно было дѣлать уступки, но тѣ, которыхъ требовали союзники на Прагскихъ совѣщаніяхъ, были справедливы. Рейнь границю и все что сверхъ того оставляли Франціи, не было ли для нея достаточно? Чѣмъ у насъ теперь меньше противъ того, что было въ 1788 году? а мы видѣли Калмыковъ въ Парижѣ и какъ въ Карусель располагались козаки на бивакахъ.

Однажды принятая рѣшимость дать ходъ гигантскому предпріятію, на которое Наполеонъ пустился зажмуривъ глаза, была поводомъ къ такимъ огромнымъ приуготовленіямъ, что можно было сказать, что дѣло идетъ о покореніи цѣлаго міра, и въ первый разъ, конечно для того, чтобы совершить торжественный входъ въ древнюю Русскую столицу, въ Императорскомъ багажѣ находились блестяція орудія, служившія украшеніемъ при торжествѣ коронованія; извѣстно, какова была ихъ участь, что короновальная карета, этотъ надменный трофей, въ послѣдствіи сдѣлалась предметомъ торговыхъ оборотовъ въ Лондонѣ. Предъ отъѣздомъ, Наполеонъ, уводя съ собою все войска, которыми располагать могъ, велѣлъ составить

Сенатское опредѣленіе о наборѣ національной гвардіи, съ раздѣленіемъ на три ополченія. Національная гвардія! гражданская милиція, которой воззваніе было только уклоненіемъ въ неограниченной системѣ правленія Императора! Онъ также устроилъ свои дипломатическія дѣла, заключивъ въ Февраль 1812 года наступательный и оборонительный союзъ съ Пруссіею, союзъ, по силѣ котораго объ договаривающіяся Державы обезпечивали неприкосновенность своихъ настоящихъ владѣній; въ дополненіе онъ обезпечивали владѣнія Оттоманской Порты въ Европѣ, потому что она тогда была въ войнѣ съ Россіею; такой же трактатъ былъ заключенъ въ началѣ Марта мѣсяца съ Австріею, а въ концѣ того же мѣсяца Наполеонъ возобновилъ договоръ Франціи съ Швейцаріею.

Г Л А В А VI.

Болзнь и необходимость говорить обо мнѣ. — Ожесточеніе мнѣхъ враговъ. — Злое дѣло служить утѣшеніемъ за Вице-Королевство. — Мѣры, принятыя противъ доносовъ. — Записка, поданная мною прямо Императору. — Ожѣ-де ла Соссей. — Тапшественная шкатулка. — Тайна всѣми узнавая. — Старинная книжка и возобновленные доносы. — Изобличеніе и молчаніе Наполеона. — Требованіе быть отданнымъ подъ судъ. — Наполеонъ не одобряетъ и презираетъ доносы. — Совѣты Дюрока. — Порядокъ, какой учредилъ Бонапартъ во внутреннихъ дѣлахъ. — Опасенія отъ пребыванія Паны въ Савонѣ. — Перемѣщеніе Паны въ Фонтенебло. — Позиціи Г. Демона при Пій VII. — Дружеское расположеніе Паны къ Г. Денону. — Странный случай. — Египетскія древности, первая книга Моисеева и невольное отлученіе отъ церкви. — Мнѣніе Паны на счетъ его положенія. — Отъѣздъ Наполеона и Маріи Луизы въ Дрезденъ. — Монархи придворные и Королевская гостинная. — Разность между Дрезденомъ и Эрфуртомъ. — Другъ дѣлается врагомъ. — Дурное положеніе дѣлъ въ Испаніи и Португаліи.

Смѣю надѣяться, что если мои читатели имѣютъ въ чемъ попрекнуть меня, то покрайней

мѣрѣ это не въ томъ, что я говорилъ слишкомъ много о себѣ самомъ; я заслоняю себя, сколько могу, особами болѣе важными, которыхъ видѣлъ близко и съ которыми мнѣ хочется познакомить ихъ. Однако же есть такія обстоятельства, которыя лично до меня касаются и о которыхъ я молчать не долженъ: таковы позорныя клеветы, которыми безпрестанно меня преслѣдовали, съ непримиримымъ ожесточеніемъ, съ той самой минуты, какъ обязанности мои въ Гамбургѣ должны были кончиться, по причинѣ, какъ я сказалъ выше, присоединенія Анзеатическихъ городовъ къ великой метрополіи матерой земли. Сказанное мною по сему предмету, думаю, не оставило сомнѣваться въ томъ, отъ куда происходили все эти клеветы, и случилось то, что случается почти всегда, что выгоды способствовали къ раздраженію могущаго и честолюбиваго человека, котораго я оскорбилъ самолюбіе, сказавъ первому Консулу объ немъ истину. Я думаю, что то зло, какое мнѣ причинилъ Даву, утѣшило его въ томъ, что онъ не сдѣлается Вице-Королемъ Польскимъ.

Онъ былъ такимъ Вице-Королемъ только въ своихъ надеждахъ, когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, я видя, что предстоящая война необходимо увлечетъ Наполеона изъ Франціи, къ тому же утомясь отъ безпрестанныхъ мною испы-

тываемыхъ преслѣдованій, отъ угрозъ которыхъ я ежедневно былъ предметомъ, рѣшился проложить конецъ, если можно будетъ этимъ наемнымъ крикамъ. Я принялъ свои мѣры, написалъ прямо къ Императору, и послалъ ему обо всѣхъ моихъ поступкахъ записку, которую не назову оправдательною, потому что мнѣ оправдываться было не въ чемъ, а запискою объяснительною, въ которой я ему доказалъ глупость и добровольную злость моихъ обвинителей. Между прочимъ въ числѣ ихъ находился пунктъ Ожье де ла Соссей, который подалъ на меня доносъ Императору. Мнѣ нетрудно было показать, какая клевета находилась въ доносѣ этого человѣка. Но чтобы неслишкомъ наскучить читателю этими неприятными распрями, я удовольствуюсь тѣмъ, что покажу, только, кто былъ главою сдѣланнаго противъ меня доноса, и какое я за долгъ почелъ подать объясненіе.

Доносъ Ожье де ла Соссея оканчивался такъ: «Я прилагаю къ моему донесенію допросы, сдѣланные Гг. Фестфалену, Ози, Шапо-Ружу (*), Луксгеру, Тіери и Гумпрехтъ-Маресу. Допросъ сего послѣдняго наглавнѣйше имѣлъ въ пред-

(*) Того, чрезъ посредство котораго Бонапарте, первый Консулъ, получилъ пять миліоновъ, смягчившихъ гнѣвъ его въ дѣлѣ Нашун-Гауди, и которые, какъ извѣстно, не поступали въ казну Правительства.

метъ одну таинственную шкатулку, и допрашиваемый присовокупилъ: *Нельзя разъяснить этой тайны, хотя можно очень вѣрить ея дѣйствительности.*» Таковы его выраженія.

Читатель, слава Богу, теперь знаетъ, что думать о таинственной шкатулкѣ; дѣло шло просто о моихъ бумагахъ, которыя я положилъ въ шкатулку, и которыя зарылъ, какъ я говорилъ выше, опасаясь, чтобы ихъ у меня не похитили; безъ какой предосторожности мнѣ бы невозможно было сообщить свѣту собственноручныя бумаги, оставшіяся у меня и составляющія, по моему мнѣнію, самую существенную часть моихъ записокъ.

Сверхъ сего вотъ какъ я кончилъ протестъ мой Императору, намѣкая на бездѣльническое выраженіе, которое читали выше: «Вотъ Государь выраженія самыя вѣроломныя и лютыя «рапорты Г-на Ожье. Гумпрехтъ, будучи допрошенъ по сему предмету, отвѣчалъ, что доносчикъ, вѣроятно, читалъ это, какъ и онъ самъ, въ безчестной книжкѣ, напечатанной за семь или за восемь лѣтъ тому назадъ, подъ заглавіемъ, кажется: *Тайны Тюльерійскаго кабинета*, о которой вѣроятно тогда же донесено было Вашему Величеству Полнціею. Въ самой вещи въ этомъ пасквилѣ, въ которомъ «относится обо мнѣ самымъ ужаснымъ образомъ, сказано, что когда я покинулъ пераго

«Консула, то унесъ съ собою шкатулку съ важными бумагами, за что и былъ посаженъ въ «Тампль; что вашъ братъ Юсифъ пришелъ туда ко мнѣ отъ вашего лица, и предложилъ мнѣ свободу и миллионъ, съ тѣмъ, чтобы я отдалъ бумаги, но я отказался . . . и тысячу такихъ же глупостей и нелѣпностей. Ожѣ, вмѣсто того, чтобы отыскать этотъ пасквиль въ Гамбургѣ, гдѣ я его читалъ, имѣлъ безстыдство повѣрить доносчику, не смотря на формальное показаніе допрашиваемаго и его утвержденіе, которое можно было тотчасъ повѣрить. Между тѣмъ Ожѣ присовокупляетъ: «Эта тайна, которой дѣйствительности очень можно вѣрить. Ваше Величество изволите знать, былъ ли я когда посаженъ въ Тампль и дѣлалъ ли мнѣ Юсифъ подобныя предложенія. Какъ, Государь, могъ бы я видѣть хладнокровно, что подобнымъ людямъ вѣрена судьба семействъ! Какъ не негодовать тѣмъ, что осмѣливаются безъ доказательствъ, безъ всякихъ признаковъ, обвинять въ нарушеніи вѣрности того, кому остается сладостная и существенная увѣренность, о которой Ваше Величество мнѣ нѣсколько разъ повторяли, что вы изволите отдавать справедливость моему вѣрности и скромности. По этому, Государь, можете судить, что сей рапортъ составленъ изъ лжи; дѣло подлости и глупости.

«Я оканчиваю, Государь, скучнымъ и горестнымъ раземтрѣніемъ моего обвиненія. Несправедливаго доноса Г. Ожье де Соссея недостаточно будетъ, чтобы изгладить четырнадцатилѣтнюю безпорочную службу и заставить произвести противъ меня анафему, которая можетъ распространиться на все мое семейство.

«Изволите видѣть, Государь, каково мое положеніе. Мѣста, которыя занималъ я, степень, на которой находился въ свѣтъ, довѣренность, «которою меня удостоили въ продолженіи столькихъ лѣтъ, все казалось надлежало открыть мнѣ путь къ почестямъ и отличіямъ; а вмѣсто того я вынужденъ просить, съ величайшимъ сокрушеніемъ сердца, изслѣдованія дѣла, которое не оканчивается. Я долженъ сражаться съ врагами подлыми и жестокими, которые поражаютъ меня во мракъ, и которыхъ я знаю ядовитыя стрѣлы только потому что плачу рукъ, пустившей ихъ.

«Умоляю Ваше Величество положить конецъ такому порядку вещей, который ведетъ меня къ могилѣ; приказать судить меня, если я виновать, или объявить меня невиннымъ, если симѣте доказательство моей невинности.»

Тщетно я ходатайствовалъ у Императора объ оказаніи мнѣ *милости* отдачею меня подъ судъ, потому что дѣйствительно я считалъ бы это за милость, тогда какъ меня оставляли

предметомъ голословныхъ обвиненій; по всѣмъ по сему предмету просьбы были безполезны. Письмо мое къ Императору осталось безъ отвѣта; но доносы оставались еще болѣе безъ дѣйствія, что, какъ ниже увидятъ, не лишило бодрости людей съ ожесточеніемъ меня преслѣдовавшихъ.

Сверхъ того, хотя Бонапарте не разсудилъ удѣлить нѣсколько минутъ на то, чтобы отвѣчать прежнему своему другу, но я зналъ отъ Дюрока, какое презрѣніе внушали въ него мои второстепенные обвинители. Дюрокъ мнѣ сказалъ, чтобы я оставался покоенъ, и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣ вновь предпринимаемой войны, Императоръ разувѣрится на счетъ тѣхъ предубѣжденій, которыя въ него противъ меня вселены, и я долженъ сказать, что если онъ не разувѣрится, то это не зависѣло ни отъ Дюрока, ни отъ Савари, которые знали, а особливо послѣдній, что думать объ основаніи этихъ достойныхъ презрѣній интригъ.

Рѣшая наконецъ распространить границы своей имперіи, или лучше сказать идти отмстить въ Россіи оскорбленія, нанесенныя его континентальной системѣ, Наполеонъ, по обычаю, принятому имъ еще съ того времени, какъ онъ былъ главнокомандующимъ въ Италіи, каждый разъ когда перемѣнялъ мѣсто своего пребыва-

вія, устроивать текуція дѣла, и въ эти-то минуты неизмѣримость и множество его идей, представлялись истинно чудеснымъ образомъ. Посреди тѣхъ мыслей, которыя занимали его душу предъ отъѣздомъ въ Германію, одна въ особенности его томила и брала верхъ надъ другими. Онъ часто думалъ о непреклонности Папы согласиться на какія либо условія, и Савона стала казаться ему недовольно надежною для такого плѣшника; онъ опасался, чтобы, когда все его силы двинуты будутъ къ Неману, Англичане не покусились на похищеніе, или чтобы Италіянцы, подстрѣкаемые духовенствомъ, которое въ Италіи было вообще недовольно, не пустились бы въ духовныя смятенія, которыя всегда пагубны и неудобны къ усмиренію. По этому, желая обезпечить себя на счетъ того, чтобы Папа оставался всегда въ его распоряженіяхъ, онъ призвалъ его въ Фонтенебло, а прежде еще хотѣлъ, чтобы онъ жилъ въ самомъ Парижѣ. Нантъ любезный товарищъ по Египетской кампаніи, Г. Денонъ былъ назначенъ Наполеономъ состоять при Его Святѣйшествѣ, и при этомъ случаѣ я не могу не вспомнить объ одномъ довольно любопытномъ анекдотѣ, который послѣ мнѣ самъ Г. Денонъ рассказывалъ.

Папа очень подружился съ Г. Денономъ и я долженъ признаться, что посреди обидъ, кото-

рыхъ предметомъ была Пій VII, нельзя не почесть за похвальное вниманіе со стороны Наполеона то, что онъ приставилъ къ знаменитому своему плѣннику чловѣка, съ столь хорошимъ обращеніемъ и столь способнаго ко всемъ щекотливостямъ поведенія, какое требовалось отъ настоящаго его положенія.

«Нана взялъ себѣ въ привычку говорить мнѣ ты, сказалъ мнѣ Г. Денонъ; онъ называлъ меня всегда: сынъ мой; кажется ему очень пріятно было со мною разговаривать, особливо когда я ему рассказывалъ про нашу Египетскую экспедицію, о которой онъ часто меня спрашивалъ. Однажды онъ просилъ меня дать ему прочесть изданное мною сочиненіе о Египетскихъ древностяхъ; но такъ какъ въ немъ не все согласно съ православіемъ, съ разными изъясненіями и даже на счетъ эпохи созданія міра по первой книгѣ Моисеевой, то я сначала колебался; онъ настаивалъ, и я исполнилъ его желаніе. Святый отецъ сказалъ мнѣ, что чтеніе моей книги очень пріятно его заняло; я старался какъ нибудь отклонить щекотливыя изысканія: «Все равно, сказалъ онъ нѣсколько «разъ повторяя, все равно сынъ мой; все это «очень любопытно; право я не зналъ этого.» Тогда, продолжалъ Г. Денонъ, я смель, что могу сказать Его Святѣйшеству, какая была причина тому, что я колебался дать ему это со-

чиненіе; я признался ему, что онъ отлучилъ отъ церкви и книгу и ея сочинителя. «Отлучилъ отъ церкви! тебя, мой сынъ, возразилъ «Папа съ самымъ трогательнымъ добродушіемъ, «я тебя отлучилъ отъ церкви! ахъ какъ мнѣ жаль! увѣряю тебя, что со всеѣмъ безе намѣреніемъ.» Г. Депоиъ, рассказывая мнѣ этотъ анекдотъ съ тою остротою, какую онъ умѣлъ уногреблять въ своихъ рассказахъ, увѣрялъ меня, что во все время пребыванія его въ Фонтенеблѣ, добродѣтели и покорность судьбъ Святаго Отца, его безпрестанно трогали; но что не смотря на то, легче было бы сдѣлать его мученикомъ, чѣмъ заставить уступить въ чемъ нибудь, пока ему не возвратятъ верховную свѣтскую власть въ Римѣ; онъ считалъ себя блюстителемъ этой власти, и ни какъ не хотѣлъ, чтобы его могли попрекнуть въ добровольной ея потерѣ.

Наполеонъ, успокоясь на счетъ мѣста пребыванія Папы, поѣхалъ наконецъ въ Дрезденъ, взявъ съ собою Императрицу. Марію Луизу, которая изъявила желаніе повидаться съ своимъ родителемъ. Въ это время я очень долго не могъ видѣться съ Іозефиною, потому, что она тогда имѣла свое пребываніе въ прекрасномъ Паварскомъ имѣніи, близъ Эврс.

Пребываніе Наполеона въ Дрезденъ не было,

какъ часто говорили, самымъ лучшимъ временемъ его славы, но это было самое блестящее время того Императорскаго тщеславія, которое являлъ онъ тогда въ столь высокой степени, что завелъ въ своемъ дворцѣ залу *Королевскую*, точно такъ, какъ въ Тюльери была зала Принцевъ и Маршаловъ. Но, кто захочетъ рассмотреть основательно мысль о такомъ числѣ Принцевъ и Монарховъ, судьбою превращенныхъ въ придворныхъ солдатъ Французской Ресублики, тотъ увидитъ, что сіе собраніе, каково бы нибыло великолѣпіе онаго, не представляло Наполеона въ такомъ положеніи, которое бы можно было сравнить съ тѣмъ, въ какомъ онъ находился на Эрфуртскомъ свиданіи. Какая разница между политическими причинами, которыя собрали Королевскій дворъ въ Саксонской столицѣ, съ торжественнымъ изъясненіемъ дружбы, которое было причиною прибытія въ Эрфуртъ этого благороднаго Тильзитскаго друга, готовящагося теперь измѣриться оружіемъ съ Наполеономъ! Это гигантское предпріятіе, можетъ самое обширнѣйшее изъ-всѣхъ, какія только производилъ умъ человѣческій съ самого покоренія Индіи Александромъ, обращало на себя взоры всѣхъ, занимало всѣ мысли и устранило расчеты разсудка. Не думали уже больше о Мансаресѣ, а о Шьманѣ, который былъ уже столь знаменитъ по Тильзитскому

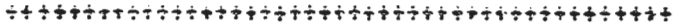
плоту. Къ этому пункту, какъ къ единственному средоточию, стремились со всѣхъ концевъ твердой земли Европы люди, лошади, повозки, продовольствія и багажи всякаго рода. Наполеонова армія состояла не изъ однихъ Французовъ, и не только изъ войскъ взятыхъ изъ странъ непосредственно подъ его вліяніемъ находящихся, какъ то Испанія, Италия, Швейцарія и Рейнскаго союза. Ни Пруссія, ни Австрія не имѣли возможности, остаться въ нейтральномъ положеніи. Пруссія должнаствовала на свою долю поставить пятнадцать тысячъ чловѣкъ, подъ командою Генерала Горка, а Австрія армію въ тридцать тысячъ подъ начальствомъ Князя Шварценберга, который вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ и свое званіе посланника при Наполеонѣ.

Тотчасъ Россія сдѣлалася предметомъ всѣхъ взоровъ, всѣхъ честолюбивыхъ видовъ Генераловъ, всѣхъ надеждъ Офицеровъ, всѣхъ опасеній людей благоразумныхъ. Испанская война болѣе и болѣе дѣлалася несчастною, по возбуждала только слабое участіе; люди наиболѣе отличившіеся въ военномъ искусствѣ считали за не милость, когда ихъ посылали въ полуостровъ, или удерживали тамъ. Впрочемъ не нужно большей прозорливости, чтобы заранѣе предвидѣть ту эпоху, когда Французы будутъ принуждены опять переходить Пирнейскія го-

ры. Я сокращаю, сколько могу, собранныя мною замѣчанія объ этой не благодарной войнѣ, которой подробности дѣлаются скучными для того, кто не посвятилъ себя предпочтительно изученію военнаго искусства. Непрiятель дѣйствовалъ все наступательно; у него было шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, а мы не могли ему противопоставить болѣе и половины; къ тому же наши войска были разсыпаны въ малыхъ дивизiяхъ подчиненныхъ разнымъ Начальствамъ. — Юсифъ хотя и возвратился въ Мадридъ, но ни одинъ изъ нашихъ Генераловъ не считалъ себя подъ его командою. Непрiятель имѣлъ въ изобиліи продовольствіе, потому что его встрѣчали какъ избавителя и отъ того, что онъ за все платилъ щедрою рукою, тогда какъ у насъ были во всемъ недостатки, потому что мы были предметомъ ненависти Пенанскаго народа, и солдатамъ нашимъ неосталось другаго средства къ пропитанію, какъ грабежъ, отъ чего еще въ высочайшей степени возрастало ожесточеніе жителей противъ Французовъ.

Я могу увѣрять, что если скрывали часто истину отъ Императора по множеству предметовъ, то поступили совсемъ иначе въ разсужденіи положеній Пенаніи весною 1812 года, то есть незадолго до отбытія его въ Дрезденъ. Съ самого Февраля мѣсяца Герцогъ Рагузскій

говоришь ему объ этомъ откровенно; онъ не скрываетъ отъ него, что Португальская и Испанская арміи не могли безъ значительныхъ подкрѣпленій людьми и деньгами, надѣяться на важныя выгоды, потому что уже Цудадъ—Родриго и Бадайозъ, достались во власть Англичанамъ.

Г Л А В А VII.

Русская кампанія и описаніе ея Г. Филиппа Сегюра. — Наполеонъ обвиняеть Мюре. — Подробности, сообщенныя мнѣ Ранпомъ. — Хероическій характеръ и вѣрноподобіе Ранпа. — Превосходное сужденіе Ранпа о Русскихъ. — Описаніе дурнаго расположенія духа Императора. — Предвѣщаніе Ранпа Наполеону. — Мирать опереждаетъ Императора въ Дануель. — Неаполитанскій Король. — Разговоръ Ранпа съ Бонапарте. — Неискренность Адъютанта, и дурное расположеніе духа Государя. — Въ глазахъ Наполеона Мирать перемѣнился. — Болезнь и грусть. — Взаимныя жалобы Бонапарте и Мюрата. — Ужинъ Императора съ Мюратомъ, Бертье и Ранпомъ. — Мнѣніе Наполеона о союзѣ ея съ Пруссією и Австрією. — Зло, причиненное союзникамъ. — Одинъ Ранпъ говорить съ Наполеономъ. — Одобреніе безъ подражанія.

Между тѣмъ, какъ дѣла въ Испаніи принимали дурной оборотъ, Наполеонъ, покинувъ Дрезденъ, откуда Императрица возвратилась въ Парижъ, пустился къ Смоленску. Не стану входить въ извѣстныя всѣмъ подробности, относительно кампаніи и послѣдовавшихъ за нею

бѣдствій; я думаю мало кто не читалъ описанія оной въ превосходномъ сочиненіи Г. Филиппа Сегюра. Къ тому же извѣстно, что это Смоленское дѣло не имѣло всего ожиданнаго успѣха. Наполеонъ обвинялъ Жюно, что онъ не отрѣзиль отступленія непріятелю, потернвшему уронъ подъ стѣнами сего города, потому что онъ не перешель за рѣку, омывающую тѣ стѣны, чтобы далю ему возможность отрѣзать отступленіе Русскихъ, очутясь прежде ихъ на Московскоѣ дорогѣ. Какова бы ни была ошибка Жюно, все она не могла имѣть большаго вліянія на послѣдствія этой кампаніи. Однакоже побѣда осталась на нашей сторонѣ; только въ то же самое время, когда эта побѣда не могла имѣть важныхъ послѣдствій, мы проиграли въ Пенаніи Саламанхское сраженіе, и Веллингтонъ вступилъ въ Мадридъ.

До начатія своихъ великихъ операций на Эльманъ и Волгу, Наполеонъ сдѣлалъ повѣдку въ Данцигъ, и я буду говорить объ этомъ обстоятельстве, потому что Раншь, бывшій тогда въ сѣмъ городѣ Губернаторомъ, сообщилъ мнѣ о сдѣланномъ ему Императоромъ посѣщеніи весьма любопытныя подробности. Удаленный отъ двора, при которомъ онъ присутствовалъ при бракосочетаніи Наполеона съ Марією Луизою, Раншь не сдѣлался придворнымъ; онъ по прежнему говорилъ правду Бонапарте, и по прежнему

му же говорилъ съ нимъ со всею откровенно-
стію, потому что видя его болѣе въ лагеряхъ,
чѣмъ во дворцѣ, онъ продолжалъ видѣть въ
немъ больше Генерала, у котораго онъ былъ
Адъютантомъ, чѣмъ Государя; но не смотря на
такое различіе, котораго самъ Раппъ можетъ
быть не дѣлалъ, ничто не могло сравниться
съ его преданностію, которую онъ доказывалъ
не лестію, а когда-то надобно было, такъ жер-
твуя собственною своею особою. Раппъ опла-
кивалъ Наполеоново паденіе; извѣстно, что онъ
оплакивалъ его смерть при Лудовикѣ XVIII; но
то, что не всякой знаетъ, это-то, что если бы
слушались его совѣтовъ, и если бы тѣ, кто выше
былъ его, поддерживали эти совѣты, то Бона-
парте не пробовалъ бы удачи въ войнѣ до
тѣхъ поръ, пока не испыталъ совершенной не-
удачи.

«Выѣхавъ изъ Дрездена, сказалъ мнѣ Раппъ,
Наполеонъ повзаль въ Данцигъ; я навѣрное ожи-
далъ, что онъ мнѣ *полюетъ голову*, потому
что, надобно признаться, я обходился уже
слишкомъ безъ церемоній съ его таможеню и
таможенными, которые надѣлали Франціи столь-
ко же враговъ, сколько подъ моимъ управлені-
емъ было жителей. Я даже посадилъ въ тюрь-
му одного Директора таможи, который взду-
малъ поупрямиться со мною; онъ жаловался;
на меня доносили Императору; но не смотря,

что онъ отдасть мнѣ должную справедливость, я все думалъ, что онъ будетъ сердиться, потому что онъ долженъ былъ знать, что я не во всей точности исполнялъ предписанія его, относительно введенія Англійскихъ товаровъ и колоніальныхъ припасовъ; я видѣлъ, какъ жалки были эти бѣдьяки и у меня не достало духу обходиться съ ними строго. Съ другой стороны, я предупредилъ его въ одномъ изъ своихъ рапортовъ о томъ, что происходило въ Россіи, о всемъ что случилось послѣ, и увѣряю тебя, что никакъ не думалъ, что я такой хорошій пророкъ; я писалъ къ нему, въ началѣ 1812 года: «Если Ваше Величество испытаете шеудачу, то можете быть увѣрены, что Русскіе «и Германцы возстанутъ общемою громадою, чтобы свергнуть иго: это будетъ крестовый походъ; все ваши союзники васъ покинутъ. Король Баварскій, на котораго вы такъ много надѣетесь, самъ присоединится къ союзу. Я «исключаю только одного Саксонскаго Короля; «можетъ быть онъ вамъ останется вѣрны, но «его подданные принудятъ его дѣйствовать за «одно съ вашими непріятелями»

Приводимый мною здѣсь разговоръ, я имѣлъ съ Ранпомъ уже послѣ втораго возстановленія; хотя мы въ то время избрали для себя всякой своей цвѣтъ, но таже дружба царствовала между нами, какъ и во время нашей старинной

пріязни въ Малмезонѣ, такъ и тогда, какъ во время Булонскаго лагеря, онъ вмѣстѣ съ Дюрокомъ, употреблялъ столько усилій у Перваго Консула, чтобы убѣдить его призвать меня, чтобы и случилось, какъ видѣли, если бы не интриги завистниковъ. Я обратился опять къ тому опасенію, которое онъ имѣлъ въ Данцигѣ на счетъ дурнаго пріема, какой ожидалъ его со стороны Императора. «Неаполитанскій Король, которому было поручено въ арміи командованіе кавалерією, сказалъ мнѣ Раннъ, прибылъ въ Данцигъ, прежде Императора, и Мюрать не въ лучшемъ противъ самаго меня видѣ взиралъ на послѣдствія начинавшейся кампаніи. Къ тому же Мюрать былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Императоръ не хотѣлъ ему позволить пріѣхать къ нему въ Дрезденъ; онъ мнѣ сказалъ, что стыднѣе быть такимъ какъ онъ Королевъ, чѣмъ простымъ Гренадерскимъ Капитаномъ. Здѣсь я прервалъ Ранна, чтобы пересказать ему то, что я слышалъ подобнаго отъ самаго Мюрата, встрѣтился съ нимъ на Енсейскихъ поляхъ. «Ба! возразилъ Раннъ; какъ ни былъ храбръ Мюрать (*), при Императорѣ дѣлался не лучше *люкрой курицы*, и я тебѣ это докажу: когда Императоръ пріѣхалъ въ Данцигъ, Мюрать и я, первые его встрѣтили. Такъ какъ онъ тогда очень усталъ, то сдѣлавъ

(*) Въ то время Мюрата уже не было на свѣтѣ.

миѣ нѣсколько вопросовъ относительно Данцига, онъ насъ отпустилъ, но скоро велѣлъ позвать опять къ себѣ меня одного и говорить со мною, ни какъ не касаясь тѣхъ предметовъ, которыхъ я опасался. Какъ скоро Констагъ (*) кивчилъ его одѣвать, то первое, о чемъ онъ началъ миѣ говорить, было союзъ, заключенный имъ съ Пруссіею и Австріею. Такъ какъ я управлялъ за него въ союзной землѣ, то и не могъ удержаться, чтобы не сказать ему, что къ сожалѣнію мы дѣлали много зла, какъ союзники, въ чемъ я слишкомъ былъ уже удостовѣренъ, по получаемымъ мною ежедневно донесеніямъ о поведеніи нашихъ войскъ. Императоръ кивнулъ головою, какъ, знаешь, онъ всегда дѣлывалъ, когда не совсемъ былъ въ духъ. Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ миѣ, не говоря ты: «Господинъ Генераль, все это ничто иное какъ потокъ, которому надо дать протечь; оно продолжится не долго; прежде всего миѣ надобно знать, хочетъ ли Александръ положительно войны.» Тутъ онъ внезапно перемѣнилъ предметъ разговора, и сказалъ миѣ: «Не нашли ли вы въ Мюратѣ чего-то необыкновеннаго; что касается до меня, такъ я нахожу, что онъ перемѣнился. Болѣвъ, что-ли онъ?»—Государь, отвѣчалъ я, Мюратъ не болѣвъ, но опечаленъ.—Опечаленъ! а чемъ?

(*) Констагъ былъ старшій камердинеръ Императора.

«Развѣ онъ не радъ быть Королемъ?—Государь, «Мюратъ говоритъ, что онъ не Король.—Самъ онъ въ томъ виноватъ! За чѣмъ онъ Неаполитанецъ? . . . За чѣмъ не Французъ? . . . Когда онъ у себя въ Королевствѣ, такъ ничего тамъ не дѣлаетъ, кромѣ глупостей; онъ покровительствуетъ торговлѣ съ Англією, а я этого не «хочу.»

Я думалъ, прибавилъ Раппъ, когда онъ говорилъ о снисхожденіи, оказываемомъ Мюратомъ торговлѣ Неаполитанцевъ съ Англією, что дойдетъ и до меня очередь, однако ничего не бывало, и разговоръ на томъ остановился; и даже, когда я уходилъ, то Императоръ сказалъ мнѣ, точно какъ во время величайшаго своего ко мнѣ благоволенія: «Раппъ, ты сего дня будешь со мною ужинать.» Я ввечеру явился на ужинъ къ Императору, который пригласилъ также Неаполитанскаго Короля и Бертье. Прежде, чѣмъ мы сѣли за столъ, говорили о войнѣ съ Россією, и такъ какъ у меня въ гостиной стоялъ бюстъ Прусской Королевы, то Императоръ слегка мнѣ за это выговорилъ, но я ему замѣтилъ, что онъ самъ же мнѣ сей часъ сказалъ, что Пруссія была со союзница. На другой день, Императоръ осмотрѣлъ крѣпость, а потомъ возвратясь въ Губернаторскій домъ, принималъ тамъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и опять пась съ Мюратомъ и Бертье

пригласилъ на ужинъ. Этотъ второй ужинъ начался скучно, потому что Императоръ молчалъ, а ты знаешь, что и самъ Миоратъ не смѣлъ первый начать съ нимъ разговоръ. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе, спросивъ, какъ далеко отъ Кадикса до Данцига. Я отвѣчалъ ему, не обвиняя: «Государь, очень далеко.» Тутъ опять онъ пересталъ говорить ты: «Господишь Генераль, сказалъ онъ мнѣ, я васъ понимаю. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы однакоже будемъ еще гораздо далѣе.» — «Тѣмъ хуже, Государь.» Тутъ опять последовало на минуту молчаніе; ни Миоратъ, ни Бертье, которому Императоръ смотрѣлъ въ глаза, испытательными очами, какъ ты знаешь его обычай, не промолвили ни слова, и опять онъ началъ разговоръ, только уже не обращая ни къ кому изъ насъ въ особенности: «Господа, сказалъ онъ важнымъ, однако не громкимъ голосомъ, я вижу, что у васъ нѣтъ болѣе охоты воевать. Неаполитанскому Королю нехотѣлось бы болѣе покидать прекрасный климатъ своего Королевства; Бертье желаетъ охотиться въ своемъ помѣстьѣ Гробуа, а Раншъ не можетъ дожидаться того времени, когда ему удастся жить въ своемъ Парижскомъ домѣ.» При такомъ тройномъ привѣтствіи, продолжалъ Раншъ, можешь ты себя представить, что ни Миоратъ, ни Бертье не отвѣчали ни слова, и опять

очередь осталась за мною. Я ему сказалъ просто на просто, что это правда, и въ тотъ же вечеръ Неаполитанскій Король и Невшательскій Принцъ, хвалили мою смѣлость и говорили, что я имѣлъ тысячу причинъ отвѣчать ему такъ, какъ я сдѣлалъ: «Право, сказалъ я имъ, когда вы находите, что я такъ хорошо поступилъ, то за чѣмъ же сами также не отвѣчали, а заставляли меня одного говорить?» Ты не можешь себѣ представить, прибавилъ Раипъ, какой у нихъ обоихъ былъ смущенный видъ, и у Мюрата еще болѣе чѣмъ у Бертъе, хотя впрочемъ онъ былъ совсемъ въ другомъ положеніи. За чѣмъ, Боже мой! за чѣмъ онъ меня не послушался?»

Уже давно Наполеонъ не слушалъ ничего, кромѣ своего честолюбія, которое ему безпрестанно кричало: «Впередъ!» Что касается до меня, то я очень хорошо помню, что какъ въ Парижѣ, такъ и въ Гамбургѣ, куда я вторично ѣздилъ въ 1812 году, посреди хвалебныхъ кликовъ, исходившихъ изъ всѣхъ официальныхъ устъ, мнѣ очень легко было замѣтить повсюду что-то угрюмое и полное смущенія; казалось, что печальное предчувствіе предвѣщало столькимъ тысячамъ семействъ трауръ, ожидавшій ихъ послѣ пагубной войны съ Россією. Повсюду я видѣлъ безпокойство, которое скрывать тщетно требовало благоразуміе. Самыя печальныя мысли за-

нимали всё умы; не было больше ни кредита, ни торговли, какъ внутренней, такъ и внешней; всякой казался въ мучительномъ ожиданіи великаго бѣдствія, и въ этомъ всеобщемъ уничтоженіи торговли и промышленности, точно какъ будто бы для того, чтобы позабавиться надъ раззореніемъ народовъ, Наполеонъ, не за долго предъ тѣмъ, прибавилъ къ великому числу своихъ Министерствъ, Министерство Коммерціи и мануфактуръ.

Г Л А В А VIII.

Переговоры и ораторскія предосторожности. — Александр и Наполеонъ.—Невозможность примиренія — Непзвѣстная безпечность Императора въ разсужденіи Турціи.—Выгода Турціи дѣйствовать за одно съ Франціею.—Воспоминанія о переговорахъ Себастіани—Война объявленная въ 1806 году и миръ заключенный въ 1812 году — Невтральное пренебреженіе Французскимъ Правительствомъ у Оттоманской Порты.—Безпокойства причиненныя Султану.—Бухарестскій миръ, и умноженіе опасеній на счетъ Наполеона.—Ложная политика Оттоманской Порты. — Покушеніе Наполеона къ отторженію Швеціи отъ союза съ Россіею.—Цѣль Наполеона въ томъ, чтобы принудить Императора Александра отозвать свои сѣверныя войска. — Вѣрность Бернадота къ союзу его съ Россіею.—Свиданіе въ Або.—Исследованіе и оправданіе поведенія Наслѣднаго Шведскаго Принца.

Переговоры, которые Наполеонъ приказалъ начать у Императора Александра, когда онъ хотѣлъ еще притворяться, что не желаетъ войны, походили на ораторскія фигуры удержанія, которыя ни какъ не мѣшаютъ сказать то, отъ

чего удерживаются. Оба Императора одинаково хотѣли войны; одинъ, чтобы упрочить свое могущество, а другой, чтобы избавиться отъ ига несносныхъ требованій; да и что въ самомъ дѣлѣ подумать, когда требуютъ отъ такой Державы, какова Россія, чтобы она затворила свои порты Англійской торговлѣ, единственно для выгоды Франціи. Въ виду не было возможности къ примиренію, и я уже говорилъ, что съ самого 1811 года Наполеонъ желалъ и предвидѣлъ войну съ Россією. Только двѣ Державы на твердой землѣ, въ это время, не были увлечены въ вихрь планеты Наполеоновой: Швеція и Турція. Императоръ обращалъ свои взоры на эти два сосѣдня съ Россією Государства. Въ Швеціи, его усилія были безуспѣшны, и хотя, въ самомъ дѣлѣ Турція находилась тогда въ войнѣ съ Россією, но Султанъ не былъ уже болѣе, какъ послѣ посольства Себастіани, покоренъ вліянію Франціи. Правда, что въ началѣ Московской кампаніи, Турецкая война съ Россією, давала нѣкоторое занятіе Императору Александру на югѣ своего государства. Наполеонъ, ослабленный своимъ величіемъ былъ точно какъ будто ошаломленъ, и я не понимаю, какъ онъ, будучи обыкновенно такой мастеръ рассчитывать все случан, которые могли способствовать успѣху его предиріятій, прежде чѣмъ рѣшился на войну въ далекомъ краю и

полную опасностей, не принялъ никакихъ дѣятельныхъ мѣръ, чтобы обезпечить себя содѣйствіемъ со стороны Турокъ, или по крайнѣй мѣрѣ отворотить ихъ отъ заключенія мира съ Россіею.

Не теперь только это я думаю; я думалъ также и въ то время, и говорилъ о томъ всякому, кто у меня бывалъ, или съ кѣмъ я разговаривалъ объ этихъ великихъ дѣлахъ, занимавшихъ цѣлый свѣтъ; небреженіе Наполеона по сему предмету, тѣмъ болѣе для меня непостижимо, что польза Турціи требовала дѣйствовать за одно съ Франціею, готовою кинуться съ пяти сотъ тысячною арміею на ея опаснаго и вѣчнаго врага. Чемъ болѣе я размышляю объ этомъ обстоятельстве, тѣмъ болѣе не могу объяснить себѣ эту безпечность, которую показалъ Наполеонъ, въ отношеніи къ тому, чтобы склонить Турцію на свою сторону, прежде нападенія на Русскихъ. Какая въ самомъ дѣлѣ противоположность съ тѣмъ глубокимъ предвидѣніемъ, которое до того столь часто ему служило.

Въ тысяча восемь сотъ двѣнадцатомъ году, обстоятельства были для Наполеона благопріятныя: не для чего было вовлечь Оттоманскую Порту въ рѣшимость объявить войну, потому что война уже существовала. Что же, не только не было сдѣлано ничего ни въ 1811,

ни въ 1812 году, чтобы воспрепятствовать Турціи заключить миръ, но Французское Правительство не старалось даже истребить или опровергать предубѣжденія, которыя непріятелямъ Франціи внушили Султану. Удалось увѣрить, что если Россія изнеможетъ въ битвѣ, то Наполеонъ заключить съ нею миръ на счетъ Оттоманской Имперіи, точно также, какъ онъ то сдѣлалъ въ 1797 году съ Австрією на счетъ Венеціанской республики. Прошедшее оправдывало такое предположеніе. Въ продолженіи войны, окончившейся Тильзитскимъ миромъ, Франція вступилась у Русскихъ за Турокъ; но тогда ихъ покинула по заключеніи мира: ей они болѣе были не нужны.

Султанъ, предупрежденный противъ Французской политики, остерегался. Генераль Андреосси, посланный въ Константинополь, не былъ выслушанъ благосклонно; къ домогательствамъ Наполеона не было оказано никакой довѣренности: они слѣдовали слишкомъ внезапно за цѣлыми годами пренебреженія и забытья. Кажется можно означить однимъ объясненіемъ разность, которая существовала между Французскою политикою 1806 и 1812 годовъ; въ первую изъ сихъ двухъ эпохъ Г. Талейранъ былъ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, а во вторую, портфель этого Министерства пошла въ руки Г. Море.

Какъ бы то ни было, Русскіе вели съ своей стороны переговоры: они сдѣлали нѣкоторыя уступки, какія сочли нужными.

Миръ, заключенный въ Бухарестѣ между Россією и Турцією, умножилъ затрудненія Наполеона, который ни какъ не ожидалъ такихъ послѣдствій. Лѣвое крыло Русской арміи, обезпеченное нейтралитетомъ Турціи, было подкрѣплено корпусомъ Князя Багратіона, который возвратясь изъ Молдавіи, занялъ въ послѣдствіи мѣстоположеніе вправо отъ Березина, и уничтожилъ послѣднія надежды спасти остатки Французской арміи, которой осталось не болѣе половины.

Непонятно, какъ Оттоманская Порта могла въ семь обстоятельствъ, уступить чувствамъ огорченія своего противъ Франціи и рѣшиться положить конецъ враждебнымъ своимъ дѣйствіямъ противъ Россіи, когда Франція безпокоила эту державу съ многочисленными силами. Мы увидимъ, былъ ли онъ счастливѣе на Сѣверѣ. Онъ относится къ Французскому Принцу, своему роднѣ, которому онъ составилъ счастье, по съ которымъ онъ ни въ какое время не жилъ въ добромъ согласіи.

У Императора Александра былъ въ Финляндіи значительный корпусъ войска, назначенный защищать противъ Шведовъ эту страну, на занятіе, которой согласился Наполеонъ, чтобы

получить предварительное согласіе Александра на вторженіе въ Испанію.

Какая была Наполеонова тактика, когда будучи въ войнѣ съ Россією, онъ хотѣлъ отвлечь Швецію отъ мирнаго ея союза съ Александромъ? Онъ далъ замѣтить Бернадоту, что ему есть вѣрный случай отнять назадъ Финляндію, понаправиться Шведамъ завоеваніемъ, которое споспѣшествовало б. л. его славѣ и привязало бы къ нему новыхъ его подданныхъ. Наполеонъ хотѣлъ, этимъ союзомъ, принудить Александра оставить свои войска на Сѣверѣ своей Имперіи, и даже увеличить число ихъ для прикрытія Финляндіи и Петербурга. Такимъ образомъ Наполеонъ домогался привлечь Наслѣднаго Принца на свою сторону. Наполеону мало было надобности въ томъ, будетъ ли имѣть Бернадотъ успѣхъ, или нѣтъ. Все Императору Александру придется оставить и умножить свой корпусъ въ Финляндіи. Вотъ все, чего желалъ Наполеонъ. Въ гигантской борьбѣ, на которую пускалась Франція, нельзя было пренебрегать и самымъ маловажнымъ союзникомъ. Но въ Январѣ мѣсяцѣ 1812 года Даву вторгнулся въ Шведскую Померанію, безъ всякаго объявленія войны и безъ очевидныхъ побудительныхъ причинъ. Такое непонятное нарушение пограничныхъ правъ могло ли расположить Наслѣднаго Шведскаго Принца къ союзу, даже и тогда

если бы выгоды его государства не были тому противны? Это было невозможно, по чему Бернадотъ рѣшился на то, чего отъ него не ожидали: онъ отвергнувъ предложенія Наполеонова и приготовился ко всему, чтобы ни случилось.

Императоръ Александръ съ своей стороны желалъ имѣть возможность отозвать занимавшій Финляндію корпусъ, чтобы сильнѣе противустоять огромной арміи, которая угрожала его государству. Не хотя подвергнуть Финляндію нападенію со стороны Швеціи, онъ 28 Августа 1812, имѣлъ въ Або свиданіе съ Наслѣднымъ Принцемъ, чтобы уговориться съ нимъ и устроить взаимныя выгоды.

Бернадотъ согласился на всѣ предложенія Александра, и съ этой минуты Швеція учинилась общимъ дѣломъ противъ того, котораго называли, за дѣло, общимъ непріателемъ, и далъ знакъ того совершеннаго отложенія, къ которому поуждало давно уже неавнастное и тираническое владительство. Союзъ сей и миръ Русскихъ съ Турками, были причиною великихъ уроновъ.

Очень осуждали поведеніе Наслѣднаго Принца; но здѣсь дѣло идетъ единственно о выгодахъ политическихъ: Бернадотъ, Шведъ по усыновленію, могъ ли предпочесть союзъ съ честолюбивымъ и завистливымъ Государемъ, ко-

торый не упустилъ бы случая отплатить ему, который одобрялъ взятіе Финляндіи, союзу съ могущественнымъ монархомъ, страшнымъ соседомъ, покровителемъ Швеціи, и котораго нерасположеніе могло бы дать очень дѣйствительную подпору наследственнымъ правамъ юнаго Густава? Швеція, заключа союзъ съ Франціею, симъ самымъ поступкомъ обнаруживала себя враждебною къ Англіи; что же тогда бы стало съ ея флотомъ, торговлею, существованіемъ?

Въ такомъ поведеніи Наслѣднаго Принца, не было, какъ утверждали, ни ненависти къ Наполеону, ни желанія вредить прежнему своему отечеству. Если въ послѣдствіи союзъ сей повредилъ Франціи, то въ этомъ должно обвинять ту политику, которая залушаетъ всякое чувство, кромѣ чувства выгодъ государства. Выгоды Шведскаго народа, надъ которымъ Бернадотъ былъ призванъ царствовать, внушили ему такую рѣшимость и эти выгоды оспоривать нельзя. Онъ былъ Шведъ, и ничего больше; нѣтъ никакой съ его стороны неблагодарности, а къ тому же, можно сказать, что Бернадотъ былъ со всемъ въ другомъ положеніи, какъ Короли, созданные Бонапарте, потому что Императоръ, по крайней мѣрѣ былъ чуждъ въ возведеніи его въ Наслѣдныя Принцы. Только

невежество и недобросовѣстность могутъ называться *безумными*, какъ сдѣлали, правила, которыми онъ слѣдовалъ. Онъ бы напротивъ того сдѣлалъ большую политическую ошибку и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшую глупость, если бы поступилъ иначе. Чтобы по надлежащему судить о дѣлахъ человѣка, надобно поставить себя на его мѣсто, поставить себя точно въ его положеніе, и спросить самаго себя, чтобы мы сдѣлали.

Г Л А В А IX.

Бонапарте и его намѣренія въ разсужденіи Польши.— Трудность читать въ Наполеоновыхъ мысляхъ.— Мысли Бонапарте въ Каирѣ и воспоминаніе о Сулковскомъ.— Грабитель жалуетъ на грабительство. — Наполеоново сужденіе о Сѣверной политикѣ. — Записки относительно Польши, диктованныя мнѣ Первымъ Консуломъ.— Статьи въ Монитеръ.— Воспоминаніе нашихъ вечернихъ разговоровъ.— Странная статья въ протоколъ Шатильонскаго конгресса.— Разсмотрѣніе того, что Наполеонъ сдѣлалъ въ отношеніи къ Польшѣ. — Мои увѣдомленія изъ Гамбурга. — Оба Императора желаютъ войны.— Разговоры съ Даву.— Энтузіазмъ его къ войнѣ.— Обнародованія.— Обещаніе Польскаго Вице-Королевства.— Торжество сабли. — Постоянныя мысли Наполеона о правѣ его на монархическое старшинство. — Чтобы сдѣлалъ Г. Талейранъ.— Интриги противъ этого Министра. — Г. Прадтъ въ Варшавѣ.— Надежды Поляковъ и разочарованіе. — Трудности, которыя бы встрѣтило возстановленіе Польскаго Королевства.

Я посвящу сію главу на разсмотрѣніе одного вопроса и на воспоминаніе событій, изъ которыхъ тогда извѣстныя подавали поводъ къ

большимъ толкамъ. Вотъ вопросъ: Имѣлъ ли Бонапарте, предъ отиравленіемъ своимъ въ послѣдній Русскій походъ, намѣреніе возвратить Польшу ея независимость? Что касается до событій, то они окажутся сами собою при разсмотрѣніи вопроса. Бонапарте, Императоръ, никогда не имѣлъ сильной и непремѣнной воли возстановить прежнее Польское Королевство во всей его полнотѣ, но часто ему приходила на мысль къ тому какая-то охота, и даже было такое время, когда онъ чувствовалъ необходимость сего возстановленія; но такая мысль никогда, а особливо въ 1812 году, не была такимъ непремѣннымъ желаніемъ, какого бы онъ не могъ выкинуть изъ головы. Бонапарте могъ говорить, что онъ возстановитъ Польшу; въ этомъ я не спорю, но да позволено мнѣ будетъ не заключать изъ этого, что должно вѣрить тому, что говорилъ Наполеонъ. Онъ говорилъ также, и даже клялся, что не станетъ распространять границъ Имперіи! Отъ того такъ часто заблуждаются, желая проникнуть въ тайны Наполеонова генія, что теряютъ изъ вида единственное изъясненіе, которое можетъ служить вожатымъ въ этомъ движущемся хаосѣ. Эта самая подвижность мыслей, плановъ предначертаній Бонапарте, дѣлаетъ, что трудно ихъ постигнуть; но начинаемъ приближаться къ истинѣ, когда разсудимъ, что все намѣренія, все

начинанія Наполеона, измѣнялись смотря по его удачамъ. По сему онъ могъ, когда-то, считать возстановленіе Польши вещью необходимою въ Европейской политикѣ, а въ послѣдствіи находить это самое дѣло противнымъ развитію его честолюбивыхъ видовъ. Какъ посмѣете сказать, что происходило въ его мысляхъ, когда въ Дрезденѣ онъ былъ ослѣпленъ блескомъ своей славы, и что тогда, въ его мѣчтаніяхъ, Царство Ягеллоновъ не явилось ему, какъ новый вѣнчикъ въ его Императорской коронѣ.

Истинно то, какъ можно было видѣть изъ сихъ Записокъ, что Бонапарте, будучи Главнокомандующимъ Египетскою арміею и Первымъ Консуломъ, имѣлъ на умѣ отметить за три раздѣленія Польши, и я разъ двадцать имѣлъ съ нимъ по этому предмету самыя занимательныя разговоры. Въ этомъ отношеніи мы были совершенно одного мнѣнія. Такъ говорили Главнокомандующій, когда мы прогуливаясь по Каирской террасѣ, тужили о смерти Сулковскаго, этого молодаго Поляка, о которомъ сердечно жалѣлъ Бонапарте; но время очень переѣмнилось! Какъ бы Императоръ могъ упоминать о необходимости возстановить равновѣсіе въ политическихъ дѣлахъ Европы, когда самъ истребилъ всякое равновѣсіе. Тогда, безъ сомнѣнія, Первый Консулъ говорилъ отъ души, что ду-

маль, и можетъ быть, если бы Сулковскій остался живъ, то мысли его приняли бы характеръ постоянства, котораго имъ не доставало; никто не говорилъ объ этомъ больше Наполеону, такъ какъ бы то дѣлалъ непременно храбрый его Адъютантъ; съ той поры, посреди гигантскихъ намѣреній Наполеона, возстановленіе Польши сдѣлалось второстепеннымъ дѣломъ, невходящимъ въ число необходимостей его политики.

Что объясняетъ мнѣ охлажденіе, скажу, почти равнодушіе Наполеона къ воскрешенію Польши, то это, что въ особенности въ началѣ Консульства предметъ сей занималъ наиболѣе его мысли. О! Тогда сколько разъ онъ разговаривалъ объ этомъ со мною, и съ многими другими особами, которыя можетъ быть еще того не забыли! Это былъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ его разговоровъ, въ которыхъ онъ объяснялся, какъ видѣли, съ большимъ противъ обыкновеннаго жаромъ. Если бы кто вздумалъ прочесть Монитеръ тогдашняго времени, то я бы могъ показать не одну статью безъ подписи, и не имѣющую оффиціальнаго вида, которыя мнѣ диктовалъ Наполеонъ, и которыхъ даже помѣщеніе въ семь журналъ, съ сохраненіемъ энергіи нѣкоторыхъ выраженій, ясно покажетъ, что творцемъ ихъ быть могъ только одинъ Бонапартъ. Обыкновенно болѣе по вечерамъ онъ

диктовалъ мнѣ такимъ образомъ. Тогда окончивъ дневныя занятія, онъ увлекался въ будущность и предавался потребности мечтать о своихъ обширныхъ замыслахъ. Иныя изъ сихъ замѣчаній были такъ неумѣренны, что часто Первый Консулъ рвалъ ихъ на другое утро, смѣясь самъ надъ своими вчерашними малинскими неистовствами. Иногда я бралъ на себя не посылать ихъ въ Мониторъ въ тотъ же вечеръ, когда ихъ диктовали, и хотя ему очень хотѣлось, чтобы ихъ напечатали, но я приводилъ ему какія ни попаало причины, чтобы оправдать замѣдленіе. Тогда онъ перечитывалъ статью, и хвалилъ меня. Ждите всего отъ времени, и отъ происшествій. Я прошу извинить меня, что не упускаю помѣщать сіи воспоминанія прошедшаго, когда они мнѣ приходятъ на память; я принимаю съ такимъ удовольствіемъ все, что обращаетъ меня ко времени Консульства, даже только хотя бы для того, чтобы забыть про Имперію!

Ниже увидятъ, и можетъ быть не безъ удивленія, что Наполеонъ велитъ помѣстить въ протоколъ засѣданій Шатильонскаго конгресса, о семь завладѣніи Польши тремя главными Державами, соединившимися противъ него, какъ о правѣ на выгоднѣйшій миръ и на поземельныя вознагражденія Франціи. Какъ хорошій поллятикъ, онъ былъ правъ.

Безъ сомнѣнія, когда великіе военные Наполеоновы таланты, увѣнчанные блестящими побѣдами, доставили бы ему во владѣніе царство Ягеллоновъ, онъ могъ бы возстановить оное. Посмотримъ, что онъ сдѣлалъ.

Въ концѣ 1810 года я былъ убѣжденъ, что не пройдетъ и полутора года, какъ снова возгорится война между Франціею и Россіею. Я извѣстилъ объ этомъ Императора въ Октябрѣ того же года, потому что онъ спрашивалъ моего по сему предмету мнѣнія. Я долженъ признаться, что мнѣ нечего было опасаться обмануться, когда я писалъ ему, что эта война неизбежна, потому согласно съ полученными отъ него приказаніями, я освѣдомлялся самымъ вѣрнымъ образомъ, къ чему подавали безъ труда мнѣ возможность, какъ положеніе мое въ Гамбургѣ, такъ многочисленныя и важныя сношенія мои по всему Сѣверу. Впрочемъ я имѣлъ еще и особенную побудительную причину: я зналъ навѣрное, что оба Императора вынуждали войну и желали ея, одинъ чтобы избавить своей народъ отъ раззоренія, которымъ ему угрожала Континентальная система и отомстить за уронъ, понесенные въ 1805 и 1807 годахъ; а другой, чтобы найти случай придать силою опору той же самой системѣ и сдѣлать нѣсколько шаговъ къ наслаженію правомъ на монархическое стар-

нинство, котораго онъ никогда не терялъ изъ виду.

Послѣ сдѣланнаго не въ пору и бесполезнаго присоединенія Анзеатическихъ городовъ къ Франціи, когда я весною 1811 года, ѣздивъ въ первый разъ за моимъ семействомъ въ Гамбургъ, я имѣлъ возможность отъ оставшихся тамъ во множествѣ друзей моихъ собрать свѣдѣнія, которыя не оставили мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что я предвидѣлъ въ минувшемъ Октябрѣ мѣсяцѣ, и я видѣлъ ясно, что въ тридцать второй военной дивизіи, состоявшей подъ командою Даву, занимались приготовлениями къ войнѣ, которая впрочемъ должна была начаться не ранѣе слѣдующаго года. Будучи долженъ увидѣться съ Даву, я говорилъ съ нимъ о намѣреніи вести войну съ Россіею, и не скрылъ отъ него, что война сія мнѣ кажется неизбѣжною; онъ и не старался отвергать сего Наполеонова намѣренія, видя по той увѣренности, съ какою я говорилъ, что я имѣлъ полныя свѣдѣнія. Тутъ я не скрылъ отъ него ни тѣхъ затрудненій, которыя, по моему мнѣнію, это великое предпріятіе представляло, ни тѣхъ опасностей, которыя угрожать могли. Я старался въ особенности обратить его вниманіе на слишкомъ сомнительное расположеніе Германіи, Турціи и Швеціи. Я ему напомнилъ, что раздраженіе достигло высочайшей

степени у Германцевъ, которыхъ мы не знали, и съ которыми часто обходились очень дурно. Даву всегда отвѣчалъ мнѣ, какъ человекъ пристрастный къ войнѣ, который, какъ и столько другихъ, обязанъ былъ своимъ блестящимъ существованіемъ, внезапнымъ обогащеніемъ, и отъ которой онъ ожидалъ еще большаго; потому что пролитая кровь всегда обогащала: Даву ни въ чемъ не сомнѣвался: онъ за ранѣ упивался успѣхомъ, будучи увѣренъ, что тамъ, гдѣ Наполеонъ, въ этомъ успѣхѣ сомнѣваться нечего. Я долженъ сказать, что минувшее оправдывало эту увѣренность, которую будущее опровергло.

Въ одномъ изъ сихъ разговоровъ, я говорилъ ему, что если его желанія и надежды оправдаются на дѣлѣ и уничтожатъ мои печальныя предчувствія, то я надѣюсь, что мы увидимъ возстановленіе Польши. Даву отвѣчалъ мнѣ, что то, чего я желалъ, было вѣроятно, потому что Наполеонъ обѣщаль ему сдѣлать его Вице-Королемъ Польши, а многихъ его товарищей надѣлать староствами. Даву объ этомъ говорилъ столь многимъ лицамъ, что про то узналъ весь Гамбургъ и вся Сѣверная Германія: я не жалѣлъ, что заставилъ его, объяснивъ желаніе мое о возстановленіи Польши, признаться, что она будетъ подъ его правленіемъ, чего я ни мало не желалъ Полякамъ. Но въ этомъ обѣ-

щаніи я видѣлъ причину сей страстной охоты вторгнуться въ Россію. Досада причиненная мнѣ такимъ признаніемъ, не дозволила мнѣ умолчать отъ него, что если бы возстановили, какъ онъ полагалъ Польшу, то Полякамъ показалось бы можетъ быть, страннымъ, что имъ даютъ главою иностранца и что раздають иностранцамъ лучшія помѣстья земли ихъ.— *Ахъ, Боже мой, да какое дѣло до ихъ жалобъ*, отвѣчалъ мнѣ Даву, *сабля торжествуетъ надъ вселю и все улаживаетъ; тѣмъ хуже для побѣжденныхъ*. Я не заключилъ ничего хорошаго изъ такихъ намѣреній и такихъ правилъ. Мои мнѣнія и строгія замѣчанія увеличили только нерасположеніе его ко мнѣ.

Не смотря на такія увѣренія Даву на счетъ намѣреній Наполеона, я почиталъ ихъ еще предварительнымъ ободреніемъ. Я сохранялъ надежду, что Наполеонъ ознаменуетъ первые свои шаги, которымъ всегда предшествовала побѣда, возстановленіемъ Сарматин; я надѣялся, что если Польша возстанетъ изъ своихъ развалинъ, то онъ избретъ особу знаменитаго рода, пользующуюся всеобщимъ уваженіемъ; что онъ полюбитъ этотъ воскресній народъ, сдѣлаетъ съ нимъ союзъ и поведетъ съ большою безопасностію свою армію къ столицѣ Восточной Россіи. По знанію моему его характера и намѣреній, я думалъ, что онъ этимъ достигнетъ пред-

мета своихъ желаній. Онъ дѣлался бы старшимъ Короля, поставленнаго имъ надъ Польшею и миѣ бы хотѣлось его видѣть достигнувшимъ заключенія выгоднаго мира (и титла *Московскаго Императора*). По страннымъ его мыслямъ объ этомъ правѣ старшинства, такой титулъ, дѣлалъ бы его опять старшимъ этаго Государя, такъ какъ онъ воображалъ, что сдѣлался уже старше Императора Франца втораго, потому что принудилъ его перемѣнить древній свой титулъ Германскаго Императора, на титулъ Императора Австрійскаго, въ замѣнъ Эрцгерцогства. Если бы то, что такъ сильно вкорѣнилось въ его головѣ, исполнилось, тогда бы только одинъ Англійскій Король, котораго царствующій домъ былъ самый новый до Революціи, оставался бы изо-всѣхъ Королевскихъ домовъ старше Наполеонова. Богъ знаетъ, чего бы не предпринялъ Наполеонъ, только бы достигнуть этой послѣдней степени его непостижимаго безразсудства; не надѣясь никогда побѣдить Англію силою, и *системами*, онъ бы все употребилъ въ дѣло, лишь бы только произвести перемѣну въ династіи; и, по его мыслямъ, достигъ бы и сей цѣли. Какъ бы ни странна, какъ бы не безумна казалась эта цѣль, все се должно считать дѣломъ положительнымъ. Дѣта его умножались, душевныя способности слабѣли, и это вѣрно помѣшало приведенію въ дѣй-

ство *послѣдняго* намѣренія, бывшаго постоянно въ его мысляхъ. Но оставляя въ сторонѣ Англію, Наполеону Артиллерійскому Офицеру, отрѣшенному въ 1795 году, казалось бы верховьмъ счастья быть въ 1812 году старшимъ Государемъ на твердой землѣ Европы. Какъ съ такими мыслями, при помощи столь великихъ талантовъ и необозримой власти, не совершать вещей чудесныхъ? Въ какой хижинѣ не произносили бы его имени въ продолженіи цѣлыхъ тысячъ поколѣній?

Но что дѣлаетъ Наполеонъ, чтобы возставить Польшу?—Ничего ровно. Обнародовано было, что послѣ Тильзитскаго мира, въ Іюль мѣсяцѣ 1807 года, онъ имѣлъ намѣреніе затѣять большое движеніе въ Польшѣ, и сдѣланы были большія приуготовленія для достиженія сей цѣли, но что его повелѣнія были дурно выполнены. Такимъ образомъ легко извинять въ великомъ челоуѣкѣ ошибки, которыхъ ни одной находить въ немъ не хотятъ, не смотря на то, что онъ челоуѣкъ. Кто могъ воспротивиться твердой Наполеоновой волѣ? Слишкомъ рабски выполняли его повѣленія, даже самыя несправедливья. Сколько бы отвратили бѣдствій, если бы вмѣсто слѣдшаго исполненія этихъ повѣленій, данныхъ въ припадкахъ честолюбиваго упоенія, предоставили бы времени его благотѣльное дѣйствіе. Жаль только, что никогда не помнить

истины: «Время смягчаетъ всѣ рѣшенія гнѣва.»

Въ этой-то возрожденной Польшѣ Наполеонъ долженъ былъ найти средства, чтобы достигнуть успѣха въ гигантскомъ своемъ предпріятіи, порожденіи его честолюбія. Въ походѣ на Москву онъ бы обезпечилъ свои заднія силы, свое продовольствіе, и, прибавимъ, свое отступленіе, которое неудача могла бы сдѣлать возможнымъ, — а эта бѣда случилась! Наполеонъ тогда могъ бы надѣяться на націю, которая была бы ему обязана новымъ своимъ существованіемъ.

При отъѣздѣ Наполеона въ Московскій походъ, наступало время, что Г. Талейрана опять назначать Министромъ. Онъ былъ удаленъ отъ Министерства посредствомъ столь обычныхъ пронырствъ, клеветы и интригъ. Его прямой умъ и большее знаніе Европы дали бы ему рѣшимость, я нисколько не сомнѣваюсь, возобновить и питать прежнія чувства, столь сильно оказывавшіяся въ душѣ *Перваго Консула* и которыя еще не совсемъ угасли въ душѣ *Императора*. Г. Талейранъ споспѣшествовалъ съ такою же удачею, какъ и съ усердіемъ къ ослабленію, посредствомъ великаго вознаграждительнаго акта, Россіи, Пруссіи и Австріи. Эготъ великій политическій актъ удостоенъ одобренія всѣхъ людей великодушныхъ. Но лезть постоянно окружала Наполеона, а заманчивая мысль о

возможности раздѣлить обширную и прекрасную страну, одержала верхъ надъ истинными выгодами отечества. Такъ идетъ все на свѣтъ; захваченное отобрали, но ничего не отдали изъ того настоящему хозяину.

Императора разными происками зависти отъвертели отъ намѣренія взять Г. Талейрана съ собою въ Варшаву; однако же онъ не хотѣлъ имѣть при себѣ по дипломатической части никого кромѣ Г. Марета, на тотъ случай, если бы занадобилось что исполнить въ отношеніи къ возстановленію Польши. Онъ назначилъ своего придворнаго Священника Аббата Прадта посланникомъ въ Варшаву. Г. Прадтъ былъ въ послѣдствіи Малипскихъ Архіепископомъ, великимъ Канцлеромъ Почетнаго Легіона при возстановленіи, и сдѣлался знаменитъ съ той поры, какъ сталъ ничѣмъ.

Если бы я, въ то время, когда Наполеону нечего было скрывать свои виды, столько разъ не слышалъ какъ онъ объяснялся о своемъ намѣреніи возстановить Польское Королевство; если бы я не могъ послѣ видѣть перемѣчивость его мыслей, смотря потому, въ какомъ онъ былъ положеніи и цѣнить то обстоятельство, которое я утверждалъ въ началѣ сей главы, то я бы, видя поступки Наполеона съ Поляками, подумалъ, что онъ только хотѣлъ, предварительными случаями благопріятными ихъ возстановленію, ихъ

поласкать пустыми надеждами, чтобы приготовить себя у нихъ великую главную квартиру и обмануть ихъ ложными видами; получая даже первыя письма отъ нѣкоторыхъ Генераловъ, моихъ пріятелей, которые находились въ арміи при Вислѣ, я началъ сомнѣваться, но сомнѣнія мои скоро исчезли отъ полученныхъ мною болѣе точныхъ свѣдѣній, точно также какъ и Варшавскій Сеймъ обманулся въ своихъ надеждахъ, которыя сначала считалъ вѣрными.

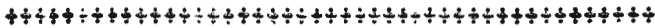
Дѣйствительно по прибытіи Наполеона въ Польшу, Варшавскій Сеймъ будучи убѣжденъ, какъ ему необходимо надлежало быть, въ чувствахъ Императора, объявилъ Королевство свободнымъ и независимымъ. Онъ почиталъ ничтожными всѣ трактаты о раздѣлѣ, до сего бывшіе. Онъ надѣялся на силу: Наполеонъ дурно принялъ сдѣланный ему отъ Сейма адресъ, въ которомъ онъ объяснялъ сіи правила. Въ отвѣтъ своемъ онъ нарочно помѣстилъ сомнѣніе, и нерѣшимость: нельзя было осуждать побудительной къ тому причины. Чтобы обезпечить себя союзъ Австріи противъ Россіи, онъ успокоилъ своего тестя на счетъ сохраненія въ цѣлости его владѣній. Наполеонъ объявилъ, что не можетъ принять участія ни въ какомъ движеніи, ни въ какой либо рѣшимости, могущей потревожить Австрію въ обладаніи Польскими провинціями, которыя составляли часть Импе-

рш. Это значило бы, говорилъ онъ, отдѣлиться отъ союза его съ Австріею и заставить ее броситься въ объятія Россіи. Что касается до Польско - Русскихъ провинцій, то Наполеонъ сказалъ, что онъ увидитъ, что надобно будетъ дѣлать, если Провидѣніе дозволитъ успѣхъ въ ихъ дѣлѣ. Эти неопредѣленные и темныя выраженія, даже необъясняли, чтобы онъ сдѣлалъ для Поляковъ, если бы успѣхъ увѣнчалъ его обширныя предпріятія. Онъ породили недовѣрчивость между Поляками и дѣла не имѣли никакихъ послѣдствій.

Я окончу сіи разсужденія о дѣлѣ Польши, краткимъ замѣчаніемъ, извиняющимъ Наполеона, и которое заслуживаетъ уваженіе. Польша, какъ извѣстно, была раздѣлена по переменнo между тремя Державами: Россіею, Австріею и Пруссіею. Наполеонъ былъ въ войнѣ со всѣми этими тремя Державами, но ни разу со всѣми вдругъ. Въ 1805 году онъ велъ войну съ Австріею и Россіею, а Пруссія сохраняла нейтралитетъ; когда воевалъ съ Австріею, тогда Пруссія и Россія оставались нейтральными, или лучше союзными; наконецъ когда въ 1812 году онъ дрался съ Русскими, то Австрія и Пруссія были съ нимъ въ союзѣ: но сему онъ никогда не могъ употребить въ пользу свои побѣды для того, чтобы восстановить Польшу, не нарушая выгодъ Державъ бывшихъ съ нимъ въ

нейтралитетъ или въ союзѣ; изъ сего я даже осмѣливаюсь заключить, что не только онъ не имѣлъ твердой воли, которая бы надъ всѣмъ восторжествовала, но и возможности привести въ дѣйство свои мечты и намѣренія, которыми на берегахъ Нила, онъ хотѣлъ ублажить память Сулковскаго.

Г Л А В А X.

Какую пады Бонапарте имѣли власть мечтанія.—Русскіе и Пароліе.—Петерильность Наполеонова характера — Употребленіе и цѣна времени.—Напрасная надежда, что у него будутъ просить мира. — Отвергнутыя предложенія, и отказъ Императора Александра вступитъ въ переговоры.—Распоряженія въ Москвѣ относительно Французскаго театра.—Причины такихъ распоряженій—Безпрестанныя троуръ въ Парижѣ и пушка нивалиднаго дома.—Уроны арміи.—Заговоръ Маллета. — Невозможность въ успѣхъ.— Начало удачи. — Дѣло дурака. — Подробности о проискахъ заговорниковъ.—Герцогъ Ровиго въ ла-Форсѣ — Я открываю въ Министеріи Логорія, заказывающаго себѣ Министерское платье.— Маллетъ у Генерала Гомена — Арестованіе Маллета.—Четырнадцать осужденныхъ.—Одобреніе Наполеона. — Императорскія беспокойства.— Отставленіе Фронона за услышанное слово.— Полученіе Императоромъ извѣстія въ Смоленскѣ.—Раншъ, въ котораго присутствіи это было, рассказываетъ мнѣ подробности. — Императоръ недоволенъ. — Оцѣнка его власти.—Необходимость побывать въ Парижѣ. — Настоящія причины Наполеонова отъѣзда. — Ложныя обвиненія.—Размышленіе о покушеніи Маллета.—Двадцать девятый бюллетень.

Характеръ Бонапарте представлялъ самыя непонятныя несходства; не смотря на то, что

онъ былъ самый свосравный человекъ, но я не знаю, кого бы такъ легко можно было увлечь въ мечтанія; во многихъ обстоятельствахъ желать и быть несомнѣнно увѣрену въ полученіи желаемого, было для него одно и то же. Никогда онъ не давалъ столько воли своимъ мечтаніямъ, какъ въ началѣ Московской кампаніи, хотя родъ отрицательной обороны, которую представляли въ началѣ Русскіе, отступая безпрестанно предъ торжественнымъ патискомъ нашей арміи, по обычаю древнихъ Персій, долженъ былъ бы открыть ему глаза въ разсужденіи послѣдствій этого отступательнаго движенія, которое не могло быть иначе, какъ слѣдствіемъ расчета. Пожары въ городахъ и деревняхъ, покинутыхъ войсками Императора Александра, по видимому, довольно ясно доказывали, что Русскіе хотѣли завлечь насъ въ нѣдро своей страны, и мнѣніе всѣхъ умныхъ людей, даже до начала тѣхъ непостижимыхъ бѣдствій, ознаменовавшихъ самое ужасное отступление изъ всѣхъ, какія сохранились въ исторіи, было по сему предмету одинаково, а именно, что Императоръ долженствовалъ провести зиму съ 1812 на 1813 годъ въ Польшѣ; основать тамъ, хотя на время, такъ сказать большую пристройку своей Имперіи, на тотъ конецъ, чтобы весною продолжать ходъ обширнаго своего предпріятія. Но истеричность его

характера понуждала его впередъ, такъ сказать безъ его вѣдома, точно какъ будто бы онъ находился подъ властію какого нибудь невидимаго злаго духа, который былъ сильнѣе его тенія. Этотъ злой духъ было честолюбіе. Онъ зналъ такъ хорошо цѣну времени, но не зналъ довольно его могущества, и того что часто выигрываютъ умѣя подсеждать; однакоже онъ долженъ былъ читать въ комментаріяхъ Кесаря, составлявшихъ любимое его чтеніе, что Кесарь не въ одну кампанію покоришь Галлію.

Другая мечта, которую себѣ забралъ въ голову Наполеонъ во время Московской кампаніи, и въ семь отношеній, я признаюсь, что прошедшіе опыты его извиняли, было полагать на вѣрное, что Императоръ Александръ предложитъ ему миръ, какъ скоро увидитъ его впереди арміи на Русскихъ границахъ; но пожаръ Московскій показалъ ему, что это была битва на смерть; и онъ привыкнувъ принимать предложенія отъ побѣжденныхъ непріятелей, къ огорченію своему, видѣлъ въ первый разъ, что отвергали его собственныя. Императоръ Александръ дѣйствительно не хотѣлъ и слышать о переговорахъ. По моему мнѣнію, продолжительное пребываніе Наполеона въ Москвѣ, можетъ быть объяснено только мечтательною увѣренностію, что Русскій кабинетъ перемѣнитъ мысли и наконецъ согласится вести переговоры о мирѣ.

Что касается до его постановленія о Французскомъ театрѣ, написаннаго въ Москвѣ, то это было только маленькое плутовство его политики, чтобы сбить съ пути Парижскихъ жителей, на счетъ настоящаго его положенія въ древней столицѣ Русскихъ Царей. Если Императоры, должны были говорить: есть досугъ заниматься театромъ,—то это значить, что счастье ихъ не покидаетъ, что все идетъ по ихъ; такое увѣреніе, искусно распространяемое уставщиками общественнаго мнѣнія, поддерживало чудесно вымыслы, которыми онъ украшала бюлетени большой арміи. Сіи бюлетени, хотя были ложны во многихъ отношеніяхъ, ожидались всегда съ живѣйшимъ не терпѣніемъ; и какая жена, какая мать, у которыхъ были или мужъ или сынъ въ арміи, могли безъ трепета нія сердца срывать бандероль съ монитера! Въ самой вещи, сколько семействъ потеряло свои подпоры, или надежды въ этомъ ряду уруновъ! Никогда не было пролито столько слезъ; и какой пустой былъ звукъ пушекъ Инвалиднаго дома, возвѣщающій побѣду для, тѣхъ, кто въ тишинѣ своего уединенія, съ горестію занимались приуготовленіями троура! Нельзя не вспомнить, что съ полгода множество траурныхъ платьевъ поражало во всемъ Парижѣ.

Какъ бы то ни было, послѣ слишкомъ долгаго и бесполезнаго пребыванія въ Москвѣ,

Наполеонъ выѣхалъ въ намѣреніи послѣ этого пункта на пеплъ столицы, расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ; но судьба пошла вопреки Наполеону, и въ этомъ ужасномъ отступленіи, суровость климата явила себя за одно съ Русскими для того, чтобы истребить остатки самой страшной арміи, какая только когда либо повиновалась одному военачальнику; и чтобы найти въ исторіи бѣдствіе подобное претерпѣннымъ подъ Березинымъ, надобно вознестись къ гибели легионовъ Бара.

Не смотря на всеобщее въ Парижѣ уныніе, не смотря на основательныя опасенія столькихъ семействъ, и предвидѣнія тѣхъ, которые озаряясь опытомъ, читали въ будущемъ, столица была покойна, какъ вдругъ, по странному стеченію обстоятельствъ, въ тотъ самый день, какъ Наполеонъ выбирался изъ вызженной Москвы, въ Парижѣ обнаружилось странное и безумное предпріятіе Маллета. Этотъ Генералъ всегда исповѣдывалъ республиканскія мысли, будучи впрочемъ одаренъ довольно возвышеннымъ характеромъ: пробывъ въ заключеніи исходатайствовалъ отъ Правительства дозволеніе жить въ Парижѣ въ одной больницѣ близъ Тронской заставы. Причины его арестованія имѣли много сходства съ тѣми, которыя стоили ему жизни; его арестовали за то, что онъ публично явилъ дурныя намѣренія противъ Император-

Жизнь IX.

15

скаго Правительства, когда въ 1807 году Наполеонъ занялъ былъ въ Пруссіи, и готовился идти противъ Русскихъ. Маллетъ былъ впрочемъ человекъ нисколько неважный въ политическомъ отношеніи, безъ предшественниковъ, безъ послѣдователей, безъ опоры въ обществѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ Бонапарте называлъ, даже когда былъ еще Консуломъ, *воркотунами республики*. Этотъ удалецъ забралъ себя въ голову низпровергнуть могущество Наполеона, уничтожить Имперіи и возстановить народное правленіе; а чтобы не дать повода къ нарѣканію тѣмъ, кому бы вздумалось обвинять его въ честолюбіи, онъ ограничилъ свои безумныя дѣйствія, назвавшись Губернаторомъ Парижа.

Значило худо знать духъ и потребности Франціи, когда хотѣть, чтобы замѣстить Императорство, не смотря на его погрѣшности, дать ему въ преемничество народное правленіе, самое худшее изъ всѣхъ правленій. Что могъ сдѣлать Маллетъ? ровно ничего, и если его правленіе велось три дня, то онъ испыталъ участь гораздо благоприятнѣе той, какой бы ему, подобно съ благоразуміемъ, ожидать можно было. Онъ говорилъ, что Императоръ умеръ? но вдругъ прибывшая изъ Россіи эстафета, все оставившая, воскрешала Наполеона; и прокламаціи, въ которыхъ Маллетъ убивалъ Бонапарте

долженствовали покрыться стыдомъ, также точно какъ ихъ творецъ. Предпріятіе его было ничто иное, какъ дѣло глумца. Слишкомъ уже были утомлены безпокойствами, для того, чтобы кипуться въ руки какогонибудь Маллета, или Лагорія, который показали себя столь постыднымъ образомъ въ процессѣ Моро. Однакоже, не смотря на очевидную невозможность въ успѣхъ, надобно признаться, что много плутовства и большая изворотливость, сопровождали начало приведенія въ дѣйство этого нелпаго заговора. Никто не былъ повѣрчивымъ заговорщиковъ; они не могли имѣть никакого опредѣленнаго плана, и никакихъ послѣдователей, впрочемъ, могли найтись люди ничтожные, безъ подпоры, даже презираемые, чтобы произвести перемѣну въ правленіи Франціи!

Что дѣлаетъ Маллетъ? Онъ мечтаетъ въ своемъ уединеніи; въ мечтаніяхъ своихъ онъ увѣрлетъ себя, что если бы можно было сдѣлать достовѣрнымъ слухъ о Наполеоновой смерти, то успѣхъ его предпріятія дѣлался несомнѣннымъ. Цѣлый свѣтъ для него въ темницѣ; если онъ получитъ свободу, то и Франція также! По его Наполеонъ кончилъ жизнь осьмаго Октября. Официальное объ этомъ извѣстіе получилъ онъ ѳбдннй заключенный, а ни до кого изъ главныхъ въ Правительствѣ лицъ оно не доходило; онъ собирается дѣйствовать внезапно.

Двадцать втораго Октября онъ уходитъ изъ своей больницы и идетъ къ Полковнику Сулье, командирующему десятою когортою народной Гвардіи. Казарма, занимаемая этою когортою, находилась именно позади больницы Маллета. До сихъ поръ все шло хорошо.

Маллетъ наготовилъ себѣ кучу фальшивыхъ повелѣній, которыя онъ самъ сочинилъ и подшисалъ. Онъ явился къ Сулье подъ именемъ Генерала *Ла Мотта*, говоря, что онъ присланъ отъ Генерала *Маллета*.

Полковникъ Сулье, узнавъ о кончинѣ Императора, залился слезами: онъ тотчасъ далъ приказаніе когортному Адыютанту собрать команду и явиться подъ распоряженіе Генерала *Ла Мотта*, предъ которымъ, онъ по простодушію еще извинялся, что по болѣзни своей не могъ встать. Тогда было два часа утра. Солдатамъ прочитали при свѣчахъ бумаги, составленныя о смерти Наполеона и о новомъ видѣ правленія. Маллетъ отправился со всею поспѣшностію съ тысяча двумястами человѣкъ.

Это происходило въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Маллетъ пошелъ съ своею колонною къ ла Форсу; велѣлъ себѣ отпереть эту темницу и выпустилъ изъ нея сидѣвшихъ тамъ Гвидала и Лагорія; Лагорій былъ арестованъ по Императорскому повелѣнію, потому что онъ хотѣлъ, послать его въ Америку, сбыть съ рукъ этого

презрѣннаго агента Жоржевскаго заговора. Его хотѣли перевести въ Нантъ-Гвидаль былъ арестованъ въ окрестностяхъ Марсели, какъ человекъ подозрительный въ шпионствѣ для Англійскаго Адмирала, который стоялъ предъ Тулономъ. Его готовились перемѣстить въ Тулонъ, для преданія суду; но случай былъ причиною, что невольное замѣдленіе въ исполненіи предписанія, сдѣлало его третьимъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ безумномъ предпріятіи.

Объявившись съ Логоріемъ и Гвидалемъ, Малеть объявилъ имъ смерть Императора, и перемѣну въ Правительствѣ; сообщилъ имъ свои предписанія, и назначилъ свиданіе въ ратушѣ. Въ слѣдствіе этихъ предписаній Министръ и Префектъ Полиціи были арестованы въ ихъ домахъ.

Я былъ тогда въ Курбевоѣ; и пріѣхалъ въ этотъ день оттуда, какъ мнѣ и часто случалось, завтракать къ Министру Полиціи. Можно себѣ представить, каково было мое удивленіе, когда привратникъ рассказалъ мнѣ объ арестованіи Герцога Ровиго и о перемѣщеніи его въ ла Форскую темницу. Я вошелъ въ комнаты; мнѣ сказали, къ удивленію моему, что новый эфемерный Министръ былъ занятъ — съ него снимали мѣрку для новаго платья. Такіе поступки столь вполне выказывали заговорщика, что я тотчасъ угадалъ, какъ поступать.

Военнаго Министра также хотѣли арестовать. Но Лагорій побѣжалъ за Генераломъ Гвидалемъ, которому онъ сначала поручилъ это дѣло, и догналъ его прежде, чѣмъ тотъ достигъ Министра дома. Думаютъ, что онъ встрѣтилъ необходимость въ Гвидалевомъ отрядѣ, чтобы дѣйствовать съ большою увѣренностію и съ большимъ успѣхомъ противъ Министра Полиціи Герцога Ровинго. Это одно обстоятельство, что зандобился небольшой отрядъ на Малакейской набережной, послужило помятою тому, что военный Министръ не прогулялся въ ла Форсъ, какъ его товарищъ.

Маллетъ съ своей стороны явился къ Генералу Гюлэну, который начальствовалъ въ Парижѣ. Онъ объявилъ ему, что имѣетъ порученіе отъ Министра Полиціи арестовать его, и опечатать его бумаги. Гюлэнъ потребовалъ, чтобы онъ показалъ ему полученныя имъ предписанія. Онъ вошелъ въ свой кабинетъ, а Маллетъ за нимъ, и въ ту минуту, когда Гюлэнъ обратился къ нему, чтобы объясниться и раземотрѣть его бумаги, Маллетъ выстрѣлилъ ему въ лице. Гюлэнъ узналъ, но пуля только что прошла ему въ щеку, не причинивъ ему смерти. Достоинно примѣчанія то, что Капитанъ, котораго взялъ съ собою Маллетъ, и который сопровождалъ его къ Гюлэну, не нашедъ въ этомъ ничего, кромѣ весьма обыкновеннаго, не

двигался съ мѣста, и что Маллетъ преспокойно отправился къ Генераль-Адъютанту Дусету. Случилось, что главный Инспекторъ Полиціи приѣхалъ для справокъ въ главный Штабъ, гдѣ все это происходило. Онъ узналъ Маллета, и потребовалъ его къ себѣ, какъ человѣка, ввѣреннаго его надзору; объявивъ ему, что онъ не долженъ былъ выходить изъ своей больницы, безъ него или безъ его приказанія, велѣлъ его предварительно арестовать.

Маллетъ, видя, что онъ погибъ, хотѣлъ взять съ собою въ карманъ пистолеть; но это замѣтили и три бывшіе съ нимъ человѣка, схватили его и обезоружили.

Такъ кончился этотъ заговоръ, достопримѣчательный по продолжавшемуся нѣсколько часовъ усвѣху, и по скорѣйшему еще трагическому концу своему; заговоръ, который хотя былъ настоящая глупость, но все таки стоилъ жизни четырнадцати человѣкамъ. Кромѣ Маллета, Гвидала и Лагорія, остальные одиннадцать были только покорными орудіями, и обманутыми. Тогда говорили и утверждали послѣ, что если бы Императоръ былъ въ Парижѣ, то сія экзекуція не была бы такъ значительна. Прибавляли еще, что число казненныхъ его испугало и онъ вскричалъ: «Это умерщвленіе, «разстрѣливаніе! . . . Какое впечатленіе оно «сдѣлаетъ въ Парижѣ?» Все это не такъ: извѣст-

но, что Наполсонъ съ удовольствіемъ узналъ о семъ жестокомъ и скоромъ наказаніи за покушеніе противъ его власти. Онъ столько же досадовалъ на это дерзкое предпріятіе, сколько имѣлъ презрѣнія къ тому, какъ легко оно было приведено въ дѣйство; и нѣтъ сомнѣнія, что строгость, послѣдовавшая за предусмотрительностью и слабостью, совсемъ неизлишне вознаградила его за безпокойства, причиненныя ему этими происшествіями. Его всегда болѣе устрашали внутреннія обстоятельства, чѣмъ внѣшнія, и онъ очень хорошо зналъ, что если у него было оружіе противъ Государей, то нѣтъ ни какой власти противъ общественнаго мнѣнія. Онъ поспѣшалъ къ побѣдамъ, чтобы имѣть болѣе средствъ противодѣйствовать во Франціи. Въ чужихъ земляхъ онъ былъ побѣдителемъ, а дома не имѣлъ покоя; каждое народное собраніе заставляло его трепетать. Что же съ нимъ было, когда онъ находился въ этихъ обстоятельствахъ.

Всѣ знаютъ, что навлекли на почтеннаго Г. Фроше, Сенекаго префекта, два слова сказанныя ему однимъ чиновникомъ префектуры, который встрѣтилъ его при возвращеніи въ Парижъ. *Fuit imperator*. Жертва очень естественной мысли, потому, что Императоръ все таки былъ не безсмертенъ; онъ былъ отставленъ съ гнѣвомъ, за что всѣ вознегодовали.

Общественное мнѣніе отдало ему справедливость, и въ послѣдствіи главный Совѣтъ Сенскаго Департамента ему это засвидѣтельствовало.

Таковъ былъ заговоръ Маллетовъ и такова участь этого глупца и его сообщниковъ. Происшествіе сіе не произвело слишкомъ большаго дѣйствія въ Парижъ, въ ту самую минуту, какъ оно случилось, потому что въ одно время узнали и объ немъ и о его послѣдствіяхъ; праздные люди очень потѣшались тѣмъ, что Министра и Префекта Полиціи посадили въ тюрьму такіе люди, которые еще на канунъ были ихъ арестантами. На другой день я навѣстилъ Савари, котораго нашелъ въ большемъ смущеніи отъ бывшей съ нимъ непріятности. Онъ зналъ уже, что надъ нимъ смѣются въ Парижъ, по случаю его ареста, который продолжался не болѣе получаса. Гвидаль явился къ нему въ домъ вмѣстѣ съ Лагоріемъ; заставъ его въ постель, они схватили его въ одной рубашкѣ и на силу согласились дать ему одѣться; всякое съ его стороны сопротивленіе было бы бесполезно, и онъ въ этомъ обстоятельствѣ поступилъ, такъ какъ бы и всякой другой на его мѣстѣ.

Императоръ, какъ я уже сказалъ, выѣхалъ изъ Москвы въ тотъ самый день, въ который Маллетъ произвелъ въ дѣйствіе свое безпутное намѣреніе, то есть девятнадцатаго Октября; вѣсть объ этомъ дошла до него въ Смоленскѣ.

Раппъ былъ раненъ предъ вступленіемъ въ Москву, но раны его почти совсѣмъ зажили, и онъ имѣлъ возможность сопровождать Наполеона, при которомъ и находился когда тотъ получилъ донесеніе о случившемся въ Парижѣ происшествіи. Раппъ мнѣ разказывалъ, что чтеніе этого донесенія очень встревожило Наполеона. Онъ сердился на бесполезность и не искусство Полиціи, обвинялъ Савари въ нерадѣніи, и въ этомъ случаѣ былъ не правъ; если Савари не открылъ Маллетова заговора, то это доказываетъ только, что не онъ его составлялъ, потому что всегда, если какая бы то ни было Полиція извѣщаетъ Государя, что она открыла заговоръ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что сія же самая Полиція тутъ имѣла участіе. Наполеонъ не удовольствовался тѣмъ, говорилъ мнѣ Раппъ, что жаловался на нерадѣніе агентовъ своей власти. «Вотъ, сказалъ онъ, на чемъ держится мое могущество? Какъ? Видно «это могущество очень не надежно, когда одинъ «человѣкъ, содержащійся въ заперти, можетъ «его подвергнуть опасности! По этому корона «на моей головѣ неслишкомъ плотно держится, если въ самой моей столицѣ, дерзкая вы-«ходка трехъ безпутныхъ удалцевъ можетъ ее «поколебать! Раппъ, бѣда одна не приходитъ; «это прибавка къ тому, что здѣсь происходитъ. «Мнѣ нельзя быть повсюду, но я долженъ

«возвратиться къ себѣ въ столицу, присутствіе мое тамъ необходимо, чтобы возстановить мнѣніе. Мнѣ нужны люди, и деньги; великіе успѣхи, великія побѣды все поправятъ. Я долженъ ѣхать.»

Такія причины понудили Императора уѣхать совсѣю возможною поспѣшностью изъ арміи. Мнѣ ужасно было досадно видѣть людей, которые внезапный отъѣздъ его приписывали трусости, слабости, болзни. Онъ боялся! онъ былъ трусъ! Какъ же вы его знали! Никогда онъ не былъ счастливѣе, какъ на полѣ сраженія, покойнѣе, какъ посреди опасностей; скажите лучше, что онъ трепеталъ при одной мысли о какомъ нибудь двусмысленномъ изреченіи въ памфлетѣ, и вы не ошибетесь. Я очень понимаю то живое безпокойство, которое его одолѣло, когда онъ узналъ о Маллетовомъ предпріятіи; онъ зналъ, что публикѣ могли придти на умъ тѣ же мысли, которыя онъ обнаружилъ предъ Раппомъ, что нравственнаго дѣйствія такого покушенія должно было опасаться потому, что оно влечло къ тому, чтобы уничтожить ту обманчивую мысль о силѣ и непоколебимости, которыми онъ всячески старался окружить свое правленіе. Что же бы вышло, если бы Маллетъ не такъ поторопился въ своемъ дерзкомъ заговорѣ, а повременилъ

бы, и принялся за него когда въ Парижѣ получили этотъ знаменитый двадцать девятый бюллетень, который погрузилъ весь городъ въ такое смущеніе, какого не видывали съ самого его возшествія; Бюллетень, который онъ осмѣлился окончить увѣреніемъ: *Императоръ здоровъ!*

Г Л А В А XI.

Мюратъ оставляетъ армию.—Ней и Евгений.—Какъ легко Ита-
лянцы спосили стужу.—Прибытіе Наполеона въ Парижъ.—
Фуше въ Парижъ и опасенія Герцога Ровинго.—Слѣдствія
Маллетова дѣла, и отрѣшеніе Г. Фрошо.—Пренебреженіе
законными формами.—Наполеону необходимо вознаградить
свои уроны.—Всѣобщія жалобы.—Немощная дѣлатель-
ность и созданіе новой арміи.—Учрежденіе почетной стра-
жи.—Затруднительное положеніе Прусскаго Короля.—Отло-
женіе Генерала Юрка, и осужденіе.—Безпокойства Напо-
леона.—Созваніе тайнаго совѣта.—Благоразумныя мнѣнія
отвержены, а война рѣшена.—Положеніе Испаніи.—Сла-
бость и отрѣченіе Папы.—Графъ Людовикъ Нарбонскій въ
Вьнь.—Безуспѣшныя переговоры.—Второй тайный совѣтъ.
—Старинный церемоніаль.—Регенство возлагается на Им-
ператрицу.—Марія Луиза и Королева Бланка.

Въ предъидущей главѣ я объяснилъ причины,
по которымъ Наполеонъ поспѣшилъ возвра-
титься въ Парижъ, поручивъ впрочемъ остат-
ки своей арміи попеченіямъ самыхъ искусныхъ
Генераловъ, Мюрата, командовавшаго кавале-
ріею съ такою славою, но который покинулъ

армію и возвратился въ Неаполь; Нея, героя, котораго имя пребудеть вѣчно въ лѣтописяхъ славы, а смерть также незабвенна въ отношеніи къ мстительности партіи. Евгенийъ болѣе другихъ начальниковъ умѣлъ содержать какую-то подчиненность между своими Италіянцами, посреди всеобщаго безпорядка, и замѣтили, что солдаты съ полудня, находившіеся въ ужасной Московской кампаніи, лучше солдатъ родившихся не въ столь теплыхъ климатахъ, переносили суровости холода, точно какъ будто бы природа дала людямъ привыкшимъ къ большому теплу, способность переносить суровость противуположной температуры.

Наполеонъ прибылъ въ Парижъ 19 Декабря въ восемь часовъ вечера, съ Коленкуръ, котораго братъ убитъ при Московскомъ дѣлѣ. Коленкуръ сопровождалъ его, былъ съ нимъ наединѣ двѣ недѣли. Я узналъ, что Императоръ возвращаясь былъ очень дурно расположенъ къ Савари за Малметово дѣло, и хотя Коленкуръ постоянно старался его оправдать, но Наполеонъ оставался все въ томъ же предубѣжденіи противъ своего Министра, котораго также точно можно было повредить заговоромъ трехъ глупцовъ, какъ Бонапартѣ, морозомъ, истребившимъ его армію. Въ Парижѣ все думали, что Герцогъ Ровиго будетъ отставленъ, а пребываніе Фуше въ Парижѣ придавало вѣ-

су такому предположенію. Однако ничего не вышло, и Наполеонъ, обсуживающій вещи лучше вблизи, чѣмъ издали, между прочимъ сказалъ относительно арестованія Министра Полиціи, что онъ самъ ежедневно находится въ рукахъ и въ полной волѣ баталіоннаго командира, начальствующаго надъ карауломъ въ Тюльери. Наполеонъ, также предубѣжденный противъ Префекта Полиціи Г. Пискье, не оказалъ къ нему никакой строгости; весь гнѣвъ его обрушился на Г. Фроино, чтобы когонибудь отрѣшить, и онъ опредѣлилъ на его мѣсто Г. Шаброля, зятя архи-казначей, бывшаго Префектомъ въ Савонѣ, гдѣ онъ умѣлъ согласить обязанности своего званія съ тѣмъ долгомъ, который на него какъ на человѣка налагали добродѣтели и несчастія Папы, во время продолжительнаго его пребыванія въ главномъ городѣ Монтенотскаго Департамента. Я иногда имѣлъ случай видѣть Г. Шаброля, когда онъ служилъ инженеромъ путей сообщенія въ Египетскомъ походѣ; видалъ его и опять, особливо при возстановленіи, и долженъ похвалиться его ко мнѣ отношеніями.

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ совсѣмъ не было похоже на прежнія посылъ двухъ Вѣнскихъ походовъ и Тильзитскаго, когда онъ возвращался покрытый лаврами и приобретающій миръ своими побѣдами. Не упустили замѣтить, что

первая большая испытанная имъ неудача сопровождала первое предпріятіе, на которое онъ пустился послѣ своей женидьбы на Маріи Луизѣ, и тогда болѣе чѣмъ когда нибудь распространилось въ народѣ повѣріе, что присутствіе Иозефины приносило ему счастье, и такъ какъ онъ иногда былъ суевѣренъ, то я не поручусь, чтобы онъ по временамъ не раздѣлялъ съ народомъ такую мысль.

Съ этого времени Наполеонъ пересталъ соблюдать даже наружныя законности въ своемъ правленіи. Онъ поступалъ по произволу, полагая, что важныя обстоятельства, въ которыхъ онъ находился могутъ извинить все. Посреди своихъ неудачъ, онъ съ какимъ-то удовольствіемъ видѣлъ, что Американскіе Соединенные Штаты объявили войну Англіи, хотя это было слишкомъ слабымъ вознагражденіемъ за тѣ уронны, которые онъ претерпѣлъ на твердой землѣ. Его природная дѣятельность не только не покидала его, но казалась приобретаема еще новую силу въ затруднительныхъ его обстоятельствахъ. Твердое намѣреніе вознаградить за понесенные уронны, необходимость прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ, надобность отвратить всеобщее вниманіе отъ бѣдствій Французской арміи при Березинѣ, заставить всѣхъ говорить о новыхъ побѣдахъ, представлявшихся ему несомнѣнными въ будущности, желаніе прекратить жало•

бы, которыя возникали со всѣхъ сторонъ въ нѣсколько соединенныхъ голосовъ, всѣ эти причины заставили его рѣшиться дѣлать противузаконные налоги въ предположеніи, что послѣдствіе оправдаетъ средство, и прибѣгать къ мѣрамъ, достойнымъ порицанія во всякомъ правленіи.

Какъ ни непонятны были средства, которыя тогда употреблялъ Императоръ, чтобы достать себѣ пособій, справедливость требуетъ, осуждая его, признаться, что это было необходимою его системы правленія, и что онъ далъ скорый и почти невѣроятный ходъ всему, что только могло вознаградить его потери, поставить его въ возможность противостоять непріятелямъ и возвратить побѣду подъ его знамена. Все шло разомъ: создаютъ новую артиллерію; людей набираютъ толпами, требуютъ величайшихъ пожертвованій и, такъ еказать, исторгаютъ ихъ волшебною еще властію Наполеона; Императорскій глазъ повсюду.

Всѣ повиновались; но сколько было жалобъ по всей Имперіи! Я слышалъ, какъ онѣ раздавались по Парижу, гдѣ столько семействъ были приведены въ ужасъ, сопряженнымъ съ обманомъ сзывомъ великаго числа молодыхъ людей, которые уже выполнили обязанности по конскрипціи. Иные изъ нихъ занимали за себя, платя огромную сумму—пятнадцать тысячъ

Франковъ; такіе наемщики должны были служить за нихъ въ званіи почетнаго стража, потому что въ это время Наполеонъ учредилъ почетную стражу; это учрежденіе причинило ужасъ между самыми почетными и богатыми людьми, до которыхъ въ особенности относилось такое распоряженіе. Отъ корреспондентовъ моихъ, которые еще не переставали писать ко мнѣ изъ разныхъ городовъ Европы, я узналъ, что такой новаго рода наборъ въ особенности не понравился въ Голландіи, гдѣ несчастный отецъ предлагалъ чрезвычайно значительныя пожертвованія, только бы спасти своего сына, и не могъ никакъ склонить на то Наполеона, который тогда началъ думать, что послѣдній человекъ и послѣдняя копѣйка, принадлежатъ ему.

Однако же, какъ ни велика была дѣятельность Наполеона, чтобы изнуря Францію, собрать новыя арміи, несчастія Русской кампаніи день ото дня становились тяжелѣе для его дѣль, которыя отъ того становились болѣе и болѣе сомнительными. Прусскій Король заключилъ союзъ съ Франціею. Тогда-то отложился Генераль Юркъ, который, какъ извѣстно, начальствовалъ Прусскимъ участкомъ въ Наполеоновой арміи, составлявшимъ одною дивизіею часть корпуса, вѣреннаго командованію Маршала Макдональда.

Отложеніе Прусаковъ произвело въ особенности неблагопріятное нравственное дѣйствіе. При безчисленныхъ наборахъ людей, которыми со всѣхъ сторонъ формировали полки, нѣсколько тысячъ человѣкъ лишннихъ въ рядахъ непріятельскихъ, не составили бы очень существенной важности; но это былъ сигналъ, который не оставилъ во Франціи сомнѣнія на счетъ расположенія нашихъ союзниковъ въ Германіи. Очень хорошо видѣли, что за симъ отложеніемъ надобно было ожидать другихъ. Наполеонъ, котораго проницательность никогда не покидала даже въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, зналъ, какое неблагопріятное вліяніе имѣю это обстоятельство на будущее время. Онъ собралъ тайный совѣтъ, составленный изъ Министровъ и верховныхъ чиновъ. Г. Талейранъ, Камбасересъ и предѣдатель Сената были также туда приглашены. Наполеонъ спросилъ у нихъ, нужно ли въ такомъ обстоятельствѣ, которое умножало затруднительность нашего положенія, вступитъ въ переговоры или готовится къ новой войнѣ. Камбасересъ и Талейранъ подали мнѣніе въ пользу мира, котораго Наполеонъ по своему характеру, не могъ хотѣть послѣ пораженія, а по тому ихъ и не послушали. Но Герцогъ Фельтрекій, зная, какъ надобно тропуть чувствительную струну въ душѣ Наполеона, осмѣлился сказать, что онъ

сочтеть Императору за безчестье, если согласится покинуть самую малѣйшую деревушку, присоединенную къ Имперіи Сенатскимъ рѣшеніемъ. Вотъ что называется говорить! мнѣніе его одобрено, и война продолжалась. Признаюсь что я самъ не осуждаю столько Наполеона за то, что онъ не рѣшился вступать въ переговоры въ то время, какъ за то, что онъ не приступилъ къ нимъ нешутя и прямодушно въ Дрезденъ, когда Лютценское и Бауценское дѣла поддержали честь нашего оружія.

Во время великихъ пріуготовленій Наполеона къ новому задуманному имъ походу. Испанскія дѣла не ознаменовались ни большими уронами, ни большими успѣхами. Время вывода войскъ изъ Полуострова еще не наступило. Испанія представляла картину огромнаго пожара, въ которомъ пламя за недостаткомъ пищи готово было потухнуть.

Когда Наполеонъ возвратился въ Парижъ, Папа находится все еще въ Фонтенебло. Онъ рѣшился приступить къ условіямъ и подписать актъ, который по мнѣнію Императора долженъ ствовалъ положить конецъ ихъ продолжительнымъ раздорамъ. Такъ какъ онъ былъ обманутъ нѣсколькими членами духовенства, то и захотѣлъ вскорѣ отрѣчься, потому что его снова обманули Кардиналы, внавшіе прежде у Наполеона въ немилость, и которыхъ ему воз-

вратили. Онъ началъ отрицаться отъ Конкордгга, на который склонился по слабости, а Наполеонъ, будучи тогда занятъ гораздо важнѣйшими для него дѣлами, безъ дальнихъ церемоній сказалъ Святому Отцу, чтобы онъ убирался и велѣлъ обнародовать актъ, на который Папа соизволилъ. Но находясь въ незavidномъ положеніи послѣ неудачъ послѣдней кампаніи, Бонапартъ не имѣлъ времени на то, чтобы обратить порядочно вниманіе на новыя затрудненія, которыя дѣлалъ Ній VII. Можно сказать, что онъ тогда былъ весь за Рейномъ. Ему не удалось, и державы, бывшія съ нимъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ, отъ него отдѣлились, какъ ему того и ожидать надлежало, и Австрія не замѣшкалась послѣдовать примѣру Пруссіи.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Наполеонъ, который съ нѣкотораго времени умѣлъ цѣнить умъ, ловкость и дѣятельность Графа Лудовика Нарбонна, послалъ его въ Вѣну на мѣсто Г. Отго. Наполеонъ зналъ, что Австрійскій Императоръ, видя, что Прусская армія присоединилась къ Русской, которая шла къ Богеміи, намѣревался также съ ними соединиться; онъ надѣялся предупредить такое опасное для него соединеніе; но на мирныя предложенія Г. Нарбонна не обратили вниманія. Представившійся случай отметить безъ всякой опа-

сности, быть слишком приманчивъ, чтобы Австрія имъ не воспользовалась.

Тутъ Наполеонъ ясно увидѣлъ, что Австрія его покидала, отказываясь дать свой участокъ войскъ, и потому вскорѣ можно было ожидать, что она поставитъ силы свои противъ него, и что ему придется вести войну съ цѣлою Европою; но это только изумило его смѣлостью, но не уменьшило ся. Однако же часть Государей Рейнскаго союза пребывали къ нему еще вѣрными, и онъ окончивъ свои приуготовленія, намѣревался опять вступить въ личное командованіе своею армією, такъ чудесно возобновленною. Но на этотъ разъ предъ отъѣздомъ Наполеонъ, напуганный воспоминаніемъ о покушеніи Маллета, и желая удостовѣриться, что въ его отсутствіе не будетъ подобныхъ замысловъ, не вручилъ бразды правленія, какъ онъ прежде дѣлалъ, на время своихъ отлучекъ, въ руки Совѣта Министровъ подъ предѣлательствомъ Архи-Канцлера. Онъ ввѣрилъ правленіе Имперією Императрицѣ Маріи Луизѣ и окружилъ ее правительствующимъ Совѣтомъ. Такъ какъ никогда старинные обычаи въ правленіи не наблюдались такъ тщательно, какъ во время Императорства, когда все дѣлалось по образцу сохранившагося въ преданіи стариннаго этикета, то принялись справляться въ хартіяхъ древней монархіи, чтобы узнать, что дѣлыва-

лось въ разныя эпохи исторіи, когда правленіе государствомъ, поручаемо было регентамъ. Когда кончили этотъ высокій трудъ, Наполеонъ созвалъ новый Тайный Совѣтъ, въ которомъ встрѣтили Марію Луизу со всею возможнымъ церемоніаломъ; Императоръ вручилъ свою власть дочери Австрійскаго Императора, точно также, какъ Святый Лудовикъ, отправляясь въ крестовый походъ, отдалъ свою власть въ руки Королевы Бланки. Мой преемникъ при Наполеонѣ, Г. де Менневаль, былъ назначенъ къ Регентцѣ въ званіе главнаго Секретаря, и конечно нельзя было сдѣлать лучше выбора.

Г Л А В А XII.

Частныя возстанія.—Наполеонъ-Виль — Неудовольствіе жителей и возбужденія къ бунту.— Возмущеніе народа въ Гамбургъ.—Сожженіе Французской караульни. — Разграбленіе нагруженныхъ судовъ.—Французское Начальство уважено.—Бездѣйствіе Начальствъ.—Уложенныя бумаги.— Г. Хабанъ и Генераль Карра-Сенъ-Сиръ.— Особенная военная коммисія. — Возмущеніе въ Любекъ.—Г. Гумбертъ де Флоньи — Дурные поступки нѣкоторыхъ Французскихъ агентовъ. — Всеобщее возмущеніе въ деревняхъ. — Подъ-префектъ спасается отъ народной ярости.— Гамбургскій префектъ и мысленное отчужденіе. — Ложный слухъ о приближеніи Корпуса Русской арміи.— Казни, ужасъ и негодованіе. — Уничтоженіе военной коммисіи.—Французскія войска примыкаютъ къ Гамбургу.—Французское Начальство, уязвляясь изъ Гамбурга.—Неудовольствіе Императора.— Негодованіе на Генерала Карра-Сенъ-Сира.— Лемарре защищаетъ Магдебургъ.—Козни увѣчиваются успѣхомъ.—Г. Лероа дѣлается жертвою своего похвальнаго поведенія.

За долго до Наполеонова отъѣзда изъ Парижа къ арміи, которой большая часть находилась въ Саксоніи, во многихъ мѣстахъ обнару-

жились частныя возстанія. Хотя онъ велѣлъ строить въ Вандеѣ новый городъ, наименовавъ его Наполеонъ Виль, и говорили о послѣдовавшихъ отъ того безпокойствахъ, но это были волненія, о которыхъ нечего было заботиться, и внутренняя часть древней Франціи находилась еще въ состояніи удовлетворительнаго спокойствія. Не таково было въ провинціяхъ, присоединенныхъ силою оружія къ границамъ Франціи, наипаче на сѣверѣ, и въ особенности въ этихъ несчастныхъ анзеатическихъ земляхъ, въ положеніи которыхъ съ самого времени моего пребыванія въ Гамбургъ, я принималъ живѣйшее участіе. Не только, какъ упомянулъ я, послѣ того какъ кончились мои обязанности, я ѣздилъ туда нѣсколько разъ, но и велѣлъ столь откровенную и надежную переписку, что могу поручиться, точно какъ очевидный свидѣтельствъ за истину того, что мнѣ предстоитъ сказать еще о событіяхъ, случившихся въ этихъ провинціяхъ въ началѣ 1815 года и позже. Свѣденія о сихъ событіяхъ подтвердились еще, когда Лудовикъ XVIII въ 1815 году послалъ меня съ порученіемъ въ Гамбургъ.

24 Февраля 1815 въ девятомъ часу утра особенно происшествіе, въ которомъ народъ принималъ участіе, подало знакъ къ возстанію въ Гамбургъ. Одинъ человекъ, проходя въ Гамбургъ чрезъ Альтопскую заставу, отказался

дать себя обыскать таможенному — тотъ его началъ бить и даже панесь ему значительныя раны. Въ одну минуту народъ взволновался, прогнавъ карауль и зажегъ караульню. Эта чернь, будучи подстрекаема и вспомооществуема тайными агентами, напала на другіе Французскіе караулы и надблала такихъ же неистовствъ и безпорядковъ. Таможня, бывшая у Баумъ-Гаузскихъ воротъ наиболѣе потерпѣла; эта неистовая толпа раздражась задержала нѣсколько готовыхъ къ отплытію кораблей и разграбила ихъ грузъ. Г. Піонь, принявшій отъ Г. Эудели должность Директора таможенъ, явился самъ на мѣсто этого происшествія и старался прекратить сумятицу, но его никто не хотѣлъ и слушать; онъ принужденъ былъ удалиться, и то съ большею опасностію, потому что жизнью своею онъ обязанъ только защитѣ и преданности одного жителя, который скрылъ его у себя.

Взбунтовавшіеся, которымъ эти первые подвиги придали смѣлости, скоро разсыпались по всему городу; они срывали орлы и Императорскіе гербы, бывшіе надъ дверями разныхъ присутственныхъ мѣстъ; однако же въ ихъ остервененіи противъ знаковъ Французскаго Правительства былъ какой-то порядокъ, потому что они кромѣ того ни пускались ни на какой грабежъ и не причинили никакого вреда. Они оставили въ

покоѣ все дома, занимаемые Французскимъ Начальствомъ; лица принадлежащія къ этому Начальству, когда столь неожиданно поднялся мятежъ, удалились въ свои дома, и могли это сдѣлать безпрятственно. Все порядочные жители и не участвовавшіе въ возмущеніи также разошлись по домамъ, и никто не показывался на улицахъ.

Послѣ отбытія Принца Экмюльскаго въ Русской походъ, Генераль Карра-Сенъ-Сиръ командовалъ въ Гамбургѣ. При первомъ слухѣ о возмущеніи, онъ велѣлъ укладывать свои бумаги; это же сдѣлали съ своей стороны Графъ Хабанъ, Г. Коннингъ, Гамбургскій Префектъ и Г. Добиньоскъ, Директоръ Полиціи. Г. Хабанъ тотчасъ послалъ въ Казначейство за должными ему шестидесятью тысячами франковъ: но въ самомъ началѣ не было принято никакихъ мѣръ къ усмиренію и къ удаленію опасности. Генераль Карра-Сенъ-Сиръ, долго промышкавъ по пустому, послалъ просить помощи въ Альтону. Только въ четвертомъ часу вечера прибылъ въ Гамбургъ отрядъ Датскихъ Гусаровъ; чернь тотчасъ разогнали и посредствомъ многочисленныхъ патрулей, которые во всю ночь разъѣзжали по городу, оный предохраненъ былъ отъ всеобщаго разграбленія, котораго жертвою непременно бы сдѣлался при дальнѣйшемъ промѣдленіи. Все порядочные гражда-

не и владѣльцы всѣхъ классовъ собрались на другой день и распорядились средствами къ сохраненію спокойствія, такъ что Датскія войска могли возвратиться въ Альтону. Тогда Начальство принялось отыскивать виновныхъ; многіе были взяты подъ стражу; нарядили военную Коммисію Суда, но строгость ея означена была только на одномъ Курляндцѣ Купферъ, который признался, что находился въ самой разъяренной толпѣ бунтовавшихся; его приговорили разстрѣлять и приговоръ сей былъ исполненъ.

26 Февраля подобное возмущеніе произошло въ Любекѣ. Вознамѣрились посягнуть на Французское начальство; добрые граждане тотчасъ собрались, оградилъ его отъ всякаго оскорбленія и проводилъ всѣхъ къ оному принадлежащихъ въ Гамбургъ, куда они прибыли 27 числа. Ими предводительствовалъ Аудиторъ-Подъ-Презектъ Г. Гумбертъ де Флоньи. Онъ заслужилъ уваженіе въ Любекѣ своею кротостію и тѣмъ, какъ исправлялъ свою должность. Любекская чернь въ особенности была озлоблена на одного Полицейскаго Коммисара, котораго всѣ вообще презирали за его поведеніе и то съ какою произвольностію и наглостію онъ справлялся. Возмутившаяся чернь отправила также къ Директору почтъ Леженю, котораго

обвиняли въ Любекѣ, въ чрезвычайной строгости и даже невѣжливости.

Беспорядокъ и поспѣшность, съ какими эти бѣглецы явились въ Гамбургъ, распространили тамъ страхъ и смятеніе. Опасность сочли гораздо большею, чѣмъ она была, потому, что они были охраняемы сильнымъ военнымъ отрядомъ.

Этимъ не ограничилось возстаніе, имѣвшее предметомъ избавиться отъ Французскаго ига, которое сдѣлалось несносно: всѣ деревни по лѣвому берегу Эльбы мгновенно взбунтовались. Управляющіе, полицейскіе комиссары, таможенныя, всѣ укрылись въ Гамбургъ. Въ Штадѣ, небольшомъ портѣ на лѣвомъ берегу Эльбы, принадлежащемъ Гановру, одинъ Аудиторъ-Нодь-Префектъ Давидъ, сынъ, кажется, живописца, поступавшій въ своемъ управленіи совсемъ не отечески, едва не сдѣлался жертвою этого возмущенія. Штадская чернь собралась передъ его домомъ и поставила большой колъ, чтобы съ нимъ расправится. Но порядочный житель Г. Вольфъ имѣлъ мужество предохранить его отъ ожидавшаго его жребія, давъ ему средство уйти.

Во время сихъ частныхъ возмущеній все оставалось въ небреженіи: нерѣшительность, слабость и корыстолюбіе видны были по всюду; вмѣсто того, чтобы успокоивать умы, издавна

раздраженные самою тягостною тиранією, принимались еще за строгость. Тюрьмы были на полнены множеством людей, объявленныхъ подозрительными по однимъ только показаніямъ агентовъ Полиціи. Съ 3 Марта особенная военная коммисія, о которой я говорилъ, сдѣлавшись отважнѣе отъ присутствія большаго числа войскъ, которыя вступили въ Гамбургъ, приказала разстрѣлять съ большою торжественностью на крѣпостномъ гласнѣ шестерыхъ отцевъ семейства, изъ числа жителей города и окрестностей, единственно за то, что они находились случайно или изъ любопытства на публичной площади во время бунта.

Эта кровавая экзекуція произвела столько же негодованія и омерзенія, сколько ужаса. Не привыкли видѣть подобныя сцены. Каждый думалъ о себѣ,—эта военная коммисія справедливо наводила на всякаго страхъ. Волненіе и ропотъ заставляли опасаться поваго и всеобщаго бунта Мэръ, съ ужасомъ видя, какія несчастія угрожали городу, собралъ старшинъ гражданства, которыхъ всегда выбирали изъ самыхъ достойныхъ уваженія людей. Они представляли съ большимъ жаромъ и убѣжденіемъ, что если немѣдленно не будетъ положенъ конецъ этой бойнѣ и тираническимъ обидамъ, которыми удручали жителей, тогда они не берутъ на себя предупредить величайшія бѣдствія. Генер-

ралъ Карра Сен-Сиръ принужденъ былъ обнародовать объ уничтоженіи военной комисіи. Извѣстія о приближеніи Русскихъ и Прусскихъ войскъ, идущихъ въ низъ по Эльбѣ, умножило бывшее въ Вестфалии, Гановрѣ, Меклембургѣ и Помераніи волненіе.

Всѣ пользуясь нашими неудачами, говорили противъ угнетательной системы, образовавшейся для раззоренія народовъ и выполняемой повсюду тѣмъ съ большимъ усердіемъ и преданностью, что умѣли угождать властителю судебъ твердой земли Европы, и пользоваться его чрезвычайными милостями. Въ этихъ обстоятельствахъ всѣ Французскія войска расположенныя между Берлиномъ и Гамбургомъ, считая въ томъ числѣ и тѣ, которыя находились на берегахъ Балтійскаго моря, двинулись къ Гамбургу. Данія, извѣстясь объ опасности угрожавшей ея нейтралитету нарушеніемъ отъ побѣдителей, или отъ побѣжденныхъ, расположила свои войска по всѣмъ своимъ границамъ къ Сѣверу отъ Бергдорфа и Гамбурга по правую сторону Эльбы и въ направленіи къ Пруссіи.

Гражданскія и Воспныя Французскія Казначейства, всѣ присутственныя мѣста съ бумагами были отправлены въ Гамбургъ, на лѣвомъ берегу Эльбы. Члены превотальнаго суда уѣхали въ Альтону. Дочери Г. Хабана поѣхали туда же, а жена его отправилась во Францію съ госпо-

жами Добиньоскъ и Гонзе; первая была жена Директора Полиціи, а послѣдняя Директора Почтъ.

Генераль Карра-Севъ-Сиръ и Префектъ Баронъ Коннингъ, уѣзжали каждый вечеръ въ Альтону. Послѣдній, утомясь такими безире-станными безпокойствами и такою бродяжни-ческою жизнію, лишился разсудка. Нятого Мая возвращаясь въ Гамбургъ, онъ хотѣлъ зарѣзаться бритвою. Камердинеръ его спасъ ему жизнь, бросившись къ нему довольно впору, и помѣшавъ исполнить его намѣреніе. Въ гово-рять, что съ нимъ сдѣлался ударъ; его пере-везли сначала въ Альтону, а потомъ въ Итцхо, гдѣ умеръ Герцогъ Брауншвейгскій, раненный въ Іенѣ. Удалось возвратить Г. Коннингу здо-ровье и разсудокъ. Онъ былъ Голландецъ, очень честный человекъ, но безъ характера и мало способный.

Между тѣмъ рассказы всѣхъ пріѣзжихъ, раз-сказы, изъ которыхъ многіе, какъ то часто случается, были преувеличены, предвѣщали приближеніе Русской арміи. Тотчасъ вѣрно отступить, что и выполнено 12 Марта. Генераль Карра-Севъ-Сиръ, не имѣя нисколько на издержки денегъ, заставилъ себя выдать сто тысячъ франковъ изъ городского казначейства; онъ выступилъ изъ города, предводительствуя войсками и собранными таможенными. Его

сопровождала градская стража, чѣмъ онъ избыгнулъ обидь со стороны черни. Пинкогда съ такимъ удовольствіемъ и усердіемъ не сбывали съ рукъ гостей.

Таково настоящее изложеніе событій, о которыхъ узналъ я. Такое внезапное отступленіе, вѣроятно избавившее Французовъ, безразсудно брошенныхъ на сѣверъ, отъ вѣрной гибели, было досадно Наполеону. Онъ обвинялъ въ малодушіи Генерала Сень-Сира въ одной статьѣ, напечатанной въ Монитерѣ и потомъ перепечатанной по его приказанію во всѣхъ журналахъ. Вотъ въ кратцѣ тѣ упреки, которые дѣлали Сень-Сиру.

Генераль Сень-Сиръ сдѣлалъ непростительный поступокъ въ глазахъ всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей. Ему бы можно было, посредствомъ искусныхъ шпионовъ, имѣть вѣрныя свѣденія о мнимомъ приближеніи двѣнадцати-тысячнаго Русскаго корпуса. Его обманули тѣ, кто преувеличилъ въ глазахъ его опасность. Захотѣли воспользоваться смутными минутами и сожгли всѣ бумаги особеннаго совѣта, комисіи для розысканія недоимокъ, свидѣтельствовавшаго комитета и полицейскаго архива. Такое, по видимому вынужденное, уничтоженіе протоколовъ объ арестахъ, секвестрахъ, конфискаціяхъ, о ихъ количествѣ и цѣнѣ, обезпечивали недобросовѣстныхъ агентовъ на счетъ

всякаго изслѣдованія, розысканія и повѣрки на будущее время и избавляло ихъ отъ отвѣтственности, которой имъ надлежало опасаться.

Эта туча агентовъ, которыхъ выгоды требовали уничтожить все доказательства ихъ хищничества и лихоимства, увлекла Генерала Сень-Сира; явно, что если бы онъ былъ лучше извѣщенъ и менѣ испуганъ, то могъ бы держаться въ Гамбургѣ и отворотить временное занятіе этого города, который надлежало осаждать спустя два мѣсяца. У Сень-Сира было три тысячи человекъ регулярнаго войска, и большое число таможенныхъ. Генераль Моранъ могъ привести къ нему пять тысячъ человекъ изъ Мекленбурга. Не только Генералу Сень-Сиру можно было держаться въ Гамбургѣ еще два мѣсяца, но даже до конца кампаніи, какъ то сдѣлалъ Генераль Лемаррѣ въ Магдебургѣ. Если бы Генераль Сень-Сиръ не торопился такъ уйти съ Эльбы, то въ скорости былъ бы подкрѣпленъ корпусомъ, приведеннымъ скоро послѣ того съ Везеля Генераломъ Вацдамомъ, а въ послѣдствіи корпусомъ, съ которымъ Маршалъ Даву вступилъ въ Гамбургѣ. По этому очень легко было обвинить въ этомъ отступленіи Генерала Сень-Сира, котораго ввели въ заблужденіе вѣроломные и низкіе совѣтники. Они оправдались въ этомъ отступленіи на его счетъ, представляя на видъ то повинновеніе, ко-

торымъ къ нему были обязаны. И такъ сей бѣдный Генералъ одинъ сдѣлался жертвою.

Соединеніе Сенъ-Сирова корпуса съ корпусомъ Генерала Морана было на правомъ берегу Эльбы въ *Цоллен-Спикертъ*. Эти оба корпуса перешли черезъ Эльбу, и будучи безпрестанно обезпокоиваемы козаками, они отошли къ Бремену, гдѣ къ нимъ присоединились Даву и Вандамъ со всеми Гамбургскими выходцами. Нѣкоторые изъ сихъ выходцевъ отправились въ Парижъ, и между прочими Г. Шабанъ. Наполеонъ не захотѣлъ принять его и велѣлъ дать ему предвсавіе немедленно возвратиться къ своему мѣсту. Въ то же время приказано не пропускать черезъ Рейнъ никого, кто бы захотѣлъ возвратиться во Францію. Принимали всѣ средства, чтобы не дать истинѣ пробраться въ Парижъ.

Какъ скоро удостовѣрились въ намѣреніяхъ Императора, то виновники отступленія отъ Гамбурга перехватывали письма, посылаемыя во Францію. Всѣ тѣ, кто такъ какъ они, не бѣжали въ Бременъ, были взяты на замѣчаніе и подвергнулись доносамъ. Бѣглецамъ нужна была еще другая жертва и имъ надобно было выказать въ большей мѣрѣ свою злость и лживость. Консулъ, назначенный на мое мѣсто въ Гамбургъ, былъ, какъ я сказалъ выше, Г. Дуроа, извѣстный по своей свѣще сороколѣтней,

усердной и безпорочной службѣ. Онъ не послѣдовалъ за бѣглецами; но послѣ всеобщаго выступленія изъ Гамбурга, ему нельзя было тамъ оставаться одному. Онъ отдалъ на сохраненіе надежной особѣ архивы консульства и уѣхалъ въ Голстинію, въ Итцгоѣ. Онъ хотѣлъ быть ближе къ мѣсту дѣйствій, чтобы имѣть возможность доставлять свѣденія правительству и самому ими пользоваться. Бѣглецамъ надобно было бы подражать такому поведенію, но они сожгли все бумаги своего управленія, на тотъ конецъ, чтобы упрочить себѣ награбленное. Сверхъ того Г. Лероа провинился и въ томъ, что постоянно въ особенномъ совѣтѣ останавливалъ или смягчалъ множество несправедливыхъ распоряженій. Онъ не понравился Даву и его приверженцамъ. Все представляли его поведеніе въ худомъ видѣ. Г. Лероа получилъ предписаніе отправиться въ Бременъ. Тамъ ему вельно сдать должность. Онъ взялъ архивъ консульства отъ той особы, которой поручалъ его и отправилъ все во Францію, куда возвратился самъ скорбѣть о несправедливости Наполеона и взведеніемъ на него извѣтъ со стороны довѣренныхъ къ Императору людей.

Г Л А В А XIII.

Последній мой разговоръ съ Дюрокомъ.—Кротость его характера. — Обычайные ответы Императора приверженцамъ мира.—Холодность Наполеона при смерти прежнихъ его сослуживцевъ.—Восторгъ жителей при избавленіи отъ Французскаго ига — Восторженіе народа въ Любекъ.—Конфискація вещей, принадлежащихъ Французскому начальству. — Добровольныя приношенія и всеобщее усердіе.—Наборъ.—Перепись иностранцамъ.—Тридцать Французевъ свободныхъ и тридцать ссылочныхъ. — Г. Бувиэ и благородное его поведеніе.—Слѣдующая глава.

Описанныя выше происшествія случились прежде, чѣмъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа, и можно себѣ представить, что подобныя возстанія очень могли причинить ему величайшія безпокойства, потому что они вопреки безпрестаннымъ увѣреніямъ льстецовъ его, показывали, что народы прикованные къ Французскому игу, держались у него только силою. Когда сила прекратилась, то легко было предвидѣть

всобщее отпаденіе: не прошло и года, какъ это собылось.

Я обѣдалъ у Дюрока за нѣсколько дней до его отъѣзда къ большой арміи — это названіе давали еще арміи, которою начальствовалъ лично Наполеонъ. Дюроку война уже надоела; но онъ желалъ мира менѣе для собственнаго своего спокойствія, чѣмъ для пользы Франціи и Императора. Этотъ почтенный другъ открылся мнѣ въ томъ съ полною и совершенною довѣренностью, которую мы всегда имѣли другъ къ другу съ самаго перваго дня нашего знакомства. Онъ былъ женатъ на дочери Г. Герваса; жена его родила, и Дюроку бы конечно очень хотѣлось сколько нибудь насладиться семейственнымъ счастіемъ, которае такъ свойственно было кротости его характера въ домашней жизни. Впрочемъ онъ нисколько самъ за себя не ропталъ и когда я упрасивалъ его уговорить Императора заключить миръ, даже и съ какими нибудь пожертвованіями: «Ты бы это могъ сдѣлать, возражалъ онъ, если бы находился еще при немъ, потому что ты не военный; а когда кто изъ нашей братьи пустится давать ему благоразумные совѣты, такъ онъ всегда намъ отвѣчаетъ, что мы думаемъ только о себѣ: «Вотъ это что, говоритъ онъ намъ, вамъ война надоела; вамъ бы хотѣлось въ Парижъ насладиться вашимъ богатствомъ; да развѣ я от-

«дыхаю?» Что ты хочешь, прибавилъ Дюрокъ, чтобы отвѣчали на такія слова; надобно покоряться нашей долѣ до конца; мы вмѣстѣ съ нимъ воспитаемы; такъ что же! если онъ падетъ, такъ мы падемъ вмѣстѣ; но я тебѣ признаюсь, что меня очень печалитъ то, что онъ такъ мало сожалѣетъ о нашихъ старыхъ сослуживцахъ; онъ говоритъ съ торжественнымъ видомъ: «Такой-то умеръ какъ храбрый!» А черезъ минуту и не думаетъ болѣе объ немъ. Когда я прощался съ Дюрокомъ, то кто бы могъ думать, что часъ его смерти близокъ, и что онъ падетъ съ Бессіеромъ, какъ Даниѣ и столько другихъ Генераловъ, пожранныхъ войною?

Между тѣмъ я продолжалъ собирать вѣрныя свѣденія о всемъ, что происходило въ Анзатическихъ городахъ, послѣ отбытія Французскаго начальства, подѣ начальствомъ Генерала Карра-Сенъ-Сира, чѣмъ, какъ видѣли, Императоръ былъ такъ недоволенъ.

Тогда, безъ сомнѣнія, нетрудно было видѣть, въ какую ошибку былъ вовлеченъ Наполеонъ своимъ ли честолюбіемъ, или склонностью къ грабительству или неискренностью своихъ совѣтниковъ, когда присоединилъ къ Имперіи Анзатическія земли; если бы эти земли остались свободными, то ихъ бы уважали союзники; но полагали, что они составляютъ часть Франціи, такъ какъ прежде того къ ней принад-

лежали; это одно дѣлало ихъ непріязненными. Кто бы подумалъ? Въ этомъ народонаселеніи, въ такой степени уменьшившемся въ теченіи двухъ лѣтъ, нашли средство набрать отъ восьми до десяти тысячъ чело­вѣкъ въ городахъ и деревняхъ. Какъ скоро набирали нѣсколько сотенъ чело­вѣкъ, тотчасъ ихъ отправляли къ союзнымъ арміямъ. Эти войска, на скоро набранныя, безъ подчиненности и изъ самыхъ низшихъ классовъ, дурно себя вели и предавались безпорядкамъ.

Независть, какую поселило къ себѣ Французское Правительство въ Гамбургѣ была такова, что занятіе Теттенборново почитали дѣломъ освобожденія, и Сенатъ захотѣлъ при отъѣздѣ этого начальника изъявить ему свою признательность. Ему дали патентъ на гражданство и пять тысячъ фридрихсдоровъ.

Въ первый день вступленія Русскихъ Г. Стеуве приказалъ сдѣлать, посредствомъ Теттенборна, перенесъ всеѣмъ иностранцамъ, находящимся въ Гамбургѣ; имъ приказано было явиться въ Штабъ для повѣрки ихъ именъ и званій и объявленія причинъ, по которымъ они проживаютъ въ семъ городѣ. Распоряженіе, сдѣланное въ отношеніи къ *иностранцамъ*, имѣло, само собою разумѣется, въ предметъ однихъ только Французовъ. Шестдесятъ нашихъ соотечественниковъ были задержаны и взяты

подъ присмотръ. Впрочемъ они не имѣли никакихъ другихъ несприятностей; и черезъ несколько дней половина изъ нихъ были освобождены. Г. Бувье, исправлявшій должность Французскаго Консула въ Любекѣ, освобожденъ одинъ изъ первыхъ: благороднымъ своимъ поведеніемъ онъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Какъ скоро узнали, что онъ арестованъ у себя въ дѣмъ, тотчасъ пятеро самыхъ почетныхъ Гамбургскихъ жителей поспѣшили отправиться къ Теттенборну и представить объ немъ самыя выгодныя засвидѣтельствованія, предложивъ, если нужно, свое поручительство за него. Графъ Гротъ, Прусскій Министръ, сдѣлалъ тоже — столько онъ зналъ почтенный характеръ Г. Бувье. Никто, наипаче, не могъ его знать столько какъ я — онъ долго служилъ подъ моимъ начальствомъ. Тридцать другихъ Французовъ, которымъ Русскій начальствующій невозвратилъ свободы, были отправлены на Ганверскій берегъ Эльбы. Это былъ сбродъ бродягъ, чрезвычайныхъ таможенныхъ, которыхъ должность состояла въ удостовѣреніи, въ полнѣ ли выполняются притѣсенія таможни надъ жителями, и изъ агентовъ Французской полиціи. Этимъ ограничили преслѣдованія и месть, выполненныя козаками.

Г Л А В А XIV.

Новая Наполеонова армія.—Поведеніе Англійскаго Министра въ Гамбургъ — Смерть Генерала Морана.—Французы опять завладѣли Гамбургомъ.—Слова Наполеона о Вандаммъ.—Вандаммъ и Теттеборнъ.—Генераль зажигатель—Миценіе надъ двумя Совѣтниками.— Новый Омаръ.— Замокъ Диліенталь, Шротеръ, и астрономическіе инструменты, подаренныя Императоромъ.—Умноженіе Французскихъ силъ на Эльбѣ.—Бонапарте и Густавъ-Адольфъ въ Лютценѣ.—Соединеніе корпусовъ Даву и Вандамма. — Приказаніе Наполеона отнять Гамбургъ. — Выступленіе Русскихъ и вступленіе Французовъ.— Обнаруженіе официальной лжи.— Г де Серръ и новый префектъ въ Гамбургъ.— Генераль Гогендорфъ, и мѣры строгости. — Благоразумное поведеніе Директора таможенъ.—Обиды и грабительства.—Поводъ официальной лжи.— Контрибуція сорока восьми миліоновъ.— Народонаселеніе Гамбурга уменьшается одною третью.— Бонапарте въ Тамплъ и новый списокъ заложникамъ.— Невообразимыя гоненія.— Маленькіе Героиы.

Возстановленіе Гамбургскаго Сената было не надолго. Скоро увидѣли, что слишкомъ потропились изъяснить ненависть свою къ Фран-

цузскому Правительству, и не безъ живѣйшаго безпокойства узнали въ Анзеатическихъ городахъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ Императоромъ, чтобы въ скоромъ времени напасть на Германію, гдѣ его намѣстники неуничиительно жестоко мстили народамъ, непризнававшимъ его владычества. До отбытія изъ Парижа, 15 Апрѣля, Наполеонъ привелъ подъ знамена возрожденной своей арміи сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, не считая почетной стражи, и можно было видѣть, что съ подобными средствами и его геніемъ, онъ могъ еще играть въ большую игру, и можетъ быть даже ее выиграть. Характеръ Императора знали, и это ни сколько не успокоивало Гамбургцевъ: къ тому же случилось еще одно обстоятельство, которое не мало способствовало къ умноженію безпокойствъ относительно возвращенія Французовъ: Англійскій Министръ Г. Конбурнъ, прежде уполномоченный къ Гамбургскому Сенату, пріѣхалъ провести нѣсколько дней въ этомъ городѣ, и такъ какъ онъ послалъ въ Гейльголандъ, островокъ, лежащій у устья Эльбы, запрещеніе Англійскимъ судамъ идти вверхъ по сей рѣкѣ, то можно судить, каковы были опасенія этого дипломата, который вскорѣ и самъ выѣхалъ изъ Гамбурга. Все это не успокоивало не счетъ будущаго. Однако же Апрѣль мѣсяць прошелъ безъ всякаго важнаго проис-

нествія для земель Анзеатическихъ; въ нихъ жили между страхомъ и надеждою; каждый день происходили стычки между Русскими и Французами, на границѣ, которая идетъ между Люнебургомъ и Бременомъ. Многіе Французскіе посты проникли даже до Гаарбурга, порта лежащаго на левомъ берегу Эльбы, напротивъ Гамбурга, и въ двухъ миляхъ отъ этого города; но до сихъ поръ не было ничего рѣшительнаго.

Въ одной изъ этихъ встрѣчъ между Французскими и Русскими войсками, Генераль Моранъ былъ опасно раненъ. Его перевезли въ Лаумбургъ. Братъ его взявъ въ плѣнъ въ томъ же дѣлѣ, и Теттенборнъ, къ которому онъ попалъ въ руки, дозволилъ ему, на слово, ѣхать для поданія помощи Генералу, но онъ, къ огорченію своему, поспѣлъ къ нему только къ послѣднему его издыханію. Генераль Моранъ начальствовалъ въ Гамбургѣ съ большею справедливостью, кротостью и умѣренностью; по сему его искренно сожалѣли Гамбургскіе жители, въ особенности отъ того, что зная близость его пребыванія, они могли надѣяться, что его опять назначать правителемъ, если бы намъ пришлось снова поднасть подъ Французское владычество.

Французы достигнувъ Гамбурга, расположились на площадкѣ Шварценберга, которая

командовала надъ этимъ городкомъ, также по теченію рѣки и надъ довольно большими здѣсь находящимися островами, между Гаарбургомъ и Гамбургомъ. Имѣя въ своей власти этотъ возвышенный пунктъ, Французы начали угрожать Гамбургу и атаковать Гаарбургъ. Атаки сіи были устроиваемы Вандаммомъ, самымъ страшнымъ Генераломъ для покоренныхъ земель. Вандаммъ былъ Кассельскій уроженецъ, и прослылъ такимъ неумолимымъ, что въ то самое время, какъ онъ атаковалъ Гамбургъ, Нанолонъ сказалъ объ немъ, въ Дрезденѣ: «Если бы я лишился Вандамма, такъ не знаю, чего бы мне далъ только бы опять имѣть его; о если бы у меня ихъ было двое, такъ я принужденъ былъ бы одного растрѣлять.» И въ самой вещи довольно было одного.

Вандаммъ тотчасъ по своемъ прибытіи послалъ сказать Теттенборну, чтобы онъ немедленно выдалъ брата и зятя Генерала Морана, которые попались къ нему въ плѣнъ, а не то онъ выжжетъ Гамбургъ. Начальствовавшій Русскими силами отвѣчалъ ему чрезъ его посланнаго, что если онъ отважится на такую крайность, то самъ онъ велитъ повѣсить ихъ обоихъ на верху башни Св. Михаила (*) откуда онъ можетъ ими вдоволь наслабоваться. Та-

(*) Эта башня имѣетъ триста ятровъ вышины.

кой смѣлый отвѣтъ заставилъ Вандамма удержать свой гнѣвъ, или обратить его на другіе предметы.

Въ это самое время разстрѣляли Совѣтниковъ Бергера и Финка, которые оба были отличные и очень уважаемые люди въ городѣ Варенѣ, лежащемъ въ Ольденбургѣ. Прекрасная деревня Лиліенталь, въ двухъ миляхъ отъ Бремена, была предана огню, по простому доносу, который даже не позаботились изслѣдовать, и который въ послѣдствіи оказался ложнымъ; въ этомъ доносѣ доносчики обвиняли жителей сей деревни въ согласіи съ непріятелемъ. Всѣ эти бесполезныя жестокости можно приложить къ изреченію: «Прежде всего надобно велѣть разстрѣлять, а потомъ уже входить въ разбирательство.»

Но какая была причина такихъ жестокостей? Я не откажуся объяснить ее, потому что не говорю ничего на обумъ; это была потребность низкой мести. Все вышло по доносу челоуѣка важнаго, облеченнаго въ высокую должность. Проигравшись изъ давна, онъ предался другимъ порокамъ, и привезъ съ собою женщину, которой далъ свое имя и хотѣлъ, чтобы ее дѣйствительно признавали за его жену. Городекія дамы, будучи увѣрены въ противномъ, отказались видѣться съ нею, и такова была благородная причина къ ненависти и къ мести въ

Отношеніи двухъ почтенныхъ и несвиныхъ людей, каковы были Совѣтники Варена, о которыхъ я упомянулъ.

Можно было сказать, что Вандаммъ нарочно старался ознаменовать власть свою самыми неостижимыми ередствами. Замокъ Лиліенталь подвергнулся одинаковой участи съ деревнею этого имени. Тамъ жилъ, посвятивъ себя совершенно наукамъ, знаменитый астрономъ Шротеръ; тамъ были его книги и астрономическіе инструменты; Вацдаммъ это зналъ; онъ зналъ также, что эти инструменты подарены Шротеру Наполеономъ, въ знакъ его благоволенія и въ поощреніе. Никакое уваженіе неостановило Вандамма; онъ дѣйствительно незналъ иной науки, кромѣ сабли. Пускай же теперь посудятъ о томъ дѣйствиі, какое должно было произвести на Сѣверѣ возвращеніе Французовъ, подъ предводительствомъ начальниковъ, которые шли впередъ какъ опустошители! Всѣ съ горестью взирали на такія варварскія дѣйствія, и безъ сомнѣнія, самые горячіе приверженцы Императора болѣе другихъ должны были скорбѣть объ этомъ, потому что если у нихъ была и крошечка ума, то они могли бы постигнуть невозможность, когда нибудь привязать къ себѣ народъ, съ которымъ поступали такимъ образомъ. Между тѣмъ это было послѣдствіе счастливаго и блестяща-

го начала кампаніи, которою распоряджался лично Наполеонъ, и какъ надѣяться отъ народа, что у него столько будетъ разборчивости, что не принишетъ воли главнаго властелина варварства его намѣстниковъ?

Между тѣмъ военныя Французскія силы ежедневно значительно умножались въ Гамбургѣ. Вандаммъ, пользуясь оплошностью новой Анзатической арміи, которой ввѣрены были охраненіе и защита большихъ острововъ Эльбы, атаковалъ ихъ въ Майскую ночь. Эта ночь была та самая, которая наступила послѣ Лютценскаго дѣла, по которомъ обѣ стороны присвоивая себѣ верхъ, служили молебень въ своихъ лагерьхъ. Противное движеніе обѣихъ армій, при которомъ Французская шла впередъ, было причиною, что мнѣніе клонилось на сторону Наполеона, который былъ дѣйствительно побѣдителемъ, на полѣ сраженія, прославленномъ за два почти столѣтія побѣдою и смертыю Густава Адольфа. Какъ бы то ни было, Вандаммъ опрокинулъ войска, защищавшіе островъ Вильгельсбургъ, большій изъ двухъ острововъ, и безъ труда овладѣлъ другимъ островомъ Фидденомъ, котораго самая близкая отъ праваго берега Эльбы оконечность, отстоитъ отъ Гамбурга только на полѣ-пушечный выстрѣлъ. Тогда-то началась осада города и можно себѣ представить, каково было положеніе жителей. Увы! Они не

могли себѣ и представить тѣ бѣдствія, которыя съ ними случились! Девятое Мая былъ самый нагубный день для жителей Гамбурга, потому что именно этого числа Даву соединился съ Вандаммомъ, и у Маршала былъ корпусъ въ сорокъ тысячъ человекъ, назначенный въ подкрѣпленіе большой Наполеоновой арміи. Но не смотря на необходимость получить въ скорости такое значительное подкрѣпленіе, Наполеонъ далъ приказаніе Принцу Экмольскому не оставлять Гамбургъ позади себя, и во что бы то ни стало овладѣть имъ. Съ этой минуты участь Гамбурга была рѣшена. Французы не смотря на сильный дождь, который шелъ сряду нѣсколько дней не переставая, успѣли устроить батареи на островъ Фидденъ, и распространили ужасъ и смятеніе въ городъ, куда всякую ночь кидали множество бомбъ.

Городъ не могъ долго держаться противъ столь значительныхъ силъ, каковы были Французскія. Правда, Теттенборнъ получилъ въ подкрѣпленіе восемь сотъ Прусаковъ и двѣ тысячи Шведовъ, но что это было, чтобы противостоять сорока тысячамъ войска Даву; Теттенборнъ не обманывался ни на счетъ слабости союзныхъ войскъ на этомъ пунктѣ, ни на счетъ бесполезной опасности, которой бы онъ подвергалъ Гамбургъ, стараясь его оборонять. Онъ уступилъ убѣжденіямъ и просьбамъ жителей, которымъ не

трудно было увѣрить его въ томъ, въ чемъ онъ самъ убѣжденъ былъ, то есть что плодомъ должайшаго сопротивленія, будетъ совершенное раззореніе. Онъ выступилъ изъ Гамбурга въ ночи съ 29 на 30 Мая, и увелъ съ собою эти прекрасные Ансатическіе легіоны, которые не продержались и часу на островахъ Эльбы и Шведа Доктора Фонъ-Гесса, того самаго, котораго необдуманые совѣты были одною изъ первыхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, удручавшихъ этотъ несчастный городъ.

Даву имѣлъ сношеніе, на счетъ отступленія Русскихъ съ Датскими военачальниками въ Альтонскомъ гарнизонѣ. И въ это время съ живѣйшею радостью видѣли въ Голштиніи, что театръ военныхъ дѣйствій отдалается отъ береговъ Эльбы.

Даву былъ въ Гаарбургѣ, гдѣ принялъ съ наружною умѣренностью Гамбургскихъ депутатовъ и въ по слѣдствіе положенныхъ тогда условій, по утру 30 Мая, сильный отрядъ Датскихъ войскъ занялъ городъ именемъ Императора. Присутствіе этого войска становилось уже необходимо; потому что при самомъ ихъ вступленія имъ надобно было усмирить произведенное въ народѣ кровельщикомъ, по имени Матлеръ-Кампинъ возмущеніе; возмущеніе сіе не имѣло послѣдствій и Датчане сохранили тишину и порядокъ.

Французы вступили въ тотъ же день въ восемь часовъ вечера и тотчасъ же заняли всѣ посты такъ спокойно, точно какъ бы смѣняли вчерашній карауль. Жители молча, въ горести и въ отчаяніи, не оказали и тѣни сопротивленія; не пролито и капли крови; не сдѣлано никому обиды, даже угрозы. Вотъ истина во всей ея точности; но Наполеонъ не захотѣлъ, чтобы правда въ этомъ случаѣ была извѣстна, если не нашлось смѣлости скрыть ее отъ него самого; предъ глазами свѣта нужны были предлоги къ отмщенію; прибѣгнули къ бюллетенямъ, то есть сборищу дерзкихъ лжей и безстыднаго шарлатанства. По этому бюллетеню возвѣстилъ Франціи и Европѣ, что *Гамбургъ взятъ силою, при чемъ потеряно нѣсколько сотъ человекъ*. Безъ воображаемаго сопротивленія, объявленнаго официально, какъ бы въ самомъ дѣлѣ можно было оправдать всѣ хищничества, всѣ грабительства, которыхъ этотъ несчастный городъ сдѣлался театромъ.

Прежде всего явились одно за другимъ, прежнія начальства, которыя въ Бременѣ ожидали, чтобы Французы взяли обратно Гамбургъ, и порядокъ вещей, разрушенный почти три мѣсяца тому назадъ, былъ немедленно возстановленъ. Только Баронъ Коинцигъ не являлся заступить опять свое мѣсто Префекта въ Гамбургъ. Я уже сказалъ, что разстроилась у него го-

лова отъ страха, причиненнаго его положеніемъ; онъ хотя былъ выльченъ, но Наполеонъ его отставилъ и опредѣлилъ на его мѣсто Аудитора Государственнаго Совѣта, который хотя былъ очень молодъ, но отличился своимъ неограниченнымъ усердіемъ. Вотъ что мнѣ писалъ объ немъ одинъ умный и разсудительный человекъ, жившій тогда въ Гамбургѣ, и не способный говорить безъ основанія о чьемъ бы то ни было поведеніи.

«При первомъ посѣщеніи, которое сдѣлало замѣнившее Сенатъ Верховное Императорское «судилище, подъ предсѣдательствомъ Г. Серра (*), новому префекту, онъ встрѣтилъ ихъ внушеніемъ преданности о любви къ Императору. «Наполеонъ *прежде всего и сверхъ всего*, сказалъ «онъ, прибавивъ, что касается до него, то онъ «сталъ любить Императора, что въ силахъ «убить собственными руками того, кто бы не- «редъ нимъ обнаружилъ не тѣ же самыя чув- «ства. Судьи, озадаченные и испуганные такимъ «избыткомъ любви, удалились въ молчаніи. Ау- «диторъ помѣстился въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ «его предшественникъ Г. Коппингъ, на счетъ «города, прямо напротивъ меня.

«Прямо изъ этой аудіенціи, въ совѣтничес- «комъ нарядѣ, былъ у меня одинъ изъ судей, «мой знакомый, и рассказывалъ вышеспрописа-

(*) Тотъ самый, который былъ послѣ Министромъ Юстиціи и Посланникомъ въ Цезанюль.

«ное. Этотъ новый префектъ начальнически велѣлъ съ роскошью прибавить мебели у себя въ домъ, и потребовалъ изобильный запасъ «столоваго бѣлья, восковыхъ свѣчь, вина и пр. «даже до шелковыхъ чулокъ.»

Голландскій Генераль Гогендорфъ назначенъ въ правленіи Гамбурга на мѣсто Карра Сенъ-Сира, сосланнаго въ Оснабрунъ, послѣ его слишкомъ поспѣшнаго отступленія. Генераль Гогендорфъ былъ причтенъ къ числу Императорскихъ Адъютантовъ, но это было не то, что Раншъ, Лоригонъ или Дюрокъ; онъ съ ними имѣлъ совершенную противоположность. Вотъ, какъ начали поступать съ Гамбургомъ. Потребовали отъ города уплаты всѣхъ недоимокъ, которыя слѣдовали разнымъ Французскимъ начальствамъ впродолженіи семидесяти дневнаго отсутствія. Тоже учинено взысканіе всего чтобы заплачено было, во время отсутствія Французовъ, войскамъ гарнизона, которыя стояли въ другомъ мѣстѣ. Равнообразно потребовали уплаты недоимки за постой такихъ людей, которые находились за пятьдесятъ миль. Всѣ эти корыстолюбивыя дѣйствія могутъ ли оставить какое либо сомнѣніе въ людяхъ благоразумныхъ и друзьяхъ спокойствія, во всѣхъ преходящихъ правительствахъ, которыя созидаетъ и разрушаетъ сила, въ томъ, что возобновляются тѣ самыя мѣры, которыя способствовали возстанію противъ Французовъ, и даже вынудили его? Однакоже

я долженъ сказать, и скажу съ удовольствіемъ, что нѣкоторые начальники управленій, понимая лучше новое положеніе Французовъ въ Гамбургѣ, не допустили въ своихъ департаментахъ уногребленія этихъ несправедливыхъ, притѣснительныхъ и опасныхъ мѣръ. Установленія о запискѣ въ роспись были болѣе приспособлены къ подлежащимъ подати; Гамбургцамъ дозволили казаться некрасивыми въ одѣяніи чуждомъ ихъ обычаямъ, и въ которое ихъ вырядили насильно, и за то ненаказывали; наконецъ Г. Пюнье, Директоръ таможенъ, человекъ кроткихъ и честныхъ правилъ, чувствовалъ, сколько его обязанности были щекотливы и затруднительны въ такомъ городѣ, гдѣ не видѣли таможеню; онъ приказывалъ занимать посты съ снисходительностію и не торопился. Онъ понималъ то, чего не поняли систематическіе совѣтники Наполеона, что Англія, имѣвшая возможность войти со всѣми своими силами въ Эльбу, во время оставленія войсками обоихъ береговъ и города, который орошаетъ эта рѣка въ тридцати миляхъ отъ ея устья, того не сдѣлала, и тѣмъ очевидно показала, что не видѣтъ для себя большихъ выгодъ въ ослабленіи строгости. *Тѣлесные* осмотры, сколько несносные, столько и неприличныя въ отношеніи къ женщинамъ, были отмѣнены; не стали болѣе класть ихъ на запачканныхъ тюфякахъ въ от-

вратительныхъ караульняхъ, чтобы удобнѣе осматривать; но эти смягченія происходили не отъ высшей власти, а ими обязаны были характеру и разсудительности агентовъ, которые думали, что если Имперіи придется разрушиться, то это вѣрно не отъ маловажныхъ отступленій отъ постановленій объ изгнаніи кофе и ревеня.

Благодаря благоразумію и добросовестности Директора, таможенное управленіе сдѣлалось для жителей Гамбурга менѣе притѣснительнымъ, или по крайней мѣрѣ менѣе противнымъ нравственности; но не таково было въ почтовомъ управленіи, которое съ большимъ жаромъ принялось за свою старинную работу. Письма распечатывали безъ утайки, такъ что по видимому хвастались этого рода кознею. Вызвали прежнихъ чиновниковъ, искусившихся уже въ этомъ поносномъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ другими чинами они уѣхали въ Бременъ, гдѣ по причинѣ малочисленной переписки, имъ не доставалось употребить въ дѣло свою похвальную промышленность. По ихъ возвращеніи уволили всѣхъ чиновниковъ Нѣмцовъ, предполагая въ нихъ слишкомъ много нравственности. Сдѣлали еще болѣе: ихъ принудили возвратить въ почтовую кассу всѣ тѣ суммы, которыя взяты изъ нел. Исключая два упомянутыя мною управленія, по запискѣ въ роспись и по таможднѣ, повсю-

ду завели опять этотъ инквизиторскій способъ, который такъ долго тяготѣлъ надъ Анзсатическими городами . . . и первые уполномоченные Правительствомъ говорили: «Гамбургцы измѣнники предъ Наполеономъ, потому что за столько благодѣяній, они не поютъ вмѣстѣ съ Латинскимъ поэтомъ: *Deus nobis haec otia fecit.*

Все это еще были только розы: продолжали принимать участіе въ судьбѣ Анзсатическихъ земель, и 18 Іюня обнародовано Императорское повелѣніе отъ 8 числа того же мѣсяца, по силѣ котораго хотѣли наконецъ собрать дань за официальную ложь, помѣщенную въ бюллетенѣ, о которомъ я говорилъ. Въ наказаніе за бунтъ, на Гамбургъ наложена необычайная контрибуція въ сорокъ восемь миліоновъ Франковъ, а на Любекъ въ шесть миліоновъ. Эта огромная сумма сорокъ восемь миліоновъ, наложенная на раззоренный городъ, котораго народонаселеніе въ три года уменьшилось цѣлою третью, долженствовала быть вымачена въ полнѣ въ кратковременный мѣсячный срокъ, съ раздѣленіемъ на шесть равныхъ платежей, деньгами или переводами на извѣстные дома въ Парижѣ. Въ случаѣ неплатежа или промѣдленія, все движимое и недвижимое имущество долженствовало быть продано. Сверхъ того новый Гамбургскій префектъ потребовалъ всякаго хлѣба, съѣстныхъ припасовъ всякаго

рода, вина, парусины, мачтовыхъ деревь, смолы, пеньки, желѣза, мѣди, стали, однимъ словомъ всего, что могло быть только пригодно военной и морской службѣ.

Это было съ деньгами; теперь посмотримъ, что дѣлали съ людьми: мало было этихъ неопостижимыхъ требованій, надобно было еще припяться и за людей, и Гамбургцы не были болѣе въ безопасности. Въ Гамбургѣ добиралась до ихъ имуществъ, а въ Дрезденѣ до ихъ существованія и свободы. 15 Юня Нанолсонъ, ослабляемый безъ сомнѣнія лживостью донесеній, внушенныхъ духомъ мести и ему представленныхъ, велѣлъ составить списокъ всѣмъ Гамбургцамъ, находящимся въ отсутствіи изъ своего города; на возвращеніе домой имъ дано было только двѣ недѣли сроку, точно какъ будто бы такой краткой отсрочки могло быть довольно, въ вещественномъ отношеніи, чтобы возвратиться изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они искали себѣ убѣжища. Они могли не возвратиться. Однакоже все таки надобны были жертвы! Тогда, что было дѣлать? Средство было просто, и имѣло еще ту выгоду, что навело ужасъ на всѣ семейства. Пусть! не Бонапартъ хотѣлъ этого; я свидѣтельствуюсь въ томъ поведеніемъ его въ Тамилѣ, когда, на восходѣ своей славы, одною своєю властію, онъ велѣлъ выпустить изъ Тамиля заложниковъ, которыхъ Директо-

рія туда набила. Нѣтъ, ему не вздумалось взять у Гамбурга *круговыхъ заложниковъ*, въ обезпеченіе за людей, по благоразумію отсутствующихъ. Ихъ однакоже взяли, но я непопрекаю его памяти этимъ. Ихъ взяли внезапно, объявивъ въ тоже время *круговыми заложниками*, въ обезпеченіе уплаты требуемыхъ сорока восьми миліоновъ, и этихъ заложниковъ избрали изъ людей самыхъ значительныхъ и самыхъ богатыхъ въ Гамбургъ. Между ними были восьмидесяти-лѣтніе старцы; всѣхъ перевезли въ старый Гаарбургскій замокъ, на лѣвомъ берегу Эльбы. Тамъ эти люди, привыкшіе къ удобствамъ жизни, валялись какъ ни попало на соломѣ въ темницахъ, гдѣ терпѣли недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ; нѣтъ у меня бича Ювеналова, а то бы я предалъ вѣчному позору такіе ужасы! Любскіе заложники были приведены въ Гамбургъ и брошены въ трюмъ стараго корабля, стоявшаго посреди портоваго канала — достойное подражаніе позора Англійскихъ понтоновъ!

Дорога была проложена; она была прекрасна безъ сомнѣнія, и для чего было на ней останавливаться? Шли прямо. 24 Іюля вышло постановление, которос напечатано въ *Корреспондентъ* 27 числа. Это постановление было ничто иное, какъ списокъ присужденнымъ къ изгнанію самымъ богатымъ владѣльцамъ городовъ

Гапзеатическихъ, Ганновера и Вестфалии: они были, сказано въ постановлєніи, уличены въ измѣнѣ противъ Франціи. По истинѣ, непостижима смѣлость этихъ безразсудныхъ повѣренныхъ Наполеона, которая конечно переходила за границы его намѣреній. Они еще и тѣмъ не удовольствовались, какъ увидятъ далѣе, когда я стану говорить о батареяхъ, которые враги мои противъ меня устроивали, единственно потому, что имъ не безъвѣстно было, что я зналъ въ подробности все о ихъ поступкахъ; это самое даетъ мнѣ способъ теперь ихъ обнаружить.

Г Л А В А XV.

Двукратное пребываніе Наполеона въ Дрезденѣ.— Баутценское дѣло.—Смерть Дюрока.—Плезвицкое перемиріе.—Собраніе конгресса въ Прагѣ.— Посредничество Австріи.—Возможность заключить миръ.—Упрямство Наполеона.— Дурные совѣтники.— Сраженіе при Витторіи, и худое положеніе Французовъ въ Испаніи.—Вліяніе извѣстій изъ Испаніи на Прагскій конгрессъ.—Прибытіе въ Европу Генерала Моро.—Ошибочныя мнѣнія о надеждахъ Моро.— Зеленая карда, Генераль Вильотъ и благородная мысль Герцога Берри.—Важная бумага и исправленіе ошибки.—Первыя Прагскія совѣщанія.—Отложеніе Генерала Жюмпи.—Дрезденское и Лейпцигское сраженія.

И сказалъ, что Наполеонъ одержалъ втораго Маія побѣду въ Лютценѣ; черезъ недѣлю послѣ того онъ былъ въ Дрезденѣ, уже не такъ, какъ при своемъ отъѣздѣ въ Русской походъ, подобнымъ владыкѣ запада Европы, окруженнымъ своими высокими вассалами; но еще полагающимся на свое счастіе. Онъ находился въ прекрасной столицѣ одного изъ всѣхъ создан-

ныхъ имъ Королей, который остался вѣрнѣ пользамъ Франціи, и которому его добросовѣстность стоила половины его государства. Императоръ пробылъ въ Дрезденѣ только десять дней, а потомъ пустился въ слѣдъ за Русскою арміею, которую повстрѣчалъ въ Баутценѣ 19 числа. Баутценское сраженіе, за которымъ на другой и на третій день послѣдовали сраженія Вюртхенское и Охкирхенское, значить длилось три дня, изъ чего можно заключить, что обѣ стороны стояли за себя упорно; наконецъ выигрышъ остался на Наполеоновой сторонѣ. Но Наполеонъ, и могу сказать Франція, потерпѣли великую потерю; ядромъ убито Генерала Киришнера, разговаривавшаго съ Дюрокомъ, которому тѣмъ же ядромъ попало въ животъ. Здѣсь я не стану говорить о смерти полезнаго человѣка, котораго я искренно любилъ и о которомъ пожалѣлъ отъ всей души. Скоро я буду имѣть случай разсказать въ точности о подробностяхъ его смерти, которыя ни въ чемъ несходны съ пространнымъ описаніемъ, помѣщеннымъ по волю Бонапарте въ его официалномъ бюллетенѣ.

Для Австрій наступила минута, чтобы доказать, въ самомъ ли дѣлѣ, такъ какъ она показывала видъ, очевидно на дѣлѣ противорѣча, она хотѣла не измѣнить совершенно дѣлу Наполеона. Все дружескія ея увѣренія ограничились предложеніемъ своего посредничества, чтобы

вступить въ переговоры съ Россією: въ самомъ дѣлѣ, четвертаго Іюня въ Плесвицѣ заключено перемиріе, между Наполеономъ и его союзниками съ одной стороны, и Императоромъ Александромъ съ другой; это перемиріе должно было продолжаться до восьмага Іюля, но его въ послѣдствіи продлили до десятаго Августа.

Первые переговоры послѣ заключенія Плесвицкаго перемирія имѣли слѣдствіемъ собраніе конгресса въ Прагѣ; и если когда либо Наполеонъ, послѣ неудачь прошлаго года, имѣлъ случай заключить достопамятный и выгодный для Франціи миръ, то это было, безъ всякаго сомнѣнія, послѣ Баутценскаго дѣла. Всѣ державы, долженствовавшія участвовать въ этихъ великихъ совѣщаніяхъ, прислали уполномоченныхъ на Прагскій конгрессъ, собравшійся подъ посредствомъ Австріи. Этотъ конгрессъ былъ слѣдствіемъ сдѣланнаго Австрією Наполеону предложенія, войти въ посредничество между нимъ и Императоромъ Александромъ, для возстановленія мира въ Европѣ; въ шестомъ пунктѣ условія о перемиріи постановлено было, что если, которая изъ воюющихъ сторонъ не захотѣла бы продолжать перемирія согласно съ предварительнымъ условіемъ четвертаго Іюня, то отъ сего переговоры на конгрессѣ не должны прекращаться. Но тому, кто зналъ духъ, которымъ одушевлялись главы двухъ державъ, сдѣлавшихъ

ся соперницами, нечего было ожидать отъ этого конгресса, на которомъ тѣ, кто принималъ въ немъ участіе, дѣлами это съ сожалѣніемъ; я въ тоже время узналъ, что на совѣщаніяхъ, очень мало было согласія, и я нисколько не удивился, когда услышалъ, что переговоры прекращены.

Въ то время говорили, что союзники требовали назадъ всего, что они потеряли съ 1805 года, то есть съ Ульмской кампаніи. Подъ этимъ разумѣли Голландію и Ганзеатическіе города, учинившіеся Французскими. Но въ семь случаевъ, не оставались ли у насъ еще Рейнъ, Бельгія, Пиемонтъ, графство Ницъ и Савойя? Но истинѣ непонятно, какъ можно было требовать другаго. Но то, что было справедливо, вмѣстѣ съ тѣмъ не было возможно, потому что оно зависѣло отъ человѣка, который, ни за что на свѣтѣ, не согласился на такія уступки. Такая пагубная рѣшимость была поддерживаема и одобряема людьми, пользовавшимися его довѣренностью и говорившими такъ какъ Кларкъ въ одномъ обстоятельстве, когда надлежало только сохранить миръ. Нѣтъ, непонятно, какъ могли такъ дурно совѣтовать Императору. Съ двадцатаго Іюня въ слѣдующіе дни, тогда какъ перемиріе должно было кончиться восьмагаго Іюля, Англичане одержали побѣду при Витторіи, чѣмъ получили всю Испанію въ свое

распоряженіе и Сушесть отступилъ къ Эбрѣ (*); столь великая опасность на Югѣ, опасеніе видѣть Испанскую армію уничтоженною, должны были переменить мысли этихъ воиновъ, которые никогда не сражались и были равнодушны къ войнѣ. Не смотря на упорство Наполеона, которое я очень хорошо знаю, и его стремленіе къ приобрѣтенію славы побѣдами, можетъ быть онъ не остался бы недоступнымъ частымъ и смѣлымъ представленіямъ, со стороны людей благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству. Итъ сомнѣнія, что если бы когда вѣсть объ одержанной Англичанами въ Испаніи побѣдѣ достигла въ Дрезденъ и Богемію, начались опять военныя дѣйствія, а не возобновили перемиріе, которому срокъ кончился 8 Іюля, то изъ сего произошли бы великія несчастія. Я увѣренъ, что Императоръ долженствовалъ быть очень огорченъ этимъ извѣстіемъ о нашихъ неудачахъ въ Испаніи. Надобно было воспользоваться этою минутою, его глубокою горестью, чтобы преклонить его воинское стремленіе. Франція дорого заплатила за такое ослѣпленіе. Въ это время прибылъ Генераль Моро. Нѣкоторые особы думали, а

(*) Скоро распространившаяся вѣсть объ этомъ рѣшительномъ сраженіи, сдѣлала положеніе Французскихъ уполномоченныхъ въ Прагѣ, болѣе затруднительнымъ и возвысила требованія союзниковъ. Она также поколебала довѣренность тѣхъ изъ нихъ, которые пребывали къ намъ вѣрными.

другіе писали, что этотъ Генеральъ прѣхаль по приглашенію Бернадота; но это и не справедливо и не правдоподобно; между Бернадотомъ и Моро никогда не было дружественныхъ сношеній; къ тому же, какъ думать, что первому могло придти на мысль видѣть Бернадота Императоромъ! По вопросу сей рѣшается тѣмъ, что полагали, будто въ Або дано выразумѣть Бернадоту, что есть возможность заступитъ мѣсто Наполеона. Далѣе увидятъ, какой разговоръ, по возстановленіи, я имѣлъ по сему предмету въ Парижѣ съ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ. Въ особенности не должно забыть, что въ то время Шведскій Король, Герцогъ Зюдерманландскій, былъ еще живъ. Если Бернадотъ думалъ о наслѣдникѣ Наполеону, то думалъ о самомъ себѣ. Нельзя знать, что обѣщаль Генералу Моро Императоръ Александръ; но первый могъ согласиться снособствовать, въ случаѣ удачи, видамъ Александра и честолюбію Бернадота.

Но что извѣстно совершенно и что я узналъ въ послѣдствіи положительнымъ образомъ, такъ это, что Французскіе Принцы Бурбонова дома имѣли съ Моро переговоры чрезъ посредство изгнаннаго 18 Фруктидора, Генерала Вильо, который былъ на ихъ сторонѣ. Я знаю навѣрное, что Генеральъ Моро, бывшій тогда въ Бальтиморѣ, не захотѣлъ принять сторону Бурбо-

новъ, ни служить имъ. Я также узналъ, что Герцогъ Берри писалъ къ Генералу Вильо письмо, въ которомъ жаловался на то, что Моро надѣлъ зеленую кокарду, и въ которомъ также сей благородный Принцъ говоритъ, что не смотря на то, чтобы ни выплю, но никогда на немъ не увидятъ чужеземной кокарды. Моро уступилъ необходимости отмстить Наполеону (*).

(*) Имя Генерала Моро даетъ мнѣ случай исправить чевольную погрѣшность, которую я сдѣлалъ, говоря о Генералѣ Лажоле. Мнѣ показали безпрекословныя бумаги, которыя положительно доказываютъ, что Генералъ Лажоле былъ столько же участникомъ въ заговоръ Жоржа, въ которомъ былъ замѣшанъ Моро, какъ Гг. Польиньякъ и Ривьеръ. Поведеніе Генерала Лажоле, можетъ быть, могло породить подозрѣнія въ умѣ друзей Генерала Моро относительно принятой имъ на себя роли; но повторю, что я очень радъ случаю исправить ошибку, которая бы могла быть предосудительною чести фамиліи. Я признаю, и спѣшу это сдѣлать съ удовольствіемъ, съ полною охотою, что Лажоле былъ сообщникъ, больше, чѣмъ неблагоразумный, а а непобуждающій агентъ въ заговоръ Жоржа. Его легкомысліе, за которое онъ сликкомъ дорого заплатилъ, могло имѣть видъ измѣны въ такое время, когда такъ выгодно было открывать измѣнниковъ; но теперь мнѣ доказано, что послѣ осужденія его на смерть, одна дочь его, бывшая тогда ребенкомъ, явила смѣлость не по своимъ лѣтамъ (сей было четырнадцать лѣтъ) и такъ настоятельно упрашивала, что Наполеонъ не могъ отказать ей въ дарованіи отцу ея помилованія; что его имяніе было конфисковано и продано въ пользу казны; что наконецъ, въ замѣну прежде присужденнаго ему наказанія, приговоренъ къ четырехлѣтнему заключенію въ тюрьму, вытерпѣвъ это наказаніе,

Обращаюсь къ переговорамъ Прагскаго конгресса. Въ исходъ Юля дѣла конгресса были не далѣе, какъ и при началѣ его собранія; Императоръ, не думая успокоить Французовъ на счетъ возможности мира, поѣхалъ въ Мюнхенъ; Императрица приѣхала туда его навѣстить и возвратилась въ Парижъ тотчасъ по отъѣздѣ Императора. Не знаю, какіе совѣты давали Бонапарте; на что могли опираться его совѣтники, отклоняя Наполеона отъ мира. Какъ бы то ни было, онъ возвратился въ Дрезденъ и перемиріе, не бывшее возобновленнымъ, кончилось семнадцатаго Августа, согласно съ условіемъ.

Несчастное обстоятельство послѣдовало тотчасъ по прекращеніи совѣщаній. Семнадцатаго

и что даже умеръ въ тюрьмѣ въ замкѣ Пфѣ, пять мѣсяцевъ спустя послѣ окончанія срока его заключенія. Я говорю это, потому что оно правда, и что я имѣлъ предъ глазами своими неоспоримыя доказательства; любовь моя къ истинѣ такова, что я не чувствую никакого затрудненія самого себя обличить, когда мнѣ докажутъ мою ошибку. Я никогда не отстану отъ моихъ сужденій, которыя считалъ за долгъ объяснить на счетъ некоторыхъ людей, потому что въ сихъ случаяхъ, сужденія мои основывались на глубокомъ убѣжденіи; но что касается до событій вообще, то я могъ быть увлеченъ удостовѣреніями, распространяемыми безъ сомнѣнія съ намѣреніемъ, признать некоторыя обстоятельства, въ лживости конхъ удостовѣрять опытъ, и быть обманутъ паружностью. По этому простому и откровенному объясненію, можно судить, что я думаю о возраженіяхъ, на которыя отвѣчать считаю нестоющими.

Августа Австрія, привыкшая выигрывать войнами, такъ какъ она прежде выигрывала союзамъ, объявила, что она присоединяетъ свои усиленныя арміи къ войскамъ союзниковъ. Это было ужасный ударъ для Франціи, потому что семь около двухъ сотъ тысячъ человекъ поступали въ перевѣсъ; гроза приближалась скоро.

При началѣ этой несчастной кампаніи Генераль Жомини перешелъ на непріятельскую сторону. Онъ былъ начальникомъ штаба въ корпусѣ злополучнаго Цей, который начиналъ съ извѣстнымъ своимъ искусствомъ выполнять данныя ему приказанія. Изумились этому усердію къ тому, чтобы воспользоваться завязывающеюся борьбою, съ печальными предзнаменованіями, поныгавшись новаго счастья, которое обѣщало болѣе, чѣмъ манило ему въ нашихъ рядахъ. Жомини судили.

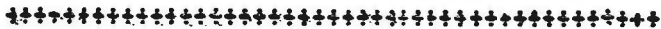
Я буду говорить только о *рѣшительныхъ* военныхъ дѣйствіяхъ. Движенія нашихъ войскъ и ихъ маневры, такъ хорошо описаны во многихъ книгахъ, что все, чтобы я ни сказалъ, будетъ повтореніемъ.

Первое дѣло было Дрезденское, семь дней спустя послѣ окончанія перемирія, и разбитіе Вандамма, сдѣлавшее Дрезденскую побѣду ничтожною. Я сказалъ, что тамъ погибъ Моро. Весь корпуса, бывшіе въ дѣйстви въ одно вре-

мя, понесли уронъ; и такъ какъ всегда говорить о Фортунѣ, то нельзя не признаться, что она насъ покинула. Послѣ перваго порыва, Баварія, избавившись отъ Французскаго корпуса, который занималъ границы этого Королевства, скинула съ себя маску и пристала къ нашимъ непріателямъ.

Въ эту эпоху, то есть въ Октябрѣ мѣсяцѣ, дана была и проиграна близъ Лейцига баталія, которая рѣшила судьбу Франціи. Саксонская армія, одна остававшаяся намъ вѣрною, изъ нашихъ рядовъ перешла въ непріятельскіе во время самого дѣла.

Г Л А В А Х V E .

Возобновленіе военныхъ дѣйствій.— Дрезденское и Лейпцигское сраженія.— Дюрокъ и Понятовскій.— Смерть Дюрока, пышная грусть и всеобщее сожалѣніе.— Бюллетень и фразы.— Воспоминаніе о Дессексѣ.— Истина относительно смерти Дюрока.— Письмо очевиднаго свидѣтеля.— Воспоминаніе о заговорѣ съ Дюрокомъ.— Досада Дюрока на Наполеона, и помѣха.— Разговоръ, возобновленный черезъ годъ.— Что Наполеонъ сказалъ обо мнѣ Дюроку.— Намѣреніе меня опять опредѣлить.— Новыя доказательства дружбы ко мнѣ Дюрока.— Впечатленіе, произведенное смертью прежнихъ Императорскихъ сослуживцевъ.— Понятовскій.— Начало его поприща.— Понятовскій Министръ Великаго Герцогства Варшавскаго.— Исудачи Лейпцигскаго дѣла.— Липденаускій мостъ.— Оправданіе въ Монитеръ.— Коммисія, назначенная и несозванная.— Послѣднія слова и послѣднія минуты Понятовскаго.— Певѣролтная храбрость.— Гробница въ саду и Каодральная Варшавская церковь.

Прагскій конгрессъ кончился, не положивъ ничего; военныя дѣйствія опять начались въ половинѣ Августа, и черезъ десять дней дано Дрезденское сраженіе, въ которомъ мы еще

одержали верхъ, и которое на вѣки требудеть славно смертію Моро. Въ это время Бадаммъ взять въ плѣнъ въ Богеміи, и Октябрь мѣсяць ознаменованъ Вахаускимъ дѣломъ, въ которомъ попеременно имѣли успѣхъ и терѣбли уронъ; и наконецъ Лейпцигскимъ сраженіемъ, съ котораго пошли наши великіи потери; тутъ погибъ Понятовскій, намѣревался перебраться черезъ Эльстеръ. Я не вхожу въ подробности этихъ происшествій и сраженій, гдѣ Французское мужество было тоже, но Фортуна переменялась.

Наполеонъ возвратился втораго Ноября въ Майнцъ, и оттуда уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь я помѣщу то, что узналъ о смерти двухъ чело-вѣкъ, которыхъ обоихъ жалѣли и которые оба заслуживали всеобщаго сожалѣнія: я говорю о Дюрокѣ и Понятовскомъ. Наполеонъ также жалѣлъ о Дюрокѣ, но не отъ чувствительности, а потому что онъ ему былъ очень полезенъ; онъ устроилъ удивительный порядокъ въ управленіи Императорскимъ домомъ и въ Императорскихъ дворцахъ; Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать свою горестъ торжественною и для этого, расположивъ трагическую сцену смерти Дюрока, велѣлъ написать картину, чтобы передать воспоминаніе объ этомъ погромахъ. Вотъ что Императоръ велѣлъ помѣстить въ Бюллетень, въ которомъ съ напыщенностію сказано

о потерѣ, сдѣланной Императоромъ, и вотъ какія выдуманныя фразы не посоветились влгать въ уста умирающаго Дюрока. Если бы Бюллетень былъ справедливъ, то Дюрокъ сказалъ бы Императору: «Вся моя жизнь была посвящена вашей службѣ и мнѣ больно умирать столько потому, что я еще могъ бы вамъ быть полезенъ. Да, Государь, мы увидимся, но черезъ тридцать лѣтъ (*) ; когда вы вполне воспоржествуете надъ своими врагами, и исполните все надежды вашего отечества. Я жилъ, какъ честный человекъ: не попрекаю себя ни въ чемъ; оставляю одну дочь — Ваше Величество заступите ей мѣсто отца.»

Во всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова истины; эти слова выдуманы нарочно, точно какъ тѣ, которыя Первый Консулъ заставилъ говорить Дессекса послѣ Маренгской битвы. Вѣрно онъ перенялъ отъ Гомера заставлятъ своихъ героевъ говорить въ минуты ихъ смерти. Правда то, что Дюрокъ ужасно мучился: а въ такія минуты не разговорнишься и не станешь вѣтствовать. Я помню, что въ то время мнѣ показывали письмо, присланное по эстафетѣ и писанное очевиднымъ свидѣтелемъ, который былъ при Императорѣ. Эта особа пишетъ къ одному Министру, своему пріятелю, чтобы

(*) Наполеону въ особенности нравился этотъ назначенный Дюрокомъ тридцати-лѣтній срокъ.

онъ ни сколько не вѣрилъ официальному разсказу о посѣщеніи, сдѣланномъ Дюроку Наполеономъ: онъ прибавилъ, что Дюрокъ, очень страдая, и видя, что посѣщеніе длится, горестно повернулся на лѣвый бокъ и сказалъ Императору, дѣлая ему правою рукою знакъ, чтобы онъ удалился:—*Ахъ! Государь, дайте мнѣ хотя улизнуть спокойно.*

Чтобы придать болѣе достовѣрности этому случаю, за который я не ручаюсь, потому что не былъ очевидцемъ, я разсказываю то, что знаю отъ другихъ, и упомяну о другомъ случаѣ, за истину котораго могу поручиться. Передъ отъѣздомъ въ походъ 1812 года, Дюрокъ велѣлъ мнѣ попросить къ себѣ въ Марзанскій павильонъ, гдѣ онъ жилъ. Я у него бывалъ часто. Въ полдень онъ пришелъ отъ Императора, окончивъ съ нимъ обыкновенное свое занятіе. Онъ былъ во всей формѣ. Я его прождалъ минутъ съ пять. Только что онъ вошелъ,— то сказалъ мнѣ, скидая платье и бросивъ шляпу:—Я тебѣ одному разскажу разговоръ, какой я имѣлъ о тебѣ съ Императоромъ. Только не говори никому: имѣй терпѣніе, и ты будешь едва онъ сказалъ мнѣ, ты будешь какъ вошелъ лакей.—*Ваше Пресвѣдѣтельство, Императоръ изволитъ васъ спрашивать теперь же.* Дюрокъ сказалъ ему громкимъ голосомъ: *Хорошо, только не кричи такъ; сей часъ буду.*

Только что лакей заперъ дверь, Дюрокъ, бывшій тогда въ рубашкѣ, поднялъ довольно высоко правую ногу, и топнулъ ею очень сильно, вскричавъ: *Ч в , поутру онъ лишь никогда не дастъ покою: я на пять минутъ счастливъ, ему это завидно и онъ у меня ихъ отымаетъ.* Онъ опять надѣлъ мундиръ и пошелъ къ Императору, сказавъ мнѣ: «Любезный, до другаго дня.»

Съ этого дня до Генваря 1813, я не могъ ни какъ сойтись съ Дюрокомъ. Онъ все былъ въ отлучкѣ и возвратился уже въ концѣ 1812. Я видѣлъ, какъ онъ былъ опечаленъ послѣдствіями этой кампаніи. Но онъ еще надѣялся на геній Наполеоновъ, что его успокоивало. Я не раздѣлялъ съ нимъ его надеждъ; и ни сколько не одобрялъ тѣхъ мѣръ, которыя, по его словамъ, принималъ Императоръ, чтобы опять начать борьбу. Я пересталъ говорить объ этомъ предметѣ, а напомнилъ ему, что онъ мнѣ сказалъ только первыя слова изъ разговора, бывшаго у него обо мнѣ съ Императоромъ.—Ты правъ, сказалъ онъ; ну слушай: наканунѣ того дня, какъ Императоръ сдѣлалъ со мною то маленькое скряжничество, которое меня такъ раздосадовало, онъ игралъ со мною въ билиардъ, а между нами сказать, играетъ на немъ онъ очень плохо. Ему нѣтъ удачи въ играхъ, гдѣ нужна ловкость. Какъ ни попало толкая ша-

ры, онъ проворчалъ мнѣ:—«Дюрокъ, вы все «видаетесь съ Буріенномъ?—Видаюсь, Государь. «Онъ иногда приходитъ ко мнѣ обѣдать, когда «собираются дипломаты; онъ очень смѣшенъ «въ своемъ старомодномъ фракѣ изъ Ліонской «матеріи— вы бы расхохотались, увидя его въ «этомъ нарядѣ.—Ну что онъ говоритъ?—Я «долженъ вамъ признаться, что онъ говоритъ; «что это смѣшно; что изъ всего этого ничего «не выдетъ кромѣ того, что сбудутъ нѣсколько «вѣтошей Ліонскихъ фабрикъ; что никакое «принужденное нововведеніе въ обычаяхъ на- «ціи, никогда не имѣло успѣха. — Онъ все «такое, какъ и былъ; у него ни что не «хорошо.—Правда, что онъ немножко охотникъ «осуждать, но онъ говоритъ то, что думаетъ. «—Знаете ли, Дюрокъ, что онъ мнѣ хорошо «служилъ въ Гамбургѣ? Онъ мнѣ много добылъ «денегъ; это человѣкъ, который знаетъ какъ за «что привагъся: я нехочу оставить его безъ «дѣла. Я думаю, онъ самъ скучаетъ. Не знаю, «чтобы ему дать, да увижу. У него много не- «пріятелей.— Но, Государь, у кого ихъ нѣтъ?— «Мнѣ еще прислали изъ Гамбурга много на «него жадобъ; но письмо, которое онъ мнѣ въ «то время написалъ въ свое оправданіе, мнѣ «открыло глаза; и я начинаю думать, что Са- «авари имѣлъ основательныя причины, чтобы «его оправдывать. Все стараются меня откло-

«нить отъ того, чтобы его опять принять въ «службу; но я это сдѣлаю наконецъ. Я не могу «забыть, что онъ первый предупредилъ меня «о вѣроятности эпохи пынѣшней нашей войны. «Я забываю все, что мнѣ про него говорили «цѣлые два года, и какъ только заключу миръ, «и буду покоенъ, такъ объ немъ подумаю. Раз- «сказывай мнѣ про все, что онъ будетъ дѣ- «лать.»

Этотъ разговоръ былъ совсѣмъ не похожъ на содержаніе письма, которое писалъ Наполеонъ 25 Декабря 1811, въ которомъ онъ, чтобы оправдать упрямое нежеланіе меня видѣть, выражаетъ подозрѣніе, будто бы я имѣю постоянно интриги съ Англіею. Не воспоминаніе ли этого разговора съ Дюрокомъ пришло ему въ голову въ концѣ 1813 года? Это будетъ тогда видно.

Послѣ сего разсказа, Дюрокъ мнѣ сказалъ: «Ты понимаешь, что я говорилъ о тебѣ все, что думаю. Будь покоенъ, при случаѣ, я напомню ему про его добрыя намѣренія. Надобно подождать: прощай, любезный; иду, ты знаешь куда, я сего дня свободенъ; но мы ѣдемъ, и, Богъ знаетъ, когда увидимся.»

Я пожелалъ ему счастливаго похода и скорого возвращенія. Но мнѣ привелось только однажды еще увидѣть этого превосходнаго друга;

въ тотъ же день я обѣдалъ у него въ послѣдній разъ.

Не только смерть Дюрока была истинная потеря, но она въ общественномъ мнѣніи произвела нравственное дѣйствіе, вредное для Наполеона; я могъ замѣтить, что всякой разъ, когда кто либо изъ старыхъ его сослуживцевъ падалъ жертвою его честолюбія, тогда болѣе чѣмъ когда нибудь проклинали эту ненасытную жажду воевать, которая мучила Наполеона и наконецъ его погубила. Послѣ смерти Дюрока, смерть Понятовскаго, во время кампаніи 1813 года, наиболѣе занимала умы. Юсіфъ Понятовскій былъ племянникъ Польскаго Короля Станислава-Августа; онъ родился въ Варшавѣ 7 Мая 1763.

Понятовскій являлъ повсюду и съ молодыхъ лѣтъ, когда на него недѣйствовало вліяніе Короля его дяди, большую дѣятельность и великую любовь къ отечеству. Но это вліяніе дало посяганкамъ его наружный видъ нерѣшительности, которая дѣлала его подозрительнымъ для разныхъ партій. Во время кампаніи 1792 года, онъ сражался противъ Русскихъ; въ началѣ показавъ много усердія и предусмотрительности, но въ послѣдствіи далъ себя напугать, не столько успѣхами непріятеля, сколько предписаніями двора.

Когда его дядя приступилъ къ Тарговицкой

конфедерации, Князь Понятовскій вышелъ въ отставку, что сдѣлала также большая часть лучшихъ его Офицеровъ. Но въ 1794 году онъ снова явился въ Польскую армію и вступилъ въ службу волонтеромъ. Благородное его поведение заслужило уваженіе Поляковъ. Костюшко ввѣрилъ ему дивизию, съ которою онъ дѣйствовалъ во время двухъ осадъ Варшавы. Немедленно послѣ сдачи этого города, Понятовскій уѣхалъ въ Вѣну. Павелъ I произвелъ его въ Генераль-Лейтенанты.

Понятовскій удалился въ свои помѣстья, близъ Варшавы. Онъ жилъ, какъ частный человекъ, до самого образованія великаго Герцогства Варшавскаго, причемъ надежды Польскихъ патріотовъ снова возродились; а тогда сдѣланъ Военнымъ Министромъ. Когда Эрцгерцогъ Фердинандъ въ 1809 году пришелъ съ Австрійскими войсками, чтобы завладѣть Герцогствомъ Варшавскимъ, Понятовскій, командовавшій Польскою арміею, которая была гораздо малочисленнѣе Австрійской, заставлялъ последнюю, болѣе посредствомъ искусныхъ движеній, чѣмъ сраженіями, очистить великое Герцогство и преслѣдовалъ ее въ Галлицію до Кракова.

Послѣ этой славной кампаніи, онъ былъ Министромъ до 1812. Война противъ Русскихъ, опять призвала его къ предводительству Польскою арміею. Онъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ

этой войны, въ продолженіе, которой счастіе такъ было непостоянно, и наконецъ былъ въ Лейпцигскомъ сраженіи. Его сдѣлали Французскимъ Маршаломъ. Это сраженіе началось 14 Октября, то есть въ одно число съ славными Ульмскимъ и Іенскимъ дѣлами, продолжалось четыре дня и рѣшило участь Европы. Въ эти дни отложенія, на пространствѣ трехъ квадратныхъ миль, сражались пять сотъ тысячъ чловѣкъ.

Отступленіе сдѣлалось необходимымъ, Наполеонъ въ Лейпцигѣ простился съ Саксонскимъ Королемъ и его семействомъ, которое онъ привезъ съ собою изъ Дрездена. При семъ случаѣ, Императоръ сказалъ громкимъ голосомъ жителямъ, собравшимся на торговой площади противъ Королевскаго дома, *прощайте, Саксонцы*. Онъ съ трудомъ могъ пробраться, разными изворотами, въ предмѣстіе Рунштадтъ, и выѣхалъ въ ворота, изъ которыхъ лежитъ дорога къ мосту черезъ Эльстеръ и къ Индсенау.

Мостъ взорвали, только что онъ успѣлъ перѣхать, и слишкомъ скоро, потому что это воспренятствовало совершенно отступленію всѣмъ войскамъ, находившимся на лѣвомъ берегу Эльстера, которые всѣ попали въ руки непріятелю.

Въ то время обвиняли Императора, что онъ велѣлъ разрушить мостъ, тотчасъ какъ самъ

перехаль, чтобы обезопасить свое личное отступление, которому угрожало дѣтельное преслѣдованіе со стороны непріятеля. Англійскіе журналы по этому предмету отзывались единогласно, и въ Лейпцигѣ немного было такихъ жителей, которые бы въ томъ сомнѣвались. Чтобы истребить такое мнѣніе, которое тогда было *всеобщимъ*, въ Монитерѣ дали напечатать слѣдующую статью.

«Императоръ приказалъ сдѣлать фугасы подъ «большимъ мостомъ, который находится между «Лейпцигомъ и Линденау, чтобы подорвать его «въ послѣднюю минуту, тѣмъ задержать не-«пріятеля и дать пройтѣ обозамъ. Генералъ Дю-«эзоа поручилъ это дѣло Полковнику Монфо-«ру. Полковникъ вмѣсто того, чтобы остаться «на мѣстѣ, самому наблюсти и дать сигналъ, «приказалъ караулу и четыремъ саперамъ, по-«дорвать мостъ, какъ скоро появится непріятель. Капралъ, человекъ несмысленный, худо «понялъ приказаніе: услышавъ первые ружей-«ныя выстрѣлы съ городскаго валу, онъ зажегъ «фугасы и подорвалъ мостъ. Еще часть арміи «находилась на той сторонѣ съ восьмидесятью «орудіями и нѣсколькими сотнями повозокъ.

«Голова этой части арміи достигнувъ моста «и увидѣвъ его взрывъ, полагала, что онъ во «власти непріятеля. Крикъ ужаса раздался изъ «одного ряда въ другой. *Непріятель за нами*

«и мосты истреблены. Эти несчастные разбѣжались и искали спасенія. Герцогъ Тарантскій «переплылъ рѣку. Князь Понятовскій, подѣ «которымъ была бышева лошадь, бросился въ «воду, и не появился болѣе. Императоръ узналъ «про это бѣдствіе тогда, какъ уже не чѣмъ «было пособить: да и что возможно было тутъ «сдѣлать? Для сужденія Полковника Монфора и «сапернаго Капрала, наряжена коммисія военнаго «суда.» Надобно замѣтить, что эта коммисія не состоялась. Что изъ этого заключить? ничего, кромѣ развѣ того, что тутъ были тайны, которыя открыть могутъ только тѣ, кому онѣ довѣрены.

Наполеонъ передъ перѣздомъ чрезъ Эльстерскій мостъ, поручилъ Князю Понятовскому прикрывать, вмѣстѣ съ Маршаломъ Макдональдомъ, отступленіе и защищать ту часть Лейпцигскаго предмѣстія, которая ближе прилегаетъ къ Борнской дорогѣ. Для выполненія такого приказанія у него было двѣ тысячи человекъ Польской пѣхоты. Онъ былъ въ этомъ жалкомъ положеніи, когда увидѣлъ совершенную ретираду Французскихъ колоннъ, также что мостъ былъ такъ загроможденъ ихъ артиллерією и повозками, что невозможно было пробраться. Тогда онъ обнажилъ саблю и обратясь къ бывшимъ близъ его Офицерамъ, сказалъ:

Господа, здѣсь надобно пасть съ честью. Тутъ

онъ бросился съ малымъ числомъ кирасировъ и Польскихъ Офицеровъ на колонны союзниковъ. Въ этомъ дѣлѣ его равняли нулею въ лѣвую руку: 14 и 16 числѣ онъ былъ также раненъ. Впрочемъ это его не остановило; но онъ пашель предметіе наполненнымъ союзными войсками. Онъ пробился и получилъ другую рану: бросился въ Плейсъ, которая течеть передъ Элстеромъ. Съ помощію своихъ Офицеровъ, онъ достигъ другаго берега, оставивъ свою лошадь въ Плейсъ. Онъ хотя очень утомился, но сѣлъ на другую лошадь и доѣхалъ до Элстера, черезъ садъ Г. Рейхенбаха, который находится на самомъ берегу этой рѣки. Минуты были дороги; большая часть войска потонула въ Плейсъ и Элстерѣ. Какъ ни были круты въ этомъ мѣстѣ берега сей послѣдней рѣки, Князь раненый, бросился въ нее и съ лошадью: всадникъ и лошадь погибли въ волнахъ, такъ какъ и многіе Офицеры, которые на то же отважились. Многихъ взяли на рѣкѣ въ плѣнъ. Макдональдъ по счастію спасся. Пяти дней спустя, рыбакъ нашель тѣло Князя и вытащилъ его изъ воды. Оно было временно положено на Сенатскомъ кладбищѣ, со всѣми почестями по званію покойнаго. Скромный камень означаетъ то мѣсто, гдѣ найденъ Князь. Полки изъявили Г. Рейхенбаху желаніе воздвигнуть въ саду его соотечественнику своему монументъ.

Онъ объявилъ имъ, что беретъ это на себя; и дѣйствительно воздвигнулъ прекрасную гробницу посреди зеленеющаго луга и обсадилъ ее плакущими ивами.

Тѣло Князя набальзамировали и на другой годъ отправили въ Варшаву. Императоръ Александръ дозволилъ, въ 1816 году, положить прахъ Князя въ Варшавской соборной церкви, гдѣ покоятся Польскіе Короли и великіе люди. Знаменитому Скульптору Торсвалдену поручено сдѣлать ему монументъ.

Г Л А В А XVII.

Правленіе Маріи Луизы, и милостивые указы.—Поездка Императора и Императрицы въ Манницъ.—Добрый намъренія Герцога Ровинго.—Ръшимость все сказать Наполеону.—Миліонъ непріятелей и Мюратъ противъ Императора.—Ложныя мысли Боннапартъ объ общественномъ кредитѣ.—Пониженіе курса и шестьдесятъ миліоновъ убытка.—Умноженіе тайныхъ кабинетовъ.—Дружба ко мнѣ Савари, и воспоминаніе о Дессековомъ Адъютантѣ.—Покровитель дѣлаетъ покровительствуемымъ.—Обращеніе Наполеона ко мнѣ и умноженіе клеветъ. — Тяжкая обязанность и необходимость говорить о самомъ себѣ —Обиды, причиненныя одному моему пріятелю Гамбургскою Полиціею. — Важная поща —Арестъ и освобожденіе.—Нарушеніе формъ.—Присутствіе духа Нѣмецкой служанки.—Истина, дознавшая вопреки всякъ усиліямъ заглушить ее —Новыя и нестерпимыя жестокости Гамбургскаго Правительства.—Заразительная болѣзнь и смерть Р. Хабана.—Поддѣльныя похороны

Во время Дрезденской кампаніи, вообще были очень довольны правленіемъ Маріи Луизы; потому что знали, какъ она, отказываясь подписывать свое имя на приговорахъ, когда Великій Судья занимался съ нею, напротивъ то-

го рада была подписывать милостивые указы, всегда какъ представлялись такіе случаи, когда исполненія приговора не требовали непрости-тельныхъ преступленія. Я по прежнему очень часто видался съ Савари, и помню, что онъ мнѣ всегда говорилъ объ ней съ похвалою, и я долженъ сказать, потому что это истина, что Савари изъ всѣхъ Наполеоновыхъ Министровъ лучше видѣлъ и умѣлъ цѣнить настоящее положеніе вещей; я припоминаю одно обстоятельство, въ которомъ видѣлъ, что онъ твердо рѣшился сказать Императору, сколь необходимо было заключить миръ, не смотря ни на какія жертвованія, которыя бы понудилось для того сдѣлать. Во продолженіе Плевницкаго перемирія, когда Прагскія совѣщанія были еще непрерываны, можно было надѣяться, что они приведутъ къ благопріятному концу. Въ это время Императоръ уѣхалъ изъ Дрездена въ Майнцъ, куда пригласилъ Императрицу на нѣсколько дней. Савари мнѣ сказалъ однажды, что онъ писалъ къ Императору, испрашивая у него дозволенія приѣхать къ нему въ Майнцъ, и объявилъ мнѣ, что намѣренъ высказать ему откровенно всю правду, не скрывая отъ него ни сколько того, въ какомъ положеніи находится Имперія, которая имѣла необходимую потребность въ мирѣ. Герцогъ Ровинго полагалъ, что если бы ему удалось увидѣться

съ Императоромъ, то онъ уговорилъ бы его отстать отъ своихъ неумѣстныхъ требованій, которыя все еще его занимали: что касается до меня, то я слишкомъ хорошо зналъ Бонапарте, чтобы раздѣлять мечты Савари по этому предмету; къ тому же ему непозволено ѣхать изъ Парижа, потому что Императору не долго было оставаться въ Майнцѣ.

Когда война опять началась и мы понесли уронъ при Лейпцигѣ, то я увѣренъ, что союзные Монархи приняли намѣреніе вести переговоры съ Наполеономъ иначе, какъ въ его столицѣ, такъ какъ онъ два раза то дѣлалъ въ Вѣнѣ съ Австрійскимъ Императоромъ. Этотъ Государь обнаружилъ себя совершенно и объявилъ Императору, что онъ будетъ дѣйствовать противъ него за одно съ Россією и Пруссією, и въ объявленіи своемъ употребилъ предлогъ, что чѣмъ болѣе будетъ противъ него непріятелѣй, тѣмъ скорѣе можно надѣяться принудить его склониться на условія, которыя наконецъ возстановили бы покойствіе, въ которомъ Европа такъ нуждалась. Это объявленіе Австрій было немаловажно, потому что готовясь къ тому за долго, она сдѣлала большія вооруженія, которыя простирались до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ. Россія считала столько же подъ своими знаменами, которые подвигались къ Рейну; у Пруссіи бы-

ло двѣсти тысячъ челоѣкъ; у Рейнскаго союза сто пятьдесятъ тысячъ; словомъ, считая войска Шведскія и Голландскія, Англійскія арміи, какъ въ Испаніи, такъ и въ Нидерландахъ, Датчань, которые отъ насъ также отстали, Испанцевъ и Португальцевъ, которыхъ мужество при нашихъ уронахъ увеличилось, и надежды возрастали, когда все отложились, Наполеонъ имѣлъ противъ себя болѣе миліона непріятельскихъ силъ. Между ими находились также Неаполитанцы, и Мюратъ ими предводительствовалъ.

Когда наши великія псудачи ознаменовались, курсъ началъ безпрестанно упадать. Наболѣе же понизился послѣ Лейнцигеской битвы. Я уже говорилъ, какія Наполеонъ имѣлъ ложныя понятія объ общественномъ кредитѣ, и потому пониженіе курса его ужасно напугало; онъ придумалъ прекрасное средство, чтобы пособить такому упадку въ финансахъ, покупать билеты, съ тѣмъ, чтобы удержать курсъ выше. Это у него была страсть, непремѣнная мысль, отъ которой самыя умныя совѣты отвратить его не могли; что же отъ того вышло? Когда государственныя дѣла пошли худо, проценты уменьшались; и такъ какъ всякой зналъ навѣрное, что найдеть хорошаго покупателя, то на биржѣ много было продажныхъ билетовъ. Этой игры еще для него было мало, онъ прибѣгнулъ

къ обманамъ, которые можно назвать дѣтскими, до такой степени, что онъ часто велѣлъ объявлять въ Монитерѣ курсъ по восьмидесяти, когда онъ былъ по шестидесяти. Мнѣ помнится, что сіе средство употреблено было въ Монитерѣ, гдѣ печатали о курсѣ; и когда добились, что тому повѣрили, отдѣлались тѣмъ, что въ послѣдствіи объявили это ошибкою, по которой поставили шесть вмѣсто восьми. На такую воображаемую забаву Наполеонъ истратилъ шестьдесятъ миліоновъ, которые бы могъ употребить гораздо лучше, купивъ въ Лондонѣ векселей на Парижъ. Никогда Бонапарте не могъ постигнуть, что возвышеніе и пониженіе публичныхъ фондовъ, зависятъ отъ хорошаго или дурнаго управленія финансами государства, отъ большей или меньшей степени добросовѣстности должника, отъ мирнаго или военнаго положенія, и наконецъ отъ хорошей или дурной системы погашенія долговъ. Для Императора касса погашенія долговъ была касса, изъ которой онъ могъ брать въ минуты крайности.

Въ эту самую эпоху, то есть осенью 1813 года, что трудно даже объяснить, чѣмъ болѣе Императорское правленіе склонялось къ упадку, тѣмъ болѣе увеличивались мѣры притѣсненія; уже съ первыхъ уроновъ при ретирадѣ изъ Москвы, чтобы воспріянуть истинъ распространиться, разсудили за благо остано-

вить всё сообщенія, всё изъявленія грусти и дружбы, дано приказаніе перехватывать всё письма, привозимыя изъ-за границы и туда посылаемыя. Такое средство изслѣдованія сдѣлалось уже очень обыкновенно въ Парижѣ, какъ то Наполеонъ очень благоразумно замѣтилъ на островѣ Св. Елены, и учредили тайные кабинеты въ завоеванныхъ земляхъ. Такіе кабинеты были въ Остендѣ, Брюссель, Гамбургъ, Берлинъ, Миланъ, Флоренціи. Достаточно было тогда извѣстія отъ высшаго начальства, чтобы обозначить секретной конторѣ письмо, которое хотѣли вскрыть, и съ котораго хотѣли представить Императору копію. Такое неслучайное злоупотребленіе не могло не имѣть вліянія на паденіе Имперіи; и какъ можно было надѣяться, что народы, до того не привычныя къ подобнымъ притѣсненіямъ, съ радостью не ухватятся за могущій представиться случай, чтобы свергнуть съ себя иго, тяготѣвшее надъ всею Европою, пока надъ нею властвовала Наполеонъ. Злоупотребленія были причиною Французской революціи; они открыли путь возстаповленію, хотя безъ сомнѣнія Европа, возстановленная противъ насъ, тогда не имѣла никакого положительнаго плана о призваніи Бурбоновъ на Французскій престоль.

Нарушеніе тайны писемъ, въ вспомогательныхъ средствахъ высшаго шпионства, меня бо-

лѣ всякаго огорчало, потому что невозможно поставить себя въ такой противоположности съ своими мыслями, и потому я часто забывался до того, что могъ подвергнуться опасности сдѣлаться жертвою. Я имѣлъ довольно довѣренности къ Савари, чего онъ вполнѣ заслуживалъ, и потому сообщалъ ему о моихъ средствахъ сообщенія съ Гамбургомъ; онъ зналъ о невѣрности нѣкоторыхъ агентовъ, которые, какъ я и до сихъ поръ увѣренъ, дѣйствовали не по его приказаніямъ. Савари имѣлъ ко мнѣ, по крайней мѣрѣ я имѣю право такъ думать, искреннюю дружбу: можетъ статья, онъ помнилъ съ нѣкоторою признательностію, то, какъ послѣ смерти Дессека, я ходатайствовалъ у Бонапарте о назначеніи его Адъютантомъ къ Первому Консулу; и такъ страненъ оборотъ дѣлъ человѣческихъ, что я, покровитель Савари при Консулѣ Бонапарте, считалъ въ послѣдствіи, въ свою очередь, за счастіе пользоваться покровительствомъ Герцога Ровиго у Наполеона Императора. Я долженъ прибавить, что ни въ Италіи, послѣ Маренго, ни въ Парижѣ, послѣ того какъ я впалъ въ немилость, между покровителемъ и покровительствуемымъ, каковыми были мы попеременно другъ для друга, не было другихъ отношеній, кромѣ тѣхъ, какія приличны добрымъ товарищамъ. Савари зналъ истинное начало побудительныхъ причинъ

къ моему обвиненію со стороны моихъ непріятелей, а потому онъ никогда не отказывался брать мою сторону противъ ихъ клеветъ, подвергаясь даже нѣсколько разъ Императорскому гнѣву. Никогда не забуду его поведенія въ разсужденіи меня, въ этихъ трудныхъ борьбахъ противъ низкихъ козней и всесильной власти предубѣжденія.

Въ 1813 году клеветы на меня усилились, потому что узнали о возобновеніи ко мнѣ благоволенія и расположенія Наполеона. Пронисшествія озарили его свѣтомъ и онъ сравнилъ все съ тѣмъ, что я ему писалъ въ концѣ 1810 года относительно вооруженій Россіи, и вѣроятныхъ намѣреній нѣкоторыхъ Монарховъ, и къ воспоминанію объ этой моей заслугѣ, присоединилось воспоминаніе о шестидесяти миліонахъ, которыми я умножилъ собственную его казну.

Здѣсь, какъ мало ни имѣю я охоты говорить о самомъ себѣ, все мнѣ должно войти въ нѣкоторыя подробности относительно послѣднихъ нападеній на меня со стороны моихъ непріятелей. Это необходимость, на которую осуждены все, кто рѣшается издавать въ свѣтъ свои Записки; къ тому же въ изображеніи ожесточенія страстей ненависти, даже тогда какъ онѣ имѣютъ въ предметъ гибель одного лица, всегда есть что нибудь пригодное къ изученію че-

ловѣка вообще; и, по истинѣ, если я не сдѣлать большихъ успѣховъ въ этой жалкой наукѣ, то вѣрно уже не отъ недостатка великихъ примѣровъ къ изученію.

Я, какъ сказать уже, не прекращалъ моей переписки съ Гамбургомъ. Между прочими была одна, которая поставляла меня въ извѣстность со всѣмъ тѣмъ, что въ настоящемъ моемъ положеніи знать мнѣ такъ нужно было. Безпокойная и подозрительная полиція Даву не могла не попасть на слѣдъ того лица, съ которымъ я имѣлъ частыя сношенія по службѣ, и которая прежде моего отъѣзда и послѣ, освѣдомлялась о дѣлахъ того времени съ благородствомъ, строгими правилами и любовью къ истинѣ, которыхъ никто у него оспорить не можетъ. Надобно было сбить безпристрастнаго наблюдателя, который съ постоянствомъ вѣрно записывалъ всѣ событія совершившіяся во время владычества нестерпимой тиранинъ въ земляхъ Ганзеатическихъ.

Двадцать третьяго Іюня эта особа, о которой я говорю, поднавъ наконецъ подозрѣнію въ сношеніяхъ со мною, за это единственно взята подъ караулъ и посажена въ Винзеръ-Баумскую тюрьму. Бумаги его опечатали собственною его печатью и отобрали ихъ. Ему не дѣлали никакого допроса и перваго Іюля въ десять часовъ вечера освободили, по при-

казанію, какъ говорили, Министра главной полиціи (*); но его извѣстили дружественнымъ письмомъ, что попеченія друга, котораго онъ не могъ забыть, много способствовали его освобожденію.

На другой день, втораго Іюля, освобожденная особа была у Добиньоска, который объявилъ ей приказаніе выѣхать безъ отлагательства, и отдалъ ей бумаги: онъ были вскрыты безъ нея. Эта особа замѣтила сіе Г. Добиньоску и изъясляла свое удивленіе о такомъ нарушеніи правилъ; онъ на это отвѣчалъ съ усмѣшкою: «О! мы не держимся обыкновеннаго порядка.» Послѣ онъ дружески совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе укрыться отъ подозрѣній Даву. Въ такомъ ужасномъ обстоятельстве, другъ мой обязанъ своею жизнію проворству бывшей у него въ услуженіи вѣрной Пѣмки. Эта дѣвушка, въ ту самую минуту, какъ бра-

(*) У меня есть двѣ бумаги, разрѣшающія вопросъ о достойныхъ сожалѣній козняхъ, которыхъ жертвою усиливались меня сдѣлать; онѣ содержатъ въ себѣ великую важность, и въ нихъ видны пронырства, которыя, помосу мнѣнію, любопытно знать всякому. Это два письма отъ Герцога Ровинго, бывшаго тогда Министромъ полиціи, одно къ Маршалу Даву, а другое къ Г. Добиньоску, повѣренному отъ полиціи въ Гамбургъ. Я устоялъ противъ желанія моего помѣстить эти письма собственно въ моихъ Запискахъ; но такъ какъ онѣ нѣсколько длинны, то я разсудилъ, что довольно начертать въ концѣ этой книги; и по сему случаю прошу читателя сдѣлать мнѣ одолженіе прочесть ихъ со вниманіемъ.

ли подъ арестъ ея господина, имѣла присутствіе духа спрятать тѣ картоны, въ которыхъ были ноты, коими завладѣть такъ желательно было, съ тѣмъ, чтобы ихъ не требить и имѣть случай скрыть истину, а вмѣстѣ съ тѣмъ наказать дерзнувшаго сохранить о томъ воспоминаніе. Такимъ образомъ мой другъ, хотя и былъ удаленъ изъ Гамбурга, но не лишился вѣрныхъ своихъ замѣчаній, и передалъ свою довѣренность достойному человѣку, который съ тою же точностью слѣдовалъ за происшествіями до 1814 года, той эпохи, когда онъ возвратился въ Гамбургъ. Тамъ онъ имѣлъ возможность дополнить свѣдѣнія свои, которые подтвердили ему въ полной мѣрѣ довѣрія заслуживающія особы. Несчастные Гамбургскіе жители столько претерпѣли, что имъ можно было имѣть горестное утѣшеніе въ чтеніи вѣрнаго повѣствованія ихъ бѣдствій, если справедливо то, какъ думаетъ Сенека, что сладко воспоминаеть про то, что тяжело было вытерпѣть.

Въ самомъ дѣлѣ, что было за правленіе Даву въ земляхъ Гансатическихъ! Несправедливыя и строгія распоряженія слѣдовали одно за другимъ непрерывно. Четырнадцатаго Августа, предписаніемъ префекта велѣно секвестровать имѣніе четырехъ самыхъ богатыхъ людей въ Любекѣ. Въ томъ числѣ была двѣица Радъ, дочь бывшаго

Мера, недавно умершаго, и который при жизни своей былъ столько извѣстенъ по своей честности и по своимъ несчастіямъ. Поводомъ къ секвестру было то, что не внесли чрезвычайной съ ихъ стороны контрибуціи. Назначили продажу имущества, на тотъ конецъ, какъ сказано въ предписаніи, чтобы дать другимъ примѣръ.

Другимъ предписаніемъ, отъ семнадцатаго Сентября, подписаннымъ Префектомъ, въ отсутствіи Принца Экмольскаго, определено осеквестрованіе въ теченіи двадцати четырехъ часовъ и немедленная продажа имущества, тѣхъ, на комъ числилась недоимка по платежу чрезвычайной контрибуціи въ сорокъ восемь миліоновъ, а если не представится случая продать ихъ въ Гамбургъ, то отослать все товары за Рейнь, и все сіе, какъ сказано въ предписаніи, *не смотря на все отговорки, какія бы они ни были, въ томъ предположеніи, что никакое частное требованіе, въ этомъ обстоятельствѣ, не можетъ имѣть преимуществва предъ Императорскою казною.*

Таковы были мѣры, которыя мудро растолковать и которыя ни какъ не могли возстановить тишину и успокоить умы. Императорскій Генераль-Адъютантъ Маршаль Даву, Губернаторъ города Гогендорфъ, Главный Полицейскій Коммисаръ Добиньоскъ, управляющій Финансовою частію Статскій Совѣтникъ Хабанъ,

и Префектъ Брэтель, равномерно способствовали этимъ мѣрамъ, всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Однакоже справедливость требуетъ замѣтить между ними ту разность, что одинъ былъ главою этого правленія, а другіе принуждены были повиноваться Маршалу и способствовать его распоряженіямъ, или лишиться своихъ мѣстъ. Такъ, на примѣръ Г. Хабанъ, былъ честный человѣкъ; но ревностное желаніе сдѣлаться Сенаторомъ, вмѣстѣ съ страхомъ, какой въ него внушалъ Даву, увлекали его противъ воли. Нѣсколько времени спустя послѣ эпохи, мною описываемой, ужасная болѣзнь опустошала госпитали. Даву требовалъ, чтобы Г. Хабанъ осматривалъ ихъ по нѣскольку разъ на день. Онъ скоро заразился болѣзнію, отъ которой погибло болѣе пятнадцати тысячъ солдатъ, и не могъ выздороветь. Его жалѣли. Извѣщая о его смерти, мнѣ писали изъ Гамбурга, что Даву велѣлъ похоронить съ большою пышностію и по тамошнему обыкновению, великолѣпный гробъ, который былъ пустъ. Тѣло Г. Хабана положили въ ванну, наполненную уксусомъ и благовонными травами. Послѣ снятія уже блокады, тѣло перевезено во Францію, въ Бельзійское помѣстье покойнаго. Я не могу растолковать себѣ такого фиглярства, о которомъ въ то же время узналъ, а въ послѣдствіи имѣлъ подтвердительное удостовѣреніе.

Г Л А В А XVIII.

Движеніе непріятелей къ Рейну.—Положеніе Наполеона.—Восходъ Консульства и конецъ Имперіи.—Наборъ двухъ сотъ восьмидесяти тысячъ человекъ. — Лейпцигскія бѣдствія.—Ужасное положеніе Французовъ въ Манциъ.—Частныя извѣстія.—Наборъ трехъ сотъ тысячъ человекъ. — 1813 годъ пагубнѣе 1812 года.—Вліяніе первыхъ отпаденій на умъ Императора.—Забытое воспоминаіе и слова Наполеона.—Непобѣдимое удаленіе Наполеона отъ мира.—Причина этого удаленія, слѣдствіе его характера. — Слава предпочтенная власти.—Франкфортская декларация. — Увертки Императора.—Условія союзниковъ. — Побудительныя причины, по которымъ Наполеонъ притворяется, будто бы желаетъ мира.—Старая граница Франціи.—Г. Меттернихъ.—Г. Бассано и дипломатическія безуспѣшныя сношенія. — Герцогъ Виценскій, Министръ иностранныхъ дѣлъ.—Соглашеніе на условія союзниковъ.—Всёобщее уныніе.—Нужды и отвращенія Франціи. — Желаніе выиграть время и отъездъ Колонкура въ главную квартиру союзниковъ.

Поябрь 1813 года́ былъ мѣсяць пагубный фортуны Наполеона; со всѣхъ сторонъ арміи наши были отгоняемы къ Рейну. Во всѣхъ направленіяхъ союзныя арміи приближались къ

этой рѣкѣ, и я давно уже не обманывалъ себя на счетъ упадка Имперіи, не потому что другіе Монархи рѣшили ея уничтоженіе, но потому, что видѣлъ невозможность, въ какую приведенъ былъ Наполеонъ бороться со всею Европою, и зналъ, что ни за что на свѣтѣ, какъ бы ни отчаянно было его положеніе, его бы не заставили согласиться на снисходительныя условія, которыя онъ считалъ постыдными. Какое зрѣлище представляло глазамъ моимъ въ близкой будущности это обширное разрушеніе, когда я сравниваю его съ тою эпохою, въ которую Наполеонъ, въ цвѣтѣ лѣтъ еще и полный надеждъ на будущее, видѣлъ восхожденіе Консульства, приветствуемое всеобщимъ восторгомъ. Въ эту эпоху каждый день былъ свидѣтелемъ новаго отложенія; самые Баварцы, естественные союзники Франціи, которыхъ Императоръ водилъ къ побѣдамъ въ началѣ втораго Вѣнскаго похода, которыхъ онъ такъ сказать, усыновилъ на полѣ брани, были противъ насъ и являли себя болѣе всѣхъ нашихъ непріятелей ожесточенными.

Предъ самою Лейпцигскою битвою, которой уронъ для Наполеона былъ необозримъ, а послѣдствія раззорительны, онъ почувствовалъ необходимость потребовать у Франціи еще новаго пожертвованія людьми, точно, какъ будто бы Франція была неисчерпаема. Онъ пору-

чиль это требованіе Императриць—правительницъ, которая для сего въ первый разъ явилась въ Сенатъ съ большею пышностью; но великолѣпіе Имперіи приближалось къ упадку. Марія Луиза согласила еще научившеніе набора двухъ сотъ восьмидесяти тысячъ человекъ; но едва изъ нихъ составили полки, какъ война пожрала ихъ. Отпаденіе Баварцевъ значительно увеличло, въ особенности въ первую минуту, затруднительное положеніе остатковъ арміи, такъ сказать, уничтоженной при Лейпцигѣ. Они насъ предупредили въ Ганау, городѣ лежащемъ въ четырехъ миляхъ отъ Франкфурта, и остановились тамъ, чтобы отрѣзать намъ путь къ отступленію; но Французское мужество оживилось и этотъ городокъ немедленно взять. Баварцы отражены съ большею потерею и Французская армія пришла въ Майнцъ. Въ какомъ состояніи, великій Боже! можно ли было давать названіе арміи нѣсколькимъ полкамъ людей безъ пособія, пораженнымъ отчаяніемъ, утомленнымъ трудами и лишеніями, однимъ словомъ, приведеннымъ въ какое-то скотское состояніе отъ чрезмѣрной нищеты. Когда они прибыли въ Майнцъ, то для нихъ не было сдѣлано по сему случаю ни какихъ приготовленій; не было ни провіанту, ни какихъ совершенно жизненныхъ припасовъ. Тутъ я получилъ много писемъ отъ знакомыхъ мнѣ Гемс-

раловъ, командовавшихъ корпусами; письма сіи были внушены отчаяніемъ, и къ довершенію бѣдствій, разсыянные остатки нашихъ солдатъ скоро подвергнулись заразительнымъ болѣз-нямъ; все мнѣ говорило, что положеніе ихъ было ужасно.

Между тѣмъ, не считая слабыхъ остатковъ, спасшихся отъ Лейпцигскаго бѣдствія и отъ болѣзней, не считая также болѣе двухъ сотъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ, которыхъ исходатайствовала Марія Луиза у Сената въ Октябрѣ мѣсяцѣ, у Императора было еще сто двадцать тысячъ человѣкъ хорошаго войска: но они находились позади, разсыяны были по Эльбѣ, заключены въ укрѣпленныхъ городахъ, какъ-то: Данцигъ, Гамбургъ, Торгау и Шпандау; и таковъ былъ ужасъ нашего положенія, что съ одной стороны невозможно было рѣшиться ихъ покинуть, а съ другой въ то же время нельзя было имъ подать помощи. Во Франціи со всѣхъ сторонъ раздавался ропоть.

Требовали мира, за какую бы то ни было цѣну. Повсюду было безпокойство и неудовольствія; самые приверженцы Наполеона поражены были мрачными предчувствіями; и уже многіе, привыкшіе предвидѣть вѣролѣпныя измѣненія фортуны, которая ниспровергается, предвѣщали на этомъ горизонтѣ печали новый порядокъ вещей. Последний наборъ людей, из-

торгнутый у Сената краснорѣченіемъ Рено де Сень-Жакъ-Анжели, которымъ онъ поддерживалъ требованіе Императрицы, не только не казался средствомъ къ спасенію, но почитался въ повергнутыхъ въ отчаяніе семействахъ, предварительнымъ наборомъ за которымъ должны были слѣдовать другія требованія со стороны Императора, потому что въ самомъ дѣлѣ эти новыя силы не достаточны были, чтобы противостоятъ союзнымъ арміямъ, которыя хлынули со всѣхъ сторонъ. И дѣйствительно за этимъ наборомъ, чрезъ мѣсяць, послѣдовалъ другой въ триста тысячъ человекъ, и тогда-то только можно было узнать всю глубину язвы. Въ такомъ положеніи вещей, можно сказать, что 1813 годъ былъ для Наполеона еще пагубнѣе, чѣмъ 1812, не смотря на всѣ Московскія бѣдствія; но его дѣятельность и пожертвованія со стороны Франціи успѣли пособить этимъ бѣдствіямъ, тогда какъ Лейпцигскія бѣдствія были невозвратимы.

Здѣсь да позволено мнѣ будетъ коснуться въ кратцѣ нѣсколькихъ воспоминаній, которыя по моему мнѣнію необходимы для того, чтобы показать то, что мнѣ было извѣстно о положеніи Наполеона послѣ Лейпцига, о переговорахъ, къ которымъ сдѣлана попытка, но безъ успѣха; описаніе всего этого обнажаетъ поли-

тику того времени, когда сила все рѣшала, а право было только одно слово.

Я сказалъ выше, что знакъ къ отложеніямъ былъ данъ въ концѣ 1812 года корпусомъ, ввѣреннымъ командованію Йорка, но безъ созволенія на то, по крайней мѣрѣ по наружности, Короля Прусскаго. Наполеонъ не хотѣлъ показать, что онъ огорченъ такимъ отложеніемъ; но я увѣренъ, что онъ внутренно не обманывался относительно дальнѣйшихъ того послѣдствій, и съ того времени все его поступки, когда дѣло шло о переговорахъ, доказывали, что съ сей минуты онъ принялъ себѣ тайнымъ дивизомъ: все, или ничего. По сему-то мы видѣли, какъ въ эту эпоху онъ отвергалъ, въ собраніи имъ Совѣтъ, умныя представленія Камбасереса и Талейрана, а соглашался съ хвастовствомъ Кларка. Я вспоминаю теперь объ одномъ рѣшительномъ обстоятельствѣ, которое я выпустилъ изъ виду въ томъ мѣстѣ моихъ Записокъ, гдѣ я говорилъ о словахъ Кларка, а именно, что Наполеонъ, выслушавъ ихъ, вскричалъ: «Вотъ такъ! Вотъ, что называется говорить. Постыдный миръ не достоинъ «Франціи. Вооружимся.» Для того, кто зналъ Наполеона и вліяніе его воли, столь положительно изъявленной, не очевидно ли, что такое мнѣніе обнаруженное имъ съ видомъ важности и строгости, должноствовало увлечь за

собою и тѣ мнѣнія, которыя еще не были объявлены. Теперь, никто, я думаю, не осмѣлится утверждать, что Наполеонъ хотѣлъ мира въ 1812 году: а если онъ не хотѣлъ его тогда, то имѣлъ еще сильнѣйшія причины не хотѣть послѣ Лейпцигскихъ потерь. Объ немъ хотятъ судить, какъ о другомъ человѣкѣ; но онъ былъ со всѣмъ особенное существо въ семь мѣрѣ, и по своимъ мѣлочамъ, и по своему величію. Скажутъ ли, что ему должно было заключить миръ, потому что онъ былъ нуженъ? но чѣмъ болѣе миръ былъ нуженъ, тѣмъ менѣе онъ могъ быть выгоденъ, а потому и не возможенъ для него. Власть, которой онъ такъ домогался, которую употреблялъ съ такою неограниченностію, самая власть была, въ глубинѣ его мыслей, только средствомъ; цѣль его была слава, будущее, величіе его имени и отголосокъ его въ потомствѣ; я увѣренъ, что его менѣе поколебали эти два низпроверженія, чѣмъ если бы ему пришлось быть просто Императоромъ Французовъ, видѣть свою Имперію, заключенною въ естественныхъ ея границахъ, жить въ ней спокойно, не имѣя того чрезвычайнаго вліянія, которое приобрѣлъ онъ надъ всею Европою, и быть осуждену на то, чтобы взирать на обширныя свои завоеванія, управляемая не его, а другими законами. Наполеонъ былъ таковъ, потому что ему отъ природы

надобно было быть такимъ. Все, что происходило при переговорахъ, о которыхъ я теперь говорить буду, и въ которыхъ, какъ то увидятъ скоро, отъ меня зависѣло принять участіе, доказываетъ, что я здѣсь не дѣлаю Утопін о Наполеонѣ, но что слова мои суть плодъ наблюденія, которое я надъ нимъ имѣлъ случай сдѣлать; это наблюденіе дастъ мнѣ возможность судить и о такихъ дѣлахъ его, которыхъ я не былъ свидѣтелемъ; для этого мнѣ достаточно сдѣлать, если могу выразиться такими словами, приложеніе его характера къ каждому случаю его жизни.

Послѣ Лейпцигскаго дѣла, въ которомъ Франція окончательно лишилась второй страшной арміи, всѣ державы, соединившіяся противъ Наполеона объявили въ Франкфуртѣ 9 Ноября, что они никогда не прервутъ соединяющаго ихъ союза; что впередъ не будетъ идти дѣло о мирѣ на твердой землѣ, но о всеобщемъ мирѣ; что должно отказаться отъ всякаго перемирія, отъ всякихъ переговоровъ, цѣль, которыхъ не будетъ всеобщій миръ. Державы объявили, что Франція должна сохранить естественныя свои границы: Рейнъ, Альпійскія и Пиринейскія горы. Союзники, правда, оставляли только это изо всей обширной Имперіи, основанной Наполеономъ. Но должно признаться, что это былъ еще прекрасный удѣлъ, послѣ толикихъ

бѣдствій, и въ такое время когда Франціи угро-
жало вторженіе многочисленныхъ побѣдонос-
ныхъ армій. Это было истинное уваженіе, ока-
занное Франціи, мужеству Французовъ. Только
безумное изступленіе и слѣпая преданность мо-
гутъ считать безчестнымъ для Государя, кото-
рый послѣ того, что цѣлые пятнадцать лѣтъ
опустошала мѣръ, еще сохранить такіа владѣ-
нія. Но такіа условія, какъ я сказалъ уже, бы-
ли неприличны Наполеону, который самъ себя
обманывалъ, когда истина ему не годилась.

По силѣ предложеній союзниковъ въ Франк-
фуртѣ, Германія, Италія и Испанія должны
быть совершенно отстранены отъ вла-
дычества Франціи. Англія признавала свободу
торговли и мореплаванія, и изъявляла самыя
неподозрительныя расположенія сдѣлать вели-
чайшія пожертвованія для достиженія предполо-
женной союзниками цѣли. Но они къ этимъ пред-
ложеніямъ присоединили условіе: конгрессу со-
браться въ городъ, который объявятъ нейтраль-
нымъ, на правомъ берегу Рейна, гдѣ уполномо-
ченные *всѣхъ* державъ соединятся, *но съ тѣмъ,*
что военныя дѣйствія по пригласіи сихъ пере-
говоровъ не остановятся.

Герцогъ Бассано, бывший еще Министромъ
Иностранныхъ дѣлъ, отвѣчалъ по приказанію
Наполеона, на предложенія сдѣланныя союзни-
ками на счетъ общаго конгресса, что Импера-

торь согласенъ и желаетъ, чтобы для сего предмета назначенъ былъ нейтральнымъ городомъ Мангеймъ.

Здѣсь должно замѣтить, что въ этомъ отвѣтѣ на важныя соглашенія союзниковъ, съ намѣреніемъ, ничего неупомянуто о согласіи на предлагаемыя ими основанія. Наполеонъ представлялъ себѣ вести переговоры съ Англіею во Франціи и чрезъ Кале.

Г. Меттернихъ отвѣчалъ изъ Франкфурта, на ноту Герцога Бассано, что союзники не находятъ никакого затрудненія въ назначеніи города Мангейма для собранія конгресса. Но такъ какъ въ письмѣ Г. Бассано ничего неупомянуто, о главныхъ основаніяхъ, которыя были сообщены Г. Сень-Эньяну въ Франкфуртѣ, то Г. Меттернихъ объяснялъ, что союзники желаютъ, чтобы Наполеонъ объявилъ свои мысли объ этихъ основаніяхъ, на тотъ конецъ, чтобы непресоборимыя затрудненія не остановили переговоровъ при ихъ началѣ.

Герцогъ Виченцскій, назначенный на мѣсто Герцога Бассано получилъ это письмо. Полагаясь на Франкфуртскую декларацию онъ надѣялся вести переговоры на этихъ основаніяхъ; онъ истинно надѣялся на согласіе Наполеона. Но союзники рѣшили не предоставлять болѣе границъ, опредѣленныхъ въ этой деклараціи. Колленкуръ долженъ былъ не просить новыя упол-

помощія. Получивъ ихъ, онъ отвѣчалъ втораго Декабря, что Наполеонъ *соглашался* на главныя основанія, о которыхъ сообщено было Г. Сен-Эльномъ.

Въ отвѣтъ на это письмо Герцога Виченцакаго, Г. Меттернихъ написалъ, что Императоры Россійскій и Австрійскій съ удовольствіемъ узнали, что Французскій Императоръ соглашается съ основаніями, признанными за нужныя союзниками; что оба Монарха рѣшили *сообщить*, безъ отлагательства, эту официальную бумагу своимъ союзникамъ, и что они увѣрены, что немедленно по полученіи отвѣта переговоры могутъ быть зачаты, *безъ прекращенія военныхъ дѣйствій*.

Далѣе увидятъ причины, по которымъ эти первые переговоры не имѣли никакихъ послѣдствій.

Союзники въ Октябрѣ мѣсяцѣ испровергли колоссальное зданіе, именовавшееся *Французскою Имперією*. Будучи приведены побѣдою къ берегамъ Рейна, они объявили, какъ видѣли читатели, что не хотятъ болѣе дѣлать завоеваній; объяснили свои намѣренія и обнаружили твердую рѣшимость не дѣлать отъ того никакихъ отступленій. Такое расположеніе союзниковъ заставило Французское Правительство изъяснить миролюбивыя намѣренія. Наполеонъ хотѣлъ такимъ паружнымъ желаніемъ мира, оправдать,

если смѣю такъ выразиться, предъ глазами своихъ народовъ, необходимость новыхъ пожертвованій, которыхъ онъ требовалъ, по словамъ его прокламацій, только для того, чтобы заключить сколь возможно болѣе почтенный миръ. Въ самомъ же дѣлѣ онъ и слышать не хотѣлъ о сдѣланныхъ въ Франкфуртѣ предложеніяхъ. Онъ привели бы Францію въ тѣ же границы, въ какихъ она была въ 1797 году, которыми ей упрочены были побѣдами его въ Италиі и Кампо-Формійскимъ договоромъ; Наполеонъ думалъ и говорилъ, что значило бы унижить эту прекрасную Францію, захотѣвъ привести ее въ сіи границы, въ которыхъ она впрочемъ была только за шестнадцать лѣтъ. Онъ по справедливости почиталъ миръ постыднымъ, по его мнѣнію, несомвѣстнымъ съ сохраненіемъ его короны. Онъ противопоставлялъ Державамъ твердой земли Рейнскую границу какъ вознагражденіе за раздѣлъ Польшы, а Англіи за пространство ея въ Азіи.

Но надобно было выиграть время и удержать, если бы представилась возможность, союзныя арміи на правомъ берегу Рейна. Остановки и замедленія въ переговорахъ дали бы Наполеону средства собрать новыя силы и продолжать войну съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ. Но ему должно было сказать, что нація устала уже собою жертвовать, а не представлять

за изображеніе истины официальной хвалы, которыя ежедневно печатали въ Монитеръ.

Многочисленные рекрутскіе наборы, которые онъ дѣлалъ одинъ за другимъ, перемѣнили конскрипцію въ *хватку*, и повсюду людей отрывали отъ полевыхъ работъ и городской промышленности. Повсюду уныніе было въ высочайшей степени; начали даже изъясняться о правительствѣ громче, чѣмъ когда нибудь осмѣливались то дѣлать; хотѣли употребить последнее усиліе, чтобы дать Франціи внушающей почтеніе видъ, въ предположеніи, что Императоръ отъ чистаго сердца желалъ мира, и хотѣлъ заниматься только Францією; потому что, спрошу я, кому бы пришла охота отдавать свое имущество и своихъ дѣтей за то, чтобы Іосифъ былъ Королемъ Испанскимъ, или чтобы Іеронимъ царствовалъ въ Вестфалии? Слишкомъ намъ дорого стоило воздвигнуть эти эфемерные троны и довольно уже пролито для нихъ Французской крови, чтобы не захотѣть беречь ее болѣе на защиту или возвращеніе этихъ троновъ.

Въ намѣреніи выиграть время, Наполеонъ послалъ Коленкура въ главную квартиру союзниковъ, и для того, какъ я сей часъ говорилъ, чтобы заставить думать, будто бы мысли его склонны къ миру; но я могу утвердительно сказать, что самъ Коленкуръ мало имѣлъ на-

жды успѣть въ своемъ порученіи. Онъ справедливо суждѣлъ, что если намъ не удалось завести переговоры, когда мы были еще на правомъ берегу Рейна, въ эпоху, когда, какъ читатели видѣли, Императоръ не хотѣлъ съ некрѣпностью принять сдѣланныя ему предложенія, то затрудненія будутъ гораздо болѣе, а требованія союзниковъ значительнѣе тогда какъ Императоръ принужденъ защищаться на лѣвомъ берегу.

Г Л А В А XIX.

Манифестъ союзниковъ къ Французамъ.— Объявленіе правилъ.
— Желаніе видѣть Францію великою, сильною и счастливою.— Добросовѣстность и прекрасныя обещанія — Наполеонъ представляеть единственнымъ препятствіемъ къ миру.
— Миліонъ сорокъ тысячъ человекъ въ одинъ годъ.— Очевидная некрещность союзниковъ.— Жалкое положеніе Франціи.— Тридцать миліоновъ, данныя Императоромъ.— Тюліерійская казна, и позднія жалобы законодательнаго корпуса.— Возвращеніе Дрездена и нарушеніе условій.— Возмущеніе Голландцевъ.— Мюратъ и Англичане.— Желаніе призвать Г. Талейрана опять на Министерство.— Условія, которыя нельзя принять. — Странный совѣтъ относительно Веллингтона.— Перемѣна въ Министерствѣ.— Г. Моле.— Невѣроятная дѣятельность Наполеона.— Взглядъ Бонапарте на Испанію.— Иосифъ съ трудомъ соглашается на уступку трона.— Хорошая выдумка, дурно выполненная. — Недоумвіе относительно Базильскаго моста.— Какъ узнаю я правду.— Согласіе Швейцарцевъ на проходъ союзниковъ.— Созваніе законодательнаго корпуса. — Бессиліе правительства въ одной комисіи. — Г. Лене и прѣбужденіе законодательнаго корпуса.— Слова Бонапарте, пересказанныя Камбасерсомъ.

Союзники, узнавъ о томъ, какое число людей требовалъ Императоръ и имѣя хорошія свѣдѣнія о расположеніи умовъ, издали манифестъ къ

Французамъ который я считаю за нужное помѣстить здѣсь. Манифестъ сей, въ то время былъ повсюду распространяемъ въ изобиліи, но время можетъ заставитьъ его забыть, а мнѣ кажется надобно имѣть въ виду его содержаніе.

«Французское Правительство назначило новый наборъ трехъ сотъ тысячъ рекрутъ; побудительныя причины Сенатскаго опредѣленія содержать вызовъ къ союзнымъ державамъ. Онѣ находятъ себя вынужденными обнародовать предъ лицомъ свѣта, тѣ виды, которыми онѣ руководствуются при настоящей войнѣ, правила, которыя служатъ основаніемъ ихъ поведенію, ихъ желанія и ихъ рѣшимость. Союзныя державы не воюють съ Франціею, а съ этимъ преобладаніемъ, явно выказаннымъ, съ преобладаніемъ, которое къ несчастію Европы и Франціи, Императоръ Наполеонъ слишкомъ долго употреблялъ внѣ границъ своей Имперіи.

«Побѣда привела союзныя арміи къ Рейпу. Первое употребленіе, какое Ихъ Императорскія и Королевскія Величества сдѣлали изъ побѣды, было предложеніе мира Его Величеству Императору Французскому. Усиленное положеніе присоединеніемъ всѣхъ Государей и Принцевъ Германіи не имѣло вліянія на мирныя условія. Условія эти основаны на независимости другихъ Государствъ Европы. Виды державъ справедливы въ своемъ предметѣ, великодушны и

цедры въ своихъ приложеніяхъ, могутъ успокоить всякаго, почтенны для всякаго.

«Союзные Монархи желаютъ, чтобы Франція была велика, сильна и счастлива, потому что великая и сильная держава есть одна изъ самыхъ главныхъ основаній зданія общества. Они желаютъ, чтобы Франція была счастлива; чтобы торговля ея возродилась; чтобы искусства, этотъ благотворный плодъ мира, опять начали процвѣтать, потому что великій народъ не можетъ быть покоенъ, если онъ не счастливъ. Державы подтверждаютъ Французской Имперіи пространство владѣній, какого Франція незнавала во времена Королей своихъ, потому что мужественная нація не приходитъ въ упадокъ отъ неудачъ въ упорной и кровавой борьбѣ, въ которой она мужалась съ обыкновенною своею смѣлостью.

«По державы также хотятъ быть счастливы и спокойны. Онѣ желаютъ мирнаго состоянія, въ которомъ бы благоразумное раздѣленіе силъ, чрезъ справедливое равновѣсіе, охраняло бы на будущее время ихъ народы отъ безчисленныхъ бѣдствій, которыя цѣлыя двадцать лѣтъ, тяготѣли паде Европою.

«Союзныя державы не положатъ оружія, не достигнувъ этого великаго и благотѣльнаго послѣдствія, благороднаго предмета ихъ усилій. Онѣ не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока

политическое положеніе Европы снова не утвердится, пока непреложныя правила не торжествуютъ надъ новыми требованіями, пока святость договоровъ неупрочить наконецъ Европѣ истиннаго мира.»

Объ искренности этихъ прекрасныхъ обѣщаній можно, было судить при заключеніи условій въ Парижѣ; но я еще недостигъ этой эпохи; я помню только, что этотъ манифестъ не мало способствовалъ къ удаленію отъ пользы Наполеона, сердецъ еще пребывавшихъ вѣрными, потому что, довѣряя объявленіямъ союзниковъ, видѣли въ Наполеонѣ единственное препятствіе этому миру, который Франція призывала всеобщими желаніями. Въ этомъ отношеніи союзники не обманулись, и я, признаюсь, не безъ чрезвычайнаго удивленія видѣлъ, что Герцогъ Ровиго въ одномъ мѣстѣ своихъ Записокъ, говоря объ этомъ манифестѣ, непрекаетъ сочинителей онаго въ томъ, что они хотѣли представить Императора *неистовымъ, который на предложеніи о мирѣ отвѣчалъ только на боролъ рекрутъ*. Что сказали они на этотъ счетъ кромѣ истины, въ приличныхъ выраженіяхъ? Событія тутъ, и никакой энтузіазмъ ихъ не опровергаетъ. Въ одномъ 1813 году Императоръ набралъ миліонъ сорокъ тысячь человекъ! Что на это сказать можно?

Погибель Наполеона была неизбѣжна. Начали

даже работать въ Швейцаріи, и изыскивали средства убѣдита ее дозволить пройти войскамъ чрезъ Базельскій мостъ: дѣла шли не лучше на югъ Франціи гдѣ Англо-Испанская армія угрожала нашимъ границамъ со стороны Пиринесвъ и даже заняли уже Пампелуну. Потеря этой послѣдней позиціи, которую мы до того сохраняли въ Испаніи, показала еще горестивѣйшимъ образомъ плачевное состояніе, въ какое была приведена Франція со всѣхъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, внутреннее положеніе представляло столь же жалостную картину, какъ и заграничныя дѣла; потому что если чужія державы предлагали миръ, то видѣли, что онѣ не хотѣли согласиться ни на какое прекращеніе военныхъ дѣйствій, такъ, что всѣ Департаменты, лежащіе вдоль Рейнской границы, видѣли себя въ опасности близкаго вторженія. Людей набрали, но это было недостаточно; въ арміи недоставало самыхъ нужныхъ вещей, надобно было все созидать. Чтобы удовлетворить самымъ потеряннѣйшимъ отлагательствамъ, Императоръ взялъ тридцать миліоновъ изъ огромной казны, которую онѣ собралъ въ Тюльери въ погребкахъ и галлерейхъ Марзанскаго павильона (*). Эти тридцать миліоновъ исчезли

(*) Самое это накопленіе наличныхъ денегъ достаточно для того, чтобы доказать глубокое невѣжество Наполеона въ Финансовомъ дѣлѣ, потому что деньги имѣютъ цѣну только въ обращеніи.

какъ въ пучинѣ, но все таки это былъ великодушный поступокъ Наполеона, и признаюсь, что въ то время, я не понималъ, какъ законодательный корпусъ могъ жаловаться на такой расходъ: такъ какъ капиталъ составленъ былъ не по бюджету, то не нужно было, чтобы финансовый законъ разрѣшалъ его употребленіе. Къ тому же, ча чѣмъ, эти строгіе законодатели, которые не смѣли пропикнуть слова, пока фортуна улыбалась Наполеону, представляли прежде чѣмъ Наполеонъ сдѣлалъ пожертвованіе, чтобы триста пятьдесятъ миліоновъ, которые заключались въ собственной его казнѣ, были внесены въ Императорскую казну. За чѣмъ съ такимъ безстрастіемъ дозволили они закрывать въ Тюльерійскихъ безднахъ контрибуціи и плодъ взысканій въ побѣжденныхъ земляхъ? За чѣмъ? За тѣмъ, что тогда бы опасно было имъ воспротивиться. Смѣлость перестаетъ быть смѣлостью, когда она уважала силу, а являетъ себя предъ несчастіемъ.

Въ это достойное жалости время, каждый день приводилъ новыя несчастія, необходимыя слѣдствія гибельнаго Московскаго похода. Дрезденъ, въ которомъ былъ еще Французскій гарнизонъ, достался во власть союзникамъ. Едва онъ выступилъ изъ стѣнъ города, его обезоружили. Голландія въ ту же минуту съ радостью предвидѣла эпоху своего освобожденія, и при-

бытіе Русскаго корпуса было сигналомъ всеобщаго, но такъ сказать, мирнаго возстанія: добрые Голландцы очень мало показали метительности. Таково было удовольствіе, о которомъ столько говорили во время присоединенія Голландіи къ Имперіи, въ Декабрь 1810 года; вотъ какъ насъ любили, и какъ мы сдѣлали эти народы счастливыми. Чего не говорили противъ предусмотрительныхъ люди, которые оуждали это присоединеніе. Отложеніе не ограничилось землями, которыя нѣкогда были управляемы своими Государями; Мюратъ согласился съ Англіею, потому что очень основательно опасался чтобы, безъ того, его не свергнули съ Неаполитанскаго престола. Все это образовало точно потоки новыхъ затрудненій, которыя ежеминутно такъ и сыпались на Наполеона. Я не говорю здѣсь объ остальной Италіи, предполагая посвятить цѣлую главу изложенію вѣрныхъ свѣдѣній, какія имѣю объ этой странѣ и о послѣднемъ времени политическаго бытія превосходнаго Евгенія.

Въ борьбѣ съ затрудненіями, которыя осаждали Наполеона, онъ обратилъ вниманіе на Г. Талейрана, который, на несчастіе Франціи, давно уже не былъ занимаемъ дѣлами правительства. Но Императоръ требовалъ, чтобы для полученія портфели иностранныхъ дѣлъ, онъ оставилъ свою должность великаго вице-нзби-

рателя, что дало бы видъ немилости призыву, сдѣланному по необходимости. Г. Талейранъ предпочелъ постоянное мѣсто и одну изъ первыхъ государственныхъ должностей, портфели, которую по прихоти могли у него отнять и которой столько честолюбцевъ домогались. Можетъ быть проницательный взглядъ Г. Талейрана показалъ ему положеніе дѣлъ въ отчаянномъ видѣ, и принятіе на себя должности, слишкомъ ненадежнымъ въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Меня часто уверяли, что смотря на вещи съ высока, онъ въ разговорѣ съ Императоромъ подалъ ему очень необыкновенный совѣтъ употребить въ дѣло честолюбіе Англійской фамиліи Веллеслей, и породить въ умѣ Веллингтона, котораго слава начинала показываться въ своемъ блескѣ, честолюбивыя намѣренія и виды, могущіе причинить разстройство въ союзѣ. Наполеонъ не далъ никакого хода этому предложенію, котораго послѣдствія ему казались слишкомъ ненадежны, въ особенности слишкомъ замедлительны въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ надобно было очень торопиться. Тогда-то Коллингуръ былъ призванъ на министерство Иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто Г. Маре, который опять сдѣланъ Государственнымъ Секретаремъ; эта должность была болѣе по немъ. Въ это же время на мѣсто Г. Ревье въ министерство

Юстиціи назначень Г. Моле, котораго прекрасныя качества давно уже обратили на него вниманіе Наполеона, а на мѣсто Г. Сессана, Министромъ Военнаго Управленія сдѣланъ Г. Дарю.

Во время этихъ небольшихъ движеній въ Министерствахъ, Императоръ не переставалъ заниматься средствами къ отраженію сдѣланнаго противъ него нападенія. Онъ создавалъ все, видѣлъ все, дѣлалъ все. Хотя лѣта могли убавить у него жару, но я его тогда видѣлъ точно такимъ, каковъ онъ былъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ молодости. Великій переломъ, для него наступившій, казалось вознаграждалъ за то, что отымали лѣта; въ эти самыя минуты онъ обращалъ свои взоры на Испанію; рѣшился кончить съ нею и обратить тамошнюю армию противъ союзниковъ, которые своими движеніями показывали, что хотятъ вступить во Францію чрезъ Швейцарію.

Въ этомъ отношеніи встрѣтилось такое обстоятельство, которое могло имѣть на дѣла рѣшительное вліяніе. Это было отреченіе Иосифа, Короля Испанскаго отъ всѣхъ правъ своихъ на сію корону, и немедленно за тѣмъ послѣдовавшее вступленіе, согласно съ условіемъ, Фердинанда въ его государство. Иосифъ сдѣлалъ эту жертву по требованію своего брата. Онъ это сдѣлалъ не безъ труда и не оставивъ дать замѣтить, какъ тяжело разставаться съ тро-

номъ. Договоръ былъ подписанъ, но въ приведеніи его къ исполненію употребили непос-
тижимую медленность, а происшествія шли
скоро, потокъ стремился на Францію съ та-
кою быстротою, что договоръ не могъ быть
выполненъ; Фердинандъ вступилъ, правда, на
тронъ, но со всѣмъ по другимъ причинамъ.

Движеніе союзниковъ очень занимало Импе-
ратора. Нужно было разрушить Базельскій
мостъ. Если непріятель переберется безъ тру-
да за Рейнь, то они наводнятъ Францію. Въ
это время я имѣлъ дружескія сношенія съ од-
нимъ иностраннымъ дипломатическимъ аген-
томъ, котораго назвать по имени запрещаетъ
мнѣ скромность. Онъ мнѣ сказалъ, что непріятель
приближается къ границѣ, и что Базель-
скій мостъ не будетъ разрушенъ: что объ
этомъ сдѣлано соглашеніе въ Бернѣ, гдѣ союз-
ники превозмогли. Это меня удивило, потому
что съ другой стороны я зналъ, отъ одного
человѣка, который также долженъ былъ имѣть
вѣрныя свѣдѣнія, что надѣялись взорвать его.
Тогда, любопытствуя узнать истину, я послалъ
самъ отъ себя агента въ Базель, который
возвратясь сказалъ мнѣ, что мостъ останется.

Девятнадцатаго Декабря созванъ Законода-
тельный корпусъ. Это было въ среду. Г. Лекс
назначенъ Вице-Президентомъ подъ начальст-
вомъ Г. Ренъ, который сдалъ Министерство

Юстиціи, былъ сдѣланъ Президентомъ. Составили комиссію для изслѣдованія и составленія доклада о сдѣланныхъ Императоромъ сообщеніяхъ. Члены этой комисіи, по большей части, были поражены тѣмъ ужаснымъ положеніемъ, въ которомъ мы находились. Сдѣлали, какъ то всегда бываетъ при комиссіяхъ, въ представительныхъ правительствахъ, гдѣ это часто приноситъ пользу, сдѣлали, говорю я, все что только можетъ сила, чтобы получить такой докладъ, какой было нужно. Успѣха не было. Это было хорошо. Пора было этому сословію, до того всегда столь раболѣпному, принять видъ болѣе благородный и вспомнить, что оно должноствовало поддерживать и охранять выгоды великой и великодушной націи, которая въ эту минуту находилась на краю пропасти; но для чести его, оно вспомнило это немного поздно.

Докладъ и рѣшенія комисіи не понравились. Въ нихъ видѣли, или притворялись видѣть стремленіе къ революціи. Даже не разсудительно попрекали Г. Лене, что онъ былъ одинъ изъ дѣйствующихъ тутъ лицъ. Надобно его только знать, чтобы отвергнуть такую клевету. Странно обвинять въ революціонствѣ, человѣка мужественнаго, преданнаго своей странѣ, который говоритъ правду. Даже тягостно

опровергать такое дѣло. Поведеніе Г. Лене доставило мнѣ въ то время величайшее удовольствіе, и мнѣ посчастливилось достать одинъ экземпляръ его доклада, который былъ отобранъ. Какъ это не велѣли его сжечь изъ рукъ палача? Гнѣвъ былъ къ тому очень великъ.

Приказавъ отобрать докладъ, Императоръ отмѣнилъ собранія Законодательнаго Корпуса. Я почелъ это величайшимъ зломъ: кто усумнится, что если бы откровенно объясниться съ нимъ, нельзя было бы исправить погрѣшности дипломатівъ, всегда столь хитрой и колеблющейся? Не ужели думаютъ, что благородное и откровенное объявленіе Законодательнаго Корпуса, что Франція соглашается на условія требованія во Франкфуртъ, не было бы выслушано союзниками. Не поставили бы они въ равновѣсіе, выгоду почтеннаго и надежнаго мира, съ случайностями и опасностями, которыя всегда бывають велики при вторженіяхъ въ обширную страну защищаемую мужественными жителями? Но слова, *вы будете опозорены, когда уступите хотя одну деревню, присоединенную Сенатскимъ опредѣленіемъ*, раздавались всегда въ ухахъ Бонапарте, чѣмъ онъ ласкалъ тайныя свои ощущенія, и всѣ миролюбивыя предложенія были отвергнуты.

Люди, которые со вниманіемъ наблюдали сіи

происшествія, вспомнить изумленіе, которымъ пораженъ былъ Парижъ, узнавъ объ этомъ отобраніи доклада и объ отложеніи собранія Законодательнаго Корпуса. Дѣлали бездну заключеній о томъ, что произошло новаго за границею, и ничего не находили.

Члены Законодательнаго Корпуса, которыхъ засѣданія отложены, хотѣли возвратиться по домамъ. Они, по обыкновенію, откланивались Императору, который пріялъ ихъ въ Воскресенье. Извѣстна сказанная имъ рѣчь. Тутъ есть очень достопримѣчательныя вещи, видно, что Наполеонъ боялся того, что такъ какъ ему не удалось согласиться съ коммисіею, то чтобы это совѣщательное сословіе, во время предстоящихъ великихъ событій и пока онъ по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, отправится въ походъ, не приняло мѣръ, которыя бы помѣшали его планамъ, намѣреніямъ и договорамъ или уничтожили бы ихъ. Онъ рассудилъ лучше зажать имъ ротъ.

Императоръ отпустилъ *взбунтовавшихся*, довольно съ досадою, и не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій. После въ своихъ разговорахъ онъ говорилъ о Корпусѣ, отъ котораго отдѣлялся: «Эти члены приѣзжаютъ въ Парижъ только для того, чтобы выхлопотать какую нибудь милость. Они надѣдаютъ Министрамъ

«съ утра до вечера, и прокричать всѣ уши
«если ихъ тотчасъ не удовлетворяють. Позовите
«ихъ объдать, и они лопнуть съ досады видя
«пышность, которая имъ кинется въ глаза.» Я
слышалъ эти слова отъ Камбасереса, при ко-
торомъ Императоръ говорилъ ихъ.

Г Л А В А XX.

Знамя Итальянской армии и орлы 1813 года.— Бездѣйствіе нѣкоторыхъ агентовъ. — Невѣроятная охота вѣрить несбыточнымъ обещаніямъ. — Согласіе Швейцарскихъ кантоновъ вручить ихъ земли.— Наполеона обманули.— Меня ввечеру требуютъ къ Министру Полиціи.— Опасенія, оправдываемыя моимъ положеніемъ. — Невѣроятное удивленіе и неожиданное предложеніе.— Отвергнутое предложеніе Министерскаго мѣста въ Швейцаріи.— Вопросы Наполеона обо мнѣ.— Приглашеніе меня къ Герцогу Висенскому.— Непокорливая рѣшимость отказаться отъ Швейцарской миссіи.— Посѣщеніе Г. Талейрана. — Свиданіе съ Герцогомъ Висенскимъ.— Убѣжденія Министра.— Мое упорство въ отказѣ.— Предложеніе сдѣлать меня Герцогомъ и дать ленту Почетнаго Легіона. — Положительный отказъ. — Затрудненіе моего положенія.— Колеблюрство и не Министръ.— Одобреніе и удовольствіе.— Упрежденіе, и префектъ Полиціи не знаетъ, гдѣ живетъ Герцогъ Висенскій.

Я достигаю минуты, самой критической для Наполеона. Какія бы сдѣлалъ онъ размышленія, если бы имѣлъ время размышлять, если бы онъ сравнилъ воспоминанія о своей раждающейся

Фортунь съ жалкою картиною его Фортуны, готовой погибнуть. Пускай вспомнить это славное знамя Итальянской арміи, которое молодой побѣдитель внесъ въ Директорію, которую черезъ годъ ему пришлось низпровергнуть, и пускай сравнить его съ этими печальными и унылыми Орами, принужденными защищать воздухъ, изъ котораго они столь часто выходили, чтобы распространять въ Европѣ свой владычественный полетъ! Теперь уже было не то время славныхъ торжествъ, когда народы Италіи утѣшались въ томъ, что побѣждены и покорены волнебному слову свободы, которое предшествовало республиканскимъ арміямъ; совсѣмъ напротивъ того, теперь, чтобы избавиться отъ деспотическаго ига, народы Европы вооружились и готовились вторгнуться въ священныя границы отечества. Тогда какъ великія пособія, которыя Франція еще могла представить, сдѣланы бесполезными бездѣйствіемъ большаго числа агентовъ Императорскаго правительства, тогда какъ какое-то оцѣмніе удерживало умы, надъ Императоромъ издѣвались у тѣхъ, которые еще казались его союзниками. Такъ на примѣръ, Швейцарскіе кантоны формально объявили, что они заставляютъ уважить свой нейтралитетъ, что рѣшились на все, только бы не попустить нарушенія поземельныхъ правъ своихъ; но утомясь, какъ и прочая Европа, отъ

ига Бонапарте и отъ его угнѣтающаго покровительства, Швейцарія не захотѣла защищать свои границы; она добровольно отдалась, и поспѣшила присоединиться къ вооруженному союзу противъ Наполеона. Съ какою безразсудною довѣрчивостью полагались на обѣщанія, сдѣланныя подъ владычествомъ необходимости! Какое безуміе могло заставить почестъ ихъ искренними? Даже предполагая ихъ такими, какое ослѣпленіе, какое незнаніе положенія союзныхъ армій могло дать поводъ къ мысли, что выполненіе ихъ возможно? Скажу, что было даже глупо вѣрить нейтралитету Швейцаріи. Что бы видѣть ясно, стоило только посмотреть. Какъ! не ужели, не надѣясь съ увѣренностью на свободный пропускъ, непріятельскія арміи на удачу двинулись къ Бризгаву, на тотъ конецъ, чтобы вступить во Францію въ самомъ слабомъ мѣстѣ границъ нашихъ. Едва можно понять такую довѣренность къ даннымъ обѣщаніямъ, потому что мы понесли уронъ.

Съ вторженіемъ въ Швейцарскія границы союзныхъ армій, съ согласія кантоновъ, соединяется событіе, которое чрезвычайно важно въ моей жизни, и которое если бы я захотѣлъ, имѣло бы совсѣмъ другое вліяніе на мою судьбу.

Во вторникъ, двадцать восьмага Декабря, я объѣхалъ у Г. Піерло, съ которымъ мы были

давно въ дружескихъ связяхъ (*). Я остался, по обыкновенію, у него на вечеръ, а когда выходилъ со двора, то имѣлъ привычку говорить, гдѣ меня пайти, если кто будетъ спрашивать. Въ девять часовъ вечера посланный отъ Министра Полиціи пригласилъ меня ѣхать тотчасъ къ нему. Признаюсь, что въ тогдашихъ обстоятельствахъ, зная предубѣжденіе противъ меня Императора, простое приглашеніе, въ особенности въ такое время, не могло не причинить мнѣ безпокойства. Исполненные клеветы доносы Даву, хотя были великодушно и съ благородствомъ оспариваемы со стороны Савари, но могли быть представлены Императору въ такую минуту, когда онъ былъ разсерженъ; онъ еще ни чѣмъ не рѣшилъ моего дѣла, потому что, по той мѣрѣ, какъ ему доказывали истину, новыя клеветы приводили его въ недоумѣніе; и, надобно признаться, что я думалъ, что наконецъ наступила минута отправляться мнѣ ночевать въ Винсеннъ, каковою пріятною мечтою меня цѣлыхъ два года нерѣдко стращали. Герцогъ Ровиго всегда отражалъ ударъ, ручаясь за меня, и бытіе подъ надзоромъ, которымъ меня наградилъ Императоръ, по милости Даву, состояло въ томъ, что я долженъ былъ по три

(*) Г. Піерло былъ главноуправляющимъ въ домѣ Императрицы Іозефины, и потерялъ при переломахъ торговли въ 1808 году.

раза въ недѣлю являться къ Савари; такой надзоръ слѣдственно не имѣлъ для меня непріятнаго. На всякой случай, я занялъ у Г. Піерло головной платокъ, и прехрабро отправился въ домъ Министра Полиціи.

«Вотъ я у Савари. Комната, въ которой онъ меня принялъ была очень освѣщена и я, войдя увидѣлъ, что онъ меня ожидалъ. Безпокойство немного уменьшилось дорогою, потому что я привелъ себѣ на мѣсть дружбу, которую Герцогъ Ровиго мнѣ всегда оказывалъ, взаимное наше довѣріе и пріязнь, съ которою онъ меня всегда принималъ. Я его засталъ во всей формѣ, изъ чего заключилъ, что онъ только что отъ Императора, и не ошибся; я не ошибся также, представивъ себѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ мнѣ что нибудь сказать, что онъ имѣетъ ко мнѣ порученіе. Онъ подошелъ ко мнѣ съ довольнымъ видомъ, изъ чего я заключилъ, что худаго нечего было опасаться; наконецъ, вотъ, что мнѣ сказалъ этотъ въ самомъ существѣ добрый человекъ, изъ котораго хотѣли сдѣлать почти чудовище.

«Бурієннъ, я теперь только отъ Императора; онъ меня спрашивалъ: гдѣ Бурієннъ? Государь, онъ въ Парижѣ; я съ нимъ часто выдаюсь. — «Ну, позови его ко мнѣ; я хочу его употребить; «вотъ уже три года, какъ онъ ничего не дѣлаетъ. Я хочу отправить его Посланникомъ въ

«Швейцарію; но надобно, чтобы онъ вѣхалъ
«тотчасъ. Онъ отправится къ союзникамъ; онъ
«знаетъ хорошо по Нѣмецки. Прусскій Король
«изъявилъ ему въ письмѣ свое удовольствіе за
«поступки его съ Пруссаками, которыхъ война
«заставила укрыться въ Гамбургъ. Онъ другъ
«Князя Витгенштейна, друга Короля Прусскаго,
«и который можетъ быть теперь въ Лоррахѣ
«(*). Онъ увидится тамъ со всеми храбрыми
«Нѣмцами. Я столько на него полагаюсь, что
«увѣренъ въ счастливомъ успѣхѣ его поѣздки.
«Коленкуръ дастъ ему отъ себя наставленія.»

И такъ головной платокъ, который мнѣ
одоленъ Г. Шерло, на этотъ разъ не понадо-
бился; но признаюсь, что я ужаснулся сдѣлан-
наго мнѣ Савари объявленія. Въ настоящемъ
моемъ положеніи, такое предложеніе мнѣ было
столь неожиданно, что я нѣсколько минутъ не
могъ опомниться. Я жилъ очень покойно въ
Парижѣ, и уже три года только и слышалъ,
что Императоръ говоритъ про меня съ досадою.
Я видѣлся только съ Г. Талейраномъ, который
принималъ меня всегда ласково; съ Дюрокомъ
до его кончины; съ Юзефиною, когда она не
была въ Наваррѣ; съ Герцогомъ Ревинго, и съ
нѣсколькими пріятелями. Не смотря на мое
изумленіе, я отвѣчалъ не колеблясь, что не могу

(*) Лоррахъ есть деревня въ двухъ миляхъ отъ Базеля; тамъ
назначено сборное мѣсто Австрійско-Русской арміи.

принять этого порученія; что мнѣ предложили его слишкомъ поздно. «Ласкаютъ себя надеждою, что Базельскій мостъ будетъ разрушенъ, что Швейцарія будетъ поддерживать свой нейтралитетъ; я этому ни сколько не вѣрю, а что еще больше, такъ на вѣрное знаю, что будетъ противное. Я могу только повторить тебѣ, что слишкомъ поздно.—Твоя рѣшимость меня очень огорчаетъ; но можетъ быть Коленкуръ тебя уговоритъ. Императору угодно, чтобы ты побывалъ у Герцога Винцесскаго завтра въ часъ; онъ тебѣ скажетъ, въ чѣмъ дѣло и дастъ тебѣ наставленія.—Пускай онъ мнѣ говоритъ что хочетъ, только я не поѣду въ Лоррахъ.—Но ты знаешь Императора, лучше чѣмъ я самъ; онъ на тебя осердится, и никогда не проститъ тебѣ, что ты отказалъ ему; и кто знаетъ, что изъ этого для тебя выдетъ.—Пускай онъ дѣлаетъ, что хочетъ, а въ Швейцарію я не поѣду.—Ты не правъ; но до завтраго поразмыслишь; утро вечера мудренѣе. По крайній мѣрь непремѣнно побывай завтра въ часъ у Коленкура. Онъ тебя ждетъ; приказано тебя тотчасъ принять. Ты съ нимъ будѣшь одинъ.—Я знаю Коленкура; имѣлъ счастіе нѣсколько разъ услужить ему и его семейству, по случаю исключенія изъ списка эмигрантовъ. Я знаю, что онъ благородный человѣкъ и увѣренъ, что меня выслушаетъ и согласится со мною. Въ про-

тивномъ случаѣ я все таки не переменю моей рѣшимости остаться въ покоѣ, а Императоръ пуская дѣлаетъ, что ему угодно.»

Таковъ былъ разговоръ мой съ Герцогомъ Ровиго. Я уѣхалъ отъ него въ одиннадцать часовъ, и никогда не забуду, что если онъ и старался переменить мои мысли, то это дѣлалъ съ изъявленіемъ участія и дружбы.

На другой день, я прежде всего поѣхалъ къ Г. Талейрану, рассказать ему что со мною случилось и попросить его, по тѣснымъ связямъ его съ Г. Коленкуромъ, поговорить ему, при свиданіи, въ пользу моей рѣшимости. Г. Талейранъ одобрилъ то, что я хотѣлъ отказаться, и ровно въ часъ я приѣхалъ къ Г. Коленкуру въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, которое тогда еще было на Бакской улицѣ, въ бывшемъ домѣ Галифета. Швейцаръ меня узналъ, и по данному ему приказанію, немедленно обо мнѣ доложилъ. Г. Коленкуръ посадилъ меня у камина, у котораго самъ сидѣлъ; швейцару велѣлъ сказать, чтобы не пускалъ никого совершенно.

Герцогъ Виченскій спокойно мнѣ объяснилъ, что ему поручено было; въ объясненіи своемъ со мною онъ показалъ столько доброты и скромности, что меня совершенно плѣнилъ. Я понялъ изъ его словъ, что онъ хорошо зналъ о жалкомъ положеніи дѣлъ, и самъ считалъ

предлагаемое мнѣ порученіе неслишкомъ пріятнымъ и навѣрное бесполезнымъ. Я ему отвѣчалъ также спокойно, что другъ мой Савари, товарищъ его по Министерству, мнѣ уже объявилъ о предметѣ посѣщенія, которое я имѣлъ честь ему сдѣлать и о томъ, что мнѣ онъ говорилъ; я прибавилъ, что онъ навѣрное знаетъ о сдѣланномъ мною вчера ввечеру отказѣ принять дѣлаемое мнѣ Императоромъ порученіе. Тутъ Министръ вошелъ въ большія подробности о причинахъ, которыя долженствовали заставить меня согласиться, и сдѣлалъ это съ знаками расположенія ко мнѣ. Онъ далъ мнѣ замѣтить, что послѣ безирестанныхъ доносовъ со стороны Даву, Императоръ не очень хорошо былъ ко мнѣ расположенъ, и что я долженъ знать, какъ мало онъ привыкъ къ отказамъ. Онъ не скрылъ отъ меня, что упорствуя въ принятой мною рѣшимости, я подвергался опасности породить въ умѣ Наполеона сомнѣнія на счетъ моихъ мыслей и будущихъ намѣреній. Тогда я ему замѣтилъ, что будучи частнымъ человѣкомъ, удаленнымъ отъ дѣлъ уже три года, я не буду имѣть никакого вліянія въ Главной Квартирѣ Союзниковъ; и что небольшое искусство въ дѣлахъ, которое угодно было во мнѣ предполагать, не могло бы взять верхъ надъ неудобствомъ, происходящимъ отъ моего положенія, послѣ той не милости, кото-

рую я навлекъ на себя. Я прибавилъ, что приѣду въ Главную Квартиру безъ всякаго ордена, даже безъ ленты Почетнаго Легіона, каковою знакъ отличія Императоръ такъ высоко цѣнить. Если только за этимъ дѣло стало, возразилъ Г. Коленкуръ, такъ тутъ хлопотать нечего. Императоръ уполномочилъ меня сказать, что онъ сдѣлаетъ васъ Герцогомъ и дастъ вамъ ленту Почетнаго Легіона.

При этихъ словахъ, я подумалъ, что все вижу во снѣ, и мнѣ почти приходило на умъ, что Г. Коленкуръ, говоря мнѣ такимъ образомъ, меня дурачилъ. Предложеніе было не на шутку, и не замираюсъ, что я находилъ его соблазнительнымъ; но не смотря на то, я все таки упорствовалъ въ сдѣланномъ мною положительномъ отказѣ. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, и новыхъ бесполезныхъ убѣжденій со стороны Г. Коленкура, онъ всталъ; это значило, что свиданіе наше должно было кончиться; я долженъ признаться, что нѣсколько минутъ совѣмъ не зналъ, что мнѣ дѣлать: потому что я не далъ никакого рѣшенія, и дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи. Опасаясь, что не убѣдилъ его, и будучи движимъ сильною и непоколебимою волею не принимать на себя этого порученія, вотъ на что я рѣшился: Надобно знать, что Г. Коленкуръ шелъ тихими шагами къ своему кабинету: если бы онъ ушелъ,

а я не узналъ его мыслей, то я ничего бы не сдѣлалъ. Назвавъ его по фамилии, я сказалъ: «Коленкуръ!» Онъ ко мнѣ обернулся. «Вы меня увѣряли каждый разъ, когда мы встрѣчались въ свѣтъ, что не забудете никогда того, что я сдѣлалъ для васъ и для вашего семейства, въ то время, когда я имѣлъ нѣкоторый кредитъ. Я васъ знаю, и буду говорить съ вами не обинуясь. Я говорю не съ Императорскимъ Министромъ, а съ Коленкуромъ. Вы благородный человѣкъ, и я могу объясняться откровенно. Разсудите о гибельномъ положеніи Франціи, которое вамъ извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, и въ которомъ, навѣрное, я не имѣлъ участія. Взгляните на все, до сихъ поръ бывшее со мною. Я не требую у васъ вашихъ тайнъ; но я также много знаю. Я вамъ скажу откровенно, что на вѣрное знаю, что непріятель перейдетъ за Рейнь черезъ нѣсколько дней (*) Императора обманули; я не успѣю пріѣхать и надо мною будутъ смѣяться. Повѣрьте, что корреспонденты, которыхъ я оставилъ въ Германіи обо всемъ меня извѣстили. . . . Пу! Коленкуръ, отвѣчайте мнѣ откровенно: Если бы вы были Буріеннъ, а я Коленкуръ, и я бы вамъ сдѣлалъ такое же предложеніе, то чтобы вы сдѣлали?»

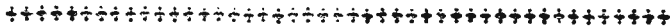
(*) Я говорилъ это Г. Коленкуру въ среду; въ слѣдующую пятницу, то есть два дня спустя, перешли черезъ Рейнь.

Тутъ я замѣтилъ въ чертахъ Коленкура какое-то судорожное движеніе и очень хорошо увидѣлъ, что этотъ вопросъ его поразилъ. Онъ мнѣ тотчасъ сказалъ, дружески пожавъ руку, съ увѣрительнымъ видомъ: *«Я бы сдѣлалъ также, какъ вы. Дѣло кончено, я это улажу съ Императоромъ. Будьте покойны.»* При такомъ отвѣтѣ, который рѣшилъ все, я не умѣю объяснить, что я чувствовалъ; у меня какъ камень свалился съ души; я ушелъ отъ него, исполненнымъ признательности за его пріемъ и за благородные въ отношеніи ко мнѣ поступки, которые освобождали меня отъ всякаго безпокойства на счетъ того, какъ онъ уладитъ это дѣло съ Императоромъ. Я не обманулся; съ этой минуты, я не слыхалъ о томъ ни слова.

Здѣсь я принужденъ предварить цѣлымъ годомъ въ отношеніи къ событію, которое касается до Герцога Винченскаго, но которое также имѣетъ связь съ описаннымъ мною свиданіемъ. Когда въ Мартѣ 1815 Король назначилъ меня Префектомъ Полицій, Г. Коленкуръ 15 числа сего мѣсяца прислалъ ко мнѣ довѣреннаго челоуѣка спросить, можетъ ли онъ оставаться въ Парижѣ, или оттуда выѣхать. Ему сказали, что онъ помѣщенъ былъ въ списокѣ тѣхъ лицъ, кого мнѣ вѣрно было арестовать; объ этомъ списокѣ я скажу въ свое время. Обра-

довавшись такому знаку довѣрія, я отвѣчалъ посланному отъ Герцога Виченскаго : «Скажите Г. Коленкуру, что я даже не знаю, гдѣ онъ живетъ. Пускай онъ будетъ покоснѣ; я за него ручаюсь.»

Г Л А В А XXI.

Вѣрныя свѣдѣнія изъ-за границы.—Начало осады Гамбурга — Новая Сарагосса.—Работы и укрѣпленія. — Мостъ на двѣ мили.—Генераль Дежанъ и Генераль Гансо.—Строгія мѣры и конфискаціи.—Беспорядки, расточеніе и скрытность. — Конфискація лошадей. — Выводъ войска изъ Любека и кровопролитное прощанье. — Нарушеніе покоя могилъ.—Строгая блокада.—Датскій Король увлекается наследнымъ Шведскимъ Принцемъ въ Сѣверный союзъ.—Недостатокъ жизненныхъ припасовъ въ Гамбургѣ.—Жители, изгнанные изъ собственнаго ихъ города.—Жестокія мѣры.—Мужчинъ бьютъ и женщинъ съкутъ. — Снисходительность Маршала Даву.—Ночныя похищенія. — Гостепрѣмство Альтонскихъ жителей.—Прежній Адыютантъ Дюмурьеца, и великодушіе. Въ Альтонѣ обнаруживается заразительная болѣзнь.—Причины заразительной болѣзни въ Гамбургѣ. — Жертвы и памятникъ.

Видѣли, какія вѣрныя свѣдѣнія я имѣлъ возможность получать относительно самыхъ важныхъ событій той эпохи, къ которой принадлежитъ свиданіе мое съ Г. Коленкурромъ; не скрою, что изъ обширной моей переписки, та,

которую я продолжалъ съ Гамбургомъ, наиболѣе имѣла для меня занимательности. Я много говорилъ о бѣдствіяхъ этого несчастнаго города; но онѣ были только приуготовленія къ тому, что ему еще приходилось вытерпѣть. Во время кампаніи 1813 года, союзники вытѣснивъ Французовъ изъ Саксоніи, и принудивъ ихъ идти къ Рейну, принялись за осаду Гамбурга, гдѣ Даву занерся съ тридцати тысячнымъ гарнизономъ, съ непоколебимою рѣшимостью сдѣлать изъ этого города новую Сарагоссу. Такая рѣшимость была поводомъ къ мѣрамъ строгости, которыя можно было бы почесть необходимыми, когда защищаютъ городъ родной страны, но которыя въ сихъ обстоятельствахъ, совсѣмъ понапрасну угвѣтали неукрѣпленный городъ, коимъ овладѣло корыстолюбіе, съ нарушеніемъ всѣхъ правъ, а защищали его какъ добычу.

Съ Сентября мѣсяца съ каждымъ днемъ увеличивалось число союзныхъ войскъ, которыя дѣлали быстрые успѣхи на лѣвомъ берегу Эльбы. Двадцать восьмаго числа сего мѣсяца, въ два часа утра, Полковникъ Чернышевъ подошелъ къ городу Касселю и овладѣлъ орудіями полигона; эти орудія онъ употребилъ къ атакванію города, который въ тотъ же день сдался въ двѣнадцать часовъ, и Козаки его заняли. Между тѣмъ Лемарре держался еще въ Магдебургѣ, котораго крѣпость и положеніе за-

ставляли думать, что Французы могут въ немъ продержаться долго. Даву захотѣлъ сдѣлать изъ Гамбурга пунктъ сопротивленія, какимъ былъ Магдебургъ. Онъ пытался укрѣпить его въ такомъ пространствѣ, что по словамъ самыхъ опытнѣйшихъ военныхъ, надобно бы было шестидесяти тысячный гарнизонъ, чтобы оборонять его при правильной и долговременной осадѣ. При самомъ началѣ осады Даву лишился Вадамма, который убитъ команду при вылазкѣ многочисленнымъ отрядомъ, учинившимся жертвою слѣпной ярости, и который почти весь попалъ въ плѣнь.

Я долженъ сказать, что Даву въ приложеніи своей ложной и бесполезной защитительной системы, явилъ величайшую дѣятельность. Онъ прежде всего сдѣлалъ большіе запасы. Наполеонъ прислалъ къ Маршалу Инженерныхъ Генераловъ Дежана и Гакео, чтобы сдѣлать планъ укрѣпленій; инженеры Путой Сообщенія Гг. Тарбе и Жосселевъ представили также свои планы, и планъ послѣдняго былъ принятъ. Г-ну Жосселеву поручено его выполненіе; по этой причинѣ понадобилось истребить окружавшій городъ прекрасныя мѣста для гуляній: Даву употребилъ около пятнадцати тысячъ человекъ на построеніе укрѣпленій. Въ это же время Генералу Бертрану поручено построить мостъ для сообщенія между Гамбургомъ и Га-

арбургомъ, и который долженъ былъ соединять острова Эльбы съ твердою землею, на разстояніи около двухъ миль. Этотъ мостъ надобно было строить изъ дерева, и Даву захватилъ всѣ лѣсные дворы. Между прочимъ онъ взялъ, безъ дальнихъ чиновъ, огромный магазинъ, принадлежащій Г. Пьеру Годефроа, который не задолго купилъ его у Французскаго правительства, за миліонъ двѣстишестьдесятъ тысячъ франковъ. Мостъ построенъ въ продолженіи восьмидесяти трехъ дней; онъ былъ великолѣпнъ и имѣлъ въ длину двѣ тысячи пять сотъ двадцать девять саженей, не считая коммуникаціонныхъ линій; устроенныхъ на двухъ островахъ (*).

Оцѣнили въ нѣсколько миліоновъ дома, ко-

(*) По заключеніи всеобщаго мира и окончательнаго возвращенія Бурбоновъ во Францію, Гамбургскій Сенатъ велѣлъ разломать этотъ мостъ, который считали опаснымъ для города средствомъ сообщенія. Не одна эта причина къ тому побудила; огромныя издержки на содержаніе входили тутъ не мало въ расчетъ. Каковы бы ни были причины Сената, но онъ поступилъ благоразумно; также умно сдѣлать велѣвъ разрушить древнія и новыя Гамбургскія укрѣпленія, уровнять землю и завалить глубокіе рвы, окружавшіе городъ. Ему нужно было предупредить на будущее время намеренія какого нибудь новаго честолюбца, который бы захотѣлъ сдѣлать изъ города военную крѣпость. На вырѣванной землѣ построили прекрасныя домики, устроили мѣста для гулянья, которыя были гораздо лучше для жителей Гамбурга, чѣмъ эти Ганзатическія развалины, которыя никогда не ограждали городъ ихъ отъ занятія со стороны великаго, кто бы захотѣлъ завладѣть имъ.

торые были разорены и выжжены для выполнения плана укрѣпленія и охраненія города отъ непріятельскихъ апрошей. Такое разореніе распространялось далеко, и трудно себя представить, какъ въ то же время Даву могъ сдѣлать огромные запасы въ томъ городѣ, который онъ защищать былъ намѣренъ. Онъ принуждалъ подвозить ихъ изъ всѣхъ мѣстъ, оставшихся еще подъ игомъ Французской власти. Отъ этого гарнизонъ былъ снабженъ хорошо; но бѣдные жители могли доставать себѣ жизненные припасы не иначе, какъ за дорогую цѣну, съ большими затрудненіями и въ очень маломъ количествѣ. Въ этомъ барышничествѣ сверхъ того былъ безпорядокъ и грабительство, которыми могли пользоваться одни провіантскіе Коммисары, чего они себѣ въ порокъ не ставили; если не было ошибки въ доставленномъ мнѣ свѣдѣніи, то всѣхъ болѣе отличился одинъ Оксерскій уроженецъ, котораго по имени я называть не хочу, потому что его фамилія пользуется справедливымъ уваженіемъ на его родинѣ. Много также терпѣли отъ жестокости, жадности и варварства одного изъ любимыхъ подчиненныхъ Маршала. Тотъ, о комъ я говорю имѣлъ у себя камердинера, которому поручено было ежедневно приводить къ нему порядочныхъ двушекъ; онъ завлекалъ ихъ или обманомъ, или насильно. Это такъ извѣстно въ Гам-

бургъ, что если бы кому вздумалось тамъ спросить, о комъ я говорю здѣсь, то всякой бы назвалъ его по имени.

Всѣ лошади, безъ исключенія, были забраны подъ артиллерію. Лучшихъ выбрали подъ орудія, а прочихъ убивали на улицахъ и раздавали ихъ мясо солдатамъ. Жители, мучимые голодомъ, покупали объѣдки, за которые ихъ заставляли платить очень дорого. Столько предосторожностей однако долженствовали быть напрасны; союзники подступали съ значительными силами и занимали уже Вестфалію, что заставило Губернатора призвать въ городъ отряды, которые были разсыяны по близъ лежащимъ отъ Гамбурга мѣстамъ. Въ Любекѣ было кровопролитное прощанье: прежде чѣмъ выступили изъ города, должно было оплакать участь двухъ жертвъ: въ примѣръ другимъ, одинъ старикъ и мясникъ, по имени Праль, были приговорены къ разстрѣлянню. Преступленіе послѣдняго состояло въ томъ, что онъ говоря о Французахъ, сказалъ: *Der Teufel hohle sie* (*). Удалось избавить старика отъ угрожавшей ему участи, доставивъ ему средство къ побѣгу; но несчастный Праль подвергся казни, не смотря на просьбы и слезы жителей.

Гамбургскій гарнизонъ состоялъ изъ Французовъ, Италіянцевъ и Голландцевъ. Сначала

(*) Чертъ ихъ побереи.

число его простиралось до тридцати тысяч; но много погибло отъ болѣзней. Въ госпиталяхъ умираю отъ шестидесяти до восьмидесяти человѣкъ на день. При выступленіи гарнизона изъ Гамбурга въ Май 1814, число его уменьшилось до пятнадцати тысячъ человѣкъ.

Всѣ разрушенія и пожары, которые произвели вѣрно было, чтобы очистить окрѣстности крѣпости, сдѣлали изъ Гамбурга пустыню. Даже видѣли, что солдаты разрушали всѣ гробницы и погреба, воздвигнутые за нѣсколько лѣтъ на кладбищахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ города, чтобы насытить свою жадность, отдирая отъ гробовъ украшавшія ихъ по тамошнему обычаю серебрянныя бляхи, и стаскивали съ тѣлъ мертвыхъ богатые ткани, которыми здѣсь обыкновенно укутываютъ. Такое нарушеніе святости гробовъ терѣли, не смотря на гніючія испаренія, которыя не могли не усилить заразу, и вѣроятно ей способствовали. Такимъ-то образомъ мертвыхъ нещадили болѣе, чѣмъ живыхъ. За этими варварскими дѣлами, вскорѣ послѣдовала самая строгая блокада; она производилась Шведскими и Русскими войсками; всякое сообщеніе города съ окрѣстностями было прекращено. Датскій Король, котораго видѣли всегда постоянно вѣрнымъ фортунѣ Наполеона, также былъ принужденъ его покинуть; онъ

былъ увлеченъ къ этой рѣшимости, единственной, какую онъ тогда съ благоразуміемъ предпринять могъ, Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ, который, какъ уже видѣли, давно присоединился къ Сѣверному союзу. Съ этой минуты Гамбургу не чего было ожидать извнѣ, и тогда-то слышали угрозу: «Осада Гамбурга будетъ столько же памятна, какъ Сарагосская; городъ будетъ сданъ не иначе, какъ превращенный въ пепель.» Какая будущность для жителей! По счастью провидѣніе опредѣлило иначе.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ жизненные припасы начали уменьшаться, и не было никакой возможности возобновить запасы. Сначала выгнали изъ города всѣхъ бѣдныхъ, а потомъ всѣхъ бесполезныхъ ѣдоковъ. Безъ преувеличенія можно сказать число жертвъ этихъ изгнаній простиралось до пятидесяти тысячъ. Если допустить, что подобныя распоряженія оправдывались жестокою необходимостью войны, то что оправдаетъ утонченную жестокость, съ какою онъ приводимы были въ исполненіе? Деятнадцатаго Декабря обнародовали одинъ изъ такихъ приказовъ объ изгнаніи; срокъ для выхода изъ Гамбурга былъ назначенъ черезъ срокъ восемь часовъ, и за малѣйшее промѣдленіе подвергались конфискаціи всего движимаго имущества виновныхъ; исключались только тѣ,

кто могъ носить оружіе. Этого было педовольно—Префектъ и Мэръ Гамбургскіе присовокупили къ этимъ суровостямъ черезъ два дни, *раззореніе домовъ*, а Полковникъ, начальствующій жандармами въ Гамбургѣ, объявилъ изгнаннымъ жителямъ, что тѣ, кто не выдетъ изъ города въ предписанный Маршаломъ срокъ, будутъ выгнаны, а прежде того получатъ пятьдесятъ палочныхъ ударовъ. Однако же, если есть примиреніе съ небомъ, такъ есть оно и съ людьми; преступники откупились отъ палочныхъ ударовъ деньгами, и Французская вѣжливость оказалась при этомъ случаѣ—женщинъ палками не били, а съкли розгами. Это было дѣло Префекта. Я видѣлъ (а не выдумываю этого) данное отъ него предписаніе дѣлать осмотръ всѣмъ находящимся въ услуженіи женщинамъ, чтобы удостовѣриться, здоровы ли онѣ; развѣ только онѣ представляютъ свидѣтельство отъ своихъ господъ.

Такова прелесть мѣста нашего рожденія, такова власть домашняго пенсѣнца, что не смотря на ужасную строгость, съ какою выполнялся приказъ объ изгнаніи, несчастные жители старались всячески укрыться. Двадцать пятаго Декабря, Губернаторъ, *желая дать доказательство своейнисходительности къ жителямъ*, далъ отерочку на двадцать четыре часа для выхода изъ города, послѣ чего виновные бу-

дутъ арестованы, какъ послушники прокламацій, обнародованныхъ въ Любекъ непріятелемъ, прокламацій, о которыхъ имъ знать было невозможно, потому что всякое сообщеніе было воспрещено. Наконецъ два дни спустя послѣ этого снисходительнаго поступка, выдашь еще приказъ, которымъ объявлено, что тѣ, кто возвратится по выходѣ, будутъ сочтены бунтовщиками, сообщниками непріятели, будутъ осуждены на смерть Превотальнымъ судомъ и разстрѣляны. Такихъ предувѣдомленій было недостаточно: въ послѣднихъ числахъ Декабря, ночью, когда морозъ былъ отъ шестнадцати до восемнадцати градусовъ, больные и здоровые, безъ различія пола и возраста были стащены съ постелей и выведены за городъ; по утонченности жестокости принудили ихъ соотечественниковъ служить имъ конвоемъ; утверждали, что многіе старые люди погибли въ городѣ и на пути. Тѣхъ несчастныхъ которые переживали, покидали за Альтонскою заставою.

Какихъ размышленій не должны дѣлать эти несчастныя жертвы Французскаго Правительства, когда ихъ исторгали изъ домовъ ихъ! Имъ такъ легко было сдѣлать сравненіе на разстояніи, столь близкомъ отъ ихъ родимаго города. Въ Альтонѣ все наши убѣжище и самое великодушное пособіе. Въ день Рождества Христова семь тысячъ самыхъ несчастныхъ собраны

были въ домъ Г. Ренвеля, бывшаго Адъютанта Дюмурца, и который выѣхалъ изъ Франціи въ тоже время, какъ и сего Генераль. Этотъ домъ, находящійся въ Голштиніи, въ пятидесяти шагахъ отъ Альтоны, былъ обыкновенно мѣстомъ праздниковъ и блестящихъ собраний; онъ вдругъ сдѣлался убѣжищемъ нищеты, печали и смерти. Всѣ возможные попеченія были оказываемы этимъ несчастнымъ изгнанникамъ; но немногіе тѣмъ воспользовались: сверхъ того, городъ Альтона худо былъ вознагражденъ за свое великодушіе. Опасеніе заразы, бывшей въ Гамбургѣ, не препятствовало гостепріимной встрѣчѣ этихъ ссылочныхъ; но многіе изъ нихъ имѣли сѣмена болѣзни, и зараза обнаружилась въ Альтонѣ.

Эта жестокая зараза началась въ Гамбургѣ, гдѣ произошла отъ тѣсноты гошпиталей, о которыхъ ни сколько не имѣли попеченій; отъ насильственнаго и слишкомъ скорого перевода выздоравливающихъ въ частныя дома; отъ разительнаго воздуха отъ убитыхъ лошадей, покинутыхъ на улицахъ и доставшихся на добычу солдатамъ; отъ всякой падальщины и нечистоты, накопившихся на улицахъ отъ того, что не было средства ихъ вывозить; наконецъ отъ удушьявыхъ испареній изъ водъ Алстера (*),

(*) Алстеръ есть небольшой ручей, образующій посреди Гамбурга большое озеро.

отравляемыхъ вѣзмъ, что туда ежедневно выкидывали.

Большая часть несчастныхъ, выгнанныхъ, которые достигли Альтоны въ числѣ тысячи ста тридцати пяти, были похоронены попеченіемъ Датскаго начальства, въ полѣ къ Сѣверу Оттензена, въ четверти мили отъ этой деревни. Набожные Гамбургцы воздвигли памятникъ, на которомъ высѣчены имена жертвъ столькихъ жестокостей, о которыхъ воспоминаніе они передаютъ потомству. Множество мертвыхъ тѣлъ валялось на бастіонахъ, валахъ и гульбищахъ. Живые не могли сдѣлать и шага, не попирая праха своихъ родныхъ и друзей.

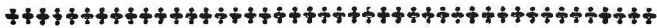
Когда всѣ средства къ извлеченію денегъ въ Гамбургѣ истощились, то захватили капиталы городского Банка, въ которомъ было еще отъ семи до осьми миліоновъ Банковыхъ марокъ, то есть почти пятнадцать миліоновъ франковъ. Развѣ не знали, что захватывал капиталы нѣсколькихъ Гамбургцевъ, вредили вѣзмъ иностранцамъ, которые имѣли капиталы въ этомъ Банкѣ. Все взято ревизоромъ, который ознаменовалъ свое пребываніе въ Любекѣ такими же поносными дѣлами.

Таково краткое изображеніе обидъ, кровавыхъ дѣланій, которыя долго тяготѣли надъ гостепріимнымъ городомъ. Потомство съ трудомъ этому повѣрять. Наполеонъ всегда обвинялъ

этотъ городъ въ Англomаніи; раззоря его, онъ думалъ, что раззоряетъ Англію; и бѣдный и безпомощный Гамбургъ, могъ только стенать, какъ Іерусалимъ, во время осажденія его Титомъ: *Plorans, ploravit in nocte.*

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что упреки, которые я счелъ за долгъ сдѣлать нѣкоторымъ начальникамъ Гамбургскаго гарнизона, не можно приписать храброй арміи, которая тамъ переносила съ терпѣніемъ и мужествомъ, самыя величайшія опасности и самыя невѣроятныя лишскія.

Г Л А В А ХХІІ.

Италіянскія дѣла и Принцъ Евгений.—Особая статья.—Поставляемая Наполеономъ важность въ сохраненіи Италіи.—Искусственныя табели и настоящая сила.—Люди на бумагѣ, и карта Тироля.—Движеніе Италіянской арміи къ Австрійскимъ границамъ.—Вниманіе, обращенное на Германію. — Огорченіе Евгенія отъ отложенія Баварцевъ. — Обратное движеніе — Мюратъ, притворство и ввроломство. — Старая политика Италіи.—Трактатъ между Мюратомъ и Австрією. — Военныя дѣйствія, за которыми слѣдуетъ объявленіе войны.—Мюрата покидаютъ Французскіе Генералы.—Предписанія изъ Парижа и бесполезная прокламація.—Взятіе Ливорны и Анконы Неаполитанцами.—Выступленіе изъ Тосканы.

Я сказалъ, что посвящу особую главу Италіянскимъ дѣламъ и главнымъ происшествіямъ Вице-Королевства Евгенія: Это я попробую сдѣлать теперь, не потому чтобы я имѣлъ объ этой странѣ такія подробныя свѣдѣнія, какія мнѣ доставляли изъ Гамбурга, какъ то можно было

видѣть; но читатель, по крайней мѣрѣ мнѣ пріятно такъ думать, уже довольно познакомился со мною и можетъ быть увѣренъ, что я не скажу ничего такого, чего бы не зналъ навѣрно, и по этой причинѣ, онъ не удивится, если на тотъ конецъ, чтобы не отдѣлять того, что я узналъ относительно Евгенія, я не буду строго держаться порядка времени.

Послѣ кампаніи 1812 года, когда Евгеній опять увидѣлъ Италію и прелестныя равнины Ломбардіи, гдѣ за пятнадцать лѣтъ до того, Бонапарте стоило только показаться, чтобы побѣдить, онъ немедленно былъ извѣщенъ о расположеніяхъ, болѣе чѣмъ сомнительныхъ, Австріи въ отношеніи къ Франціи. Онъ тогда поспѣшилъ составить армію, которая бы могла защитить страну, Императоромъ ввѣренную его попеченіямъ. Императоръ, какъ то можно думать, полагалъ очень важнымъ сохраненіе Италіи, не только потому что она была театромъ его первыхъ подвиговъ, колыбелью его высокой славы, но также и потому что, даже если онъ принужденъ будетъ отъ нея отказаться по договору, то владѣніе этими прекрасными провинціями будетъ имѣть большой вѣсъ въ предстоящихъ переговорахъ. Наполеонъ чувствовалъ, какъ бы ему выгодно было имѣть на Сѣверныхъ границахъ Италіи, многочисленную армію, довольно сильную, чтобы безпокоить Австрію,

когда она сниметъ тайственность, которою была прикрыта еще ея политика. Евгеній сдѣлалъ все, что отъ него могло зависѣть, для того чтобы выполнить намѣренія Императора; но не смотря на всѣ его усилія, Италіянская армія, была въ самомъ дѣлѣ мечтательною арміею для тѣхъ, кто могъ сравнить число людей на лицо подъ знаменами, съ тѣмъ, которое считалось по табелямъ. Въ этихъ искусственныхъ табеляхъ значились нумера тѣхъ полковъ, которые отправлены сражаться въ Россію, и которые были истреблены на поляхъ Польши. Было время, что Главнокомандующій Италіянскою арміею жаловался, какъ то видѣли, на клубистовъ, болтуновъ, адвокатовъ, которые судили Тирольскія извилины на картѣ въ нѣсколько квадратныхъ дюймовъ, и Наполеонъ самъ въ свою очередь видѣлъ людей на бумагѣ.

Когда въ Июль мѣсяцъ 1813 года Вице-Король узналъ о томъ оборотѣ, какой приняли переговоры въ Прагѣ, то ни мало не усумнился въ близкомъ возобновеніи военныхъ дѣйствій; и предвидя нападеніе на Италію, онъ рѣшился подвинуться какъ можно ближе къ Австрійскимъ границамъ: при всѣхъ усиліяхъ ему удалось собрать армію въ сорокъ пять тысячъ человекъ пѣхоты и пять тысячъ конницы, въ которыхъ были какъ Французы, такъ и Ита-

ліянцы. При возобновеніи военныхъ дѣйствій Вице-Король имѣлъ главную квартиру въ Удинѣ, и до Апрѣля 1814 благоразумными движеніями и сберегая людей, онъ успѣлъ сохранить внушающій уваженіе видъ и охранить входъ въ свое Королевство тѣми военными дарованіями, которыхъ ожидать должно отъ человѣка, образованнаго въ великой школѣ Наполеона, и почитаемаго со стороны арміи однимъ изъ самыхъ искусныхъ Генераловъ. Въ этой оборонительной кампаніи, Евгению совершенно содѣйствовали войска и Генералы, бывшіе у него въ командѣ. Евгенийъ имѣлъ главное начальство; начальникомъ его Штаба былъ Генераль Виньоля, а помощникомъ его Моризо де Марси.

Великія и несчастныя событія 1813 года, въ такой степени обратили вниманіе на Германію и на Рейнскую линію, что сдѣлалось невозможно заниматься съ равнымъ любопытствомъ дѣлами, когда отложеніе Мюрата заставило обратить глаза въ эту сторону: Я менѣ всякаго другаго былъ удивленъ этимъ, потому что не забылъ разговора моего въ Елисейскихъ поляхъ съ Неаполитанскимъ Королемъ, о которомъ я упомянулъ въ своемъ мѣстѣ; но въ первую минуту отложеніе Мюрата показалось всѣмъ невѣроятнымъ, и прогнѣвило Наполеона. За чѣмъ было ставить народы, порученные управленію Государей изъ его семейства, въ необходимость

не навидѣтъ свое Правительство! Въ эту эпоху новое отложеніе причинило сильное огорченіе сердцу Евгенія; потому, что сдѣлавшись Принцемъ и почти Самодержавнымъ, онъ не пересталъ быть человѣкомъ, и человѣкомъ прекраснымъ. Будучи женатъ на Принцессѣ Баварской Амаліи, столькоже доброй, столько же любимой, какъ онъ былъ самъ, онъ съ живѣйшимъ огорченіемъ видѣлъ необходимость считать подданныхъ своего тестя въ числѣ непріятелей, съ которыми ему вѣроятно придется сражаться; но если онъ внутренно скорбѣлъ о такомъ обстоятельствѣ, какъ Юзефина меня нѣсколько разъ въ томъ увѣрляла, то долгъ былъ для него закономъ, которому онъ всегда готовъ былъ принести въ жертву всякое другое уваженіе, и конечно дѣлалъ довольно большое въ томъ доказательство при разводѣ Наполеона. Опасаясь, что Баварцы обезнокоятъ его со стороны Тироля, Евгеній осенью 1815 началъ свое отступательное движеніе. Сначала онъ применился къ Тагліаменто, а потомъ къ Адико (*). Италіанская армія, по прибытіи къ этой рѣкѣ, значительно уменьшилась, не смотря на всѣ по-

(*) Въ эту эпоху существовалъ еще на Тагліаментѣ острооспанный на скорую руку деревянный мостъ для перехода Французской арміи, во время первыхъ Италіанскихъ походовъ. Я припоминаю это обстоятельство потому, что оно доказываетъ прочность построеній нашихъ военныхъ инженеровъ.

печенія Евгенія о своихъ войскахъ. Уменьшеніе это произошло отъ многихъ причинъ: прежде всего необходимость сформировать гарнизоны въ городахъ остающихся безъ прикрытія; потомъ разныя болѣзни, и то, что въ сраженіяхъ, которыя надобно было дать, убито нѣсколько человѣкъ. Все это значительно ослабило возвратившіеся въ Италію баталіоны.

Въ Ноябрь мѣсяцъ Евгеній узналъ, что корпусъ Неаполитанскихъ войскъ идетъ къ верхней Италіи, часть къ Риму, а другая къ Анконѣ. Неаполитанскій Король хотѣлъ употребить въ пользу положеніе Европы, и обманулся на счетъ обѣщаній въ награду за его измѣну. Мюрать, не только рѣшился вступить въ союзъ, но уже имѣлъ сношенія съ Англією и Австрією, не перестававшею увѣрять въ своей вѣрности въ выполненіи обязанностей своихъ къ Наполеону. Онъ простеръ притворство до того, что неспросилъ у Вице-Короля дозволеніе расположить магазины съ провіантомъ и припасами въ крѣпостяхъ, зависящихъ отъ Италіанскаго Королевства. Еще ничего не знали положительнаго объ отложеніи Мюрата, и предшествовавшіе слухи, которые распространить о томъ успѣли, казались столь мало вѣроятными, что не было причины отказать въ его просьбѣ. Однакоже онъ былъ уже въ тайнѣ союзникомъ непріятель Франціи, и здѣсь, по моему мнѣ-

цію, Мюратъ дѣлается неизвинительнымъ: движимый пуждами народа, вѣрннаго его правленію, даже честолюбивымъ желаніямъ остатка Неполитанскимъ Королемъ, онъ не признавалъ прежняго своего отечества и принесъ его на жертву новому своему отечеству, о какомъ политическомъ дѣйствіи можно судить различно; я даже скажу, что лично одобряю когда Король, прежде всего Король своего народа; но присоединять вѣроломство къ отступленію, говорить о союзѣ, о вѣрности и измѣнять, вотъ что, по моему, ничто извинить не можетъ.

Получивъ отъ Вице-Короля увѣдомленіе объ измѣнѣ Мюрата, Императоръ сначала не хотѣлъ тому вѣрить. «Нѣтъ, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ, нѣтъ! это невозможно! Мюратъ, и за котораго я выдалъ мою сестру! Вѣрно Евгеній дурно увѣдомленъ. Невозможно, чтобы Мюратъ объявилъ себя противъ меня!» Не только это было возможно, но и справедливо; и прикрывался все болѣе, и болѣе притворствомъ, подъ которымъ скрывалъ свои намѣренія, Мюратъ, казалось хотѣлъ возобновить эту старинную политику Италіи XV и XVI вѣковъ, когда искусство обманывать, казалось самымъ высокимъ усиліемъ генія Италіянскихъ Правительствъ. Безъ всякаго объявленія войны онъ приказалъ своему Генералу, занимавшему Римъ

съ пятью тысячами человекъ, захватить верховную власть въ Римскихъ владѣнiяхъ и его именемъ принять правленiе. Генераль Миоллисъ, командовавшій Французскими войсками въ Римѣ, могъ только броситься съ этою горстью солдатъ въ замокъ Сентъ-Анжъ, эту знаменитую Андрианову молу, за которою долго хранились сокровища Сикста пятаго; и вскорѣ Французскій Генераль увидѣлъ себя въ блокадѣ отъ Неаполитанскихъ войскъ, которыя также блокировали Цивиту-Векчiю и Анкону.

Теперь, какъ я уже сказалъ, я вижу себя въ необходимости обратиться предварительно къ тому времени, которое послѣдовало за описанными мною въ предыдущихъ главахъ, на тотъ конецъ чтобы не разрушить связь событiй, имѣющихъ необходимое соотношенiе.

Трактатъ, заключенный между Мюратомъ и Австрією былъ действительно подписанъ одиннадцатаго Января 1814, и я обращусь послѣ къ другимъ событiямъ этой эпохи, ограничась теперь только тѣмъ, что касается собственно Италiи. Какъ скоро Вице-Король узналъ обо всемъ, то будучи увѣренъ, что ему скоро придется сражаться съ Неаполитанцами, онъ долженъ былъ отказаться отъ сохраненiя Адикской линiи, имѣя Неаполитанскую армию позади своего праваго крыла. Но этому онъ велѣлъ

отступитъ на другую сторону Мигліо, гдѣ расположилъ свою армію. Въ этомъ положеніи Принцу Евгенію надобно было сражаться съ Австрійскою армією, и успѣхъ сраженія при Минчіо остановилъ на нѣсколько времени вторженіе Австрійцевъ и присоединеніе ихъ къ Неаполитанскимъ войскамъ. Черезъ недѣлю спустя, только, Мюратъ официально объявилъ войну Императору; его Начальникъ Штаба вручилъ декларацію Генералу Виньолу, Начальнику Евгеніева Штаба. Такимъ образомъ мы надѣлали Королей на счетъ нашей крови и казны, а въ минуту неудачъ Франціи не умоливая судьба понуждала ихъ обратитъ свое оружіе противъ насъ. Безпрестанно вѣрный своей вѣроломной системѣ, Мюратъ продолжалъ обманывать прямодушіе Евгенія, получивъ отъ него провіантъ и военные припасы для своей арміи, и таково было царствовавшее въ Парижѣ ослѣпленіе, что Военный Министръ безпрестанно поддерживалъ требованія Короля Неаполитанскаго; и въ это-то самое время Мюратъ облизывался соединить свои войска съ Австрійскими, и дѣйствовать за одно съ нею противъ Французской арміи въ Италіи.

Какъ скоро Неаполитанскій король объявилъ войну Франціи, тотчасъ многіе Генералы и Штабъ-Офицеры, также много бывшихъ у него въ службѣ Французовъ, покинули его и яви-

лись въ главную квартиру Вице-Короля. Мюратъ очень усиливался удержать ихъ. Они дали ему замѣтить, что когда онъ объявилъ войну Франціи, то ни одинъ Французъ, другъ своего отечества, не могъ болѣе съ нимъ оставаться. Онъ вспыхнулъ и сказалъ имъ: «Развѣ вы думаете, что у меня мѣсте вашего Французское сердце? Вѣрьте, напротивъ, что я очень заслуживаю жалость. Я не знаю, что происходитъ въ большой арміи, какія бѣдствія. Я былъ принужденъ заключить договоръ съ Австріею и условиться съ Англичанами, состоящими подъ командою Лорда Бентинка, чтобы спасти мое Королевство, угрожаемое высадкою отъ Англичанъ и Сициліанцевъ. Это неминуемо возбудило бы внутреннее возстаніе: останетесь-ко со мною.»

Нельзя было откровеннѣе признаться въ антипатіи, какую предполагалъ Іоакимъ въ Неаполитанцахъ къ своей особѣ и своему правленію. Привѣтствіе его никого неувлекло; и легко было предвидѣть, что долженствовало случиться. Вице-Король скоро получилъ офиціальное отношеніе отъ Военнаго Министра Наполеонова, при которомъ онъ препроводилъ къ нему Императорскій указъ, отзывающій всѣхъ Французовъ, находящихся въ службѣ у Іоакима, подъ опасеніемъ преданія подъ военный судъ, и поступленія какъ съ измѣнниками отечеству, тѣхъ,

кто будетъ взять съ оружіемъ въ рукахъ.

Немедленно по полученіи этого повелѣнія, Евгенийъ объявилъ перваго Февраля, прокламацію, въ которой замѣчательны были слѣдующія слова:

«Солдаты,

«Надежды на прочный и близкій миръ возникаютъ отъ всюду. Я считаю ихъ основательными, однакоже день успокоенія еще для васъ не наступилъ. Новый непріятель представился.

«Кто этотъ непріятель? Когда я вамъ объявлю объ немъ, то вы не захотите вѣрить словамъ моимъ, и ваша недовѣрчивость, которую долго раздѣлялъ я, будетъ для васъ новымъ правдою на славу.

«Неаполитанцы торжественно обѣщали намъ свой союзъ. Положась на ихъ обѣщанія, они были приняты, какъ братья въ нашемъ Королевствѣ; мы съ ними раздѣлили наши и посолбили.

«Они вошли братьями, а были нашими непріятелями; они вошли братьями, однакоже противъ насъ готовили свое оружіе.

«Въ Неаполитанскихъ войскахъ много Французовъ. Они скоро покинутъ знамена, которыя считали вѣрными ихъ Государю и отечеству.

«Солдаты! вотъ мой девизъ, честь и вѣрность; пускай этотъ девизъ будетъ и вашимъ: съ нимъ и съ помощію Божіею, мы восторжествуемъ еще надъ всеми нашими непріятелями . . .

Часть IX.

35

Надежды Евгенія въ отношеніи къ миру не должны были исполниться; къ тому же прокламація его сдѣлалась не нужною во второмъ отношеніи, потому что Французы, находившіеся въ службѣ у Мюрата, не ожидали ея что-бы покинуть этого Государя, который началъ пріобрѣтеніемъ выгодъ, которыхъ у него оспорить нельзя было. Войска его почти немедленно завладѣли Ливорною и Анконскою крѣпостью, и Французы были принуждены очистить Тоскану.

Г Л А В А XXIII.

Императорская корона и желѣзный вѣнецъ.—Гигантскіе планы Наполеона къ оборонѣ.—Пагубное вліяніе измѣны Мюрата.—Воспоминаніе о Сень-Жакъ-д'Акръ и сравненіе.—Г. Коленкура задерживаютъ на аванпостахъ.—Проническія уступки.—Предположенный конгрессъ.—Худое положеніе дѣлъ.—Советы, данныя Бонапарте сблизиться съ Якобинцами.—Дворянство и чернь.—Прогулки верхомъ въ предместьяхъ.—Мое невольное присутствіе на двухъ совѣщаніяхъ.—Забавныя требованія Якобинцевъ.—Выкапываютъ революціонныя мерзости.—Отвращеніе, внушенное Наполеону.—Принятіе народнаго средства.—Вооруженіе Парижской національной гвардіи.—Производство меня въ Канишанъ.—Прощанье Императора съ національною гвардіею.—Речь и глубокое душевное движеніе.—Я въ первый разъ вижу сына Бонапарте.—Дѣйствіе на меня этого свиданія.—Прощанье, и воспоминаніе о вступленіи во владѣніе Тюльери.

Потолковавъ о происходившемъ въ Италіи, я обращаюсь къ дѣламъ Франціи, въ концѣ 1815 года, и не для того, чтобы видѣть въ нихъ менѣе печальное для фортуны Наполеона зрѣ-

лице, чѣмъ то, которое было за Альпами; потому что Императорская корона скоро у него вырвется, почти въ одно время съ желѣзнымъ вѣщомъ; и сколько скорбей будутъ волновать его геній, сколько горестей будутъ раздирать великую душу этой новой жертвы честолюбія! Мюрать ему измѣнилъ! . . . Для Наполеона это было такое дѣло, котораго онъ не могъ постигнуть, и которое разстроивало мечтательность одного изъ гигантскихъ плановъ, которъ е представляли ему какъ призракъ покровитель. Мюрать и Евгенийъ, по его мыслямъ, съ ихъ союзными арміями, зашли бы въ тылъ союзныхъ армій, а между тѣмъ онъ самъ, сдѣлавшись по прежнему Бонапарте, какъ въ Италіанскихъ походахъ, оспоривалъ бы Французскую землю у чужеземныхъ солдатъ, и умножалъ препятствія на пути ихъ; Неаполитанскій Король и Италіанскій Вице-Король двинулись бы къ Вьнѣ и заставили бы тренетать Австрію въ нѣдрахъ ея столицы, прежде чѣмъ миліонъ союзниковъ, подвигавшійся мѣрными шагами къ Парижу, увидилъ бы своимъ присутствіемъ столицу Франціи. Когда я узналъ объ этомъ обширномъ замыслѣ Императора, объ этой мысли, которая была только минутною мечтою, то замѣтилъ этотъ орлиный взглядъ, эту необходимость въ великихъ средствахъ при великихъ бѣдствіяхъ, точно такъ какъ видѣлъ Бо-

напарте подь стѣнами Сень-Жанъ-д'Акра, какъ онъ утѣшался въ побѣдоносномъ сопротивленіи жестокаго Джебзара, а тутъ готовился раздавить Австрію въ замыслѣ Европейской стратегіи. Ни тотъ ни другой изъ этихъ замысловъ, не должны были исполниться; но въ обоихъ видѣнъ отпечатокъ высшаго генія, который изнемогаетъ только отъ безсилія средствъ къ выполненію. Наполеонъ сохранилъ въ Парижскомъ походѣ, или лучше сказать, возвратилъ всю дѣятельность этого нетерпѣливаго ума, который поглащала время и былъ повсюду во время его побѣдъ въ Италіи; но надежды на успѣхъ были неодинаковы, средства истощились; самая побѣда, будучи дорогою пріобрѣтена, дѣлалась для него пагубною, и во Франціи новыя надежды заступали мѣсто надеждъ обманутыхъ, которыя сопровождали его достиженіе Консульской власти. Тутъ онъ долженъ былъ постигнуть все, что было добраго въ совѣтѣ Іозефины: «Бонапарте, прошу тебя, не дѣлайся Королемъ.»

Наполеонъ былъ еще Императоромъ; но онъ, который предшесывалъ всей Европѣ мирные договоры столь же бѣдственныя, какъ и предшествовавшіе имъ войны, не могъ получить перемірія, и Коленкуръ, вздвигній для переговоровъ, не имѣя возможности быть принятымъ въ лагерь союзниковъ, провелъ безъ пользы

двадцать дней въ Люневиль, не получивъ дозволенія проѣхать чрезъ аванпосты непріятельской арміи. Какимъ свѣтомъ долженствовалъ озарить этотъ отказъ умъ Наполеона. Какъ тогда не видѣть ясно чувствованій союзниковъ! Напрасно Коленкуръ упрашиваетъ, умоляетъ Наполеона пожертвовать частию этой славы, пріобрѣтенной въ столькихъ сраженіяхъ и которой ничто изгладить не можетъ въ исторіи, или хотя совлечь ее съ себя на время; напрасно этотъ Министръ проситъ у него, какъ бы въ займы, частицу сей славы, чтобы имѣть возможность наполнить ею пропастъ открытую предъ судьбою Франціи. Нѣтъ, доведенный до крайности, мучимый, Наполеонъ сказалъ своему Министру съ этимъ высокимъ презрѣніемъ, этою свирѣпою ироніею, которую часто принимали за выраженіе петины: «Я подпишу все, что вы хотите. Чтобы получить миръ, я не «потребую никакихъ условій. Я не предпишу «собственнаго моего уничиженія» Такая фигура уступленія была положительнымъ запрещеніемъ что нибудь подписывать, что нибудь уступать.

Въ первые пятнадцать дней Генваря 1814, треть Франціи была уже заята непріятельскими войсками, и начали помышлять о составленіи новаго конгресса, собраніе котораго назначалось въ Шатильонъ на Сена. Я буду говорить объ этомъ конгрессѣ въ послѣдствіи, а те-

перь займусь послѣдними минутами Наполеонова пребыванія въ Парижѣ, предъ отравленіемъ его въ этотъ отважный Французскій походъ, въ продолженіи котораго онъ явилъ еще болѣе военныхъ дарованій, чѣмъ испыталъ уроновъ, которые часто вознаграждалъ удачною смѣлостью своихъ обширныхъ соображеній.

Въ началѣ 1814 года Наполеоновы дѣла съ каждымъ днемъ становились все хуже и хуже. Стѣпенному союзникамъ, ему предложили поискать внутри Имперіи чрезвычайныхъ средствъ; напомнили ему тѣ четырнадцать армій, которыя точно какъ волшебствомъ появились изъ земли Французской, на его защиту въ началѣ революціи, наконецъ совѣтовали ему броситься въ объятія партій, способной возмущать толпы, сблизиться съ Якобинцами. Какое испытаніе для него, когда онъ столь часто изъявлялъ справедливое къ нимъ отвращеніе! Однакожь онъ на минуту было имѣлъ въ мысли послѣдовать этому совѣту: онъ прогуливался верхомъ въ предмѣстіяхъ Св. Антонія и Сепъ-Марсельскомъ; ласкалъ чернь; отвѣчалъ благосклонно на ея восклицанія, и думалъ, что видитъ въ изъявляемомъ ему расположеніи возможность извлечь изъ него пользу. Когда онъ возвратился во дворецъ, то нѣсколько благоразумныхъ особъ рѣшились дѣлать ему представленія и совѣтовать прибѣгнуть лучше къ выс-

нему сословію, къ дворянству и къ избранному обществу. Замѣтивъ, что многіе осуждали такую забавную любовь къ народу, онъ сказалъ: *Господа, говорите что хотите, но въ теперешнелъ мысли положеніи, дворянство для меня въ черни предметій, а чернь въ дворянствѣ, которое я создалъ.* Безъ сомнѣнія, это было прекрасное средство, чтобы правиться всѣмъ, потому что, по словамъ Наполеона, всѣ были чернью.

Въ это время Якобинцы были расположены служить ему и уногребить всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы спасти его. Но требовали, чтобы онъ далъ имъ волю. Хотѣли имѣть власть возбудить со всею свободою и незатрудняясь всѣ революціонныя страсти. Книгопечатаніе, страдавшее подъ игомъ самой неспосной и ненавистной цензуры, долженствовало также быть имъ совершенно предоставлено. Надобно было позволить пѣть на улицахъ и въ представленіяхъ ихъ любимыя пѣсни, какъ то: *Allons, enfans de la patrie, Ça ira, Veillons au salut de l'empire.* Последняя пѣсня, признаюсь, была сообразна съ обстоятельствами, по первому стиху; но за нимъ слѣдовалъ другой: *Veillons au maintien de nos droits,* и эти слова уничтожали все достоинство перваго стиха. Но мы съовѣстно шутить надъ этими забавными претензіями якобинства, которыя впрочемъ

сдѣланы нешуточными. Императору сдѣланы другія предложенія, не менѣе безумныя и столь же безуспѣшныя. То что я говорю здѣсь, мнѣ не рассказывали другіе; я присутствовалъ, правда случайно, на двухъ совѣщаніяхъ, гдѣ предлагали проекты, отзывавшіеся клубнымъ запахомъ, проекты, похожіе на бредъ; при мнѣ ихъ поддерживали тѣмъ съ большою увѣренностью, что не сомнѣвались въ успѣхѣхъ. Я не могу объяснить, съ какимъ огорченіемъ могу сказать, съ какимъ презрѣніемъ къ объяснявшимъ подобныя мысли, я глядѣлъ на людей, пріучившихся къ самой низкой спсходительности, старающихся найти въ революціонныхъ сатурналіяхъ, извлекшихъ ихъ изъ грязи, средства къ сохраненію блестящихъ украшеній, которыми ихъ надѣлила Имперія. Конечно, я приверженецъ свободы книгопечатанія; но я не хотѣлъ бы, чтобы принялись рыться въ могилѣ революціи, и вырывать мерзости, которымъ бы надлежало оставаться тамъ на вѣки погребенными. Что хотѣли заставить Наполеона сдѣлать? лицемѣрный поступокъ, потому что этимъ злобѣщимъ совѣтникамъ не безъизвѣстны были ни его ненависть къ свободѣ книгопечатанія, ни его презрѣніе народной власти.

Хотя я не видѣлся съ Наполеономъ съ самого моего отъѣзда въ Гамбургъ, но я зналъ довольно упрство его мыслей о Якобинцахъ,

и потому не могъ оставаться въ покоѣ на этотъ счетъ и не сомнѣваться, чтобы ихъ взыскательныя ласкательства не замѣдлили ему опротивѣть. Я не ошибся. Цѣна, какую требовали за предлагаемыя ему услуги, наконецъ его утомила, и онъ сказалъ: «Это слишкомъ; я «могу найти спасеніе въ сраженіяхъ, а не найду «его у неистовыхъ безумцевъ!» Къ этому онъ очень справедливо прибавлялъ, когда говорилъ о столь не совмѣстномъ союзѣ: «Не можетъ «существовать соотношеній между демагогическими правилами 93-го и монархіею; между клубами неистовыхъ и правильнымъ Министерствомъ; между комитетомъ общественной безопасности и Императоромъ; между революціонными судилищами и владычествомъ законовъ. Если «я паду, то по крайній мѣрѣ ни какъ не оставлю «Франціи революціи, отъ которой я ее избавилъ.»

Объясняясь такимъ образомъ, Наполеонъ говорилъ какъ нельзя умнѣе, а чтобы отклонить угрожающую ему опасность, онъ прибѣгнулъ къ истинно самому народному и самому благородному средству. Онъ предписалъ собрать народную Парижскую гвардію. Начальство надъ этою гвардіею поручено было Маршалу Монсею, человѣку во всѣхъ отношеніяхъ почтенному; который съ честью служилъ подъ Французскими знаменами, и въ преклонныхъ уже лѣтахъ, сохранилъ всю живость молодости, ко-

торую часто утрачиваютъ вмѣстѣ съ зрѣлыми лѣтами. Императоръ не могъ сдѣлать выбора лучше; но Штабъ народной гвардіи, былъ гнѣздо скрытныхъ происковъ, гдѣ, когда наступило время, занимались менѣе защитою Парижа, чѣмъ средствами, какъ бы извлечь выгоду изъ Наполеонова ниспроверженія, ни мало не показывая вида, что берутъ какое нибудь участіе въ этомъ ниспроверженіи. Какъ бы то ни было, меня сдѣлали Капитаномъ этой гвардіи, и я, вмѣстѣ съ другими Офицерами, былъ призванъ въ Тюліери двадцать третьяго Генваря; въ этотъ самый день мы прощались съ Наполеономъ, который на другой день отправлялся сражаться за свое отечество.

Какой для меня день, и сколько воспоминаній долженствовали придти мнѣ въ голову. Насъ ввели въ большую залу, по которой я столько разъ проходилъ, какъ въ своемъ домѣ. Чтобы лучше видѣть эту торжественную церемонію, я взобрался со многими другими Офицерами на стоявшую у стѣны скамейку. Наполеонъ вышелъ вмѣстѣ съ Императрицею; онъ выступалъ гордо, держа за руку своего сына, которому тогда еще не было трехъ лѣтъ. Давно уже я не видалъ близко того, съ кѣмъ жилъ столько лѣтъ въ тѣсной связи. Я нашель, что онъ очень потолстѣлъ; а на блѣдномъ лицѣ его замѣтилъ признаки печали и огорченія.

Обыкновенныя движенія мускуловъ его шен были несравненно сильнѣе и чаще, чѣмъ когда либо, по замѣчанію моему, то было. Итъ, я не могу выразить, что происходило со мною во время этой церемоніи, когда я увидѣлъ друга моего дѣтства, сдѣлавшагося обладателемъ Европы и близкаго къ паденію предъ усиліями его непріятелей. Эта церемонія имѣла что-то важное, торжественное, и вмѣстѣ съ тѣмъ унылое. Рѣдко я замѣчалъ въ столь многочисленномъ собраніи, такое глубокое молчаніе. Въ немъ царствовало, не знаю какое-то безпокойство, какая-то потребность услышать Наполеоновъ голосъ. Его слышали; Наполеонъ громкимъ и звучнымъ голосомъ, точно такъ, какъ онъ говорилъ бывало солдатамъ своимъ въ Италіи или въ Египтѣ, только безъ выраженія той довѣренности, какая тогда блистала на лицѣ его, сказала намъ:

«Господа Офицеры народной гвардіи, мнѣ пріятно видѣть васъ собравшихся вокругъ меня: я уѣзжаю сего дня ночью, чтобы командовать арміею: Покидая столицу, я съ довѣренностью оставляю мою жену и сына, въ которыхъ вижу столько надеждъ. Я обязанъ былъ этимъ знакомъ довѣренности, такимъ же знакамъ, которые вы мнѣ не преставали оказывать въ первыя эпохи моей жизни. Я уѣду, не имѣя на душѣ никакого безпокойства, когда

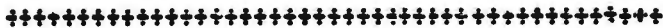
«они останутся подъ вашею вѣрною охраною; «я оставляю вамъ то, что для меня всего на «свѣтъ дороже послѣ Франціи, и поручаю это «вамъ.

«Можетъ случится, что по предполагаемымъ «мною движеніямъ, непріатели выищутъ время, «чтобы приблизиться къ стѣнамъ вашимъ. Если «это будетъ, то помните что это можетъ продлить- «ся нѣсколько дней, и что я скоро подошью къ «вамъ на помощь. Я прошу васъ быть согласны- «ми между собою и противустоять всеѣмъ внуше- «ніямъ, которыя бы могли клониться къ ваше- «му раздѣленію. Не унеустать стараться поколе- «бать вѣрность вашу къ вашему долгу; но я «надѣюсь, что вы отвергнете все эти вѣролом- «ныя подстреканія.

Я слушалъ слова Бонапарте съ величай- шимъ вниманіемъ, и хотя онъ ихъ произносилъ съ силою, но ему трудно было, когда онъ хотѣлъ показать душевное движеніе. Но это душевное движеніе, истинно или притворно оно было, раздѣляла большая часть присут- ствовавшихъ, и признаюсь, что касается до меня, то я былъ очень растроганъ, когда онъ въ особенности сказалъ: *«Я оставляю вамъ мою жену и сына.»* Въ эту минуту я смотрѣлъ на этого ребенка; участіе, которое онъ вну- шалъ мнѣ, было совсѣмъ чуждо и окружавша- го его величія, и тѣхъ несчастій, которыя угро-

жали ему уничтоженіемъ. Я видѣлъ въ этомъ ребенкѣ, котораго личико было очень привлекательно, не Римскаго Короля, а сына стариннаго пріятеля. Во весь день я не могъ избавиться отъ какой-то тоски, и удалить отъ себя мысли, внушаемыя утренними впечатлѣніями, когда я сравнивалъ это зрѣлище прощанія съ нашимъ вступленіемъ во владѣніе Тюльери. Сколько вѣковъ въ теченіи отдѣляющихъ ихъ четырнатцати лѣтъ.

Г Л А В А XXIV.

Странное сближеніе чисель.—Смерть Лудовика XVI и прощанье Бонапарте въ Тюльери.—Отъездъ Императора въ армію.—Шатильонскій конгрессъ.—Безполезное требованіе перемирія.—Какъ Бонапарте судили при его переговорахъ.—Наполеонъ собственная жертва своя.—Воспоминанія дѣтства и непременность характера Бонапарте.—Наполеонова фортуна имѣетъ связь съ его славою.—Замѣчательныя слова Императора Коленкуру.—Открытіе конгресса.—Новыя условія и увертки.—Произнесенное союзниками слово старой Монархіи.—Г. Коленкура несправедливо обвиняютъ въ томъ, что онъ препятствовалъ миру.—Тайныя подробности о засѣданіяхъ конгресса.—Невозможность понимать другъ друга.—Побѣжденные договариваются какъ побѣдители.—Предписанія явныя и предписанія тайныя.—Конституціонныя провинціи.—Обманчивыя предложенія, и очевидное желаніе повѣсти дѣло въ оттяжку.—Изуствныя общанія.—Подробности о ходѣ переговоровъ.—Прозектъ и отмена.—Изумленіе союзниковъ отъ требованій Императора.—Точная воля упрочить миръ Европы.—Предложенія Наполеона, принятыя съ насмѣшкою.—Разговоръ мой съ Талейрамомъ по предмету Коленкурова письма.—Мнѣніе мое сочтено за управство.—Мои предвѣщанія вскорости сбываются.—Распусценіе конгресса.—Наполеонъ, одна причина своего паденія и безсмертіе его славы.

Для людей любящихъ заниматься сближеніемъ чисель, было очень замѣчательно, что

Наполеонъ наследникъ Лудовика XVI, сдѣлавшійся его племянникомъ, женился на племянницѣ Маріи Антоанетты, прощався съ Парижскою народною гвардіею именно въ то самое достопамятное число, двадцать перваго Генваря, спустя двадцать одинъ годъ, промежутокъ времени, въ который видѣли столько ужасовъ, стыда, надеждъ, славы и неудачъ. На другой день нашего пріема онъ уѣхалъ, чтобы принять начальство надъ арміею; но дорога ему была не длинна до главной квартиры, не такъ какъ прежде бывало. Восточная Франція была завята пятьюстами тысячами войска, а у Наполеона противъ нихъ по самой большей мѣрѣ было только сто тысячъ человекъ; но все его геній, не только не покидалъ его, а еще, казалось, помолодѣлъ въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

Однакоже въ Шатильонѣ на Сенѣ открыли конгрессъ, состоявшій изъ Герцога Виченскаго со стороны Франціи; лорды Абердеевъ, Каткартъ и Стюартъ отъ Англіи; Графъ Разумовскій отъ Россіи; Графъ Стадіонъ отъ Австріи; и Графъ Гумбольдець отъ Пруссіи.

Такъ какъ меня въ точности извѣщали обо всемъ, что происходило на конгрессѣ, то полагаю, что эта часть моихъ Записокъ въ особенности будетъ достойна любопытства для людей желающихъ знать истину о перегово-

рахъ этой эпохи, и я посвящу эту славу на изложеніе краткой исторіи того времени, основанную на тогдашнихъ монхъ Запискахъ, монхъ воспоминаніяхъ и на подлинныхъ документахъ; тутъ окажется эта великая истина, которую я неоднократно повторялъ, что Наполеонъ никогда не хотѣлъ мира.

Согласно съ приказаніями Императора, при самомъ открытіи конгресса Герцогъ Виченскій потребовалъ перемирія, какъ то всегда почти дѣлается, когда хотятъ вести переговоры о мирѣ. Наполеонъ только и хотѣлъ перемирія: по высокой своей прозорливости онъ заключалъ дурно о первыхъ слѣдствіяхъ внезапной войны, и потому явное его желаніе было, чтобы переговоры, которые начать надлежало не имѣли на себя вліянія со стороны уснѣха военныхъ дѣйствій. Когда онъ бывалъ побѣдителемъ, то всякой зналъ, хотѣлъ ли онъ когда давать отсрочку своимъ непріятелямъ; будучи побѣжденъ числомъ онъ требовалъ этой отсрочки; но уже черезъ чуръ было поздно, чтобы союзники согласились на перемиріе, о которомъ уже давно они не хотѣли и слышать. Руководимые опытомъ минувшаго, они рѣшились продолжать военные дѣйствія и во время переговоровъ, которымъ надлежало начаться въ Шатильонѣ. Пятнадцатилѣтній опытъ предупредилъ ихъ, что съ Наполеономъ нельзя смѣ-

ивать наружнаго вида съ настоящими его на-
мѣреніями. Въ отвѣтъ на такое требованіе пе-
ремирія, они съ своей стороны потребовали,
чтобы тотчасъ же подписали предложенія о
миръ; но это были уже не Франкфуртскія пред-
ложенія. Союзники поставили за основаніе гра-
ницы прежней монархіи: они почитали себя
въ правѣ такъ поступать по своимъ уснѣхамъ и
положенію; и каждый бы такъ сдѣлалъ.

Чтобы судить, какъ должно, о Наполеонѣ во
всѣхъ его переговорахъ относительно мира,
происходившихъ во время Шатильонскихъ со-
вѣщаній, надобно прежде всего вспомнить ор-
ганизацию, полученную имъ отъ природы, и
оцѣнить идеи, развитыя въ немъ этою органи-
заціею съ юныхъ его лѣтъ. Дѣйствительно, что
видимъ мы въ послѣднихъ переговорахъ унич-
тожающагося его царствованія? Если размот-
римъ ихъ со вниманіемъ и безпристрастіемъ,
которыхъ, можетъ быть, я имѣю право требо-
вать, то убѣдимся, что причины его паденія
проистекають отъ его характера. Я не удалось
отъ истины, служившей мнѣ постояннымъ ру-
ководителемъ, но не могу поставить себя на
ряду съ тѣми недостойными ласкателями, ко-
торые обвиняли приближенныхъ его въ томъ,
что они всегда отклоняли его отъ мира. Безъ
сомнѣнія, какъ я уже замѣтилъ, при благопрі-
ятнѣйшихъ обстоятельствахъ, другіе люди мог-
ли бы, долженствовали бы представлять ему

о нуждахъ Франціи, когда онѣ согласовались съ его славою; но въ послѣднее время, не возможно, безъ оскорбленія истины, относить къ агентамъ Наполеона несчастныя послѣдствія его разчетовъ, его честолюбивыхъ видовъ, его не ограниченной любви къ славѣ и его глубокой проницательности. Если онѣ были жертвою этого, особенно въ настоящемъ случаѣ, то сіе можно приписывать только ему одному. Не сказалъ ли онѣ на островѣ Св. Элены, рассуждая о переговорахъ Шатильонскихъ: *«Громоподобный ударъ только могъ спасти насъ: вести, переговоры заключать перелицїе значило предаваться безразсудно непріятелю.»* Наполеонѣ весь является въ сихъ словахъ: вотъ единственный свѣтильникъ, могущій руководствовать на мрачномъ пути, коимъ я проходить намѣренъ. Не должно забывать, что, живо пораженный безсмертіемъ великихъ именъ, которыя исторія оставила удивленію нашему, и которыя передаются изъ рода въ родъ, Наполеонѣ хотѣлъ также, чтобы имя его гремѣло, въ продолженіи грядущихъ вѣковъ, даже въ самыхъ бѣдныхъ хижинахъ. Но если, при такой жаждѣ къ славѣ, а не къ *знаменитости*, онѣ возымѣлъ желаніе превзойти Александра и Цезаря, то никогда не искалъ славы Герострата, и хотя уже я сказалъ, но скажу еще, что, если онѣ совершилъ дѣянія, достойныя хвалы, то, къ несчастію, отъ того, что почиталъ ихъ суетными,

способствовавшею ему достигнуть верха того безсмертія, на который хотѣлъ онъ вознести свое имя. Жить такъ, чтобы объ немъ не говорили, казалось ему преждевременною смертію; это видно изъ написаннаго имъ къ брату его, Терониму: *Лучше хотѣлъ бы не жить, чѣмъ жить безъ славы*; а также изъ того, что писалъ онъ позже къ брату своему Лудовику: *Лучше умереть Королеми, чѣмъ жить Принцемъ*. Сколько разъ, во время самыхъ искреннихъ моихъ бесѣдъ съ Бонапарте, говаривалъ онъ мнѣ: «Кто знаетъ теперь имена всѣхъ Королей, «которые возведены были на тронъ по своему «пронесхожденію! Они жили и умерли въ без- «вѣстности. Имена ихъ съ трудомъ отыскива- «ются въ древнихъ архивахъ; какая нибудь ме- «даль, монета, найденная въ кучѣ сору, откры- «сваетъ ученымъ существованіе Государя, о ко- «торомъ они и не знали. Напротивъ того, на- «зовите Кира, Александра, Цезаря, Магомета, «Шарлемана, Генриха IV, и Лудовика XIV, «и всякой будетъ точно между знакомыми.» «Я долженъ сказать, что говоря мнѣ такимъ образомъ въ садахъ Мальмезонскихъ, Бонапарте только что повторялъ говоренное въ юноше- «скомъ его возрастѣ; потому что его характеръ, мысли, потребности его души были всегда однѣ и тѣ же. Только измѣнились предметы, къ ко- «торымъ онъ прилагалъ ихъ.

Я намѣренъ былъ сказать только одно слово о Наполеонѣ, но мнѣ пришли въ голову другія воспоминанія, а по этому я надѣюсь, что мнѣ позволено будетъ дать волю теченію моихъ мыслей, тѣмъ болѣе, что мы касаемся происшествій, близко предшествовавшихъ его паденію. Наполеонъ, съ самого дѣтства читалъ съ жадностью исторію великихъ мужей древности; при этомъ чтеніи онъ наиболѣе старался открыть то, какими средствами эти мужи сдѣлались великими. Онъ замѣчалъ, что слава военная передаетъ имя ее пріобрѣтшаго гораздо далѣе въ потомство, чѣмъ счастливые мирные труды, глубокая ученость и благородныя усилія споспѣшествовать счастью людей. Исторія насъ научаетъ, что великія военныя дарованія и побѣда даютъ часто силу, которая въ свою очередь доставляетъ средства къ насыщенію честолюбія. Наполеонъ всегда былъ увѣренъ, что эта сила была для него необходима, чтобы покорять людей своей волей и заглушать всякое разсужденіе о событіяхъ.

Онъ принялъ за непремѣнное правило никогда не подписывать невыгоднаго мира: что же долженствовало быть съ постыднымъ миромъ, который отымалъ у Франціи не только то, чѣмъ она была обязана Наполеону, но еще и то, что поручила его генію, его великимъ военнымъ дарованіямъ и его фортунамъ? Онъ

былъ внутренно убѣжденъ, и на мои глаза никогда въ разсужденіи этого не обманывался, что какъ скоро исчезнетъ обманчивый признакъ, порожденный его побѣдами, то очарованіе и энтузіазмъ, которья долженствовали произвести столько чудесъ въ народѣ храбромъ и великодушномъ, исчезнуть вмѣстѣ съ этими чудесами: «Франція, говорилъ онъ мнѣ, приняла «своего начальника изъ рукъ побѣды; если побѣда меня покинетъ, то Франція возвратится къ потомкамъ Генриха IV-го»

Наполеонъ во всеѣ эпохи своей жизни старался производить обманчивыя мысли на счетъ своего положенія, но рѣдки были такія минуты, когда онъ самъ поддавался такому обману. Его могущество, будучи лишено его основаній, долженствовало пасть—онъ это очень хорошо зналъ. Для этого великаго характера, который займетъ столько прекрасныхъ страницъ въ исторіи, вѣнецъ поблекнѣй, не могъ болѣе быть вѣнцемъ. Во время моего при немъ пребыванія, я всегда видѣлъ, что онъ скучалъ занятіями по гражданскому управленію, даже въ такое время, когда слава его была наиболѣе неопровергаема: что же надлежало быть, когда ему пришлось устремить свои мысли на уничиженіе его прекрасной Франціи, послѣдствіе гигантскихъ его предпріятій и бѣдствій, которья онъ какъ бы призывалъ къ себѣ въ Москвѣ? Не

сказалъ ли онъ однажды Г. Коленкуру, которъй убѣждалъ его согласиться на пожертвованія: «Мужество можетъ защитить корону, но «безславіе никогда.» Такимъ образомъ во всѣхъ послѣднихъ дѣйствіяхъ Наполеона на его поприщѣ, я находилъ отпечатокъ его характера, точно такъ, какъ я видѣлъ часто въ великихъ дѣлахъ Императора исполненіе мысли, родившейся въ умѣ Главнокомандующаго Италіанскою арміею.

Видѣли, въ какомъ расположеніи былъ Наполеонъ при отъѣздѣ своемъ въ армію; онъ прибылъ туда, и вскорѣ открыли Шатильонскій конгрессъ. Герцогъ Винченскій, убѣдись, что онъ не могъ болѣе надѣяться на сохраненіе естественныхъ границъ Франціи, обѣщанныхъ союзниками во Франкфуртѣ, потребовалъ новыхъ полномочій. Эти границы были безъ сомнѣнія послѣдствіемъ благоразумныхъ уступокъ, и даже послѣ Лейпцига ихъ давали; дѣло не казалось болѣе удобоисполнимымъ, а потому надлежало принять видъ готовности на другія уступки, если хотѣли быть допущенными къ вступленію въ переговоры. Открытіе конгресса послѣдовало 5 Февраля; шестаго засѣданія не было, но седьмого уполномоченные союзныхъ державъ объявили рѣшительно свои намѣренія. Они помѣстили въ протоколѣ, что въ послѣдствіе успѣховъ, благопріятствовавшихъ ихъ ору-

жію, они требуютъ, чтобы Франція вступила въ древнія свои границы, каковы онѣ были подъ правленіемъ *монархій*, до революціи; чтобы Франція отказалась отъ всякаго прямаго вліянія внѣ будущихъ ея границъ, и чтобы отреченіе отъ всѣхъ титуловъ Протекторства Италіи, Германіи и Швейцаріи, было непосредственнымъ слѣдствіемъ такого распорядженія.

Такое предложеніе, столь различествовавшее отъ предложенія, сдѣланнаго Г. Сень-Эньяну, показалось столь необычайнымъ Г. Коленкуру, что онъ принужденнымъ себя нашель требовать прекращенія засѣданія, по причинѣ парочитой важности этихъ новыхъ условій, которыя были слишкомъ несогласны съ его инструкціями, такъ что онъ никакъ не могъ отвѣчать *непосредственно*. Союзные уполномоченные, снисходя къ его желанію, отложили продолженіе засѣданія до восьми часовъ вечера.

Въ этомъ вечернемъ собраніи, Герцогъ Винченскій возобновилъ изъявленіе готовности сдѣлать для заключенія мира величайшія пожертвованія, какъ ни было далеко объявленное союзниками по утру требованіе отъ основаній, предложенныхъ въ Франкфуртѣ, основаній, въ которыхъ дѣло шло о *естественныхъ границахъ* Франціи. Г. Коленкуръ присовокупилъ, что такъ какъ *перечень* пожертвованій довольно необходимо зависитъ отъ перечня вознагра-

ражений, то онъ не можетъ ни на что рѣшиться, не имѣя полныхъ свѣдѣній обо всѣхъ уступкахъ или вознагражденіяхъ. Онъ желалъ имѣть проектъ, въ которомъ бы изложены были въ точности виды союзниковъ, и требовалъ, чтобы ихъ уполномоченные объявились положительно относительно числа и рода пожертвованій, которыя будутъ требуемы, также о вознагражденіяхъ. Должно признаться, что Герцогъ Виченскій вполне выполнялъ тайныя виды Императора, проволочивая дѣломъ, и выигрывая время хитрыми увертками, потому что все, чего онъ требовалъ, уже было выполнено (*).

(*) Я слышалъ, какъ въ то время обвиняли Г. Коленкура въ томъ, что онъ не хотѣлъ мира. Некоторые писатели въ послѣдствіи были того же мнѣнія и писали о томъ; обвиняли Герцога Виченскаго въ томъ, что онъ дѣлалъ ничего незначащія представленія о положеніи, въ какое ходъ дѣлъ его ставилъ; что онъ показалъ искусство при требованіи ограниченій и недостатокъ ловкости въ уменьшеніи требованій Наполеона, требованій которыя союзники считали слишкомъ преувеличенными и о которыхъ Г. Коленкуръ зналъ, что они про нихъ не захотятъ и слушать. Братъ и завистникъ Г. Коленкура, всѣ тѣ, которые не хотѣли ни находить, ни предоставить Наполеону ни одной ошибки, поирекаютъ Министра въ томъ, что онъ наполнялъ свои депеши неопредѣленными объясненіями о мирѣ, войнѣ и проч.

Кого можно заставить вѣрить, что Г. Коленкуръ, столь хорошей Французъ, съ такимъ благороднымъ характеромъ, столь преданный Наполеону, отступилъ отъ инструкцій секретныхъ и официальныхъ Наполеона? Онъ его слишкомъ хорошо зналъ, чтобы нарушить его положительныя при-

На другой день послѣ этого засѣданія, нѣкоторые успѣхи, пріобрѣтенные союзниками и взятіе ими Шалона на Марнѣ и Троа, заставили Наполеона рѣшиться приказать Коленкуру объявить, что *если немедленно соглашено бу-*

казанія, особливо въ дѣлѣ столь великой важности: тутъ онъ подвергался слишкомъ большой ответственности.

Кто можетъ подумать, чтобы онъ отказался подписать окончательныя предложенія, которыя, какъ слишкомъ легкомысленно утверждаютъ, приличествовали Императору, если бы не имѣлъ противнаго тому приказанія? Намъ реніе пятнадцатаго Марта, о которомъ увидать ниже, объяснить все.

Какъ поступалъ онъ во время своихъ переговорахъ? Онъ говорилъ союзникамъ: Вотъ на что согласенъ Императоръ.— Подпишите, мы также согласны.— Не могу, я долженъ прежде объ этомъ доложить; такъ мнѣ приказано. Эти немогиа слова объясняютъ и оправдываютъ все его поведеніе. Если Коленкуръ не подписывалъ мира, то онъ не могъ этого сдѣлать: Наполеонъ не хотѣлъ этого. Ходъ переговоровъ служить несомнѣемымъ тому доказательствомъ. Коленкуръ говорилъ въ письмахъ своихъ въ Парижъ, которыя я имѣлъ случай читать, что онъ не зналъ что дѣлать и что онъ находился въ безиреставномъ недоумѣніи отъ ограниченій и перемѣнъ, которыя всегда слѣдовали за Императорскими инструкціями, и которыя были болѣе или менѣе темны, болѣе или менѣе положительны; что если бы онъ принималъ на себя подписывать не доложась, даже согласно съ ограничивающей инструкціею, то для Наполеона могли бы произойти благопріятныя слѣдствія, послѣ которыхъ на него посыпались бы сильныя упреки. Ихъ бы возбуждали даже тѣ, кто чтобы правиться и льстить, позабыли то плачевное положеніе, въ какомъ находилась Франція. Все это должно вносило Коленкуру большую робость, которую ни какъ не должно считать за неискство и почти за измѣну.

детъ о перемиріи, то онъ готовъ согласиться на то, чтобы Франція вступила съ древнія свои границы. Это перемиріе нужно было Наполеону какъ нельзя больше. Выигрывалось время; на Востокъ и на Сѣверъ могли произойти возстанія, а съ полудня Франціи могло подоспѣть подкрѣпленіе. Можно было бы усилить вызвать войска изъ Испаніи и изъ Германскихъ крѣпостей. Могли представиться удачныя обороты и можно было употребить интриги.

Но союзники не хотѣли и слышать о перемиріи. Они это положительно объявили. Ихъ требованія усиливались по мѣрѣ ихъ успѣховъ. Они знали, что Наполеонъ проволочитъ переговоры какъ можно долѣе. Но они надѣялись, что когда военныя дѣйствія продолжаться будутъ съ гораздо превосходными съ ихъ стороны силами, и они достигнутъ Париза прежде его рѣшенія, то отвергнуть тогда все его предложенія. Они не могли вѣрить этому согласію на древнія границы со стороны человека, который до того безпрестанно отвергалъ всякія о томъ предложенія, какъ позоръ, и который такъ часто повторялъ: *Или почетный миръ, или война!*

9 Февраля Французскій Полномочный Министръ представилъ конгрессу такое неожиданное требованіе. Какъ только оно было прочте-

но, Россійскій Министръ Г. Разумовскій, увѣренный, что Англія будетъ согласна, потому что она достигала своей цѣли (*) потребовалъ именемъ Императора Александра, чтобы переговоры были остановлены; отвергли увертку Наполеона въ требованіи перемирія, и были правы. Безъ всякаго сомнѣнія это была собственная его мысль—ссылаюсь на самого Императора. Онъ написалъ 8 Маія Г. Коленкуру письмо, въ которомъ объяснилъ свое намѣреніе. Онъ сообщалъ въ этомъ письмѣ, что первое слово союзниковъ еще *неокончателное условіе*: что должно отвѣчать согласіемъ на Франкфуртскія предложенія, для перемирія, но что этотъ отвѣтъ все таки не будетъ *окончательнымъ условіемъ*. Онъ присовокуплялъ, что сдѣлалъ бы еще и другія уступки. Если союзники этимъ удовольствуются, говорилъ онъ, «то можно кончить; въ противномъ же случаѣ, «надобно оспоривать.» Въ этомъ же письмѣ находятся замѣчательныя слова, которыя разомъ объясняютъ мысль Императора. «Слѣдуйте *въ тогности* наставленію до тѣхъ поръ, пока то признаете за нужное, а когда вамъ удастся «получить положительно *окончательное условіе*, «то представте правительству, для полученія «рѣшительныхъ предписаній.» Не ясно ли это?

(*) Этой державѣ достаточно было, чтобы Анверсъ былъ оставленъ и Бельгія очищена.

Въ засѣданіи 10 Марта, Герцогъ Виенскій сообщилъ конгресу открытыя предписанія Наполеона, въ которыхъ онъ уполномочивалъ своего Министра приступить къ разсмотрѣнію требованій союзниковъ, требованій, относительно которыхъ Франціею сдѣлано уже соглашеніе, и отъ которыхъ теперь союзники отступали, неизвѣстно, по какимъ причинамъ. Но дѣлая такое сообщеніе уполномоченнымъ союзныхъ Державъ, Г. Коленкуръ ни подъ какимъ видомъ не показавъ имъ особенныхъ и секретныхъ инструкцій, которыя онъ получилъ въ то же время; сверхъ сего эта предварительная уступка, дѣлаемая Г. Коленкуромъ по повелѣніямъ Императора, имѣла непремѣннымъ условіемъ немедленное перемиріе. Можно было бы сказать, что Бонапарте въ эту минуту принялъ политику неприпомню какого театральнаго героя, который сказалъ своему посланнику: *Настаивайте, требуйте всего, для того, чтобы не получить ничего.* Наполеоновъ посланникъ въ самомъ дѣлѣ ничего не получилъ; союзники отказали, потому что перемиріе замѣдило бы ихъ побѣдоноснымъ движеніемъ; но они соглашались подписать окончательный миръ, чего въ особенности не хотѣлъ Императоръ.

Въ очень длинной нотѣ, помѣщенной въ протоколъ, Коленкуръ повторялъ всѣ общія

мѣста относительно равновѣсія Европы, о трехъ раздѣленіяхъ Польши, о низшей степенн, до какой доведена будетъ Франція, въ сравненіи съ Россією и Австрією, если она согласится на новыя основанія, то есть на древнія границы, какія были до революціи. Герцогъ Виченскій сверхъ того жаловался, что хотять безъ Франціи, устроить главную систему и равновѣсіе Европы. Но однакоже, не употреблять ли во зло Императоръ тѣ выгоды, которыя ему такъ долго доставляла его fortuna, въ трактатахъ, которыя онъ предписывалъ Европѣ?

Опираясь на эти уваженія, Полномочный Французскій Министръ по приказанію Императора объявлялъ, что такъ какъ Бельгія и лѣвый берегъ Рейна присоединены *конституціоннымъ образомъ*, что признано всѣми мирными трактатами, заключенными послѣ этого присоединенія, то онъ не можетъ ни предлагать объ уступкѣ участка земли Французской, признанной конституціонно, ни соглашаться на такую уступку.

Правда, что Наполеонъ въ Ноябрь 1813 могъ бы получить *естественныя* границы Франціи. За чѣмъ онъ тогда на это не согласился? Для чего довелъ себя до того, что пришлось спорить о границахъ монархіи? Онъ хотѣлъ имѣть болѣе чѣмъ Рейнскія границы — доказательствомъ тому письмо его отъ 8 Марта. Но могъ

ли онъ обманывать себя относительно различія положенія своего въ Франкфуртъ Ноября 1815 и въ Шатильонъ въ Мартъ 1814; и не смотря на нѣкоторые успѣхи въ его удивительной кампаніи, могъ ли онъ быть ослѣпленъ на счетъ своего будущаго! Могъ ли онъ не знать, что упорство его дѣлать напрасную проволочку, побудить союзныхъ монарховъ подписать въ Шомонъ 1 Марта трактатъ, по которому Россія, Австрія, Пруссія и Англія обязывались продолжать непрерывно войну, до тѣхъ поръ, пока Франція не вступитъ въ прежнія границы монархіи. Увы, мы и того не получили.

Наполеонъ наконецъ, принявъ наружную рѣшимость сдѣлать пожертвованія, потребовалъ, чтобы объ нихъ объявлено было вообще въ проектѣ союзниковъ; но не смотря на его согласіе на то, чтобы въ этомъ проектѣ не были болѣе приняты за основанія Франкфуртскія предложенія, онъ не хотѣлъ однакоже, чтобы этотъ проектъ считался окончательнымъ условіемъ. Если бы союзники согласились дать такой проектъ, то Колленкуръ долженъ былъ предложить *контръ-проектъ*, который былъ бы возобновленіемъ Франкфуртскихъ предложеній (*), но при всемъ томъ этотъ контръ-проектъ не долженствовалъ считаться оконча-

(*) Видно, что Наполеонъ принялъ видъ будто бы отказывается отъ этихъ условій.

тельнымъ условіемъ со стороны Наполеона.

Невозможно было дѣлать предложеній болѣе обманчивыхъ, продолжать переговоры съ болѣе хитростью, и лучше доказать союзникамъ волю не заключать мира на условіяхъ, которыя долженствовали казаться постыдными тому, кто недавно еще былъ властелиномъ Европы.

Герцогъ Виченскій предложилъ конгрессу Наполеоновы предложенія. Союзники отвѣчали въ то же засѣданіе, что эти предложенія ничего не значать и не содержать никакого яснаго и понятнаго изложенія о проэктѣ, представленномъ ими 17 Февраля; что они требовали 28 числа того же мѣсяца рѣшительнаго отвѣта черезъ десять дней, на каковой срокъ согласился Г. Коленкуръ, и потому должны прекратить засѣданіе. Тутъ Коленкуръ, чтобы не прерывать переговоровъ объявилъ *словесно*.

1) «Что Наполеонъ готовъ отказаться отъ всякаго притязанія или конституціоннаго вліянія, подъ какимъ бы то ни было видомъ, на всѣ земли внѣ *границъ* Франціи.

2) Признать независимость Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Германіи и Голландіи; что въ отношеніи къ Англіи Франція сдѣлаетъ уступки, которыя признаны будутъ за нужное, при надлежащемъ вознагражденіи.

Послѣ такой деклараціи засѣданіе тотчасъ

прекращено и не сдѣлано никакого отвѣта. Должно замѣтить, что эта странная декларация сдѣлана на словахъ, а потому ни на что не обязывала и что наконецъ въ ней сказано о *границахъ* Франціи безъ обозначенія ихъ. По этому нельзя сомнѣваться, что Наполеонъ разумѣлъ *границы, о которыхъ соглашеность было въ Франкфуртъ*, и что онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что союзники рѣшились не соглашаться болѣе вразсужденіи этихъ границъ. Время перемѣнилось. Что значать еще въ этой деклараціи выраженія относительно къ Англіи, *при надлежащемъ вознагражденіи?* Можно ли дивиться тому, что такая неясность и неопредѣлительность не внушили никакой довѣренности уполномоченнымъ союзныхъ державъ?

Три дня спустя послѣ засѣданія десятаго Марта, они объявили, что не могутъ даже входить въ сужденіе относительно *словеснаго* протокола Французскаго Министра, а иначе только протянули бы и запутали переговоры; что эта словесная декларация не можетъ быть сочтена даже контръ-проектомъ, заключающимъ существо предложеній сдѣланныхъ союзными державами, предложеній, о которыхъ ни слова не сказано. Въ слѣдствіе сего они потребовали отъ Г. Коленкура объявить въ теченіи двадцати четырехъ часовъ, хочетъ ли онъ принять или отвергнуть проектъ трактата, предложен-

ный союзными дворами (*) или представить контръ-проектъ.

Герцогъ Виченскій, руководствуясь все своими секретными инструкціями, которыя воспрещали ему что либо окончить на предложенныхъ основаніяхъ, помѣстилъ въ протоколъ засѣданія 13 Марта двусмысленный отвѣтъ, въ которомъ онъ говорилъ, что его проектъ 10 Марта удовлетворялъ требованію союзниковъ, въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, на которыя Франція могла согласиться безъ разбирательства; что же касается до другихъ подлежащихъ измѣненіямъ, то помѣщенный въ протоколъ засѣданія 10 Марта замѣчанія на то отвѣчали; но что впрочемъ онъ готовъ былъ тотчасъ же приступить къ разбирательству ихъ.

Союзные уполномоченные отвѣчали, что въ актахъ, представленныхъ въ засѣданіи 10 Марта, ничего не сказано о тѣхъ статьяхъ, на которыя Франція могла согласиться безъ разбирательства, но о тѣхъ, о которыхъ она хотѣла войти въ сужденія и переговоры; что одна изъ этихъ бумагъ содержала только общія замѣчанія, которыя не вели ни къ чему, и ни къ какому заключенію, такъ какъ слова о раздѣлѣ польши, равновѣсіи Европы и проч. и проч. и что эта изустная нота ни сколько

(*) Условія этого трактата были границы Франціи до революціи.

лучше не объясняла, что разумѣюся подъ словомъ *границы* Франціи. Уполномоченные при-совокупили, что они получили отъ союзныхъ дворовъ положительную инструкцію, чтобы объявить (что они симъ и выполняли), что эти два акта признаны недостаточными и настоятельно требовать отъ полномочнаго Французскаго Министра другой деклараціи. Эта декларація долженствовала содержать въ себѣ или *принятіе* ихъ проекта трактата представленнаго въ собраніи 7 Февраля, или *отказъ*, или же *контръ-проектъ*.

Но Г. Коленкуръ настаивалъ, чтобы приступили къ совѣщаніямъ. Уполномоченные отвѣчали, что они не хотятъ отказываться отъ совѣщанія, потому что требовали контръ-проекта, но что не могутъ принять такого, который бы не заключалъ предложеній, могущихъ настоящимъ образомъ вести къ цели. Они потребовали отъ Французскаго уполномоченнаго опредѣлительнаго отвѣта; сей послѣдній пожелалъ, чтобы засѣданіе было отложено до восьми часовъ вечера. Эта отсрочка, послѣ совѣщанія со стороны союзныхъ уполномоченныхъ, была допущена; но притомъ объявлено, что если вечеромъ Французскій Министръ рѣшится представить согласіе на трактатъ 7 Февраля, или отказъ, или контръ-проектъ, то его приглашали согласно съ положительными настояніями дво-

ровъ, выполнить это въ двадцать четыре часа послѣ рѣшенія. Послѣ чего засѣданіе отложено до девяти часовъ вечера. По возобновеніи засѣданія Г. Коленкуръ наконецъ объявилъ, что онъ представитъ *контръ-проектъ*, что было какъ видѣли однимъ изъ требованій союзниковъ, и сдѣластъ это на другой день, 14 Марта въ девять часовъ вечера, но что все-таки онъ желалъ, чтобы отложили до утра 15 ч., если онъ 14 ч. ввечеру не успѣетъ докончить своей работы. Уполномоченные Министры союзниковъ торопились, и видя, что ничего не было готово, настаивали, чтобы засѣданіе было непременно 14 ч. ввечеру, если никакая крайняя необходимость не заставитъ отложить его до утра 15 ч. Это было личное снисхожденіе къ Г. Коленкуру. Пятнадцатаго числа онъ представилъ *контръ-проектъ*, подъ заглавіемъ: Проектъ окончательнаго трактата между Франціею и союзниками. Въ этомъ непостижимомъ проектѣ, предложенномъ послѣ столькихъ отсрочекъ, Г. Коленкуръ, къ великому и справедливому удивленію союзниковъ, не измѣнилъ *ничего* въ деклараціяхъ десятаго Марта. Онъ возражалъ снова на *окончательныя условія* союзниковъ, или на то, что должно было почитать такимъ, защищая множество мелочныхъ выгодъ, которыя были совершенно ничтожны при такомъ важномъ спорѣ.

По контръ-проекту Императоръ сохранялъ Рейнъ, и отказывался отъ Голландіи, Италиі и верховной власти надъ Швейцарією, и признавалъ независимость Испаніи; но онъ упорчивалъ Италіянскую корону Принцу Евгенію Наполеону.

Принцесса Елиза сохраняла также въ полной силѣ самодержавіе и обладаніе Луккою и Піомбиною; Принцу Невшательскому оставалось его Княжество; а послѣ переходило къ его потомкамъ. Великій Герцогъ Бергскій (*) долженствовалъ также быть введенъ во владѣніе своимъ Герцогствомъ; Король Саксонскій введенъ въ полное и совершенное владѣніе своимъ великимъ Герцогствомъ. Острова Ионическіе должны принадлежать во всемъ самодержавіи Королевству Италиі. Наконецъ всѣ прочія условія были таковы же, какъ и выше объясненныя и можно было подумать что ихъ предлагаетъ побѣдитель, у котораго непріятель находится во власти, а не человекъ, удрученный несчастьемъ. Трудно было бы повѣрить такимъ неностижимымъ требованіямъ, если бы не знали Наполеонова характера. Но легко себѣ представить, что большая часть требованій, изложенныхъ въ этомъ мнимомъ проэктѣ, были приняты союзниками съ насмѣшкою. Они замѣтили, что даже не означены на письмѣ владѣнія, которыя уступить *на словахъ* дано

(*) Сынъ Людовика Бонапарте.

было полномочіе, какъ то Кэль, Майенцъ, Кассель, Брабантъ въ Голландіи и другія земли. Какому прямодушному человѣку, который ницетъ истины, не очевидно будетъ, что эти договоры были слѣдствіемъ твердо принятой рѣшимости, не соглашаться на *окончателныя условія* союзниковъ, и проволочить переговоры? Не ясно ли, что въ этомъ странномъ проектѣ, Наполеонъ намѣревается удержать Белгію и лѣвый берегъ Рейна? Безъ сомнѣнія онъ вполнѣ убѣжденъ былъ, что союзники никогда не согласятся, чтобы онъ удержалъ эти двѣ страны, которыя они могли у насъ исторгнуть. Что касается до Италіи, то все равно было, оставить ли ее ему, или признать Королемъ Принца Евгенія.

Все доказываетъ, что Французскій Полномочный Министръ оставался безъ положительныхъ инструкцій съ 5 числа Февраля, и что послѣ многихъ проволочекъ, которыя Наполеонъ безпрестанно возобновлялъ, Коленкуръ все не имѣлъ возможности отвѣчать положительно на предложенія союзниковъ. По чему? потому что Наполеонъ никогда не былъ намѣренъ заключить миръ въ Шатильонѣ на тѣхъ условіяхъ, которыя ему предписывали; я сказалъ тому причины: онъ все надѣялся, что какое нибудь счастливое событіе доставитъ ему средства къ полученію болѣе выгодныхъ условій.

Предъявля пятнадцатаго Марта странный про-

эктъ трактата, о которомъ я говорилъ, Коленкуръ требовалъ, чтобы оный былъ ратификованъ черезъ пять дней или скорѣе, если то можно было. Но чего было надѣяться отъ этого трактата? Уполномоченные не вдалися въ обманъ; они видѣли ясно, что надъ ними издѣваются, и опасаяся сдѣлаться еще жертвою хитростей и коварнаго поведенія Наполеона, приняли свои мѣры.

18 Марта, то есть три дня послѣ предъявленія этого проекта трактату, они объявили, помѣстивъ въ протоколъ засѣданія того дня, что если согласиться на требованія Наполеона, и почестъ эти предложенія достойными обсуждения, то это значило бы дать поводъ проволочкѣ въ переговорахъ, которая бы никогда не кончилась; что контръ-проектъ, предъявленный наконецъ такъ поздно и полученный съ такимъ затрудненіемъ послѣ столькихъ отлагательствъ, былъ представленъ союзнымъ дворамъ, и что отъ нихъ получено предписаніе отвѣчать, что *этотъ контръ-проектъ составленъ съ точки зрѣнія совершенно противоположной ихъ инструкціямъ и желанію упрочить Европѣ миръ.* Сверхъ того они говорили, что этотъ контръ-проектъ имѣлъ слишкомъ неопредѣлительный смыслъ и удалялся слишкомъ отъ пунктовъ принятыхъ всеми сторонами, долженствовавшихъ быть основаніемъ совѣщаній, по чему

его нельзя было слушать и минуты. Союзники не хотѣли болѣе, чтобы ихъ обманывали. Они видѣли для Европы болѣе опасности въ какомъ бы то нибыло трактатѣ съ Бонапарте, чѣмъ въ продолженіи войны въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась. Всякой миръ могъ быть только перемиріемъ, которое бы продолжалось до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не найдетъ средствъ захватить опять все завоеванныя имъ земли и возсоздать свое владычество Европѣ.

«Франція, присовокупляя союзники, по условіямъ контръ-проекта удерживала гораздо большее пространство земли, чѣмъ то согласно было съ равновѣсіемъ Европы. Наполеоновы уступки были только мнимыя. Онъ удерживалъ наступательныя позиціи и пункты атаки, посредствомъ коихъ произвелъ столько разрушеній. Чужеземные народы по прежнему будутъ составлять часть Французской націи; члены царствующаго дома будутъ на чужестранныхъ тронахъ; и по этому трактату Наполеонъ остался бы властителемъ внутреннихъ отношеній и участи державъ Европы. Только бы побѣжденные согласились на такія требованія. Чтобы предложить ихъ у Бонапарте были слишкомъ несоразмѣрныя средства, которыя онъ могъ противопоставить многочисленнымъ арміямъ, занимавшимъ Францію.»

Такъ объяснились союзники, которые не могли обманываться, при такомъ замѣдленіи, на счетъ настоящихъ намѣреній Наполеона. Что касается до меня, то я такъ былъ убѣжденъ, по объясненнымъ мною причинамъ, въ томъ, что Императоръ никогда не рѣшится подписать условія, содержащіяся въ окончательныхъ постановленіяхъ союзниковъ 15 Марта, что мнѣ помнится, я сказалъ тогда объ этомъ Г. Талейрану. Я увидѣлся съ нимъ на третій день и нашелъ его очень занятымъ полученною имъ отъ Герцога Виченскаго новостью (*). Его извѣщали о томъ, что несомнѣнно миръ скоро будетъ подписанъ; Коленкуръ получилъ предписаніе заключить его; наконецъ, сказалъ онъ, *Наполеонъ уполномочилъ его спасти столицу и уклониться отъ сраженія, въ которомъ бы подвергнулись опасности послѣднія пособія націи.* Это казалось очень положительно; но самая сія достовѣрность не заставила меня ни на минуту перемѣнить мое мнѣніе. Чтобы лучше меня убѣдить Г. Талейранъ далъ мнѣ прочитать самому Коленкурово письмо. Прочитавъ,

(*) Предъ отъѣздомъ Императора въ армію, Г. Талейранъ, у котораго лучше бы спрашивать совѣтовъ, чѣмъ раздражать его досадами, едва не сдѣлался жертвою устрояемыхъ противъ него козней. Щекотливыя жертвы его острыхъ словъ только что ходатайствовали у Императора объ арестованіи его. Императоръ не захотѣлъ этого и Талейранъ отдѣлался только одною довольно жаркою сцѣною.

я возвратилъ его, сказавъ съ увѣренностью: «Онъ не подпишетъ.» Г. Талейранъ не могъ непочестъ такого моего постоянного мнѣнія за упрямство, потому что онъ судилъ объ Императорѣ по его положенію, а я думалъ о Бонапарте по его характеру. Я сказалъ Г. Талейрану, что можетъ быть Коленкуръ получилъ письменное предписаніе подписать, чтобы показать оное уполномоченнымъ союзникамъ, но что онъ безъ сомнѣнія получилъ приказаніе обо всемъ представлять и ожидать окончательныхъ повелѣній. Я прибавилъ, что всѣ эти наружные виды ни сколько не измѣняли моего мнѣнія; что я по прежнему полагаю прекращеніе конгресса ближе, чѣмъ то по видимому кажется; въ самомъ дѣлѣ три дни спустя союзникамъ надоѣло, и совѣщанія прекратились. Я безпрестанно говорилъ Г. Талейрану и друзьямъ моимъ, что Наполеонъ скорѣе пожертвуетъ всемъ, чѣмъ славою—и это сбылось. Онъ упалъ очень съ высока; но не согласился подписать ни какого раздробленія. Итъ сомнѣнія, что онъ не столько дорожилъ короною само по себѣ, какъ ея славою.

Въ контръ-проектъ, представленномъ пятнадцатаго Марта Французскимъ Министромъ, не только отдалялись отъ основаній мира, предложенныхъ союзниками въ началѣ Шатильонскихъ переговоровъ, но еще этотъ контръ-

проектъ былъ совершенно противенъ ихъ духу и не соответствовалъ ни одному изъ условій, слишкомъ снисходительно предложенныхъ для продолженія переговоровъ. Союзные дворы не могли видѣть въ томъ порядкѣ дѣлъ, которому слѣдовало Французское Правительство, ничего кромѣ желанія проволочить переговоры столь же бесполезныя, какъ и способныя послужить имъ во вредъ. Безполезныя потому что предложенія Франціи были противны тѣмъ условіямъ, которыя державы считали необходимыми; способныя послужить имъ во вредъ потому, что безплодное продолженіе переговоровъ могло только ввести въ погрѣшность народы Европы, порождая въ нихъ напрасно надежду на миръ, который сдѣлался ихъ первою необходимостью.

Уполномоченные союзныхъ державъ, убѣжденные въ томъ, что эти безирестанно вновь возникающія затрудненія, и эти повторяемыя требованія, имѣли въ предметъ только то чтобы выиграть время, и вмѣстѣ съ тѣмъ пораженные, видя, что отвергали въ отношеніи къ рѣшительному миру то, на что соглашались при простомъ перемиріи, объявили, что оставаясь вѣрными своимъ правиламъ и согласно съ ихъ прежними непремѣнными деклараціями, союзныя Державы считаютъ переговоры начатыя въ Шатильонѣ, окончанными *Французскимъ Правительствомъ*. Союзныя Державы при-

совокупляли чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ, что онѣ прежде не положить оружія, пока ихъ правила не будутъ признаны и приняты Французскимъ Правительствомъ. Это прекращеніе собраній послѣдовало 19 Марта, шесть дней спустя послѣ предложенія окончательныхъ условій союзниковъ, условій для подписанія, которыхъ сначала назначенъ былъ только срокъ въ двадцать четыре часа. Послѣдствія этихъ великихъ преній предоставлены случайностямъ войны, мало тогда благоприятнымъ человѣку, котораго гений боролся противъ вооруженной Европы. Успѣхи союзниковъ во время совѣщаній Шатильонскихъ показали имъ путь въ Парижъ, тогда какъ Наполеонъ отступалъ предъ необходимостью подписать свой стыдъ. Таковы были причины его гибели, и онъ могъ сказать: *«Все потеряно кромѣ славы.»* Слава его безсмертна.

Г Л А В А XXV.

Безполезное искусство Наполеоновых маневровъ.—Достопримечательный разговоръ.—Точное положеніе союзниковъ въ отношеніи къ дому Бурбоновъ.—Наполеонъ единственный непріятель союзниковъ.—Мои старинныя связи съ Ренье.—Преждевременная смерть.—Наполеонъ отражаетъ Прусакъ.—Русскіе въ Фонтенебло.—Бріенское сраженіе и предполагаемая мысль Наполеона.—Поездка моя въ Бріеннъ.—Тяжкія воспоминаія и смерть Графа Бріеня.—Странныя размышленія, и Бонапарте ребенокъ.—Пустыня и берега Оби.—Искушеніе Св. Антонія, стертые картины и дѣтскія забавы.—Потопувшій Бріенскій воспитанникъ, и ива.—Одна жертва вмѣсто другой.—Вліяніе мести.

Между тѣмъ какъ вышеописанное происходило въ Шатильонъ, Наполеонъ все еще питалъ себя надеждою, что его фортуна по прежнему сдѣлается ему вѣрною; замѣнялъ малое число войскъ, которое онъ могъ противопоставить непріятельскимъ громадамъ, самыми искусными маневрами, какіе только могъ выдумывать его геній. Я ненамѣренъ входить въ подробности объ этой достопамятной Шампань-

ской кампаніи. Когда я былъ вмѣстѣ съ Ренне у Савари, то прошло много времени, что мы не видались, и я очень былъ радъ встрѣчѣ съ нимъ. Мы очень хорошо съ нимъ познакомились въ Египтѣ, и съ того времени я началъ его много уважать. Увы! когда я встрѣтился съ нимъ у Герцога Ровино, то никакъ не думалъ, что вижу его въ послѣдній разъ. Скоро я съ огорченіемъ узналъ о его смерти, послѣдовавшей того же 27 Февраля, когда онъ намѣревался ѣхать къ Наполеону въ Шампанію, чтобы предложить ему въ пособіе свои дарованія, мужество и вѣрность.

Французская кампанія требовала отъ Наполеона совсѣмъ новаго для него рода дѣйствій; привыкнувъ нападать, онъ принужденъ былъ защищаться, такъ, что вмѣсто выполненія прежде составленнаго плана, подобно какъ онъ мнѣ показывалъ въ Тюльерійскомъ кабинетѣ мѣсто Маренгскаго сраженія, ему надлежало безпрестанно подчинять свои расположенія движеніямъ безчисленныхъ его непріятелей. Когда Императоръ прибылъ въ Шалонъ на Марнѣ, то Прусская армія приближалась по Лорренской дорогѣ—онъ отбросилъ ее за Сень-Дизье. Въ то же время большая Русская и Австрійская армія перешла Сену и Юнну въ Монтеро, и отдѣлила даже корпусъ впередъ, который достигъ Фонтенебло. Наполеонъ сдѣлалъ движеніе

въ право, чтобы отразить войска угрожавшія движеніемъ на Парижъ, и въ это время очень странное стеченіе обстоятельствъ сдѣлало, что Наполеонъ повстрѣчалъ эти войска, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы провели первые годы нашей жизни, столь тогда для него полныя будущности, можно сказать баснословной. Какія воспоминанія и какія мысли долженствовали волновать его душу и тѣсниться въ ней, когда онъ видѣлъ себя Императоромъ и Королемъ, предводительствующимъ армією, не давно еще столь сильною, въ замкѣ Графа Бриенна (*), которому онъ столь часто свидѣтельствовалъ свое почтеніе! Здѣсь-то онъ говорилъ мнѣ за тридцать четыре года: «Я надѣлаю твоимъ Французамъ столько зла, сколько буду въ силахъ.» Конечно съ той поры онъ перемѣнилъ такое желаніе, но можно сказать, что фортуна упорствовала въ томъ, чтобы заставитьъ великаго человѣка, противъ его воли, выполнять родившееся въ дѣтскомъ возрастѣ намѣреніе. Кто бы могъ предполагать, когда Бонапартъ изъяснялъ предо мною такой дѣтскій гнѣвъ противъ Французовъ, что онъ привлечетъ некогда своими ошибками вооруженную Европу въ недра прекрасной Франціи, на счетъ которой онъ полу-

(*) Въ Бриеннѣ было сраженіе, въ которомъ Наполеонъ съ пятнадцатою тысячами держался дванадцать часовъ противъ восьмидесяти тысячъ Русскихъ.

чиль свое воспитаніе, и даже въ мѣста, которыя были свидѣтелями его ученія и забавъ. Какъ бы то ни было, едва Наполеонъ увидѣлъ Бріеннъ, какъ побѣдитель, и былъ низвергнутъ къ своему паденію, которое дѣлалось болѣе и болѣе ощутительнымъ. Онъ уже не увидѣлъ болѣе этихъ мѣстъ, гдѣ провелъ самыя счастливыя годы, безъ сомнѣнія, изъ своего буйнаго поприща. Я былъ счастливѣе его; я увидѣлъ эту колыбель нашего дѣтства, и могу судить, какъ велико могущество мѣстъ на воображеніе и воспоминанія.

Наполеонъ былъ на островѣ Эльбѣ, когда я выполняя свое желаніе посѣтилъ поле Бріенскаго сраженія и такъ какъ воспоминаніе о впечатлѣніяхъ, которыя я тогда ощущалъ было неразлучно съ тѣмъ событіемъ, которое было для нихъ поводомъ, то я давая имъ здѣсь волю, не удерживаюсь опасеніемъ сдѣлать погрѣшность противъ счисленія времени. Когда я вышелъ изъ кареты и пришелъ на самое мѣсто сраженія, гдѣ я столько разъ будучи ребенкомъ прохаживался съ Наполеономъ, то мнѣ пришли въ голову самыя странныя мысли относительно участи, ожидавшей тогда столько дѣтей, бывшихъ нашими товарищами въ этомъ училищѣ, котораго я видѣлъ только мѣсто. Какая разница въ ихъ фортунахъ! Эти размышленія утвердили меня въ вѣрованіи,

которое съ того времени сдѣлалось во мнѣ неизмѣннымъ, что воспитаніе есть только вспомогательное средство счастливыхъ расположений дѣтскаго возраста; организація челоуѣка дѣйствуетъ прямиъ на перемѣны его счастья, а случай можетъ быть еще и болѣе.

Я прошель по великолѣпному замку Графа Бриенна, въ которомъ видны были слѣды войны и опустошенія. Я вспоминалъ съ невыразимымъ душевнымъ движеніемъ объ этомъ столь почтенномъ, столь обожаемомъ челоуѣкѣ, который составлялъ благополучіе здѣшняго края и погибъ на эшафотѣ. Какое было его преступленіе? Любовь, которую онъ умѣлъ внушить къ себѣ. Безчестный комитетъ, разсѣлавшій повсюду смерть, устранился отъ великаго числа депутацій, которыя безпрестанно являлись съ требованіями Гр. де Бриенна, отца бѣдныхъ и тамошнихъ жителей. Свирѣпыя люди, засѣдавшіе въ этомъ кровавомъ судилищѣ, не видѣли, или не хотѣли видѣть, въ этихъ ходатайствахъ, внушенныхъ благодарностью, ничего кромѣ расположенія къ возстанію, и подъ этимъ однимъ предлогомъ Г. Бриенна осудили на смерть. Эта смерть, о которой мнѣ часто говорилъ Бонапарте, не мало споспѣшествовала къ внушенію ему ненависти къ Якобинцамъ, ненависти, которой онъ не скрывалъ со мною, потому что и я также не лю-

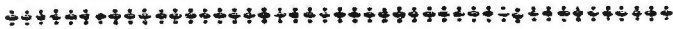
билъ ихъ; но его политика принуждала скрывать эту ненависть предъ людьми приверженными къ революціи, и которыхъ онъ преобразовалъ въ ступени для достиженія могущества.

Предавшись этимъ воспоминаніямъ на развалинахъ Бриенна, я шелъ безъ всякой определенной цѣли. Въ этой безмолвной и уединенной прогулкѣ случай привелъ меня къ пустынь, бывшей на самомъ концѣ сада на берегахъ Оби. Время, съ помощію революціонныхъ рукъ и дыма пороха, изгладилъ, даже до послѣднихъ слѣдовъ, прекрасныя картины, представляющія искушеніе (св. Антонія, и которыя насъ восхищали въ ребячествѣ. Повсюду представлялся мнѣ вдругъ Бонапарте ребенокъ и Наполеонъ бѣдствующій. Я пошелъ къ берегу быстрого источника, въ водахъ котораго я такъ часто купался съ тѣмъ, который наполнилъ свѣтъ своимъ именемъ. Я узналъ то мѣсто, гдѣ мы обыкновенно рѣзвились въ прохладѣ водъ, и нашелъ иву, которую мы посадили, чтобы означить мѣсто, гдѣ погибъ одинъ изъ нашихъ товарищей. «За чѣмъ этотъ а не другой? подумалъ я самъ въ себѣ. Если бы судьба избрала тогда своею жертвою молодого Корсиканца! . . . Какая бы разница была въ судьбѣ Франціи и цѣлаго свѣта!»

Когда я возвратился въ деревню, то мнѣ казалось, что я видѣлъ сонъ вмѣстѣ и тягост-

ный и пріятный; къ удовольствіямъ моихъ старинныхъ воспоминаій, присоединялось какое-то тягостное чувство, причиняемое паденіемъ чловѣка, который можетъ быть, несправедливо былъ противъ меня предубѣжденъ, но который готовностью своєю вѣрить клеветѣ и жестокостью своихъ поступковъ, принудилъ меня не считать себя болѣе другомъ. На развалинахъ Брѣвненскаго училища дружба вполнѣ возродилась.

Г Л А В А XXVI

Чудесная деятельность. — Театръ войны приближается къ Парижу. — Очеркъ Французской кампаніи. — Пораженіе Русскихъ и Наполеонъ въ Троа. — Шамъ-Абертское сраженіе. — Ужизнь Наполеона съ двумя Маршалами. — Не вѣроятныя мѣчты и удачное слово Генерала Друо. — Перемены счастья. — Извѣстіе о прибытіи Герцога Ангулемскаго во Францію. — Графъ д'Артуа въ Версуль. — Война вороновъ противъ орла. — Подвиги Мармона, Макдональда и Мортье. — Безпрестанно возрастающая преданность Савари. — Обманчивыя надежды. — Прибытіе Бернадота на Французскіе границы. — Крапное сраженіе и раненыя Генералы. — Вліяніе зрѣлища раненыхъ на Парижскихъ жителей. — Герцогъ Ангулемскій въ Бордо. — Отъѣзд Папы и отсылка Испанскихъ Принцевъ. — Взятіе конвои и бомлетень Бюлола. — Макдональдъ въ главной Императорской квартирѣ. — Вліяніе перевернутой цифры. — Нація утомлена Императорскимъ правленіемъ. — Последнія и безполезныя покушенія. — Последнія члена Марта и союзники предъ Парижемъ.

Я сказалъ, что не войду въ подробности о Французской кампаніи потому что описанія войнъ и сраженій выходятъ изъ начертанныхъ

мною себѣ границъ; но все таки я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о дѣятельности, истинно чудесной, какую явилъ Наполеонъ со времени отъѣзда своего изъ Парижа, до самого вступленія союзниковъ въ столицу. Мало великихъ успѣховъ дозволили нашимъ Генераламъ и Французской Арміи познать столько славы, какъ въ продолженіи этихъ уроновъ, потому что можно торжествовать безъ славы и пасть съ честію. Случайности войны были несомнѣнны, но навѣрное многочисленныя арміи союзниковъ не должныствовали ожидать такого продолжительнаго и блестящаго сопротивленія. Театръ военныхъ дѣйствій, въ короткое время, такъ сталъ близокъ къ Парижу, что жадность, съ какою ожидали извѣстій изъ арміи была въ скорости удовлетворяема, и когда узнавали о какомъ нибудь новомъ успѣхѣ Императора, то его приверженцы видѣли уже непріятеля изгнаннымъ изъ земли Французской. Я ни на минуту неискушался такими мечтами, зная расположенія и способности Государей ополчившихся противъ Наполеона, къ тому же перемѣны счастія были столь внезапны въ этой борьбѣ истребленія, что иногда за звукомъ пушекъ изъ Пивалиднаго дома, возвѣщающимъ побѣду, слѣдовалъ въ далекомъ гулѣ артиллеріи, показывающій близкое огъ столицы присутствіе непріятеля.

Императоръ выѣхалъ изъ Париза 25 Января, то есть въ то самое время когда Александръ, Императоръ Австрійскій и Король Прусскій съѣхались въ Лаугресъ. Наполеонъ прибылъ къ своей гвардіи въ Витри; и на другой день прогналъ Прусскую армію, которую принудилъ очистить Сенъ - Дизье. Два дни спустя послѣдовало Бриенское сраженіе, о которомъ я говорилъ, и наконецъ 1 Февраля отъ семидесяти до восьмидесяти тысячъ человекъ, какъ изъ Французской арміи, такъ и изъ арміи союзниковъ, сошлись. Предводительствовавшіе обѣими арміями оба подвергались личнымъ опасностямъ; подъ Наполеономъ убитъ лошадь, а возлѣ самого Блюхера убитъ козакъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого великаго дѣла, Наполеонъ вступилъ въ Троа, гдѣ онъ остался не долго, а пошелъ къ Шамъ-Оберту, гдѣ было сраженіе, ознаменовавшее это мѣсто. Шамъ-Обертское сраженіе дано 10 Февраля, и безъ преувеличенія можно сказать, что въ это время Французской арміи каждый день приходилось выдерживать по сраженію, а часто даже и по нѣскольку въ разныхъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ 11 Февраля, то есть на другой день послѣ того сраженія, о которомъ я говорилъ, дрались въ трехъ мѣстахъ съ разнымъ успѣхомъ: въ этотъ день Принцъ Виртембергскій вступилъ въ Санъ, мой родимый городъ, кото-

рый ему достался послѣ самого упорнаго сопротивленія гарнизона, тогда какъ Генераль Бурмонъ мужественно отражалъ непріятеля предъ Пожаномъ, а въ Монмираль Императоръ поражалъ единственные корпуса Генераловъ Юрка и Сакена.

Послѣ Шамъ-Обертскаго сраженія Императоръ составлялъ себѣ такую мечту о своемъ положеніи, что въ тотъ же вечеръ ужиная съ Бертъе, Мармономъ и пѣвникомъ своимъ Генераломъ Алеуфьевымъ: «Ну, Господа, сказалъ онъ имъ, еще такую же побѣду, и я на Висслѣ.» Видя, что никто не отвѣчаетъ и полагая, что примѣчаетъ на лицахъ Маршаловъ, что они не раздѣляютъ его надеждъ: «Вижу очень, Господа, прибавилъ онъ, что всѣмъ война надобна; нѣтъ болѣе энтузіазма; весь священный огонь, кажется, въ васъ потухъ.» Потомъ вставъ изъ-за стола онъ пошелъ прямо къ Генералу Друо, съ видимымъ намѣреніемъ сдѣлать ему комплиментъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осудить Маршаловъ. «Не правдали, Генераль, сказалъ онъ ему, ударивъ его по плечу, что для успѣха довольно бы было ста человѣкъ такихъ какъ вы.» Друо отвѣчалъ ему сколько остроумно, столько кетати и скромно: «Скажите ста тысячъ, Государь.»

Какъ бы то ни было, фортуна благопріятно улыбнулась Наполеону; но скоро она лыбла се-

бя менѣе милостивою, и невозможно было быть иначе, потому что когда мы теряли двадцать человекъ, то уронъ для насъ былъ также великъ, какъ для союзниковъ, когда они теряли сто. Формировать полки сдѣлалось очень трудно; рекруты еще не подоспѣли къ Французскимъ знаменамъ, тогда какъ всяка союзниковъ, расположенные отъ самой Германіи до центра Франціи, приходили ежедневно и не только покрывали потери, которыя имъ причиняла Французская храбрость, вспомоцествуемая гениемъ Бонапарте, но еще безпрестанно увеличивали непріятельскую армію. Однакоже успѣхъ обѣихъ сторонъ былъ довольно долго непостояненъ; Фельдмаршалъ Блюхеръ принудилъ тринадцатаго числа Французскій корпусъ отступить; за то на другой день онъ былъ побѣжденъ у Вошама Герцогомъ Рагузскимъ, тогда какъ въ тотъ же день Графъ Винценгероде взялъ Соассонъ.

17 и 18 числа Февраля были два благопріятныхъ дня для Французскаго оружія. 17 корпусъ Генерала Витгенштейна претерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ Вилленевъ, а корпусъ Генерала Вреде въ Нангисъ. Въ первомъ изъ сихъ сраженій Австрійцы потеряли множество людей, пороховыхъ ящиковъ, ружей и пушекъ. 18 Принцъ Виртембергскій нашелъ себя вынужденнымъ очистить Монтеро, послѣ бывшаго

въ этомъ городѣ сраженія. Какое было печальное зрѣлище, видѣть сражающихся одинъ противъ другаго Генераловъ, которые еще за два года дрались подъ одними знаменами. Но Наполеонъ хотѣлъ этого, дѣлая изъ своего союза несносное бремя и отказываясь всегда склонить свое честолюбіе предъ законами необходимости.

Наполеонъ, совершенно предавшись военнымъ дѣламъ, не имѣлъ тогда времени заниматься внутренними дѣлами. Но уже онъ имѣлъ другія причины къ безпокойству, кромѣ тѣхъ, которыми служила поводомъ участь сраженій. Ему не безызвѣстно было, что въ первыхъ числахъ Февраля Герцогъ Ангулемскій прибылъ въ Сенъ-Жанъ де Луцъ, откуда адресовалъ, отъ имени дяди своего Лудовика XVIII прокламацію къ Французскимъ солдатамъ; и вскорѣ онъ услышалъ о пребываніи Графа д'Артуа въ Везуль, куда этотъ Принцъ прибылъ двадцать перваго Февраля, а выѣхалъ оттуда 16 слѣдующаго Марта.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались на обширномъ пространствѣ и все съ новымъ ожесточеніемъ; какою бесполезною славою покрылись наши солдаты въ столькихъ сраженіяхъ! Но не смотря на чудеса ихъ храбрости, корпусъ сходился и приближался къ центру.

Передъ истеченіемъ Февраля мѣсяца союз-

ники отступали въ разныхъ пунктахъ. Мармонтъ отражалъ нападенія Блюхера, тогда какъ Наполеонъ, преслѣдуя Австрійцевъ, благоразумнымъ маневромъ раздѣлилъ свои силы такъ, что часть ихъ могъ противопоставить Силезской арміи, которая угрожала его тылу. Въ то же время Маршалы Викторъ, Удино и Макдональдъ шли впередъ по дорогамъ къ Оби и Сенъ. Удино вошелъ силою въ Баръ-на-Оби, а Макдональдъ, пройдя Баръ-на-Сенъ, дошелъ до Ла Ферте. Но отступление союзниковъ, не было пораженіе. Испытавъ нѣсколько неудачъ, они сомкнулись другъ съ другомъ, не давъ себя разстроить, и отретировались позадь Оби, гдѣ они вновь устроились съ помощію многочисленныхъ подкреплѣній, которыя, какъ я упоминаю, приходили къ нимъ ежедневно, что привело ихъ въ состояніе начать снова наступательныя дѣйствія. Савари, съ которымъ я продолжалъ часто видѣться, приходилъ въ отчаяніе отъ получаемыхъ изъ арміи дурныхъ извѣстій, и я могу сказать, что его преданность къ Императору возрастала при каждой его неудачѣ; но онъ не могъ вѣрить, чтобы счастье покинуло того, кому оно такъ долго покровительствовало. Нашъ образъ мыслей по сему предмету, былъ столь же различенъ, какъ и наши положенія; онъ надѣялся, что союзники уступятъ что либо изъ своихъ требованій, послѣ

какойнибудь знаменитой одержанной Императоромъ побѣды, потому что Савари сильно желалъ мира; онъ зналъ лучше всякаго, сколько миръ былъ нуженъ Франціи. Люди, которые любятъ сами себя обманывать, все думали, что Австрійскій Императоръ можетъ быть отста-
нетъ отъ союза, или никогда не согласится, чтобы дочь его сошла съ Французскаго престола. Событія доказали, что надлежало тутъ думать; но тогда тѣ, кто старался вѣрить отдѣленію Австріи, были скоро разочарованы когда узнали, что 1 Марта Министры Англійскій, Австрійскій, Русскій и Прусскій подписали въ Шомонѣ трактатъ о союзѣ на двадцать лѣтъ, если этого времени потребуется, чтобы принудить Францію къ миру, который обезпечиваетъ независимость и спокойствіе Европы. Двадцать лѣтъ! . . . понадобилось только тридцать дней.

Эти послѣдніе тридцать дней существованія Французской Имперіи были ознаменованы столькими событіями, что для описанія ихъ понадобилась бы цѣлая книга. Сначала союзники отняли назадъ Троа, откуда ихъ вытѣснили, и въ то же время Шведская армія подъ начальствомъ Наслѣднаго Шведскаго Принца пришла на Французскія границы. Я получилъ отъ одного моего пріятеля письмо, въ которомъ извѣщали меня, что Бернадотъ говорилъ всякому, кто только хотѣлъ его слушать, что союзники

твердо рѣшились отнять власть у Наполеона и его семейства. Онъ говорилъ о возстановленіи Бурбоновъ, не такъ какъ объ условіи, которое союзники налагали на Францію, но такъ какъ о вѣроятномъ дѣлѣ. Шведскій участокъ не могъ быть для союзниковъ важнымъ подкрѣпленіемъ, но они хотѣли, чтобы вся Европа была представлена въ этомъ великомъ вооруженномъ протестѣ противъ владычества Наполеона.

Между тѣмъ Наполеонъ изумилъ еще ополчившуюся противъ него Европу; въ Краонѣ 7 Марта онъ разбилъ корпусъ Блюхера въ очень жаркомъ дѣлѣ, но при этомъ побѣда стоила множества людей побѣдителю. Маршалъ Викторъ былъ тяжело раненъ, также Генералы Груши и Ла Феріеръ. При этомъ случаѣ я замѣчу, какъ велико было нравственное вліяніе на Парижскихъ жителей отъ близости непріятельскихъ дѣйствій. Пока война была въ далекѣ, то конечно часто во многихъ семействахъ надѣвали троуръ, но раненые такъ часто не извѣщали о себѣ, увѣдомляя въ одно время и о полученной ранѣ и о выздоровленіи. Не таково было во время описываемой мною кампаніи, по той мѣрѣ, какъ поле сраженія приближалось къ Парижу; не слышно было болѣе стоновъ раненыхъ подъ Аустерлицами или подъ Москвою; одна слава этихъ великихъ битвъ достигала столицы; но слава Шамъ-Обе-

ра и Краоны была сопровождаема конвоемъ раненыхъ, которыхъ видѣли мученія; видѣли какъ загромождали госпитали несчастными, тогда какъ перевозили въ дома Генераловъ, Полковниковъ и Офицеровъ, которымъ состояніе позволяло пользоваться дома; въ Парижѣ повсюду, въ домахъ и въ лавкахъ женщины только и дѣлали что готовили корпію; такъ было велико число раненыхъ. Испытывая столько бѣдствій, и ожидая еще большихъ, начинали понимать, что было эконнаго въ дѣлаемомъ чужестранными арміями себѣ удовлетвореніи, арміями, которыхъ Наполеонъ искалъ на самомъ концѣ Европы; но отъ того терпѣли не менѣе, и таковъ Французскій характеръ, что въ театрахъ были зрители.

Наполеонъ съ помощію своихъ сподвижниковъ продолжалъ оспаривать каждый шагъ земли; но уже знали, что Герцогъ Ангулемскій вошелъ въ Бордо; извѣстно, какъ встрѣтили его жители — пріемъ былъ, можетъ быть, болѣе лестный чѣмъ того желали тѣ, кто способствовалъ его возвращенію во Францію; вскорѣ узнали, что Графъ д'Артуа вышелъ изъ Версула и отправился въ Нанси. 20 Марта, день который предопредѣленіе казалось назначило для великихъ эпохъ Наполеоновой судьбы, второй городъ Имперіи, уже не Римъ, а Ліонъ, занятъ Австрійскимъ корпусомъ подѣ

начальствомъ Генерала Бубны и въ тотъ же день Наполеонъ взялъ Арцисъ на Оби; на другой день подъ нимъ опять убили лошадей въ частномъ сраженіи, потому что Наполеонъ жертвуя собою войнѣ, не жалѣлъ себя, какъ на Аркольскомъ мосту: хорошо бы для него было, если бы онъ, какъ Густавъ Адольфъ и Тюренъ, нашель смерть въ послѣднемъ своемъ сраженіи.

Между тѣмъ, какъ Наполеонъ стоялъ противъ столькихъ непріятелей, собравшихся чтобы сокрушить его, можно было сказать, что онъ являлъ себя собственнымъ своимъ непріятелемъ, по ложному ли расчету, или по небреженію въ отношеніи къ высокимъ плѣнникамъ, которые при отъѣздѣ его изъ Парижа не были еще отосланы въ ихъ владѣнія. Пана былъ тогда въ Фонтенебло, а Испанскіе Принцы въ Валансеѣ. Панау перваго отослали въ Римъ и я видѣлъ, какъ Герцогъ Ровиго нѣсколько разъ приказывалъ, чтобы на дорогѣ Его Святѣйшеству оказывали все уваженіе и вниманіе, какого требовали его лѣта и санъ. Наполеонъ конечно не думалъ о Панѣ и о пользѣ, какую онъ могъ ему принести въ Римѣ, который по причинѣ одного его присутствія, Мюратъ не осмѣлился занять своими войсками; но какой то духъ безумія началъ соединяться съ могуществомъ Наполеонова генія. Не повиновался ли

онъ этому духу безумія въ дѣлахъ Испанскихъ Принцевъ? Какъ растолковать то, что Наполеонъ задержалъ ихъ плѣнниками въ Валансеѣ до 13 Марта! Я знаю, что Фердинандъ VII не внушалъ и не заслуживалъ никакого участія, по причинѣ оскорбительныхъ поступковъ съ своимъ отцемъ и можно было предугадывать *странный характеръ*, который онъ покажетъ на Испанскомъ престолѣ; но вопросъ былъ вполне политическій, и можно сказать, что разсудительность Наполеона оставила его въ этомъ важномъ обстоятельстве. Надобно было ему быть слишкомъ ослѣплену увѣренностью въ своемъ счастьи, чтобы такъ долго вѣрить возможности сохранить во Франціи эти бесполезные трофеи падшихъ притязаній. Признаюсь, что я никакъ не могъ себѣ растолковать поведенія Наполеона въ семъ отношеніи; можно было такъ просто кончить съ Валансейскими особами, отославъ ихъ туда откуда взяли! Такъ было естественно воротить со всею поспѣшностію войска съ Юга, когда наши Германскія арміи начали отбрасывать къ Рейну и даже во Францію! Съ помощію этихъ привыкшихъ къ военнымъ трудамъ войскъ, можетъ статья очень бы возможно было, чтобы Наполеонъ и его геній еще разъ сдѣлали перевѣсъ фортуны на свою сторону; но нѣтъ; Наполеонъ надѣялся на націю, и напрасно, пото-

му что нація имъ была утомлена; умноженіе налоговъ, наборы, торговля раззоренная континентальною системою, остановка въ дѣлахъ, вмѣсто закона произволь, занятіе земли непріятельскими войсками, таковы были причины всеобщаго утомленія, и Бонапарте не смѣя самъ себя признать, ошибочно полагался на народъ въ защитѣ его дѣла, которое такъ издавна было уже не дѣломъ отечества

Послѣднія числа Марта были для Наполеона рядомъ бѣдствій. 23 аріергардъ Французской арміи претерпѣлъ значительныя потери; слово аріергардъ должно было очень непріятно раздаваться въ ушахъ Императора, котораго авангарды столько разъ открывали путь большой его арміи! Вскорѣ Князь Шварценбергъ переходитъ Объ и идетъ на Витри и Шалонъ. Наполеонъ, полагаясь на возможность защищать Парижъ, бросается съ быстротою орла въ тылъ Шварценбергу, пройдя черезъ Дулеванъ и Баръ на Оби; онъ подвигаетъ свои авангарды до Шомона, и видитъ, что Австрійская армія дѣлаетъ движеніе, которое онъ сочелъ за отступление; но ничего не бывало— это движеніе было направлено на Парижъ, тогда какъ Блюхеръ снова занимавшій Шалонъ-на Марнѣ, пустился на встрѣчу Князю Шварценбергу, такъ что Наполеонъ, думая имъ отрѣзать путь къ отступленію, самъ у себя отрѣзалъ возможность идти

на Парижъ. Все тогда зависѣло отъ защиты Парижа, или, говоря правду, можно было, можетъ статья, пожертвовавъ столицей, продолжить на нѣсколько дней существованіе призрака Имперіи, которая разрушалась со всѣхъ сторонъ. Двадцать седьмага числа было Феръ-Шампенуазское сраженіе, въ которомъ мужество не могло долго противустоять числу, и Маршалы Мармонъ и Мортъе были принуждены отступить къ Сезаниъ, съ значительнымъ урономъ.

26 Марта (прошу читателя замѣтить это число) Наполеонъ испыталъ уронъ, который въ настоящихъ его обстоятельствахъ, былъ въ самомъ дѣлѣ уронъ невознаградимый: въ Феръ-Шампенуазскомъ сраженіи, союзники взяли обозъ, въ которомъ находились всѣ остальные наши запасы; они также захватили множество оружія, пороховыхъ ящиковъ, аммуниціи и экипажей всякаго рода: все это сдѣлалось добычею союзниковъ, которые дали напечатать бюллетень, съ описаніемъ въ подробности этой важной добычи. Экземпляръ приказа объ этомъ попался въ руки Маршалу Макдональду, который считалъ, что такое извѣстіе должно довести немедленно до свѣдѣнія Императора; онъ зналъ, что Наполеонъ, какъ я то сказалъ въ первыхъ частяхъ моихъ Записокъ, хотѣлъ, чтобы никогда не мѣшкали въ доставленіи ему худыхъ извѣстій. Въ это время Наполеонъ былъ такъ не

счастливы, что передъ нимъ умалчивали объ этихъ извѣстiяхъ, пока онѣ не были доказаны; но Маршалъ не могъ сомнѣваться въ вѣрности бюллетеня. Макдональдъ поѣхалъ самъ въ главную квартиру къ Императору, который тогда намѣревался взять обратно Витри, занятый Прусаками. Маршалъ, чтобы отклонить его отъ этого, какъ отъ безполезнаго покушенiя, далъ ему прочесть бюллетень: это было утромъ 27 Марта. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить такой новости. «Нѣтъ, сказали онъ Маршалу, «васъ обманули, это не можетъ быть правда.» Потомъ посмотрѣвъ Бюллетень съ большимъ вниманiемъ, прибавилъ съ живостью: «Нате, посмотрите сами; сего дня 27, а бюллетень изданъ 29-мъ числомъ; вы видите, что это не возможно; бюллетень ложный!» Маршалъ, обращавшiй болѣе вниманiя на самое извѣстiе, чѣмъ на число, сначала изумился; но когда показалъ бюллетень Друо: «Увы, Маршалъ, сказали ему «Генералъ, извѣстiе справедливо; тутъ только «опечатка—9 есть поставленное вверхъ ногами «6!» Отъ какой бездѣлицы, часто зависятъ самыя важныя вещи! Постановленной вверхъ ногами цифры достаточно было, чтобы льстить Бонапарте въ его мечтахъ, или покрайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя онъ хотѣлъ сохранить между достойнѣйшими изъ своихъ сподвижниковъ, замѣдлая тою минутою, когда они узнаютъ что

оплакиваемый ими уронъ, случился въ самомъ дѣлѣ!

Въ этотъ самый день Императрица выѣхала изъ Парижа, о чемъ я здѣсь упоминаю только какъ о событіи случившемся этого числа; въ послѣдствіи я долженъ, буду говорить о томъ, чего я былъ свидѣтелемъ въ Парижѣ и о происшествіяхъ, въ которыхъ принять участіе, меня призвали. Тогда легко можно было видѣть, что все кончено. Въ самомъ дѣлѣ союзники 28 числа перешли Марнь въ Трипортъ, а 29 достигли Мо, гдѣ расположились дивизіи Вреде и Сакена и держались тамъ, не смотря на сильное нападеніе, въ которомъ Маршалъ Мортъе прогналъ Генерала Юрка въ Клей; 29 число союзники посвятили прѣготовленіямъ къ атакѣ на другой день Парижа, а Маршалы Мармонъ и Мортъе, къ тому чтобы дорого продать входъ въ столицу. Они не могли защищать ее съ успѣхомъ; канитуляція спасла ее; это вмѣнили въ преступленіе Мармону; такова справедливость людей!

П Р И Л О Ж Е Н І Я

КЪ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ПИСЬМО ГЕРЦОГА РОВИГО, МИНИСТРА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ, КЪ ПРИНЦУ ЭКМЮЛЬСКОМУ МАРШАЛУ ДАВУ.

Парижъ 16 Июля 1815.

Господинъ Маршалъ!

Я получилъ письмо, которымъ Ваше Сіятельство меня почтить изволили отъ 3 Июля, и которымъ извѣщаете меня, что по просьбѣ моей приказали выпустить на свободу Г. Бувье. Я бы желалъ, Г. Маршалъ, чтобы вы не изволили приказывать ему выѣхать изъ Гамбурга, до полученія сего письма, въ которомъ я постараюсь убѣдить васъ въ томъ, какъ необходимо мнѣ было содержать тамъ столь полезнаго агента. Не смотря на гласность его арестованія, я не вижу затрудненія, чтобы по прежнему употребить его тамъ. Это, напротивъ, было бы еще новымъ средствомъ получить отъ него все свѣдѣнія, которыхъ я требовалъ, потому что направленіе, которое я ему далъ не касается ни до полицики, ни до Государственнаго управленія. Онъ былъ для меня надежнымъ и вѣрнымъ эхомъ всѣхъ жалобъ, которыя онъ на кого либо слышалъ, а мнѣ оставалось употреблять это, какъ я хотѣлъ. Я имѣлъ намѣреніе скрыть о его надзорѣ въ Гамбургѣ только отъ тѣхъ, за кѣмъ ему надзирать надлежало, и я не могъ жалѣть о томъ, что небольшое гоненіе доставило ему нѣсколько болѣе еще довѣренности со стороны тѣхъ, кто хотѣлъ жаловаться. Это заступило для него мѣсто денегъ, чтобы заплатить имъ.

Вы распорядились иначе, Г. Маршалъ; Г. Бувье уѣдетъ, и въ продолженіи всего Вашего управленія 52 военною дивизією, я не помѣщу въ оную агента, который бы лично вамъ былъ непріятель. Но то, что я буду имѣть честь объяснить вамъ, покажетъ, не потеряетъ ли Императорская служба отъ того, что я лишусь чловѣка, который мнѣ такъ хорошо служилъ. Я между тѣмъ долженъ предупредить Ваше Сіятельство, что я предписалъ Г. Бувье остаться пока въ Вестфалии и ожидать, когда я найду случай употребить въ пользу его услуги.

Я перейду къ послѣдней статьѣ Вашего письма, и буду отвѣчать на довѣренность, которую мнѣ оказывать изволите. Мы знаемъ другъ друга давно и одушевлены одинаковыми чувствами къ Императору. Я не поставлю третьяго лица между нами, обнаружива интригу, которая имѣетъ въ предметѣ, чтобы обонихъ насъ обмануть. Я прошу напередъ В. С. имѣть въ виду, что я говорю это однимъ Вамъ, потому что никакъ не хочу ни заводить ссоры, ни приниматься за оправданіе кого либо; но только желаю показать изложеніемъ событій, правоту принятаго мною мнѣнія, о всемъ томъ, что происходило въ моемъ управленіи Гамбургскимъ Департаментомъ. Такъ какъ В. С. мнѣ говорите, что если я имѣю какія причины думать, что вы ошибаетесь на счетъ дѣлъ, или людей, то чтобы я сказалъ Вамъ это откровенно, и что вы искренно признаете свои ошибки, по сему я буду говорить Вамъ отъ чистаго сердца, безъ всякой страсти, безъ предубѣжденія и имѣя въ виду только одну пользу службы Императорской.

Я обращаюсь, Г. Маршалъ, къ устройству полицейскаго управленія въ Гамбургѣ. В. С. припомните, что я не объяснилъ никакого мнѣнія о выборѣ Г. д'Обиньоска, котораго я не зналъ. Казалось, что онъ Вамъ правится. Я считалъ, что онъ заслуживаетъ моей довѣренности; потому что въ Гамбургѣ мнѣ только хотѣлось завести хорошую полицію. Подчиненные агенты этой полиціи назначены были по представленіямъ Г. д'Обиньоска, исключая нѣсколькихъ чловѣкъ, противъ которыхъ всѣ отзывались уже слишкомъ съ явнымъ негодованіемъ.

Съ этихъ поръ я началъ внизательнѣе смотреть на то, что дѣлало это управленіе. День ото дня я дѣлался недовѣрчивѣе, потому что я вскорѣ замѣтилъ, что главнымъ занятіемъ Г. д'Обиньос-

ека было узнавать, о сношеніяхъ, какія могли существовать между Г. Буріенномъ и мною. Все его письма дышали страстью и были исполнены ненависти, которой я не понималъ причинъ и которой судьюю быть мнѣ было со всемъ пенужно. Это казалось ничего общаго съ обязанностями Гамбургскаго управленія. Нѣтъ сомнѣнія, Г. Маршалъ, что мнѣ приходилось искать у Г. Буріенна всѣхъ свѣдѣній, которыя о Гамбургѣ я долженъ былъ бы находить въ перениска Г. д'Обиньоска, и не находилъ. Если бы тамъ вмѣстѣ съ Г. Буріенномъ былъ другой Французскій Министръ, который также бы долго жилъ въ Гамбургѣ, то и къ нему также отнесли бы для полученія полезныхъ свѣдѣній. За чѣмъ Г. д'Обиньоскъ жалуется на то, что выдался съ Г. Буріенномъ? Онъ не жалуется на то, что выдался съ Г. Дорманомъ, Абендротомъ Геншемъ и другими. Министры внутреннихъ дѣлъ, коммерціи, финансовъ, казначейства выдался съ ними часто наединѣ и имѣли совѣщанія о дѣлахъ ихъ департаментовъ, такъ какъ я ихъ видалъ по дѣламъ моего министерства; и такова была слѣпая ненависть Г. д'Обиньоска противъ Г. Буріенна, что онъ ему приписывалъ большую часть свѣдѣній, которыя я почерпалъ изъ разныхъ источниковъ: это мнѣ доказывала его перениска. Я его оставилъ въ такомъ ошибочномъ мнѣніи. Я говорю это здѣсь В. С. въ отвѣтъ на то мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите, *что мы различно смотримъ на Гамбургскія дѣла, потому что свѣдѣнія объ нихъ почерпаемъ изъ различныхъ источниковъ*. В. С. совершенно ошибаетесь. Я никому не позволяю имѣть на меня вліянія; у меня всегда есть разные очки, чтобы смотреть на одинъ предметъ, и если бы поступалъ иначе, то мнѣ скоро пришлось бы переимѣнить врученную мнѣ власть на неспособное тиранство. Я не руководствуюсь побужденіями ни Г. Буріенна противъ Г. д'Обиньоска, ни Г. д'Обиньоска противъ Буріенна; послѣдній до того въжливъ, что никогда не говоритъ мнѣ объ немъ, а Г. д'Обиньоску я не позволяю говорить объ немъ въ своихъ письмахъ. Здѣсь въ особенности, я буду отвѣчать той довѣренности, которой В. С. отъ меня требуетъ, и я Васъ самихъ поставлю въ судьи о томъ мнѣніи, которое я долженъ былъ себя составить, препровождая всѣ служащія доводомъ бумаги.

Сначала я былъ предупрежденъ самимъ Гамбургомъ, что Г.

д'Обиньоскъ страцать Г. Бувье. Впрочемъ онь зналъ, что я его употребляю, и долгъ его былъ Васъ объ этомъ уведомить и тѣмъ отвратить огласку, которая могла быть мнѣ неурядна, потому что я не отказываюсь дать объясненія послѣ его арестованія. Я вижу изъ донесенія Г. Реало, съ коего я здѣсь прилагаю конію, что онь оправдываетъ себя въ такомъ распоряженіи, говоря, что все сдѣлано по приказанію В. С. не смотря на его представленія. Меня сначала поразила, Г. Маршалъ, неправильность въ арестованіи этого агента. Эта неправильность, которая въ глазахъ министра, есть важный проступокъ, показываетъ еще ненависть, которая руководила Г. д'Обиньоскомъ. Вотъ она:

Онь выполнилъ приказаніе В. С., и хорошо сдѣлалъ, но мнѣ бы надлежало получить въ теченіи двадцати четырехъ часовъ протоколъ объ этомъ арестѣ, и этотъ протоколъ долженствовалъ заключать всѣ доказательства къ обвиненію и оправданію его, найденныя въ бумагахъ обвиненнаго, признанныя и замѣченныя имъ по листамъ. Такъ поступаетъ полиція во всей Французской Имперіи, исключая Гамбурга, гдѣ Г. д'Обиньоскъ во второй разъ нарушаетъ эти правила. Не только не составили протокола, но даже сняли, въ отсутствіи обвиненнаго печати, приложенныя имъ къ бумагамъ. Онь тогда былъ въ правѣ всѣ ихъ отвергнуть, и я спрошу васъ, Г. Маршалъ, если бы такъ поступили съ Государственнымъ преступникомъ, не вышло ли бы изъ того, что лишили бы себя способа предать его въ руки правосудія, которое не терпитъ подобныхъ поступковъ. Какого я долженъ быть мнѣнія о такомъ поведеніи? Долженъ ли я приписать его усердію Г. д'Обиньоска передать мнѣ бумаги, подкрывающія его доказательства? но присутствіе Г. Бувье при снятіи печатей, не истребило бы этихъ бумагъ; не въ правѣ ли я, на противъ того, думать, или что не было въ готовности другихъ для подмоги или, что хотѣли выпутъ служащія оправданіемъ? Что дѣйствительно случилось, какъ вы увидите изъ коніи съ письма Г. Бувье, вмѣстѣ съ коею я прилагаю такую же конію съ письма Г. Буріенна къ Г. Бувье, которое должно было быть вамъ доложено, чего не сдѣлано, потому что это способствовало бы къ истребленію неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое въ васъ погасить старались Г.

д'Обиньоскъ тѣмъ болѣе виновать, поступивъ такимъ образомъ, что при арестованіи Г. Герцга, онъ сдѣлалъ тоже и получилъ за то сильный отъ меня выговоръ.

Я читалъ со вниманіемъ все, что Г. д'Обиньоскъ говоритъ о письмахъ, найденныхъ у Г. Буве. Я нечиталъ подлинниковъ, но очень хорошо ихъ себѣ объясняю: я вамъ сообщу объ нихъ подробности, и вы увидите, Г. Маршалъ, какъ самое неважное объясненіе уничтожаетъ подозрѣніе, внушаемое фразами, которыя темны только по наружности, и въ глазахъ людей, которымъ во всемъ хочется видѣть худое.

«Начало перваго письма относится къ Г. Карру. Вотъ что дало тому поводъ: тоизъ перенески Г. д'Обиньоска былъ столь нахаленъ, что онъ сдѣлался мнѣ несноснымъ. Я хотѣлъ самъ посмотреть, что это за человекъ, и подъ какимъ-то предлогомъ далъ ему предписаніе пріѣхать въ Парижъ. Я назначилъ на его мѣсто, на время его отсутствія, главнаго Коммисара, бывшаго у меня подъ руками, и которому я далъ особенныя наставленія, сообразныя съ моими подозрѣніями. Ни его пребываніе въ Парижъ, ни еще менѣе свѣденія отъ заступившаго его мѣсто, не заставили меня переменить мыслей. Я противостоялъ всемъ покровительствамъ, которыми онъ себя подкрѣплялъ; я вамъ ихъ не изываю, но увѣренъ, что В. С. въ нашемъ съ вами отношеніи, не болѣе меня ими бы уважили. Г. Буріеннъ могъ узнать о его пріѣздѣ. Онъ могъ даже судить о большей части нашихъ разговоровъ, потому что самъ мнѣ доставилъ много свѣдѣній, которыя послужили мнѣ за основаніе и что, чрезъ его посредство я объяснилъ много событій, и отвергнулъ множество обвиненій, которыхъ лживость мнѣ была доказана. Рапортъ главнаго Коммисара столь былъ наполненъ дѣйствительными событіями, что я рѣшился спросить въ особенности Г. Шабана о мнѣніи его на счетъ главнаго управленія Гамбургской Полиціи. Онъ мнѣ сообщилъ это мнѣніе и я приз. наюсъ В. С., что на его одномъ отвѣтъ я основалъ мои мысли предъ тѣмъ, какъ началъ писать вамъ.

Я приказалъ удалить Коммисара Карра по причинѣ всеобщихъ жалобъ; мнѣ противились, но наконецъ должны были согласиться. Карра потребовалъ дозволенія пріѣхать въ Парижъ; ему въ томъ отказано; это возбудило мои сомнѣнія; ра-

порты Коммисара, временно исправлявшаго должность въ отсутствіи Г. д'Обиньоска въ Парижъ представлялись мнѣ мыслямъ во всей ихъ истинѣ; я хотѣлъ предисказать о высылкѣ мнѣ Карра, какъ очищеніе Гамбурга его ко мнѣ доставило. Онъ прѣхалъ добровольно, чтобы сдѣлать мнѣ открытіе, согласное со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ сообщали мои частные агенты, что сообщалъ мнѣ Коммисаръ Роланъ, также съ мнѣніемъ, которое изъяснилъ мнѣ Г. Шабанъ въ собственно ручномъ письмѣ своемъ. Карръ написалъ и подписалъ свое показаніе. Не довольно ли этого, Г. Маршалъ, чтобы основать мое мнѣніе? Я поручилъ Г. Буріенну извѣстить Г. Бувьё, о данномъ мною въ разсужденіи Карра приказаніи. Слово д'Оби . . . есть ничто иное какъ сокращенное имя Г. д'Обиньоска.

«Что значать слѣдующія слова: «Нужныя вѣрившія свѣдѣнія о любовномъ анекдотѣ о печати, и пр.» мнѣ совершенно извѣстно; онѣ написаны по моему приказанію. Слѣдующая фраза относится къ Г. Реннеменилю, находящемуся здѣсь уже пять дней, и котораго подлежало отослать въ Марсель. Вотъ объясненіе этого случая.

«Меня предупредили изъ Гамбурга, что Г. Реннемениль, извѣстный съ дурной стороны Министерству Полиціи, говорилъ громко въ Гамбургѣ и Альтопѣ, что онъ напишетъ къ Г. Буріенну письмо, которое его поставитъ въ большое замѣшательство. Нѣсколько времени спустя интрига пущена въ ходъ и письмо получено по почтѣ. Я долженъ отдать справедливость Г. Буріенну, въ томъ, что онъ мнѣ тотчасъ принесъ это письмо, съ котораго копію увидѣвъ у меня въ рукахъ, онъ очень изумился. Оно было сходно съ доставленнымъ мнѣ свѣдѣніемъ, и въ то же время Г. д'Обиньоскъ предупреждалъ меня, *что это было безумное требованіе, изслѣдованіе котораго онъ со- гелъ не нужнѣнь*. Я принялъ это дѣло совсѣмъ иначе, потому что видѣлъ доказательства явнаго безстыдства. Тутъ непристойно задѣвали Раппа, Принца Бенвенескаго и другихъ. Я непременно хотѣлъ наказатъ строго управленіе, которое осмѣливалось такъ шутить надо мною. Я неувѣдомилъ Гамбургской Полиціи о полученіи ея допесенія; я послалъ ей предисказаніе, заднимъ числомъ, чтобы сбить ее въ расчетахъ, объ арестованіи Г. Реннемениля за эмигранство и интриги, что было

моимъ предлогомъ. Я такъ хорошо означилъ мѣсто жительства и примѣты Реннемениля, что не посмѣли не отыскать его. Онъ ко мнѣ прѣхалъ, и признался въ томъ, какою хитростью заставили его написать это письмо. Онъ, по правдѣ не выдалъ Г. д'Обишоска, но такъ какъ тотъ зналъ это, то за чѣмъ онъ пеначалъ обыскомъ, который могъ бы привести его къ несльдствіямъ, тѣмъ болѣе могшимъ послужить его ненависти, что общественная выгода, на этотъ разъ, согласовалась съ этою ненавистью. Если бы, напротивъ того, онъ тутъ видѣлъ только одну интригу, то за чѣмъ онъ недонесъ объ ней? тѣмъ болѣе, что дѣло касалось до важныхъ особъ, къ которымъ онъ обязанъ былъ внушать уваженіе. Этотъ Реннемениль былъ наказанъ по распоряженію высшей Полиціи и я ему запретилъ возвращаться въ тридцать вторую военную дивизію.

«Когда съ интригана снимутъ личину, то онъ обыкновенно обнаруживаетъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Этотъ сдѣлалъ мнѣ признанія, которыя послужили подкрѣпленіемъ мнѣнію моему о всемъ томъ, что дѣлалось въ Гамбургѣ. Въ слѣдующемъ періодѣ, который начинается такъ: *«Вы хорошо сдѣлали, что говорили . . .»* разумѣется объ одномъ дѣлѣ, извѣстномъ Министерству, и которое въ немъ разсматривалось; тутъ нѣтъ интриги. Напротивъ того, Г. Маршалъ, я могу васъ увѣрить, что это дѣлаетъ честь Г. Буріенну. Но должно было бы вамъ расказывать.

«Другое:» Я послалъ записку, и пр. также извѣстно Полиціи, потому что особа, къ которой она была послана находилась однимъ изъ начальниковъ въ томъ мѣстѣ, къ которому подобныя дѣла относились. Г. Кость, адвокатъ, долженъ былъ изслѣдовать это дѣло; въ этомъ я удостоверился.

«Для Г. д'Обишоска всего мудренѣе показалось то мѣсто, гдѣ говорится о дѣлѣ Шиндсганца. Правду говорятъ, Г. Маршалъ, что за шесть строчекъ, къмъ нибудь написанныхъ, можно найти зачто повѣснить. Много видно охоты вредить въ изслѣдованіи и привязкахъ къ слову *ребячество*, находящемуся въ началѣ фразы, въ минимомъ похищеніи тысячи Фридрихсдорфовъ, о конхъ и не упоминается въ письмѣ, и въ приложеніи этого слова къ случаю, о которомъ ничто не можетъ доказать, что онъ былъ извѣстенъ Г. Буріенну. Можно ли предположить, чтобы онъ упо-

требилъ такое выраженіе вмѣсто похищенія, тогда какъ въ первомъ письмѣ, упоминаемомъ Г. д'Обиньоскомъ, онъ объявлялъ Г. Бувье о покражѣ ста тысячъ франковъ, которую хотѣли сдѣлать у законныхъ кредиторовъ? Я впрочемъ дивлюсь, что Г. д'Обиньоскъ не отдалъ В. С. оригинальнаго письма, найденнаго у Г. Бувье, въ которомъ бы вы увидѣли вынужденное объясненіе того, что дѣло шло о похищеніи тысячи фридрихсдорфовъ, и что Г. Буріеннъ сдѣлался ихъ защитникомъ.

«Я приступаю, Г. Маршалъ, къ очень важному обвиненію, по которое не боюсь назвать клеветою. Я хочу говорить о о повѣздкѣ Г. Буріенна въ Гамбургъ въ 1812 году. Повѣзка эта мнѣ была извѣстна, и даже полезна. Не знаю что разумѣлъ Г. д'Обиньоскъ подъ словами: *крики въ публикѣ противъ Г. Гонса и пр.* Я имѣю доказательство, въ *вѣрныхъ письмахъ*, что Г. Буріеннъ, напротивъ того, безпрестанно старался отвлечь вниманіе, котораго такъ цѣловко сдѣлали предметомъ Гамбургскаго Свидѣтельства Г. Лавалетта служить подкрѣпленіемъ тому, что я говорю В. С. и по столь умѣреннымъ и прямымъ свѣденіямъ о Г. Буріеннѣ приняты мѣры, чтобы отклонить зло которое произвело некоторое неудобство.

«То что Г. д'Обиньоскъ говоритъ вамъ о Г. Девъ, о Госпожѣ Паппенгейль, *есть ложь*, какъ мнѣ то *доказали* двадцать письменныхъ документовъ. В. С. можете въ томъ убѣдиться, если Его Величество приметъ ему поданный отъ меня рапортъ обо всемъ томъ, что происходило въ Гамбургъ, во время занятія его Русскими.

«То что Г. д'Обиньоскъ говоритъ вамъ о Гумпрехтѣ болѣе ли необычайно чѣмъ все, что можно сказать о ста тысячахъ Гамбургскихъ жителей? Кроме того, Гумпрехтъ въ прежнее время былъ одинъ изъ доищниковъ на Г. Буріенна. Но докторъ Клооръ, который въ Стральзундѣ догналъ Наслѣднаго Шведскаго Принца, раззорился на вооруженіе Азиатическаго легіона, и онъ былъ другомъ всѣхъ Французовъ, которыхъ любилъ. Было бы очень опасно и вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливо подвергать кого бы то ни было ответственности за будущее поведеніе тѣхъ, съ кѣмъ были въ связяхъ.

Я принялся за это длинное письмо, Г. Маршалъ, только потому, что я знаю навѣрное, что Г. д'Обиньоскъ употреб-

лгать противъ меня имя В. С., чтобы оправдать себя въ разсужденіи мѣръ, которыя казались противъ его мнѣнія и образа сужденія, тогда какъ собственное его мнѣніе и образъ сужденія, были побудительными къ тому причинами. Я нахожу тому доказательство въ письмѣ В. С. отъ 5 Іюня, сравнивая его съ письмами, писанными двадцать шестаго и девятнадцатаго Іюля Г. Реалю по тому же предмету. Я вижу, что онъ передалъ В. С. свои особенныя мысли, отъ которыхъ онъ отказывается въ письмахъ своихъ къ Г. Реалю.

Посылаю вамъ, Г. Маршалъ, все эти бумаги, вы сами можете судить объ нихъ. Я прилагаю копию съ послѣдняго рапорта, который мнѣ подалъ Бувье передъ самымъ отъездомъ. В. С. усмотрите, что Г. д'Обиньоскъ самъ отпирается отъ распоряженія, которое ему повредило, относя все къ вамъ. Я обязанъ этою довѣренностью В. С. въ замѣнъ той, которую мнѣ оказали. Прилагаю при семъ копию съ письма Г. Буріенна къ Г. Бувье отъ 25 Октября съ отвѣтомъ послѣдняго, котораго вамъ Г. д'Обиньоскъ не докладывалъ. Онъ не имѣлъ права этого невыполнить. Эти письма дѣлаютъ разительную противоположность съ тѣмъ поведеніемъ, какое приписываютъ Г. Буріенну, а именно, что онъ приводилъ въ дѣйствіе интриги вопреки видамъ Правительства.

«Но между этими бумагами, есть одна, которую я долженъ въ особенности замѣтить В. С.—это письмо Г. Лекона къ Г. д'Обиньоску.

«Я бы спросилъ послѣдняго, по какой непонятной злобѣ онъ находитъ еще Буріенна въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ самъ Леконъ не только не говоритъ объ этомъ, но даже изъ далека не заставляетъ о томъ думать. Чтобы васъ еще болѣе убѣдить, что это предположеніе есть ничто иное какъ клевета, я васъ смѣю увѣрить, Г. Маршалъ, что въ моемъ Министерствѣ никогда не было и дѣла о Бухольцѣ; что этотъ человекъ никогда не имѣлъ съ онымъ ни малѣйшихъ сношеній; что Г. Буріеннъ никогда мнѣ не говорилъ о немъ ни слова; что я самъ не зналъ, если онъ на свѣтъ, и что объ немъ ни одинъ изъ моихъ агентовъ въ Гамбургѣ не извѣщалъ меня ни съ худой, ни съ хорошей стороны.

«Но я прошу, любезный Маршалъ, обратить ваше вниманіе

въ особенности на подчеркнутыя мною слова изъ письма Лекова. Какое мнѣніе, хотите вы чтобы я имѣлъ о молодомъ и несобстоятельномъ повѣсь, который дозволяетъ себѣ подобныя выраженія и мѣшаетъ имя власти въ сквернословномъ письмѣ, и о начальникѣ, къ которому полагають, что можно такъ писать, и который неизменно далъ ему право своими разговорами и поведеніемъ на такія довѣрія и наглость? Я поручилъ Г. Реалю отвѣчать на это письмо, которое ему было прислано отъ Г. д'Обиньоска; но я предоставляю В. С. это дѣло, которое намъ есть общее, потому что оно имѣетъ въ предметъ то, чтобы унизить власть.

«По прочтеніи всего этого В. С. увидите, нужно ли мнѣ было имѣть въ Гамбургѣ агента, который бы имѣлъ надзоръ за всѣмъ тѣмъ, что тамъ дѣлаетъ управленіе Полиціи, о дурныхъ поступкахъ, котораго я имѣю болѣе верныя доказательства, чѣмъ о тѣхъ, конми попрекають Г. Буріенна. Я не говорю объ нихъ, потому что человекъ, который тутъ виноватъ можетъ вамъ быть полезенъ, а мнѣ бы очень прискорбно было лишити васъ человека, который вамъ служить въ настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ. Пускай онъ хорошо отправляетъ свое ремесло, пускай мнѣ говорить правду, вотъ все, о чемъ я теперь думаю. Однакоже я прошу В. С. остережеться одного обстоятельства: я навѣрное еще не знаю, не употребили ли власть, чтобы удалить Бувиэ, потому что онъ былъ тамъ какъ безпокойный замѣчатель, который бы предупреждалъ меня о маленькихъ бездѣлничествахъ, которыя употребятъ въ замѣнь нѣсколькихъ налоговъ контрибуціи.

«Такъ какъ я сказалъ В. С. о дурныхъ поступкахъ, въ коихъ попрекають Г. Буріенна, то скажу на эту же счетъ мои мысли въ полнѣ, не имѣя въ виду говорить ни за него, ни противъ него.

«Около трехъ лѣтъ уже управленіе Гамбургской Полиціи пишеть мнѣ цѣлыя книги противъ Г. Буріенна, относя къ нему все свое надирательство и все свои труды; забывая въ отношеніи ко мнѣ всякую благодарностность и уваженіе, говорятъ и пишутъ другимъ кромѣ меня, что я нахожусь подъ непосредственнымъ вліяніемъ Г. Буріенна. Вы можете это видѣть изъ письма Г. Реалю. Я читалъ со вниманіемъ все, что мнѣ было писано отъ

этого управленія, и не понимаю, какъ будучи движимы такою ненавистью и ожесточеніемъ, занимая предпочтительно театръ интригъ, приписываемыхъ Г. Буріенну, и его предполагаемыхъ дурныхъ дѣлъ, не могли еще даже найти, не говоря доказательства, но другаго доноса кромѣ этой длинной записки, которая прислана ко мнѣ въ 1811 году, и которой неабысти я все объяснилъ въ длинномъ отвѣтѣ Г. д'Обиньоску. Когда я ему объ этомъ говорилъ въ своемъ кабинетѣ, онъ отрицался, говоря, что ни чему не вѣрится; что Вы приказали ему сдѣлать это донесеніе, которое онъ поручилъ составить Ожье де ла Соссею. Боле всего заставило меня возразить на всю эту записку, увѣреніе о мнимомъ таинственномъ лицикѣ (*), которое въчастъ этотъ доносъ. Разверните; недостасть страницъ: это очевидно доказываетъ слабость средствъ нападенія. Это чистая выдумка Гаммерштейна, у котораго былъ этотъ пасквиль и который думалъ тутъ найти средство къ уплатѣ своихъ долговъ, навязавъ на Г. Буріенна дурное дѣло, что ему и удалось.

«Другое обвиненіе, которымъ я видѣлъ что занялось все мое Министество, состояло въ томъ, что Г. Буріеннъ способствовалъ запрещенной торговлѣ.

«Но кромѣ того, что сдѣланное для погубленія его донесеніе оправдываетъ его отъ такого обвиненія, кромѣ того, что по предписаннымъ мною розыскамъ ничего не оказалось, въ архивахъ Министества есть бумаги, смѣю сказать, рѣшительно убѣждающія. Доказано, и таможенные то свидѣтельствуютъ, что Г. Буріеннъ, съ перваго дня какъ по причинѣ отсутствія управлѣннаго дѣлами Консульства, онъ долженъ былъ ихъ принять на себя, отказался отъ всякаго распоряженія или надзора за морскими бумагами, и отъ всякаго рода подписи для впуска въ Гамбургъ чего бы то ни было. Странное средство способствовать запрещенной торговлѣ, тѣмъ что добровольно отказаться отъ права, употребленіе во зло коего могло бы ей вспомоствовать. Съ Августа мѣсяца 1807 года входъ въ Гамбургъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою, исключительно принадлежалъ къ

(*) Таинственный лицикъ есть ничто иное, какъ жестяная коробка, въ которой лежали служившіе мнѣ документы и важныя замѣчанія.

надзору таможенъ, и если, такъ какъ хотѣли говорить, эта мѣра наружной строгости, была только личина для скрываети истины, какъ же это случилось, что когда хотѣли употребить какое либо средство для ввоза, то надсматриватели, которыми онъ себя добровольно окружилъ, того не примѣтили? Я не предполагаю, чтобы тутъ можно было подозрѣвать въ стачкѣ, которая подвергая опасности столько лицъ, рано или поздно, необходимо была бы открыта.

«Другое обстоятельство служило бы къ совершенному его оправданію, если бы его стали по сему предмету понуждать официально. Съ того времени, какъ входъ въ Эльбу строго запрещенъ всякаго рода судамъ, контрабанда производилась чрезъ Голштейнъ. Эта страна заваленная колониальными товарами была золотымъ дномъ для занимающихся запрещеннымъ торгомъ. По предложенію Г. Буріенна всѣ эти колониальные товары были приняты въ Гамбургъ, съ платежемъ Французскому Правительству значительной пошлины. Г. Буріенсъ предложилъ эту мѣру, потому что видѣлъ, какъ товары приходили контрабандою, и расчелъ математически то время, въ которое онъ пройдутъ непозволительнымъ образомъ внутрь Германіи. Если бы онъ имѣлъ свои выгоды въ этой торговлѣ, то онъ одинъ, и пособственному своему побужденію, не потребовалъ бы постановленія, которое прекращало оную.

«Вотъ, Г. Маршалъ, слишкомъ длинное письмо. Желаю, чтобы оно вамъ не наскучило, и чтобы В. С. видѣли въ заключающихся въ немъ чувствахъ, только мою къ вамъ довѣренность на службу Императору, вмѣстѣ съ чувствомъ правосудія, которое я стараюсь всегда предпочтительно употреблять съ мѣрами строгости, какія Министерство мое принимать меня заставляетъ. Если бы я на минуту отъ того уклонился, то отвѣчаю за довѣренность, которою почтилъ меня Императоръ. Не мое дѣло мнѣяться въ причины неудовольствія, какое можетъ имѣть Императоръ на Г. Буріенна; онъ есть та точка, куда должны влониться всѣ замѣчанія этого рода. Но во всѣхъ частяхъ общественаго управленія, которыя на него были возлагаемы, и которыя были предметомъ строжайшаго надзора, я даю вамъ свое честное слово, я не примѣтилъ ничего, чрезъ что онъ могъ бы потерять уваженіе людей справедливыхъ, его знав-

шихъ. Покойный Маршалъ Дюрокъ умеръ, убѣдясь въ его невинности; другія особы, которыхъ называть я себѣ не дозволю, мнѣ объясняли тоже мнѣніе, и пока мнѣ не докажутъ противнаго, я невижу причинъ, чтобы переменить это мнѣніе. Если бы Гамбургская полиція, вмѣсто того, чтобы представлять мнѣ грубыя обвиненія, не сопровождаемыя даже вѣроятностію правдоподобія, занялась подробными изысканіями, то навѣрное дала бы вамъ поводъ думать одинаково со мною.

«Въ заключеніе, Г. Маршалъ, я помѣщу послѣдній случай, относительно котораго прошу В. С. допросить официально Г. д'Обиньоска. Я вижу въ донесеніи, составленномъ Г. Бувье, во время занятія Гамбурга Русскими, что онъ тамъ встрѣтилъ Г. *де Либри*, который остался въ тюрьмѣ при выступленіи Французскихъ войскъ. Надобно, чтобы В. С. узнали этотъ анекдотъ. Этотъ *де Либри* хитрый политикъ, о которомъ мнѣ дано было знать отъ *высшей власти*, и о которомъ я скоро узналъ, что это таинственная особа, о которой говорятъ во многихъ доставившихся въ мои руки письмахъ. Женщина, къ которой эти письма были писаны, объяснила мнѣ всю его интригу. Дѣло шло о гласномъ покушеніи, котораго этотъ человекъ хотѣлъ быть душею. Долго пропскавъ его въ Италію, я нашелъ его въ Гамбургѣ; я приказалъ его арестовать; и такъ какъ каждый разъ когда арестовываютъ столь важнаго преступника, необходимо сдѣлать нѣкоторые предварительныя наставленія, то я его оставилъ на нѣсколько дней въ Гамбургѣ. Я никакъ не думалъ, чтобы выходя изъ города не взяли его съ собою, тѣмъ болѣе потому что было время о томъ подумать. Я не удивлюсь, если этотъ человекъ поедетъ въ Англію, и при первомъ случаѣ сыграетъ со мною какую нибудь дурную штуку. Я желаю, чтобы Г. д'Обиньоскъ объяснилъ свое страшное поведеніе въ этомъ обстоятельствѣ.

ПИСЬМО МИНИСТРА ГЛАВНОЙ ПОЛИЦИИ ГЕРЦОГА РОВИГО КЪ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПОЛИЦЕЙСКОМУ КОММИСАРУ ВЪ ГАМБУРГЪ Г. Д'ОВИНЬОСКУ.

10 Нолбря 1815.

«Я получилъ, Милостивый Государь, письмо ваше отъ 2 Октября, которое, какъ полагаю, должно быть отъ 2 Нолбря, и при немъ шесть допросовъ, учиненныхъ центральнымъ Полицейскимъ Коммисаромъ, который изъ нихъ сдѣлалъ выписку въ рапортъ, присланномъ вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ.

«Я не давалъ предписаній относительно дѣла Г. Буріенна, и по сему долженъ почитать это съ вашей стороны извѣщеніе за отчетъ въ распоряженіяхъ вашихъ. Но не менѣе, того, такъ какъ вы имѣли по сему порученіе, то не могу не замѣтить вамъ, что выписка вашего центрального Коммисара представляетъ въ себѣ безразсуднаго, часто противорѣчащаго и нелѣпаго.

«Я не понимаю, за чѣмъ вы сами производили этого дѣла. Вы кажется хотите, отбывъ отъ ответственности за ошибки и неточности, подвергнуть ей Г. Ожье де Соссея. Какъ можете вы посылать къ вашему Министру выписку изъ дѣла, за вѣрность которой не ручаетесь? Это значить ставить его самого въ необходимость сдѣлать ложное донесеніе. Если этотъ Г. Ожье де Соссей есть тотъ самый, который прежде былъ под-префектомъ въ Рочфортѣ, то я его знавалъ; онъ былъ послѣ стрѣльчима, и то мѣсто, какое онъ теперь занимаетъ не даетъ ему никакого права на мою довѣренность; надобно полагать, что онъ слишкомъ не къ многому способенъ, когда до такой степени унижился. По доносеніямъ вашимъ въ назначеніи Г. Булье было отказано, а онъ уже безъ сомнѣнія былъ лучше Г. Ожье де Соссея, котораго я лично знаю. Его подпись внизу присланнаго отъ васъ ко мнѣ рапорта заставила меня сдѣлать изслѣдованія, о плодѣ которыхъ вы усмотрите.

«Я начну съ статьи полученій: вы говорите, что Сенатъ сдѣлалъ Г. Буріенну подарокъ въ два раза 1,040,000 франковъ, не смотря на то, что Г. Верегерменъ вамъ замѣчалъ, что 440,000 франковъ, данныя во время его управленія, составляли часть, первыхъ 600,000 франковъ; кажется, не должно было бы утвер-

дительно говорить, что они были сверхъ 600,000, какъ вы то сдѣлали. Къ тому же Сенатъ представилъ самъ счетъ своимъ расходамъ, о которомъ вы имѣли свидѣніе, навѣрное бы непоказалъ 440,000 франковъ мѣсье, данными Г. Буріенну, особливо со всѣмъ непредвида, въ то время когда давали деньги, что когда нибудь потребуютъ отъ нихъ, чтобы показали свои книги. Сверхъ того, за чѣмъ бы ихъ ему прощать?

«Вашъ центральный Коммисаръ сдѣлалъ тутъ большую ошибку, которую бы вы должны были исправить, и я къ вамъ отношуся съ упрекомъ точно также, какъ если бы вы сами подписали рапортъ. По этому тутъ или есть пристрастіе, или большое небреженіе, или величайшее неискуство въ этомъ дѣлѣ, потому что у васъ были для повѣрки Сенатскія книги.

«Что касается до трѣтяго и четвертаго пунктовъ полученія, вы помещаете 755,000 франковъ изъ Меклембургъ-Шверина и 72,500 франковъ отъ Датскаго Короля. Прежде всего тутъ представляется одна мысль. Нѣтъ умнаго человека, который бы могъ предположить, что Герцогъ Меклембургскій имѣлъ бы такія обязанности къ Французскому Министру въ Гамбургѣ, что съ тѣмъ чтобы изъяснить ему свою признательность, онъ долженъ былъ сдѣлать ему такой подарокъ, даже если бы онъ отдалъ ему свои владѣнія, которыя не стоятъ Департамента Имперіи Французской; Король Испаніи и Индіи, Король Англійскій никогда не могли бы сдѣлать болѣе значительнаго подарка.

«72,500 франковъ изъ Даніи не болѣе мнѣ постижимы: и я въ отвѣтахъ допрашивающаго вами человека не вижу ни чего такого, чтобы могло подтвердить показываемое вами. Какъ вы недошли до того лица, которое выдавало эти деньги. Какъ Г. Буріенну досталась въ руки облигація въ 445,000 франковъ на Датскаго Короля? Гдѣ актъ? По этому Гоеударъ сей заплатилъ долгъ, а не подарокъ сдѣлалъ. Оно выходитъ сдѣлка между частными людьми, которой должно найти слѣды. Къ тому же самыя выраженія рапорта должныствовали бы отклонить васъ отъ довѣрія къ такому утвержденію. Г. Гумирехтъ увѣряетъ что Г. Буріеннъ долженъ былъ получить эту сумму: по этому онъ знаетъ за что?

«Не смотря на всѣ эти замѣчанія, вы считаете полученіе Г. Буріенна 1,847,500 франковъ только, не включая паспортвъ.

Прежде всего тутъ должно отвергнутьъ три послѣднія статьи, именнующія достаточныхъ доказательствъ; вы увидите, что остаются только Сенатскія 600,000 франковъ и пашпорты, о которыхъ вы только приводите на память.

«Я перейду теперь къ употребленію капиталовъ.

«Вашъ центральный Коммисаръ смѣло ставитъ миліонъ долговъ, заплаченныхъ въ Парижъ. Онъ жилъ довольно долго въ Парижъ, и вѣрно знаетъ, что кто имѣетъ тамъ миліонъ долгу, тотъ не можетъ отсюда выѣхать, не сдѣлавъ предварительно съ своими кредиторами соглашенія, а я какъ теперь помню, что Г. Буріеннъ тогда былъ не въ такомъ положеніи, чтобы договариваться съ ними. По выправкамъ, которыя мнѣ легко было сдѣлать, долговъ у него не было и 100,000 франковъ, и такое преувеличеніе въ находящихся въ рапортѣ вашего Коммисара показаніяхъ, заставляетъ меня сомнѣваться и въ другихъ статьяхъ. Къ тому же я вижу, что Г. Гумпрехтъ не имѣлъ непрерывнаго счета съ Г. Буріенномъ. Если не онъ заплатилъ этотъ миліонъ долговъ, то какъ онъ о томъ знаетъ? Если же онъ, такъ потребуйте отъ него подробностей: онъ долженъ знать ихъ.

«Шесть слѣдующихъ статей могутъ быть справедливы.

«50,000 франковъ Г. Вегера показаны вашимъ центральнымъ Коммисаромъ за дѣйствительныя; а въ Гумпрехтовомъ допросѣ я читаю показаніе его, что онъ не принадлежитъ болѣе Г. Буріенну. Признайтесь, что или вы не читали этого рапорта и допросовъ, или думали, что я ихъ читать не буду.

«Перейду къ послѣдней статьѣ. 1,500,000 франковъ расхода мнѣ кажутся безпримѣрною нелѣпостью. Мнѣ кажется, что вы бы могли узнать прежде всего отъ служителей, которыхъ Г. Буріеннъ долженъ былъ оставить въ Гамбургѣ, сколько у него было лошадей, людей и что онъ платилъ послѣднимъ; кому онъ платилъ за наемъ своего дома; наконецъ надлежало идти даже къ его повару, и тогда бы вы убѣдились въ преувеличеніи этой суммы, какую Императорскій Министръ даже и въ Парижѣ не выдерживаетъ. Впрочемъ это по показанію Гумпрехта, который, повторяю еще, не имѣя постоянного счета съ Г. Буріенномъ, не можетъ знать, что онъ тратилъ. Если онъ платилъ за него, такъ пускай покажетъ бумаги, удостоверяющіе въ истинѣ его счетовъ.

«Перечитывая все, что вы мнѣ прислали, я не могу составить

себѣ справедливаго мнѣнія. Невидно, для чего вы говорите въ своемъ письмѣ: *Что вѣрно, такъ это то, что были приобретены капиталы, простирающіеся до четырехъ милліоновъ.* Ничто менѣе не вѣрно. Вы заключаете о преувеличенномъ расходѣ, по полученіи, которое дѣлается условнымъ; вы идете отъ предполагаемаго извѣстнаго къ искомому неизвѣстному. Что мнѣ кажется вѣрно, такъ это то, что если отнять изъ 3,800,000 франковъ, которые вы предполагаете приобретеннымъ капиталомъ, 600,000 лишніе по долгамъ, 1,200,000 лишніе по расходамъ въ Гамбургѣ, можно предположить, что Г. Буріеннъ, кромѣ своего содержанія впродолженіи шести лѣтъ, прибавилъ къ нимъ своихъ 500,000 (предположеніе очень основательное и которое ближе къ истинѣ чѣмъ то, что вы говорите), 50,000 Г. Вегера, который, по словамъ вашего Коммисара, не принадлежитъ болѣе Г. Буріенну, то выдѣтъ 4,847,000, которые вы допускаете, не включая пашпортовъ, но въ числѣ которыхъ, по этому очень простому разсужденію, долженъ заключиться не только доходъ отъ пашпортовъ, но и доходы Г. Буріенна впродолженіи шести лѣтъ и проценты на его капиталы.

«Изъ этого вы видите, какъ ложно разсужденіе вашего центрального Коммисара, который говоритъ, что 3,800,000 франковъ приобретенныхъ капиталовъ доказываютъ важность полученныхъ.

«Это заставляетъ меня думать, что Г. Буріеннъ могъ имѣть Мекленбургскія и Датскія облигаціи на суммы, занятыя у сихъ государствъ, но только онѣ не должны быть причислены къ его имуществу; потому что если бы онѣ ихъ купилъ на свои деньги, то это былъ бы двойной расходъ.

«Съ другой стороны, если, по вашей системѣ, отнять изъ 3,800,000 фр. 1,500,000 фр. расходовъ въ Гамбургѣ, миліонъ заплаченныхъ долговъ, 50,000 фр. то сумма Г. Буріенна ограничится 1,250,000 фр.; и это близко къ мнѣнію вашего центрального Коммисара, который утвердительно объясняется относительно большаго преувеличенія состоянія Г. Буріенна, и который пишетъ самъ, что всѣ тѣ лица, съ которыми Г. Буріеннъ имѣлъ счеты, не думаютъ, чтобы онъ былъ очень богатъ. Это должно бы было поразить васъ.

«Я нашелъ двѣ статьи, простирающіяся вмѣстѣ до 6,000 фр. которыя были даны Институту бѣдныхъ пятнадцатаго Августа;

я желаю, чтобы вы потребовали и прислали мнѣ вѣрную вѣдомость о всемъ томъ, что Г. Буріеннъ такимъ образомъ давалъ во время своей миссіи.

«Напоследокъ скажу, Милостивый Государь, что я не вижу нѣзъ всего того, что вы мнѣ прислали, ничего такого, что могло бы доказать тѣ дѣла, о которыхъ вы доносите. Мнѣ кажется, что сдѣланныя мною вамъ замѣчанія могутъ дать вамъ возможность объяснить, какимъ бы то ни было образомъ, то, что вы мнѣ хотѣли доказать; но я не могу только понять, какъ вы поступили такъ съ легка въ отношеніи къ этому ящичку, называемому таинственнымъ, о которомъ говорить въ последнемъ параграфѣ своего рапорта вашъ центральный Коммисарь, и которому, какъ кажется, онъ вѣритъ. Я не намѣренъ, что бы вы это оставили безгласнымъ, и я вамъ предписываю *положительно* добиться до источника этихъ показаній, которыя столь сильно касаются вѣрности Г. Буріенна къ Императору. Я хочу непремѣнно имѣть этотъ ящичекъ, если онъ существуетъ, а не то, чтобы такой обманъ былъ наказанъ. Когда вы будете имѣть болѣе опытности въ вашей должности, тогда вы лучше узнаете этотъ родъ людей, которые простираютъ свою наглость до того, что обманываютъ должностныхъ людей ложными обѣщаніями открыть важныя вещи, которыя существуютъ только въ ихъ низкихъ страстяхъ и мечтаніяхъ.

«Въ числѣ погрѣшностей содержащихся въ разныхъ допросахъ, я замѣчаю многія важныя, которыя бы вы могли мнѣ объяснить.

«Напримѣръ, вы намѣкаете, что Г. Буріеннъ былъ въ Траве-Мюнде въ Іюль 1810, чтобы способствовать производству контрабанды; вы прибавляете, что онъ былъ *притворно* болѣзнь; это притворно можно было бы повѣрить на мѣсть, а что касается до обвиненія въ контрабандѣ, то я замѣчаю, что эта одна статья изъ вашихъ допросовъ постоянно отрицательна; между тѣмъ у васъ было естественное средство доказать истину по этому предмету, но тому что вы могли тотчасъ узнать, сколько судовъ вошло въ Траве-Мюнде въ Іюль и Августъ, и чѣмъ онѣ были нагружены.

«Что касается до корабля Софія-Августа, по предмету котораго допросы благоприятствуютъ Г. Буріенну, то вамъ равномерно легко будетъ судить о томъ, какую онъ тутъ имѣлъ вы-

году. Я знаю изъ рапорта Морскаго Министра, что этотъ корабль отвезъ въ Шль-де-Франсъ депешы изъ этого Министерства, которыя были спрятаны въ ящикъ со шляпами, сдѣланными въ Альтонѣ у одного Карко. Если этотъ Р. Карко еще въ Альтонѣ, то велите развѣдать о томъ, что я говорю, и если это подтвердится, то вы убѣдитесь, что злость обратила въ алчную жадность къ прибыли, такое дѣло, которое было его настоящимъ долгомъ.

«Вотъ, Милостивый Государь, мои возраженія на вашу депешу отъ 2 числа; я, чтобы размыслить объ ней употребилъ болѣе времени, чѣмъ вашъ центральный Коммисаръ на то, чтобы сдѣлать свое донесеніе, и прежде чѣмъ сдѣлаю отъ себя какое либо по вѣдѣ этимъ дѣламъ распоряженіе, мнѣ нуженъ вашъ отвѣтъ на эту депешу. Говорите смѣло все, что найдете противъ моихъ словъ, и освѣдомтесь хорошенько, а послѣ мнѣ отвѣчайте.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Г Л А В А I.

Величія падшія и величія существующія.—Остановка въ отъздъ моемъ въ Гамбургъ.—Немиролюбивый духъ Наполеона.—Война, основаніе могущества Императора.—Линпскій Департаментъ.—Сужденія Иозефины — справедливое предчувствіе относительно Испанскихъ дѣлъ.—Мои поѣздки въ Мальмезонъ.—Первый другъ и первая жена Наполеона. — Горестъ Иозефины и привязанность ея къ нарядамъ.—Слезы и туалетъ. I

Г Л А В А II.

Огромное пространство Имперіи, присяга Бонапарте Сепату.—Сомнѣнія.—Измѣненіе правовъ, законовъ и обычаевъ въ Европѣ.—Извѣстія изъ Италіи.—Списокъ убитымъ и сосланнымъ въ Пиемонтъ.—Характеръ Италійскій и характеръ Нѣмецкій.—Нартчепіе Альіери о Испаніи — Разкрытія книги на письменномъ столѣ Бонапарте. — Удачі въ Испаніи.—Урокъ Массены въ Португаліи.—Дурное положеніе арміи, и славные поступки Мармонта.—Въ Испаніи стяжали бесполезную славу.—Собраніе Кортесевъ.—Свѣдѣнія, доставленныя мнѣ Дюрокомъ.—Упорство Наполеона за континентальную систему.—Исправленіе неумышленной забывчивости — Слова мои Савари въ 1811 году.—Цѣлая Европа дѣлается жертвою континентальной системы.—Встрѣча съ Мюратомъ на Елисейскихъ поляхъ —Характеръ Мюрата.—Откровенность.—Причины неудовольствія Мюрата.—Мюратъ угадываетъ намѣренія Наполеона относительно Италіи.—Скромность съ моей стороны. 8

Г Л А В А III.

Новые титулы и старыя имена.—Сила привычки.—Презрѣніе, какое имѣлъ Фуше къ своему Герцогскому титулу.—Отсутствіе Фуше изъ Парижа.—Стихи на бракосочетаніе Наполеона, заказанные Министромъ Фуше.—Добрыя намѣренія Савари въ отношеніи къ литераторамъ.—Жаръ пѣвцовъ придворныхъ.—Раздача наградъ въ Польшѣ.—Пѣвцы-хвалители, и пѣкоторыя исключенія. — Шатобрианъ и Лемерсье.—Смерть Шенье и его пріемникъ.—Предметъ разговоровъ во всемъ Парижѣ.—Всеобщія заключенія о назначеніи Шатобриана и о его рѣчи.—Похвала невозможному царевубійству.—Коммисія судить рѣчь.—Двѣ партіи въ Академіи.—Наполеонъ читаетъ Шатобрианову рѣчь. — Погодованіе и угрозы.—Возобновленіе давнихъ обидъ и причины зауреченія Меркурія.—Сравненіе Бонапарте съ Нерономъ.—Мое по этому предмету мнѣніе.—Разница между дѣйствіями и словами.—Воспоминаніе.—Двѣ ваканціи въ Институтѣ.—Гг. Лемерсье и Эснаръ.—Двойное представленіе Императору.—Странность и пѣвъ. 25

Г Л А В А IV.

Предполагаемое торжество враговъ моихъ. — Рожденіе Римскаго Короля. — Распространеніе клеветъ.—Корвизаръ меня успокоивается.—Искренній вопросъ при рожденіи Наполеонова сына. — Положеніе Франціи въ 1811 году.—Пятдесятъ семь миліоновъ людей подвластныхъ Наполеону.—Отъездъ мой въ Гамбургъ.—Размышленіе въ дорогѣ, и прибытіе.—Жалкое положеніе Анзатическихъ земель.—Даву, и злоупотребленіе силы.—Порученіе Правительства въ Гамбургъ.—Дальній родственникъ Юзефины. — Г. Шабанъ.—Его исторія, и страшный случай въ Рошамбо.—Честолюбивое желаніе сдѣлаться Сенаторомъ, остается

Стр.

безъ удовлетворенія.—Тягость, наложенная на Ансатическіе города. — Прохожденіе двухъ сотъ тысячъ челоувкъ, и одежда ихъ —Замчательныя происшествія во время пребыванія моего въ Гамбургъ.—Ссоры Наполеона съ Напою.—Безполезныя посредничества у Святаго Отца.—Кардиналь Фенъ на сторонѣ Напья.—Принисываемыя ему слова.—Созваніе совѣта.—Внезапное распуценіе и Епископы въ Винсенгъ.—Новая повѣдка Наполеона въ Голландію. — Языкълъстецовъ и истина. 38

Г Л А В А V.

Поперемѣнныя удачи и потери въ Испаніи.—Албуферское сраженіе.—Праздники по случаю рожденія Римскаго Короля —Наполеонъ удостоенъ въ войнѣ съ Россією.—Посольство Лористона въ Петербургъ.—Безполезность дипломатіи. — Невозможность сохранить миръ.—Препятствіе, причиненное континентальною системою. — Пренебреженіе Испанскою войною.—Солдаты всѣхъ народовъ, и одинъ челоувкъ. — Мои посѣщенія Савари —Начало нашей связи.—Моя перенеска, и совѣты Герцогу Ровино.—Общія предчувствія.—Пожертвованія, некусно отвергнутыя.—Калмыки въ Парижѣ.—Огромныя приуготовленія.—Украшенія для коронаціи и Императорскій багажъ.—Наборъ Національной гвардіи.—Трактатъ о обоюдномъ обезпеченіи пограничныхъ правъ Пруссіи и Австрій.—Условія въ пользу Оттоманской Порты.—Возобновленіе договоровъ съ Швейцарцами. 52

Г Л А В А VI.

Боязнь и необходимость говорить обо мнѣ.—Ожесточеніе моихъ враговъ.—Злое дѣло служить утѣшеніемъ за Вице-Корольство.—Мѣры, принятыя противъ допосовъ.—Занеска, поданная мною прямо Императору.—Ожье де ла Соссей. — Танкетвенная шкатулка.—Тайна всѣмъ узнанная.—Старинная книжка и возоб-

повзвнше доносъ.—Изобличеніе и молчаніе Наполеона — Требованіе быть отданнымъ подѣ судѣ.— Наполеонъ не одобряетъ и презираетъ доносы.— Совѣты Дюрока.— Порядокъ, какой учредилъ Бонапарте во вюртенинскихъ дѣлахъ.— Опасенія отъ пребыванія Папы въ Савойѣ.— Перемѣщеніе Папы въ Фонтенебло.— Помѣщеніе Г. Денона при Нив VII.— Дружеское расположеніе Папы къ Г. Денону.— Страшный случай. — Египетскія древности, первая книга Монсеева и невольное отлученіе отъ церкви.— Мнѣніе Папы на счетъ его положенія.— Отъѣздъ Наполеона и Маріи Луизы въ Дрезденъ.— Монархи, придворные и Королевская гостиная.— Разность между Дрезденомъ и Эрфуртомъ.— Другъ дѣлается врагомъ.— Другое положеніе дѣлъ въ Испаніи и Португаліи. 60

Г Л А В А VII.

Русская кампанія и описаніе ея Г. Филиппа Сегюра.— Наполеонъ обвиняетъ Жюно.—Подробности, сообщенныя мнѣ Ранпомъ.—Хорошій характеръ и прямодушіе Ранпа. — Превосходное сужденіе Ранпа о Русскихъ. — Опасеніе дурнаго расположенія духа Императора. — Предвѣщаніе Ранпа Наполеону. — Мюрать опередилъ Императора въ Дануель. — Неаполитанскій Король.—Разговоръ Ранпа съ Бонапарте.—Искренность Адыюганта, и дурное расположеніе духа Государя.—Въ глазахъ Наполеона Мюрать перемѣнился.—Болѣзнь и грусть. — Взаимныя жалобы Бонапарте и Мюрата.—Ужинъ Императора съ Мюратомъ, Бертье и Ранпомъ.—Мнѣніе Наполеона о союзѣ его съ Пруссією и Австрією.—Зло, причиненное союзникамъ. — Одинъ Ранпъ говоритъ съ Наполеономъ.—Одобреніе безъ подражанія. . . 74

Г Л А В А VIII.

Переговоры и ораторскія предосторожности.—Александръ и Наполеонъ.—Невозможность примиренія.—Пейзль-

Стр.

снимая безопасность Императора въ разсужденіи Турціи. — Выгода Турціи дѣйствовать за одно съ Франціею. — Воспоминанія о переговорахъ Себастіана. — Война объявленная въ 1806 году и миръ заключенный въ 1812 году. — Невѣроятное пренебреженіе Французскимъ Правительствомъ у Оттоманской Порты. — Безпокойства причиненныя Султану. — Бухарестскій миръ, и умноженіе опасеній на счетъ Наполеона. — Ложная политика Оттоманской Порты. — Покушеніе Наполеона къ отторженію Швеціи отъ союза съ Россіею. — Цѣль Наполеона въ томъ, чтобы принудить Императора Александра отозвать свои съвершныя войска. — Вѣрность Бернадота къ союзу его съ Россіею. — Свиданіе въ Або. — Изслѣдованіе и оправданіе поведенія Паслѣднаго Шведскаго Принца. . . 84

Г Л А В А IX.

Бонапарте и его намѣренія въ разсужденіи Польши. — Трудность читать въ Наполеоновыхъ мысляхъ. — Мысли Бонапарте въ Канрѣ и воспоминанія о Сулковскомъ. — Грабитель жалуется на грабительство. — Наполеоново сужденіе о Сѣверной политикѣ. — Записки относительно Польши, диктованныя мнѣ Первымъ Консуломъ. — Статьи въ Монитерѣ. — Воспоминаніе нашихъ вечернихъ разговоровъ. — Странная статья въ протоколѣ Шатильонскаго конгресса. — Разсмотрѣніе того, что Наполеонъ сдѣлалъ въ отношеніи къ Польшѣ. — Мои увѣдомленія изъ Гамбурга. — Оба Императора желаютъ войны. — Разговоры съ Даву. — Энтузіазмъ его къ войнѣ. — Обнародованіе. — Общаніе Польскаго Вице-Королевства. — Торжество саби. — Постоянныя мысли Наполеона о правѣ его на монархическое старшинство. — Чтобы сдѣлалъ Г. Талейранъ — Интриги противъ этого Министра. — Г. Прадъ въ Варшавѣ. — Надежды Поляковъ и разочарованіе. — Трудности, которыя бы встрѣтило возстановленіе Польскаго Королевства. 93

Г Л А В А X.

Какую надъ Бонапарте имѣли власть мечтаній.—Русскіе и Паролье — Петербургливость Наполеонова характера. — Употребленіе и цѣна времени.—Напрасная надежда, что у него будутъ просить мира.—Отвергнутыя предложенія, и отказъ Императора Александра вступить въ переговоры.—Распоряженія въ Москвѣ относительно Французскаго театра. — Причины такихъ распоряженій.—Безпрестанныя троуры въ Парижъ и пушка инвалиднаго дома.—Уроны армій.—Заговоръ Маллета.—Невозможность въ успѣхъ. — Начало удачи.—Дѣло дурака.—Подробности о проискахъ заговорщиковъ.—Герцогъ Ровиго въ ла-Форсъ.—Я открываю въ Министеріи Логоріа, заказывающаго себѣ Министерское платье.—Маллетъ у Генерала Гюлена, Арестованіе Маллета.—Четырнадцать осужденныхъ.—Одобреніе Наполеона. — Императорскія безпокойства.—Отставленіе Фрошона за услышанное слово.—Полученіе Императоромъ извѣстія въ Смоленскѣ.—Раннѣ, въ котораго присутствіе это было, рассказываетъ мнѣ подробности.—Императоръ недоволенъ — Оцѣнка его власти. — Необходимость побывать въ Парижѣ.—Настоящія причины Наполеонова отъезда. Ложныя обвиненія.—Размысленіе о покушеніи Маллета.—Двадцать девятый бюллетень. 110

Г Л А В А XI.

Миоратъ оставляетъ армію.—Ией и Евгений.—Какъ легко Итальянцы сносили стужу.—Прибытіе Наполеона въ Парижъ.—Фуше въ Парижъ и опасенія Герцога Ровиго.—Слѣдствія Маллетова дѣла, и отрѣшеніе Р. Фроно.—Пренебреженіе законными формами.—Наполеону необходимо вознаградить свои уроны.—Всеобщія жалобы.—Пенемовѣрная дѣятельность и созданіе новой арміи. — Учрежденіе почетной стражи. — Затруднительное положеніе Прусскаго Короля.—

Стр.

Отложеніе Генерала Юрка, и осужденіе.—Безпокойства Наполеона.—Созваніе тайнаго совѣта.—Благо-разумныя мнѣнія отвержены, а война рѣшена.—Положеніе Испаніи.—Слабость и отрѣченіе Папы.—Графъ Людовикъ Нарбоискій въ Вьенѣ.—Безуспѣшныя переговоры.—Второй тайный совѣтъ.—Старинный церемоніаль.—Регенство возлагается на Императрицу.—Марія Луиза и Королева Баварка. . . . 125

Г Л А В А XII.

Частныя возстанія.—Наполеонъ-Виль.—Неудовольствіе жителей и возбужденія къ бунту.—Возмущеніе народа въ Гамбургѣ.—Сожженіе Французской караульни.—Разграбленіе нагруженныхъ судовъ.—Французское Начальство уважено.—Бездѣйствіе Начальствъ.—Уложенныя бумаги.—Г. Хабанъ и Генераль Карра-Сель-Сиръ.—Особенная военная коммисія.—Возмущеніе въ Любекѣ.—Г. Гумбертъ де Флювьи.—Дурныя поступки нѣкоторыхъ Французскихъ агентовъ.—Всеобщее возмущеніе въ деревняхъ.—Подъ-префектъ спасается отъ пародной ярости.—Гамбургскій префектъ и мысленное отчужденіе.—Ложный слухъ о приближеніи Корнуса Русской арміи.—Казни, ужасъ и негодованіе.—Уничтоженіе военной коммисіи.—Французскія войска примыкаютъ къ Гамбургу.—Французское начальство уѣзжаетъ изъ Гамбурга.—Неудовольствіе Императора.—Негодованіе на Генерала Карра-Сель-Сира.—Лемарре защищаетъ Магдебургъ.—Козни увѣнчиваются успѣхомъ.—Г. Лероа дѣлается жертвою своего похвальнаго поведенія. . . . 156

Г Л А В А XIII.

Последній мой разговоръ съ Дюрокомъ.—Кротость его характера.—Обычайныя отвѣты Императора приверженцамъ мира.—Холодность Наполеона при смерти прежнихъ его сослуживцевъ.—Восторгъ жителей при избавленіи отъ Французскаго ига.—Восхищеніе на-

Стр.

рода въ Любекѣ.—Конфискація вещей, принадлежащихъ Французскому начальству.—Добровольныя приписанія и всеобщее усердіе.—Наборъ. — Перепись иностранцамъ.—Тридцать Французовъ свободныхъ и тридцать ссылочныхъ.—Г. Буве и благородное его поведеніе.—Слѣдующая глава. 149

Г Л А В А XIV.

Новая Наполеонова армія.—Поведеніе Англійскаго Министра въ Гамбургѣ. — Смерть Генерала Морана.—Французы оиять завладѣли Гамбургомъ.—Слова Наполеона о Вандамъ. — Вандамъ и Теттенборнъ.—Генеральъ зажигатель.—Мищеніе надъ двумя Советниками.—Новый Омаръ. — Замокъ Лиаліенталь, Шротеръ, и астрономическіе инструменты, подаренные Императоромъ.—Умноженіе Французскихъ силъ на Эльбѣ.—Бонапарте и Густавъ-Адольфъ въ Лютценѣ.—Сосдиненіе корпусовъ Даву и Вандамма.—Приказаніе Наполеона отнять Гамбургъ.—Выступленіе Русскихъ и вступленіе Французовъ.—Обнаруженіе официальной лжи.—Г. де Серръ и новый префектъ въ Гамбургѣ.—Генеральъ Гогендорфъ, и мѣры строгости.—Благоразумное поведеніе Директора таможенъ.—Обида и грабительства.—Поводъ официальной лжи. Контрибуція сорока восьми миліоновъ.—Народонаселеніе Гамбурга уменьшается одною третью.—Бонапарте въ Тамилъ и новый епискокъ заложникамъ.—Невообразимыя гоненія.—Маленькіе Нероны. 154

Г Л А В А XV.

Двукратное пребываніе Наполеона въ Дрезденъ.—Баутценское дѣло.—Смерть Дюрока.—Плезвицкое перемиріе.—Собраніе конгресса въ Прагѣ.—Посредничество Австріи. — Возможность заключить миръ. — Упрямство Наполеона.—Дурные Советники.—Сраженіе при Витторіи, и худое положеніе Французовъ въ Испаніи.—Вліяніе извѣстій изъ Испаніи на Прагскій

Стр.

конгрессъ.—Прибытіе въ Европу Генерала Моро.—
Ошибочныя мнѣнія о надеждахъ Моро. — Зеленая
кокарда, Генераль Вильготъ и благородная мысль
Герцога Берри.—Важная бумага и исправленіе ошибокъ.—
Прерваніе Прагскихъ совѣщаній. — Отложаніе
Генерала Жюмпи. — Дрезденское и Лейпцигское
сраженія. 472

Г Л А В А XVI.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Дрезденское и Лейпцигское сраженія.—Дюрюкъ и Понятовскій.—Смерть Дюрюка, нынѣшная грусть и всеобщее сожалѣніе. — Бюллетень и фразы.—Воспоминаніе о Дессеккѣ. — Истина относительно смерти Дюрюка.—Письмо очевиднаго свидѣтеля.—Воспоминаніе о заговорѣ съ Дюрюкомъ.—Досада Дюрюка на Наполеона, и помѣха.—Разговоръ, возобновленный черезъ годъ.—Что Наполеонъ сказалъ обо мнѣ Дюрюку.—Намѣреніе меня опять опредѣлить. — Новыя доказательства дружбы ко мнѣ Дюрюка.—Впечатленіе, произведенное смертью прежнихъ Императорскихъ сослуживцевъ.—Понятовскій.—Начало его поприща.—Понятовскій Министръ Великаго Герцогства Варшавскаго.—Неудачи Лейпцигскаго дѣла.—Линденаускій мостъ.—Оправданіе въ Монитеръ.—Коммисія, назначенная и несостоявшаяся.—Последнія слова и послѣднія минуты Понятовскаго.—Невѣроятная храбрость.—Гробница въ саду и Капелла въ Варшавской церкви. 482

Г Л А В А XVII.

Правленіе Маріи Луизы, и милостивые указы.—Поездка Императора и Императрицы въ Маничъ.—Добрый намѣренія Герцога Ровно.—Рѣшимость все сказать Наполеону.—Миліонъ непріятелей и Мюратъ противъ Императора. — Тяжелыя мысли Бонапарте объ общественномъ кредитѣ.—Пониженіе курса и шестьдесятъ миліонъ убытка. — Умноженіе тайныхъ казачьихъ
Часть IX.

47

бинетовъ.—Дружба ко мнѣ Савари, и воспоминаніе о Дессексовомъ Адъютантѣ.—Покровитель дѣлается покровительствуемымъ. — Обращеніе Наполеона ко мнѣ и умноженіе клеветъ.—Тяжкая обязанность и необходимость говорить о самомъ себѣ.—Обиды, причисленныя одному моему пріятелю Гамбургскою Полиціею.—Важная пота. — Арестъ и освобожденіе.—Нарушеніе формъ.—Присутствіе духа Нѣмецкой служанки.—Истина, дознанная вопреки всемъ усиліямъ заглушить ее. — Новыя и нестерпимыя жестокости Гамбургскаго Правительства.—Заразительная болѣзнь и смерть Г. Хабана.—Поддѣльныя похороны. . . 198

Г Л А В А XVIII.

Движеніе непріятелей къ Рейну.—Положеніе Наполеона.—Восходъ Консульства и конецъ Имперіи.—Наборъ двухъ сотъ осмидесяти тысячъ человекъ.—Лейпцигскія бѣдствія.—Ужасное положеніе Французовъ въ Маицѣ.—Частныя извѣстія. — Наборъ трехъ сотъ тысячъ человекъ.—1813 годъ пагубивше 1812 года.—Вліяніе первыхъ отпаденій на умъ Императора. — Забытое воспоминаніе и слова Наполеона.—Необъяснимое удаленіе Наполеона отъ мира.—Причина этого удаленія, слѣдствіе его характера.—Слава предпочтенная власти.—Франкфуртская декларация.—Увертки Императора.—Условія союзниковъ.—Побудительныя причины, по которымъ Наполеонъ притворляется, будто бы желаетъ мира.—Старая граница Франціи.—Г. Меттернихъ.—Г. Бассаио и дипломатическія безуспѣшныя сношенія. — Герцогъ Виценскій, Министръ иностранныхъ дѣлъ.—Соглашеніе на условія союзниковъ.—Всеобщее уныніе.—Нужды и отвращеніе Франціи.—Желаніе выиграть время и отъѣздъ Коленкура въ главную квартиру союзниковъ. . . . 209

Г Л А В А XIX.

Манифестъ союзниковъ къ Французамъ. — Объявленіе

Стр.

правиль.—Желаніе видѣть Францію великою, сильною и счастливою.—Добросовѣстность и прекрасныя обѣщанія.—Наполеонъ представленъ единственнымъ препятствіемъ къ миру.—Миліонъ сорокъ тысячъ чело-
вѣкъ въ одинъ годъ.—Очевидная искренность союзниковъ.—Жалкое положеніе Франціи.—Тридцать миліоновъ, данныя Императоромъ. — Тюлерійская казна, и позднія жалобы законодательнаго корпуса.—Возвращеніе Дрездена и нарушеніе условій.—Возмущеніе Голландцевъ.—Мюратъ и Англичане.—Желаніе призвать Г. Талейрана опять на Министерство.—Условія, которыя нельзя принять.—Странный совѣтъ относительно Веллингтона.—Перемята въ Министерствѣ.—Г. Моле. — Певѣроятная дѣятельность Наполеона.—Взглядъ Бонапарте на Испанію.—Иосифъ съ трудомъ соглашается на уступку трона.—Хорошая выдумка, дурно выполненная.—Недоумѣніе относительно Базильскаго моста.—Какъ знаю я правду. — Согласіе Швейцарцевъ на проходъ союзниковъ.—Созваніе законодательнаго корпуса.—Безсиліе правительства въ одной комиссіи.—Г. Лене и пробужденіе законодательнаго корпуса. — Слова Бонапарте, пересказанныя Камбасересомъ. 225

Г Л А В А XX.

Знамя Италіанской арміи и орлы 1815 года.—Бездѣйствіе некоторыхъ агентовъ.—Певѣроятная охота вѣрить несбыточнымъ обѣщаніямъ.—Согласіе Швейцарскихъ кантоновъ вручить ихъ земли.—Наполеона обманули. Меня ввечеру требуютъ къ Министру Полиціи.—Опасенія, оправдываемыя новымъ положеніемъ. — Певѣроятное удивленіе и неожиданное предложеніе.—Отвергнутое предложеніе Министерскаго мѣста въ Швейцаріи.—Вопросы Наполеона обо мнѣ.—Приглашеніе меня къ Герцогу Виченскому.—Непоколебимая рѣшимость отказаться отъ Швейцарской миссіи.—Посещеніе Г. Талейрана.—Свиданіе съ Герцогомъ

Стр.

Виченскимъ.—Убъжденіе Министра.—Мое упорство въ отказъ.—Предложеніе сдѣлать меня Герцогомъ и дать ленту Почетнаго Легіона.—Положительный отказъ.—Затрудненіе моего положенія.—Коленкуръ и не Министръ.—Одобреніе и удовольствіе.—Упрежденіе и префектъ Полиціи не знаютъ, гдѣ живетъ Герцогъ Виченскій. 237

Г Л А В А XXI.

Вѣрныя свидѣнія изъ -за границы.—Начало осады Гамбурга.—Новая Сарагосса.—Работы и укрѣпленія.—Мостъ на двѣ мили.—Генераль Дежанъ и Генераль Гансо.—Строгія мѣры и конфискаціи.—Безпорядки, расточеніе и скрытность.—Конфискація лошадей.—Выводъ войска изъ Любека и кровопролитное прощанье.—Нарушеніе покоя могилъ.—Строгая блокада.—Датскій Король увлекается наследнымъ Шведскимъ Принцемъ въ Сѣверный союзъ.—Недостатокъ жизненныхъ припасовъ въ Гамбургъ.—Жители, изгнанные изъ собственнаго ихъ города. — Жестокія мѣры. — Мужчины бьютъ и женщины свкуютъ.—Синхронителность Маршала Даву.—Ночныя похищенія.—Гостепринимство Альтонскихъ жителей. — Прежній Адыютантъ Дюмурьеца, и великодушіе.—Въ Альтонѣ обнаруживается заразительная болѣзнь.—Причины заразной болѣзни въ Гамбургъ.—Жертвы и памятники. 250

Г Л А В А XXII.

Италіевскія дѣла и Принцъ Евгенийъ.—Особая статья.—Поставляемая Наполеономъ важность въ сохраненіи Италіи.—Некузвенныя табели и настоящая сила.—Люди на бумагѣ, и карта Тироля.—Движеніе Италійской арміи къ Австрійскимъ границамъ.—Вниманіе, обращенное на Германію.—Огорченіе Евгевія отъ сложенія Баварцевъ. — Обратное движеніе. — Мюратъ, притворство и ввроломство.—Старая поли-

Стр.

тика Італіи.—Трактатъ между Міуратомъ и Австрією.—Военныя дѣйствія, за которыми слѣдуетъ объявленіе войны. — Міурата покидаютъ Французскіе Генералы.—Предписанія изъ Парижа и безполезная прокламація.—Взятіе Ливорны и Анконы Иезуитами.—Выступленіе изъ Тосканы. 265

Г Л А В А XXIII.

Императорская корона и жемчужный вѣнецъ.—Гигантскіе планы Наполеона къ оборонѣ. — Пагубное вліяніе измѣны Міурата. — Воспоминаніе о Сенъ-Жакъ-д'Акръ и сравненіе.—Г. Коленкура задерживаютъ на аванпостахъ.—Проническія уступки.—Предположенный конгрессъ. — Худое положеніе дѣлъ. — Совѣты, данныя Бонапарте облизиться съ Якобинцами.—Дворянство и чернь.—Прогулки верхомъ въ предмѣстіяхъ.—Мое невольное присутствіе на двухъ совѣщаніяхъ.—Забавныя требованія Якобинцевъ.—Выкапываютъ революціонныя мерзости.—Отвращеніе, внушенное Наполеону. — Принятіе народнаго средства. Вооруженіе Парижской національной гвардіи.—Производство меня въ Капитанъ.—Прощанье Императора съ національною гвардією.—Рѣчь и глубокое душевное движеніе. — Я въ первый разъ вижу сына Бонапарте.—Дѣйствіе на меня этого свиданія.—Прощанье, и воспоминаніе о вступленіи во владѣніе Тюльери. 275

Г Л А В А XXIV.

Странное сближеніе чиселъ.—Смерть Людовика XVI и прощанье Бонапарте въ Тюльери.—Отъездъ Императора въ армію.—Шатильонскій конгрессъ.—Безполезное требованіе перемирія.—Какъ Бонапарте судили при его переговорахъ.—Наполеонъ собственная жертва своя.—Воспоминанія дѣтства и непремѣнность характера Бонапарте.—Наполеонова фортуна имѣетъ

связь съ его славою.—Замѣчательныя слова Императора Коленкуру.—Открытие конгресса.—Новыя условия и увертки. — Пронесенное союзниками слово старой Монархіи.—Г. Коленкура несправедливо обвиняють въ томъ, что онъ препятствовалъ миру.—Тайныя подробности о засѣданіяхъ конгресса.—Невозможность понимать другъ друга.—Побѣжденные договариваются какъ побѣдители.—Предписанія явныя и предписанія тайныя.—Конституціонныя провинціи.—Обманивыя предложенія, и очевидное желаніе повести дѣло въ оттяжку.—Изуствныя обещанія.—Подробности о ходѣ переговоровъ.—Прозѣкъ и отъѣзд.—Изумленіе союзниковъ отъ требованій Императора.—Точная воля упрочить миръ Европы.—Предложенія Наполеона, принятыя съ насмѣшкою.—Разговоръ мой съ Талейраномъ по предмету Коленкурова письма.—Мнѣніе мое сочтено за уиравство.—Мои предвѣщанія вскорости сбываются.—Распуценіе конгресса.—Наполеонъ, одна причина своего паденія и безсмертіе его славы 287

Г Л А В А XXV.

Безполезное искусство Наполеоновыхъ маневровъ.—Достопримѣчательный разговоръ.—Точное положеніе союзниковъ въ отношеніи къ дому Бурбоновъ.—Наполеонъ единственный непріятель союзниковъ.—Мои старинныя связи съ Ренъе.—Преждевременная смерть.—Наполеонъ отражаетъ Прусаковъ.—Русскіе въ Фонтенебло.—Бріенское сраженіе и предполагаемая мысль Наполеона.—Повѣдка моя въ Бріенъ. — Тяжкія воспоминанія и смерть Графа Бріеня. — Странныя размышленія, и Бонапарте ребенокъ. — Пустыня и берега Оби.—Искушеніе Св. Антонія, стертые картины и дѣтскія забавы.—Потонувшій Бріенскій воспитанникъ, и ива. — Одна жертва вмѣсто другой.—Вліяніе мести. 317

Г Л А В А XXVI.

Чудесная дѣятельность. — Театръ войны приближается къ Парижу.—Очеркъ Французской кампаніи.—Пораженіе Русскихъ и Наполеонъ въ Троа. — Шамъ-Абертское сраженіе. — Ужинъ Наполеона съ двумя Маршалами.—Невѣроятныя мѣчты и удачное слово Генерала Друо.—Перемѣны счастья. — Извѣстіе о прибытіи Герцога Англемскаго во Францію.—Графъ д'Артуа въ Версаль.—Война вороновъ противъ орла. —Подвиги Мармона, Макдональда и Моргье.—Безпрестанно возрастающая преданность Савари.—Обманчивыя надежды.—Прибытіе Бернадота на Французскіе границы. — Краонское сраженіе и раненыя Генералы. — Вліяніе зрѣлища раненыхъ на Парижскихъ жителей.—Герцогъ Англемскій въ Бордо.—Отъѣздъ Папы и отсылка Испанскихъ Принцевъ.—Взятіе конвоя и бюллетень Бюллова.—Макдональдъ въ главной Императорской квартирѣ.—Вліяніе перевернутой цыфры. — Нація утомлена Императорскимъ правленіемъ.—Послѣднія и безполезныя покушенія. —Послѣднія числа Марта и союзники предъ Паржемъ.	324
---	-----

П Р И Л О Ж Е Н І Я

КЪ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Письмо Герцога Ровинго, Министра генеральной Полиціи, къ Принцу Экмольскому Маршалу Даву.	341
Письмо Министра главной Полиціи Герцога Ровинго къ генеральному Полицейскому Коммисару въ Гамбургъ Г. д'Обицкоу.	354

З А П И С К И

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНЪ,

**ДИРЕКТОРИИ, КОНСУЛЬСТВЪ, ИМПЕРИИ И
ВОЗСТАНОВЛЕННІИ БУРБОНОВЪ.**

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С. ДЕ ШАПЛЕТЬ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ЧАСТЬ X.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

**ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОУДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВЪНУТРЕННЕЙ
СЪТРАЖИ.**

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра С. Пе-
тербурзь 17 Марта 1856 года.

Цензоръ *П. Гасвскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Вельможи Имперіи.—Люди Франціи и люди Наполеона.—Дѣти Имперіи.—Важное различіе.—Удобленіе армейскихъ съ гражданскими.—Мои желанія и мое содѣйствіе.—Бурбоны незнакомы новому поколѣнію.—Желаніе перемѣны — Совѣтъ регента.—Вліяніе Императорской воли.—Слова значительнаго члена Совѣта.—Записка Камбасереса.—Отъездъ и возвращеніе Г. Талейрана.—Мое посещеніе Г. Талейрану и Савари тридцатаго Марта.—Преданность Савари.—Мармонъ и Мортъе принуждены отступить къ Парижу.—Парижъ пробуждается отъ пушечныхъ выстрѣловъ.—Иосифъ, полномочіе договаривается и побѣтъ.—Вечеръ тридцатаго Марта.—Засѣданіе у Мармона.—Желаніе капитуляціи.—Вліяніе Гг. Перрето и Лавитта.—Торжество любви къ отечеству.—Императорскій Адымантъ.—Мои замѣчанія одобрены.

Вельможи Имперіи и первые подданные Наполеона, раздѣлялись на два класса, очень отличные одинъ отъ другаго. Правда оба были

покорены одному игу, во время самой блестящей его славы, повиновались ему съ какимъ-то восторгомъ: были велики, когда онъ имъ покровительствовалъ и мѣшались съ толпою, если онъ лишалъ ихъ своего покровительства. Въ этомъ только положеніе ихъ было одинаково; но между этими покровительствуемыми людьми, многіе были первыми покровителями Бонапартс, способствуя ему въ достиженіи консульской власти, и таковы были его старыя пріятели, старыя сослуживцы. Другіе, которыхъ мнѣ бы хотѣлось назвать дѣтьми Имперіи, не могли возносить своихъ мыслей къ той эпохѣ, которой они не знали; они видѣли только Наполеона и Имперію; сфера ихъ идей не простиралась далѣе, тогда какъ у ихъ старыхъ сослуживцевъ еще было въ памяти, существованіе отечества, однимъ словомъ Франція, прежде чѣмъ они способствовали дать ей властелина. Для этихъ Франція не заключалась въ тѣсныхъ границахъ Императорской главной квартиры; она находилась между Рейномъ, Альпами, Пиренейскими горами и двумя морями.

Съ другой стороны пламенная и отважная молодежь, приводимая въ восторгъ при голосѣ Наполеона, бросилась изъ школы въ лагерь, и вдругъ возмужала въ глазахъ человѣка, котораго, казалось, имъ послала судьба. Эта жадная славы, почестей и богатства, молодежь, видѣла

даже въ бѣдствіяхъ войны благопріятныя случаи къ своему возвышенію; отъ этого раждалось ея необузданное честолюбіе, слѣпая преданность къ особѣ одного человѣка, явная воля противиться испроверженію Наполеона, потому, что вмѣстѣ съ его могуществомъ должны были исчезнуть эти мечты о славѣ и богатствѣ, которыми Императоръ плѣнилъ воображеніе молодежи. Люди, принадлежащіе къ этому классу, которыхъ я называю дѣтьми Имперіи, захотѣли бы пуститься на все, подвергнуть все опасности, чтобы продлить политическую жизнь ихъ Императора. Но счастію, тѣ, кто нѣкогда проливали кровь свою на столькихъ поляхъ сраженія, прежде даже славы Генерала Бонапарте, или же въ его глазахъ и будучи руководимы его примѣромъ, не вѣрили, чтобы одного человѣка, каковъ бы нибылъ его геній, должно было предпочитать Франціи, они отступали только предъ опасностями войны народной, а она могла бы сдѣлаться важною въ то время, когда Бордо объявилъ себя за Герцога Ангулемскаго, прежде, чѣмъ даже узналъ что-либо о происшествіяхъ, случившихся въ послѣднюю половину Марта мѣсяца въ сѣдствѣ столицы.

Различіе, которое я поставляю между людьми Франціи и людьми Имперіи, неограничивалось арміею; оно было столь же разительно

между высшими чинами гражданской службы. Старые республиканцы, которыхъ достоинства и прежнія заслуги призывали въ Государственный Совѣтъ, правда, что допустили соблазнить себя прелестями роскоши, но все они не могли взирать на Наполеона тѣми же глазами, какими смотрѣли на него тѣ, которыхъ высокая степень родилась вмѣстѣ съ возвышеніемъ Наполеона, и члены собраній, бывшихъ до восьмидесятаго брюмера, не могли имѣть тѣхъ же мыслей, какъ тѣ, которые могли быть знакомы съ народными преимуществами и общественной свободою, только потому, что засѣдали въ Государственномъ Совѣтѣ.

Я не думаю, чтобы это различіе, между людьми двухъ эпохъ, прикованными къ одной колесницѣ, кому нибудь представилось, по крайней мѣрѣ мнѣ ни отъ кого объ этомъ неслучилось слышать; но я могу увѣрить, что оно меня поражало давно, и что съ той самой эпохи, о которой я говорю, оно способствовало мнѣ къ истолкованію поступковъ людей высшаго званія при событіяхъ въ концѣ Марта 1814. Я самъ, не хочу таиться, убѣжденный столькими доказательствами въ томъ, что паденіе Наполеона неизбежно, думалъ, что первая обязанность гражданина есть къ отечеству; всѣ мои мысли, всѣ мои желанія обратились къ основанію мудраго правительства, которое

бы могло обѣщать прочное существованіе. Можетъ быть даже нѣкоторыя съ моей стороны заслуги способствовали исполненію этихъ желаній; и такъ какъ я никогда не боюсь говорить правду, даже въ томъ, что касается до меня, и даже тогда, когда мнѣ пришлось бы навлечь на себя порицаніе со стороны нѣкоторыхъ людей, то я прибавлю съ откровенностью, что испытывая мои мысли, нахожу, что поступки Наполеона со мною впродолженіи четырехъ послѣднихъ годовъ его владычества, не были чужды скорой моей покорности тому правительству, которое за его правительствомъ послѣдовало, какъ-то скоро увидать; но я объявляю съ тою же искренностью, и съ тою же истинною что эта причина была не одна, и не самая сильная. Я слышалъ стenanія народовъ; я видѣлъ картину раззоренныхъ городовъ, опустошенныхъ деревень; я видѣлъ вторженіе непріятельскій во Францію, что иноземцы угрожали столицѣ, и въ такомъ положеніи вещей, можетъ статья мнѣ позволено было видѣть безъ сожалѣнія, паденіе того правительства, о не учрежденіи котораго во Франціи я столько упрасивалъ Бонапарте, когда пользовалъ его довѣренностью, я считалъ, что обязанъ ему истинною.

Эти объясненія показались мнѣ необходимыми прежде, чѣмъ стану рассказывать про то,

что я видѣлъ въ Парижѣ, и узналъ тамъ по имени большимъ связямъ въ послѣднія числа Марта и тридцатаго и тридцать перваго числа. Надобно было видѣть Парижъ въ эту эпоху, чтобы имѣть понятіе о страстяхъ, которыя тамъ волновались то за Наполеона, то противъ него, тогда какъ имени Бурбоновъ еще и не произносили; они были почти неизвѣстны новому поколѣнію, забыты многими; ихъ опасались старые члены конвента; они тогда, по правдѣ имѣли только слабую подпору въ бесѣдахъ Сень-Жерменскаго предмѣстія и въ нѣсколькихъ остаткахъ эмигрантовъ; но надобно сказать правду, что эмигранты ничего не могли сдѣлать, кромѣ напрасныхъ доказательствъ и желаній, которыя немогли возвратить старинную фамилію нашихъ Королей; а потому можно утвердительно сказать, что эмигранты очень мало способствовали возвращенію Бурбоновъ. Одно мнѣ кажется не требующимъ доказательствъ, а именно: что эмигранты своими дурачествами и безразсудными требованіями, сдѣлали возможнымъ на другой годъ возвращеніе Бонапарте и новое насильственное изгнаніе Лудовика XVIII. Въ публикѣ желали перемѣны, какъ-то увидятъ далѣе; знали то, чего болѣе не хотѣли, а того еще не знали чего хотѣли. Однакоже я все думалъ, что присутствіе Маріи Луизы въ Парижѣ дало бы поводъ къ боль-

шимъ затрудненіямъ, которые уничтожены однимъ ея отъѣздомъ.

Отъѣздъ этотъ послѣдовалъ не безъ предварительнаго спора. Двадцать восьмаго Марта созванъ чрезвычайный Совѣтъ Регенства и онъ собрался подъ предсѣдательствомъ Маріи Луизы: его составляли высшіе чины Имперіи, Государственные Министры и Статсъ-Секретари. Въ немъ разбирали вопросъ, оставаться ли Императрицѣ въ Парижъ, или ѣхать въ Блоа. Иосифъ Бонапарте сильно настаивалъ на счетъ отъѣзда, ссылаясь на содержащіяся въ письмѣ Императора приказанія, въ письмѣ, о которомъ я говорилъ выше, когда я хотѣлъ доказать, по случаю смерти Герцога Энгейнскаго, что никто не осмѣливался нарушать Наполеоновыхъ приказаній. Въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ приказывалъ въ этомъ письмѣ, что если Парижу будетъ угрожать опасность, то регенствующая Императрица и весь совѣтъ регенства, отправлялись бы въ Блоа. Я зналъ въ тотъ же самый вечеръ до самаго малѣйшихъ подробностей о томъ, что происходило въ этомъ собраніи; я узналъ, что Архиканцлеръ поддерживалъ мнѣніе Иосифа, и что даже большинство голосовъ было на ихъ сторонѣ. Я узналъ также, что одинъ изъ членовъ, наиболее имѣвшій въ Совѣтѣ вліянія, но важнымъ исправляемымъ имъ должностямъ, человекъ одаренный здравымъ и пря-

мымъ умомъ, сказалъ Иосифу: «Государь, у меня есть копія съ письма, на которое Ваше «Величество ссылаетесь; оно было писано со- «всѣмъ при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ то, «которое теперь представляется; я думаю, что «полюзы Императора, Императрицы, Римскаго «Короля и Франціи требуютъ, чтобы реген- «ствующая Императрица оставалась въ Парижѣ. «Невозможно, чтобы ея присутствіе не послу- «жило нѣкоторымъ образомъ охранною стра- «жею столицѣ; болѣе всего невозможно, что- «бы Императрица не исходатайствовала отъ Им- «ператора своего родителя и отъ союзныхъ «Монарховъ выгоднѣйшихъ условій, чѣмъ когда «она будетъ въ пятидесяти миляхъ отъ Пари- «жа.»

Таже особа, объяснивъ, какъ видѣли, настоя- щій смыслъ Императорскаго письма, склонила къ своему мнѣнію многихъ Членовъ Совѣта ре- генства, которые прежде были того мнѣнія, чтобы Императрицѣ ѣхать. Начавъ опять рѣчь, она въ особенности настаивала на томъ, что если Марія Луиза уѣдетъ изъ Парижа, то ей невозможно будетъ получить выгодныхъ усло- вій, не только отъ своего родителя, но и отъ Императора Александра, который былъ душою союза. Она хотѣла, чтобы Марія Луиза, подра- жая примѣру бабки своей Маріи Терезіи, взя- ла на руки своего сына и представила его Па-

рижскимъ жителямъ. Такой поступокъ, по мнѣнію этой особы, могъ бы дать большое движеніе народному энтузіазму, и долженствовалъ вооружить всѣхъ жителей столицы на защиту ихъ города. Эти горячія замѣчанія, можетъ быть перемѣнили бы рѣшеніе Совѣта, если бы то уваженіе, которымъ обязывала воля, изъясненная въ письмѣ Императора, не заставило бы восторжествовать прежнее большинство голосовъ.

По моему мнѣнію, принятіе такого мнѣнія замѣдло бы только нѣсколькими днями сдѣлавшуюся неизбѣжною перемѣну, но мнѣ, по правдѣ, кажется, что если бы его приняли, то изъ того вышли бы большія затрудненія, и признаюсь, что для пользы Наполеона, это неоспоримо былъ самый благоразумный совѣтъ; но совѣтъ Іосифа одержалъ верхъ, и Архиканцлеръ, помня безъ сомнѣнія то, что Бонапарте сказалъ ему однажды при мнѣ: Если Бурбоны возвратятся, ты будешь повѣшенъ,» убѣждалъ наконецъ собраніе. Императрица, въ сопровожденіи своей обыкновенной гвардіи отпрямилась въ Блюа; Члены Совѣта регенства получили приказаніе сопровождать ее, а Іосифъ поселился въ Тюльери съ титуломъ Генераль-Лейтенанта Имперіи. Принцъ Беневентскій, какъ Членъ Совѣта регенства, также получилъ приказаніе выѣхать изъ Парижа тридцатаго Марта. Въ это время я бывалъ у него каждый

день; тутъ, когда я пришелъ къ нему, то мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ. Однако же я вошелъ и пробылъ нѣсколько времени въ домѣ съ многими пріѣхавшими къ нему его пріятелями. Вскорѣ онъ воротился, и что касается до меня, то я узналъ съ большимъ удовольствіемъ, что его не хотѣли пропустить за заставу. Тогда говорили и послѣ подтверждали, что Талейранъ былъ повѣреннымъ въ этомъ небольшомъ насиліи, и я не посмѣю положительно утверждать противнаго; во всякомъ случаѣ если онъ тутъ участвовалъ, то въ такомъ поведеніи Г. Талейрана, при этомъ случаѣ можно видѣть только высокую предусмотрительность и доказательство большой ловкости. Рассказывая про этотъ случай, говорили объ измѣнѣ, потому что слѣпые обожатели Наполеона хотѣли видѣть измѣну повсюду; для паденія ихъ идола надобны были другія причины, а не одиѣ его ошибки и пагубные совѣты его чистолюбія. Я спрошу, если человѣкъ говоритъ послѣ Шамъ-Обертскаго сраженія, какъ я уже рассказаль выше: «Еще побѣда такая, какъ эта, и я на Висель», то нужна ли была для его паденія измѣна? Бонапарте былъ похожъ на тѣхъ игроковъ, которые, пока у нихъ остается еще одинъ еѣмокъ, все воображаютъ, что они сорвутъ банкъ.

Въ тотъ самый день, когда я былъ у Г. Талейрана, я поѣхалъ также къ Герцогу Ровинго,

съ пріятельскимъ намѣреніемъ уговорить его остаться и воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы предупредить беспорядки. Онъ напрямки отказался, столько онъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ Императора. Я засталъ его у камина, въ которомъ былъ разложенъ большой огонь; онъ жегъ всѣ бумаги, которыя могли бы подвергнуть опасности лица, служившія по его Министерству. Я его отъ души поздравилъ съ такимъ благороднымъ занятіемъ: одинъ огонь могъ очистить кучи гнусностей и доносовъ, которыми завалены были архивы Полиціи. Поступокъ Савари тѣмъ былъ похвальнѣе, что на канунъ перемены правительства, бумаги, которыя онъ предавалъ огню, могли бы поставить какое нибудь препятствіе изъявленіямъ искренней преданности перваго Апрѣля, которыя были не менѣе искренни на канунъ тридцатаго Марта. Эта преданность была одна и таже — только она переменяла предметъ.

Въ минуту отъѣзда Императрицы, я видѣлъ, какъ многіе ожидали движенія въ народѣ въ пользу перемены правительства; но все осталось спокойно, и Парижскіе жители присутвовали при послѣднихъ часахъ Имперіи, точно также, какъ въ театрѣ глядятъ на развязку драмы. Отъ спокойнаго наблюдателя, помѣщеннаго, такъ сказать, внѣ проэншествій, далека была безумная и смѣшная надежда на то, чтобы

стали выламывать изъ мостовой камни и кидать ихъ съ верху домовъ, вмѣстѣ съ пожитками, и лить кинжолокъ. Я неумолчу однакоже, что большое число жителей думали объ оборонѣ, не для того, чтобы сохранить правительство Наполеона, но единственно по той раздражительности, которая свойственна нашему народному характеру: негодовали при одной мысли, что увидать Парижъ во власти иностранцевъ, чему не было примѣра съ самаго царствованія Карла VII.

Кромѣ того по Парижу распустили множество слуховъ: иные мнѣ говорили, что Юсифъ Бонапарте собралъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ Министровъ, гдѣ разсуждали о томъ, не лучше ли ему будетъ самому потребовать отреченія своего брата и объявить себя протекторомъ Имперіи. Все это была низкая интрига; я зналъ слишкомъ хорошо Юсифа, и что у него не достанетъ довольно энергіи для такой роли; въ Парижѣ не хотѣли его имѣть точно также, какъ и въ Мадридѣ, и послѣднія минуты его трехдневнаго царствованія доказали, сколько этотъ прежній республиканецъ, дважды вѣнчанный, остался малодушень.

Между тѣмъ, рѣшительная минута приближалась. Я сказалъ уже, что Маршалы Мармонъ и Мортъе примкнули двадцать девятаго числа къ Парижу, чтобы защищать его апро-

ни. Ночью караулы на взъездахъ поручены были національной гвардіи, и ни одинъ иностранецъ, ни одинъ ихъ агентъ не могли пробраться въ столицу. Два брата Полиньяка, которые за нѣсколько времени покинули госпиталь, гдѣ имъ дозволено было жить въ Винсеннѣ, и которые явились въ главную квартиру Императора Александра, напрасно покушались пробраться. Однакоже иностранцы были извѣщены о томъ, что происходило въ Парижѣ, и я послѣ узналъ, что отъѣздъ Маріи Луизы имѣлъ вліяніе на принятую ими тогда рѣшимость поспѣшить развязкою этой борьбы, удвоивъ усилія, чтобы войти въ столицу Франціи. Двадцать девятого числа ввечеру Мармонъ, бывшій въ Сень-Манде, сталъ въ позицію, примкнувъ правымъ плечемъ къ Марнѣ, тогда какъ лѣвое его плечо примыкало къ правому плечу Мортъе, котораго войска собраны были на высотахъ Монмартрскихъ.

Всѣ Парижскіе жители были разбужены тридцатаго Марта, на самомъ разсвѣтѣ, пушечною пальбою, и вскорѣ равнина Сень-Дениская покрылась союзными войсками, которыя туда стекались со всѣхъ сторонъ; героическое мужество нашихъ солдатъ, ничего не могло сдѣлать противъ такого превосходнаго числа, однакоже они заставили союзниковъ дорого заплатить за входъ въ столицу, и національная гвардія, подѣ

командою Маршала Монсея, въ этотъ день вела себя, а также и воспитанники Политехнической школы, превращенные въ канонеровъ, достойнымъ старыхъ нашихъ солдатъ образомъ. Положеніе Мармона въ этотъ день достаточно было, чтобы увѣковѣчить имя армейскаго Генерала. Командуемый имъ Корпусъ состоялъ только изъ семи или восьми тысячъ человекъ и восьми сотъ лошадей; съ этою горстью храбрыхъ онъ держался цѣлые двѣнадцать часовъ противъ арміи въ пятьдесятъ тысячъ человекъ, изъ которыхъ, какъ увѣряютъ, четырнадцать тысячъ выбыли изъ фронта. Онъ такъ не отставалъ отъ другихъ, что двѣнадцать солдатъ убиты штыками возлѣ его, а у него самого прострѣли пулею шляпу. Но что можно было сдѣлать противъ превосходнаго числа?

Въ этомъ состояніи вещей Герцогъ Рагузскій извѣстилъ о своемъ положеніи Іосифа Бонапарте, и отвѣтъ его столь важенъ въ отношеніи къ послѣдующимъ событіямъ, что я долженъ помѣстить его здѣсь слово въ слово; вотъ онъ:

«Если Г. Маршалъ, Герцогъ Рагузскій и Г. Маршалъ Герцогъ Тревизскій не могутъ болѣе держаться, то имъ дается полномочіе войти въ переговоры съ Княземъ Шварценбергомъ и Россійскимъ Императоромъ, которые «передъ ними.

«Осиѣѣ.

«Монмартъ, тридцатаго Марта 1814, въ четверть перваго часа по полудни. Они отретифируются къ Лоаръ.»

Уже долго спустя по полученіи этого формальнаго полномочія, Мармонъ и Мортъе перестали продолжать сопротивленіе союзной арміи, потому что согласились положить оружіе въ четыре часа вечера, и Іосифъ, какъ-то всё знаютъ, этого не ожидалъ. Въ четверть перваго часа по полудни, то есть немедленно послѣ посылки къ Мармону вышеписаннаго полномочія, Іосифъ отправился къ Булонскому лѣсу, чтобы выѣхать на Версальскую дорогу и добраться до Рамбулье.

Послѣднее бѣгство Іосифа удивило только тѣхъ, кто его не зналъ, но я узналъ, что многіе офицеры его штаба оказывали большое неудовольствіе на этотъ внезапный побѣгъ. Они думали, что Іосифъ дѣлаетъ движеніе къ мосту Невильи, чтобы защищать его, если союзники у него покажутся; но они скоро были выведены изъ заблужденія, когда у заставы Звѣзды они увидѣли, что побѣдъ повернулъ на лѣво и поѣхалъ по аллеѣ Булонскаго лѣса. Что было дѣлать въ этихъ обстоятельствахъ, если не спасти Парижъ, который никакъ нельзя было защищать еще два часа? и какъ можно было еще спасти такое дѣло, которое само себя покидало? Всё, что ни было въ арміи почетныхъ

особь, имѣли въ Парижѣ женъ, дѣтей, родителей, друзей, и надобно было, чтобы настоящее ослѣпленіе, или лучше сказать безумное упрямство лишило ихъ разума и подавило въ нихъ всякое человѣческое чувство, если бы они захотѣли подвергать сердце отечества ярости побѣдителя! Когда Мармонъ подписалъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, за чѣмъ должна была съ наступленіемъ ночи послѣдовать капитуляція, то онъ за это одно дѣло заслужилъ скорѣе гражданскій вѣнецъ, чѣмъ недостойные упрёки.

Кажется, я теперь еще вижу, какъ онъ ввечеру тридцатаго Марта возвратился съ поля сраженія въ свой домъ въ Райской улицѣ; гажется, что я еще теперь въ этой зеленой гостиной, гдѣ я его ожидалъ вмѣстѣ съ двадцатью особами, между которыми находились Гг. Перрего и Лафитъ. Когда онъ вошелъ, то едва можно было узнать его; борода у него была съ недѣлю не брита; надѣтый сверхъ мундира сертукъ, весь въ лоскутьяхъ, а самъ онъ съ головы до ногъ закопченъ порохомъ. Тутъ принялись разсуждать о томъ, что дѣлать; мы все настаивали въ необходимости подписать капитуляцію; Маршалъ долженъ вспомнить, что вокругъ его только и слышно было: «Надобно спасти Францію!» Бывшій въ этомъ собраніи Сенскій пресектъ, понимая, въ чемъ

состоитъ должность перваго гражданскаго лица въ столицѣ, объявилъ, что онъ намѣренъ отпирать въ главную квартиру союзниковъ со всеми градскими чинами. Я очень одобрилъ такое умное намѣреніе, и Г. Шаброль чувствовалъ, какой бы онъ подвергнулся отвѣтственности, еслибы не употребилъ всѣхъ усилій на то, чтобы спасти Парижъ отъ ужасовъ грабежа, который могло бы навлечь должайшее и бесполезное сопротивленіе. Гг. Перрего и Лафитъ рѣшительно объявили свое мнѣніе въ этомъ крайнемъ случаѣ, а можно себя представить, какой вѣсъ должно было имѣть мнѣніе двухъ человекъ, въ рукахъ которыхъ были финансы; они громогласно объявили, что общее мнѣніе Парижанъ, котораго никто лучше ихъ знать не могъ, было вопреки должайшей борьбѣ, и что наконецъ Франція была утомлена игомъ Бонапарте.

Это послѣднее предложеніе родило вопросъ, который разбирали въ большемъ пространствѣ, потому что дѣло шло уже не объ одной капитуляціи Парижа, но и о перемѣнѣ правительства; имя Бурбоновъ произнесено въ первый разъ. Я уже не помню, кто изъ насъ, услышавъ о возможности призыва прежней династїи, замѣтилъ, сколько затрудненій встрѣтитъ возстановленіе, безъ обращенія къ минувшему; но я помню навѣрное, что Г. Лафитъ тутъ

сказаль намъ: «Господа, намъ нечего будетъ бояться, если намъ дадутъ хорошую конституцію, которая бы ограждала права всѣхъ.» Эта умная мысль заслужила одобреніе большинства собранія зеленой гостиной, и осталась не безъ вліянія на поведеніе Маршала.

Между тѣмъ, это достопримѣчательное совѣщаніе ознаменовалось неожиданнымъ случаемъ. Во время нашихъ разсужденій, или лучше сказать посреди единственныхъ просьбъ къ Маршалу, чтобы онъ согласился на то, чтобы капитуляція была плодомъ прекращенія военныхъ дѣйствій, мы увидѣли вошедшаго къ нему Императорскаго Адъютанта. Наполеонъ, узнавъ о движеніи союзниковъ на Парижъ, со всею поспѣшностью бросился отъ береговъ Марны на Фонтенеблосскую дорогу къ Парижу, и ввечеру былъ лично въ Фроаманто, откуда отправилъ своего посланнаго къ Маршалу. По рѣчамъ Адъютанта легко было видѣть, что мысли въ Императорской квартирѣ ни сколько не походили на мысли Парижскихъ жителей потому что этотъ офицеръ изъявилъ свое недовольствіе при одномъ словѣ о капитуляціи, и съ непонятною увѣренностью утверждалъ, что Наполеонъ скоро прибудетъ въ Парижъ, который еще надѣется спасти отъ занятія. Этотъ Адъютантъ сказаль намъ съ жаромъ, что Наполеонъ твердо увѣренъ, что ополчатся не смо-

тря на капитуляцію; что изломають мостовыя чтобы кидать каменьями въ союзниковъ при ихъ вступленіи; мало ли еще что? Я дозволилъ себѣ спорить противъ этой безумной системы сопротивленія, хотя объ ней предложено было съ такимъ повелительнымъ видомъ, который иногда озадачиваетъ. Я говорилъ, что безумно было бы думать, что Парижъ можетъ противустоять многочисленнымъ войскамъ, которыя должны были вступить на другой день; что прекращеніе военныхъ дѣйствій, на которое согласились союзники, имѣло цѣлю только то, чтобы составить болѣе правильную капитуляцію; что нельзя было нарушить положенія о семъ прекращеніи, не поправъ всѣ законы чести. Я прибавилъ, что мнѣніе обращалось къ лучшей будущности; что Французы утомлены неограниченнымъ правленіемъ и тѣмъ жалкимъ положеніемъ, до котораго доведены коммерція и промышленность безпрестанными войнами; которыя ежегодно пожирають триста тысячъ человѣкъ. Когда народъ впадетъ въ такое бѣдственное положеніе, присовокупилъ я, то надежда его можетъ быть только на будущее, и естественно, что онъ предается ей даже не размышляя.

Самъ Юсвиль, сказалъ я еще, отчаясь спасти разрушающуюся Имперію своего брата, покинулъ это дѣло и уѣхалъ чрезъ Булонскій лѣсъ

отправивъ уполномочіе на капитуляцію, и приказавъ всеѣмъ Министрамъ выѣхать изъ Парижа къ Императрицѣ въ Блоа. Большая часть изъ присутствовавшихъ были одного со мною мнѣнія: согласились единогласно; и Маршаль говорилъ мнѣ въ послѣдствіи: «Меня обвиняютъ, любезный другъ; но вы были у меня стризцатаго Марта; но вы видѣли желанія избранныйшихъ жителей Парижа. Я поступилъ такъ, какъ меня уговаривали, потому что я видѣлъ у себя собраніе людей совершенно безкорыстныхъ, и которымъ нечего было ожидать отъ возвращенія Бурбоновъ.»

Таково вѣрное изложеніе событій, которыхъ видъ хотѣли измѣнить для величайшей славы Наполеона; я знаю, что объ нихъ рассказывали различнымъ образомъ, но въ отношеніи къ этимъ рассказамъ, которые будутъ своимъ содержаниемъ далеки отъ моего, у меня есть только одно возраженіе, и вотъ оно: я тамъ былъ, видѣлъ и слышалъ!

Г Л А В А II.

Франція спасена капитуляціею Парижа. — Невозможность защищаться. — Мирныя победы и сохраненныя памятники. — Г. Блакасъ и Г. Ферранъ. — Благородное поведѣніе Мармона. — Императоръ въ Эссонъ и скорое возвращеніе въ Фонтенебло. — Полковникъ Фабіе и Полковникъ Денисъ. — Преданность Савари. — Два префекта. — Капитуляція Парижа. — Надежды, причиною которыхъ отсутствіе Австрійскаго Императора. — Утро тридцать перваго Марта. — Разодранныя платки и выдуманныя кокарды. — Роляистская скачка. — Гг. Состевъ де ла Рошфуко, Графъ Фрассаръ, Герцогъ Люксамбургскій, Герцогъ Крюссольскій, Сеймуръ и другіе. — Депутація къ Александру. — Шатобріанъ и его книжка. — Засѣданіе у Г. Морфонтена. — Бѣлый шарфъ. — Вступленіе союзниковъ. — Несклонность Франціи къ Наполеону. — Александръ у Г. Талейрана. — Присутствіе мое на всехъ собраніяхъ. — Что мнѣ сказалъ Русскій Императоръ. — Разсужденіе о томъ какое дать правленіе Франціи. — Роляизмъ аббата Прадта — Рѣшительныя слова Г. Талейрана. — Объявленіе Александра. — Вѣрное возвращеніе Бурбоновъ. — Прокламація Александра. — Скорость объявленія. — Назначеніе меня въ главное управленіе почтъ.

Капитуляція Парижа спасла Францію. Послѣ того говорили, безъ сомнѣнія, чтобы дать ка-

кое нибудь основаніе раздраженію честолюбивыхъ сѣтованій и несправедливой ненависти за то, что если бы Парижъ защищали одинъ день, то союзники бы пропали; этому доказательствомъ приводили, что чужестранныя арміи сожгли послѣдніе свои снаряды; такія сказки могутъ только служить на забаву дѣтямъ. Если бы даже было правда, что они истратили всё свои снаряды, то кто могъ знать это? Заглядывали ли мы въ сумы Русскихъ, Прусаковъ и Австрійцевъ? Не долго спустя послѣ занятія Парижа вздумали сдѣлать эти прекрасныя открытія; но что было очевидно всякому, то что я видѣлъ также, какъ жители Парижа, также какъ національная гвардія, которой надобно было оплакивать почтенныхъ гражданъ, отцевъ семействъ, что невозможно было Парижу защищаться долѣ двухъ часовъ; что два Маршала, на которыхъ возложена его оборона, сдѣлали болѣе, чѣмъ по человечеству можно было ожидать отъ самыхъ опытныхъ дарованій, при предводительствованіи горстью храбрыхъ, которая у нихъ оставалась. Если бы капитуляція не была слѣдствіемъ прекращенія военныхъ дѣйствій тридцатаго Марта, то непріятель безирезультатно бросился бы въ столицу; Парижъ могъ сдѣлаться театромъ ужаснаго побоища, убійства гражданъ, пожара сданій, грабежа домовъ. Наполеонъ отъ того не менѣе бы палъ, и на

прощанье, онъ оставилъ бы этой прекрасной Франціи, которую онъ столько любилъ, вмѣсто столицы, кучу пепла.

Какое было напротивъ того непосредственное слѣдствіе капитуляціи Парижа. Миръ, какъ будто волшебствомъ, приобретенный; Европа на насъ ополчилась, и по прошествіи сорока восьми часовъ не слышно стало ни ружейнаго выстрѣла. Наполеонъ повсюду налагалъ огромныя контрибуціи; въ 1814 году не потребовали ни копѣйки. Въ нашихъ Музеумахъ, на публичныхъ площадяхъ, возвышались трофеи, похищенные у столицъ Европы; эти трофеи остались, какъ памятники нашей славы. Не стану объ этомъ говорить много, потому что жестоко и несправедливо было бы 1814 году приписывать то, что случилось въ 1815.

Что касается до меня, то я не скрою, что очень порадовался по выходѣ моемъ отъ Маршала, когда увидѣлъ, какой благопріятный оборотъ принимали дѣла Франціи, потому что въ эту минуту Франція и ея будущее благосостояніе, о которомъ мнѣ пріятно было ласкать себя надеждою, были единственнымъ предметомъ всѣхъ моихъ желаній.

Клеветы, которыхъ я былъ предметомъ, не однѣ лежали у меня на сердцѣ; признаюсь, что я чувствую истинное удовольствіе опровергнуть тѣ, которыми преслѣдовали старыхъ дру-

зей, особливо когда будучи удаленъ отъ нихъ, могу уступить необходимости говорить истину не подавая поводу думать, что тутъ мѣшается снисхожденіе.

На другой день послѣ капитуляціи Парижа, Мармонъ проводилъ свои войска до Эссонъ, поѣхалъ тотъ же вечеръ на свиданіе съ Императоромъ въ Фонтенебло! Онъ съ нимъ отужиналъ. Наполеонъ расхваливалъ его за то, какъ онъ защищалъ Парижъ. Я ничего не узналъ особеннаго объ этомъ свиданіи; мнѣ извѣстно, только, что послѣ ужина Маршалъ уѣхалъ къ своему корпусу въ Эссону, и что черезъ шесть часовъ пріѣхалъ туда Императоръ, чтобы осматривать ряды.

Маршалъ, выѣзжая изъ Парижа, оставилъ тамъ Полковниковъ Фабвіе и Дениса, чтобы наблюдать за выполненіемъ капитуляціи при сдачѣ города союзникамъ. Эти офицеры явились къ Императору и Маршалу въ то самое время, когда они ѣхали по берегу рѣки Эссонъ. Они не скрыли того, какое дѣйствіе произвело на Парижъ вступленіе союзниковъ; видно было что Императоръ на это очень разсердился, и онъ немедленно уѣхалъ въ Фонтенебло, оставивъ въ Эссонѣ Маршала.

Я навѣстилъ, какъ сказалъ уже, Савари тридцатаго Марта: я бы очень желалъ, чтобы согласясь на мои убѣжденія, онъ согласился ос-

таться въ Парижѣ, чтобы сохранить въ немъ спокойствіе, и я долженъ, къ его чести, сказать, что ему въ похвалу служить постоянная преданность дѣлу Императора; потому что съ давняго времени онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые съ большею прозорливостью видѣли, что изъ всего выдетъ. Отъѣзжая, онъ поручилъ двумъ префектамъ Сенскому и Полиціи, обще съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, управленіе въ Парижѣ. Видно было, что Г. Шаброль понималъ свои обязанности и свое положеніе; Г. Паскъсъ понималъ ихъ также, но нѣсколько съ большимъ затрудненіемъ. Оба префекта явились ночью въ главную квартиру Императора Александра съ просьбою пощадить городъ, и капитуляція была подписана въ два часа утра.

Капитуляція Парижа была безъ сомнѣнія почтеніе для Франціи, чѣмъ для иностранцевъ всѣ тѣ, которыя они подписали при сдачѣ городовъ, занятыхъ нашими побѣдоносными войсками безъ сопротивленія. Ночь провели спокойно въ Парижѣ потому, что всякой зналъ уже о перемиріи тридцатаго числа, и начинали отдыхать. Между тѣмъ въ будущемъ было еще много неопредѣленнаго; но каждый толковалъ согласно съ своими желаніями, и у всѣхъ, какъ будто бы свалился камень съ сердца. Шные обманывали себя мечтами, думая, что посредствомъ интригъ имъ удастся сдѣлать, что па-

д*

значать регенство, чтобы значило, подь другимъ именемъ, сохранить власть Бонапарте, чего наиболѣе необходимо было избѣгать, если хотѣли прочнаго мира. Между тѣмъ въ первыя минуты они еще могли нѣкоторымъ образомъ надѣяться. Но тѣхъ, кто желалъ новаго, или лучше сказать прежняго порядка вещей, болѣе успокоивала увѣренность, что Императоръ Александръ не хочетъ болѣе ни Бонапарте, ни его семейства, потому что объявленіе его Генералу Ренне, о которомъ я говорилъ выше, не осталось въ такой тайнѣ, чтобы объ немъ никто не провѣдалъ.

Тридцать перваго Марта на разсвѣтъ, Парижъ представлялъ совсемъ новое зрѣлище, которое могло бы изумить людей чуждыхъ общественныхъ дѣлъ, но было достойно вниманія безпристрастнаго наблюдателя. Едва только Французскія войска выступили изъ города, какъ въ самыхъ значительнѣйшихъ частяхъ города, на площадяхъ и перекресткахъ раздались крики: Долой Бонапарте! не надобно конскрипціи! не надобно соединенныхъ правъ! Съ этими криками мѣшались другіе крики: Да здравствуютъ Бурбоны! но эти послѣднія восклицанія не такъ часто повторялись, и вообще я замѣтилъ, что народъ слушалъ и смотрѣлъ на все съ какимъ-то равнодушіемъ. Такъ какъ я принималъ очень дѣятельное участіе во всемъ случившемся въ минувшіе дни и присутствовалъ

во всѣхъ бывшихъ собраніяхъ, то мнѣ и болѣе другаго любопытно было наблюдать то, что я назову, физиогномією Паризжа. Мнѣ въ другой разъ случилось дѣлать подобное наблюденіе; и я видѣлъ, какъ тотъ же самый народъ утѣшался паденіемъ челоуѣка, котораго встрѣтилъ съ такимъ восторгомъ послѣ осьмнадцатаго Брюмера, потому что какъ тогда надѣялись свободы, такъ надѣялись ее и въ 1814 году.

Я вышелъ рано по утру, чтобы поглядѣть на собравшіяся многочисленныя толпы; я видѣлъ, какъ женщины раздирали свои носовыя платки, и раздавали лоскутки, какъ знаменіе возвращенной лиліи; но эти площадныя восклицанія, я долженъ признаться, не имѣли на меня вліанія.

Въ это самое утро я встрѣтилъ на булеваряхъ, а потомъ нѣсколько часовъ спустя на площади Лудовика XV, нѣсколько челоуѣкъ верхами, которые ѣздили по улицамъ, провозглашая возстановленіе Бурбоновъ криками: «Да здравствуетъ Король! Да здравствуетъ Лудовикъ XVIII!» Впереди другихъ я узналъ Гг. Состена де ла Рошфуко, Графа Фроассара, Герцога Луксембургскаго, Герцога Круссоя, Сеймура и дру. . . За этимъ верховымъ поѣздомъ, раздававшимъ на дорогѣ бѣлыя кокарды, скоро собралась довольно большая толпа, которая съ шумомъ отиравилась на Вандомскую площадь. Извѣстно что тамъ происходило; едва одно первое упоеніе радости, конечно очень закон-

ной, можетъ извинять странное неистовство, исполненное надъ изображеніемъ челоуѣка, котораго, по крайней мѣрѣ несчастія, заслуженныя или нѣтъ, должныствовали бы оградить отъ такихъ оскорбленій. Къ тому же это значило оскорблять армію, которая еще признавала Наполеона за своего начальника; это значило раздражать его приверженцевъ, которые были еще въ Парижѣ. Назвали улицу Мира Наполеонову улицу—ничего не могло быть лучше—это была столько же остроумная мысль, какъ и то, чтобы дать имя улицы Побѣды Шантеренской улицѣ, при возвращеніи побѣдителя Италіи.

Какъ бы то ни было, такіе знаки непомѣрнаго усердія, которыхъ излишества я никакъ не одобряю, служили можетъ быть болѣе чѣмъ думаютъ, успѣху намѣреній начальниковъ роялистской партіи.

Между тѣмъ, какъ приверженцы Императора, или лучше сказать, падшей Имперіи, хлопотали о томъ, чтобы собрать остатки Императорской фортуны, и воздвигнуть изъ нихъ новое зданіе почти по прежнему плану, другая партія, руководимая лучше своими частными уваженіями, которыя, по крайней мѣрѣ, должныствовали обратиться въ общую пользу, имѣла свои собранія, едва скрываемыя, гдѣ разбирали подъ разными видами и въ мнѣніяхъ

болѣе или менѣе самимъ себѣ противорѣчащихъ, великій вопросъ о возстановленіи. Вотъ какъ я узналъ послѣ отъ очевиднаго свидѣтеля, что происходило ввечеру тридцать перваго Марта въ самомъ рѣшительномъ изъ этихъ собраний, предсѣдательствуемомъ Графомъ Морфонтскимъ, у котораго въ домѣ и собирались.

Собраніе было многочисленно; по громкимъ крикамъ, предложеніямъ столько же ребячскимъ, какъ и сильнымъ, наконецъ по невозможности слышать одному другаго, трудно было бы угадать, что одно чувство соединяло присутствовавшихъ. Даже полагали, что туда пробрались нѣсколько подозрительныхъ людей, чтобы способствовать безпорядку. Посреди этого хаоса необдуманныхъ предложеній и противорѣчащихъ мнѣній, раздался голосъ, который по счастью былъ такъ громокъ, что покрылъ всѣ другіе голоса: это былъ голосъ Г. Состена де ла Рошфуко. Онъ предложилъ послать немедленно депутацію къ Императору Александру для объясненія предъ нимъ желанія собранія. Это предложеніе было тотчасъ одобрено и творца его выбрали главою депутаціи, придавъ къ нему Гг. Феррана и Цезара Шоазеля. Вышедъ изъ дому, эти Господа повстрѣчали человѣка, который дѣятельнымъ своимъ усердіемъ и удивительнымъ дарованіемъ служилъ можетъ быть самымъ лучшимъ образомъ возстановленію въ

эту рывительную минуту. После того, что я сказалъ, не нужно называть по имени Г. Шатобріана, который въ этотъ же самый день былъ точно какъ предвѣстникъ возстановленія, напечатать свое удивительное обнаруженіе Бонапарте и Бурбоны. Ему предложили присоединиться къ депутаціи, и онъ согласился; но ничто не могло побѣдить его скромности и заставить говорить. Прибывъ въ домъ на Сень-Флорентинской улицѣ, гдѣ я былъ въ одно съ ними время, эти Господа спросили Графа Нессельрода и Г. Состень де ла Рошфуко, объявили ему въ краткихъ словахъ цѣль ихъ прибытія; онъ говорилъ о желаніяхъ собранія и о единодушномъ желаніи Парля и Франціи. Онъ представилъ возстановленіе Бурбоновъ, какъ единственное средство упрочить миръ Европы, и въ заключеніе сказалъ, что такъ какъ настоящій день долженъ быть утомителенъ для Императора, то депутація не осмѣливается просить милости быть принятою, но что она со всею довѣренностію полагается на извѣстное праводушіе Е. П. В. «Я сей часъ только отъ Императора, отвѣчалъ Г. Нессельродъ, и ручаюсь вамъ за «его намѣренія. Возвратитесь въ собраніе и объявите всѣмъ Французамъ, что Е. П. В. тронутъ «объявленными ему столь сильно желаніями, и «употребитъ все свое вліяніе на то, чтобы «возвратить корону законному Монарху. Е. В. Ко-

«роль Лудовикъ XVIII взойдетъ на тронъ Франціи.» Депутаты возвратились въ собраніе въ улицѣ д'Анжу, съ этою счастливою вѣстью. Радость удвоила шумъ, и Предсѣдатель не зналъ, какъ заключить засѣданіе, какъ Г. Талонъ, одинъ изъ первыхъ поддерживавшихъ роялистское движеніе, вздумалъ погасить свѣчи; тутъ принуждены были разойтись.

Я жалѣлъ о сѣтовавшихъ на нарушеніе нашей народной славы, и дѣлилъ съ ними грусть ихъ: но мнѣ нечего сказать объ этихъ людяхъ, которыхъ находятъ при всѣхъ перемѣнахъ правленій, царедворцевъ фортуны, безъ всякихъ другихъ правилъ, кромѣ эгонзма и которые всегда держатся такихъ мнѣній, какія доставляютъ прибыльные мѣста; Богъ знаетъ, какія толпы ихъ нахлынули тогда въ Парижъ. Правда то, что изготовленіе внезапныхъ изъявленій преданности, завело уже слишкомъ далеко рвеніе нѣкоторыхъ особъ; такъ что онѣ кидались въ объятія иностранцамъ. Политика вмѣстѣ съ разсудкомъ, можетъ быть, ставили то въ законъ, когда видѣли, что эти иностранцы все носили на рукахъ бѣлыя повязки, въ знакъ союза и мира; но есть нѣкоторое достоинство, котораго никогда съ себя совлекать не должно, и народная стыдливость, предписывающая уваженіе. Я не осуждаю громкаго выраженія чувствованій, какими сопровождали Александра на бульварахъ, потому

что видѣли въ немъ надежду на лучшее будущее; но я бы хотѣлъ болѣе приличія, въ особенноти относительно падшей власти; однимъ словомъ, я объясню всю мою мысль, сказавъ, что одобряю тѣхъ, кто кричалъ да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ Бурбоны! но никакъ не похвалю кричавшихъ: Долой Бонапартъ! долой тирана. Что касается до людей, которые обнаруживали сильное негодованіе, то это точно такъ, какъ бы они кричали: Да здравствуютъ мои мѣста! да здравствуютъ мои доходы!

Какъ бы то ни было и какъ бы о томъ ни судили, восторгъ ознаменовавшійся на бульварѣ въ день вступленія союзниковъ, есть истинное событіе; можно его одобрять или порицать, но нельзя отрицать; я замѣчалъ хорошо все чего былъ свидѣтелемъ и видѣлъ тутъ болѣе, чѣмъ любопытство; я видѣлъ тутъ выраженіе чувства, которое издавна предвидѣлъ. Когда я замѣчалъ, что Наполеоновѣ честолюбіе послѣ союза съ дочерью Кесарей, возрастало по той мѣрѣ, какъ оно удовлетворялось, и что упоеніе побѣдами лишило его разсудка, то я потерялъ всякое сомнѣніе относительно сего паденія, хотя тогда и не могъ еще предвидѣть эпохи онаго. Кто со вниманіемъ слѣдовалъ за движеніемъ дѣлъ въ послѣдніе четыре года Имперіи, тому дѣйствительно должно было замѣтить, какъ я

то замѣтилъ, что съ самой Наполеоновоу женидѣбы на Маріи Луизѣ, формы правленія дѣлались противъ прежняго еще жесточе и угнснительнѣе. За однимъ опредѣленіемъ Сената слѣдовало другое съ такою поспѣшностью, что народъ, изъ числа котораго выбыль почти десятый, былъ безпрестанно увлекаемъ за границу, и къ этимъ ни сколько не соразмѣрнымъ наборамъ людей, присоединялись еще обидныя насмѣшки; Рено де Сень-Жанъ Анжели осмѣлился сказать, что конскрипція увеличиваетъ народонаселеніе. Изъ сказаннаго мною прежде о томъ, какъ въ концѣ 1815 года, законодательное сословіе, совлекши себя нѣмоту, на которую было осуждено, осмѣлилось дать урокъ тому, кто до того ихъ ни отъ кого не получалъ, можно было судить, до какой степени зло сдѣлалось нестерпимо. Тридцать перваго Марта вспомнили, каково было тогда поведеніе Наполеона, и оставшіеся въ Парижѣ депутаты разсказывали, какъ Жандармы не дозволяли имъ опять войти въ залу собранія. Все это чудесно способствовало къ раздраженію умовъ противъ Наполеона. Самыя мечты, которыя ему такъ хорошо служили въ продолженіе его блестящаго поприща, съ каждымъ днемъ исчезали, а слава перестала представлять трону его подпору, и тронъ этотъ остался безъ подпоры. Сдѣлавшись властителемъ Франціи посредствомъ сабли, ко-

гда онъ однажды вложилъ саблю въ ножны, то потерялъ всякое на властительство право, потому что никакое народное постановленіе у націи не сливалось съ мыслию о новой династїи, которую онъ основать надѣялся. Нація ему удивлялась, но не любила; потому что нельзя любить то, чего боишься, и Наполеонъ не дѣлалъ ничего, чтобы заслужить привязанность Франціи.

Можетъ быть, сужденіе мое объ Императорѣ покажется строгимъ, но я говорю то, что думаю, и имѣю, можетъ статья, больше всякаго другаго на то права, потому что мнѣ не возможно раздѣлить въ умѣ моемъ сдѣланное имъ зло, отъ добра, какое бы онъ могъ сдѣлать. Какъ бы то нибыло, погрѣшала или нѣтъ нація, но она была утомлена и недовольна, и всѣ причины, такъ сказать ощутительныя, общественнаго неудовольствїя, сильно способствовали расположенію Александра и Фридриха Вильгельма низвергнуть Наполеона.

Съ тридцатаго на тридцать первое Марта, когда Императоръ Александръ избралъ для жительства своего во время пребыванїя въ Парижѣ домъ Г. Талейрама, я видѣлъ этого Монарха; я разглядывая его со вниманіемъ, безъ труда разгадалъ, что крики, слышанные имъ на пути, только что утвердили его въ намѣренїи, на которое онъ уже твердо рѣшился. Событія

войны дали ему возможность переменить династію Наполеона, дѣло, на которое онъ рѣшился, если къ тому допустить судьба, съ самаго еще начала Московской кампаніи.

Я присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ, при всѣхъ совѣщаніяхъ, какія были у Г. Талейрана. Этотъ Принцъ былъ изо-всѣхъ изъ насъ по видимому, наиболѣе расположенъ сохранить Наполеону власть, дѣлая ограниченія въ исполненіи его власти. Въ томъ положеніи, въ какомъ были дѣла, были только три возможныхъ стороны: 1) Заключить съ Наполеономъ миръ, принявъ все противъ него предосторожности; 2) учредить Регенство; и 3) призвать Бурбоновъ. Что касается до Бернадота, то никто его не хотѣлъ, не потому что опасались его личнаго характера, но потому что, съ одной стороны тучи соперниковъ поднялись бы противъ него, чтобы могло быть поводомъ къ народной войнѣ, а вовторыхъ потому что положеніе бывшаго Француза, вооружившагося противъ Франціи, было таково, что могло раздражить много народной подозрительности. Когда Императоръ Александръ вошелъ въ гостиную Г. Талейрана, то многая часть изъ собравшихся тамъ, и въ особенности Аббатъ Прадтъ, Аббатъ Монтескю и Генераль Дессоль, стали у него требовать Бурбоновъ; въ первую минуту онъ не рѣшился; однакоже, когда я подошелъ къ

нему поближе, то онъ отвелъ меня къ окну, которое было на улицу и сказалъ нѣсколько словъ, а по нимъ я могъ судить, каково будетъ его рѣшеніе. «Г. Буріеннъ,» сказалъ онъ мнѣ, «вы были другомъ Наполеона, и я также; я «былъ его другъ самый искренній; но невозможно жить въ мірѣ съ такимъ лживымъ человекомъ. *Надобно съ нимъ кончить.*» Эти послѣднія слова открыли мнѣ глаза.

Начали разбирательство о трехъ возможныхъ видахъ правленія, въ вопросахъ, предложенныхъ самимъ Императоромъ Александромъ, такъ какъ я ихъ объяснилъ. Императоръ Александръ спросилъ Г. Талейрана, какое средство тотъ предполагалъ употребить, чтобы призвать Бурбоновъ. Я увѣренъ, что въ эту минуту Александръ дѣлалъ возраженія только для того, чтобы увидѣть, кто изъ окружающихъ его особъ будетъ сильнѣе настаивать. Г. Талейранъ увѣрялъ его, что если только рѣшительно это положить, то установленныя власти будутъ дѣйствовать съ такою правильностью, какую дозволятъ обстоятельства, и что онъ полагаетъ, что можетъ поручиться за согласіе Сената. Тогда Г. Талейранъ далъ говорить Аббату Луи и Аббату Прадту, которые вмѣстѣ съ Десоллемъ, наиболѣе настаивали въ пользу Бурбоновъ; я даже помню, что Г. Талейранъ совѣтовалъ Императору Александру спросить ихъ,

какъ лица, въ особенности занятія благоденствіемъ Франціи, и знающія все, что дѣлается и что думаютъ. Кромѣ Французовъ тутъ были съ Императоромъ Александромъ, Король Прусскій, Князь Шварценбергъ, Г. Нессельроде, Г. Ноццо-ди-Борго и Принцъ Лихтенштейнъ. Александръ не садился и ходилъ, какъ казалось, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ; однакоже онъ намъ сказалъ, возвысивъ голосъ: «Вы знаете господа, что не я началъ войну; вы знаете, что Наполеонъ пришелъ ко мнѣ; насъ привела сюда не жажда къ завоеваніямъ, ни желаніе отмстить; вы видѣли, что я дѣлаю для сохраненія вашей столицы, этаго чуда искусствъ, отъ ужасовъ грабежа, которому участь войны се бы подвергала. Ни мои союзники, ни я, не ведемъ войны удовлетворенія, и мнѣ бы очень прискорбно было, если бы сдѣлали какой вредъ вашему великолѣпному городу. Мы не воюемъ съ Францією, повторяю вамъ, господа: намъ надобно сражаться съ двумя неприятелями; съ Наполеономъ и со всякимъ врагомъ свободы Франціи. Вильгельмъ, и вы «Князь» (присовокупилъ Александръ, обращаясь къ Королю Прусскому и къ Князю Шварценбергу, представлявшему Австрійскаго Императора) «не правдами, что я изъяснилъ и ваши чувства?» Оба объявили свое согласіе на все, что сказалъ Александръ, который нѣсколько разъ по-

вторялъ другими словами эту рѣчь, въ которой болѣе, и болѣе выражались великодушныя чувства; въ особенности онъ утверждалъ, что Франція совершенно свободна, и какъ скоро ея желанія будутъ совершенно извѣстны, то онъ и его союзники будутъ ихъ поддерживать, не стараясь имѣть какое либо вліяніе на то, или другое правительство.

Тогда Аббатъ Прадтъ сказалъ съ увѣрительнымъ видомъ, что мы всѣ Роялисты, такъ какъ и вся Франція; что во всемъ Парижѣ были тѣхъ же мыслей; что уже по утру Парижъ обнаружилъ свои чувствованія на пути Ихъ Величествъ, что сдѣлано будетъ еще болѣе торжественнымъ образомъ, когда желанія жителей не будутъ обуздываемы страхомъ. Онъ присовокупилъ, что Парижъ есть глава Франціи, и что во всѣхъ перемѣнахъ революціи, Франція всегда повиновалась тѣмъ движеніямъ, какія ей внушала столица.

Между тѣмъ Александръ, исчисляя еще при миѣ разныя правительства, которые бы могли въ настоящихъ обстоятельствахъ причастовать Франціи, говорилъ и о поддержаніи Бонапарте на тронѣ, и о учрежденіи регенства, и о Бериадетѣ, и о призываніи Бурбоновъ; Талейранъ началъ говорить, и я не забылъ того, что онъ сказалъ Русскому Императору: «Государь, только есть двѣ возможныя вещи, или

«Бонапарте, или Лудовикъ XVIII. Бонапарте, «если вы можете; но вы не можете этого, по- «тому что не один! . . . Кого бы захотѣли дать «на его мѣсто? . . . Солдата? . . . Мы не хо- «тимъ ихъ болѣе, а если бы хотѣли, такъ оста- «вили бы того, который у насъ есть: это пер- «вый солдатъ на свѣтѣ. Послѣ него тѣ, кого «бы намъ предложили, не будутъ имѣть и де- «сяти человѣкъ на своей сторонѣ. Я повторяю «Вамъ, Государь, все что не Лудовикъ XVIII «или Бонапарте, есть интрига.»

Эти примѣчательныя слова Принца Беневент- скаго произвели надъ умомъ Императора Алек- сандра все то дѣйствіе, котораго мы могли надѣяться. По этому вопросъ сдѣлался проще, потому что сдѣлался двоякимъ, и такъ какъ было очевидно, что Александръ не хотѣлъ бо- лѣе ни Наполеона, ни его фамиліи, то вопросъ этотъ сдѣлался единственнымъ; то есть въ от- ношеніи возстановленія Бурбоновъ. Александръ упрощаемый всѣми нами, кромѣ Г. Талейра- на, который хотѣлъ все оставить вопросъ не рѣшеннымъ между Бонапарте и Лудовикомъ XVIII, только бы избрали одного кого либо изъ нихъ, Александръ наконецъ объявилъ, что не будетъ болѣе вести договоровъ съ Наполе- ономъ; а когда ему представили, что это объ- явленіе имѣеть предметомъ исключеніе только особы Императора, не распространяясь на его

фамилію, онъ присовокупилъ: «Ни съ кѣмъ изъ фамиліи Наполеона.» И такъ съ тридцать пер- ваго Марта Бурбоны оишь сдѣлались Госуда- рями Франціи. Изъ всѣхъ тогда сдѣланныхъ предложеній, самымъ пагубнымъ казалось мнѣ предложеніе о регенствѣ. Въ этомъ случаѣ все, какъ бы остановилось. Въ самомъ дѣлѣ, какое пространство оставить этой смѣшенной власти, которая сдѣлалась бы ни чѣмъ, если бы Напо- леонъ пересталъ быть ея душою? Какъ увѣ- риться въ томъ, что когда союзники уйдуть, то Бонапарте не явится оишь, чтобы сдѣлать- ся главою правительства и не начнетъ оишь дѣлать великія безумства, причинившія его па- деніе?

Наглядѣвшисъ, какъ я сказалъ, на то зрѣли- ще, какое представлялъ мнѣ Парижъ, а въ осо- бенности на бульварахъ, когда поѣздъ Госуда- рей миновалъ новую Луксамбургскую улицу, я отправился въ Сень-Флорентинскую улицу въ домъ Г. Талейрана, чтобы поспѣть туда прежде Императора Александра, который туда пріѣхалъ, около четверти втораго часа. По прибытіи его, начались описанныя мною совѣщанія, которыя продолжались до трехъ часовъ. Тутъ Импера- торъ Александръ подписалъ декларацію, въ ко- торой было сказано: «что условія мира должны заключать сильнѣйшія обезпеченія, если поло- жено будетъ обуздать Наполеоново честолюбіе;

«они должны быть выгоднѣе, когда, возвратясь къ благоразумному правленію. Франція сама «предоставитъ обезпеченіе въ спокойствіи.

«Государи объявляютъ, что они не стануть «болѣе договариваться ни съ Наполеономъ Бонапарте, ни съ кѣмъ изъ его фамиліи.

«Что они уважають цѣлость прежней Франціи, каковою она была подь правленіемъ своихъ законныхъ Государей; они даже могутъ «сдѣлать болѣе, потому что по ихъ правиламъ «надобно, чтобы Франція была велика и «сильна.

«Что они признають и обезпечать ту конституцію, какою дастъ себѣ Французская нація По сему поводу они приглашаютъ Сенатъ «назначить теперь же временное правленіе, которое бы могло удовлетворить потребности по «сдѣламъ и приготовить конституцію, приличную «Французскому народу.

«Изыясненныя мною намѣренія раздѣляютъ «со мною всѣ союзныя Державы.

Парижъ 31 Марга, послѣ полудня.

АЛЕКСАНДРЪ.

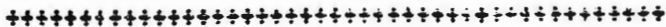
Я не могу удержаться, чтобы не упомянуть здѣсь о томъ, съ какою поспѣшностью, съ какою торопливостью, Лаборій, котораго Г. Талейранъ въ послѣдствіи назначилъ въ должность Секретаря временнаго правительства, бросился изъ комнаты, когда ему отдали дек-

ларацию Императора Александра. Онъ побѣждалъ въ Типографію, гдѣ эта бумага была напечатана такъ скоро, что много что чрезъ часъ она была прибита ко всякой стѣнѣ въ Парижѣ.

Эта декларация произвела чудесное дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ она все кончила разомъ, и очевидно показывала, какъ были бы тщетны покушенія тѣхъ, которые бы затѣвали ковы съ противною дѣлю. Ничто не препятствовало вѣрить слову Александра; и имѣли причины думать, что Франція при новомъ правительствѣ, или находясь опять подъ скиптромъ Бурбоновъ, получитъ выгоднѣйшія условія, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы союзники вели переговоры съ Наполеономъ.

Въ вечеру тридцать перваго Марта, я опять былъ у Г. Талейрана. Императоръ Александръ прибылъ туда въ одиннадцать часовъ вечера; онъ подожди ко мнѣ, сказалъ: «Г. Буріенишъ, надобно чтобы вы приняли на себя главное управленіе почтами» Я не могъ отказаться отъ такого положительнаго приглашенія Императора; къ тому же Даваллетъ уѣхалъ на канунъ, и дѣла бы на другой день остановились, что было бы чрезвычайно предосудительно движенію возстановленія, которому мы хотѣли способствовать. Я тотчасъ поѣхалъ въ домъ въ улицѣ Ж. Ж. Руссо, гдѣ я действительно нашелъ, что

не только не было приказанія объ отправленіи на другой день почты, но было еще и запрещеніе. Я въ ту же ночь былъ у управляющихъ, которые по моему приглашенію собрались. При ихъ пособіи, я успѣлъ собрать къ слѣдующему утру всѣхъ Чиновниковъ на ихъ мѣста; я устроилъ дѣлопроизводство, и почта отправилась перваго Апрѣля точно также, какъ-то обыкновенно бывало. Таковы мои воспомнанія о тридцать первомъ Мартѣ.

Г Л А В А ІІІ.

Самая важная вещь получена отъ Александра. — Погрѣшность, какую сдѣлалъ Наполеонъ удаливъ Императрицу изъ Парижа. — Основаніе и составъ временнаго правительства. — Снисхожденіе Сената. — Аббатъ Прадтъ въ почетномъ легіонѣ. — Увеличеніе числа приверженцевъ къ Бурбонамъ. — Ложное мнѣніе о поведеніи Австрійскаго Императора, и моя въ этомъ отношеніи увѣренность. — Югъ Франціи обнаруживаетъ себя за Бурбоновъ. — Порученіе данное Наполеономъ Коленкуру. — Подробности этого порученія. — Коленкуру предшествуетъ градское Начальство. — Слова Александра депутаціи и Наполеонову посланному. — Свиданіе въ Парижѣ. — Полномочіе Коленкура. — Привѣтствіе Александра Сенатскою депутаціею. — Неудовольствіе, причиняемое присутствіемъ Коленкура въ Парижѣ, и приказаніе вывхать. — Перѣшность Г. Талейрана между Бонапарте и Бурбонами. — Возвращеніе Коленкура въ Фонтенебло.

Самое важное дѣло, которое надобно было получить отъ Императора Александра, это была декларация, которую я помѣстилъ въ предъидущей главѣ; остальное казалось долженствова-

ло идти само собою. Тогда-то особы, оставшіеся приверженными къ дѣлу Бонапарте увидѣли, какую важную онъ сдѣлалъ ошибку, удаливъ изъ Парижа свою жену и сына. Если бы было правительство, то принуждены бы были договариваться съ этимъ правительствомъ; но нельзя было дать этого имени однимъ Начальникамъ, оставшимся при должностяхъ, Сенскому Пресфекту и Пресфекту Полиціи, которые впрочемъ были на сторонѣ призванія Бурбоновъ. Такъ какъ Государство не можетъ существовать безъ правительства, а всѣ министры уѣхали въ Блоа, то надлежало заняться учрежденіемъ временнаго правительства, или, лучше сказать, утвердить это правительство, которое, какъ я слышалъ, создало само себя и за ранѣе. Сенату однакоже предоставили честь назначить членовъ по собственному ихъ извѣстію, справедливо предполагая, что при перемѣнѣ властителя, онъ не слагаетъ съ себя обязанности своихъ. Г. Талейранъ сдѣланъ предсѣдателемъ правительства; другіе члены были Генераль Бернонвиль, Графъ Францискъ Жюкуръ, Герцогъ Далбергъ, женатый на дочери госпожи Бриньоле, одной изъ Женевскихъ дамъ Маріи Луизы, и Аббатъ Монтескю. Этотъ правительственный совѣтъ сдѣлалъ Министрами Финансовъ Аббата Луи, Морскимъ Г. Малуэ, военнымъ Генерала Дюнона, Полиціи Г. Англе-

са, Командующимъ народною гвардією Генерала Дессоля, и Великимъ Канцлеромъ Почетнаго Легиона, Аббата Прадта. Выше видѣли, какимъ образомъ я самъ попалъ въ должность Главнаго Директора почтъ; но можно замѣтить, что между членами временнаго правительства, были два Аббата, Аббать Монтескію и Аббать Прадтъ, что странно противорѣчило обычаямъ прежняго правительства. По какому-то странному случаю тутъ именно были тѣ, которые служили обѣдно на Марсовомъ полѣ въ день первой федераціи.

Сенатъ, увлекаясь силою своихъ одобрительныхъ привычекъ, никакъ не осмѣлился сдѣлать какое нибудь измѣненіе, въ данномъ ему для составленія временнаго правительства спискѣ, и чтобы слѣдовать прежнимъ своимъ путемъ, онъ превратилъ въ декретъ декларацію союзниковъ, такъ что съ этой минуты, партія желающихъ Бурбоновъ очевидно увеличивалась. Въ рѣшительныя минуты, всегда есть мгновенія посвященныя неизвѣстности, потому что возлѣ надежды, подаваемой новымъ правительствомъ, былъ страхъ увидѣть, что падшее правительство возстанетъ изъ своихъ развалинъ; но какъ скоро не представлялось болѣе опасности объявить себя за Бурбоновъ, то они сдѣлались предметомъ восторга многихъ такихъ людей, которые за двадцать четыре часа и не слышали

объ нихъ. Я смѣю сказать, что какого бы ни были мнѣнія о Наполеонѣ, въ его ли пользу или напротивъ, выборъ одного изъ членовъ временнаго правительства былъ весьма осуждаемъ; почитали за насмѣшку для Почетнаго Легіона то, что ему назначили Аббата Великимъ Канцлеромъ; но Аббать Прадтъ показалъ столько усердія къ неисроверженію Наполеона, столько привязанности къ Бурбонамъ, что нельзя было не дать ему чего нибудь; все бы можно было избрать для него высшую должность, менѣе не совмѣстную съ духовнымъ саномъ, въ который онъ былъ облеченъ, а особливо если принять въ разсужденіе тогдашній образъ мыслей.

Людямъ недовольнымъ событіями и дѣйствіями тридцать перваго Марта, подпорою въ нихъ напрасныхъ надеждахъ, было только предположеніе, что Австрійскій Императоръ останется отъ своихъ союзниковъ, или по крайній мѣрѣ не будетъ дѣйствовать за одно съ ними для сверженія съ трона своей дочери, съ намѣреніемъ возстановить Бурбонровъ. Я уже имѣлъ случай говорить объ этомъ Государь, воспитанномъ въ правилахъ второй политики своего дома и преданномъ древнимъ правиламъ своего кабинета. Я старался вывести изъ заблужденія нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, которые раздѣляли такое мнѣніе, и сказалъ имъ, сколько не

основательно было ихъ предположеніе, потому что я навѣрное зналъ, что Императоръ Францъ, былъ совершенно согласенъ съ союзниками. Желая не имѣть никакой скрытной мысли по этому предмету, я дозволилъ себѣ, разговаривая съ Императоромъ Александромъ, доложить ему о слухахъ, которые я собралъ относительно отечества Австрійскаго Императора; не помню его отвѣта отъ слова до слова, но по немъ я могъ заключить съ достовѣрностью, что Францъ II ни сколько непротивъ ниспроверженія своего зятя; но что его удаленіе отъ мѣста разсужденій имѣло поводомъ только какую-то совѣстливость, по причинѣ родства его съ Наполеономъ; онъ не хотѣлъ лично присутствовать при паденіи своего зятя, ни показывать видъ, что беретъ прямое участіе въ рѣшимости, на которую далъ свое согласіе. Такая уловка обманула иныхъ, и можно полагать бы, что въ послѣдствіи обманула и самого Наполеона, если бы на другой годъ, онъ дѣйствительно повѣрилъ, что Австрійскій Императоръ дозволить возвратиться во Францію его женѣ и сыну.

Между тѣмъ, какъ эти вещи происходили въ Парижѣ, южная Франція объявила себя за Бурбоновъ, и многіе города тамъ послѣдовали примѣру, данному городомъ Бордо 12 Марта. Въ это же время положеніе Наполеона станови-

лось съ каждою минутою затруднительнѣе и хуже. Ахъ! если бы я могъ читать въ его мысляхъ въ эти дни скорби, сколько бы я могъ сказать! Какія мысли должны были волновать его душу, въ ней тѣсниться и бороться, когда онъ узналъ о капитуляціи Парижа! Онъ послалъ Коленкура въ главную квартиру Императора Александра, куда Коленкуръ пріѣхалъ въ ночи съ тридцатаго на тридцать первое Марта; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ быть принятымъ отъ Императора Александра, сей послѣдній принялъ уже правительственный Совѣтъ и двухъ префектовъ.

Вотъ какія тогда дошли до меня подробности о порученіи, сдѣланномъ Коленкуру къ Императору Александру. Хотя я не видалъ его пока онъ оставался въ Парижѣ тридцатаго Марта, но я узналъ, что онъ въ тотъ же вечеръ видѣлъ ясно, что многіе уже объявили себя противъ Императорскаго правленія, и онъ даже думалъ, что дѣло зашло далѣе, чѣмъ то въ самомъ дѣлѣ было. Меня не было у Г. Талейрана тогда какъ онъ къ нему пріѣхалъ; я уже чрезъ нѣсколько часовъ узналъ о томъ, въ какомъ онъ былъ заблужденіи. Но такъ какъ впрочемъ у него было порученіе только въ главную квартиру Русскаго Императора, то онъ туда и поспѣшилъ; и пріѣхалъ туда, какъ я уже сказалъ, послѣ градскаго Совѣта города

Парижа подъ предводительствомъ Г. Шабрели. Въ первую минуту Александръ, показавъ удивленнымъ, увидя градской Совѣтъ и не сдѣлавъ ему такого пріема, какой ожидали; но это первое движеніе было мгновенно, и потомъ Александръ сказалъ депутаціи: «Вы меня видите, «господа, предъ вратами вашей столицы; участь «оружія доставила мнѣ это, и я могу войти. Я «войду завтра, но я не врагъ Французской на- «ціи, потому что у меня во Франціи только «одинъ непріятель, съ которымъ мнѣ надобно «сражаться. Жалѣю о бѣдствіяхъ, которыя онъ «навлекъ на васъ и я постараюсь облегчить «нихъ сколько возможно будетъ. Я поставлю въ «Парижъ какъ можно менѣ войска; остальные «будутъ расположены въ окрестностяхъ. Много «ли у васъ казармъ въ Парижѣ?—Государь, от- «вѣчалъ префектъ, есть тысячъ на десять че- «ловѣкъ.—Тѣмъ лучше; легче будетъ жителямъ, «которымъ ни я, ни союзники мои не желаемъ «никакого зла. Вы можете ихъ въ томъ увѣ- «рять со стороны союзниковъ и съ моей.» Такъ говорилъ Александръ градскому Совѣту, не упоминая ничего о своихъ дальнѣйшихъ на- мѣреніяхъ.

Только послѣ этого пріема Коленкуръ могъ увидѣть Русскаго Императора. Александръ, очень любившій его лично, принялъ его съ благово- леніемъ, какъ человѣка, а не такъ какъ Нано-

леонова посланнаго; онъ ему сказалъ только, заставивъ долго подождать: «Вы пріѣхали въ «пору, тогда какъ уже пособить не чѣмъ. Теперь я съ вами говорить не могу; поѣзжайте въ Парижъ, тамъ я съ вами увижусь.» Слова эти мало оставили Коленкуру сомнѣнія на счетъ послѣдствій его порученія; Императоръ далъ ему неограниченное полномочіе и назначилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ главнымъ Коммисаромъ въ Парижъ на время пребыванія иностранцевъ въ столицѣ; но эта важная должность осталась ему ненадолго, потому что Коленкуръ не могъ увидѣть Императора Александра у Г. Талейрана прежде, чѣмъ была подписана вышеупомянутая декларация; къ тому же слышали и другія слова Монарха, а эти слова служили основаніемъ справедливымъ надеждамъ. Положивъ даже, что Александръ не имѣлъ твердаго намѣренія возстановить домъ Бурбоновъ, что тогда было и правда, можно ли отрицать давнишнее его желаніе перемѣнить династію во Франціи? Абовское свиданіе имѣло ли что другое въ предметъ, и не прошло ли послѣ того три года, какъ Императоръ вступилъ въ Парижъ?

Въ это время рѣчи Александра были во всѣхъ обстоятельствахъ одинаковы; читатели видѣли, какъ онъ говорилъ съ нами у Г. Талейрана. Вотъ что онъ сказалъ Сенатской депутаціи, на

которую возложено было представить ему положеніе о временномъ правительствѣ: «Человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, пришель въ мое Государство, какъ несправедливый зачинщикъ ссоры; съ нимъ я веду войну, а не съ Франціею. Я другъ Французскаго народа; сдѣланное вами удвоиваетъ еще эти чувства: справедливо, благоразумно дать Франціи учрежденія, которыя бы согласовались съ настоящимъ просвѣщеніемъ. Мои союзники и я, мы пришли сюда только для того, чтобы поддержать ваши рѣшенія.»

Коленкуру извѣстны были намѣренія Александра; разговоръ, который они имѣли между собою, остался тайною для всѣхъ, потому что ни Александръ, ни Герцогъ Висенскій намъ объ немъ не говорили; но все мы могли заключать по нѣсколькимъ вырвавшимся у Русскаго Императора словамъ, что онъ принялъ Коленкура такъ какъ частнаго человѣка, котораго любилъ, а не такъ какъ посланника отъ Наполеона, котораго власти онъ не могъ болѣе дѣйствительно признавать послѣ своей декларации. Между тѣмъ временное правительство смотрѣло неблагопріятнымъ окомъ на Коленкурово пребываніе въ Парижъ; безъ настоящей пользы дѣлу Наполеона, это пребываніе могло только продолжить нерѣшимость нѣкоторыхъ робкихъ людей, и я помню

что Аббать Прадтъ принялъ на себя въ этомъ случаѣ говорить Александру, потому что, какъ я уже замѣтилъ, Г. Талейранъ оставался до того почти постороннимъ въ дѣлахъ, имѣвшихъ непосредственно въ предметъ испроверженіе Императора. Аббать Прадтъ сказалъ Императору, что, какое бы ни было сдѣлано предложеніе, мнѣнія не объявятъ, пока не удостовѣрятся на счетъ его собственныхъ мыслей, и что пребываніе Г. Коленкура въ Парижъ охлаждало всѣхъ.

Александръ согласился съ мнѣніемъ временнаго правительства, изъясненнымъ чрезъ посредство Аббата Прадта. Онъ велѣлъ Г. Коленкуру выѣхать изъ Парижа, объявивъ ему, что союзникамъ нечего было отвѣчать по порученію, сдѣланному ему Императоромъ Наполеономъ. По сему Г. Коленкуръ выѣхалъ изъ столицы и возвратился къ Императору, который тогда имѣлъ свое пребываніе въ Фонтенебло.

Г Л А В А IV.

Положеніе Наполеона во время Парижскихъ произшествій. — Бонапарте въ Троа тридцатаго Марта. — Десять миль въ два часа. — Прибытіе въ Сашь. — Императоръ въ тележкѣ. — Наполеонъ въ Фродманто. — Генераль Беллиаръ и первыя извѣстія о Парижскомъ сраженіи. — Карты и цвѣтныя булавки. — Коленкуръ посланъ въ Парижъ. — Скорый отъездъ въ Фонтенебло. — Бонапарте запирается на цѣлый день въ своемъ кабинетѣ. — Мармонъ призванъ въ Фонтенебло. — Подробности, доставленныя Императору. — Планы нападенія на Парижъ и мысль отступить за Лоарь. — Дурной успѣхъ Коленкурова посольства. — Прибытіе головъ комошъ въ Фонтенебло. — Рѣчь Императора гвардіи. — Наполеонъ утверждаетъ о своемъ желаніи мира. — Бѣлая кокарда и преданность гвардіи. — Благородное поведеніе Генераловъ въ арміи. — Ослабленіе умственныхъ способностей Наполеона. — Что мнѣ сказалъ Маршалъ Лезебръ о Наполеонѣ.

Теперь я расскажу, что дѣлалъ Императоръ въ то время, какъ мы были заняты въ Парижѣ новою участію, какую надѣялись доставить Франціи. У меня было довольно пріятелей въ главной квартирѣ Императора, и потому я могъ быть увѣренъ, что не обманываюсь, полагаясь на сдѣланныя ими мнѣ въ то время рассказы которыхъ, признаюсь, я очень жадни-

чалъ, по тому что я занимался не только тѣмъ, что видѣлъ въ Парижѣ, будучи совершенно убѣжденъ, что если бы и было какое препятствіе паденію Имперіи, то препятствіе это могло случиться только отъ какой нибудь мгновенной рѣшимости, какія родились въ Наполеоновомъ умѣ внезапно.

Тридцатаго Марта утромъ, когда сраженіе подъ стѣнами Парижа было въ самомъ пылу, Бонапарте находился еще въ Троа; онъ выѣхалъ изъ этого города въ десять часовъ, въ сопровожденіи только Бертрана, Коленкура, двухъ Адъютантовъ и двухъ ординарцевъ. Онъ не болѣе двухъ часовъ ѣхалъ первый десять миль, каковой переѣздъ онъ и его слабое прикрытіе сдѣлали на однихъ лошадяхъ не слезал. Императоръ никому изъ сопровождавшихъ его такимъ образомъ не сдѣлалъ довѣренности о томъ, куда онъ направляетъ путь свой и они пріѣхали въ Санъ въ первомъ часу по полудни. Многіе жители этого города, съ которыми я послѣ видѣлся, увѣряли меня, что у него былъ еще очень спокойный видъ, и что онъ останавливался не болѣе полчаса. Все было въ такомъ безпорядкѣ, что нельзя было приготовить для Императора экипажей; онъ былъ принужденъ сѣсть и со свитою своею въ дурную тѣлежку, и въ такомъ-то экипажѣ Государь, до того столь великій и

котораго роскошь изгладила даже воспомина-
нія о пышности Лудовика XIV, прибылъ въ
первомъ часу утра въ Фроадманто, въ четы-
рехъ миляхъ отъ Парвжа.

Тамъ Императоръ услышалъ отъ Генерала Бел-
ліара, который велъ артиллерійскую колонну,
первыя извѣстія о Парижскомъ сраженіи. Отъ
одной бывшей при немъ особы, я слышалъ,
что онъ узналъ объ этомъ событіи съ спокой-
ствіемъ, вѣроятно притворнымъ, для того, что-
бы не привести въ уныніе его окружающихъ.
Онъ болѣе четверти часа прохаживался по
большой дорогѣ, разговаривая съ Белліаромъ и
послѣ такой прогулки послалъ Коленкура въ
Парижъ съ порученіемъ, о которомъ я гово-
рилъ. Послѣ этаго Наполеонъ вошелъ въ почтъ-
мейстерскій домъ и велѣлъ принести свои кар-
ты, на которыхъ онъ, по своему обыкновенію
означалъ разныя позиціи своихъ и непріятельс-
кихъ войскъ булавками, у которыхъ головки
обмазаны были воскомъ разнаго цвѣта. Послѣ
такой работы, которою Наполеонъ занимался
ежедневно, а иногда и нѣсколько разъ на день,
онъ сѣлъ въ карету и отправился въ Фонтен-
ебло, куда прибылъ въ шесть часовъ утра.
Онъ не велѣлъ отнирать большихъ комнатъ
замка, а помѣстился, или лучше сказать, прію-
тился въ маленькой любимой имъ горницѣ (*).

(*) Это маленькая комната въ первомъ этажѣ, смѣжная съ
галлереею, которая называется галлереею Франциска перваго;
тамъ Христина велѣла казнить Мошалдени.

Наполеонъ по прїѣздѣ заперся въ своемъ кабинетѣ и пробылъ тамъ одинъ цѣлый день тридцать перваго Марта.

Такъ-то Фонтенеблю сдѣлался послѣднею Императорскою главною квартирою. Ввечеру тридцать перваго числа, Императоръ послалъ за Герцогомъ Рагузскимъ въ Эссону, куда онъ привелъ свои войска, которыя на основаніи Парижской капитуляціи должны были выдти изъ столицы минувшю ночью. Маршалъ, немедленно выполняя повелѣнія Императора, прїѣхалъ въ Фонтенебло перваго Апрѣля между двухъ и трехъ часовъ утра; тутъ Наполсонъ узналъ всѣ подробности событій тридцатаго числа, и, какъ я уже сказалъ, хвалилъ очень Мармонта за прекрасное его поведеніе предъ Парижемъ. Я не стану болѣе говорить объ этомъ, такъ какъ и о томъ, что я рассказывалъ о поѣздкѣ, сдѣланной Императоромъ на другой день для осмотра корпуса Герцога Рагузскаго, и во время которой онъ узналъ отъ Полковниковъ Фавье и Дениса о происшествіяхъ тридцать перваго числа, о которыхъ въ то время и Маршалъ ничего не зналъ.

Тридцать перваго числа прибывали въ Фонтенебло одинъ за другимъ и Маршалъ Монсей, который предводительствовалъ народною гвардією, защищалъ заставу Клиши, и Маршалъ Лефевръ, который не смотря на свою старость служилъ

лично въ послѣднюю кампанію, и Герцогъ Реджіо, котораго однажды Г. Талейранъ при мнѣ называлъ Баярдомъ; наконецъ Принцъ Невшателъскій возвратившійся изъ Троа, гдѣ его оставилъ Императоръ. Г. Маре былъ тогда единственный Министръ, котораго имѣлъ при себѣ Наполеонъ; Коленкура онъ послалъ съ порученіемъ въ Парижъ, а другимъ Министрамъ приказано было ѣхать къ Маріи Луизѣ въ Блоа. При этомъ случаѣ я вспоминаю, какъ Савари, въ послѣдній разъ какъ я его видѣлъ, казался мнѣ опечаленъ тѣмъ, что не имѣлъ дозволенія ѣхать къ Императору. Все было печально и угрюмо въ Фонтенебло; однакоже Императоръ сохранялъ еще тамъ свою власть, и меня увѣряли, что онъ даже нѣсколько времени размышлялъ о томъ, отступить ли ему за Лоару или покуситься немедленно сдѣлать отчаянный ударъ на Парижъ, что было болѣе въ его характеръ, чѣмъ оставаться неопредѣленное время выжидая случая. Это намѣреніе ласкало его, и онъ нешуто занялся своими планами атаки, когда извѣстія тридцать перваго числа, и дурной успѣхъ посольства Коленкурова, заставили его подумать, что его положеніе гораздо отчаяннѣе, чѣмъ онъ до того воображалъ себѣ. Но все, что онъ узнавалъ о Парижскихъ происшествіяхъ, только что болѣе и болѣе его раздражало, и если бы въ эти минуты гнѣва,

Маршалы были одушевляемы необдуманною рѣвностью молодыхъ окружавшихъ Императора Офицеровъ, то на вѣрное онъ далъ бы волю бесполезной мстительности, потому что, повторю еще разъ, паденіе Наполеона сдѣлалось неизбежнымъ.

Между тѣмъ головы колоннъ, которыя Императоръ оставилъ въ Троа пришли перваго Апрѣля въ Фонтенебло, при чемъ превзошли все, что извѣстно о самыхъ скорыхъ движеніяхъ арміи; эти войска менѣе чѣмъ въ три дня прошли пятьдесятъ миль. Втораго Апрѣля Наполеонъ объявилъ окружавшимъ его Генераламъ о Парижскихъ происшествіяхъ, строго приказавъ имъ скрывать про нихъ отъ арміи, въ томъ опасеніи, что эти извѣстія могли ослабить солдатскій духъ, на который онъ еще хотѣлъ полагаться. Онъ въ тотъ же день сдѣлалъ смотръ на дворцовомъ дворѣ; собравъ своихъ гвардейскихъ Офицеровъ, сказалъ имъ съ твердымъ видомъ:

«Солдаты, непріятель опередилъ насъ тремя «маршами и завладѣлъ столицею—надобно его «оттуда выгнать. Недостойные Французы, эми- «гранты, которымъ мы простили, надѣли бѣ- «слую кокарду и присоединились къ непріате- «лямъ. Подлые! они получаютъ награду за это «новое покушеніе. Поклянемся побѣдить, или «умереть, и заставить уважать эту трехъ-цвѣт-

«ную кокарду, которая уже двадцать лѣтъ видѣть насъ на пути славы и чести.»

Не довольствуясь этою рѣчью, которую онъ велѣлъ помѣстить въ дневномъ приказѣ по арміи, онъ, какъ я то знаю отъ заслуживающаго довѣрія чловѣка, чтобы склонить Генераловъ содѣйствовать его безумнымъ видамъ на Парижъ, покушался увѣрить ихъ, что онъ отъ прямой души старался заключить миръ, говоря имъ, что онъ предлагалъ Императору Александру купить этотъ миръ большими пожертвованіями; что онъ соглашался отказаться даже отъ завоеваній, сдѣланныхъ во время революціи и предоставить себѣ прежнія границы Франціи. «Александръ отказалъ мнѣ, присовокупилъ Наполеонъ; не довольствуясь такимъ отказомъ, онъ бросился въ объятія кучки эмигрантовъ, которымъ я, можетъ быть, худо сдѣлалъ, что простилъ то, что они служили противъ Франціи. По ихъ вѣроломнымъ внушеніямъ, Александръ дозволилъ надѣть бѣлую кокарду въ Парижъ; мы сохранимъ нашу и черезъ нѣсколько дней я пойду на Парижъ; я полагаюсь на васъ!»

Кто знаетъ, какова была неограниченная преданность гвардіи къ Императору, тотъ не удивится, что эти послѣднія слова, сказанныя возвышеннымъ голосомъ всѣмъ его окружавшимъ, произвели такъ сказать электрическое

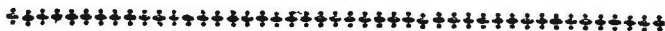
движеніе восторга въ рядахъ гвардейцевъ; эти старыя товарищи славы ихъ главы, вскричали въ одинъ голосъ: «Парижъ! Парижъ!» но по счастью въ слѣдующую ночь Генералы, посовѣтовались между собою, увидѣли, въ какую ужасную пропасть они низвергнуть сердце отечества, и рѣшились объяснить ему въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, что они не хотятъ подвергать Парижъ раззоренію, и такая умѣренность мало по малу вкралась въ духъ солдатъ, и третьяго числа уже болѣе благоразумныя мысли замѣнили вчерашній безумный восторгъ. Поведеніе Наполеона въ этомъ случаѣ доказало мнѣ то, въ чемъ меня многіе уже увѣряли, то есть, что на его имѣли вліяніе всѣ огорченія, испытанныя имъ въ нѣсколько мѣсяцевъ; во всякое другое время, съ его предпріимчивостью и рѣшительностью, онъ ничего не сказалъ бы своимъ войскамъ о Парижскихъ провзшествіяхъ; онъ бы не говорилъ имъ о намѣреніи идти къ столицѣ, а пошелъ бы предводительствуя ими, и они полныя слѣпой довѣренности къ своему Генералу, тогда бы повиновались; но крайней мѣрѣ я въ томъ увѣренъ; providѣнію должно быть благодарнымъ за то, что онъ не дѣйствовалъ, а говорилъ.

Собранныя въ Фонтенебло остатки арміи, остатки отъ миліона людей, набранныхъ за

пятнадцать мѣсяцевъ, состояли только изъ корпусовъ Герцога Реджіо, Иел, Макдональда и Генерала Жерара, и вообще простирались до двадцати пяти тысячъ человѣкъ, къ которымъ прибавивъ остальные семь тысячъ гвардіи, у Императора не было болѣе тридцати двухъ тысячъ войска, которымъ бы онъ могъ располагать. По истинѣ можно считать за слѣдствіе безумія или отчаянія, намѣреніе восторжествовать съ такими малыми способами надъ громадами иностранныхъ войскъ, занимавшихъ Парижъ и окружавшихъ его. Большую часть этихъ подробностей я знаю отъ Маршала Лефевра; я видѣлся съ нимъ скоро послѣ того: этотъ превосходный человѣкъ, служившій Франціи, ни когда, такъ какъ и Массена, не любилъ Бонапарте. Храбрый Маршалъ Лефевръ показывалъ ко мнѣ всегда много пріязни и часто говорилъ мнѣ со своимъ Нѣмецкимъ выговоромъ, который у него былъ еще замѣтнѣе чѣмъ у Раппа: «Эга с... не будетъ до тѣхъ «поръ доволенъ, пока не дастъ перебить до послѣдняго.» Лефевръ сказалъ мнѣ, что Наполеонъ изумился, когда узналъ съ какимъ пренебреженіемъ Александръ отказался выслушать порученное Коленкуру изъясненіе. Онъ мнѣ говорилъ еще, что время отъ времени уничтоженіе уступало мѣсто гнѣву, и что тогда, въ особенности Наполеонъ говорилъ о движеніи

на Парижъ съ остающимися у него войсками; но по счастью для Франціи, ни одинъ изъ Маршаловъ безъ исключенія, не былъ расположенъ способствовать ему въ его намѣреніяхъ бесполезной мести.

Г Л А В А V.

Объявленный Сенатомъ актъ о лишеніи правъ.—Адресъ временнаго правительства къ Французской арміи.— Письмо мое къ Мармонту.—Генераль Дессоль на сторону Бурбоновъ.— Посольство Монтессонъ въ Эссону.—Согласіе мыслей моихъ съ мыслями Дессоля. — Пробужденныя воспоминанія объ отечествѣ.—Переписка у Мармона съ Шварценбергомъ.—Какъ странно Маршалъ Макдональдъ узнаеть о заятіи Парижа.—Переписка Бутье.—Опасенія на счетъ столицы Герцога Тарантскаго.— Макдональдъ въ Фонтенебло.—Горячій разговоръ съ Императоромъ.—Отчаянныя намѣренія Наполеона.—Письмо Берюввиля, и дѣйствіе, произведенное Парижскими извѣстіями.—Первое отрѣченіе подъ условіемъ учрежденія регенства.—Ограничительныя выраженія.—Мечты Бонапарте.—Ложная радость отъ невѣрнаго донесенія.—Наполеонъ хочетъ взять обратно свой актъ отреченія.—Отказъ Маршаловъ.—Макдональдъ, Ней и Коллеккуръ Императорскіе комиссары.—Макдональда отзываютъ.—Наполеонъ признается, въ чемъ виноватъ.—Императорскіе комиссары въ Эссонъ.—Что мнѣ сказалъ о Мармонтъ Князь Шварценбергъ.

Второго Апрѣля, Сенатъ издалъ слѣдующее постановленіе:

1. Наполеонъ Бонапарте лишается престола

и право наследства, установленное въ его фамилии уничтожается.

2. Народъ Французскій и армія освобождается отъ присяги на вѣрность Наполеону Бонапарте.

3. Настоящее постановленіе будетъ передано Временному Французскому Правительству, а потомъ разослано по всеѣмъ Департаментамъ, и немедленно обнародовано во всеѣхъ частяхъ столицы.

Предсѣдатель и Секретари, БАРТЕЛЕМИ, Графъ де ВАЛАНСЪ, НАСТОРЕ.

Получивъ этотъ актъ, и не ожидая утвержденія его отъ Законодательнаго Корпуса, которое послѣдовало на другой день, Временное Правительство обнародовало того же числа, слѣдующій адресъ къ Французскимъ арміямъ:

«Солдаты,

«Франція сокрушила нго, подъ которымъ она стонала столько лѣтъ вмѣстѣ съ вами.

«Вы никогда не дрались иначе, какъ за отечество; теперь только противъ него можете сражаться подъ знаменами предводительствующаго вами человека.

«Взгляните на то, что вы претерпѣли отъ него тиранства. Иѣкогда васъ было миллионъ, и почти все погибли: ихъ предали мечу непріятелей, безъ продовольствія, безъ госпиталей;

Часть X.

9

«ихъ осудили погибнуть отъ бѣдности и голода.

«Солдаты, пора положить конецъ бѣдствіямъ отечества. Миръ въ рукахъ вашихъ; откажете ли вы въ немъ сѣгущей Франціи! Самые не-«пріатели у васъ его требуютъ. Они съ при-«скорбіемъ видятъ, какъ раззоряютъ здѣшнюю «прекрасную страну, и хотятъ ополчаться толь-«ко на вашего и нашего притѣснителя. Не уже-«ли вы будете глухи къ голосу отечества, ко-«торое васъ призываетъ и утѣшаетъ! Оно «говоритъ вамъ чрезъ посредство своего Сената, «своей столицы, и въ особенности чрезъ по-«средство своихъ бѣдствій; вы его благороднѣй-«шія дѣти, и не можете принадлежать тому, «кто его раззорилъ, предалъ безъ оружія, безъ «защиты; кто хотѣлъ сдѣлать имя ваше не-«знаваемымъ у всѣхъ народовъ, и кто, можетъ «быть унижилъ вашу славу, если человекъ, ко-«торый даже не Французъ, могъ уменьшить «честь нашего оружія и великодушіе солдатъ «нашихъ.

«Вы болѣе не Наполеоновы солдаты. Сенатъ «и вся Франція освобождаетъ васъ отъ присяги «вашей.

«Члены Временнаго Правительства:

Принцъ БЕНЕВЕНТСКІЙ. — Генераль БЕР-
 НОНВИЛЬ.—Франсоа ЖОКУРЪ.—Аббатъ МОН-
 ТЕСКЮ.—Герцогъ АЛБЕРГСКІЙ. — Помощникъ
 Секретаря ЛАБОРИ.

Этотъ адресъ долженствовалъ быть разосланъ къ Марсаламъ, и естественно дошелъ прежде къ тѣмъ, которые были ближе къ столицѣ; изъ сего числа былъ Мармонъ, котораго покорность къ Императору, мы видѣли, что уступала только предъ священными пользами отечества. Монтескю поручено было отъ Временнаго Правительства доставить ему оный, а чтобы усугубить еще въ немъ ту преданность къ Франціи, которая у него брала верхъ надъ всеми драгоцѣннѣйшими личными уваженіями, я далъ Монтескю письмо къ Мармонту. Въ этомъ письмѣ я ему сказалъ:

«Другъ, любезный другъ, говоритъ мнѣ, что «онъ поѣдетъ къ вамъ, и передастъ вамъ воспоминаніе моей дружбы. Оно будетъ имѣть вліяніе на вашу рѣшимость; одного слова довольно, чтобы убѣдить васъ пожертвовать всемъ для счастья страны вашей. Вы такой хорошій Французъ, такой благородный воинъ, не побоятесь ни опасностей, ни препятствій, чтобы упрочить ей это счастье. Мы васъ ждемъ, желаемъ, и увидимъ; скоро, надѣюсь, вашъ другъ, «ваши друзья прижмутъ васъ въ своихъ объятіяхъ.

«Я васъ обнимаю такъ какъ люблю

«В.»

2 Апрѣля.

Монтескю кромѣ моего письма взялъ еще

письмо къ Мармонту отъ Генерала Дессоля, котораго Временное Правительство назначило командующимъ народною гвардіею, на мѣсто Маршала Монсея, который разсудилъ выѣхать изъ Парижа до вступленія союзниковъ. Дессоль былъ другъ Моро и любимъ въ арміи. Мы не сообщали другъ другу переписки нашей съ Мармонтомъ, но послѣ я видѣлъ письмо Дессоля, и замѣтилъ согласіе въ мысляхъ нашихъ на счетъ Мармонтова патріотизма, къ которому отнестись надлежало. Дессоль писалъ ему въ своемъ письмѣ, что намѣреніе его принято; онъ говорилъ о небольшемъ своемъ честолюбіи и о принятой имъ рѣшимости участвовать въ движеніи Парижа. Въ концѣ онъ прибавилъ, какъ помнится: «Я убѣжденъ, что «выгоды и благо моего отечества то предпринимаютъ. Свобода, благоразумная свобода—всею истинный гражданинъ долженъ желать ея»

Было очень мало разницы между обоими нашими письмами. Дессоль не приглашалъ Мармонта ни на какое дѣло, онъ только представлялъ ему свой примѣръ, какъ достойный подражанія; я, такъ какъ чаще видался съ Мармонтомъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ съ нимъ друженъ, то и дозволилъ себѣ уговаривать его пріѣхать въ Парижъ; но можно замѣтить, что Дессоль и я, мы оба одинаково знали, что можетъ тронуть Мармонта, потому

что, какъ одинъ, такъ и другой говорили ему объ этой любви къ отечеству, которая всегда была столь глубоко запечатлена въ его сердце и которая одна была способна заставить его принять великое намѣреніе; сейчасъ тому увидятъ доказательство изъ отвѣта, какой онъ сдѣлалъ Князю Шварценбергу. Князь писалъ къ нему въ слѣдующихъ словахъ, въ подкрѣпленіе сдѣланныхъ нами покушеній, чтобы обратить его на ту сторону, которая по нашему мнѣнію, сдѣлалась стороною Франціи.

«Господинъ Маршалъ!

«Имѣю честь препроводить къ В. П. съ надежнымъ челоѡкомъ обнародованныя бумаги «и документы, нужные, чтобы ознакомить совершенно В. П. съ происшествіями, случившимися послѣ отбытія вашего изъ Парижа, «также приглашеніе членовъ Временнаго Правительства, стать подъ знамена праваго дѣла «Франціи. Я прошу васъ именемъ вашего отечества и челоѡчества, выслушать предложенія, долженствующія положить конецъ пролитію драгоцѣнной крови, командуемыхъ вами «храбрыхъ.

«Маршалъ Князь ШВАРЦЕНБЕРГЪ.

На это письмо, въ которомъ Князь Шварценбергъ говорилъ Мармонту почти тоже, что Генераль Дессоль и я, Маршалъ сдѣлалъ нижеслѣдую-

щій отвѣтъ, и безъ сомнѣнія читатель, также какъ и мы сдѣлали въ то время, отдастъ справедливость выраженію старой привязанности его къ Наполеону.

«Господинъ Маршалъ!

«Я получилъ письмо, которымъ Ваша Святѣлость почтить меня изволили, также какъ и приложенныя при немъ бумаги. Общественное мнѣніе было всегда правиломъ для моего поведенія; армія и народъ освобождены отъ присяги на вѣрность Императору Наполеону Сенатскимъ постановленіемъ. Я готовъ способствовать сближенію арміи съ народомъ, чтобы предупредить всякой поводъ къ народною войнѣ и отвратить пролитіе Французской крови. По этому я согласенъ оставить, съ моими войсками, армію Императора Наполеона, на слѣдующихъ условіяхъ, въ выполненіи которыхъ я прошу письменнаго вашего ручательства.

«Ст. 1. Я, Карлъ, Князь Шварценбергъ, Маршалъ и главнокомандующій союзными арміями, ручаюсь всѣмъ Французскимъ войскамъ, которые въ послѣдствіе Сенатскаго постановленія 2 Апрѣля, оставляютъ знамена Наполеона Бонапарте, что онѣ могутъ свободно отойти въ Нормандію съ оружіемъ, багажемъ и снарядями и съ тѣми же самыми военными по-

«честями, которыя взаимно должны быть оказаны союзнымъ войскамъ.

«Ст. 2. Ежели, въ послѣдствіе этаго движенія, военныя событія предадутъ въ руки союзныхъ Державъ самаго Наполеона Бонапартге, то его жизнь и свобода будутъ обезпечены на извѣстномъ и ограниченномъ пространствѣ по избранію союзныхъ Державъ и Французскаго Правительства.

Послѣ этаго отвѣта, Мармонтъ присоединился къ дѣлу Франціи, и Маршалъ Князь Шварценбергъ увѣрилъ Мармонта отзывомъ отъ 4 Апрѣля, что на всѣ изъясненныя имъ условія согласны (*). Между тѣмъ, тотчасъ увидятъ,

(*) Вотъ отзывъ Князя Шварценберга, который я помещаю здѣсь въ выноскѣ, чтобы не затмить мой текстъ слишкомъ многими бумагами, хотя помещаемыя здѣсь мнѣ кажутся необходимы.

«Господинъ Маршалъ,

«Я не умѣю достаточно выразить вамъ того удовольствія, какое ощутилъ я узнавъ, съ какою готовностью вы соглашаетесь на приглашеніе Временнаго Правительства, вступить, согласно съ постановленіемъ втораго числа сего мѣсяца, подъ знамена праваго Французскаго дѣла.

«Отличныя заслуги, вами оказанныя странѣ вашей, признаны всеми; но вы довершите ихъ возвративъ отечеству самое число храбрыхъ, уцѣлевшихъ отъ честолюбія одного человека.

«Я прошу васъ вѣрить, что я наиболѣе умѣю цѣнить разборчивость, требуемой вами статьи относительно особы Наполеона, на которую я соглашаюсь. Ничто такъ не отличаетъ превосходное естественное Французамъ велико-

какъ и для чего Мармонтъ почелъ своимъ долгомъ потребовать обратно свое слово, и я долженъ присовокупить, съ какимъ благородствомъ Князь Шварценбергъ ему возвратилъ его. Я скажу также, какъ благородно было въ эту эпоху поведеніе Маршала Макдональда; впрочемъ я долженъ напередъ замѣтить, что Макдональдъ былъ не столь въ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ Мармонтъ.

Я тутъ узналъ, какимъ образомъ Маршалъ Макдональдъ извѣстился о взятіи Парижа. Онъ два дня не имѣлъ никакого извѣстія отъ Императора, когда онъ получилъ написанное рукою Бертье, слѣдующее Императорское повелѣніе: «Императоръ повелѣваетъ, чтобы вы остально-«вились тамъ, гдѣ получите это повелѣніе.» За сими послѣ подписи Бертье была слѣдующая приписка. «Безъ сомнѣнія вы знаете, что «Парижъ въ рукахъ непріятеля.» Стараясь разгадать, что за намѣреніе имѣлъ Императоръ, приказывая извѣстить съ какою-то презрительною небрежностью о новости, которая совершенно измѣнила видъ дѣлъ, я остался въ

«душіе, которое въ особености есть отличительная черта «характера Вашего Превосходительства.

«Примите увереніе въ моемъ высокопочтаніи.

«Въ Главной моей квартирѣ, 4 Апрель 1814.

подписано:

ШВАРЦЕНБЕРГЪ.»

увѣренности, что цѣль его была заставить Маршала думать, что онъ считасть это событіе менѣе важнымъ, чѣмъ оно дѣйствительно было. Онъ не достигъ этой цѣли, потому что я помню, какъ при мнѣ Макдональдъ разсказывалъ о томъ, какое удивленіе, вмѣстѣ съ безпокойствомъ причинила ему странная приписка Бертье и этотъ видъ равнодушія.

Маршалъ Макдональдъ командовалъ тогда аріергардомъ арміи, занимавшей окрѣстности Монтеро. Онъ сказалъ намъ, какъ столь роковое событіе, безъ всякой подробности при извѣстіи объ немъ, его онечало; потому что весьма было возможно, что непріатели въ отплату заставили бы Парижъ испытать участь Москвы, чтобы вѣроятно и случилось безъ Парижской капитуляціи. Шесть часовъ спустя Маршалъ получилъ предписаніе двинуть свои войска и онъ узналъ о намѣреніи Императора идти на Парижъ со всѣми оставшимися у него силами.

Въ увѣренности, что доставлю подробности, извѣстныя только немногимъ и въ такой же увѣренности, что скажу только одну совершенную истину, я опишу нѣкоторыя сцены, происходившія въ Фонтенблѣ; потому что слѣдующее взято изъ замѣчаній сдѣланныхъ немедленно послѣ того, какъ я слышалъ отъ Макдональда тотъ занимательный разказъ, сдѣ-

ланнѣй имъ съ жаромъ, котораго, къ сожалѣнію, перо выразить не можетъ.

Получивъ второе повелѣніе Императора, Маршалъ оставилъ свой корпусъ въ Монтеро, чтобы по возможности посиѣдить къ Наполеону въ Фонтенебло. Когда онъ прїѣхалъ, Императоръ уже объявилъ Генераламъ, командовавшимъ дивизіями въ корпусъ, собравшимся въ Фонтенебло, о намѣреніи идти къ Парижу. Испуганные такимъ намѣреніемъ, эти Генералы, которые, по большей части, имѣли въ столицѣ женъ, дѣтей, прїятелей, пришли къ Маршалу просить его пойти съ ними къ Императору. «Господа,» сказалъ имъ Маршалъ, «Императору, въ теперешнемъ его положеніи, такой поступокъ можетъ не понравиться; намъ надобно его поберечь. Но, Господа, дайте мнѣ волю; я иду въ замокъ.»

Маршалъ Макдональдъ дѣйствительно пошелъ въ Фонтенеблосскій дворецъ, и я прошу читателя не терять изъ виду то, что я рассказываю, я слышалъ все отъ самого Маршала. Едва онъ вошелъ къ Императору, какъ тотъ выступилъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: «Ну! каково?— Очень худо, Государь.— Какъ! «очень худо! Что же думаетъ ваша армія?— «Моя армія, Государь, совершенно уныла. Парижскія происшествія ее смутили.— Какъ вы думаете, соединится ли она со мною, чтобы

«сдѣлать движеніе на Парижъ? — Не надѣйтесь на это, Государь. Если бы я объ этомъ далъ приказаніе моимъ войскамъ, то рисковалъ бы встрѣтить неповиновеніе (*). — Но что же дѣлать? Я не могу оставаться такъ, какъ теперь; у меня есть еще надежды, приверженцы. Говорятъ, что союзники не хотятъ болѣе вести со мною договоры? Ну! все равно! я пойду къ Парижу; отомщу Парижанамъ за ихъ непостоянство, и Сенату за его трусость: бѣда членамъ правительства, которое они слѣпили въ ожиданіи возвращенія своихъ Бурбоновъ, потому что они этого только и хотятъ. По завтра, я веду свою гвардію, и завтра мы будемъ въ Тюльери.»

Пока Наполеонъ далъ волю своему хвостовству, безумнымъ замысламъ, приходившимъ ему въ голову, Маршалъ слушалъ его не говоря ни слова; наконецъ, видя, что онъ немного поуспокоился: «Государь,» сказалъ онъ ему, «вы по этому не знаете того, что происходитъ въ Парижѣ; учрежденіе Временнаго Правительства, и . . . — Знаю. Еще что? — Государь, присо-вокупилъ Маршалъ, отдавая ему бумагу, вотъ это скажетъ вамъ болѣе, чѣмъ могу сказать я.—Что это такое? — Посмотрите, Государь.» Тутъ Маршалъ представилъ Императору инсь-

(*) Дѣйствительно въ это время въ арміи было уныніе, и дороги были покрыты дезертирами.

мо Маршала Берноввиля, который извѣщалъ его о обнародованномъ Сенатомъ лишеніи правъ Императора и о принятомъ союзными Державами намѣреніи не входить въ переговоры ни съ Наполеономъ, и ни съ кѣмъ изъ его фамиліи. «Г. Маршалъ» сказалъ Императоръ, «можно ли прочесть это письмо въ слухъ? — Можно, Государь.» Макдональдъ отдалъ это письмо Барре, который его прочелъ. Одинъ изъ тутъ бывшихъ рассказывалъ мнѣ послѣ, какое вліяніе, это чтеніе сдѣлало на Императора; лице его ужасно корчилось—я его довольно часто видалъ въ подобныя минуты и представляю себѣ, каковъ онъ былъ. Однакоже, умѣя владѣть собою, когда то нужно было для его политики или для его самолюбія, когда Берноввилево письмо было прочитано, онъ сдѣлалъ безпечный видъ и упорствовалъ въ своемъ намѣреніи идти къ Парижу. «Идти къ Парижу! Государь» сказалъ ему тогда Маршалъ Макдональдъ; «надобно отказаться отъ этого намѣренія; ни одна ишага не вынется изъ ноженъ, чтобы способствовать вамъ въ такомъ дѣлѣ.»

Тутъ оказалось важнѣе дѣло объ отреченіи Императора, о которомъ Коленикуръ уже говорилъ ему, давалъ видѣть возможность, если онъ лично отречется, то склонить союзниковъ къ учрежденію регентскаго совѣта. Я всегда находилъ немножко смѣлымъ предложеніе, сдѣлан-

ное Коленкуроеъ Наполеону въ такихъ обстоятельствахъ. Какъ-бы то ни было, видя мнѣніе Маршаловъ и узнавъ, что лишеніе его правъ объявлено Сенатомъ, онъ разсудилъ, что лучше согласиться на предлагаемый ему совѣтъ. Поведеніе Сената было дѣломъ довольно обыкновеннымъ въ здѣшнемъ мѣрѣ; Наполеонъ, въ свою очередь, дѣлался жертвою сословія, которое онъ уничижалъ безпрестанно, и которое отомщевало за все, что онъ заставлялъ его дѣлать во все продолженіе своего всемогущества. Какъ-бы то ни было, Наполеонъ размышляя объ этомъ постановленіи, которое объявляло его и его фамилію, лишаемыми всякаго права на Французскій престолъ, что на другой день было утверждено Законодательнымъ Корпусомъ; видя сопротивленіе Маршаловъ способствовать ему въ отчаянныхъ замыслахъ, и увлекаясь надеждою, которою манилъ его Коленкуръ, относительно учрежденія регентства, Наполеонъ рѣшился подписать свой актъ отреченія, который онъ написалъ самъ слѣдующимъ образомъ:

«Союзныя Державы объявили, что Императоръ Наполеонъ есть единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ, по чему Императоръ Наполеонъ, верный своей присягѣ, объявляетъ, что онъ готовъ оставить престолъ, покинуть Францію и даже лишиться

«жизни для блага отечества, нераздѣльнаго съ правами своего сына, правами регентства Императрицы и соблюденіемъ законовъ Имперіи.

»Дано въ нашемъ Фонтенеблоскомъ Дворцѣ 4 Апрѣля 1814.

«НАПОЛЕОНЪ.»

Написавъ этотъ актъ, Императоръ показавъ его Маршаламъ, говоря имъ: «Вотъ, Госнода, «извольте! довольны ли вы.»

Должно замѣтить, что въ этомъ актѣ Императоръ ничего не упоминаетъ о Сенатскомъ декретѣ, ни о утвержденіи Законодательнаго Корпуса; это бы значило признать какое либо право въ учрежденіи народнаго представительства, а Наполеонъ того не хотѣлъ даже снисходя съ престола; онъ хотѣлъ, удостовѣрить въ томъ, что онъ покоряется силѣ, а не народному праву; наконецъ онъ хотѣлъ, чтобы самое его отреченіе носило отпечатокъ деспотизма, который былъ съ нимъ неразлученъ. Что завѣщавъ онъ намъ отрекался: законы Имперіи! . . . Какое прибавленіе къ духовной для Франціи въ этомъ политическомъ завѣщаніи!

Отреченіе Наполеоново было безъ сомнѣнія бесполезно; но если бы ему придали большую важность, то этотъ актъ могъ сдѣлаться совершенно мечтательнымъ, когда бы обстоятельства перемѣнились. Смысль его можетъ показаться прямымъ всякому, только не мнѣ, по-

тому что я знакомъ былъ съ хитростью Наполеона, которую онъ никогда не упускалъ употреблять. Замѣьте, что Бонапарте не говорить, что *онъ оставляетъ престолъ*, а только, что *готовъ оставить престолъ*. Это одна изъ его любимыхъ увертокъ, съ помощію которой онъ хотѣлъ завести новые переговоры, въ видѣ и на условіяхъ регентства своего сына, въ томъ случаѣ, если бы союзные Монархи на это согласились. Это было средство, чтобы выиграть время; потому что онъ еще не всю потерялъ надежду; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ странно ошибался.

Подписавъ свой актъ отреченія, Наполеонъ льстилъ еще себя возможностью устроить такъ, чтобы престолъ остался Маріи Луизѣ и ея династіи; онъ не могъ представить себѣ, чтобы Австрійскій Императоръ захотѣлъ споспѣшеествовать наденію своей дочери; это впрочемъ онъ говорилъ многимъ бывшимъ съ нимъ въ Фонтенебло Генераламъ, которые мнѣ послѣ рассказывали. Онъ съ удовольствіемъ принялъ извѣстіе, привезенное ему, думаю, Генераломъ Аликсомъ. Этотъ Генераль повстрѣчался съ Австрійскимъ Офицеромъ, котораго Францъ II послалъ къ Князю Шварценбергу; онъ сказалъ Наполеону, что этотъ Офицеръ положительно увѣрялъ его, что все происшедшее въ Парижѣ, было противъ воли Австрійскаго Императора.

Можетъ статья, что такъ думалъ Австрійскій Офицеръ, и считаю даже это довольно событочнымъ, но на дѣлѣ оказывается, какъ увидятъ изъ послѣдствій попытки Герцога Кадорскаго, о которой я буду говорить въ своемъ мѣстѣ, что это дѣйствительно могло быть только личное мнѣніе Офицера, посланнаго Австрійскимъ Императоромъ, къ тому же я вспомнилъ то, что говорилъ Александръ. Какъ бы то ни было, когда Генераль Аликсъ сказалъ Императору эту, какъ онъ говорилъ, добрую вѣсть: «Говорилъ я вамъ, «Господа,» вскричалъ Наполеонъ, обращаясь къ окружающимъ его, «говорилъ я вамъ! Францъ II не можетъ быть до того моимъ непріателемъ, чтобы свергнуть съ престола дочь свою. Ви-сесень, ступайте, возьмите отъ Маршаловъ мой «актъ отреченія. Я пошлю курьера къ Австрій-скому Императору.

Такъ Бонапарте, въ своемъ крушеніи видѣлъ по всюду доску-спасительницу, и старался нитать себя мечтами. Герцогъ Висенскій пошелъ въ самомъ дѣлѣ къ Маршаламъ Нею и Макдональду и засталъ ихъ обоихъ готовыми сѣсть въ карету, чтобы ѣхать въ Парижъ; оба положительно отказались отдать этотъ актъ Коленкуру, сказавъ ему: «Мы увѣрены въ согласіи «Австрійскаго Императора, и беремъ все на «себя.» Опытъ показалъ, что они были извѣщены лучше, чѣмъ Генераль Аликсъ, но этотъ

случай въ особенности доказываетъ, какъ Бонапарте всегда готовъ былъ отступиться, когда рѣшался на что нибудь такое, что должно было почитать неизмѣнимымъ; слегка сказанныхъ словъ и льстиво пересказанныхъ довольно было, чтобы заставить его перемѣнить мысли на счетъ столь великой важности, каковъ актъ его отреченія.

Императоръ сидѣлъ пока съ нимъ говорилъ Макдональдъ. Когда онъ принялъ рѣшительное намѣреніе, какъ видѣли выше, онъ вдругъ всталъ, походилъ нѣсколько минутъ большими шагами по своему кабинету, и наконецъ сказалъ: «Господа, надобно идти защищать у союзныхъ Державъ выгоды моего сына, выгоды арміи, а всего болѣе, выгоды Франціи. Я назначаю моими комиссарами Герцога Висенскаго и Маршаловъ Принца Московскаго и Принца Рагузскаго.. Довольны ли вы,» прибавилъ помолчавъ Императоръ, «кажется всѣ эти выгоды вѣрны въ добрыя руки.» Всѣ присутствовавшіе точно въ одинъ голосъ отвѣчали: «Довольны, Государь.» Но, какъ скоро этотъ отвѣтъ былъ произнесенъ, Императоръ сѣлъ на маленькой столѣвшій у окна желтый диванъ, и хлопая себя по ляжкѣ съ какимъ-то судорожнымъ движениемъ: «Нѣтъ, Господа,» вскричалъ онъ, «нѣтъ! не надобно регентства! съ моею гвардіею и корпусомъ Мармонта, я буду завтра въ Парижѣ.»

Потому, что намъ говорилъ Маршалъ и что я слышалъ послѣ отъ другихъ бывшихъ при этой сдѣлѣ Офицеровъ, легко было видѣть сквозь все мысли, проходившія въ головѣ Императора, сколько на умственные его способности имѣли вліянія все сотрясенія, испытанныя имъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Ней и Макдональдъ напрасно старались разувѣрить его на счетъ замысла, сколько не возможнаго къ исполненію, столько и пагубнаго; Императоръ всталъ съ очевидною досадою, теръ себѣ голову, какъ-то онъ почти всегда дѣлалъ, когда былъ въ сильномъ волненіи, и сказалъ имъ громкимъ и повелительнымъ образомъ: «Уходите!»

Маршалы ушли, и Наполеонъ остался одинъ съ Герцогомъ Висенскимъ. Не отъ самаго Коленкура я знаю то, что происходило между имъ и Наполеономъ въ продолженіи трехъ минутъ, послѣдовавшихъ за вспышкою Императора противъ Маршаловъ; но это я слышалъ отъ тѣхъ, кому рассказывалъ онъ самъ, и не боюсь ошибиться, прибавивъ, что когда Ней и Макдональдъ вышли изъ Наполеонова кабинета, Императоръ сказалъ Коленкуру, что ему въ сдѣланномъ поступкѣ болѣе всего не понравилось чтеніе Бернонвилева письма: «Но Государь, возразилъ ему Герцогъ Висенскій, письмо это читано по вашему повелѣнію.—А! правда!...

«Да за чѣмъ же это письмо Макдональдъ прямо не доставилъ ко мнѣ?—Государь, это письмо было адресовано къ Маршалу Макдональду, но Адъютантъ, который везъ оное, получилъ приказаніе дать прочесть его, проѣзжая чрезъ Эссону, потому что Бернонвиль не зналъ навѣрное, гдѣ онъ встрѣтитъ Герцога Тарантскаго.» Такое объясненіе, какъ я уже сказалъ, продолжалось только три минуты; Наполеонъ поуспокояся, казалось былъ доволенъ этимъ объясненіемъ, и сказалъ Коленкуру: «Позови Макдональда.»

Герцогъ Висенскій побѣжалъ за Маршаломъ, котораго догнавъ въ концѣ дворцовой галлерей, онъ еще разговаривалъ о происходившемъ у Императора, къ которому Коленкуръ его воротилъ. Макдональдъ нашелъ Императора совершенно спокойнымъ, и когда вошелъ въ кабинетъ, то Наполеонъ сказалъ ему безъ всякой запальчивости: «Ну Герцогъ Тарантскій, вы думаете, что одно только регентство и возможно! — Да Государь. — Ну, вамъ поручаю я ѣхать къ Императору Александру, вы возьмете съ собою Нея, на мѣсто Мармонта; этотъ лучше пускай остается при своемъ корпусѣ; его тамъ присутствіе необходимо; поѣзжайте съ Неемъ, я на васъ полагаюсь; надѣюсь, что вы позабыли совершенно то, что разлучало насъ долго.—Забывъ, Государь; я уже объ этомъ и не

«думаю съ 1809.—Очень радъ, Г. Маршалъ; но
«я долженъ сказать вамъ, я былъ не правъ.

«Государь!» . . . Императоръ, говоря съ Маршаломъ ощущалъ необыкновенное душевное движеніе; онъ подошелъ къ нему, пожалъ ему руку самымъ дружественнымъ образомъ, и прибавилъ только: «Поѣзжайте.»

Между тѣмъ три Императорскихъ Коммисара, то-есть Маршалы Макдональдъ и Пей, и Герцогъ Виссенскій велѣли предупредить Мармонта, что они у него будутъ обѣдать, проѣзжая чрезъ Эссону, и расскажутъ ему все, что происходило въ Фонтенебло.

Прибывъ въ Эссону, три Императорскихъ Коммисара объявили Герцогу Рагузскому о предметѣ ихъ посылки, и приглашали его ѣхать къ Императору, что поставило Маршала въ необходимость объяснить имъ свое положеніе. Ему необходимо было и такъ ѣхать въ главную квартиру Князя Шварценберга, чтобы взять напорты для двухъ Маршаловъ и Герцога Виссенскаго, для проѣзда въ Парижъ. Переговоры, которые Мармонтъ началъ и почти кончилъ съ Княземъ Шварценбергомъ уничтожились, въ послѣдствіе порученія, въ которомъ онъ сдѣлался участникомъ, и ему надлежало самому сказать это Начальнику Австрійской арміи.

Три Маршала и Герцогъ Виссенскій поѣхали изъ Эссоны въ Пети-Бургъ, гдѣ была главная

квартира Князя Шварценберга; Князь возвратилъ Мармонту полученное отъ него слово. Я слышалъ, не отъ Мармонта, а отъ самаго Князя, какое почувствовалъ онъ уваженіе къ Герцогу Рагузскому, когда тотъ изъяснилъ ему желаніе присоединиться къ своимъ товарищамъ. Онъ нашелъ это совершенно естественнымъ; мнѣ помнится, хотя навѣрное того утверждать не смѣю, что Князь Шварценбергъ оставилъ у себя ужинать Мармонта, Нея, Макдональда и Коленкура, въ ожиданіи отвѣта отъ Императора Александра. Вышедъ изъ-за стола, они поѣхали въ Парижъ къ Императору Александру.

Г Л А В А VI.

Первыя мои занятія въ главномъ управленіи почтъ.— Назначеніе мое утверждено Временнымъ Правительствомъ.— Задержанныя письма и объявленіе публикѣ.— Неожиданное полученіе 500000 франковъ.— Посланный ночью парочный.— Меня призываютъ къ Г. Талейрану.— Прибытіе Наполеоновыхъ Коммисаровъ.— Опасенія цѣкоторыхъ лицъ.— Старанія мои, чтобы ихъ успокоить.— Слова Г. Талейрана Маршаламъ.— Лудовикъ XVIII.— Выходъ Маршаловъ отъ Императора Александра.— Жаркая сцена и привѣтствіе Макдональда.— Бернонвиль и Дюнонь.— Подробности заступанія Маршаловъ у Императора Александра.— Вліяніе Дессоля.— Отговорка Императора Александра.— Советуются съ Королемъ Прусскимъ.— Маршалы у Нея.— Мармонтовъ Адъютантъ и извѣстія изъ Эссона.— Отбитіе войскъ въ отсутствіи Маршала.— Отчаяніе и мужество Мармонта.— Его присутствіе въ Версали и вліяніе словъ его — Новыя безпокойства Временнаго Правленія.— Возвращеніе Мармонта.— Бѣлая и трехцвѣтная кокарда.— Торжество хитрости.— Дурной советъ торжествовать.

Читатели видѣли, какъ тридцать перваго Марта Императоръ Александръ потребовалъ, чтобы я принялъ на себя главное управленіе

Почтами, и какъ я сдѣлалъ преобразование въ этой части ночью. Только третьяго Апрѣля я получилъ опредѣленіе мое со стороны Временнаго Правительства, и мнѣ небезызвѣстно, что нѣкоторые люди осуждали меня за то, что я два дни исправлялъ должность, возложенную на меня чужимъ Государемъ. Признаюсь, что въ ту минуту я объ этомъ даже и не подумалъ, и, по правдѣ, чтобы надобно было дѣлать? надлежало ли оставить Францію безъ извѣстій изъ Парижа, въ рѣшительную минуту, и когда при безпокойствѣ, царствовавшемъ по всѣмъ мѣстамъ Имперіи, должно было растолковать молчаніе столицы за слѣдствіе великаго бѣдствія? Не только не оправдываясь въ томъ, что я счелъ за нужное сдѣлать, я еще положительно объявляю, что въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ другой разъ я поступилъ бы также.

Со времени поступленія моего въ управленіе почтъ, служба пошла безпрерывно въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде. Я посвящалъ все свое время на то, чтобы ознакомиться съ положеніемъ, въ какомъ находилось мое новое управленіе, остальные же минуты проводилъ у Г. Талейрана. Въ первое время я не заботился о томъ, чтобы отвратить нѣкоторыя злоупотребленія и сдѣлать улучшенія, чѣмъ я намѣренъ былъ заняться въ болѣе спокойное и удобное время; но какъ скоро мнѣ доложили, что хра-

нится множество перехваченных писемъ; то я четвертаго Апрѣля послалъ въ Мониторъ слѣдующее объявленіе, которое тамъ было на другой день напечатано.

«Публика извѣщается, что весьма большое число писемъ, задержанныхъ въ теченіи болѣе чѣмъ трехъ лѣтъ въ откидномъ отдѣленіи «Почтоваго Управленія, какъ полученныхъ изъ «Англии и другихъ заграничныхъ мѣстъ, такъ «равно и адресованныхъ за границу, будутъ от- «правлены по назначенію.

«Парижъ, 4 Апрѣля 1814.

«Главный Директоръ Почтъ
«БУРИЕННЪ.»

Это объявленіе доставило Почтовому Управленію полученіе около трехъ сотъ тысячъ франковъ; по этому можно заключить, какое множество писемъ было перехвачено, и такая истребительная система по соображеніи съ дружескими и довѣренными сношеніями, есть еще не самая отличительная черта Императорскаго правленія въ продолженіи трехъ послѣднихъ лѣтъ его бытія.

Какъ бы то ни было, послѣ вышеупомяну- таго объявленія въ слѣдующую ночь, меня разбудилъ нарочный отъ Временнаго Правитель- ства, привезшій мнѣ приглашеніе явиться во всевозможной скорости въ домъ Г. Талейрана.

Я тотчасъ туда отпавился и прїѣхалъ за пѣскольکو минуць до прїбытія Маршаловъ Императорскихъ комиссаровъ. Я вошелъ въ залу перваго этажа, которая составляла часть покоевъ, занимаемыхъ Императоромъ Александромъ. Маршалы начали совѣщаніе съ симъ Монархомъ, и мнѣ трудно было бы въ это время изобразить безпокойство, если не ужасъ, пѣкоторыхъ членовъ Временнаго Правительства и другихъ лицъ, собравшихся въ той залѣ. Изъ числа этихъ господъ въ особенности было четверо или пятеро, которыхъ лица со всемъ перемѣнились; объявшій ихъ ужасъ заставлялъ ихъ дурно заключать о послѣдствіяхъ попытки, которая дѣйствительно могла бы имѣть значительныя слѣдствія и перемѣнить видъ дѣль, а по правдѣ, мы такъ уже далеко зашли, что назадъ нѣтъ было уже нельзя; если бы послѣдовало согласіе на регентство, даже безъ Наполеона, то намъ только и было бы спасенія, что въ добровольномъ изгнаніи; а оно вышло бы очень скоро, потому что только четыре дня мы воображали, что опять нашли отечество. Что касается до меня, то привыкнувъ къ потрясеніямъ сего рода, я сохранилъ свое хладнокровіе, разсудивъ, что мое положеніе все таки не хуже того, какое было, когда отпавлялся въ Сепъ-Клу для полезнаго Государству предпріятія 18 Брюмера, я сказалъ Лавалетту,

на Революціонной площади, что мы переночуемъ завтра или въ тюрьмѣ, или въ Люксамбургскомъ дворцѣ. Правда, я не раздѣлялъ ужаса этихъ господъ, который я считалъ безпричиннымъ. Я даже вознамѣрился ихъ успокоить и опровергнуть причины ихъ безпокойства. Я представлялъ имъ, какъ не возможно, чтобы Александръ, послѣ столь точной, столь энергической прокламаціи, какую онъ сдѣлалъ тридцать перваго Марта, могъ переимѣнить первыя свои мысли, столь гласно выраженный; я напомнилъ имъ все, что было послѣдствіемъ довѣренности, внушенной этою прокламаціею, и Сенатское постановленіе втораго Апрѣля, и лишеніе правъ Наполеона, и утвержденіе Законодательнаго Корпуса. «Въ этомъ положеніи вещей», говорилъ я имъ, «не ужели вы думаете, что Императоръ Александръ нарушить все принятыя на себя обязанности? Развѣ вы думаете, что онъ не знаетъ, что Сенатское постановленіе и утвержденіе со стороны Законодательнаго Корпуса послѣдовали только въ увѣренности въ его словъ? Съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, развѣ онъ не видитъ, что со всѣхъ сторонъ стекаются приверженцы новаго порядка вещей? Развѣ онъ не понялъ цѣны замѣчаній, сдѣланныхъ ему Принцемъ Беневентскимъ, и не однихъ ли съ нимъ Александръ мыслей, что все было бы мечта, кромѣ Бонапарте и Бурбо-

новъ? Развѣ мы кромѣ того не знаемъ, что во многихъ случаяхъ и даже до вступленія своего въ Парижъ, онъ громко объявлялъ рѣшимость не вести болѣе переговоровъ съ Бонапарте? Развѣ онъ не знаетъ, что регентство будетъ Бонапарте за подмостками правительства, которыя онъ уронитъ когда захочетъ, чтобы опять принять свое всемогущество? Я не могу, Господа, раздѣлять вашихъ опасеній, и событія скоро докажутъ, обманываюсь ли я и справедливы ли онѣ.»

Къ этимъ доводамъ я присовокунилъ еще другіе, но что я ни дѣлалъ, никакъ не могъ успокоить самыхъ робкихъ и заставить ихъ раздѣлять мое безстрашіе.

Между тѣмъ, такъ какъ свиданіе Маршаловъ съ Императоромъ Александромъ продолжалось, то я успѣлъ узнать, что прежде входа своего къ сему Монарху, они имѣли совѣщаніе съ Г. Талейраномъ. Я узналъ, что Принцъ сказалъ имъ: «Господа, чего вы хотите? Если вамъ «судается ваше намѣреніе, то вы подвергнете «опасности всѣхъ, кто входилъ въ эту комнату «съ перваго Апрѣля, а такихъ много. Что касается до меня, то меня тутъ не считайте; я «хочу быть подвергнутымъ этой опасности.» Въ этотъ день я проводилъ вечеръ у Г. Талейрана, и когда онъ приехалъ за мною, то едва ли прошло три часа послѣ того, какъ я его

покинулъ. Въ этотъ самый вечеръ Принцъ Бенеventскій при мнѣ сказалъ Императору Александру: «Хотите Вы поддержать Бонапарте? Итъ: Вы этого и не можете и не захочете. Я уже имѣлъ честь сказать Вашему Величеству, что ничего нельзя поставить между Наполеономъ и Людовикомъ XVIII; все чтобы ни поставили, какой бы выборъ ни сдѣлали, какого бы рода онъ ни былъ, все это будетъ «интрига, а ни какая интрига не можетъ имѣть довольно силы, довольно твердости, чтобы «поддержать того, кто будетъ ея предметомъ. «Евгеній, регентство—все это интриги. Въ настоящихъ обстоятельствахъ есть только одно «начало, довольно сильное, чтобы установить «новый порядокъ вещей, который принять должно. *Людовикъ XVIII есть это начало.*» Мнѣ помнится даже, что Г. Талейранъ намъ безпрестанно твердилъ эти слова, сказанныя при семъ случаѣ Императору Александру: «Людовикъ XVIII есть начало!»

Я могу увѣрить, что то время, пока Маршалы Коммисары оставались съ Императоромъ Александромъ, не одному члену Временнаго Правительства показалось долго; ни одинъ изъ нихъ не былъ допущенъ въ это совѣщаніе, потому что никто не хотѣлъ показать виду, что хочетъ имѣть вліяніе, какимъ бы то ни было образомъ на рѣшеніе, какое сдѣлаетъ глава

союза, по предмету столь важнаго посольства; одинъ только Генералъ Дессоль, какъ командующій народною Парижскою гвардіею, былъ туда призванъ, и читатель скоро узнаетъ, разсказанныя имъ намъ подробности, объ этомъ совѣщаніи, отъ котораго такъ нетерпѣливо ожидали слѣдствій, могущаго всѣхъ подвергнуть опасности.

Наконецъ, мы увидѣли, что Маршалы вышли, и та минута, въ которую они появились къ намъ въ залу, произвела такое движеніе, которое мнѣ не возможно было бы описать. Однакоже какое-то удовольствіе, которое намъ показалось замѣтнымъ на ихъ лицахъ, возвратило къ надеждѣ тѣхъ, кто нѣсколько уже часовъ были добычею самой сильной скорби. Мнѣ кажется, что еще теперь вижу Макдональда, который поднимъ голову и давъ волю движенію сильнаго гнѣва, подошелъ къ Бершонвилю и сказалъ ему въ отвѣтъ на вопросъ того. «Не говорите со мною, сударь; мнѣ нечего вамъ сказать; вы меня заставили позабыть тридцати-лѣтнюю дружбу! Потомъ, обратясь къ «Дюпону: Что касается до васъ, Милостивый «Государь», сказала Маршалъ все тѣмъ же тономъ, «то ваше поведеніе, въ разсужденіи Императора не великодушно; признаюсь, что онъ поступалъ съ вами строго; можетъ быть даже онъ былъ съ вами несправедливъ по Бай-

«ленскому дѣлу; по съ которыхъ поръ стараются отмстить за личную несправедливость на счетъ своего отечества.»

Эти ссоры были съ запальчивостью и спорившіе до того возвышали голосъ, что Коленкуръ сказалъ имъ: «Не забывайте, Господа, «что вы здѣсь у Русскаго Императора.» Въ эту минуту Г. Талейранъ вышелъ отъ Императора, къ которому онъ вошелъ послѣ выхода Маршаловъ, и подойдя къ разгоряченной группѣ, собравшейся около Макдональда, сказалъ: «Господа, если вы хотите *спорить*, разсуждать, такъ подите ко мнѣ. — Это не пужно,» возразилъ Макдональдъ, «товарищи мои и я, мы не признаемъ Временнаго Правительства.» И три Маршала Ней, Макдональдъ и Мармонтъ вышли съ Коленкуромъ и отправились все прямо къ Нейю, чтобы у него дожидаться отвѣта который Императоръ Александръ обѣщалъ имъ сдѣлать, посоветовавшись съ Королемъ Русскимъ.

Такова была эта ночная сцена, въ драматическомъ отношеніи со всею отличная отъ тѣхъ, которыми родитъ воображеніе поэтовъ; въ ней все было истинно и отъ развлчки зависѣло политическое положеніе Франціи и существованіе всѣхъ тѣхъ, кто объявить себя за Бурбонв. Когда Маршалы и Коленкуръ ушли, мы все жадничали узнать, что происходило между ними и Русскимъ Императоромъ. Я узналъ отъ

Дессоль, который, какъ я уже сказалъ, находился при этомъ совѣщаніи, какъ командиръ Народной Парижской гвардіи, что Маршалы единодушно требовали у Александра регентства. Макдональдъ въ особенности стоялъ за регентство съ Сольшимъ жаромъ, и между прочимъ что онъ говорилъ въ защиту этаго дѣла, я помню, что Дессоль повторилъ намъ слѣдующія слова: «Мнѣ не предоставлено никакимъ образомъ договариваться объ участи, какаѣ предлежитъ Императору; мы уполномочены въ отношеніи къ регентству, арміи и Франціи, но Императоръ намъ положительно запретилъ назначать что-либо въ личномъ къ нему отношеніи.» Александръ отвѣчалъ только: «Этому я не дивлюсь.» Тогда Маршалы начали говорить съ большою силою о томъ, какое уваженіе должно имѣть къ военной славѣ Франціи; они изъявили сильное желаніе не покидать фамилію человека, который насъ такъ часто велъ къ побѣдѣ; наконецъ они ссылались на самую декларацию Императора Александра, въ которой онъ объявилъ, какъ отъ себя, такъ и отъ имени союзниковъ, что они пришли во Францію не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы предвинуть ей то, или другое правительство.

Дессоль, съ самаго начала стоявшій съ жаромъ за Бурбоновъ, въ свою очередь говорилъ не съ меньшею силою, какъ и приверженцы ре-

гентства; онъ представлялъ Императору, сколько людей вдались въ опасность, только за то, что они дѣйствовали или объявили свои мысли, полагаясь на его обѣщанія; онъ повторилъ то, что было уже сказано Александру, то что регентство по настоящему будетъ переодѣтый Бонапарте. Между тѣмъ Дессоль не скрылъ отъ насъ, что жаръ привлекательнаго краснорѣчія Маршала Макдональда, по видимому сильно колебалъ Александра, и до такой степени, что не хотя отвѣчать Маршаламъ положительнымъ отказомъ, онъ прибѣгнулъ къ уловкѣ, которая давала ему возможность выполнить непремѣнныя свои намѣренія, не показывая, что онъ беретъ на себя одного всю отвѣтственность по перемѣнѣ правительства, и мы узнали отъ Дессоля, что Александръ наконецъ отвѣчалъ Маршаламъ: «Господа, я не одинъ; въ такомъ важномъ обстоятельствѣ мнѣ надобно посоветоваться съ Королемъ Прусскимъ, потому что я далъ слово ничего не дѣлать безъ его совѣта; черезъ нѣсколько часовъ вы узнаете, на что я рѣшился.» И этого-то рѣшенія Маршалы пошли дожидаться у Нея, какъ я сказалъ выше.

Большая часть членовъ Временнаго Правительства приписывали уклончивый отвѣтъ Александра тому, что говорилъ ему Дессоль; что касается до меня, то я отдавая справедливость Дессолю въ томъ, какъ онъ объяснился въ

этомъ важномъ обстоятельствѣ, никакъ не приписываю его краснорѣчію того, на что рѣшился Александръ. Расположеніе Александра было таково, что я собственно ни мало не сомнѣвался въ томъ, на что онъ окончательно рѣшится, и въ намѣреніи его посоветоваться съ Королемъ Прусскимъ видѣлъ только то, что надобно было видѣть, то есть обрядъ вѣжливости личной въ отношеніи къ Маршаламъ, чтобы не имѣть неудовольствія объявить имъ отказъ въ глаза.

Я возвратился домой совершенно спокоспъ на счетъ послѣдствій Александрова свиданія съ Королемъ Прусскимъ; я зналъ очень хорошо отъ приближенныхъ этаго Государя, какія чувства питалъ онъ къ Бонапарте; Фидерикъ Вильгельмъ одаренъ довольно сильнымъ характеромъ и не уступитъ такимъ уваженіямъ, какія и ему, подобно какъ Императору Александру, могли бы понытаться представить на видъ. Впрочемъ, если бы Прусскій Король и не имѣлъ справедливыхъ причинъ къ неприязни противъ Наполеона, то политика требовала казаться его врагомъ. Но Королю Прусскому нечего было дѣйствовать по политикѣ; онъ повиновался собственному своему влеченію, положительно отвергая предложенія Маршаловъ, что онъ сдѣлалъ ни мало не колебался и съ большею энергією. Александръ, увидя, что все

идеть по его желанію, даль знать Маршаламъ о рѣшимости своего союзника, и такимъ образомъ рѣшенъ вопросъ о регентствѣ, бывшій въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ причиною страха всего Временнаго Правительства.

Между тѣмъ, какъ Маршалы отправились въ Парижъ, въ тотъ самый день, когда имъ туда прибыть надлежало, Наполеонъ заботясь узнать пропустили ли его Коммисаровъ чрезъ аванпосты непріятельскихъ армій, въ случаѣ пренятствія, все видѣлъ надобность идти къ Парижу; онъ не могъ еще вѣрить, что дѣло его было проиграно. Онъ послалъ Адъютанта къ Мармонту съ приказаніемъ прибыть немедленно въ Фонтенебло. Нетерпѣніе Наполеона было таково, что онъ не только не дождался возвращенія своего Адъютанта, но еще послалъ по его планамъ другаго, а потомъ и третьяго Офицера съ тѣмъ же порученіемъ. Скорый одинъ за другимъ пріѣздъ его посланныхъ перепугалъ Генераловъ оставшихся въ Эссонъ и командовавшихъ дивизіями Мармонта корпуса. Они опасались, не узналъ ли Императоръ о конвенціи, заключенной поутру съ Книземъ Шварценбергомъ и не послалъ ли за Мармонтомъ съ тѣмъ, чтобы строго наказать его. Ихъ страхъ былъ причиною ихъ поведенія; Наполеонъ не зналъ ничего о происшедшемъ, потому что Мармонтъ уѣзжал въ Парижъ съ товарищами своими

Макдональдомъ и Неемъ, приказалъ сказывать, что онъ поѣхалъ осматривать свои линіи. Сугамъ, Лебрэнь-дез-Эсаръ, Бордесуль, изъявившіе свое согласіе на конвенцію съ Княземъ Шварценбергомъ, конвенцію, которую Мармонтъ заключилъ не иначе, какъ посовѣтовавшись съ ними, имѣли совѣщаніе въ отсутствіи своего Начальника, и, не зная можетъ быть что, онъ былъ освобожденъ отъ своего слова, къ тому же опасаясь мщенія, какое надлежало имъ ожидать отъ Наполеона, рѣшились идти къ Версали. Уже прибывъ туда войска, не видя предъ собою своего Начальника, подумали, что имъ измѣнили; мятежное движеніе обнаружилось между ими. Одинъ изъ Адъютантовъ Мармонта, котораго онъ оставилъ въ Эссонѣ, употреблялъ всѣ возможные усилія, чтобы не дать корпусу своего Генерала уйти; наконецъ, видя, что не было никакой возможности тому воспрепятствовать, поѣхалъ съ величайшею поспѣшностію въ Парижъ, чтобы извѣстить Маршала о происходящемъ. Когда къ Мармонту пришла эта плачевная вѣсть, онъ завтракалъ у Маршала Ней, гдѣ были также Макдональдъ и Коленкуръ, — ожидая обѣщаннаго имъ въ прошлую ночь отъ Императора Александра отвѣта. Движеніе его корпуса къ Версали привело его въ отчаяніе. Онъ сказалъ Маршаламъ: «Я поѣду къ моему корпусу и остановлю его движеніе.» Мармонтъ,

не теряя ни минуты, какъ молнія бросился въ карету; велѣлъ кучеру гнать во весь духъ, и послалъ одного изъ своихъ Адъютантовъ сказать о своемъ прибытіи войскамъ. Приблизась на нѣсколько сотъ шаговъ къ тому мѣсту, гдѣ собралась войска его корпуса, онъ увидѣлъ находившихся подъ его командою Генераловъ; они приближались къ нему и стали уговаривать не приближаться къ солдатамъ, которые обнаруживали самый сильный мятежъ. Мармонтъ сказалъ: «Я побѣду къ нимъ; въ минуту меня «убьютъ, или признаютъ своимъ Начальникомъ.» Тутъ онъ послалъ другаго Адъютанта съ приказаніемъ построится и вскорѣ самъ вышелъ изъ кареты, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ одинъ къ солдатамъ. «Что это такое! сказалъ онъ имъ, о какой я слышалъ говорить «измѣнѣ? Развѣ вы меня не узнаете? развѣ я «больше не вашъ товарищъ? развѣ я не бывалъ двадцать разъ раненъ посреди васъ? «развѣ не раздѣлялъ съ вами труды ваши и «нужду? развѣ я не готовъ и опять дѣлать то-«же?» . . . Маршалу не дали говорить болѣе—раздался всеобщій крикъ: «Да здравствуетъ «Маршалъ! да здравствуетъ Маршалъ!»

Послѣ сильной тревоги, какую посылка Маршаловъ надѣлала во Временномъ Правленіи, мы почти не менѣе были напуганы, узнавъ о возмутительномъ движеніи Мармонтovýchъ войскъ. Цѣ-

льйй день мы провели въ ужасной тоскѣ. Однако же я, знаа, сколько его всегда любили его солдаты, одинъ могъ предвидѣть столь хорошее слѣдствіе отъ тѣхъ распоряженій, для которыхъ онъ отправился въ корпусъ, не признающій своего начальника и провозглашающій измѣну. Такое движеніе могло дѣйствительно имѣть подражателей въ другихъ корпусахъ арміи, и пользы Франціи снова подверглись бы опасности; счастливая отважность Мармонта спасла все; по этому не возможно себя представить, какъ мы его встрѣтили у Г. Талейрана, когда онъ пріѣхалъ рассказывать намъ все описанныя мною выше подробности того, что происходило въ Версали.

Во весь этотъ день я не переставалъ стараться о томъ, чтобы возродить надежду во многихъ Членахъ Временнаго Правительства; но они такъ были встревожены, что поминутно посылали въ Версаль нарочныхъ, которымъ приказывали ѣхать и воротиться какъ можно скорѣе съ извѣстіемъ о томъ, что тамъ происходитъ. Первому изъ посланныхъ отъ Временнаго Правительства поручено было извѣстить Мармонта о рѣшительномъ отказѣ Александра вести переговоры о регентствѣ.

Хотя тому минуло уже пятнадцать лѣтъ, по мнѣ все кажется, что я нахожусь при этой сцѣнѣ; мнѣ кажется, что еще вижу, какъ Мар-

шалъ прїѣхалъ къ Г. Талейрану въ ту самую минуту, какъ всѣ встали изъ-за стола. Я вижу, какъ онъ сидитъ одинъ за маленькимъ столикомъ, на которомъ ему подали обѣдъ поереды залы. Онъ былъ героемъ того дня; каждый изъ насъ подходилъ къ нему, чтобы поговорить съ нимъ и привѣтствовать его.

Выше сего во многихъ мѣстахъ я неоднократно призывалъ на помощь мою память, которая, смѣю думать, меня не обманывала, такъ мнѣ всѣ событія кажутся случившимися только вчера; то что скажу ниже, взято изъ записки, которую я составлялъ въ тотъ самый вечеръ и въ слѣдующіе дни, не смотря на обширныя занятія, которыми меня завалили въ Главномъ Почтовомъ Управленіи.

Въ вечеру того самаго дня, въ который показали Мармонту столько преданности, заговорили о томъ, чтобы дать арміи бѣлую кокарду. На это Маршалъ сказалъ намъ: «Господа, мнѣ легко было дать моему корпусу выразумѣть, что прежде всего должно служить Франціи; онъ возвратился къ повиновенію мнѣ, и теперь я вамъ за него отвѣчаю. Но не ручаюсь, чтобы можно было его убѣдить покинуть тѣ цвѣты, которые двадцать лѣтъ водили насъ къ побѣдамъ. По этому не надѣйтесь на меня въ такомъ дѣлѣ, которое я считаю не возможнымъ и совершенно противнымъ выгодамъ

«Францін. Впрочемъ я поговорю объ этомъ съ Императоромъ Александромъ»

Таковы были сказанныя Мармонтотъ слова; всѣ, повидимому, пристали къ его мнѣнію, и споръ кончился. Между тѣмъ возникъ вопросъ, было ли бѣлое знамя знакомъ отличія Королевскаго дома или древнимъ національнымъ цвѣтомъ, и положили потребовать по этому предмету свидѣній, съ чѣмъ отнеслись къ Г. Лемэру, который, вѣроятно случайно, былъ въ сосѣдней комнатѣ. Ему поручили употребить всѣ ученые изысканія къ открытію происхожденія трехъ цвѣтовъ и происхожденія бѣлаго знамени. Что касается до меня, то, какъ вижу изъ своихъ замѣчаній, я положительно объявилъ, что согласенъ съ мнѣніемъ Маршала, и если теперь помѣщаю эту подробность, то смѣю надѣяться, что меня не попрекнутъ въ томъ, что объ ней припоминаю, чтобы тѣмъ похвастаться; но это истина, и я долженъ сказать ее.

Такъ какъ мнѣніе Маршала было принято, по крайней мѣрѣ предварительно, то составилъ, въ самомъ присутствіи, статью, заключающуюся почти въ слѣдующихъ словахъ, и которая была назначена для помѣщенія въ Монитеръ: «Бѣлая кокарда, въ теченіи четырехъ минувшихъ дней, была знакомъ обнаруживающимъ общественное мнѣніе въ отношеніи испровер-

«женія притѣснительнаго правительства; это «было единственное средство къ узнанію при- «верженцевъ возстановленія древней династіи, «которой мы наконецъ будемъ обязаны спо- «койствіемъ. Теперь правительство это болѣе «не существуетъ и всѣ цвѣты, чуждые нашимъ «національнымъ цвѣтамъ, не нужны; а потому «примемъ оныя тѣ, которые столько разъ во- «днили насъ къ побѣдамъ!» Можетъ статья, что излагая эту статью, я перемѣнилъ въ ней нѣ- сколько словъ, но могу утвердительно сказать, что это настоящій ея смыслъ и всѣ гласно одобрили ея изложеніе. Однако же на другой день я очень изумился, разкрывъ Мониторъ и не найдя въ немъ этой статьи. Я не знаю, что тутъ такое замѣнялось, чтобы воспрепятство- вать напечатанію, но хорошо помню, что Мар- монтъ былъ тѣмъ очень недоволенъ и жаловал- ся Императору Александру, который обѣщаль написать, и дѣйствительно писалъ Временному Правительству о томъ, чтобы статья была на- печатана; но этого не сдѣлано, и мы уже раз- гадали загадку, какъ-то увидать, чрезъ нѣс- колько дней, а могли бы, можетъ статья, раз- гадать и прежде, если бы постарались. Импе- раторъ Александръ обѣщаль также Мармонту написать къ Графу д'Артуа и объяснить ему, что желаніе Франціи есть сохранить три цвѣ- та, но я не могъ узнать было ли написано

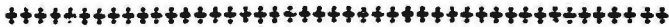
это письмо, а если было, то какой на него сдѣланъ отвѣтъ.

Маршалъ Журданъ, бывшій тогда въ Руанѣ, получилъ письмо, написанное безъ вѣдома Мармонта и въ которомъ извѣщали его, что этотъ Маршалъ приказалъ надѣть въ своемъ корпусѣ бѣлую кокарду. Журданъ подумалъ, что ему лучше всего сдѣлать тоже и извѣтилъ Временное Правительство, что по примѣру Герцога Рагузскаго онъ велѣлъ надѣть бѣлую кокарду и въ своемъ корпусѣ. Получивъ такое извѣстіе, смѣло ожидали Мармонта, и когда онъ сталъ жаловаться Временному Правительству на то, что не помѣтили составленной по общему соглашенію статьи, ему сказали: «Но, Г. Маршалъ, это не возможно; вотъ, посмотрите: «корпусъ Маршала Журдана надѣлъ бѣлую кокарду; не ужели вы хотите дать арміи два «знамя?»»

Мармонту нечего было возражать на дѣло столь положительное. Послѣ уже я узналъ, что Журданъ рѣшился принять бѣлые цвѣты единственно по положительному завѣренію, что Мармонтъ уже это сдѣлалъ. Такимъ образомъ мы утратили цвѣты, которые Лудовикъ XVI носилъ, которые Лудовикъ XVIII принялъ безъ сопротивленія и подъ знаменіемъ, которыхъ Графъ д'Артоа явился по своемъ возвращеніи жителямъ Парижа, куда онъ вступилъ

въ мундирѣ національной гвардіи. Увертка нѣ-
сколькихъ членовъ Временнаго Правительства
была пагубна; и сколькихъ золъ избѣгнула бы
Франція, если бы отъ чистаго сердца согласи-
лись съ мнѣніемъ Мармонта!

Г Л А В А VII.

Наполеонъ одинъ въ Фонтенебло, и Маршалы въ Парижъ.— Воззваніе къ арміи.—Онъ обвиняеть Мармонта.—Страшная похвала Сенату отъ Наполеона. — Три правительства во Франціи.—Марія Луиза въ Блоа. — Адресъ регентши къ Французскому народу.—Письмо Графа Монталивета.—Числа и рука.—Марія Луиза посылаетъ Герцога Кадорскаго къ Австрійскому Императору.—Регентство въ Блоа и послѣднія его дѣйствія.—Г. Монталиветь пишетъ второе письмо къ префектамъ.—Прибытіе Герцога Кадорскаго въ главную квартиру Австрійскаго Императора.—Пріемъ, сдѣланный Францомъ II посланнику Маріи Луизы. — Увѣренія Императора въ дружбѣ къ Наполеону. — Отсутствіе Меттерниха.—Г. Стадионъ при Императорѣ и ненависть его къ Наполеону. — Дурной успѣхъ посольства Герцога Кадорскаго.— Дружба Меттерниха къ Наполеону. — Возвращеніе Герцога Кадорскаго къ Маріи Луизѣ.—Отъездъ Императрицы въ Орлеанъ.

Императоръ, какъ я уже сказала, посылаетъ безпрестанно въ Эссону съ приказаніемъ Маршалу Мармону придти для соединенія съ нимъ въ Фонтенебло, а Мармонтъ уѣхалъ къ двумъ своимъ товарищамъ Пею и Макдональду, имѣв-

шимъ порученіе, о успѣхѣ котораго я разска- зывалъ; подчиненные ему Генералы, опасаясь Императорскаго гнѣва, рѣшились двинуться къ Версали. Многіе оставшіеся въ Фонтенебло Офицеры, увѣряли меня, что Наполеонъ былъ точно бѣшеный, когда узналъ, какъ онъ назы- валь, объ отложеніи Мармонта. Его несправед- ливость въ эту минуту была извинительна, по- тому что ему еще нельзя было знать, что Мармонтъ взялъ назадъ свое слово, данное Шварценбергу, на тотъ конецъ, чтобы имѣть возможность способствовать успѣху сдѣланнаго Нею, Макдональду и Коленкуру порученія. Въ заблужденіи своемъ, раздраженный Сенатскимъ актомъ, которымъ объявлено его лишеніе правъ, и еще полный увѣренности на успѣхъ пред- пріятія его повѣренныхъ, Наполеонъ пятого Апрѣля по утру сдѣлалъ къ своей арміи воз- званіе, котораго экземпляръ я получилъ въ тотъ же день, и въ которомъ видны изъяне- нія противныхъ одно другому чувствъ, волно- вавшихъ душу Императора; вотъ оно:

«Императоръ благодаритъ армію за ту прп- «визанность, которую она къ нему оказываетъ «и въ особености за то, что признаеть, что «Франція въ его особѣ, а не въ занимающемъ «естолицу народѣ. Солдатъ слѣдуетъ за удачею «и неудачею своего Генерала, его честію и ре- «лигіею. Герцогъ Рагузскій не внушилъ чувствъ

«сихъ своимъ сослуживцамъ; онъ перешель къ союзникамъ. Императоръ не можетъ одобрить это условіе, съ которымъ онъ сдѣлалъ такой поступокъ; онъ не можетъ принять жизни и свободы отъ милосердія подданнаго.

«Сенатъ дозволилъ себѣ распоряжаться Французскимъ Правительствомъ; онъ позабылъ, что обязанъ Императору тою властію, которую теперь употребляетъ во зло; онъ забылъ, что Императоръ спасъ нѣкоторыхъ его членовъ отъ ужасовъ революціи, *извлекъ изъ лапка и защищалъ другихъ отъ ненависти націи.* Сенатъ основывается на статьяхъ конституціи; для того, чтобы ее ниспровергнуть; онъ не совѣстился дѣлать упреки Императору, не примѣчая, что онъ, какъ первое Государственное сословіе, принималъ участіе во всемъ происходившемъ. Онъ такъ далеко зашелъ, что осмѣлился обвинять Императора въ измѣненіи фактовъ при ихъ обнаруженіи. Цѣлому свѣту извѣстно, что такія хитрости были для него не нужны. Одинъ знакъ былъ закономъ Сенату, который всегда дѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ него требовали.

«Къ Императору всегда могли имѣть доступъ представленія его Министровъ и онъ ожидалъ отъ нихъ, въ этомъ случаѣ самаго неопредѣлимаго оправданія принятыхъ имъ мѣръ. Если энтузіазмъ замѣшался въ адресахъ и публич-

«ныхъ рѣчахъ, то Императоръ былъ обманутъ; но тѣ, кто говорили такимъ образомъ, должны приписывать самимъ себѣ послѣдствія ихъ клеветы. Сенатъ не совѣтится говорить о пасквиляхъ изданныхъ на чужеземныя Правительства и забываетъ, что эти пасквили сочинялись въ собственной средѣ его. Пока счастье «пробыло вѣрнымъ ихъ Государю, до тѣхъ поръ эти люди оставались вѣрными и неслышно было ни одной жалобы на злоупотребленіе власти. Если Императоръ презиралъ людьми, какъ его въ томъ попрекнули, то теперь свѣтъ узнаетъ причины, которыя были поводомъ «его презрѣнію. Онъ получилъ свой санъ отъ Бога и отъ націи; они одни и могли лишить его этого сана, который онъ всегда почиталъ «для себя бременемъ и принималъ въ убѣжденіи, что онъ одинъ только въ состояніи носить его съ честью.

«Счастіе Франціи, казалось было, въ судьбѣ Императора; нынѣ фортуна обратилась противъ «него и воля одной только націи могла убѣдить «его не оставаться долѣе на тронѣ; если онъ «долженъ почитать себя единственнымъ въ томъ «пренятствіемъ, то охотно дѣлаетъ Франціи послѣднюю жертву. По этому онъ послалъ Князя Московскаго и Герцоговъ Висенскаго и Таврантскаго въ Парижъ для переговоровъ. Армія «можетъ быть увѣрена, что счастье Императора,

«никогда не можетъ быть чуждо счастію
«Франціи.»

Я безъ сомнѣнія, не остановился здѣсь, что-бы дѣлать замѣчанія на это воззваніе, замѣчательное по столькимъ отношеніямъ. Однако же не могу оставить мысли, пришедшей мнѣ въ голову въ отношеніи къ выраженію; которое я подчеркнул; не многое число словъ, его составляющее, можетъ доказать, до какой степени уничиженная гордость можетъ ослѣплять.

Чтоже! Наполеонъ въ гнѣвъ своемъ на Сенатъ, укоряетъ это собраніе, тѣмъ, что онъ одну часть извлекъ изъ мрака, а другую защитилъ отъ ненависти народной. Какое обвиненіе вводитъ онъ тѣмъ на свое правленіе! Это значитъ, что онъ составилъ первое сословіе Государственныхъ чиновъ изъ людей не извѣстныхъ, и изъ людей подверженныхъ народной ненависти. Какое же ихъ было происхожденіе? Никогда злѣйшіе клеветники Наполеона не могли бы взвести важнѣе того обвиненія, которымъ онъ самъ себя обвинилъ.

Въ эту великую эпоху раздѣленія Имперіи, можно сказать, было три правленія, изъ которыхъ два были только призраки: Правленіе Временное въ Парижѣ, Наполеонъ въ Фонтенебло и сомнительное регентство или, такъ сказать, бродящее Правленіе Маріи Луизы. Я не безъ причины называю его сомнительнымъ и бро-

дящимъ, ибо дѣйствительно такъ мало согласны были въ томъ, что дѣлать Императрицѣ, что первое предположеніе было проводить её въ Орлеанъ, потомъ въ Туръ, и наконецъ остались въ Блоа. Въ доказательство сей нерѣшимости, слѣдовавшей за судьбою Маріи Луизы, я имѣю печатный листокъ, который долженъ быть очень рѣдокъ, и мнѣ показался онъ любопытнымъ по обстоятельствамъ, къ которымъ онъ относился; это циркуляръ къ Префектамъ, Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Г. Монталиве, сопровождавшаго Императрицу. — По произнесствіи слѣдовали столь быстро, что не многіе его получили. Нетрудно догадаться, что листокъ сей сочиненъ былъ тотчасъ послѣ полученія въ Блоа извѣстій изъ Парижа. Во всякомъ случаѣ, вотъ списокъ съ того, который былъ напечатанъ, безъ означенія имени Типографика и мѣста Типографіи. Въ (здѣсь вписано Блоа). (Здѣсь вписано 2).

Апрѣля 1814.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Имперіи
Г-ну Префекту го Департамента.

Занятіе Парижа войсками могущественныхъ союзниковъ, поставило Правительство въ необходимость водвориться въ настоящее время въ (*), куда вы должны адресовать переписку вашу съ Министрами и всѣми верховными

(*) Въ пропускъ сей полустроки вписано Блоа.

властями, прекративъ съ Парижемъ всякое сношеніе.

Всѣ приказанія, всѣ инструкціи, которыя будутъ присылаемы къ вамъ изъ сей столицы до той минуты, пока вы не получите повѣстки о возвращеніи Императора или Императрицы въ Парижъ, должны считаться подложными, и повинувшись имъ, вы нарушите вѣрность вашей присяги.

Я надѣюсь, что тяжкія обстоятельства, въ которыхъ мы находимся, усугубятъ ревность вашу и сотрудниковъ вашихъ, и преданность вамъ подчиненныхъ. — Французы всегда были мужественны и велики въ годину бѣдствій; пусть покажутъ они свой характеръ, и бѣдствія скоро будутъ преодолены. Рачительность со стороны вашей въ доставленіи рекрутъ, которыхъ отъ васъ требуютъ для общей пользы, немедленный и точный взносъ (Контрибуціи), я не сомнѣваюсь, отличать Денартаментъ, коего общественное мнѣніе находится подъ вашимъ вліяніемъ.

Пріймите Милостивый Государь увѣреніе въ моемъ особенномъ уваженіи.

Содержаніе циркуляра ясно показываетъ затруднительное положеніе регентства; не были даже увѣрены въ возможности разослать оный изъ того мѣста, гдѣ онъ былъ написанъ; сверхъ того, требовали людей и денегъ въ то время,

когда народъ съ улыбкою надежды ждалъ конца ужасамъ конскрипціи.

Между тѣмъ Марія Луиза, узнавъ о занятіи Парижа союзными войсками, потребовала къ себѣ Герцога Кадорскаго, и вручая ему письмо, адресованное къ ея отцу, сказала: «Герцогъ, отправтесь къ моему родителю, онъ долженъ быть въ Дижонѣ, я надѣюсь: вы соблюдете выгоды Франціи, Императора и въ особенности моего сына.» Конечно Марія Луиза не могла избрать достойнѣе повѣреннаго, и столь важныя выгоды безъ сомнѣнія были бы защищены Герцогомъ Кадорскимъ, какъ нельзя лучше (*Si defendi possent*); но судьбы ничто уже не могло измѣнить; я расскажу объ успѣхѣ посольства Шампаньи, котораго Императоръ Австрійскій зналъ лично, во время пребыванія его болѣе трехъ лѣтъ въ качествѣ Французскаго посланника въ Вѣнѣ.

По отъѣздѣ Герцога Кадорскаго, Марія Луиза издала слѣдующую прокламацію къ *Французамъ*; судя по полученному тогда мною экземпляру можно заключить, что регентство въ то время рѣшилось оставаться въ Блоа, ибо нѣтъ въ немъ ни пробѣловъ, ни вписанныхъ словъ. Содержаніе прокламаціи слѣдующее:

«Военныя обстоятельства подвергли столицу власти чужестранцевъ. Императоръ, предводительствуя войсками, столь часто побѣдоносными, устремился на ея защиту.

«Теперь онъ предъ лицомъ непріателя подъ
«стѣнами Парижа. Тѣ только повелѣнія можете
«вы признавать за дѣйствительныя, которыя
«будутъ издаваемы изъ моего мѣстопробыванія
«или отъ Императорскихъ Министровъ.

«Каждый городъ, состоящій во власти непрія-
«теля освобождается отъ сего; ибо тамъ управ-
«леніе происходитъ отъ воли иностранцевъ, или
«по крайней мѣрѣ согласуется съ ихъ непріяз-
«ненными видами.

«Вы останетесь вѣрны вашей присягѣ. Вы
«будете повиноваться голосу Государыни, кото-
«рой вы совершенно преданы и которая вмѣ-
«няетъ себя въ славу быть Француженкою, и
«раздѣлять судьбу Императора, произвольно ва-
«ми избраннаго.

«Не въ дни нашего благоденствія, но нынѣ
«сынъ мой полагается на вашу преданность.

«Его права и его личная особа, находятся
«подъ вашею защитою.

«МАРІЯ ЛУИЗА.»

Блоа 4 Апрѣля 1814 годъ.

Прокламація сія, исполненная чувства не про-
извела однако никакого дѣйствія. Судя по по-
лучаемымъ тогда нами вѣрнымъ извѣстіямъ о
происходившемъ въ Блоа, власть регентства
постепенно ослабѣвала; насъ она ни сколько не
безпокоила; опасности по моему мнѣнію вовсе

уже не существовало. Да и тѣмъ болѣе, что о прокламаціи Маріи Луизы узнать я послѣ свиданія Маршаловъ съ Императоромъ Александромъ, когда всѣ должны были совершенно успокоиться, предвидя ходъ послѣдующихъ событій.

Прокламація была констросигнирована Монталиве: Здѣсь мѣсто объяснить, за чѣмъ въ циркулярѣ подчеркнулъ я выраженіе: «которой вы совершенно преданы.» Я за достовѣрное знаю, и могу утвердить подробности одного обстоятельства, которое имѣетъ съ симъ связь и стоятъ объ немъ упомянуть: по отпечатаніи циркуляра, листокъ представленъ былъ Императрицѣ; она собственноручно вычеркнула слова: «которой вы совершенно преданы» — и замѣнила ихъ словами: «которая вамъ совершенно предана;» изъ сего слѣдуетъ, что она добровольно ввѣрилась преданности Франціи. Несчастливая Государыня старалась употребить все, чтобы направить колеблющіеся умы въ пользу свою и особенно въ пользу сына, и дѣйствительно она лично своею особою внушала истинное участіе, даже тѣмъ, которые изъ политическихъ видовъ и изъ любви къ Франціи, наиболѣе старались испровергнуть нестерпимый Императорскій деспотизмъ.

Какъ-бы то ни было, прокламація Маріи Луизы была разослана 4 Апрѣля, въ тотъ самый

день, когда Наполеонъ вечеромъ подписалъ договоръ отреченія; прокламацію сію мы уже видѣли и участь ея извѣстна. Монталиве разослалъ ее къ Префектамъ, приложивъ особый циркуляръ, который я долгомъ почитаю здѣсь помѣстить, ибо документы регентства рѣдки; сверхъ того я увѣренъ, что все помѣщенное мною за исключеніемъ прокламаціи Императора и можетъ быть прокламаціи Маріи Луизы, никогда не было опубликовано. Для Исторіи необходимо собраніе официальныхъ актовъ, оставшихся неизвѣстными и свидѣтельствующихъ о послѣднихъ усиліяхъ Министерства Наполеона. Вотъ тотъ циркуляръ:

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Имперіи.
Г-ну Префекту-го Департамента.

«Имѣю честь препроводить къ Вамъ прокламацію Ея Величества Императрицы къ Французамъ; прошу Васъ обнародовать ее съ возможною скоростію; она должна быть распубликована и выставлена во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, а также разослана къ главнымъ гражданскимъ и воинскимъ Начальникамъ. Прикажете напечатать ее въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

«Обратите вниманіе, что одинъ изъ препровождаемыхъ мною экземпляровъ, подписанъ собственноручно Императрицею. Ея Величест-

«во, выражая собственные чувства, желала тѣмъ
«показать Вамъ знакъ своего расположенія.

«Впредь донесенія Ваши адресуйте въ Туръ,
«куда отиравляются Императрица и Министры.

«Я желаю, чтобы Вы имѣли сношеніе со
«мною чрезъ каждые два дня; въ настоящихъ
«нашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ,
«соглашайте мнѣ вѣрный отчетъ о состояніи
«внѣреннаго Вамъ Департамента, о духѣ его, о
«поведеніи разныхъ управленій ихъ дѣйствіи и
«о впечатлѣніи, какое производятъ событія на
«народъ, подчиненный Вашему управленію. До-
«ставляйте ко мнѣ въ оригиналъ все акты, и
«ложныя предписанія, которые Вы будете
«получать изъ Парижа, а съ незначительныхъ
«бумагъ можете присылать копии, или выни-
«ски.

«Императрица, зная Васъ, вполне полагается
«на Вашу преданность.

«Пріймите Милостивый Государь увѣреніе въ
«моемъ совершенномъ уваженіи.»

«МОНТАЛИБЕ»

При семъ циркуляръ находился Post-Scriptum:
«Я отправилъ къ Вамъ втораго числа цирку-
«ляръ, котораго экземпляръ прилагаю здѣсь на
«всякій случай.»

Но ни циркуляръ, ни Post-Scriptum ничего
не произвели. Съ тѣхъ поръ Императоръ Ав-
стрийскій, не взирая даже на судьбу дочери

своей, не менѣе другихъ союзныхъ Государей желалъ паденія Наполеона и его династїи. Порученіе Шампаньи, о которомъ я очень хорошо знаю можетъ при случаѣ быть не оспоримымъ тому доказательствомъ.

Получивши отъ Императрицы письмо, Монталиве оставилъ Блоа и отправился въ главную квартиру Императора Австрійскаго, стараясь избѣгать дорогъ занятыхъ казаками. После многихъ затрудненій онъ прїѣхалъ въ Шансо, куда ожидали Франца II. Императоръ Австрійскій, будучи извѣщенъ вскорѣ по прїѣздѣ своемъ о прибытіи Герцога Кадорскаго пригласилъ его къ себѣ и прїнялъ съ большимъ уваженіемъ и съ особенными знаками дружбы, которою пользовался онъ въ бытность свою посланникомъ въ Вѣнѣ. Императоръ разсуждалъ о судьбѣ своей дочери съ лицомъ для него уже не чуждымъ, и я нѣсколько разъ замѣчалъ, сколь много имѣетъ вліянія на успѣхъ посольства, личная извѣстность Государю посланника; но Герцогъ Кадорекій слишкомъ много встрѣтилъ препятствій, чтобы надѣяться на успѣшное окончаніе своего порученія. Я узналъ, что онъ оставался нѣсколько часовъ съ Францомъ II, ничего болѣе получить отъ него не могъ кромѣ однихъ обѣщаній; Императоръ старался оправдываться, ссылаясь на обязательство заключенное имъ съ союзниками, чтобы одобрить

все то, что они будутъ дѣлать. Однакоже Герцогъ Кадорскій не рѣшился уѣхать изъ главной квартиры Австрійскаго Императора тотчасъ послѣ сего свиданія, надѣясь, что чрезъ ночь Императоръ можетъ еще обдумать, въ сколь трудномъ положеніи находится дочь его, лишенная прежняго величія, а потому испросилъ позволеніе откланяться Императору въ слѣдующее утро, при наступленіи котораго Его Величество едва успѣлъ встать, какъ Герцогъ явился къ нему съ новыми усиленными предстательствами за права Маріи Луизы; Императоръ сказалъ ему: «я слишкомъ много люблю мою дочь, и столько же люблю моего зятя; они заключены въ моемъ сердцѣ, и для нихъ я готовъ пожертвовать своею кровію.— «Ахъ! Государь», прерывая его рѣчь, сказалъ Шампанси, «подобной жертвы не требуется. «Да, Герцогъ, я готовъ пожертвовать своею кровію, и отдамъ за нихъ свою жизнь; но, «повторяю, что я обѣщаль моимъ союзникамъ «не заключать договоровъ безъ нихъ, и одобрять все, что они будутъ дѣлать. Впрочемъ,» прибавилъ Императоръ, «мой Министръ Меттернихъ отправился уже въ ихъ главную квартиру, и я соглашусь на все, что онъ подпишетъ.»

Слушая подробности, рассказанныя мнѣ Герцогомъ Кадорскимъ о его посольствѣ, гдѣ усер-

діе не могло восторжествовать надъ невозможностію, я замѣтилъ, что онъ смотрѣлъ на отъѣздъ Меттерниха, и на пребываніе Стадіона при Императорѣ Австрійскомъ, какъ на обстоятельство пагубное для Наполеона. По моему мнѣнію ничто уже не могло удержать хода событій и рѣшительнаго исполненія предположеній союзниковъ. Однакоже должно сознаться, что Министры сіи питали къ Наполеону чувства совершенно противоположныя. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что Меттернихъ въ личномъ отношеніи много любилъ Бонапарте, который всегда оказывалъ ему благоволеніе свое и ласки, а особенно въ бытность его посломъ въ Парижѣ; въ подтвержденіе сказаннаго мною приведу происшествіе, за достоверность котораго могу ручаться. Во время бракосочетанія Маріи Луизы, когда поздравляли и привѣтствовали Меттерниха, онъ отвѣчалъ: «очень можно принимать привѣтствія, «оказавши пособіе въ дѣлѣ, имѣвшемъ одобреніе двадцати четырехъ милліоновъ соотечественниковъ.» Подобныя слова, сказанныя въ слухъ Министромъ Вѣнскаго кабинета, были очень пріятны Наполеону; однакоже Меттернихъ въ личныхъ съ нимъ соотношеніяхъ не скрывалъ истины; чему доказательствомъ служитъ слѣдующій разговоръ: «что касается до «вась» сказалъ однажды ему Императоръ, въ

Дрезденѣ, «вы не будете воевать противъ меня; это не возможно; вы вѣрно не объявите себя противникомъ моимъ! — Государь, между нами нѣтъ совершеннаго союза, и со временемъ мы легко можемъ сдѣлаться врагами.» Это были послѣднія слова, которыя Меттернихъ сказалъ Наполеону. Мнѣніе сіе было очень ясно и, дѣйствительно надобно было имѣть все ослѣпленіе Наполеона, чтобы не воспользоваться имъ. Какъ бы то ни было, но приведенные мною два случая, ясно показываютъ доброе расположеніе Меттерниха къ Наполеону. — Что же касается до Стадіона, то это совершенно противное; онъ имѣлъ къ Императору глубокую ненависть, и дѣйствительно онъ не могъ позабыть, что причиною удаленія его предъ тѣмъ временемъ отъ Вѣнскаго кабинета было всемогущее тогда вліяніе Наполеона. Не вѣря, чтобы Министръ могъ перемѣнить рѣшеніе Австрійскаго Императора, я согласенъ однакоже съ тѣмъ, что Герцогъ Кадорскій, долженъ былъ считать дурнымъ предзнаменованіемъ, для успѣха своихъ порученій, присутствіе Стадіона при Императорѣ, и назначеніе его полномочнымъ Австрійскимъ Министромъ.

Оставя то, имѣло ли вліяніе или нѣтъ отсутствіе Меттерниха на рѣшеніе Франца II, скажемъ, что Монархъ сей не изъясилъ никакого согласія на настоятельныя убѣжденія Ми-

нистра, выполнившего свои затруднительныя порученія въ столь не благопріятное время, самымъ благороднымъ образомъ и Шампаньи долженъ былъ получить окончательный отпускъ отъ Австрійскаго Императора. Снабженный письмомъ его къ Маріи Луизѣ, долженствовавшимъ служить паспортомъ на дорогъ занятой отрядами Казаковъ, Герцогъ Кадорскій отправился и засталъ Императрицу въ Орлеанѣ, куда переехала она изъ Блоа во время его отсутствія. Онъ нашелъ Марію Луизу почти одну: всѣ главные сановники Имперіи одинъ за другимъ, присоединяясь къ Временному Правленію, возвратились въ Парижъ.

Г Л А В А VIII.

Первое время вступленія моего въ должность Главнаго Директора Почтъ.—Посѣщеніе Блюхера.—Воспоминовеніе о Гамбургѣ.—Долгій разговоръ.—Блюхеръ въ кабинетъ Наполеона въ Сенъ-Клу. — Мой домъ въ Сенъ-Клу освобожденъ отъ постоя. — Мое представленіе Прусскому Королю. — Представленіе Бертье.—Прусскій Король упрекаетъ Кларка, предъ нами.—Пріѣздъ Бернадота въ Парижъ.—Дружба его ко мнѣ не измѣнилась.—Долгій разговоръ съ Королемъ Правителемъ Швеціи.—Мнѣніе Бернадота о Моро.—Воспоминовенія о Бернадотѣ и Наполеонѣ.—Заблужденіе въ разсужденіи ихъ и противоположное счастье. — Отверженіе Титула: Князь де Понтекорво.—Гибель Наполеона. — Конференція Императора съ Шампаньи. — Слѣдствіе увѣдомленія.

Едва вступивъ въ отправленіе обязанностей моихъ по званію Главнаго Директора Почтъ при Временномъ Правленіи, я былъ крайне удивленъ, когда утромъ 2-го Апрѣля, пришелъ въ мой кабинетъ Прусскій Генералъ, въ лицѣ котораго я тотчасъ узналъ Блюхера, командовавшаго Прусскими войсками, въ сраженіи

подъ стѣнами Парижа. Входя ко мнѣ онъ сказалъ «По прибытіи въ Парижъ, я почелъ первою обязанностию благодарить Васъ, за вниманіе ваше, оказанное мнѣ въ Гамбургѣ. Хотя «уже восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ «я имѣлъ честь видѣть васъ, будучи плѣнникомъ въ Любекѣ, но изъ моей памяти не изгладилось воспоминаніе благородныхъ вашихъ «поступковъ. Очень сожалею, что я не могъ «знать ранѣе о пребываніи вашемъ въ Парижѣ; я узналъ о томъ уже изъ списка членовъ «Временнаго Правленія, и могу васъ увѣрить, «что еслибъ присутствіе ваше въ Парижѣ было «мнѣ прежде извѣстно, то взятіе столицы обошлось бы безъ боя и кровопролитія.—«Генералъ!» спросилъ я его поблагодаривши сперва за комплементъ, «на какихъ началахъ основываєте вы слова ваши?— Боже мой! Если бы я «могъ только знать, что вы въ Парижѣ, я бы «попросилъ васъ пожаловать къ себѣ, и далъ «бы вамъ письмо къ Прусскому Королю. Государю сему очень хорошо извѣстны средства «союзниковъ, и я увѣренъ, что онъ доставилъ «бы вамъ возможность заключить перемиріе, «прежде, нежели окрестности Парижа сдѣлались «театромъ войны.

«Но, не смотря на доброе согласіе союзниковъ,» отвѣчалъ я ему «почти не возможно было избѣжать обороны; непреоборимое затруд-

«неніе встрѣтилось бы въ раздраженномъ характерѣ Французовъ.—Но Господи! вамъ бы доказали, что это ни къ чему не ведетъ, что вы «имѣли дѣло съ огромными массами народовъ.— «Вы справедливы, Генераль, но Французы желаютъ на всегда сохранить свою честь.—Со- «гласенъ; но развѣ для васъ не достаточно ва- «шей славы?»—Но пылкости характера своего «Французы думали бы, что она угасла, еслибъ «Парижъ занятъ былъ безъ обороны. Что же «касается до одобренія, сдѣланнаго вами Гене- «раль на счетъ поведенія моего въ Гамбургъ, «то я высоко цѣню его при нынѣшнихъ об- «стоятельствахъ; а потому смѣю надѣяться, что «и вы въ Парижѣ покажете ту же умѣренность; «время уже прошло, когда можно было гово- «рить, горе побѣжденнымъ.—Да, вы правы» одна- «ко присовокупилъ онъ улыбаясь, «вы знаете, «что насъ называютъ сѣверными варварами.— «Чтоже, Генераль,» отвѣчалъ я въ такомъ же топѣ, «вамъ теперь удобный случай доказать, «что это клевета.»

Таковъ былъ мой разговоръ съ Блюхеромъ въ кабинетѣ дома почти, и дѣйствительно союзники расположеніемъ своимъ къ намъ оправдали увѣренія Блюхера. Въ личномъ отношеніи чувства признательности ко мнѣ Блюхера не угасли; въ чемъ я убѣжденъ обстоятельствомъ, случившимся при второмъ возстановленіи, о

которомъ я намѣренъ теперь же рассказать. Въ то время, какъ Блюхеръ расположилъ главную квартиру свою въ Сень-Клудскомъ замкѣ, меня не было въ Парижѣ. По возвращеніи же въ столицу я услышалъ, что Блюхеръ, узнавъ о принадлежащемъ мнѣ прекрасномъ домикѣ, въ Сень-Клу, отдалъ приказъ не занимать его военнымъ постоемъ, и точно, я нашелъ домъ мой въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ оставилъ. Будучи доволенъ таковою памятью и вниманіемъ, я почелъ обязанностію благодарить его; и лишь только доложили обо мнѣ, какъ я уже былъ въ его кабинетѣ. Какой кабинетъ, Господи! тотъ самый, въ которомъ я столько разъ занимался съ Наполеономъ. Мой Гамбургскій пльнникъ въ томъ кабинетѣ, гдѣ рѣшилось столь много великихъ дѣлъ. Какой урокъ о бренности чловѣческихъ замысловъ получилъ я тогда. Могъ ли я предполагать, во время свиданія моего съ Блюхеромъ, въ домѣ почтъ, что чрезъ годъ, отплачу ему визитъ въ замкѣ Сень-Клу. Оставя несчастія и стыдъ 1815 года, довольно уже вспомнить объ одномъ 1814 годѣ, чтобъ увѣриться въ превратности счастія.

Вскорѣ послѣ свиданія моего съ Блюхеромъ, я имѣлъ честь представляться въ частной аудиенціи Государю его. Прежде сего читатели уже видѣли, что онъ хотѣлъ дать мнѣ рекомендательное письмо къ Его Величеству о мо-

емъ поведеніи въ Гамбургѣ. Король принималъ меня вмѣстѣ съ Бертье и Кларкомъ, во дворцѣ Евгенія, въ улицѣ Бурбона, въ которомъ жилъ онъ во время пребыванія своего въ Парижѣ. Я не постигаю, какимъ образомъ, говоря о семъ произшествіи прежде, я означилъ мѣсто аудіенціи въ Тюліери. Эту ошибку можно бы было обратить въ вину другому, но мнѣ она протительна. Дворецъ Тюліерійскій слишкомъ много оставилъ впечатлѣній въ умѣ моемъ, а потому не удивительно, если я въ разсѣянности упомянулъ объ немъ не у мѣста.

Бертье, Кларкъ и я находились нѣсколько минутъ въ залѣ, пока Фридрихъ-Вильгельмъ вышелъ къ намъ изъ своего кабинета. Я замѣтилъ на лицѣ его какое-то смущеніе и во взглядѣ, что-то суровое.

Бертье былъ первый, за нимъ Кларкъ, потомъ я. Слѣдуя этому порядку, Король, обратился сперва къ Бертье и сказалъ ему съ видомъ благородства и съ нѣкоторымъ смущеніемъ «Господинъ Маршалъ! Мнѣ бы пріятнѣе было видѣть васъ въ Берлинѣ, какъ путешественника, нежели въ настоящее свиданіе, но сдѣлать уже нечего. Вамъ извѣстно, что въ военныхъ обстоятельствахъ счастье не можетъ постоянно благопріятствовать одной сторонѣ. Ваши войска храбры и хорошо управляемы, но вамъ не возможно было сопротивляться мно-

«жеству. Увѣряю васъ, не страсть къ завоеваніямъ привела союзниковъ во Францію, но чувство необходимости исторгнуть миръ постоянный, не смотря ни на какія пожертвованія. Цѣлая Европа вооружилась противъ Императора, чтобы рѣшить судьбу его; терпѣніе кимъетъ свои предѣлы. Вы, Господинъ Маршалъ, провели много военнаго времени въ Германіи. Мнѣ пріятно сказать вамъ, что благородное поведеніе ваше и умѣренное обхожденіе съ Германцами въ эпоху бѣдствій, никогда не «будутъ забыты»

Бертье смѣшался, благодаря Короля за похвалу дѣйствительно имъ заслуженную. И въ самомъ дѣлѣ при всемъ томъ, что онъ имѣлъ можетъ быть ограниченный умъ, слабый характеръ и нѣкоторыя странности, Бертье никогда не былъ злымъ человѣкомъ, въ чемъ я могу увѣрить, бывши постоянно свидѣтелемъ его благороднаго обхожденія съ побѣжденными.

Послѣ благодарности Бертье, Король обратился къ Кларку; я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ на лицѣ его выраженіе неудовольствія. «Вамъ, Господинъ Генераль, не могу я сказать того, что сказалъ Маршалу. Жители Берлина долго будутъ помнить управленіе ваше. Вы во зло употребили право побѣды, и мѣры вашей жестокости и обидъ не имѣли «границъ. Континентальную систему вы сдѣла-

«ли ненавистнѣе, нежели какъ она была. Не «скрою отъ васъ, что жители Берлина еще «долго будутъ жаловаться на васъ. Я знаю, что «вамъ были даны строгія приказанія; но вы «при исполненіи ихъ не оказывали никакого «списхожденія. Притѣненія ваши въ отношеніи «писемъ превосходили всякое излишество. Со- «вѣтую вамъ никогда не возвращаться въ «Пруссію.

Я былъ сильно огорченъ, слушая укоризны, высказываемыя Королемъ при двухъ свидѣтеляхъ, человѣку, съ которымъ, правда, я никогда не искалъ случая имѣть короткія связи, однакоже былъ долгое время въ сношеніяхъ по дѣламъ службы; хотя я зналъ его за человѣка слабого отъ природы и льстеца, но въ частной жизни онъ былъ человѣкъ превосходный. Приведенныя мною слова, произнесены были Королемъ Прусскимъ голосомъ громкимъ и раздраженнымъ, и до такой степени поразили Кларка, что онъ съ усиліемъ произнесъ нѣсколько невинныхъ словъ безъ всякой связи и порядка, чего впрочемъ Фридрихъ-Вильгельмъ не замѣтилъ, ибо окончивая къ нему рѣчь свою, въ тоже время обратился ко мнѣ.

«А! Г. Буріенинъ,» сказала онъ, совершенно изменивъ тонъ своего голоса и *rasserenando si*, какъ говорятъ Италіянцы, «очень радъ съ вами видѣться, и повторить тоже, что я писалъ къ

«вамъ изъ Кенигсберга, во время моего тамъ «пробыванія. Вы оказывали покровительство, «зависѣвшее отъ васъ, всѣмъ Нѣмцамъ, кото- «рые къ вамъ обращались. Вы по возможности «смягчали ихъ жребій. Я съ удовольствіемъ «слушалъ о всемъ, что вы дѣлали для Прус- «саковъ, которые жребіемъ войны заброшены «были въ Гамбургъ. Мнѣ пріятно сказать вамъ, «предъ сими господами, что если бы всѣ Фран- «цузскіе агенты, мыслили и дѣйствовали по- «добно вамъ, то вѣроятно мы бы здѣсь не «были.

Будучи тронутъ благоволеніемъ Прусскаго Короля, я изъявилъ ему признательность мою поклономъ, послѣ чего онъ раскланявшись съ нами удалился. Не смотря на мое удовольствіе, произведенное благосклоннымъ пріемомъ Короля, я вполнѣ раздѣлялъ огорченіе Кларка, ибо нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ бытъ свидѣтелемъ личнаго оскорбленія. Вѣднѣй Генераль до того былъ разстроень, что мы съ Бертье при- нуждены были взять его подъ руки, чтобы свести съ лѣстницы, по которой онъ сходилъ ша- таясь. Безъ сомнѣнія Кларка можно было об- винять за слишкомъ точное исполненіе дан- ныхъ ему приказаній, но неожиданныя уко- ризны вѣнчанной особы, мнѣ кажется сильно подѣйствовали на душевное состояніе его, до- вольно слабое отъ природы.

До сихъ поръ въ этой главѣ я говорилъ только объ иностранныхъ особахъ, которыхъ успѣхъ войны по занятіи Парижа привелъ во Францію; рассказъ мой я буду продолжать въ томъ же порядкѣ, только о другомъ лицѣ для меня не чуждомъ, о которомъ я уже много говорилъ, и къ которому я питаю искреннюю привязанность, это Бернадотъ Шведскій Король Правитель.

Графъ д' Артуа, прибылъ въ Парижъ какъ уже выше сказано 12-го Апрѣля; спустя нѣсколько дней прѣвхалъ туда и Бернадотъ. Положеніе его было сомнительно до того времени, когда сила обстоятельствъ уничтожила совершенно надежды его, которыя онъ могъ имѣть во время свиданія съ Императоромъ Александромъ въ Або. Въ нѣкоторыхъ брошюркахъ называли его измѣнникомъ Франціи, въ чемъ несправедливо обвиняли его, даже нѣкоторые изъ поклонниковъ исчезнувшей нашей славы, негодовавшіе на него въ какомъ-то раздраженіи, извинительно въ несчастіи.

Я также помню, что Наполеонъ до паденія своего, велѣлъ издать отъ Полиціи объявленіе, въ родѣ протеста противъ Шведскаго Короля Правителя. Бернадотъ остановился въ улицѣ д' Анжу, въ домѣ гдѣ жила его супруга. Подъ окнами дома были слышны крики. «Прочь измѣнникъ? Прочь вѣроломный!» Но волненіе

сіе не имѣло никакихъ послѣдствій, и кончилось однимъ оскорбленіемъ, слѣдствіемъ ничтожнаго мщенія.

Во время пребыванія Бернадота въ Парижѣ, я видѣлся съ нимъ каждый день. Онъ скрывалъ отъ меня свои слабыя надежды на престолъ Франціи. Не смотря на то въ разговорахъ, при занятіяхъ моихъ съ нимъ я убѣдился, что онъ имѣетъ виды наследовать Наполеону, хотя о томъ онъ мнѣ и не говорилъ прямо. Со дня встречи моей съ Генераломъ Рейнбергомъ у Герцога Ровиго. Я убѣдился въ моихъ догадкахъ о видахъ Бернадота; я рассказалъ объ этомъ Бернадоту, и онъ не нашелъ болѣе средствъ скрываться отъ меня.

Я спросилъ Бернадота, что думалъ онъ о замыслахъ, приписываемыхъ Моро, и справедливо ли то, что Моро искалъ опасной славы править Франціею. «Эти слухи,» отвѣчалъ мнѣ Король, «ни на чемъ неоснованы: могу васъ увѣрить въ томъ, по крайней мѣрѣ въ разговорахъ со мною, Императоръ Александръ, не сказалъ ничего такого, чтобы могло подтвердить это предположеніе. Мнѣ извѣстно, что Россійскій Императоръ желалъ въ возгорѣвшейся великой борьбѣ воспользоваться воинскими дарованіями Моро и желалъ при счастливомъ окончаніи войны доставить случай сосланному Генералу возвратиться въ свое отечество.»

«чество, гдѣ бы онъ могъ пріобрѣсть почести и права за прежнія свои заслуги.»

Объяснивши мнѣ настоящее положеніе, въ которомъ находился Моро, при Императорѣ Александрѣ, Бернадотъ признался, что онъ удивляется возвращенію Бурбоновъ. Онъ даже не вѣрилъ, чтобы Французскій народъ могъ такъ скоро согласиться на предложеніе признать ихъ вновь своими Государями. Онъ также не скрылъ отъ меня, что онъ прибылъ въ Парижъ, съ намѣреніемъ имѣть участіе въ произшествіяхъ, но съ самаго начала, увидя холодный пріемъ прежнихъ своихъ соотаварищѣй по арміи, онъ убѣдился, что ничего не можетъ выиграть въ свою пользу.

Во время пребыванія своего въ Парижѣ, Бернадотъ оказывалъ мнѣ тѣже знаки дружбы, которыми я пользовался въ Гамбургѣ. Однажды я получилъ отъ него письмо посланное изъ Парижа, слѣдующаго содержанія:

«Господинъ Статскій Совѣтникъ Буріенпъ, «Король мой повелитель предоставилъ въ мое распоряженіе нѣсколько знаковъ ордена Сѣверной Звѣзды. Возложивъ на васъ знаки сего ордена, я достойнымъ образомъ оправдаю довѣренность, которой Его Величество удостоилъ меня, и мнѣ очень пріятно будетъ имѣть случай воздать этимъ полную справедливость вашимъ заслугамъ и доказать вамъ особенное

«уваженіе мое. Молю Всевышняго, да приметъ онъ васъ подъ свою Святую защиту и пребы-
«ваю къ вамъ благосклонный:

«КАРЛЬ ЮАННЪ.»

Признаюсь, что память и дружба Бернадота радовали меня болѣе, нежели самый орденъ Сѣверной Звѣзды. Въ продолженіе службы моей я часто бывалъ свидѣтелемъ, какимъ образомъ жалуется во Франціи подобные знаки отличія, а потому не думаю, чтобы они могли меня очаровывать.

Какъ-бы то ни было, Бернадотъ не совѣмъ довольный пребываніемъ своимъ въ Парижѣ, не взирая на дружбу, постоянно оказываемую ему Императоромъ Александромъ, оставался тамъ не долго, и отправился въ Швецію, откланившись Графу д'Артуа. Я не имѣлъ случая видѣть его послѣ сего прощательнаго визита, а потому не знаю ничего о послѣднемъ разговорѣ сихъ Государей. Конечно я никогда не думалъ, чтобы Бернадоту вручено было правленіе Франціи, и не смотря на постоянную къ нему мою дружбу, если въ политическихъ собраніяхъ случалось что-либо говорить о немъ, я не могъ ничего сказать въ его пользу, ибо я зналъ, да онъ и самъ чувствовалъ невѣрность его предположенія. Его несправедливо обвинили, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, за участіе съ союзниками.

Онъ какъ Шведъ обязанъ былъ сражаться

противъ всѣхъ враговъ Швеціи; но народъ Франціи по предубѣжденію своему смотрѣть на него не болѣе, какъ на Маршала Имперіи. Бернадотъ уже не былъ подданнымъ Франціи, но Моро оставался имъ, вотъ почему безпристрастный Историкъ поставитъ этихъ двухъ знаменитыхъ Генераловъ въ безмѣрномъ разстояніи другъ отъ друга; одинъ сражался за свое новое отечество, а другой палъ, сражаясь противу своей отчизны.

Вѣроятно мнѣ не случится болѣе говорить о Бернадотѣ, а потому скажу нѣсколько словъ о послѣднемъ пребываніи его въ Парижѣ; ибо извѣстно, что въ 1815 году онъ туда не возвращался. Въ эту эпоху я увидѣлъ, что ошибочно полагали, будто Бернадотъ былъ созданіе Наполеона; безъ сомнѣнія читатели моихъ записокъ, могутъ сами разувериться въ ошибочномъ мнѣніи, если только примутъ на себя трудъ сблизить происшествія, относящіяся до сего Короля счастливица; однакоже я прибавлю нѣкоторыя обстоятельства, пришедшія мнѣ на память, которыя думаю вполнѣ разрѣшать вопросъ сей.— Безъ сомнѣнія съ перваго взгляду можно заключить, что Бернадотъ Маршалъ Имперіи, въ послѣдствіи Князь де Понте-Корво, всемъ обязанъ Императору. Но если принять во вниманіе, что Бернадотъ былъ соперникомъ въ счастіи Наполеону, можно увѣриться, что

Наполеонъ вовсе не вспомоществовалъ возведенію его въ санъ Короля Швеціи. Но напротивъ имѣлъ намѣреніе разрушить судьбу его и судьбу Государства, которымъ управлять онъ былъ призванъ, чего не много исполнить не успѣлъ.

Не стану повторять сказаннаго мною о пребываніи Барнадота въ Гамбургъ, гдѣ онъ счастливыми качествами своими пріобрѣлъ приверженность Шведовъ.

Вотъ обстоятельство не вполне мнѣ извѣстное, но за достовѣрность котораго я могу ручаться. Когда Герцогъ Кадорскій, бывшій тогда Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, доложилъ Императору объ избраніи Князя де Понте-Корво въ правители Шведскаго Королевства, Императоръ сказалъ: «А, они его избрали, хорошо хорошо они могли бы сдѣлать лучший выборъ, но, я не хочу препятствовать его счастью; ему не возможно отпраздновать съ пустыми руками; дать ему два миліона.»

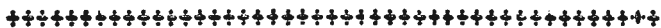
И сіе, по видимому доброе расположеніе Императора къ Принцу, вдругъ разрушено было непредвидимымъ обстоятельствомъ: Барнадотъ по моему мнѣнію заключилъ очень благоразумно, что титулъ Князя де Понте-Корво не совмѣстенъ съ его новымъ саномъ, который освободитъ его отъ всякихъ обязанностей подданны-

го Французской Имперіи; а извѣстно, что въ то время Наполеонъ желалъ, дабы все Государи Европейскіе зависѣли отъ него, а потому должно заключить, что онъ былъ сильно раздраженъ узнавши эту новость. Мнѣ неизвѣстно, кто ему сказалъ объ этомъ, ибо я находился въ то время въ Гамбургѣ, и узналъ обстоятельство сіе только по возвращеніи моемъ. Но Шампаньи долженъ былъ знать, ибо Императоръ призвалъ его къ себѣ и съ гнѣвомъ сказалъ; «Что это такое? . . . чего же хочетъ Бернадотъ? . . . что значить это Шведское безуміе, сдѣлаться «Шведомъ»? . . . Сколько же этихъ Шведовъ? . . . я хочу кончить это и болѣе не слышать о томъ; Г. де Шампаньи, напишите въ этомъ смыслѣ.»

Вотъ что можетъ дать понятіе о степени гнѣва Наполеона, произведеннаго благородною разборчивостью Короля Швеціи. Спустя два дня послѣ сего, Императоръ спросилъ Шампаньи написалъ ли онъ. «Написалъ Государь.— Но все «ли вы написали что я хотѣлъ? Надѣюсь, что «все Государь.—Посмотримъ?» Наполеонъ началъ читать; должно замѣтить, что онъ почти никогда не дѣлалъ подобныхъ требованій; окончивъ чтеніе, сказалъ онъ съ живостію; «это не то, это слишкомъ спсисходительно; я вамъ сказалъ, что я желалъ бы все кончить, и болѣе «не заниматься этими двумя или тремя миліонами Шведовъ.»

Бернадотъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ произшествіи, впрочемъ я и самъ нехотѣлъ спрашивать его. Безъ сомнѣнія это обстоятельство заставило Бернадота принять участіе въ походѣ Московскомъ, и наконецъ привело его къ стѣнамъ Парижа.

Г Л А В А IX.

Возвращеніе Императорскихъ комиссаровъ къ Александру. — Присутствіе мое у Талейрана.—Вторая конференція Александра съ Маршалами.—Присутствіе Короля Прусскаго.—Неизмѣнное опредѣленіе союзниковъ.—Перемиріе на двадцать четыре часа. — Възлнвость, оказанная Александромъ Макдональдѣ, отвѣтъ Маршала. — Фонтенебло въ рукахъ союзныхъ войскъ.—Дружба Александра къ Наполеону.—Отъездъ Александра, и Поццо-ди-Борго. — Последний смотръ войскамъ, сдѣланный Наполеономъ, до его прощанія.—Маршалы въ Фонтенебло и необходимость прямого и яснаго отреченія. — Довѣренность Императора къ Макдональдѣ.—Возвращеніе въ Парижъ и присоединеніе Пей.—Макдональдъ возвращается въ Фонтенебло одинъ. — Необыкновенное положеніе Императора. — Намѣреніе отравиться и сомнѣнія въ разсужденіи этого.—Глубокая задумчивость Бонапарте.—Любопытный разговоръ Императора съ Маршалами.—Сабля Мурадъ-Бей и благородная награда. —Последнее прощаніе.—Прямое и ясное отреченіе Наполеона.—Благородное присоединеніе Макдональда. — Странное сближеніе чинель.

Читатели уже знаютъ о слѣдствіи посольства Маршаловъ въ отношеніи къ регентству; сдѣла Мармонтъ растался съ ними, чтобы отравить.

ся въ Версаль, комиссары поспѣшили къ Императору Александру, извѣстить его о движеніи корпуса Мармонта. Утромъ я былъ у Талейрана, и узналъ что надежды наши осуществились; вопросъ совершенно былъ разрѣшенъ. Александръ въ шесть часовъ утра отправился пѣшкомъ къ Прусскому Королю, въ Бурбонскую улицу, и оба Государя вмѣстѣ пришли къ Талейрану, въ то время, когда комиссары Императора возвратились. При семъ случаѣ я замѣчу важную ошибку, которую исправить не могу, говоря что союзники не желали болѣе заключать договоръ съ Бонапарте и его фамиліею, когда узнали, что лагерь при Эссонѣ снятъ и Наполеонъ открыто находится въ Фонтенебло. Достаточно одного взгляда, чтобы увидѣть истину. Мармонтъ только утромъ пятого числа, узналъ о движеніи своихъ войскъ, а въ предшествовавшую ночь Александръ объявилъ, что онъ будетъ говорить объ этомъ съ Королемъ Прусскимъ, что походило на вѣжливый, но рѣшительный отказъ договариваться съ Бонапарте, или съ кѣмъ либо изъ его фамиліи, сообразно съ прежнимъ объявленіемъ Александра.

Маршалы и Герцогъ Виченскій были допущены въ присутствіе двухъ Государей; Александръ началъ разговоръ и сказалъ, что существованіе регентства не возможно. «Вотъ Госно-

«да,» прибавилъ онъ «что могъ сдѣлать я и мои союзники. Три дни тому назадъ Парижъ объявилъ свое согласіе и со всѣхъ сторонъ получаютъ такія же извѣстія. Если войско рѣшится не соглашаться съ нами, то по крайней мѣрѣ должно бы было предупредить насъ о томъ заблаговременно. — Государь,» возразилъ Макдональдъ «осмѣлюсь замѣтить Вашему Величеству, что сдѣлать сего было не возможно; ибо почти никого изъ Маршаловъ не было въ Парижъ. Кто могъ предвидѣть, что обстоятельства примутъ настоящій оборотъ? Могли ли мы думать, что недоразумѣніе и неумѣстный страхъ заставятъ войска Герцога Рагузскаго уйти изъ подъ Эссоны.» Слова сіи ни сколько не измѣнили опредѣленія Государей; они твердо положили заботиться о прямомъ и безусловномъ отреченіи Наполеона. Маршалы прежде, нежели приступили къ сему важному вопросу, испросили у Императора Александра перемиріе на двадцать четыре часа, для истребованія отъ Наполеона акта о его отреченіи. Это требованіе не встрѣтило препятствій, и Императоръ Александръ съ особенною вѣжливостію, показывая Макдональду карту окрестностей Парижа, подалъ ему карандашъ, и сказалъ: «Возмите Г. Маршалъ, и назначте сами границы обѣихъ армій.» — Цѣтъ Государь, отвѣчалъ Маршалъ, «не намъ побѣжденнымъ слѣ-

«дуетъ назначать линію» Александръ назначилъ границею Сену, которой правый берегъ предоставлялся союзникамъ, а лѣвый Французскимъ войскамъ, что было поводомъ къ спору, послѣ котораго признали не возможность такого разграниченія по неудобству раздѣлить Парижъ на двѣ половины, и наконецъ положили, чтобы линія идя по рѣкѣ обогнула Парижъ. На картѣ отиравленной въ Австрійскій Главный Штабъ, для указанія Шварценбергу границъ, рѣшительно положенныхъ, какъ-то нечаянно включили въ черту союзныхъ войскъ Фонтенебло, гдѣ находилась главная квартира Императора; Австрійцы до такой точности держались указанія, что Маршалъ Макдональдъ вынужденъ былъ жаловаться Александру, который и уничтожилъ всѣ затрудненія.

Когда былъ сдѣланъ вопросъ объ отреченіи, Макдональдъ сообразно даннымъ ему наставленіямъ отвѣчалъ, что Наполеонъ для себя ничего не требуетъ: «Увѣрьте его» возразилъ Александръ, «что участь его будетъ достойна «занимаемаго имъ сана и скажите, если онъ «желаетъ для своего пребыванія избрать мое «Государство, то не смотря на то, что онъ его «опустошилъ, онъ будетъ принять радушно; и «что ему назначать Островъ Эльбу или что ни- «будь другое.»

Получа отпускъ отъ Императора Александра,

5-го Апрѣля, Коммисары Наполеона возвратились въ Фонтенебло, для отдачи отчета Императору въ ихъ порученіяхъ. Прежде, нежели скажу, какъ они были приняты, и что происходило въ Фонтенебло, должно припомнить, что въ этотъ самый день, я видѣлъ Александра и мнѣ казалось, что онъ чувствовалъ себя обремененнымъ отъ тяжкаго бремени, когда узналъ, что дѣло о регентствѣ кончилось безъ его участія. Я также знаю, что онъ рѣшась выѣхать изъ Парижа на нѣсколько дней, предоставилъ полномочіе Г. Поццо-ди-Борго, наименовалъ его депутатомъ съ своей стороны при Временномъ Правленіи и далъ ему вѣрующее письмо, которое долгомъ считаю помѣстить здѣсь; да прочтеть его каждый изъ друзей и соотечественниковъ Бонапарте.

«Удаляясь изъ Парижа, я желаю, чтобы безпрерывныя сношенія съ Временнымъ Правленіемъ не прекращались. Въ слѣдствіе чего, назначаю Генераль-Маіора Поццо-ди-Борго, депутатомъ съ моей стороны, въ качествѣ Главнаго Коммисара и предлагаю вамъ М. М. Гг. имѣть къ нему довѣріе во всемъ, что онъ именемъ моимъ будетъ объявлять вамъ и сообщать ему всѣ предположенія, которыя требуютъ моего участія. Онъ пользуется моею довѣренностію, и въ настоящемъ случаѣ вполнѣ все оправдастъ и употребить все, что только

«можетъ упрочить миръ, столь счастливо возстановленный между Россією и Францією.

«Примите, М. М. Гг. увѣреніе въ моемъ уваженіи.

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ этотъ самый день 5-го Апрѣля, Наполеонъ сдѣлалъ опять смотръ войскамъ своимъ на дворѣ Фонтенебло; онъ замѣтилъ какую-то холодность въ Офицерахъ и даже въ рядахъ солдатъ, которые изъвѣляли ему столько восторга во время смотра 2-го Апрѣля, эта холодность до того оледенила его, что онъ чрезъ нѣсколько минутъ возвратился во дворець. Хотя обстоятельство сіе и не слишкомъ важно среди всего, что происходило тогда; но я говорю о немъ какъ о послѣднемъ явленіи Наполеона предъ войскомъ, ибо послѣ сего онъ не показывался уже войску до дня прощанія. Онъ очень хорошо понималъ общее неудовольствіе, выраженное безмолвіемъ, къ которому онъ не былъ приученъ; съ тѣхъ поръ тяжкія мысли не оставляли его. Ночью съ пятого на шестое или, если угодно, шестаго числа, въ двѣнадцать часовъ, Маршалъ Ней, Маршалы Макдональдъ и Коленкуръ явились въ Фонтенеблю дать отчетъ Императору въ успѣхъ своего порученія и сообщить о намѣреніяхъ Александра въ минуту ихъ отъѣзда. Маршалъ Ней началъ говорить первый и объявилъ Па-

полеону, что союзники требуют отъ него яснаго и прямого отреченія, безъ всякихъ условій, кромѣ увѣренія въ личной его безопасности. Маршалъ Макдональдъ и Герцогъ Виченскій сказали тоже, только въ выраженіяхъ болѣе мягкихъ, ибо Ней не имѣлъ искусства выражаться хорошо. Когда Макдональдъ пересталъ говорить, Наполеонъ обратился къ нему съ нѣкоторымъ смущеніемъ и сказалъ: «Я знаю, Маршалъ, все что вы для меня сдѣлали, знаю ревность, съ какою вы защищали права моего сына! Они хотятъ отъ меня прямого и яснаго отреченія! И такъ я снова предоставляю вамъ власть защищать выгоды мои и моего семейства.» Послѣ нѣкотораго молчанія Наполеонъ сказалъ: «Маршалъ! гдѣ же я буду находиться.» Тогда Макдональдъ объявилъ Императору слова Александра, «если онъ хочетъ избрать для своего жительства Россію, то онъ будетъ принять ея радушно. Впрочемъ Государь!» присовокунилъ онъ, «Императоръ Россійскій сказалъ мнѣ, что онъ назначаетъ вамъ островъ Эльбу, или что нибудь другое (L'île d'Elbe ou autre chose). Или что нибудь другое! съ живостію возразилъ Наполеонъ. . . «но чтожь это другое?— Не знаю Государь. — А! это безъ сомнѣнія островъ Корсика (L'île de Corse); онъ не хотѣлъ сказать сего, не желая встрѣтить непріятную игру словъ. «Маршалъ, я на васъ по-

«лагаюсь.» Я могу ручаться за достовѣрность всего мною сказаннаго, ибо о происшествіяхъ сихъ слышалъ я отъ лицъ важныхъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Впрочемъ всѣ эти подробности давно уже описаны. Мнѣ также извѣстно, что Наполеонъ сперва изъявлялъ неудовольствіе и хотѣлъ еще попытаться идти на Парижъ; но въ изъясненіи своего неудовольствія, показавъ менѣе пылкости, которой должно было бы отъ него ожидать; это обнаруживало черту его характера; ибо до сихъ поръ, вздумавъ что-либо однажды, Наполеонъ приступалъ въ то же время къ рѣшительному исполненію. Переговоры для него не существовали.

Маршалы, получивъ отъ Наполеона полномочіе возвратились въ Парижъ.

По пріѣздѣ туда, Маршалъ Ней присоединился къ Временному Правленію, и Макдональдъ долженъ былъ возвратиться туда одинъ, чтобъ представить Наполеону рѣшительныя условія (*) союзниковъ. Коленкуръ оставался въ Фонтенебло. Ней не возвращался уже въ Фонтенебло, на что Императоръ изъявлялъ свое удивленіе и неудовольствіе. Ней, всѣ его друзья согласны въ томъ, истощивъ всю свою энергію на поляхъ битвы, часто въ сраженіи не имѣлъ рѣши-

(*) Условія сіи находятся въ концѣ тома, между примѣчавіями и историческими полеміками.

мости и потому я не удивляюсь, что онъ перешелъ къ союзникамъ прежде нѣкоторыхъ своихъ товарищей. Что же касается до Макдональда, то онъ имѣлъ одинъ изъ числа тѣхъ великодушныхъ характеровъ, на который тѣмъ болѣе можно было полагаться, чѣмъ болѣе превратности счастія и не удачь. Наполеонъ въ этомъ убѣдился. И такъ Макдональдъ возвратился въ Фонтенебло одинъ; войдя въ комнату Императора, онъ засталъ его сидящимъ въ небольшихъ креслахъ возлѣ камина; на Наполеонъ былъ бѣлый кашемировый сертукъ; въ туфляхъ на боюю ногу, локтями онъ опирался въ колѣна, а голову поддерживалъ руками. Онъ былъ неподвиженъ, и казался погруженнымъ въ глубокія размышленія. При немъ находились только двѣ особы, Герцогъ Бассано, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Императора, а Коленкуръ возлѣ камина. Онъ до такой степени предался задумчивости, что даже не замѣтилъ прихода въ кабинетъ Маршала Макдональда; Герцогъ Виченскій долженъ былъ увѣдомить его о присутствіи Маршала: «Государь,» сказалъ Коленкуръ, «Герцогъ Тарантскій привезъ для вашего подписанія договоръ, который завтрашній день долженъ быть утвержденъ.» Тогда Императоръ, какъ будто пробудившись отъ летаргическаго сна, оборотился къ Макдональду и сказалъ ему

только сія слова: «А! это вы Маршалль Лице Наполеона до того измѣнилось, что Маршалль, пораженный перемѣною не могъ удержать себя, чтобъ не сказать Государю: «Ваше Величество не здоровы! — Да! я провелъ ночь «очень дурно (*).»

Императоръ съ минутой еще оставался въ креслахъ, потомъ всталъ, взявъ изъ рукъ Маршала договоръ, прочиталъ его, не дѣлая никакихъ замѣчаній, подписалъ, и отдавая Маршалу сказалъ: «Я не столько богатъ, чтобъ могъ «вознаградить послѣднюю вашу услугу. — Вы «знаете Государь, что интересъ никогда мною «не управлялъ; я это знаю и теперь вижу, что «много несправедливаго говорили мнѣ о васъ. «Я ясно понимаю теперь намѣренія тѣхъ, ко- «торые меня противъ васъ предубѣждали! — Го- «сударь, я уже вамъ сказалъ, что съ 1809 го- «да, я вашъ на жизнь и смерть! — Это правда,

(*) Въ ночь, предшествовавшую возвращенію Маршала Макдональда въ Фонтенебло, увѣряютъ, будто Наполеонъ покушался отравить себя; но какъ я не имѣю достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ и желаю говорить только о томъ, въ чемъ совершенно увѣренъ, то и не стану выводить свои заключенія на удачу, какъ нѣкоторые дѣлали объ обстоятельстве столь важномъ, и которое Наполеонъ въ разговорахъ своихъ на островѣ Св. Елены отрицалъ. Одна только особа могла бы разрѣшить сомнѣніе относительно сего предмета, это Констанъ, который, какъ увѣрили меня находился ту ночь при Наполеонѣ.

«но такъ какъ я не могу наградить васъ какъ-бы «желалъ, то по крайней мѣрѣ хочу, чтобы вы «вспомнили о томъ, что я никогда не забуду «вашихъ услугъ для меня сдѣланныхъ.» Обратясь къ Коленкуру Наполеонъ сказалъ: «Герцогъ, по- «стребуйте саблю данную мнѣ въ Египтѣ Му- «радъ-Беемъ, которую я послалъ въ сраженіи «при Монъ-Таборѣ.» Констанъ принесть саблю; Императоръ взялъ ее изъ рукъ Коленкура, и вручая ее Маршалу сказалъ: «Вотъ, мой до- «стойный другъ, награда, которая, думаю, до- «ставитъ вамъ удовольствіе.» Маршалъ получая ее изъ рукъ Императора, отвѣчалъ: «Государь, «если только будетъ у меня сынъ, то эту саблю «передамъ ему какъ драгоценное наследство, «самъ же буду хранить ее въ продолженіе всей «жизни.—Дайте мнѣ руку и обнимите меня.» Съ этими словами Наполеонъ и Макдональдъ бро- силась съ равнымъ восторгомъ въ объятія другъ друга и разстались съ слезами на гла- захъ.

Такъ кончилось послѣднее свиданіе Макдо- нальда съ Наполеономъ; эти подробности слы- шалъ я въ 1814 году отъ самаго Маршала, разсказывавшаго у себя въ гостиной, спустя нѣ- сколько дней послѣ возвращенія съ договоромъ подписаннымъ Наполеономъ. Онъ показалъ мнѣ саблю; я ее призналъ за ту, которую столько разъ видѣлъ у Генерала Бананарте, и которую

онъ предпочиталъ другимъ, по воспоминанію о Египетскомъ походѣ, я замѣтилъ, что на ней вырѣзана надпись: *сабля, которую носилъ Императоръ въ день битвы при Монъ-Таборъ*. Я не скрою мыслей внутреннихъ мнѣ словами, вырѣзанными на подарокъ Мурадъ-Бей: изъ сего я узналъ еще одну черту, принадлежавшую характеру Наполеона. Титуль Императора, онъ простиралъ до эпохи, когда еще былъ только Генераломъ Французской республики; вѣроятно онъ желалъ этимъ средствомъ сдѣлать свое Императорство нѣсколько старѣе; подобнымъ образомъ онъ украшалъ древніе памятники столицы своими прежними подвигами.

Только одиннадцатаго Апрѣля въ Фонтенебло, когда обѣщаны были Наполеону особыя условія, онъ подписалъ актъ своего отреченія, слѣдующаго содержанія: «Союзныя Державы объявили, что Императоръ Наполеонъ былъ единственнымъ пренятствіемъ къ возстановленію мира въ Европѣ; Императоръ Наполеонъ, вѣрный своему слову, объявляетъ, что онъ отрывается за себя и за своихъ наследниковъ отъ Престола Франціи и Италіи; и что всякое пожертвованіе, даже собственную жизнь, готовъ онъ принести на пользу Франціи.»

Вскорѣ послѣ того, какъ Бонапарте написалъ собственно-ручно и подписалъ актъ, который сей часъ читали, Маршалъ Макдональдъ пос-

лалъ актъ своего согласія Временному Правленію, написанный въ выраженіяхъ благородныхъ и простыхъ; вотъ подлинныя слова: «Послѣ отреченія Императора Наполеона, будучи «свободенъ отъ присяги данной ему, объявляю, что я согласенъ съ дѣйствіями Сената и Временнаго Правленія.» Такъ кончилось царствованіе Наполеона; оставалось еще привести въ исполненіе договоръ, но какъ это было сдѣлано, увидимъ далѣе. Достойно замѣчанія, что актъ отреченія Наполеона былъ обнаругованъ въ Монитерѣ двѣнадцатаго Апрѣля, въ тотъ самый день, когда Графъ д'Артуа прибылъ въ Парижъ въ званіи Королевскаго Генераль-Лейтенанта, чинъ, которымъ облекъ его Лудовикъ XVIII; въ этотъ же самый день происходило подъ стѣнами Тулузы, последнее военное дѣло, Императорской арміи, гдѣ Французскія войска, предводительствуемая Сультомъ, дорого заплатили Веллингтону за вступленіе въ Полуденную Францію.

Г Л А В А X.

Противуположныя чувствованія мои, произведшыя паденіемъ Наполеона.— Человѣкъ и система правленія. — Глубокій предметъ.— Деньги ссуженныя Наполеономъ Государственному Казначейству. — Сокровища Европы въ Тюльери. — Безполезное скопленіе ихъ и мертвые капиталы.—Ошибочная Финансовая система. — Общее мнѣніе о хранимыхъ деньгахъ.—Мое неодобреніе приговора, изданнаго Временнымъ Правленіемъ. — Порицаніе и подражаніе поступкамъ Наполеона.— Правосудное постановленіе Временнаго Правленія.—Измѣненіе системы воспитанія дѣтей и возвращеніе ихъ семействамъ. — Политическое и моральное дѣйствіе.— Назначеніе въ Липси. — Похищеніе дѣтей и разлученіе братьевъ.— Спокойствіе Парижа. — Служба національной гвардіи.—Моя оставленная шляга.— Мои занятія почтовыми дѣлами.— Преодоленныя затрудненія и Указъ Императора Александра.

Паденіе Наполеона и его отреченіе заставили меня испытать два чувства совершенно противоположныя; чистосердечно радуясь окончанію угнетающаго правленія, я однако не могъ истребить изъ моего сердца участія въ горести,

которую долженъ былъ испытать Наполеонъ; въ подобныхъ дѣлахъ, а особливо въ этомъ случаѣ, я не различаю человѣка отъ Императора. О! Еслибъ онъ положилъ границы своему честолюбію! Если бы страсть владычествовать надъ Европою не увлекла его въ бездну; если бы онъ посвятилъ благосостоянію Франціи, этотъ преизбытокъ генія, который онъ употреблялъ на поработеніе народовъ; если бы онъ не попралъ правъ Французовъ, и самовластно не измѣнялъ ихъ; если бы онъ по крайней мѣрѣ, похитя власть надъ свободою народа, занялся утвержденіемъ порядка,—безъ сомнѣнія онъ бы сохранилъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе своей жизни, тронъ, прославившій имъ столькими побѣдами и обширными предпріятіями; и если бы тогда имя его менѣе гремѣло въ потомствѣ, за то сколько бы благословеній принесено было ему современнымъ поколѣніемъ! Но духъ честолюбія въ немъ былъ сильнѣе разсудка; онъ-то и довершилъ его участь. Какой предметъ для размышленій, паденіе человѣка геніальнаго и мугущественнаго.

Чтобы оцѣнить царствованіе какого-либо Государя, иногда довольно бываетъ внимательно изслѣдовать, какимъ образомъ вступилъ онъ на престолъ, и въ какомъ состояніи оставилъ его послѣ смерти. Разсматривая такимъ образомъ царствованіе Бонапарте, можно увидѣть, что

владѣнія присоединяемы были силою, за что многіе порицають его. Но въ тоже время должно отдать справедливость, что его попеченіями общественный порядокъ водворился въ различныхъ частяхъ управленія. Не смотря на невѣроятныя ошибки въ Финансовой системѣ его, какое различіе находится между казною Директоріи и Имперіи; во времена послѣдней развивались прежнія отрасли Государственныхъ доходовъ, чрезъ косвенные налоги. Я уже говорилъ, что послѣ восемнадцатаго Брюмера (8 Ноября) въ Государственной кассѣ не оставалось средства къ заплатѣ издержекъ на отправляемаго Первымъ Консуломъ Курьера въ Италію. Но того уже не было во время первой политической смерти Императора; здѣсь кстати упомянуть, съ нѣкоторою подробностію, о томъ, что мнѣ извѣстно объ Императорской казнѣ.

Наполеонъ, собралъ болѣе трехъ сотъ милліоновъ, которые хранились въ погребахъ съ-верваго флигеля Тюльерійскаго дворца. Онъ имѣлъ болѣе сорока милліоновъ золотомъ. Большая часть той огромной суммы, идержана была въ продолженіе Французской компаніи; въ Генварь 1814 года, всѣ были удивлены, когда увидѣли въ обращеніи множество пятифранковыхъ монетъ, совершенно новыхъ, но съ чеканомъ 1806 года. Императоръ изъ своей казны

ссудилъ шестьдесятъ милліоновъ въ кассу погашенія долговъ и сорокъ милліоновъ въ кассу Государственныхъ доходовъ. Сверхъ того онъ выкупилъ большую часть акцій Парижскаго банка; къ 31 Марта, изъ сокровищъ Тюльерійскихъ осталось только двадцать восемь милліоновъ золотомъ, изъ которыхъ десять милліоновъ вскорѣ были издержаны. Въ смутныхъ же обстоятельствахъ, бывшихъ въ то время, Правительство, не смотря на всѣ сдѣланныя ему вспомошествованія, должно было занимать суммы изъ казны Императорской, которая получала отъ него въ томъ квитанціи.

Послѣ сказаннаго мною о казнѣ Наполеона, можно судить, что большая часть капиталовъ материка Европа направлена была къ Франціи насильственными путями для того, чтобы обогатить военныхъ сподвижниковъ Наполеона и умножить сокровища Тюльерійскія. Въ послѣдствіи все это золото разсѣяно было на равнинахъ Кастиліи и въ степяхъ Волжскихъ, такъ что при паденіи Наполеона Франція имѣла еще долгу до 500 милліоновъ. Я согласенъ, что все это не можетъ служить къ обвиненію Финансовой системы во времена Имперіи, ибо всѣ потери произошли отъ непредвидимыхъ несчастныхъ обстоятельствъ. Однако сознаюсь, что я никогда не увеличивалъ собою числа тѣхъ людей, которые прославляли превосход-

ство этой системы. — Подати никогда не удовлетворяли не только чрезвычайныхъ, но и обыкновенныхъ издержекъ, между тѣмъ, какъ эти мертвыя сокровища возрастали въ то самое время, когда для удовлетворенія Государственныхъ издержекъ, необходимо было увеличивать налоги; не смѣшно ли это! Въ самомъ дѣлѣ, какіе плоды для Франціи могли принести сіи мертвыя сокровища, пріобрѣтенныя собственною ея кровію (*).

Всѣ здравомыслящіе люди, особенно же тѣ, которые избрали предметомъ своего изученія движеніе Финансовъ какого нибудь обширнаго Государства, кажется должны согласиться съ тѣмъ, что я сказалъ.

(*) Не буду вступать въ бесполезное прѣніе; прошедшаго не возвратитъ; но чрезвычайный старый долгъ, который Франція обязана была уплатить, и огромныя вознагражденія, слѣдовавшія иностраннымъ Государямъ, по занятіи Парижа въ 1815 году, служатъ выводомъ слишкомъ дорого купленной истины, на которую вниманія не обращали; что при употребленіи суммъ на бесполезные расходы, каковы были въ послѣднюю Испанскую войну, могущество кредита, есть вѣрная помощь, если только проценты съ строжайшею точностію уплачиваются.

Въ 1814 году доходъ нашъ состоялъ изъ 60 милліоновъ, пять на сто; съ переменною судьбы Наполеона изменился онъ на пятьдесятъ пять: теперь же болѣе двухъ сотъ милліоновъ, и сверхъ того имѣемъ кредитъ, котораго прежде не имѣли: вотъ сравненіе. Многіе сопротивляются уменьшенію налоговъ, которые всѣ увеличены и по большей части обременительны. Однакоже я знаю, что во Франціи эти подати вносятся съ удивительною точностію.

Подобнымъ самовластнымъ образомъ поступалъ Наполеонъ съ Египтянами, которыхъ онъ почиталъ богатыми, да и самъ я испыталъ подобное при окончаніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Таковыя средства употребляемыя Императоромъ споспѣшествовали унадку кредита во время его Правленія.

Я не безъ прискорбія видѣлъ распоряженіе Временнаго Правленія о задержаніи суммъ, вывезенныхъ Императрицею въ Блоа; изъ сего слѣдуетъ, что Временное Правленіе почитало суммы сіи за похищенныя, и потому причислило ихъ къ Государственной казнѣ.

Правосудное заключеніе. Но мнѣ достоверно извѣстно, что суммы сіи были вывезены изъ Тюльери, въ чемъ меня никто разуверить не можетъ.

Я не буду останавливаться болѣе на предметъ, которымъ по моему мнѣнію запятало себя Временное Правленіе. Лучше приведу здѣсь другое постановленіе его слѣдующаго содержанія:

«Временное Правленіе находитъ: 1) что система исключительно направлявшая способности и склонности людей къ состоянію и духу военному, побуждала прежнее правительство «исторгать дѣтей изъ отеческой власти для «того, чтобы дать имъ воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ, сообразно своей осо-

«бенной цѣли; 2) все это оскорбительно для
«отеческой власти, и притомъ насильственные
«мѣры сіи препятствуютъ развитію разнообраз-
«ныхъ дарованій испосланныхъ природою, со-
«единеніе которыхъ въ Государствѣ составляетъ
«нравственное богатство народа, и наконецъ
«3) что продолженіе подобнаго безпорядка про-
«творѣнитъ правиламъ свободнаго правленія,
«постановило:

«Что образъ и направленіе воспитанія дѣ-
«тей предоставляются власти отцевъ, матерей
«и опекуновъ ихъ семействъ, и что дѣти нахо-
«дящіеся въ школахъ, лицахъ, институтахъ и
«другихъ публичныхъ заведеніяхъ, не взирая
«ни на какія просьбы родителей, будутъ воз-
«вращены имъ немедленно.»

Постановленіе сіе состоялось 8 Апрѣля и
было подписано пятью членами Временнаго
Правленія. Похищеніе дѣтей есть таже кон-
скрипція, неслыханное злоупотребленіе силы;
я былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ примѣровъ,
волбудившихъ мое негодованіе. Я помню тай-
ное опредѣленіе о назначеніи двухъ братьевъ
въ лицы; и въ томъ случаѣ, уточненная пре-
досторожность простиралась до жестокости;
ихъ помѣстили въ разные лицы, для того толь-
ко, чтобы находясь порознь не могли они со-
хранить понятія, полученные ими въ нѣдрахъ
ихъ семейства. Эта мѣра, въ особенности упот-

реблалась въ присоединенныхъ провинціяхъ, въ Піемонтѣ, Голландіи и въ Департаментахъ по правому берегу Рейна; я часто говорилъ объ этомъ нѣкоторымъ членамъ Временнаго Правленія еще до существованія его, а потому не могу слишкомъ много хвалить Временное Правленіе за поведеніе его въ семь случаевъ.

Времена переворотовъ всегда бываютъ бурны; впрочемъ въ эту эпоху въ Парижѣ все было спокойно, благодаря превосходной дисциплинѣ, въ которой Начальники союзныхъ войскъ, въ особенности Генераль Сакенъ, начальствовавшій надъ Русскими войсками, умѣли держать своихъ солдатъ; тоже можно сказать и о Парижской національной гвардіи, которая каждую ночь производила дозоры. Рапорты Начальниковъ почтъ, каждодневно мнѣ доставляемые, очень рѣдко упоминали, и то о маловажныхъ беспорядкахъ и обыкновенныхъ проступкахъ, и я не могъ равнодушно смотреть на благодѣтельные слѣдствія учрежденія стражи гражданъ, въ которой я не могъ участвовать по моимъ обязанностямъ въ званіи Главнаго Директора почтъ, а потому долженъ былъ отложить мою шпагу и мой Капитанскій эполетъ. Я въ самомъ дѣлѣ былъ слишкомъ занятъ, и не могъ нести службы тамъ, гдѣ бы я былъ менѣе полезенъ, ибо приближалось уже время, къ которому надобно было приготовить все не-

обходимое для прїѣзда Лудовика XVIII, Принцевъ и Принцессъ его фамилиі. Въ началѣ моего управленія, меня испугало занятіе всѣхъ дорогъ иностранными войсками, и въ особенности казаками, но я долженъ сказать, что Императоръ Александръ въ этомъ случаѣ оказалъ мнѣ наилучшее пособіе. Будучи обязанъ ему первымъ моимъ назначеніемъ, я явился къ Его Величеству и представилъ, сколько затруднительно будетъ мое положеніе, если не будетъ дано охраннаго листа для проѣзжающихъ экипажей и лошадей. Императоръ уважилъ мое представленіе, и немедленно издалъ Указъ, которымъ строжайше воспрещено брать произвольно лошадей почтоваго вѣдомства и трогать то, что относится до службы. Указъ сей по его приказанію былъ напечатанъ и прибитъ на дверяхъ всѣхъ почтовыхъ домовъ; читатели увидятъ, что послѣ 20-го Марта я привелъ дѣла въ такое положеніе, что одинъ изъ начальниковъ почтъ по дорогѣ изъ Тулла изъявилъ мнѣ свою признательность, за то, что онъ имѣлъ случай участвовать въ исполненіи обязанностей почтовой службы.

Г Л А В А XI.

Молѣбствіе на площади Лудовика XV.—Замѣчательное безмолвіе.—Иностранные мундиры.—Церемонія истинно Французская.—Воспоминаніе и надежда.—Вшествіе Графа д'Артуа.— Письмо Монтескю, отвезенное Рошфуко. — Прииѣзъ у Г-жи Дамасъ.—Временное Правленіе и муниципальный совѣтъ представляются Прииѣзцу.—Рѣчь Талейрана и одинымъ Французомъ болѣе.—Мое мѣсто на бульварѣ, и старый кавалеръ Св. Лудовика.—Пѣсня: vive Henri IV — Шествіе Прииѣзца.—Шатобрианъ и могущество брошурки.—Направленіе умовъ.—Александръ въ Элизе—Бурбоны.— Приѣздъ Австрійскаго Императора. — Дурное расположеніе Парижанъ.—Природное сужденіе народа.—Повтореніе церемоніи 31-го Марта. — Притворное спокойствіе Императрицы. — Марія Луиза въ Рамбульѣ.— Посѣщеніе, сдѣланное Императорами Маріи Луизы.—Отъѣздъ Маріи Луизы въ Вьну.

10-го Апрѣля была въ Парижѣ церемонія, о которой такъ много говорили, и точно для любителей зрѣлищъ, она должна была казаться удивительною. Съ утра пѣхота союзныхъ войскъ заняла сѣверную сторону бульвара отъ мѣста старой Бастиліи, до площади Лудовика XV;

народная гвардія была выстроена на противоположной сторонѣ; всѣ входы на площадь Лудовика XV были заняты войсками, такъ, что ни одинъ пѣшеходъ не могъ пройти на площадь. Почти на срединѣ площади возвышался четверугольнаго вида амвонъ, куда союзные Государи должны были явиться съ своими Штабами и войсками, для присутствія при отправленіи обѣдни по обряду Греческаго исповѣданія. Въ этотъ день я имѣлъ въ своемъ распоряженіи окно въ домѣ Морскаго вѣдомства, на самомъ удобномъ мѣстѣ, откуда можно было видѣть всю церемонію однимъ взглядомъ.

Пышная церемонія имѣла болѣе живости предъ окончаніемъ; ибо съ восьми часовъ утра до полудня, должно было ждать, чтобы увидѣть наконецъ шествіе Священниковъ Греческаго обряда, съ длинными бородами и богато одѣтыхъ. Они торжественно прошли площадь и приблизились къ амвону. Послѣ сего должно было выдержать еще антрактъ въ три четверти часа, къ исходу, котораго пѣхота и вслѣдъ за нею конница начали входить Королевскою улицею, и въ нѣсколько минутъ вся площадь покрылась войсками. Наконецъ явились союзные Государи, окруженные блистательнымъ Штабомъ; они сошли съ лошадей и приблизились къ амвону. Замѣчательнѣе всего мнѣ по-

казалось, безмолвіе при такомъ многлюдствѣ, въ продолженіе всего времени богослуженія; не смотря на неподвижность и спокойствіе этого семитрическаго многлюдства, можно было подумать, что видимъ нанораму, искусно сплсанную съ толпы живыхъ людей; признаюсь, что не взирая на великолѣпіе церемоніи, я желалъ скорѣйшаго окончанія ея. Между прочимъ я замѣчу, что наши муциды красивѣе иностранныхъ.

Церемонія черезъ день послѣ сего происходила съ меньшею пышностію, и мнѣ показалась болѣе Французскою. 12-го Апрѣля шествіе составилось безъ всякаго почти приготовленія, и съ каждымъ шагомъ увеличивалось толпами вокругъ Графа д'Артуа; сколько было воспоминаній для стариковъ и надеждъ для всѣхъ. Радость приверженныхъ къ Бурбонамъ, при одной только мысли, что они увидятъ въ стѣнахъ Нарвика Принца изъ сей фамиліи была неописанна.

Графъ д'Артуа, какъ уже извѣстно, прибылъ въ Везуль 21-го Февраля, и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, види, что дѣла принимаютъ благопріятный оборотъ, перѣхалъ въ Понси, гдѣ и дожидалъ окончанія пророчествій. Но отъѣздъ же Коммисаровъ прсланныхъ Наполеономъ къ Александру для заключенія договора о регентствѣ, оны утѣрился, что союзные Государя не

примуть никакихъ предложеній Наполеона и его семейства. Временное Правительство рѣшило, что пора уже призвать наследника, чтобы онъ присутствіемъ своимъ одушевилъ приверженныхъ къ Бурбонамъ; Аббатъ Монтекио написалъ къ Принцу письмо, которое къ нему отвезъ Состень-де-ла-Рошфуко, ревностнѣйшій изъ приверженцевъ къ дому Бурбоновъ. Принцъ 11 Апрѣля послѣ полудня прибылъ въ загородный домъ Г-жи Шарль-де-Дамасъ, гдѣ и остался ночевать; извѣстіе о его пріѣздѣ разнеслось по Парижу съ быстротою молніи; всѣ готовились праздновать вѣстіе его въ столицу. Національная гвардія выстроилась въ два ряда отъ заставы Бонди до церкви Потръ-Дамъ, куда по пріѣздѣ онъ долженъ былъ явиться по древнему обычаю, отъ котораго уже двадцать лѣтъ какъ отвыкли.

Между тѣмъ Талейранъ, въ сопровожденіи членовъ Временнаго Правленія, къ которымъ присоединились многіе Маршалы и Генералы и муниципальный совѣтъ подъ предводительствомъ Сенскаго Префекта, явились за заставу для встрѣчи Государя, куда онъ прибылъ къ первому часу. Талейранъ отъ имени Временнаго Правленія привѣтствовалъ его рѣчью, и сказалъ слова столь извѣстныя: «Во Франціи ничто не измѣнилось; только однимъ Французомъ больше.» Слова сіи много обидѣли

быстро разнеслись по всей столицѣ. Потомъ у заставы Сень-Мартенъ Государь съѣлъ на лошадь. Не участвуя въ шествіи, я отправился на бульваръ возлѣ моста Сень-Мартенъ и смѣшался съ толпою, чтобы вмѣстѣ и видѣть церемонію и наблюдать за физиогноміею зрителей. Подлѣ меня стоялъ старикъ, кавалеръ Св. Лудовика, который плакалъ отъ радости при одной только мысли, что увидить Бурбова. Между тѣмъ шествіе приблизилось; это я узналъ по раздававшимся звукамъ пѣсни *vive Henri IV*, которую играли музыканты, шедшіе впереди церемоніи. Долго голосъ этой народной пѣсни не раздавался въ стѣнахъ Парижа и казалось, что обожаемый Король, котораго она напоминала, оживетъ въ его потомкахъ. Смотря на шествіе церемоніи, я не обращалъ особеннаго вниманія на тѣхъ, которые ее составляли; я желалъ только разсмотрѣть Государя, котораго прежде никогда не видалъ; онъ показался мнѣ прекраснымъ, съ открытою физиогноміею и взоромъ исполненнымъ довѣрія. Штабъ его былъ слишкомъ блистателенъ, не смотря на то, что составилъ безъ приготовленія. Въ рядахъ національной гвардіи не было предѣловъ восторгамъ. Государь былъ въ мундирѣ національной гвардіи, имѣя подъ нимъ знаки ордена Св. Духа. Между особами мнѣ знакомыми, которые участвовали въ шествіи, я безъ удивленія за-

мѣтилъ Шатобріана, преданнѣйшаго изъ всѣхъ приверженцевъ къ Бурбонамъ.

Въ этотъ самый день, имя его было объявлено на всѣхъ стѣнахъ Парижа вмѣстѣ съ сочиненіемъ его: *Бонапарте* и *Бурбоны*, которое способствовало возстановленію, болѣе чѣмъ въ свое время армія Вандейцевъ. Я долженъ откровенно сказать, что во время шествія Государя, я видѣлъ болѣе восторга въ тѣхъ, которые участвовали въ церемоніи и на лицахъ тѣхъ, которые казалось принадлежали къ высшему кругу, чѣмъ въ класъ называемомъ народомъ, котораго фізіогномія, кажется, выражала одно любопытство и удивленіе. Въ половинѣ шестаго часа вечера Принцъ прибылъ въ Тюльери, гдѣ были приготовлены для него покои, тѣ самыя, которые прежде сего занимали объ Императрицы. Возвращаясь обратно, онъ ѣхалъ бульварами до улицы мира Вандомскою площадью и улицей Сентъ-Оноре, но я будучи задержанъ въ Департаментѣ Почтъ, по дѣламъ моей службы не видѣлъ обратнаго шествія. Только вечеромъ являсь къ Талейрану, узналъ, что всѣ являлись къ Принцу съ изъявленіемъ преданности, подобно Временному Правленію; слѣдуя обыкновенію на другой день и я былъ допущенъ, для врученія намѣстнику портфеля почтоваго управленія, который впрочемъ мнѣ тогда же былъ возвращенъ. Въ самый день шествія въ Парижъ Принца, Импе-

раторъ Александръ переехалъ изъ дома принадлежавшаго Талейрану въ Елизе—Бурбоновъ. Сколько было различныхъ хозяевъ въ этомъ домѣ современъ Божона и Госножи Помпадуръ!

Черезъ два дня послѣ вшествія Принца, прибылъ въ Парижъ Австрійскій Императоръ. Монархъ сей не былъ любимъ Парижанами; онъ возбуждалъ къ себѣ какое-то всеобщее негодованіе; даже тѣ, которые пламенно желали сверженія съ трона его дочери, чтобъ только не слышать болѣе имени Наполеона, охуждали его поведеніе въ отношеніи Маріи Луизы; они думали, что честь Австрійскаго Императора должна быть въ томъ, чтобы хотя безъ успѣха стараться о поддержаніи династїи, съ которою послѣ переворотовъ 1809 года, онъ сохранялъ союзъ, какъ средство къ защитѣ своей. Народъ судилъ такъ по инстинкту. Онъ и не могъ иначе судить: онъ смотрѣлъ на него какъ на отца, а не какъ на Царя; и потому поведеніе Австрійскаго Императора судили только, какъ поведеніе отца въ отношеніи къ дочери, зятю и внуку; но какъ несчастіе всегда было во Франціи священнымъ правомъ, то въ Маріи Луизѣ болѣе принимали участія въ эту несчастную эпоху, нежели во дни ея благополучія. Не я одинъ такъ думалъ; мнѣніе это раздѣляли даже особы преданнѣйшіе возстановленію престола Бурбоновъ.

Въ ѣздѣ Франца II назначенному 15-го Апрѣля, союзные Государы, желая придать возможную торжественность, употребили всю ту церемонію, которая сопровождала торжественное ихъ вшествіе 31-го Марта. Императоръ Австрійскій ѣхалъ по Бургонской дорогѣ; Императоръ Александръ и Король Прусскій встрѣтили его у заставы Св. Антонія, откуда три Монарха возвратились верхомъ, сопровождаемые войсками какъ и въ первый разъ, чрезъ бульвары до площади Лудовика XV. Я не болѣе минуты любовнытествовалъ смотрѣть на эту новую церемонію изъ окна, выходившаго на Монтмартекій бульваръ.

Францъ II не видѣлъ своей дочери съ того времени, какъ оставила она Вѣну, чтобъ отправиться въ Парижъ, для соединенія судьбы своей съ властелиномъ полу-Европы; читателямъ извѣстно, какъ Австрійскій Императоръ принялъ за нѣсколько дней передъ симъ Герцога Кадорскаго, посланнаго отъ Маріи-Луизы.

Въ то время я былъ слишкомъ занятъ произшествіями въ Парижѣ и Фонтенеблю, и потому не могъ наблюдать съ равнымъ вниманіемъ того, что относилось собственно до участи Маріи-Луизы.

Вотъ почему читатель моихъ записокъ, замѣтитъ многіе пропуски, о томъ, что относилось до времени послѣдняго пребыванія Импе-

ратрицы въ Парижѣ. Я только знаю, что она всегда увѣряла особъ ее окружавшихъ, что она во всемъ полагалась на своего отца. Она даже сказала одному Офицеру находившемуся при ней, во время сдѣланнаго порученія Шампаньи, слѣдующія слова: «если, даже союзники захотѣли бы лишить престола Императора Наполеона, то мой родитель сего не дозволить; онъ двадцать разъ увѣрялъ меня при возведеніи на престоль Франціи, что онъ всегда будетъ поддерживать меня; онъ съ характеромъ благороднымъ.» Я знаю также, что Императрица, какъ во время своего пребыванія въ Блоа, такъ равно и въ Орлеанѣ, раскаявалась въ томъ, что не послѣдовала совѣту членовъ регентства, и не осталась въ Парижѣ. Въ этомъ случаѣ она могла винить Юсифа, и то слѣное повиновеніе, къ которому Наполеонъ приучилъ своихъ совѣтниковъ. Но участь Маріи-Луизы была рѣшена; ей оставалось только повиноваться, что она и исполнила безпрекословно, и вмѣстѣ съ тѣмъ показала свое величіе.

Между тѣмъ Императрица изъ Орлеана перѣехала въ Рамбулье, что не менѣе замѣчательно среди обстоятельствъ въ послѣднее время, столь обильное необыкновенными происшествіями: въ одно и тоже время можно было видѣть Государей Европы и низверженныхъ Государей Франціи, Государей вторично прини-

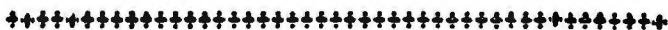
мавшихъ скипертъ, и все они были въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другаго; Бурбоны въ Тюлиери, Боонапарте въ Фонтенебло, его супруга и сынъ въ Рамбулье; оставленная Императрица въ трехъ миляхъ; Императоры Россійскій и Австрійскій и Король Прусскій въ Парижѣ; все это мнѣ кажется необыкновеннымъ и теперь, и въ то время, когда все это происходило, а за два года передъ тѣмъ показалось бы во все невѣроятнымъ.

Лишась всехъ надеждъ и не получивъ позволенія видѣться съ Наполеономъ предъ его отъѣздомъ, Марія-Луиза собиралась оставить Рамбулье и отправиться вмѣстѣ съ сыномъ въ Австрію; Наполеонъ понималъ всю тягость прощанія; а потому вѣроятно и не сдѣлалъ о сѣмъ оговорки ни въ договорахъ Парижскомъ и Фонтенеблскомъ, ни въ актѣ своего отреченія. Въ послѣдствіи я узналъ, почему союзники не изъявили согласія на просьбу Маріи-Луизы; они боялись, чтобы по чувствамъ сроднымъ женщинѣ, она не вздумала соединиться съ злополучною судьбою Наполеона, и слѣдовать за нимъ на островъ Эльбу; при томъ же Императоръ Австрійскій желалъ взять дочь свою къ себѣ.

Въ такомъ положеніи находились обстоятельства, когда Императоръ Австрійскій отпра-

ся на свиданіе съ дочерью въ Рамбулье; Императоръ Александръ сопутствовалъ ему. Марія Луиза вмѣстѣ съ сыномъ чрезъ нѣсколько дней послѣ сего визита отправилась въ Вѣну. Вотъ подробности, которыя я слышалъ тогда.

Г Л А В А XII.

Последнія заграничныя пришествія. — Италия и Евгений. — Договоръ, заключенный Евгениемъ съ Маршаломъ Блелгардомъ. — Прощаніе Евгения съ войсками Французскими и отказъ проводить ихъ во Францію. — Заблужденія Евгения. — Посредникъ, неудачно выбранный. — Раздраженіе Италианцевъ и смерть Министра. — Войска Французскія принуждены остаться въ Миланъ. — Генераль Гренъ и прокламація его. — Паденіе желъзной короны. — Сила времени. — Рапцъ въ Данцигъ. — Заключенная, но неутвержденная капитуляція. — Рапцъ пльшикомъ въ Кіевъ. — Даву не вѣрять происшествіямъ Парижскимъ. — Выстрѣлы по бѣлому знаменю. — Распоряженія Полиціи о разстрѣливаніи. — Радость жителей Гамбурга и ненависть безъ мести. — Генераль Жераръ въ Гамбургъ. — Отправленіе Даву и Генерала Гоендорфа. — Окончательное освобожденіе Гамбурга.

Посвѣщаютъ главу эту на описаніе остатковъ власти, существовавшей въ минуту паденія Наполеона. Я обращаю первые взгяды на Италію, эту колыбель толстой славы; Италію, о которой такъ много размышлялъ Наполеонъ

среди дворца въ Фонтенебло. Я воображаю, что мои читатели раздѣлятъ со мною удовольствіе, которое я всегда испытываю, говоря о Евгеніи, какъ о человѣкѣ превосходномъ, съ поведеніемъ благороднымъ и великодушнымъ; человѣкѣ, котораго ни въ одномъ проступкѣ изобличить было не возможно. Еслибъ Наполеонъ могъ перенестись, какимъ-либо волшебствомъ, чрезъ Альпы съ остаткомъ преданныхъ ему войскъ, тотчасъ послѣ взятія Парижа, онъ бы встрѣтилъ сильное препятствіе со стороны Австрійцевъ; Евгению при всемъ его мужествѣ и дѣятельности удалось держаться въ оборонительномъ положеніи до Апрѣля мѣсяца. Седьмого числа, будучи утвердительно извѣщенъ величайшихъ несчастійхъ, тяготившихъ Францію, Евгеній находился вынужденнымъ уступить предложеніямъ, сдѣланнымъ ему Маршаломъ Беллегардомъ, относительно вывода войскъ изъ Италіи и 10 числа былъ заключенъ договоръ, по силѣ котораго войска Французскія подъ предводительствомъ Принца Евгенія, должны были войти въ предѣлы древней Франціи.

Дополнительныя статьи договора сего были утверждены 19 числа. Прежде, нежели Евгеній оставилъ предводительствуемую имъ армію, онъ издалъ прокламацію опубликованную въ Мантуѣ, гдѣ была главная квартира до Февра-

ля мѣсяца. Мантуа! Сколько имя сіе должно послать въ душѣ Евгенія воспоминаній о событіяхъ и славныхъ, и печальныхъ; воспоминаній о томъ, какъ въ первые вступилъ онъ на военное поприще, какъ покорился умнымъ соображеніямъ Бонапарте, какъ сдѣлался вторымъ по арміи, и наконецъ какъ принужденъ былъ оставить ее. Не знаю, справедливо ли я думаю объ этомъ, по крайней мѣрѣ по расположенію души моей, видъ какого-либо мѣста, или имя его, всегда напоминаютъ мнѣ и самыя произшествія, которыхъ оно свидѣтелемъ было.

Оставляя солдатъ, сражавшихся подъ его начальствомъ. Евгенийъ произнесъ къ нимъ слѣдующія слова: «Продолжительныя несчастія тяготятъ наше отечество (*). Франція ница средства къ избавленію отъ бѣдствій, прибѣгла къ древней зацитѣ чувствованіе всѣхъ понесенныхъ сію трудовъ уже не существуетъ для нея; оно потонуло въ надеждѣ отдыха необходимого послѣ толковой дѣятельности.

«Вы скоро направите путь свой къ родицѣ; «какъ-бы сладко было мнѣ проводить васъ въ отечество.

(*) Выраженіе *notre patrie* (наше отечество) показываетъ, что Евгенийъ, не смотря на паденіе Наполсона, смотрѣлъ на себя всегда какъ на Француза. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ человекъ съ душою высокою и характеромъ сильнымъ.

«Но я долженъ растаться съ вами, потому что другія обязанности остается мнѣ выполнить предъ народомъ Италіи.

Тронутые чувствомъ и выраженіями Евгенія, Генераль Гренье и другіе Генералы убѣждали его идти съ ними во Францію и привести самому къ Королю остатокъ этой прекрасной арміи, которую онъ спасъ столь чудеснымъ образомъ. Она состояла изъ 21,000 солдатъ, въ числѣ которыхъ было до 5,000 конницы. Всѣ Генералы Французскіе, бывшіе съ Евгеніемъ, любили его искренно и уважали. Евгеній отказался идти съ ними во Францію, говоря, что по обязанности своей онъ долженъ быть предъ народомъ Италіи и среди его ожидать рѣшенія могущественныхъ союзниковъ. Онъ ослѣплялся въ семь случаевъ и думалъ, что при великомъ переворотѣ, въ минуту раздѣленія, получить на свою долю часть, какъ зять Короля Баварскаго.

Евгеній вознамѣрился обратиться къ Сенату Миланскому, думая, что Сенатъ, будучи расположенъ къ нему, предложитъ союзникамъ вручить ему управленіе Государствомъ Италіанскимъ (*).

(*) Вотъ обстоятельство, довольно замѣчательное относительно Сената Миланскаго. Среди величайшихъ нашихъ несчастій онъ назначилъ Депутатовъ для поздравленія Великаго Наполеона съ торжествомъ падъ всѣми его непріятелями. Депутация узнала на дорогѣ объ осадѣ Парижа и тотчасъ возвратилась въ Миланъ поздравить союзниковъ съ паденіемъ тирана.

Можеть быть Сенать и имѣль согласіе видѣть Государемъ своимъ сына Наполеона; но человекъ, котораго Евгенийъ послалъ съ порученіями надѣлалъ много дурнаго и возбудилъ презрѣніе и ненависть Сената Миланскаго. Его слушали для того только, чтобъ дать ему почувствовать ту холодность, съ какою смотрѣли они на его поступки и выходки.

Умы были весьма раздражены. Въ самомъ дѣлѣ не успѣла армія сдѣлать трехъ переходовъ отъ Мантун, какъ возмущеніе вспыхнуло въ Миланѣ.

Домъ Министра Финансовъ Прины былъ разрушенъ и самъ онъ убитъ; Вице - Король не избѣжалъ бы подобнаго несчастія, если бы находился тогда въ столицѣ; такъ народъ Италіанскій былъ раздраженъ и столько показаль бѣшенства, когда не кого было бояться.

Среди всеобщаго волненія и страстнаго желанія Италіанцевъ освободиться отъ власти Французской, друзья Евгения почитали за счастье его, что онъ могъ чрезъ нѣсколько времени, соединиться съ тестемъ своимъ въ Мюнхенъ (*).

(*) Евгенийъ спустя нѣсколько времени былъ во Франціи и имѣль продолжительную аудіенцію у Людовика XVII. Онъ представлялся Королю подъ титуломъ Маркиза де Богарне. Король привѣтствовалъ его именемъ Маршала и предлагалъ ему остаться во Франціи въ семъ званіи, но Евгенийъ отказался, потому что въ званіи Принца, при прежнемъ прав-

Я говорю о сихъ произшествіяхъ по свидѣтельству очевидцевъ и особъ достойныхъ, бывшихъ соучастниками въ оныхъ. Евгений долженъ хорошо знать Италіянцевъ; могъ ли онъ надѣяться на народъ, котораго весь патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобъ быть Австрійцами, когда находятся подъ игомъ Франціи и Французами, находясь подъ властію Австріи?

Послѣ удаленія Вице-Короля Генераль Гренье принялъ начальство надъ арміею и публиковалъ слѣдующую прокламацію :

«Прокламація Его Величества Вице - Короля Италіи извѣстила насъ о побудительныхъ причинахъ возвращенія нашего во Францію.

«Хотя мы и знаемъ о великихъ преобразованіяхъ въ нашемъ отечествѣ, но ничего officialнаго объ нихъ не имѣемъ. Ожидая опредѣленнаго назначенія нашимъ обязанностямъ, мы пойдемъ дорогою чести и сохранимъ то благородное и гордое поведеніе, которымъ мы заслужили уваженіе Принца, народа Италіи, вся войска и даже самаго непріятеля.

«Распоряженія Правительства безъ сомнѣнія

леніи, онъ повелѣвалъ Маршалами и состоялъ выше всѣхъ по арміи, въ которой было столько знаменитыхъ начальниковъ. Я не выдался съ Евгениемъ въ это путешествіе. Хотя я и былъ увѣренъ въ его дружбу, но считалъ болѣе приличнымъ лишитъ себя этого удовольствія, по причинѣ разстоянія между нимъ и мною.

«получимъ мы прежде, нежели достигнемъ до «границъ отечества; наша обязанность повиноваться; мы не имѣемъ права разсуждать.»

Присутствіе войска Французскаго въ Миланѣ было необходимо, по случаю бывшихъ тамъ въ то время возмущеній. Оно должно было отложить свое отправленіе на нѣсколько дней, чтобъ предупредить дальнѣйшіе безпорядки. Войска перешли наконецъ Тезинъ въ первыхъ числахъ Маія и когда Генераль Гренье получилъ отъ Временнаго Правленія officialныя извѣстія, объявилъ приказъ войску. Вотъ изъ него отрывокъ:

«Конституціонный актъ Сената призываетъ «Бурбоновъ на тронъ, прославленный ими въ «продолженіе столькихъ вѣковъ, и Лудовикъ «Стапиславъ Ксавье объявленъ Королемъ Французовъ.

«Солдаты! Честь и отечество призываютъ насъ «подъ знамена его. Принесемъ ему покорность «нашу, исполненную вѣрности и преданности. «Вступленіе его на престоль предвѣщаетъ намъ «будущность болѣе счастливую. Прекрасныя «дни Франціи возвратятся при Лудовикъ XVIII «и скоро чрезъ свои добродѣтели приобрѣтеть «онъ права предковъ на любовь Французовъ»

Такъ пала чрезъ 9 лѣтъ желѣзная корона Наполеона, которую онъ, надѣвая на себя онъ сказалъ: «Богъ мнѣ ее далъ; берись, кто ее «тронеть.»

Перемены въ обществахъ человѣческихъ не избѣжны. Не смотря на усилія иныхъ остановить оныя, и на стремленіе другихъ ускорить, онѣ идутъ своимъ путемъ, назначеннымъ providѣніемъ для вещей и времени.

Разсказавъ, что зналъ о послѣднихъ происшествіяхъ, относящихся къ войскамъ Французскимъ въ Италіи, я хочу теперь бросить взглядъ на Германію.

Раппъ не былъ со всемъ во Франціи въ эпоху паденія Наполеона. Онъ находился въ Данцигѣ и выдерживалъ осаду въ продолженіе года съ рѣдкою храбростію и величайшимъ искусствомъ. Наконецъ будучи вынужденъ сдаться самою крайностію, онъ отворилъ ворота города, который представлялъ однѣ только груды развалинъ. Раппъ предложилъ, чтобы гарнизонъ Данцига возвратить во Францію, на что Герцогъ Виртембергскій, производившій осаду изъливилъ свое согласіе. Но Императоръ Александръ не хотѣлъ это утвердить. Раппъ не имѣя болѣе средствъ къ защитѣ сдался въ плѣнъ со всѣми войсками и былъ отведенъ въ Кіевъ, откуда онъ возвратился въ послѣдствіи времени въ Парижъ. Я имѣлъ съ нимъ свиданіе, о которомъ буду имѣть случай разсказать нѣчто послѣ. Когда власть была поражена въ самомъ сердцѣ, къ чему служило тогда сохраненіе городовъ отдаленныхъ, которые остались одними

тицетными трофеями нашихъ прежнихъ побѣдъ?

Однако Гамбургъ держался еще. Наконецъ въ первыхъ числахъ Апрѣля узнали о необыкновенныхъ происшествіяхъ, освободившихъ Европу отъ ея притѣснителя. Россійскій Генераль Бенингсенъ, будучи увѣдомленъ о томъ Императоромъ Александромъ, спѣшилъ сообщить новости Даву и предложилъ окончить дѣло безъ пролитія крови; но Маршалъ не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію, которое въ одинъ мигъ уничтожило все его могущество и величіе. Онъ позволилъ даже себѣ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ ядрами по бѣлымъ знаменамъ, которыя развивались въ рядахъ союзныхъ войскъ въ подтвержденіе справедливости ихъ объявленія. Ослабленіе продолжалось нѣсколько времени въ Гамбургѣ. Даже приказано было расстрѣливать тѣхъ, кого Полиція уличила въ распространеніи новостей Парижскихъ. Одинъ изъ агентовъ правленія, отличившійся мѣрами самыми рѣшительными объявилъ публично намѣреніе свое умертвить одного изъ Принцевъ Французскихъ, у котораго онъ былъ нажемъ. Онъ говорилъ, что онъ писалъ къ нему и просилъ принять къ себѣ въ Адыютанты. Вероятно отказъ на его просьбу еще болѣе заставилъ его утвердиться въ своемъ намѣреніи. Я слышала это отъ очевидцевъ и отъ людей, кото-

рымъ не могу не повѣрить. Этотъ новый Сеидъ объявилъ громко тѣже намѣренія свои въ Валенсенѣ говоря, что онъ хочетъ быть Сеидомъ.

Наконецъ не сомнѣваясь болѣе въ состояніи дѣль, Маршалъ Даву собралъ всѣ войска свои и объявилъ имъ о лишеніи Императора всѣхъ правъ, послѣ чего водрузилъ бѣлое знамя и увѣдомилъ о томъ Временное Правленіе. Съ тѣхъ поръ каждый думалъ только о личномъ спасеніи своемъ, не заботясь о сохраненіи имущества, хотя законнымъ образомъ пріобрѣтеннаго; тогда всякій старался покушать, еслибъ только можно было найти, дорегія камня и другія драгоцѣнныя вещи, занимавшія не много мѣста и удобныя къ сохраненію. Хотя сіи достойные агенты выходили изъ Гамбурга съ награбленными Ганзейскими сокровищами, но жители города смотрѣли на нихъ съ радостію, не взирая на то, что они ввергли обитателей Гамбурга въ величайшія бѣдствія, своими не обдуманнми и жестокими распоряженіями.

Единственнымъ наказаніемъ для грабителей было одно всеобщее неудовольствіе добрыхъ жителей Гамбурга. Радость при удаленіи ихъ была столь велика, что по видимому смягчала тѣ несчастія, которыя присутствіе ихъ произвело; но воспоминаніе о правленіи столь тягостномъ будетъ переходить въ Гамбургъ изъ рода въ родъ.

Не упоминая болѣе о томъ, что происходило въ Гамбургѣ въ продолженіе 1814 года, я расскажу о происшествіяхъ, бывшихъ спустя нѣсколько времени послѣ вступленія Лудовика XVIII. Въ Маѣ мѣсяцъ Генераль Жераръ прибылъ туда съ повелѣніями Короля, который поручилъ ему начальство надъ частію войскъ, составлявшихъ гарнизонъ города, . . . которыхъ онъ долженъ былъ проводить во Францію. Генераль Жераръ былъ Адъютантомъ Князя де Понтекорво во время командованія сего послѣдняго въ Гамбургѣ; Жераръ заслужилъ уваженіе отъ людей почетныхъ и приобрѣлъ дружбу всѣхъ, кто только имѣлъ съ нимъ какіа-либо соотношенія. Присутствіе его въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ было очень пріятно жителямъ Гамбурга; его добрыя дѣла не изгладилась еще изъ ихъ памяти. Губернаторъ Графъ Гогендорфъ слишкомъ часто употреблялъ мѣры самыя жестокия и утѣснительныя; онъ первый оставилъ Гамбургъ. Онъ даже подстрѣкалъ къ тому Маршала, который послѣ того велѣлъ ему выдти тотчасъ изъ города, потому что онъ носилъ оранжевую кокарду и хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ провожать войска Голландскія. Маршалъ не могъ сомнѣваться въ чувствахъ, которыя управленіе Гогендорфа внушило жителямъ; онъ могъ опасаться, чтобы жертвы жестокостей его не прибѣгли къ мщ-

нію; получивъ приказаніе отъ Генерала Жерара Графъ Гогендорфъ выѣхалъ изъ предмѣстій, Св. Георгія, которое болѣе всѣхъ пострадало и гдѣ болѣе всѣхъ было жертвъ самой ужасной жестокости. Маршалъ оставивъ Гамбургъ возвратился въ Парижъ одинъ 18 Іюля, откуда отправился въ помѣстье свое Савиньи.

Удаленіе Французовъ исполнило Гамбургъ и Ганзейскіе города радостію и энтузіазмомъ, котораго описать не возможно. Часъ освобожденія Германіи пробилъ. Французы очистили Гамбургъ въ первыхъ числахъ Мая, и вспомогательныя войска, бывшія подъ знаменами Султана, какъ-то: Голландцы, Италіянцы и Поляки, приняли то направленіе, которое назначено было по договорамъ. Въ городѣ оставались одни только больные въ госпиталяхъ; имъ оказаны были всевозможныя вспомошествованія, какихъ только требуетъ человѣчество. Г. Монне, главный Коммисаръ прилагалъ самыя заботливыя попеченія о пользѣ больныхъ.

Вотъ все, что оставалось мнѣ сказать о городѣ, въ которомъ я такъ долго жилъ и который такъ много пострадалъ.

Г Л А В А XIII.

Слово о порученіи Мобреля. — Пріѣздъ союзныхъ Коммисаровъ въ Фонтенебло. — Предпочтеніе, оказанное Полковнику Камбелю. — Презрѣніе къ Прусскому Коммисару — Назначеніе дороги и требованіе перемѣнить ее. — Замѣчательныя сближенія. — Союзники соглашаются на требованіе Императора. — Отказъ ѣхать, и слова Бонапартѣ, сказанныя Генералу Колеру. — Часы Бертрана и воля Императора. — Прощаніе въ Фонтенебло и отъѣздъ. — Первые дни въ дорогѣ и восклицанія: да здравствуетъ Императоръ. — Похвала Наполеонова Велииитону. — Провѣздъ чрезъ Лионъ — Встрѣча съ Ожеро. — Грубость и оскорбленіе. — Первые бѣлыя кокарды. — Крики оскорбительныя для Наполеона. — Мятежъ передъ Авиньономъ. — Посрединчество Коммисаровъ. — Простой народъ въ Орговъ, и Бонапартѣ повѣшенъ въ изображеніи. — Тотъ же миръ и тѣже люди. — Необходимыя ругательства и признательность. — Бонапартѣ переодѣтый Курьеромъ. — Гостиница въ Каладъ. — Тоже состояніе Императора, какъ и въ Фонтенебло. — Опасеніе быть отравленнымъ. — Чрезвычайная любезность. — Пріѣздъ въ Э, и таинственная особа. — Отвращеніе Наполеона къ веллчію. — Принцесса Паулина. — Отъѣздъ на островъ Эльбу.

Между тѣмъ, Наполеонъ находился еще въ Фонтенебло; 17-е число Апрѣля, назначенное

къ его отъѣзду на островъ Эльбу, приближалось. Мобреель человекъ жалкимъ образомъ сдѣлавшійся извѣстнымъ, о которомъ послѣ столько было говорено, но котораго я едва зналъ, 17-го Апрѣля явился ко мнѣ въ домъ почти и требовалъ свиданія; онъ не объяснялся со мною, показалъ повелѣнія, въ которыхъ было сказано, что Мобреель уполномоченъ объѣхать всю Францію по дѣламъ чрезвычайно важнаго порученія. Мобреель предъявилъ подобное повелѣніе Генералу Дюпону, Военному Министру, и временно управлявшему Департаментомъ Главной Поллиціи, которые предписали, главнымъ, частнымъ и всѣмъ другимъ Коммисарамъ, повиноваться приказаніямъ Мобрееля. Предъявленныя мнѣ повелѣнія я призналъ за подлинныя, не желая ни изслѣдовать, ни даже обращать вниманія на то, какого рода было порученіе Мобрееля; и въ слѣдствіе подписи двухъ Министровъ я долженъ былъ предписать Начальникамъ почтъ Королевства, давать въ распоряженіе Мобрееля нужныхъ для него лошадей и наблюдать, чтобы это исполняемо было безъ малѣйшаго замедленія. Я исполнилъ его требованія, не имѣя никакого сомнѣнія, ни подозрѣнія, и сознаюсь чрезъ нѣсколько дней чрезвычайно былъ удивленъ, когда услышалъ глушые толки, что порученность Мобрееля состояла въ томъ, чтобы убить Наполеона.

Подобное подозрѣніе никакъ не могло войти мнѣ въ голову; я никогда не вѣрилъ, чтобы позволено было подобное покушеніе. Я никогда не вѣрилъ, и теперь еще не вѣрю, хотя и увѣряли меня, что порученіе Мобреля было действительно таково.

Наполеонъ, изъявивъ согласіе на отъѣздъ свой на островъ Эльбу, сообразно съ договоромъ подписаннымъ имъ тринадцатаго числа, требовалъ, чтобы до мѣста, гдѣ онъ сядетъ на корабль сопровождали его Коммисары отъ всѣхъ союзныхъ Государствъ, именно: Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи. Графъ Шуваловъ былъ назначенъ Александромъ, Полковникъ Цель-Камибель со стороны Англіи; Генераль Колеръ отъ Австріи и Графъ Вальдбургъ—Трушессъ со стороны Пруссіи. Четыре Коммисара явились шестнадцатаго числа въ Фонтенебло, гдѣ Императоръ въ первый разъ принималъ ихъ каждаго отдѣльно въ частной аудіенціи, въ присутствіи Генераловъ Друо и Бертранда.

Коммисары, Императоромъ вытребованные были приняты холодно, но не все одинаково. Съ Коммисаромъ Англіи Полковникомъ Камибелемъ, который имѣлъ на себѣ знаки ранъ, онъ обходился благосклоннѣе. Наполеонъ спросилъ его, въ какомъ сраженіи получилъ онъ ихъ, и за что онъ награжденъ орденами его украшавшими. Потомъ спросилъ о мѣстѣ его рожденія,

и узнавъ, что Полковникъ Камбелъ былъ Шотландецъ, Императоръ привѣтствовалъ его, какъ соотечественника Оссіана, своего любимаго поэта, котораго онъ зналъ въ однѣхъ только слабахъ переводахъ; мнѣ извѣстно, что Наполеонъ въ эту аудіенцію сказалъ Полковнику Камбелю: «Я отъ души моей не навидѣлъ Англичанъ; я съ вами воевалъ всѣми возможными средствами; но вашъ народъ я уважаю. Я убѣдился, что въ вашемъ правленіи болѣе великодушія, чѣмъ въ другихъ. Я желаю переѣхать изъ Тулона на островъ Эльбу (*).»

Коммисары, Австрійскій и Русскій приняты были холодно. Приемъ же Прусскаго Коммисара былъ совершенно другой. Наполеонъ оставался около пяти минутъ съ первыми; послѣднему же онъ очень сухо сказалъ: «Развѣ и Пруссаки находятся въ числѣ моихъ провожатыхъ.—Нѣтъ Государь.—Къ чему же вы взяли на себя трудъ сопровождать меня?—Государь это не трудъ, но честь.—Это однѣ только слова» сказалъ Наполеонъ. «Вамъ здѣсь нечего дѣлать.—Государь! Мнѣ не возможно отказать отъ почетнаго порученія, сдѣланнаго мнѣ Королемъ, моимъ повелителемъ.» Послѣ

(*) Нѣтъ никакого сомнѣнія на счетъ того, что Наполеонъ говорилъ Полковнику Камбелю, потому что послѣдній писалъ къ Лорду Кастельригу о желаніи Наполеона, и Лордъ изъяснилъ на это свое согласіе.

сихъ словъ Наполеонъ отвернулся отъ Барона Трушесса.

Коммисары думали, что Наполеонъ, не дѣлая никакихъ затрудненій безъ отлагательства отправится въ путь; но вышло со всемъ напротивъ. Потребовавъ маршрутъ, для него назначенный, онъ желалъ перемѣнить его и отправиться чрезъ Лионъ дорогою Бурбонскою вмѣсто Бургонской, и потомъ слѣдовать на Валенцію и Авиньонъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать чрезъ Гренобль, Гапъ и Динь. Желаніе перемѣнить маршрутъ, назначенный для Наполеона, вѣроятно не было, какъ думали Коммисары, смѣшнымъ предлогомъ отсрочить свой отъѣздъ; но была ли это странность или нѣтъ, только какое-то особенное воспоминаніе пробудилось во мнѣ, когда я узналъ объ этой прихоти Наполеона. Дорога, назначенная Коммисарами союзныхъ Государствъ была точно та самая, которую онъ сначала хотѣлъ слѣдовать изъ Тулона въ Парижъ по возвращеніи своемъ изъ Египетскаго похода на фрегатѣ *La Muigon*; онъ велѣлъ тогда мнѣ предупредить мою мать, что онъ проѣздомъ чрезъ Санъ заѣдетъ къ ней объѣдать; путь же ими вновь назначенный, былъ тотъ самый, о которомъ я сей часъ сказалъ и на которомъ онъ встрѣтилъ препятствіе видѣться съ Жозефиною, ѣхавшею къ нему на встрѣчу. Не менѣе замѣчательно еще и то, что

путь, назначенный Коммисарами союзниковъ былъ тотъ самый, по которому Наполеонъ въ слѣдующемъ году 21 Марта прибылъ въ Парижъ.

Но оставимъ эти воспоминавія и мечтанія, которыми предаваться я несклоненъ. Коммисары не желали противорѣчить Наполеону, имѣя повелѣнія обходиться съ нимъ съ уваженіемъ должнымъ Государю. Они отсрочили отъѣздъ; но не смѣя взять на себя ответственности въ перемѣнѣ маршрута, требуемой Императоромъ, они просили Коленкура, находившагося въ Фонтенебло, принять на себя трудъ, извѣстить о семъ Государей бывшихъ въ Парижъ, за исключеніемъ какъ извѣстно, Принца регента Англій, ибо у сего послѣдняго былъ представителемъ Лордъ Кастельригъ, который имѣлъ полномочіе отъ своего правительства. Коммисары въ ночь съ 18-го на 19-е число, получили повелѣніе слѣдовать тѣмъ путемъ, который будетъ избранъ Императоромъ. Наконецъ отъѣздъ окончательно былъ назначенъ, 20-го числа.

Въ сей день, въ 10 часовъ утра, экипажи были готовы и Императорская гвардія была въ строю на большомъ дворѣ Фонтенеблскаго дворца, именуемомъ *Дворъ бѣлой лошади*. Всѣ жители города и окрестныхъ деревень тѣснились вокругъ дворца. Наполеонъ потребовалъ

Генерла Колера и сказалъ ему: «Я разсудиль
«о томъ, что мнѣ остается дѣлать, и рѣшился
«сбѣжать. На союзниковъ нельзя положиться
«въ обязательствѣ, которое они со мною за-
«ключили; я также могу уничтожить мое от-
«реченіе, которое было условное. Въ эту ночь
«ко мнѣ прислано болѣе тысячи адресовъ: меня
«заклинаютъ опять принять управление Госу-
«дарствомъ. Если я и отказался отъ всѣхъ моихъ
«правъ и короны, то для того только, чтобы
«избавить Францію отъ ужасовъ внутренней
«войны, ибо слава и счастіе ея были всегда
«моею единственною цѣлю; но узнавъ теперь
«о неудовольствіи, внушенномъ мѣрами прини-
«жаннымъ новымъ правительствомъ и увидя, ка-
«кимъ образомъ исполнены данныя мнѣ обѣ-
«щанія, я могу объяснить моей гвардіи, причи-
«ны, которыя побуждаютъ меня уничтожить от-
«реченіе, тогда увижу, какъ исторгнутъ они
«мое сердце; изъ рукъ старыхъ моихъ воиновъ.
«Правда, что число войска, на которое я могу
«положиться не многимъ превышаетъ тридцать
«тысячъ человекъ, но мнѣ легко увеличить ихъ
«до ста тридцати тысячъ. Знайте, что я так-
«же легко бы могъ, не оскорбляя своей чести,
«сказать моей гвардіи, что для спокойствія и
«счастія моего отечества, я *отказываюсь отъ*
«*всѣхъ моихъ правъ* и убѣждаю ихъ исполнить
«подобно мнѣ мольбы народа.»

Я слышалъ, какъ пересказывалъ эту рѣчь Наполеона, совершенно такъ, какъ она помѣщена мною, самъ Генераль Колеръ, по окончаніи своего порученія. Онъ не скрылъ недоумѣнія, произведеннаго въ немъ неожиданною рѣчью Наполеона, и я помню, какъ рассказывали тогда, если бы Бонапарте съ самаго начала Парижской кампаніи, отказался отъ всѣхъ своихъ правъ для того, чтобы сдѣлаться вновь гражданиномъ, несмѣтныя силы союзныхъ войскъ не побороли бы усилія Франціи. Генераль Колеръ говорилъ также, что Императоръ жаловался на то, что не позволили Маріи Луизѣ слѣдовать за нимъ. Наконецъ Наполеонъ согласился на представленныя ему возраженія, прибавилъ: «И такъ я останусь вѣренъ своимъ обязательствомъ; но если новыя причины побудятъ меня жаловаться, то я буду «вынужденъ уничтожить то, что я обѣщаль.»

Между тѣмъ время уходило. Въ одиннадцатъ часовъ, Адъютантъ Императора, имени котораго я не помню (*) доложилъ ему, что по распоряженію Оберъ-Маршала все уже готово къ отъѣзду: «Для того ли я созданъ, сказалъ Наполеонъ, чтобы распредѣлять дѣйствія по часамъ Оберъ-Маршала. Я поѣду въ такое время, «когда захочу!... Можетъ быть и вовсе не поѣду.... Оставьте меня.»

(*) Это былъ Графъ де Бюсси.

Чтобы не оскорбить Наполеона, были строго соблюдаемы все формы Императорскаго этикета, къ которымъ онъ былъ привязанъ; когда онъ растворилъ дверь, желая выдти изъ кабинета въ приемную залу, гдѣ находились Коммисары, то по обыкновенію раздалось по залѣ слово: «Императоръ;» услышавъ это онъ тотчасъ возвратился назадъ. Однакоже вскорѣ вышелъ опять; быстро прошелъ галерею, сошелъ съ лѣстницы, (это было ровно въ двѣнадцать часовъ,) и явился предъ своею гвардіею, подобно какъ онъ дѣлалъ смотръ на Тюльерійскомъ дворѣ, въ блистательныя времена своего Консульства и Императорства. Тогда-то была трогательнѣйшая сцена прощанія Наполеона съ его солдатами. Не буду описывать подробностей, потому что они всею и вездѣ уже извѣстны. Однакоже въ примѣчаніи я здѣсь помѣщаю послѣднее воззваніе его къ старымъ сослуживцамъ; эту рѣчь произнесъ онъ голосомъ твердымъ и громкимъ, какъ будто во дни его торжествъ. Рѣчь эта принадлежитъ Исторіи (*).

(*) «Прощайте воины моей старой гвардіи. Двѣнадцать лѣтъ посполню видѣлъ я васъ на пути чести и славы. Въ послѣдніе времена, какъ и во дни нашего благоденствія, вы были образцемъ мужества и вѣрности. Съ воинами такими какъ вы, наше дѣло никогда не могло быть проиграно; но война продолжилась бы бесконечно, она содѣлалась бы войною народною и ввергла бы Францію въ величайшія бѣдствія. Выгоды отечества я предпочитаю собствен-

Сказавъ послѣднее прощальное привѣтствіе своимъ воинамъ: «Прощайте мои дѣти! Мои смольбы всегда будутъ вамъ соизувствовать; сохраните обо мнѣ воспоминаніе.» Наполеонъ сѣлъ въ карету съ Бертраномъ (*).

Въ продолженіе перваго дня слышны были по дорогѣ крики: *да здравствуетъ Императоръ* и Наполеонъ, съ обыкновеннымъ своимъ притворствомъ сказалъ нѣсколько словъ, которыми порицалъ непостоянство народа въ отношеніи къ его законнымъ Государямъ; впрочемъ пропія сія была довольно худо прикрыта;

«нымъ. Я вду. Вы же друзья мои продолжайте служить Франціи. Ея счастье было единственною моею мыслию, и всегда будетъ предметомъ моихъ моленій. Не сожалѣйте о моей судьбѣ. Если я рѣшился пережить себя, то единственно для того, чтобы быть полезнымъ вашей славы. Я опишу великія дѣла, произведенныя вами. Прощайте мои дѣти; я бы желалъ прижать васъ всѣхъ къ моему сердцу.» Потомъ приказалъ поднести къ себѣ орлы; подѣловавши ихъ, Наполеонъ сказалъ: «Я не могу всѣхъ васъ обнять, но въ лицѣ вашего Генерала я васъ обнимаю. Прощайте войны, будьте всегда храбры и великодушны!»

(*) Генераль Друо вхалъ впереди въ закрытой четверомѣстной каретѣ, не посредственно за нимъ была карета Наполеона, потомъ Генерала Колера, Генерала Графа Шувалова, Полковника Камбеля, вельдѣ за нимъ Прусскаго Коммисара Графа Вильдбурга-Трушесса, потомъ двѣ кареты, принадлежащія двору Императора, и наконецъ еще б-ть, гдѣ помѣщалась остальная свита Императора, поѣхали другою дорогою, потому что изъ полученнаго много рапорта, ясно видна была невозможность по одной дорогѣ заготовить достаточное число лошадей.

гвардія сопровождала его до Бріара; откуда онъ хотѣлъ выѣхать ночью, но не взирая на строгія приказанія мною отданныя, чтобы для Наполеона и его свиты все было исполнено съ величайшею точностію, Императоръ по недостатку лошадей выѣхалъ изъ Бріара только въ полдень двадцать перваго числа. Передъ тѣмъ какъ сѣлся въ карету, онъ еще имѣлъ разговоръ съ Генераломъ Колеромъ, и между прочимъ сказалъ ему: «И такъ вы слышали сказанную мною вчера рѣчь старой моей гвардіи; она вамъ понравилась, и вы видѣли какое дѣйствіе она произвела. Вотъ какъ надобно говорить и обходиться съ ними; и если «Лудовикъ XVIII не послѣдуетъ этому примѣру, то онъ ничего не сдѣлаетъ изъ Французскаго «солдата.»

Наполеонъ, видя на пути своемъ общее изъясненіе чувствъ народа для него благопріятнымъ, много разговаривалъ съ Коммисарами бывшими съ нимъ; съ Прусскимъ же Коммисаромъ онъ всегда обходился хуже чѣмъ съ другими; впрочемъ все, что относится до его путешествія слышано мною отъ особъ его сопровождавшихъ, и сверхъ того я приказалъ смотрителю брать впереди Наполеона, котораго всѣ желанія онъ долженъ былъ выполнять и каждый день доносить мнѣ съ подробностію обо всемъ, что узнаетъ. Наполеонъ не скрывалъ отъ Полков-

ника Кампбеля, причины его холодности къ Графу Вальдбургу Трушессу, происходившей отъ того что Пруссія первая оставила его тогда какъ онъ подъ своими знаменами имѣлъ войска всей Европы за исключеніемъ Шведскихъ, Испанскихъ и Португальскихъ, во время послѣдней войны съ Россією. Въ Бриарѣ оставивъ даже Полковника Кампбеля завтракать съ собою, онъ разсуждалъ о послѣдней Испанской войнѣ, и отзывался съ похвалою объ Англійскомъ народѣ и о воинскихъ талантахъ Веллингтона. Впрочемъ двадцать перваго числа Наполеонъ долженъ былъ уже знать о Тулузскомъ сраженіи. Во время разговора сего, Наполеонъ упрекалъ Сенатъ и изъявилъ желаніе, чтобы вынутыя изъ его кассы деньги были розданы войскамъ.

Двадцать перваго числа Наполеонъ ночевалъ въ Неверѣ, гдѣ онъ былъ еще привѣтствуемъ народомъ, но восторгъ, внушаемый его присутвіемъ былъ сопровождается проклятіями противъ союзныхъ Коммисаровъ, что уже случилось во многихъ городахъ. Отсюда онъ выѣхалъ двадцать втораго числа въ шесть часовъ утра. Передъ отъѣздомъ къ конвою его присоединился Маіоръ Кламъ, ѣхавшій изъ Парижа съ новыми предписаніями Губернатору острова Эльбы; ибо при отерочкѣ отъѣзда Наполеона въ числѣ затрудненій представляемыхъ

имъ находилось сомнѣніе, что въ новой его резиденціи, онъ не будетъ принять сообразно съ положеніемъ трактата, подписаннаго имъ въ Фонтенебло тринадцатаго числа. По выѣздѣ изъ Невера, Наполеонъ не имѣя при себѣ конвою своей гвардіи, не слышалъ болѣе восклицаній: *да здравствуетъ Императоръ*; но когда казаки замѣнили гвардію, то онъ съ прискорбіемъ слышалъ одни только восклицанія, да здравствуютъ союзники. Таковая противоположность была еще ничто въ сравненіи съ огорченіями, ожидавшими Императора по ту сторону Дюна, и опасностями, которымъ подвергался онъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ Провансѣ. Однакожь по донесеніямъ я видѣлъ, что еще и въ Дюонѣ, чрезъ который Императоръ проѣзжалъ двадцать третьяго числа въ одиннадцать часовъ вечера, слышны были крики: *да здравствуетъ Императоръ*; они раздавались въ малочисленной толпѣ, собравшейся предъ почтовымъ домомъ во время перемѣны лошадей.

Ожеро старый республиканецъ и бывшій всегда таковымъ, не взиралъ на то, что пожалованъ былъ Наполеономъ Герцогомъ Кастильонскимъ, постоянно принадлежалъ къ числу недовольныхъ; съ надеіемъ Наполеона онъ присоединился къ числу роялистовъ, болѣе изъ ненависти къ Бонапарту, нежели изъ привязанности

къ Бурбонамъ. Онъ командовалъ на Югѣ въ то время, когда объявлено было Сенатомъ о лишеніи Наполеона правъ, и былъ однимъ изъ первыхъ перешедшихъ на сторону Временнаго Правленія; неумѣренный во всемъ, что обыкновенно бываетъ съ людьми безъ великаго образованія, Ожеро обнаруживалъ отъ своего имени прокламацію противъ Императора, самую наглую и оскорбительную, даже до грубости.

Зналъ ли объ этомъ Наполеонъ или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно; но только то достовѣрно, что онъ двадцать четвертаго числа встрѣтившись съ Ожеро, на дорогѣ близъ Валанса, и притворясь ничего не знающимъ приказалъ остановить карету, вышелъ изъ нея; Ожеро сдѣлалъ тоже, и они бросились въ объятія одинъ другаго въ присутствіи Коммисаровъ. Анекдотъ этотъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ сихъ послѣднихъ. Замѣчено было, что Наполеонъ снялъ шляпу, чего Ожеро не сдѣлалъ. «Куда ты сѣдешь?» сказалъ ему Императоръ, «ко двору?— «Нѣтъ, въ Ліонъ.—Ты себя вель въ отношеніи «ко мнѣ очень дуриш». Тогда Ожеро замѣтивъ, что Императоръ ему говоритъ *ты*, началъ дѣлать тоже, какъ будто это было еще во времена, когда они оба были Генералами въ Италіи. На «что ты жалуешься?» отвѣчалъ онъ ему; «не твое «ли ненасытное честолюбіе привело насъ къ «настоящему состоянію? не для него ли ты по-

«жертвовалъ всею, даже счастіемъ Франціи?»

Послѣ этого Наполеонъ поспѣшно отворотился въ сторону, приподнялъ передъ нимъ свою шляпу и сѣлъ въ карету. Коммисары вознегодовали, видя, что Ожеро стоялъ на дорогѣ, заложивъ руки за спину и не снимая съ головы своей фуражки, только рукою сдѣлалъ Наполеону презрительный поклонъ. Этотъ гордый республиканецъ только могъ бы обходиться подобнымъ образомъ въ Тюльери, но на дорогѣ на островъ Эльбу, это была низкая дерзость!

Въ Валансѣ Наполеонъ въ первый разъ замѣтилъ у Французскихъ солдатъ бѣлые кокарды; они принадлежали къ корпусу Ожеро. Въ Оранжѣ онъ слышалъ вокругъ себя раздававшіеся восклицанія: *да здравствуетъ Король*. Истинная или притворная его веселость, которую онъ обнаруживалъ въ дорогѣ, здѣсь начала исчезать.

Наполеонъ слишкомъ мало слышалъ привѣтствій себѣ на дорогѣ отъ Валанса до Авиньона; на послѣдней станціи передъ этимъ городомъ, какой-то человекъ, одѣтый въ простое платье, въ башмакахъ, шелковыхъ чулкахъ и золотыхъ очкахъ, не соответствовавшихъ остальному его наряду, перебѣжавъ съ поспѣшностію поле, подошелъ къ каретѣ Императора. Онъ взялъ на плеча другаго и наклонился къ каретѣ, какъ будто хотѣлъ кого-то раземотрѣть. Пеларъ

камердинеръ Императора; увидѣвъ это, замѣтилъ ему его дерзость и требовалъ, чтобы онъ удалился; но какъ незнакомый не обращали на то никакого вниманія, то Императорскій фурьеръ показалъ ему пистолеть, и тѣмъ прекратилъ странное его любопытство. Послѣ сего были слышны оскорбительные крики въ толпѣ, что было только еще предлѣдіемъ къ сцѣнѣ, ожидавшей Наполеона въ Оргона.

Если бы онъ пріѣхалъ въ Авиньонъ тремя часами позже, нѣтъ сомнѣнія, что все было бы кончено; въ Авиньонъ не перемѣняли лошадей; туда Императоръ пріѣхалъ въ пять часовъ утра; часомъ позже прибылъ онъ въ Сентъ-Андіюль. Императоръ уставши ѣхать, вышелъ изъ кареты, и вмѣстѣ съ Полковникомъ Камбелемъ и Генераломъ Бертрамомъ пошелъ косогоромъ. Камердинеръ его опередилъ ихъ нѣсколькими шагами, какъ вдругъ повстрѣчалъ почталіона, который спросилъ его: «Не Императорскіе ли экипажи тамъ ѣдутъ? Нѣтъ, это экипажи союзниковъ. — Я вамъ говорю, что это Императорскіе; вы не знаете, что я старій солдатъ; совершилъ Египетскій походъ, и хочу спасти жизнь моего Генерала. — Я вамъ повторяю, что это не Императорскіе экипажи.—Къ чему меня обманывать, я увѣренъ въ томъ, что говорю: я ѣду изъ Оргона; тамъ повешено чучело подъ именемъ Императора и

«если узнають его, то онъ не останется въ «живыхъ. Негодяи поставили висѣлицу и повѣсили на ней чучело во Французскомъ мундирѣ, обогренномъ кровью, съ надписью на груди: вотъ что съ тобою будетъ. Я не знаю что со мною можетъ случится за мое довѣріе, но «что нужды, будьте осторожны.» Потомъ онъ сѣлъ въ свою телѣгу и поѣхалъ рысью; камердинеръ отозвалъ въ сторону Генерала Друо и пересказалъ ему что слышалъ. Друо предупредилъ объ этомъ Бертрана, который рассказалъ все Императору въ присутствіи Коммисаровъ. Коммисары испугавшись, составили родъ совѣта на большой дорогѣ, и рѣшили, чтобы Императоръ ѣхалъ впередъ. Камердинеръ принесъ изъ кареты платье и одѣлъ Императора въ длинный синій плащъ и круглую шляпу; они хотѣли даже приколоть къ шляпѣ бѣлую кокарду, но Наполеонъ не согласился. Онъ поѣхалъ такимъ образомъ вмѣсто Курьера съ Аморію однимъ изъ двухъ берейторовъ, сопровождавшихъ его и поѣхалъ Оргонъ не оставиваясь.

По пріѣздѣ Коммисаровъ въ Оргонъ, всѣ жители изъ окрестностей собрались и кричали: прочь корсиканца! прочь разбойника! Оргонскій Меръ, котораго я видѣлъ, по возвращеніи нашемъ изъ Египетскаго похода, едва не наклонялъ предъ Генераломъ Наполеономъ, обра-

тась къ Пеларду камердинеру Императора, сказала: «Развѣ и вы слѣдуете за этимъ бездѣльникомъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ сей послѣдній, я нахожусь при Коммисарахъ союзныхъ Державъ.—А? «Вы хорошо дѣлаете, это великій подлець, злодѣй, я хочу его повѣсить собственными руками. Если бы вы знали М. Г. какъ обмануль насъ этотъ разбойникъ! Я его встрѣчалъ, когда онъ возвращался изъ Египта; мы хотѣли выспрячь лошадей и на себѣ везти его карету; но теперь я хочу отмстить за почестъ, которую мы тогда ему оказали.»

Толпа народа быстро увеличилась и кричала съ бѣшенствомъ, которое описывать я почитаю излишнимъ для тѣхъ, кому извѣстно, какъ выражаютъ полуденные жители свою радость или ненависть. Ненстовые хотѣли принудить Наполеонова кучера кричать: да здравствуетъ Король; и за его мужественный отказъ угрожали ему саблею; къ счастью, въ то самое время лошади были зауряжены, почталюны по нимъ ударили и поѣхали вскачь. Коммисары не остались даже завтракать въ Оргопъ, и заплативъ деньги взяли все приготовленное съ собою. Экипажи соединились съ Императоромъ въ Каладъ, куда онъ пріѣхалъ съ Амодрю четверть часа ранѣ Коммисаровъ, и стоялъ передъ огнемъ въ кухнѣ, разговаривая съ женою трактирщика, которая спросила его,

«скороли тиранъ проѣдетъ? «Ахъ! господинъ» сказала она, «что ни говорите, а этимъ еще не все кончится; я увѣрена, что отъ него избавятся тогда только, когда бросятъ въ колодезь и закидаютъ каменьями; какъ бы я была довольна, еслибъ сдѣлали это у меня на дворѣ. «Вы знаете сударь, что Директорія посылала его въ Египетъ, для того только, чтобы отъ него отвязаться, чтожъ? Онъ воротился, и еще воротится, будьте увѣрены; по крайней мѣрѣ . . . »

Добрая женщина замолчала, и снявъ пѣну съ горшка, при подняла голову, она замѣтила, что единственная особа, стоящая безъ шляпы была точно та, о которой она говорила; сперва она смутилась, потомъ испугъ, что такимъ неосторожнымъ образомъ говорила объ Императорѣ, ему самому, потушилъ ея весь гнѣвъ и сердце ея исполнилось чувствъ живѣйшаго великодушія. Не буду говорить о заботахъ ея и осторожности, въ слѣдствіе коихъ парочный былъ немедленно посланъ въ Э, за покупкою ленты для бѣлыхъ кокардъ. Она впустила въ свой дворъ всѣ экипажи и велѣла занереть ворота и даже предупредила Императора, что было бы неблагоприятно проѣзжать чрезъ Э, гдѣ собралось народа болѣе двадцати тысячъ; для того, чтобы побить его каменьями.

Посреди таковыхъ безпокойствъ, приготовили обѣдъ и Императоръ сѣлъ за столъ. Онъ

съ удивительнымъ искусствомъ скрылъ волненіе своей души, которое въ подобномъ случаѣ, онъ долженъ былъ испытать; и всѣ присутствовавшіе при этомъ странномъ обѣдѣ, единодушно увѣрили меня, что онъ никогда не бывалъ такъ любезенъ, какъ въ то время. Онъ очаровалъ всѣхъ богатствомъ своего воображенія и прелестью воспоминаній; въ заключеніе же сказалъ: быть можетъ съ непритворною небрежностію: «я думаю, что это новое Французское Правленіе ищетъ моей смерти.» Послѣ сего тысяча предположеній столпились въ умѣ его всегда безноконномъ; онъ хотѣлъ избѣжать толпы народа въ Э, который, какъ ему сказали предпологалъ собраться на почтовомъ дворѣ. Онъ хотѣлъ было воротится въ Ліонъ, и воображалъ, какъ онъ будетъ плыть внизъ по Ронъ, и потомъ на баркѣ отправится въ Италію. Но предпріятіе сіе также какъ и другіе, только пролетѣло въ его воображеніи, и онъ продолжалъ путь тою же дорогою.

Между тѣмъ Коммисары узнавъ о происшедшемъ въ Э, рѣшились послать къ Меру приказаніе запереть ворота и стараться о спокойствіи города; многіе съ мрачными лицами собрались возлѣ гостиницы. Уже было болѣе пятидесяти человекъ, какъ нѣкто, не объявляя своего имени, требовалъ говорить съ Коммисарами, и отнести письмо къ Меру города Э. Въ

этомъ письмѣ Коммисары предупреждали его, что если городскіе ворота не будутъ заперты, то они явятся съ двумя полками Уланъ и шестью пушками и будутъ стрѣлять картечью въ тѣхъ, которые станутъ препятствовать ихъ проѣзду. Подобная угроза имѣла желаемый успѣхъ и неизвѣстный возвратился къ Коммисарамъ съ увѣдомленіемъ, что ворота заперты, а Меръ употребилъ для ихъ безопасности все, что отъ него только зависѣло.

Такимъ образомъ избѣжали опасностей угрожавшихъ Императору въ Э; но тѣмъ еще не кончилось; онъ долженъ былъ подвергаться имъ и по пріѣздѣ въ семь или восемь часовъ въ гостиницу Калады. Толпа любопытныхъ значительно умножилась, и неизвѣстно чѣмъ бы кончилось, если бы двери гостиницы не были тщательно заперты и заставлены. Многіе держали въ рукахъ пяти-франковыя монеты съ изображеніемъ Императора, чтобы лучше его узнать. Наполеонъ провелъ двѣ ночи безъ сна, задремалъ, склонясь на плечо своего камердинера, въ маленькой комнатѣ, находившейся близъ кухни. Въ минуту грусти Наполеонъ сказалъ: «Съ этой поры я отказываюсь навсегда, отъ «политическаго міра. Я не хочу болѣе принимать «участія ни въ чемъ, чтобы ни случилось... «Въ Порто-Ферайо я еще могу жить;... тамъ я «буду счастливъ, какъ еще никогда не бывалъ!...

«Пусть предлагаютъ теперь мнѣ корону цѣлой Европы, я ее не приму! . . . Я посвящу себя наукамъ! . . . Вы видѣли, что такое народъ! . . . Я хорошо дѣлалъ, что никогда не уважалъ людей! . . . Я обходился съ ними такъ, какъ они заслуживаютъ! Однакоже Франція! Французы! . . . Какая не благодарность! . . . «Я имѣю отвращеніе къ честолюбію; я не хочу болѣе править народомъ.»

Наконецъ ему доложили, что все готово къ отъѣзду; и рѣшили, чтобы онъ надѣлъ шубу и мѣховую шапку Генерала Колера, и сѣлъ въ карету Австрійскаго Коммисара. Императоръ перерядившись вышелъ изъ гостиницы и пошелъ до кареты своей, между двухъ стѣнъ *любопытныхъ*, которые тщетно старались узнать его. Экипажи отправились около стѣнъ города Э. Императоръ имѣлъ прискорбіе еще однажды слышать крики: прочь тиранъ! прочь завоеватель! Многіе изъ толпы взлезли на деревья, чтобы увидѣть его. Сія недостойная восклицаній слышны были еще за четверть мли отъ города.

Бонапарте опечаленный такими знаками ненависти, сказалъ съ видомъ горести и презрѣнія: «Люди этой страны всегда были одинаково буйны и свирѣпы. Жители Прованса совершили ужасныя убійства въ началѣ Революціи. На-

«задъ тому восемнадцать лѣтъ, явился я въ эту страну, съ нѣсколькими тысячами людей, чтобы освободить двухъ роялистовъ, которыхъ они хотѣли повѣсить. За что же? Ахъ! за то, что они носили бѣлыя кокарды. Я ихъ спасъ; но не безъ усилія исторгъ изъ рукъ этихъ безумцевъ; а теперь вы видите, что они стоже хотятъ дѣлать съ тѣмъ, кто отказался носить бѣлую кокарду!» Въ одной милѣ отъ Э, ожидали Императора лошади и отрядъ Жаңдармовъ до замка Люкъ.

Возлѣ замка Люкъ, въ загородномъ домѣ, принадлежащемъ Г. Шарлю, Члену Законодательнаго Собранія, находилась въ то время Принцесса Паулина Боргезе. Зная несчастія своего брата, и удивляясь твердости, съ каковою онъ переносилъ ихъ, она рѣшилась соупотствовать ему на островъ Эльбу. Ея присутствіе облегчило несчастія Наполеона; она отправилась въ Фрежюсъ, чтобы оттуда вмѣстѣ съ нимъ съѣсть на юрабль. Въ Фрежюсъ Императоръ нашелъ Полковника Кампбеля, который оставилъ его на дорогѣ для того, чтобъ ввести въ гавань Англійскій фрегатъ *Неукротимый*, сперва назначенный для Императора. Не взирая на желаніе, которое мы выше видѣли, изъявленно имъ Полковнику Кампбелю, онъ показавъ много неудовольствія, сядясь на фрегатъ, на-

нець двадцать восьмага Апрѣля онъ отправил-
ся къ острову Эльбѣ на томъ Фрегатѣ, кото-
рый уже не носилъ на себѣ Кесаря и его
счастія.

Г Л А В А XIV.

Могущество времени.—Бонапарте и Лудовикъ XVIII.—Переписка Гартвеля съ Временнымъ Правленіемъ.—Пріемъ, сдѣланный Лудовику XVIII въ Лондонѣ.—Прібытіе Короля въ Кале.—Письмо Герцога де Дюрасъ.—Услуга почты. — Лудовикъ XVIII въ Кампёнъ.—Бертъ говоритъ отъ имени Маршаловъ.—Представленіе мое Королю въ Сентъ-Уенъ.— Слова исполненныя милости.—Благодарность Царская и отставленіе меня отъ службы безъ уведомления.— Декларация изъ Сентъ-Уеня.— Въездъ Лудовика XVIII въ Парижъ, и статуя Генриха IV.—Холодность народа.—Образованіе Министерства.—Отъездъ Талейрана.

Могущество времени ничемъ непреодолимо; высокая политика всегда соображается съ нимъ. Для этого потребно не только достигать его, но знать и естественныя нужды времени. Вотъ почему здравые умы справедливо почитали Лудовика XVIII Государемъ, какъ-бы нарочно рожденнымъ для того времени и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся послѣ паденія На-

полеона. Если бы мнѣ полезно было искать аналогию въ Исторіи Древней, я бы сравнилъ Лудовика XVIII, наследующаго Наполеону, съ Нумою, царствовавшимъ послѣ Ромула, когда судьба возраждавшагося Рима хотѣла, чтобы не опытный Нума совѣтовался съ нею.

Въ концѣ 1813 и началѣ 1814 годовъ, появились въ Парижѣ разныя прокламаціи Роялистовъ, которыхъ распространенію препятствовала Полиція; онѣ содержали въ себѣ зародышъ надежды, которыя осуществились бы, если бы приведена была въ исполненіе хартія; я всегда вспоминаю какъ для умноженія числа этихъ прокламацій, я и семейство мое посвящали каждый день по нѣскольکو часовъ на списываніе съ нихъ копій. Послѣ окончательной декларациі Императора Александра, корреспонденція между Временнымъ Правленіемъ и Гартвелемъ производилась чрезвычайно дѣятельно. Городъ Бордо первый сдѣлалъ приглашеніе Лудовику XVIII, который 25 Марта принималъ двухъ Депутатовъ этого города, уполномоченныхъ жителями засвидѣтельствовать предъ нимъ покорность и подданническій долгъ ихъ. Они предлагали и просили Государя опять призваннаго ими, войти въ стѣны ихъ города и съ Герцогинею Ангулемскою; я узналъ, что Лудовикъ XVIII тотчасъ согласился на эти предложенія; онѣ располагалъ даже съѣсть на

Фрегатъ, какъ вдругъ узналъ о происшествіяхъ 31 Марта. Эти важныя извѣстія заставили Короля рѣшиться перемѣнить свое предположеніе и отправиться въ Лондонъ.

Онъ пріѣхалъ туда 20 Марта съ церемоніаломъ, приличнымъ его сану. Принцъ Регентъ сдѣлалъ ему такой пріемъ, послѣ котораго должно бы было исключить изъ Исторіи Великобританіи страницы, посвященныя описанію плѣна Короля Іоанна. Принцъ Регентъ и Лудовикъ XVIII, помѣнялись орденами Святаго Духа и подвязки. Миѣ кажется, не смѣю впрочемъ утверждать, что никогда до этого случая ни одинъ Принцъ не Католическій, не видѣлъ себя украшеннымъ знаками ордена Св. Духа.

Лудовикъ XVIII отправившись изъ Дувра, прибылъ въ Кале 24 Апрѣля. Я не буду описывать подробно восклицанія, сопровождавшія присутствіе его на землѣ Франціи; ибо всякой можетъ видѣть это изъ журналовъ того времени. Люди умныя смотрѣли съ удовольствіемъ, что Принцы древняго дома Бурбоновъ возведены были на престолъ ихъ предковъ. Они испытали столько несчастій, которыя по словамъ древнихъ философовъ, суть самыя лучшіе наставники Царей.

Я напередъ зналъ совершенно маршрутъ, по которому долженъ былъ слѣдовать Лудовикъ XVIII изъ Кале въ Парижъ, потому что полу-

чиль письмо изъ Лондона отъ 21 Апрѣля отъ Герцога де Дюрасъ, слѣдующаго содержанія:

«Я прибылъ сюда ночью и оставляю Короля «сію минуту. Отправленіе его назначено въ суб-«боту; онъ будетъ почевать въ Дуврѣ, выйдетъ «оттуда 24 числа, и если не воспрепятствуютъ «вѣтры, въ тотъ же день пристанетъ въ Кале; «въ понедѣльникъ 25 вѣроятно будетъ въ Бу-«лонѣ, а 26 въ Аміенѣ. Распоряженія на даль-«нѣйшее слѣдованіе не могутъ быть сдѣланы «опредѣлительно; но со всею вѣроятностію по-«слагать должно, что Король остановится въ «Компъенѣ. Изъ Кале къ вамъ будутъ вѣрно от-«правлены правила на окончательный маршрутъ «болѣе утвердительныя. Я не сомнѣваюсь, что «вы уже откомандировали кого-либо на встрѣ-«чу Короля изъ довѣренныхъ лицъ, дабы по-«случить чрезъ него все повеленія съ возмож-«ною ясностію. Я бы желалъ, чтобы письмо мое «прибыло къ предполагаемому сроку, потому что «служба не любитъ проволочекъ; 80-ти лошадей «не достаточно; надобно приготовить 120 на «стапціи. Я писалъ при этомъ случаѣ къ Ин-«спектору почтъ о томъ, что я думаю быть въ «Булонѣ или Кале, и чтобы онъ всего болѣе «заботился о скорѣйшихъ распоряженіяхъ по «его части отъ Кале до Булона, если только «конья не приведены еще въ исполненіе. Рев-«ность ваша къ службѣ Королю, увѣредъ меня

«въ той дѣятельности, которую употребили вы «для исполненія возложенныхъ на васъ порученій, въ минуту столь счастливую и столь «важную для всей Франціи.

«Краткость времени едва позволяетъ мнѣ за- «свидѣтельствовать чувствованіе особеннаго мо- «его уваженія и искренней привязанности, съ «которыми имѣю честь быть и проч.

Герцогъ де Дюрасъ»

«P. S. Король совершенно здоровъ, и энту- «зіазмъ, который онъ произвелъ здѣсь не усту- «паетъ энтузіазму Франціи.»

Желанія Короля были выполнены съ точно- стію; я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоми- наю о той ревности, съ которою бывшіе подъ моимъ начальствомъ, служащіе при почтахъ чиновники, исполняли мои порученія. Король пре- бывалъ въ Аміенѣ, согласно съ увѣдомленіемъ Герцога. Потомъ остановился онъ въ Компьенѣ, гдѣ Временное Правленіе, Министры и Маршалы встрѣтили его для засвидѣтельствованія своей покорности и вѣрности. Бертье привѣтство- валь Короля рѣчью отъ имени Маршаловъ и сказалъ между прочимъ, что Франція около 25 лѣтъ, стѣнная подъ игомъ несчастій, ее подав- лившихъ, ожидала счастливаго дня, который возсіялъ для нея нынѣ. Бертье долженъ бы сказать около 10 лѣтъ. Императоръ Александръ ѣхалъ передъ Людовикомъ XVIII до Кампьяна,

гдѣ оба Монарха обѣдали вмѣстѣ,

Что касается до меня, то я не былъ вовсе въ Компьенѣ; приказанія, которыя долженъ былъ исполнять безпрестанно не позволили мнѣ отлучаться; но я находился въ Сентъ-Уенѣ 2 Мая, когда Лудовикъ XVIII прибылъ туда.

Въ то время я радовался какъ нельзя болѣе, когда Король вспомнилъ о моихъ услугахъ, которыя я имѣлъ счастіе сдѣлать для него въ Гамбургѣ. Въ одной изъ залъ, чрезъ которую Король проходилъ къ столу, Г. Гю узнавъ меня, представилъ Его Величеству и сказалъ: Вотъ Г. де Буріеннъ. Тогда Король подошелъ ко мнѣ на нѣсколько шаговъ и обратился съ слѣдующими словами. «А, Господинъ де Буріеннъ, мнѣ очень пріятно васъ видѣть. Мнѣ извѣстны услуги, оказанныя вами въ Гамбургѣ и Парижѣ, за которыя я съ удовольствіемъ приношу вамъ мою благодарность.»

Въ Сентъ-Уенѣ Лудовикъ XVIII обнародовалъ декларацію, которая предшествовала хартіи; она выражала чувствованія, изъявленные Королемъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ въ деклараціи Кальмарской, о которой я говорилъ прежде. Тамъ же Сенать представилъ ему проектъ конституціи. На другой день 3 Мая Лудовикъ XVIII вмѣстѣ съ Принцессою Агулемскою совершилъ торжественный въѣздъ въ Парижъ; сначала посѣтилъ онъ Соборъ Богоматери (Notre—Dame),

Переѣхавъ новый мостъ (Pont-Neuf) онъ увидѣлъ модель вновь воздвигаемой статуи Генриха IV, имѣющей на пьедесталѣ надпись: Ludovico rediit, Henricus rediivus, сочиненную Г. Лалли Толлендалемъ. Надпись эта гораздо лучше, если позволено будетъ мнѣ мимоходомъ сказать, длинной и многословной надписи, вырѣзанной на бронзовой статуѣ.

Никогда при въѣздѣ въ Парижъ Государей не было такого движенія, какое было при въѣздѣ Лудовика XVIII. Въ разныхъ мѣстахъ Парижа, я замѣтилъ въ тотъ день видъ какого-то удивленія и холодности, которая увеличилась спустя нѣсколько времени, когда Лудовикъ XVIII возстановилъ тѣло-хранителей (le corps rouge), которыхъ Лудовикъ XVIII уничтожилъ передъ революціею.

Странно было видѣть, что управленіе дѣлами ввѣрено было одному человѣку, который не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ познаній о Франціи. Сначала Г. де Блакасъ принималъ на себя всю власть Министерскую; однажды, именно 11 Мая, потѣхалъ я по обыкновенію во дворецъ Тюльерійскій съ докладомъ къ Королю, на что я имѣлъ право по званію Начальника Главнаго Управленія Почтъ; Г. де Блакасъ спросилъ мой портфель и хотѣлъ взять его изъ моихъ рукъ; это мнѣ показалось тѣмъ болѣе не естественнымъ, что въ продолженіе

7-ми дней, въ которые я имѣлъ честь заниматься съ Королемъ, Его Величество оказывалъ мнѣ необыкновенныя ласки; это де Блакасу было очень хорошо извѣстно. Я хотѣлъ защищать права свои и отказалъ ему въ его требованіи. Но когда онъ объявилъ мнѣ, что это дѣлается по повелѣнію Короля, тогда надобно было уступить. Черезъ это обстоятельство я сдѣлался жертвою мщенія Блакаса.

Слова Короля, которыми привѣтствовалъ онъ меня въ Сентъ-Уенъ исполнили меня радости; но одинъ человекъ могъ уничтожить все мои надежды. Черезъ два дня послѣ этого случая, т. е. 30 Мая, войдя по обыкновенію рано утромъ въ свой кабинетъ, выходящій окнами на улицу Соф - Негон, развернулъ я машинально Монітеуръ, лежавшій на моемъ столѣ и пробѣгая его прочиталъ, что Графъ де Ферранъ назначается Главнымъ Директоромъ Почтъ на мое мѣсто.

Ни одного увѣдомленія, ни одного письменнаго объявленія, никакого постановленія, ни какого указа; право я думалъ, что все это вижу во снѣ. Я не могъ представить себѣ, отъ чего произошла такая неделикатность въ распоряженіяхъ; но вспомнивъ произшествіе въ Тюльери, я тотчасъ увидѣлъ, откуда нанесенъ былъ ударъ. Вотъ странный способъ, который употребилъ Блакасъ для засвидѣтельствован-

нія мнѣ благодарности Короля. Такой поступокъ де Блакаса стоилъ мнѣ цѣлаго года, въ продолженіе котораго находился я безъ всякаго назначенія. Конечно, мнѣ позволено было въ послѣдствіи жаловаться, но по жалобамъ моимъ я бы получилъ такое же справедливое рѣшеніе, какое Виргилій за свое: *Sic vos non vobis*, когда онъ намекнулъ о наградахъ незаслуженныхъ, которыми Августъ надѣлялъ Мевіевъ и Бавіевъ своего времени.

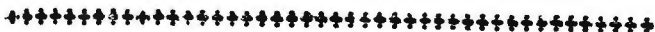
Въ томъ же номерѣ Монисера, въ которомъ объявлено было о грубомъ увольненіи меня отъ должности Главнаго Директора Почтъ, содержалась статья объ образованіи Министерства Лудовикомъ XVIII; вотъ составъ его: Талейрану поручены дѣла Иностранныя, Аббату Монтескю Внутреннія, Аббату Лудовику ввѣрены Финансы, Генералу Дюроку дѣла Военныя, Малуетъ назначенъ Морскимъ Министромъ, а Витроль наименованъ Государственнымъ Статсъ-Секретаремъ.

За исключеніемъ двухъ изъ нихъ, всѣ они были набраны изъ самыхъ неспособныхъ по всей Франціи, которая затруднилась бы даже сдѣлать выборъ хуже этого. Въ добавленіе къ тому Г. де Блакасъ наименованъ Министромъ Двора, съ правомъ присутствовать въ Совѣтѣ; наконецъ Бегноту ввѣрена Полиція; всякой знаетъ, какъ онъ раздѣлялся съ нею, хотя увѣ-

рять насъ тогда, что Полиція есть капля масла, которая скользитъ въ колесахъ правленія. — Лудовикъ XVIII, не зная еще никого во Франціи, безъ сомнѣнія можетъ быть извиненъ за сдѣланные имъ выборы, большею частію столь неудачные; но признаюсь, что я былъ изумленъ, когда увидѣлъ, какой ходъ данъ дѣламъ.

Со всѣхъ сторонъ слышны были жалобы на образъ правленія, въ которое не чувствительно вкрались старинныя методы; отъ чего произошла смѣсь сурьезнаго съ смѣшнымъ. Парижъ былъ наводненъ брошюрками и карикатурами. У меня еще въ памяти вліяніе, произведенное однимъ журналомъ подъ названіемъ *Le Nain Jaune*. Онъ не имѣлъ сожалѣнія къ старымъ причудамъ. Однако все было спокойно до Сентября мѣсяца, но когда Талейранъ отправился на Вѣнскій Конгрессъ, все обрадовалось отсутствію его; всякой желалъ и думалъ быть Государственнымъ человѣкомъ; имъ казалось, что избавились отъ надобности и, Богъ знаетъ, сколько глупостей надѣлали ученики въ отсутствіи своего учителя.

Г Л А В А XV.

Удивительная неспособность.— Очевидные признаки возмущенія — Свиданіе на Пломбьерскихъ водахъ и отказъ Евгенія ѣхать туда. — Пожалованъ мнѣ Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона.— Причина, побудившая меня отказаться отъ него. — Странности двора и не возможность предлагать ему хорошіе совѣты.— Посѣщеніе одного друга и первые признаки пагубнаго приключенія.— Другое посѣщеніе и страхъ увеличивается.— Ужась одного добросердечнаго Роялиста.— Различія мнѣній и хорошая дружба.— Открытія Карла Бедойера. — Равномѣрность трехъ сообщеній. — Невозможность видѣться съ де Блакасомъ. — Аббатъ Флёрель. — Письмо безъ отвѣта.— Неучитивость и неспособность. — Генералъ Балатеръ и де Блакасъ.— Занятія Министра.— Посредничество Талейрана. — Потерянное время и мнѣнія не принесшія никакой пользы.— Встрѣча съ Аббатомъ Флёрелемъ въ дворцѣ Тюльерійскомъ.

При правительствѣ неспособномъ, каковымъ было Министерство 1814 года, во время нахожденія Талейрана въ Вѣнѣ, удобно было произвести всякой заговоръ. Съ того же 1814

года начались приготовленія къ тѣмъ пагубнымъ замысламъ, которые 20 Марта совершились. Я не вѣрю, чтобы могли когда-либо быть столь неспособными люди, которымъ ввѣрено было управленіе націями дѣлами. Законъ объ эмигрантахъ, который какъ говорятъ, ничему не научилъ и ничего не искоренилъ, отзывается устарѣлыми требованіями и глупою важностію Кобленца. Большая часть сихъ тщеславныхъ и безразсудныхъ людей, напоминаютъ мнѣ лицо одного романа Волтера, которое безпрестанно говоритъ; «un homme comme toi!» Мысль о своихъ мнимыхъ достоинствахъ ослѣпила до такой степени правителей, что они ничего не могли видѣть. Они не только не знали потребностей и нуждъ Франціи, которая ниспровергала власть, думала пріобрѣсть свободу, но и не признавали никакого ея объявленія. Я замѣтилъ одинъ случай, послѣ котораго, по моему мнѣнію, должно бы было предостеречься; но они были слишкомъ просты, чтобы замѣтить подобныя дѣла. Принцъ Евгенийъ долженъ былъ пріѣхать на воды въ Пломбьеры, потому что тамъ находилась сестра его Гортензія. Лошади, экипажи и Адъютантъ Принца прибыли туда и все было готово для принятія Евгенія; но Принцъ не пріѣзжалъ. Онъ вѣроятно получивъ свѣденія объ интригахъ сестры своей съ нѣкоторыми важными лицами

прежняго двора Наполеона, находившимися тогда на водахъ, рѣшился, не мѣшаясь ни во что, жить спокойно при дворѣ тестя своего и остался въ Мюнхенѣ. Обстоятельство это прошло не обративъ на себя никакого вниманія. Люди, управлявшіе тогда нами не имѣли даже и вида къ подозрѣнію. Въ самомъ же дѣлѣ не возможно не удивляться ихъ непредусмотрительности, узнавъ, сколь много обстоятельство это согласовалось съ послѣдствіями.

Также одною изъ несправедливостей въ правленіи Короля въ 1814 году была расточительность, съ какою давали, или лучше сказать, бросали орденъ Почетнаго Легіона. Для доказательства тому, я могу привести случай лично до меня относящійся и смѣю сказать, что если бы всѣ поступали такъ, какъ я сдѣлалъ, то предметъ не удовольствій имѣлъ бы гораздо менѣе важности.

Я находился въ Санѣ; это было 19 Декабря 1814 года, когда братъ Короля пріѣхалъ туда для возобновенія мавзолея, подъ которымъ похороненъ прахъ Августѣйшихъ его родственниковъ. На другой день послѣ церемоніи, Префектъ Іоны возложилъ на меня Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона, говоря, что это онъ дѣлаетъ по повелѣнію Принца, который желаетъ изъяснить мнѣ этою наградою знакъ своего удовольствія, за участіе и за ревность, оказанныя мною при возстановленіи монумента,

воздвигнутаго Дофину и супругѣ его. За это Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона! думалъ я, и въ ту же минуту отиравился къ Принцу просить взять обратно знакъ, которымъ онъ Всемилоствѣйше меня наградить изволилъ. На вопросъ Принца, что было побудительною причиною прѣзда моего къ нему? Я отвѣчалъ Его Высочеству, что не болѣе еще четырехъ мѣсяцевъ, какъ пожалованъ я кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона, и что таковое быстрое повышеніе будетъ противно правиламъ статута этого ордена и нарушить всякое приличіе; да и тѣмъ болѣе не могу я получить креста этаго, что не желаю стать на равнѣ съ тѣми, которые ищутъ случая унизить орденъ, столь дорого прежде цѣнимый; я прибавилъ, что придетъ время когда я заслужу высшія степени. Принцъ нашелъ мои причины справедливыми и принялъ ихъ съ обыкновенною своею доброготою. Я думалъ, что сдѣлалъ доброе дѣло, утѣшая себя пословицею: *qui refuse mieux, a toute sa valeur*; но случилось напротивъ, и мое доброе дѣло могло почестъся одною глупостью; въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ потомъ, что всѣ опередили меня и только въ 1823 году пожалованъ мнѣ Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона (*).

(*) Въ это время мнѣ прислали вдругъ два креста, безъ соизвѣстія въ утѣшеніе за замедленіе; одинъ получилъ я чрезъ Ми-

братъ мой поступокъ въ примѣръ, ибо я видѣлъ цѣлую толпу командоровъ бывшихъ мо-
ложе меня по ордену.

Въ концѣ 1814 года по извѣстнымъ мнѣ при-
знакамъ, я предвидѣлъ одинъ важный случай. Человекъ, котораго я много уважалъ и съ ко-
торымъ имѣлъ одни только дружескія отноше-
нія, сказалъ мнѣ однажды. «Вы видите какъ
«дурно идутъ дѣла: недостатки, за недостатками:
«вы конечно чувствуете, что подобное состоя-
«ніе дѣлъ не можетъ быть продолжительно.
«Пусть это останется между нами, а я думаю,
«что все будетъ кончено въ Мартѣ. Надобно
«чтобы этотъ мѣсяць исправилъ стыдъ прошед-
«шаго Марта. Мы будемъ наконецъ, однажды
«на всегда освобождены отъ фанатизма и отъ
«закона объ эмигрантахъ. Вы видите, во всѣхъ
«частяхъ господствуетъ духъ нестерпимаго ли-
«цемерія, и вамъ не безызвѣстно, что вліяніе
«духовенства болѣе всего противно націи. Въ
«продолженіи 8 мѣсяцевъ намъ велятъ совер-
«шить обратный путь; я опасюсь не раскаевае-
«тесь ли вы, что замѣшались въ дѣла начав-
«шіеся при наступленіи сего года; впрочемъ
«васъ не принуждали къ тому. Я вамъ уже нѣ-
«сколько разъ говорилъ объ этомъ, вы сожалѣ-

нистра Внутреннихъ Дѣлъ, а другой отъ Герцога Ришелье,
бывшаго тогда Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

«ли и послѣ всего дѣйствовали по своему.»

Я не приписываю болѣе, нежели сколько должно, важности этому предсказанію о перемѣнахъ, приготовляемыхъ для Марта мѣсяца, и считаю такую откровенную бесѣду не инымъ чѣмъ какъ выраженіемъ желанія той особы видѣть свои предположенія и надежды осуществленными. Я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, какъ и вслѣдствіе на непостоянныя ошибки Феррана (*) и компаніи; я надѣялся, что Правительство болѣе просвѣщенное возвратится мало помалу къ тѣмъ началамъ, которыя согласны съ духомъ націи, и въ этой надеждѣ не вѣрилъ ничему, что мнѣ ни говорили, воображая, что непріятныя послѣдствія, о которыхъ меня предупреждали, не сбудутся. Черезъ нѣсколько времени другой изъ моихъ друзей навѣстилъ меня; онъ занималъ высшія должности и былъ внесенъ въ списокъ изгнанниковъ.

Онъ имѣлъ претензіи на Правительство, которое по мнѣнію его было слишкомъ дурно расположено къ нему. На вопросъ мой, какъ идутъ его дѣла, онъ отвѣчалъ: «Хорошо, другъ мой; съ моимъ прошеніемъ поступили «справедливо; я не могу нисколько жаловаться

(*) Г. Ферранъ до того былъ увлеченъ старыми идеями, что сказалъ однажды въ присутствіи нѣсколькихъ особъ, что хартія очень хорошая вещь, но ей недостаетъ только, чтобы Парламентъ Парижскій пересмотрѣлъ ее.

«я очень доволенъ.» Онъ напомнилъ мнѣ объ одномъ ученomъ, который удивлялся прекрасному порядку финансовъ подъ управленіемъ Колберта, приказавшаго однажды выдать ему его пенсіонъ первому. На это я сказалъ, что я ни сколько не радуюсь ни той справедливости, которое Правительство ему оказало, ни той чести, которую онъ приписываетъ Правительству, и уловилъ случай намекнуть ему, что если бы Правительство поступало со всѣми такимъ образомъ, то оно бы могло тогда показать свои мудрыя распоряженія по всѣмъ частямъ. «Отдохнемъ теперь» сказалъ онъ мнѣ, я нисколько не согласенъ съ тобою; потомъ прибавилъ онъ: «если Правительство пойдетъ упорно своимъ настоящимъ путемъ, то не возможно, чтобы оно удержалось, и это возвратитъ намъ Императора.—Возвращеніе его было бы величайшимъ несчастіемъ» отвѣчалъ я ему; «хотя и желаетъ того Франція, но Европа не хочетъ. Будь увѣренъ, что никогда Государя Европы не допустятъ этого по договорамъ послѣдняго Апрѣля. Европа вторично возстанетъ противъ него. Что за привязанность имѣешь ты къ Бонапарте; ты не можешь не знать ненависти, питаемой къ нему иностранными Державами и зла, которое онъ имъ сдѣлалъ. Страхъ видѣть снова опустошенною Европу, вооружить всѣхъ противъ него

«и успѣхъ будетъ безъ сомнѣнiя на сторонѣ Го-
«сударствъ иностранныхъ. Ты любишь Фран-
«цію болѣе всего и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаешь
«о жребiи могущемъ угрожать ей. Если при-
«сутствiе Бонапарте принудитъ иностранныхъ
«Державы придти къ намъ вторично, можешь
«ли ты себѣ представить печальную идею о
«раздѣленiи нашей любезной Францiи? Это не
«возможно. Впрочемъ мы никогда не будемъ
«согласны съ тобою: мнѣнiя наши объ Импе-
«раторѣ и твоихъ Бурбонахъ, слишкомъ раз-
«личны. Ты будешь жаловаться на Наполеона,
«а я превозносить его. — И такъ лучше замол-
«чимъ. Но скажи мнѣ однако, чтобы сдѣлать
«ты, еслибъ онъ возвратился? — Да. — Господи!
«Лучше бы я ничего не могъ сдѣлать, какъ
«тотчасъ же оставить Францiю. Я слишкомъ
«убѣжденъ, что онъ никогда не проститъ мнѣ
«за поведенiе мое при возстановленiи Правле-
«нiя, и признаюсь чистосердечно, что не буду
«колебаться ни одной минуты, чтобы вѣрнѣе
«спасти жизнь, оставивъ Францiю.— Но ты за-
«блуждаешься. Я увѣренъ, что если бы ты
«присоединилъ себя къ числу друзей его, ты
«имѣлъ бы все, что пожелалъ и титулъ, и по-
«чести и богатствiя. Я могу тебя въ томъ увѣ-
«рить.— Признаюсь, все это не соблазнитъ меня
«нисколько. Я также люблю Францiю; люблю
«столько же какъ и ты, и имѣю доказательства,

«что никогда она не можетъ быть счастлива съ Наполеономъ. Если онъ возвратится, я буду жить въ странѣ чужой и ждать событій и времени.»

Всего я не припомню изъ помянутаго разговора, продолжавшагося слишкомъ долго. Между нами, сколько могутъ судить, былъ совершѣнный раздоръ; каждый держался своего мнѣнія, что обыкновенно бываетъ послѣ долгаго уметвованія. Однакоже это третіе предположеніе о возвращеніи Наполеона заставило меня призадуматься, и увеличило тягость перваго предположенія, изложеннаго мною выше какъ вдругъ за этимъ послѣдовало четвертое. Одна особа хорошо мнѣ извѣстная, и которая по своимъ правиламъ и связямъ, вполне предана сторонѣ Короля, сообщила мнѣ, что произошли необыкновенные случаи, которые ихъ тревожили. — Эта особа, между прочимъ сказала мнѣ:

«Я встрѣтилъ третьяго дия Карла Лабедойера, съ которымъ нахожусь, какъ тебѣ извѣстно, въ тѣсной связи. Я замѣтилъ въ немъ какое-то безпокойство; видъ его показывалъ человѣка, погруженнаго въ размышленіе. Я пригласилъ его къ себѣ отобѣдать; но онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что мы не одни будемъ за столомъ. Послѣ того онъ самъ пригласилъ меня на вчерашній день отобѣдать

«съ нимъ, и поговорить кое о чемъ. Дѣйстви-
тельно мы обѣдали въ двоємъ, у ресторатора,
«въ особой комнатѣ. Долго разговаривали о по-
«литическихъ дѣлахъ, о нашемъ положеніи; и
«ты повѣршишь, что я ни въ чемъ не могъ съ
«нимъ согласиться; впрочемъ это всегда слу-
«чается между нами: споримъ, наговоримъ другъ
«другу колкостей, и при всемъ томъ остаемся
«хорошими пріятелями. По меня безпоконтъ
«то, что сказалъ мнѣ Карлъ, прощался и по-
«жимая мнѣ руку: Завтра ѣду въ Гренобль, че-
«резъ мѣсяць услышишь о Карлѣ Лабедойерѣ,
«и потомъ разстался со мною.»

Эти три свѣденія, вскорѣ одно за другимъ
полученныя, возбудили все мое вниманіе: онѣ
сообщены мнѣ были сперва двумя особами,
желавшими успѣха событію, а потомъ треть-
ею, которую оно немало устрасало. Пора-
женный тѣсною связью этихъ случаевъ съ
Пломбьерскими обманами, за нѣсколько предъ-
тѣмъ мѣсяцевъ происходившими, я рѣшился,
въ Генварѣ объяснить о томъ съ Блакасомъ,
пользовавшимся тогда полнымъ довѣріемъ и
властію, мимо котораго ничего нельзя было
довести до свѣденія Короля. Излишнимъ по-
читаю присовокуплять, что я имѣлъ намѣре-
ніе объявить ему объ однихъ только дѣйстви-
яхъ, а не объ лицахъ, доставившихъ о томъ
свѣденія.

Здѣсь я принужденъ вступить въ область не-
лѣности; все, о чемъ буду говорить, справедли-
во, однако невѣроятно. Блакасъ меня не при-
нялъ и въ этомъ случаѣ нельзя винить его.
Что я значилъ въ сравненіи съ столь важною
особою? Я удостоился только чести говорить
съ его Секретаремъ, который, если стоитъ
вспомнить о томъ, былъ и назывался Аббатомъ
Флеріелемъ. — Какая находка для комическаго
поэта подобное лице! Аббатъ Флеріель былъ
образецъ наглости и надменности! какъ шло
къ нему приличіе, необходимое для великаго
Секретаря великаго Министра; и какъ былъ
онъ милъ, когда объявилъ мнѣ съ непринуж-
денною пріятностію что: «Его Сіятельство
Графъ не у себя!» Онъ желалъ бы имѣть три
языка вмѣсто одного, чтобъ произносить эти
слова: Его Сіятельство Графъ! такъ для него
пріятно было провозглашать ихъ. Я зналъ, что
Блакасъ дома. Не хотѣлъ ли Аббатъ, чтобы я
объявилъ ему, о чемъ мнѣ нужно было гово-
рить съ Министромъ? Я отвернулся, не удо-
стоивъ его отвѣта, и вышелъ.

Но по приверженности моей къ Бурбонамъ
и по причинѣ важности обстоятельствъ, я въ
тотъ же день написалъ къ Блакасу о назначе-
ніи мнѣ свиданія и не получилъ отвѣта. Спустя
два дня отправилъ второе письмо, въ которомъ
не безъ сожалѣнія давалъ знать, что имѣю нечто

весьма важное сообщить ему; и также не получаю отвѣта. Не постигая причины столь страннаго молчанія, я возвратился въ павильонъ Флоры и просилъ любезнаго Аббата Флеріа объяснить мнѣ причину столь оскорбительнаго безмолвія его начальника: «Милостивый Государь,» сказалъ мнѣ черный приказный, «я получилъ два ваши письма и представилъ ихъ Его Сіятельству. Но мнѣ неизвѣстно, для чего онъ не отвѣчалъ вамъ. Что касается до меня, я ничего болѣе не могу сдѣлать; впрочемъ Графъ такъ занятъ! у Его Сіятельства такая пропасть дѣлъ! Его Сіятельству не достаетъ для нихъ времени!—Его Сіятельство,» отвѣчалъ я, «будетъ въ этомъ расказываться. Прощайте, Государь мой.»

Такимъ образомъ удостовѣрился я собственнымъ опытомъ о справедливости того, что слышалъ на счетъ Блакаса, и что въ послѣдствіи подтвердили многіе случаи. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться; Блакасъ заступилъ мѣсто Графа д'Аваре; пользовался полною довѣренностію Короля и присвоилъ себѣ всю власть. Если нужно было что-либо довести до свѣденія Лудовика XVIII, даже тѣмъ, къ кому онъ прежде наиболѣе былъ привязанъ, они должны были обращаться съ просьбою о томъ къ Блакасу. Но если кто желалъ сообщить полезное извѣстіе, онъ отзывался съ падменно-

етно: «Кто? . . . этотъ человекъ? . . . Ба! . . . это интриганъ, Бонапартистъ, мечтатель, вѣстовщикъ, порицатель правленія. Я не хочу кобъ немъ слышать.» И благонамѣренный человекъ не получалъ доступа. Доказательствомъ тому не я одинъ могу служить; вотъ что случилось съ Генераломъ Балатъе черезъ вѣсколько дней послѣ моего безполезнаго домогательства: Генераль желалъ говорить съ Королемъ о событіяхъ, которыя предусматривалъ и о которыхъ, подобно мнѣ, получилъ свѣденіе. Король отвѣчалъ: «пусть онъ объяснится съ Блакасомъ.» Балатъе былъ принятъ Министромъ любимцемъ, который, выслушавъ его, объявилъ: «все это, Милостивый Государь, суція сказки. «Странное дѣло! вы думаете знать болѣе, нежели мы, управляя Государствомъ? — Конечно, возразилъ Балатъе съ откровенностію война, «конечно, Графъ, мнѣ извѣстно болѣе, чѣмъ вамъ, окруженнымъ льстецами, которые говорятъ только то, что можетъ вамъ правиться.— «Повторяю вамъ, Милостивый Государь, что я «довольно уже знаю о томъ, о чемъ вы хотѣли мнѣ говорить.» Какая жалость!

По видя опасность, постоянно угрожавшую Франціи и не имѣя возможности преодолѣть тѣхъ преградъ, которыми Блакасъ окружилъ особу Короля, я рѣшился писать къ Талейрану и уведомить его о всѣхъ сообщенныхъ мнѣ свѣ-

деніяхъ. Талейранъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Королемъ и нѣтъ сомнѣнія, что до Его Величества дошли бы мои извѣстія; но много времени было потеряно, и произшествія послѣдовали съ такою быстротою, что по полученіи Лудовикомъ XVIII свѣденія о томъ, чему надлежало случиться, нельзя уже было тому воспренитствовать. Такимъ образомъ извѣстія, которыя я надѣлся сообщить заблаговременно, не имѣли успѣха, и вскорѣ увидѣть, что мои догадки подтвердились письмомъ съ острова Эльбы, которое попало въ руки правительства вскорѣ послѣ безполезныхъ моихъ домогательствъ. Дѣйствительно какое-то непостижимое ослѣпленіе овладѣло тогда самыми приближенными къ Королю лицами. Но я не кончу этой главы безъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ о достойномъ Секретарѣ Блакаса, хотя слѣдующій случай и относится къ позднѣйшей эпохѣ.

По вторичномъ возвращеніи Лудовика XVIII, я встрѣтился съ Аббатомъ Флеріелемъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Мы разговорились о бѣдствіяхъ, въ которыя вергло Францію двадцатое Марта. Аббать сказалъ мнѣ: «Я крайне былъ недоволенъ, что Г. Блакасъ васъ не принялъ;» но Аббать никакъ не соглашался отстать отъ прежняго мнѣнія и не постыдился повторить: «Если бы вы однакоже знали, какъ онъ былъ

«заняты! — Сомнѣваюсь въ этомъ, Г. Аббатъ, «если судить по его дѣламъ. Но перестанемъ «думать объ этомъ; зло было велико, но оно «исправлено—Бурбоны опять здѣсь» Я не сдѣ-
лалъ другаго упрека бывшему Секретарю Бла-
каса.

Г Л А В А XVI.

Приближеніе двадцатаго Марта и мои приготовленія къ отъѣзду. — Отправленіе изъ Тюльерійскаго дворца наканунѣ тринадцатаго Марта. — Г. Гю вводитъ меня къ Лудовику XVIII. — Достопамятныя слова Короля. — Назначеніе меня префектомъ Полиціи. — Мое изгнаніе въ Мюнхъ. — Совѣтъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. — Странное извѣденіе нѣкоторыхъ совѣтниковъ Короля. — Слова солдатъ. — Добрый человекъ и маленькій капралъ. — Разсужденіе о дорогѣ Короля. — Я предсказываю прибытіе Бонапарте. — Свѣдѣніе о прибытіи списка изгнанниковъ. — Настояніе Короля о взятіи подъ стражу Фуше. — Услуги Г. Фудраса. — Фуше незадержанъ. — Даву изгнанникъ и оставленъ въ поковъ. — Продолжительный разговоръ съ Блакасомъ. — Безполезность арестовъ. — Довѣренность Короля ко мнѣ. — Переписка Бонапарте съ жителемъ Гренобля. — Перехваченное письмо и потеря времени. — Явные доказательства заговора. — Ничего не сдѣлано и что надлежало бы предпринять. — Какъ могъ заговоръ быть уничтоженъ. — Нарядворцы смягчены несчастіемъ. — Тяжкія и вознаграждаемыя ошибки. — Настоящія причины революціи двадцатаго Марта.

Тѣ, которые воспротивились исполненію договора, заключеннаго съ Наполеономъ во время отреченія его отъ престола, учинили важную

ошибку, потому что доставили ему предлогъ къ удаленію съ острова Эльбы. Всеѣмъ извѣстны подробности этого неосуществимаго предпріятія и я не буду повторять того, что уже описано во многихъ сочиненіяхъ. Замѣтивъ съ какою быстротою шелъ онъ къ Ліону, и съ какимъ усердіемъ войска и жители стремились на встрѣчу ему, я рѣшился отправиться въ Бельгію и тамъ ожидать развязки этой новой драмы. Приготовленія мои къ отъезду были кончены вечеромъ тринадцатаго Марта, и уже я собрался въ путь, чтобы избѣгнуть угрожавшихъ мнѣ преслѣдованій, какъ въ это самое время посѣтилъ меня посланный изъ Тюльерійскаго дворца, съ приглашеніемъ отъ имени Короля явиться туда немедленно. Приѣхавъ послѣдственно во дворець, я вошелъ къ Г. Гю, чтобы узнать, для чего меня потребовали. Онъ занималъ комнаты, въ которыхъ я провелъ три года жизни въ безпрестанныхъ трудахъ и хлопотахъ. Г. Гю, замѣтивъ, что меня нѣсколько встревожило приглашеніе въ Тюльерійскій дворець въ ночную пору, объяснилъ мнѣ причины этого обстоятельства. «Я не терпѣливо ожидаю васъ,» сказалъ онъ. «Король напомнилъ мнѣ, что я всегда выгодно и съ соучастіемъ отзывался ему объ васъ. Его Величеству извѣстно, что я могъ цѣнить дѣйствія ваши въ Гамбургѣ, и угодно было объявить мнѣ свое намѣреніе возстановить пре-

фектуру Полиціи, ибо Г. Андре не удовлетворяеть мноимъ ожиданіямъ, которыя подавалъ. Король присовокуниль, что ему предлагали васъ для занятія мѣста префекта и онъ желать, чтобы я объявилъ ему, можно ли на васъ положиться. Я далъ отвѣтъ утвердительный, и, если вы согласны принять назначаемую вамъ должность, требующую довѣренности, то я введу васъ въ кабинетъ Короля.» Мы пришли туда, и Король съ благосклонностію, но вмѣстѣ самымъ выразительнымъ тономъ, сказалъ мнѣ: «Г. Буріеннъ, могу ли положиться на васъ? Я всего ожидаю отъ вашего усердія и вѣрности — Ваше Величество не будете имѣть причины обвинять меня въ употребленіи во зло вашей довѣренности. — И такъ возстановляя префектуру Полиціи, назначаю васъ префектомъ. Вступите въ должность и дѣйствуйте съ усердіемъ; я въ этомъ полагаюсь на васъ» Странное сближеніе: въ этотъ же день, тринадцатаго Марта, когда Король назначилъ меня префектомъ Полиціи, Наполеонъ, въ Лионѣ, поднялъ декретъ, которымъ лишалъ дарованнаго имъ всепрощенія тринадцать человекъ, въ числѣ которыхъ находилось и мое имя (*). Этотъ декретъ оправдалъ мои пред-

(*) Вотъ списокъ изгнанниковъ, обнародованный въ Лионѣ: Князь *Беневентскій*, Герцогъ *Рагузскій*, Герцогъ *д'Альбергъ*, Аббатъ *Монтезью*, Графъ *Жокуръ*, Графъ *Бернонвилль*, *Аиншъ*, *Витроль*, *Алексій де Шоаль*, *Буріеннъ*,

чувствованія при полученіи извѣстія о возвращеніи Бонапартѣ. Какъ бы то ни было, по прибытіи вечеромъ изъ Тюльерійскаго дворца, я находился въ нерѣшимости. Сперва я увлекся единственно усердіемъ къ дѣлу Короля; но, вообразивъ обширность отвѣтственности, которую принималъ на себя, былъ уstraшенъ ею. Призванный вдругъ къ должности, которой не ждалъ, признаюсь, я былъ несовершенно увѣренъ въ себя. Однако я побѣдиль свою нерѣшимость и долженъ сказать, что по счастью нашель въ Г. Фудрасъ челоуѣка, заслужившаго полную мою похвалу. Г. Фудрасъ былъ главнымъ Инспекторомъ Полиціи. Его дѣятельность, усердіе, способности и приверженность принесли мнѣ величайшую помощь. Онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ по Полиціи, какимъ и я съ давняго времени, и потому былъ одного со мною мнѣнія во всѣхъ случаяхъ; мнѣ пріятно засвидѣтельствовать нынѣ, что ему обязанъ я облегченіемъ исполненія восьми дневныхъ моихъ трудныхъ обязанностей.

Не могу даже теперь вспомнить безъ величайшаго удивленія о совѣщаніи, происходившемъ ввечеру тринадцатаго Марта у Блакаса, въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Невѣденіе, въ которомъ,

Белларъ, ла Рошъ-Жакельсъ, Состель де ла Рошфуко.
Приверженность моя къ дѣлу Короля, давала мнѣ нѣкоторое право на участіе въ этомъ изгнаніи.

Члены Совѣта находились насчетъ нашего положенія, превосходить всякое вѣроятіе; меня изумила довѣренность ихъ къ бесполезнымъ мѣрамъ, принятымъ ими противъ Наполеона. Мы собрались въ навильонъ Флоры. Повѣритъ ли кто, что все эти великіе Государственные мужи, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи телеграфъ, почту, Полицію и всехъ ея агентовъ, деньги, словомъ все орудія, составляющія власть, спрашивали меня о движеніяхъ Наполеона. Что можно было сказать имъ въ отвѣтъ? Я ограничился повтореніемъ Биржевыхъ слуховъ и того, что въ теченіи сутокъ могъ узнать тамъ и сямъ. Я не скрывъ отъ нихъ о великости опасности и о бесполезности всехъ ихъ предосторожностей, которыя привели къ вопросу о томъ, что предприметь Король. Ему никакъ не возможно было оставаться въ столицѣ; но куда отправиться? Въ Совѣтѣ объявлены были разныя мнѣнія: предлагали Бордо, Вандею, Нормандію; наконецъ одинъ членъ подалъ мнѣніе отправиться Королю въ Мелонъ. Если дойдетъ дѣло до сраженія, то оно должно, по мнѣнію моему, произойти въ окрестностяхъ этого города; но Совѣтникъ, подавшій этотъ голось, утверждалъ, что присутствіе Короля въ коляскѣ, запряженной въ восемь лошадей, произведетъ на духъ войскъ чудесное дѣйствіе! Это предложеніе было смѣшно; дру-

гя казались мнѣ опасными и неудобоисполнимыми. Я объявилъ Совету, что въ теперешнемъ положеніи дѣль должно отказаться отъ мысли вооруженнаго сопротивленія; что ни одинъ солдатъ не сдѣластъ выстрѣла и что безъ явнаго ослѣпленія нельзя смотрѣть иначе на ходъ происшествій. «Измѣна», сказалъ я имъ, «неизбѣжна; солдаты веселятся и пьютъ въ казармахъ на деньги, которыя вы имъ теперь раздаете, чтобы пріобрѣсть ихъ расположеніе. Знаете ли что говорятъ они! . . . Лудовикъ XVIII добрый человекъ, но да здравствуетъ маленькій капралъ!

По высадкѣ Наполеона, Король тотчасъ отправилъ курьера къ Мармонту въ Шатильонъ, куда онъ поѣхалъ, чтобы находиться при концѣ своей матери. Я его видѣлъ, если не ошибаюсь, шестаго или седьмаго Марта, когда онъ выходилъ отъ Короля.» Поговоривъ о высадкѣ Бонапарте и о средствахъ воспрепятствовать прибытію его въ Парижъ, Мармонтъ сказалъ мнѣ: «Вотъ, мой другъ, мысль, которая всего болѣе занимаетъ меня и которую я сообщилъ Королю: Государь, не сомнѣваюсь, что Бонапарте устремится къ Парижу и будетъ въ него стѣнахъ: за лучшее средство воспрепятствовать тому нахожу, чтобы Ваше Величество остались въ столицѣ. Надобно привести Тюльерійскій дворецъ въ оборонительное со-

«стояніе для предупрежденія внезапнаго нападенія и для выдержанія осады, которой нельзя «будетъ производить безъ пушекъ; вы должны «занереться въ вашемъ дворцѣ, съ особами вашего дома, служителями и главными властями; а между тѣмъ Герцогъ Ангулемскій отпра-«вится въ Бордо, Герцогъ Беррійскій въ Вап-«дею, Графъ д'Артуа въ Франшь-Конте; но они «должны выѣхать днемъ и объявить, что от-«правляются собирать защитниковъ Вашего Ве-«личества». . . . Вотъ что сказала я Королю се-«годняшнимъ утромъ, присовокупивъ, что от-«вѣчаю за все, если послѣдуютъ этому совѣту! Теперь иду приказать Полковнику Фабвіе, мо-«ему Адъютанту, составить планъ обороны.» Я не былъ согласенъ съ мнѣніемъ Мармонта; многочисленныя отложенія войскъ, послѣдовавшія прежде двадцатаго Марта, можетъ быть, замед-«лились бы, еслибъ Лудовикъ XVIII остался въ своемъ дворцѣ; не такъ бы скоро рѣшась по-«читать себя освобожденными отъ присяги, иные пожелали бы дождаться отъѣзда Короля, и если бы Бонапарте хотѣлъ войти въ Парижъ, то не вдругъ бы приступилъ къ осадѣ Тюльерійскаго дворца.

Мармонтъ основывалъ свое мнѣніе на томъ, что удивленію, произведенному быстротою дви-«женія Наполеона отъ залива Жуанскаго къ Парижу, противудѣйствовало бы чувство жи-

вѣйшаго участія, которое могъ возбудить старецъ, подкрѣпляемый своимъ правомъ и увѣренный, что дерзкій соперникъ не свергнетъ его съ престола, съ котораго не захочетъ самъ сойти. Отдавая всю справедливость добрымъ намѣреніямъ Герцога Рагузскаго, я не думалъ, чтобы его мнѣніе могло быть принято; я возражалъ противъ него, какъ и противъ всѣхъ предложеній касательно назначенія мѣста, куда удалиться Королю. Я предложилъ Лиля, какъ ближайшее и безопаснѣйшее убѣжище, особенно на первый случай. «Милостивые Государи», говорилъ я членамъ Совѣта, «примите въ соображеніе, что тамъ командуетъ Герцогъ Орманскій, имѣющій подъ своимъ начальствомъ Маршала Мортье, на вѣрность котораго можно положиться. Бѣлое знамя развѣвается еще на стѣнахъ Лилля; но если наконецъ Его Величество доведенъ будетъ до необходимости удалиться изъ Франціи, въ случаѣ дѣйствительной опасности, тогда онъ безъ малѣйшаго препятствія можетъ отіраться въ Бельгію. Господа», пресвокунилъ я, «время дорого и поспѣшнѣй отъѣздъ Короля есть первѣйшая необходимость. Все предвѣщаетъ мнѣ, что Наполеонъ непремѣнно будетъ здѣсь въ поединкѣ; и такъ главный долгъ тѣхъ, кто обязаны пещись о безопасности Короля, убѣдить его къ выѣзду не позже воскресенья. Если

«Вы будете медлить, то прошу васъ подумать о томъ, какъ для Бонапарте легко будетъ, по причинѣ отложенія войскъ, занять своими солдатами сѣверныя дороги. Вы дадите ему время избавиться тѣхъ, кто его беспокоитъ. Теперь нельзя болѣе предаваться ослѣпленію: Король можетъ ожидать спасенія отъ однихъ только чужестранныхъ войскъ, и такъ всего нужнѣе, чтобъ онъ отправился имъ на встрѣчу.»

Было уже за полночь, когда я удалился изъ Тюльерійскаго дворца. Совѣщаніе кончилось, но не рѣшась ни на какую мѣру, положили представить Лудовику XVIII различныя мнѣнія, изъявленныя въ Совѣтъ, дабы Его Величество могъ принять то, которое ему покажется удобнѣйшимъ. Король принялъ мое, но уже по прошествіи пяти дней.—Дѣйствительно Король предпочелъ Лиль.

Поздно уже былъ я назначенъ префектомъ Полиціи; почти также поздно пожелалъ Наполеонъ, чтобы я отправился полномочнымъ Министромъ въ Швейцарію. Но надобно было доказать мою преданность Королю, и я забылъ несправедливое и произвольное отрѣшеніе меня отъ главнаго управленія почтами. Принимая должность, я весьма былъ увѣренъ въ безполезности мѣръ, которыхъ отъ меня требовали для отвращенія угрожавшихъ намъ со-

бытій. Когда ввели меня въ кабинетъ, Король спросилъ меня, что думаю о положеніи дѣлъ. «По моему мнѣнію, Государь, Бонапарте будетъ здѣсь черезъ пять или шесть дней. — «Возможно ли это?—Да, Государь.—Но всѣ мѣры приняты, приказанія отданы, Маршалы мнѣ вѣрны.—Не подозреваю, Государь, никого въ измѣнѣ, но могу увѣрить Ваше Величество, что Бонапарте, сдѣлавшій высадку, будетъ здѣсь ранѣе восьми дней. Я его знаю лучше, чѣмъ Ваше Величество; но съ тою же надеждою могу увѣрить васъ, Государь, что черезъ шесть мѣсяцевъ его здѣсь не будетъ; безразсудныя дѣйствія его погубятъ.—Г. Буріеннъ, я ожидаю лучшаго отъ происшествій; но если, по несчастію, снова принужденъ буду удалиться изъ Франціи и второе ваше предсказаніе исполнится, тогда вы можете быть увѣрены въ моей благосклонности.» Король, въ продолженіи сего краткаго разговора, показался мнѣ спокойнымъ и готовымъ покориться своему жребию, съ тѣмъ достоинствомъ, которое есть плодъ увѣренности въ своихъ правахъ и Философіи, пріобретенной несчастіемъ.

На другой день я опять былъ во дворцѣ и можно повѣрить, что въ тогдашнихъ опасныхъ обстоятельствахъ, я туда являлся каждый день и даже по два раза вмѣсто одного. Въ этотъ день я получилъ списокъ двадцати пяти лицъ,

которых приказано мнѣ задержать. Я осмѣлился замѣтить, что подобныя дѣйствія не только совершенно бесполезны, но даже могутъ произвести весьма вредное впечатлѣніе въ настоящемъ критическомъ положеніи: «Ни «что,» сказала я, «столько, по моему мнѣнію, «не опасно, какъ преслѣдованіе двадцати пяти «человѣкъ, значительныхъ или по крайній мѣ- «рѣ очень извѣстныхъ; это послужитъ только «къ указанію предводителей для недовольныхъ, «для приверженцевъ Наполеона. И что вы съ «ними сдѣлаете? тотъ, котораго почитаются они «агентами, будетъ здѣсь чрезъ пять дней. Мож- «но ли въ это время кончить двадцать пять до- «просовъ и пачать двадцать пять слѣдствій? «я не думаю, чтобы имѣли намѣреніе осудить «ихъ безъ разсмотрѣнія дѣла. Я увѣренъ, что «достаточно будетъ одного бдительнаго надзора «для удержанія ихъ въ бездѣйствіи. Не должно «возобновлять ужасную эпоху подозрѣній; и «можно ли доказать въ толь короткое время, «что обвиняемые виновны.»

Сколько я ни представлялъ причинъ къ убѣж- денію, сколько ни присовокуплялъ новыхъ замѣчаній, онъ не произвелъ желаемаго дѣйствія; правда, убавили двадцать три лица изъ числа двадцати пяти, но требовали настоятельно, чтобы я задержалъ Фуше и Даву; особенно Ко- роль повторилъ нѣсколько разъ: «я хочу, чтобы

«вы задержали Фуше.—Государь, прошу васъ «обратить вниманіе на бесполезность. . .—Хочу «непремѣнно, чтобы вы задержали Фуше. . . . «Впрочемъ, я увѣренъ, что вы не успеете въ «томъ, ибо Андре не могъ его захватить.»

Приказъ до того былъ настоятеленъ, что я долженъ былъ исполнить волю Короля. Вскорѣ узнаютъ о моихъ распоряженіяхъ для задержанія Фуше и о томъ, какъ удалось ему спастись. Я вышелъ изъ Тюльерійскаго дворца съ полученнымъ мною спискомъ. У меня хранится подлинникъ, писанный рукою Бласса; сообщаю здѣсь конію съ сей драгоценной рукописи, неизмѣняя въ ней ничего и даже не исправляя ошибокъ въ собственныхъ именахъ.

* Фуше (Fouché) (1).

* Даву (Davoust).

Ле Комтъ, (Le Comte), въ улицѣ *Бакъ*, на углу Университетской. У него капиталъ Фуше.

Г. Гальяръ, (M. Gaillard), Совѣтникъ Королевскаго Суда.

Гингерло (Hinguerlot).

Ле Меръ (Le Maire).

Жераръ (Gérard).

Межапъ (Mejean).

1) Звездочки, концы обозначены двѣ первыя фамиліи: Фуше и Даву, находятся въ оригиналѣ и показываютъ, что они въ особенности обращали вниманіе Правительства; слова: *въ отлутъ, не находится здѣсь* были прибавлены мною.

Легранъ (Legrand).
 Этьень (Etienne)
 Ровиго (Rovigo).
 Реаль (Réal).
 Мунье (Mounier)
 Арно (Arnauld).
 Норвень (Norwins).
 Бувье-Дюомаръ (Bouvier-Dumolard).
 Маре . . . (Maret) въ отлучкѣ.
 Дювике (Duviquet).
 Патри (Patris) не находится здѣсь.
 Лавалетъ (Lavalette) въ отлучкѣ.
 Сией (Syèyes).
 Пьеръ-Пьеръ (Pierre-Pierre).
 Флао (Flao).
 Экселмонсъ (Excellmonce).
 Иос. Тюро (Jos. Thurot).

Было уже за полночь, когда я открылъ мое
 ночное засѣданіе въ префектурѣ Полиціи; ни-
 что столько для меня не было противно, какъ
 обязанность, возложенная на меня Королемъ,
 задержать Фуше; но надлежало исполнить ее,
 не теряя времени. Я объявилъ это приказаніе
 Фудрасу, который безъ малѣйшаго замѣна-
 тельства отвѣчалъ: «Будьте покойны, онъ завт-
 ра же будетъ въ нашихъ рукахъ.» Мы сдѣ-
 лали надлежанія распоряженія и на другой
 день наши агенты явились въ домъ Герцога
 Отрантскаго, въ улицѣ Артуа. «Какъ, сказалъ

Фуше, «этотъ приказъ ничтоженъ, ничего не «значить; онъ подписанъ Префектомъ Полиціи, «но нѣтъ уже болѣе Префекта Полиціи.» По моему мнѣнію, онъ былъ правъ, ибо назначеніе меня, состоявшееся въ ту ночь, еще не было обнародовано законнымъ порядкомъ. Не смотря на то, послѣ отказа Фуше слѣдовать за моими агентами, нѣкоторые изъ нихъ отправились въ Главный Штабъ Національной гвардіи, чтобы въ случаѣ нужды потребовать военной помощи отъ Генерала Дессоля. Этотъ явился въ Тюльерійскій дворецъ, чтобы получить приказаніе Короля, а между тѣмъ Фуше, сохраняя все присутствіе духа и разговаривая съ тѣми изъ моихъ агентовъ, которые остались при немъ, притворился выходящимъ на минуту въ ближайшую комнату; но дверь, имѣя отворенная, имѣла сообщеніе съ потаеннымъ выходомъ, гдѣ мои люди остались запертыми въ потемкахъ: самъ же онъ вышелъ на улицу Тебу (Tailbout), сѣлъ въ карету и скрылся. Вотъ развязка исторіи взятія подѣ стражу Фуше.

На счетъ Даву я долженъ сказать, что сдѣланное имъ мнѣ зло и еще большее, которое онъ замышлялъ противъ меня, были причиною моего бездѣйствія. Не выдаю себя при этомъ случаѣ притворно великодушнымъ: торжественно объявляю, что его не навизу; но

эта самая ненависть спасла его; я не хотѣлъ чтобъ могли предполагать, что взятіе его подѣ стражу было слѣдствіемъ моего мнѣнія. Я приказалъ только наблюдать за нимъ, чего требовала моя обязанность, и оставилъ его въ покоѣ. Прочіе двадцать три человека какъ будто не существовали для меня и можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ не прежде узнаютъ, какъ читая мои Записки, сколько Правительство ихъ опасалось. Во всехъ случаяхъ могу увѣрить, что никто изъ нихъ не можетъ принести на меня ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго неудовольствія. Но не имѣю права на ихъ благодарность, — я поступилъ такимъ образомъ потому, что это согласно было съ моими правилами, и произшествія доказали, что я не ошибся; слѣдовательно на предъидущій списокъ должно смотрѣть, какъ на простой историческій актъ.

Но не могу сказать того о слѣдующемъ случаѣ, относящемся также къ исторіи горестной эпохи и доказывающемъ неспособность людей, употребленныхъ въ дѣлахъ Государственныхъ.

Послѣ вышесприведеннаго разговора пятнадцатаго Марта съ Лудовикомъ XIII, я посѣтилъ въ тотъ же день Блакаса и повторилъ ему сказанное Королю; я объявилъ, что, по мнѣнію моему, никакъ нельзя воспрепятствовать Бонапарте прибыть въ Парижъ, и что по собран-

нымъ мною вѣрнымъ свѣденіямъ онъ прибудетъ туда не позже повѣдѣльника, двадцатаго Марта. «Нахожусь, сказалъ я, въ необходимости посвятить остающееся намъ короткое время на то, чтобы воспрепятствовать дѣйствіямъ противъ Роялистовъ и сохранить спокойствіе до отъезда Королевской фамилиі. Я «буду способствовать удаленію всѣхъ, кто имѣетъ причины для оставленія мѣста, гдѣ произойдутъ великія и можетъ быть бѣдственныя событія. Согласитесь, Графъ, продолжалъ «я, что принявъ столь важныя порученія, не «стану тратить дорогое время на то, чтобы «задержать людей, поименованныхъ въ данномъ «мнѣ спискѣ; ничего полезнаго нельзя ожидать «отъ исполненія этой мѣры; она ни къ чему «не приведетъ или произведетъ волненіе въ «умахъ. Увѣренность въ этомъ не позволяетъ «мнѣ содержать подъ стражею въ продолженіи «четырехъ или пяти сутокъ, безъ малѣйшей «пользы, людей, которыхъ предполагаемое вліяніе «сдѣлалось излишнимъ, потому что Бошарпарте въ Оксеррѣ. Нахожу достаточнымъ одно простое наблюденіе, которымъ и намѣренъ ограничиться.

«Король,» отвѣчалъ Блакасъ, «полагается на «васъ; ему извѣстно, что занимая должность «вашу только въ теченіи двухъ сутокъ, вы

«уже оказали болѣе услугъ, нежели сколько думаете.

Потомъ я спросилъ Блакаса, неизвѣстно ли ему чего нибудь объ отплытіи Бонапарте съ острова Эльбы изъ писемъ, или по свѣденіямъ отъ тайныхъ агентовъ. «Одно только,» отвѣчалъ Министръ, «получили мы достовѣрное свѣденіе изъ перехваченнаго письма съ острова Эльбы отъ шестаго Февраля; письмо было адресовано къ М. . . . (*), который жилъ не подалеку отъ Гренобля. Я вамъ его покажу.» Съ этими словами Блакасъ открылъ ящикъ письменнаго стола, и подаль мнѣ прочитатъ подлинное письмо. Въ немъ благодарили корреспондента за свѣденія, сообщенныя уже имъ жителю острова Эльбы. Его увѣдомляли, что все приготовлено къ отплытію, что воспользуются первымъ благопріятнымъ случаемъ, но что прежде, чѣмъ на то рѣшатся, дождутся отвѣта на вопросы, заключающіеся въ письмѣ. Сн вопросы касались доставленія подробныхъ свѣденій о полкахъ, отправленныхъ въ Южный край, о мѣстѣ ихъ пребыванія; о томъ, соответствуетъ ли избраніе полковыхъ командировъ соглашенію, сдѣланному въ Парижѣ; находится ли Лабедойеръ на своемъ посту. Изъявляли корреспонденту надежду, что онъ вполне удовлетворитъ отвѣтомъ своимъ на всѣ важные пункты.

(*) *Я забылъ* имя особы, о которой говорилъ мнѣ Блакасъ.

Это письмо было довольно длинно, и какъ оно поразило меня всѣми требуемыми свѣденіями, относительно предпринимаемой высадки на берега Прованса, то я сказалъ Блакасу, возвращая бумагу: «Мнѣ кажется, это письмо составляетъ достаточное извѣщеніе; что же было сдѣлано?—Я тотчасъ послалъ копію съ него Г. Андре, чтобъ онъ приказалъ взять того, къ кому было адресовано (*)»

Имѣвъ случай видѣть дѣйствія Правительства твердаго и скорого въ принятіи мѣръ, признаюсь, я не могъ понять подобной вялости, когда надлежало уничтожить заговоръ, столь удачно составленный. Узнавъ отъ Блакаса, чѣмъ ограничились въ настоящемъ случаѣ, не могъ я скрыть моего удивленія. Замѣтивъ это, онъ спросилъ: «Чтожь бы вы сдѣлали? — Вопервыхъ я не потерялъ бы двадцати четырехъ часовъ, которые составляли цѣлый вѣкъ въ столь быстромъ переворотѣ, а потомъ не счелъ бы за нужное списывать копіи съ письма для Министра Полиціи; такого рода дѣла должны производиться съ величайшею тайною; для искусныхъ заговорщиковъ вѣтъ Полиціи. Списываніе копіи, сообщеніе ея по принадлежности, отправление приказаній, на все это потеряно трое сутокъ, время

(*) Помните это былъ почтенный Графъ Платели де ла Валеттѣ, тогдашній мѣръ Гренобля, которому Андре сообщалъ повѣзаніе.

«слишкомъ достаточное на то, чтобы предупредить корреспондента. Впрочемъ взятіе его подъ стражу, безъ связи съ другими мѣрами ни къ чему иному не служило, какъ къ возбужденію осторожности тѣхъ, которые могли находиться вмѣстѣ съ нимъ въ сношеніи съ островомъ Эльбою. По взятіи его, вы не могли получить другихъ свѣдѣній, кромѣ содержавшихся въ письмѣ.— Но что узнали бы мы отъ него тогда, если бы онъ былъ взятъ тремя днями ранѣе?— Позвольте, Грачъ, мнѣ кончить; повѣсткую вамъ, что задержаніе, даже осужденіе его, если бы оно послѣдовало, не принесло бы никакой пользы. Съ позволенія вашего скажу, что сдѣлалъ бы я на вашемъ мѣстѣ: чрезъ четверть часа по полученіи перехваченнаго письма, я отправилъ бы въ Гренобль людей надежныхъ, преданныхъ и расторопныхъ, а всего болѣе остерегся бы дѣйствовать чрезъ посредство Польціи. Посланные смѣли бы при себѣ предписаніе войти въ домъ корреспондента. Безъ сомнѣнія они застали бы его, потому что онъ не успѣлъ бы еще получить изъ Париза никакого извѣщенія. По задержаніи его, согласно полученнымъ отъ меня наставленіямъ, они объявили бы ему о письмѣ, которое случайно попало въ мои руки. Вы суверены, что Гренобльскій корреспондентъ не имѣлъ о томъ никакого свѣденія, ибо подлинное письмо адресованное къ нему, нахо-

«идется у васъ; тогда самымъ простымъ дѣломъ «было бы: потребовать отъ него нужныхъ по- «казаній, чтобы вполнѣ узнать всѣ связи зло- «умышленія на островъ Эльбъ, и сношенія ме- «жду островомъ и Францією. Потомъ немед- «ленно продиктовали бы ему отвѣтъ къ его «Корреспонденту на островъ Эльбъ, принудивъ «объявить его имя, хотя бы оно и скрыто было «последнимъ. Отвѣтъ имѣлъ бы цѣлю остано- «вить поспѣшность Наполеона; уведомили бы «его, что движеніе корпусовъ, о которомъ писа- «но было прежде, еще не приведено въ исполне- «ніе и что нужно обождать еще восемь дней «для доставленія съ надлежащею вѣрностію и «точностію требуемыхъ свѣденій; что для успѣ- «ха предпріятія нужно отложить отплытіе на «нѣсколько дней. Озабочились бы скорѣйшимъ «отправленіемъ и доставленіемъ этого письма на «островъ Эльбы; нѣтъ сомнѣній, что Бонапарте «повѣрилъ бы извѣстіямъ своего корреспонден- «та; а между тѣмъ этаго человѣка не упуска- «ли бы изъ виду, чтобы захватить всѣ письма, «которыя могли быть къ нему адресованы. Я «увѣренъ и вы также согласитесь со мною, что «Бонапарте принявъ въ уваженіе столь ясныя «свѣденія, отсрочилъ бы свое отправленіе. Тог- «да не теряя нѣсколько времени, послали бы «на берега Прованса достаточное число войскъ «надежныхъ и приказаніе перевести въ другое

«Мѣсто войска, которыхъ командиры, предан-
ные Наполеону, сдѣлались бы извѣстными по-
средствомъ перениски. Вотъ, Графъ, что сдѣ-
лалъ бы я при первомъ сообщеніи, но съ
нѣкоторыми измѣненіями, можетъ быть, по
дальнѣйшемъ размышленіи. Вы потеряли вре-
мя драгоценное, невознаградимое, употребивъ
канцелярскія формы. Будьте увѣрены, что те-
перь, особенно послѣ всѣхъ неосторожныхъ
сдѣръ, раздражившихъ умы, о чемъ не время
здѣсь говорить, въ Полиціи находятся люди
преданные Фуше, готовые вамъ измѣнить.
Нѣтъ сомнѣнія, что ими былъ извѣщенъ кор-
респондентъ острова Эльбы. Признаюсь, не
понимаю, что дѣлается.—Можетъ быть это
справда, сказалъ Блакасъ; но что дѣлать? *я*
здѣсь въ новль; не имѣлъ Полиціи; полагался
на Г. Андре.—Какъ бы то ни было, Бонапар-
те будетъ здѣсь двадцатаго Марта! . . .» Сими
словами кончилъ я разговоръ съ Блакасомъ.

Я видѣлъ въ немъ большую переменну; онъ
замѣтно смягчился и сошелъ съ высоты того
фаворитизма, который многимъ весьма не нра-
вился и которому довольно забавнымъ доказа-
тельствомъ служилъ случай со мною.

Когда я принялъ префектуру Полиціи, зло
уже было не отвратимо; нуженъ былъ еще
урокъ упрямымъ эмигрантамъ, и кратковремен-
ное возстановленіе Императорской власти было

неизбѣжно; впрочемъ будущее меня не утешало; друзья мои должны вспомнить, что я предсказывалъ имъ тогда съ надеждою, равняющеюся очевидной истинѣ, что Бонапарте не останется шести мѣсяцевъ во Франціи.

Призывая его, хотѣли не его самого; дѣйствовали не по привязанности къ нему; не изъ усердія къ воспоминаніямъ Имперіи, часть Франціи снова приняла его сторону. Хотѣли, во что бы то ни стало, освободиться отъ неспособныхъ совѣтниковъ, вообразившихъ, что можно поступать съ Франціею, какъ съ странною завоеванною выходцами; хотѣли выпрямить кривую линію Феррана и избавиться Правительства, которое по видимому старалось поправить все то, чѣмъ дорожила Франція. Въ этомъ положеніи вещей одни почитали Бонапарте избавителемъ, но большая часть видѣла въ немъ только орудіе; таковы были республиканцы прежняго времени и новое поколѣніе, которое предусматривало свободу въ обѣщаніяхъ и было ослѣплено до такой степени, что ожидало отъ Наполеона возстановленія этого кумира.

Г Л А В А XVII.

Намѣренія Наполеона на островъ Эльбъ.—Явные сношенія съ Мюратомъ.—Желаніе Мюрата войти во Францію.—Ссерженіе съ престола рѣшено.—Колѣбаніе Австріи.—Глубокое сумасбродство и сугубая измѣна.—Подлинные акты обширнаго плана, составленнаго Бонапартомъ.—Италія независима и Наполеонъ въ Миланѣ.—Оспраціенная линія на пяти стахъ миллахъ.—Наполеонъ въ Вѣнѣ.—Печезувавшая мечта и опрометчивость Мюрата.—Трудности моего положенія въ Парижѣ.—Желаніе выѣхать и обязанность оставаться.—Мѣры, принятыя мною для сохраненія спокойствія.—Отсрочка казни Дотюня.—Отъѣздъ Короля.—Мой отъѣздъ.—Странное приключеніе на станціи въ Фенъ.—Опасенія основательныя и вскорѣ уничтоженныя.—Услуга Почтмейстера.—Оказанная и награжденная справедливость.—Пріѣздъ мой въ Лилль.—Лудовикъ XVIII, ожидающій часть у заставы Лилля.—Ущипіе Бертье, раздѣляемое Королемъ.—Истина, принятая за ласкательство.—Обычаніе префектуры Полиціи.—Необходимость Короля удалиться изъ Франціи.—Его сожалѣнія.—Прежнее назначеніе и новое вступленіе въ должность.—Письмо Талейрана.—Мой отъѣздъ въ Гамбургъ.—Герцогъ Беррійскій въ Брисель.

Въ первые мѣсяцы 1815 года происшествія Италіи не представляли особенной важности

по причинѣ состоянія прочихъ Европейскихъ Государствъ; однако эта важность была чрезмерна, если судить объ ней потому, что тамъ произошло въ отношеніи къ исполнившему плану, давно составленному Наполеономъ, и общавшему ему успѣхъ съ наступленіемъ времени оставить островъ Эльбу. Все еще было такъ запутано и Вѣнскій Конгрессъ такъ медленно дѣйствовалъ, что мѣстное событіе могло имѣть большое вліяніе на общія Европейскія дѣла. Мюратъ просилъ Вѣнскій дворъ о дозволеніи провести армію, чрезъ его области въ верхней Италіи, во Францію: Это было въ Февраль, когда на островъ Эльбу все было готово къ отплытію Бонапарте; а двадцать шестаго того же мѣсяца онъ удался оттуда. Эти два случая необходимо должны находиться въ тѣсной связи между собою; ибо какъ ни сумасброденъ былъ Мюратъ, нельзя однако предполагать, чтобы онъ могъ вообразить, что одною силою оружія получить отъ Французскаго Короля согласіе остаться на Неаполитанскомъ престолѣ; занятіе этого престола Тюльерійскій кабинетъ, съ возвращенія Короля, всегда почиталъ похищеніемъ; и я знаю навѣрное, что уполномоченные Франціи на Вѣнскомъ Конгрессѣ, снабжены были особливою инструкціею требовать настоятельно, чтобы возстановленіе престола Неаполитанскаго, въ

пользу Бурбоновъ обвѣхъ—Сицилій, было слѣдствіемъ возстановленія престола во Франціи. Мы также извѣстно, что это домогательство встрѣтило сильное возраженіе со стороны Австрій, которая никогда не могла смотрѣть равнодушно на занятіе трехъ Европейскихъ престоловъ однимъ дѣломъ Бурбоновъ. Мюратъ зналъ, что ему дѣлать въ отношеніи къ Франціи и ему извѣстно было, что Лудовикъ XVIII никогда не признастъ его ни добровольно, ни по принужденію. Очевидно, что Мюратъ не имѣлъ тогда другаго намѣренія, какъ только обѣщать подкрѣпленіе заговорщикамъ Франціи, содѣйствуя всею своею силою дерзкому предпріятію своего шурина. Принявъ участіе въ дѣлѣ Наполеона, которому измѣнилъ въ прошедшемъ году, Мюратъ ясно видѣлъ, что спокойствіе Европы снова нарушится; что вскорѣ возгорится всеобщая война, и, не ожидая никакого успѣха отъ переговоровъ, ласкалъ себя надеждою, что среди этого общаго безпорядка возникнутъ случайно благоприятныя обстоятельства для утвержденія колебавшагося его престола. Мюратъ не имѣлъ хитраго ума и невѣроятно, чтобы онъ, измѣнивъ Наполеону, нашелъ выгоднымъ также измѣнить прежнимъ своимъ союзникамъ. Въ этихъ двухъ обстоятельствахъ Мюратъ поступилъ какъ подлецъ, а не какъ Государь; оставя свое Государство безъ защиты, онъ подвергалъ столицу

занятію при первой высадкѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, и все это для того, чтобы двинуться впередъ со всѣми своими силами для нападенія на Австрійскій домъ. Можно ли повѣрить, чтобы Мюратъ, при всей своей недалеко-видности, такъ поступилъ, если бы онъ напередъ не былъ увѣренъ въ сильной диверсiи и въ обѣщанной Наполеономъ помощи? Съ другой стороны Мюратъ могъ еще думать, что, съ возстаніемъ всѣхъ Державъ противъ Бонапарте, встрѣтитъ мало препятствій въ Италіи. И такъ онъ гордо двинулся къ берегамъ По; но послѣ неудачнаго нападенія на мостъ при Окхю-Белло принужденъ былъ отступить.

По достовѣрнымъ свѣденіямъ, мною собраннымъ, вотъ каковъ былъ планъ Наполеона, составленный имъ на островѣ Эльбы: онъ намѣревался немедленно по прибытіи въ Парижъ, поручить самымъ преданнымъ ему Маршаламъ защищать сколько можно долѣ границы и дороги къ Парижу, дѣйствія между тремя линиями крѣпостей, окружающихъ Северную и Восточную часть Франціи. Даву былъ назначенъ *in petto* оборонять Парижъ до послѣдней крайности; онъ долженъ былъ вооружить жителей предметій и сверхъ того имѣть въ распоряженіи двадцать тысячъ Національной гвардіи. Не зная хорошо положенія союзныхъ войскъ, Наполеонъ не полагалъ, чтобы они могли сое-

диниться и двинуться противъ него съ такою успѣшностію, какъ-то было исполнено; онъ надѣялся предупредить и уничтожить ихъ намѣренія, назначивъ Мюрату идти къ Милану и произвести возстаніе народа въ Италіи. Но переправъ чрезъ рѣку По и по приближеніи Мюрата къ столицѣ Италіи, Наполсонъ съ корпусами Сюше, Бржона, Вруши и Массены, увеличенными войскомъ, отиравленнымъ на почтовыхъ въ Ліонъ, долженствовалъ перейти Альпы, возмутить Пиемонтъ; собравъ тамъ рекрутовъ для армій, соединиться въ Миланъ съ Неаполитанцами, объявить Италію независимою, соединить ее подъ властію одной главы и потомъ идти со стотысячною арміею, чрезъ Юльскія Альпы, къ Вѣнѣ, куда указала уже ему путь побѣда въ 1797 году. Это еще не все: многіе тайные агенты должны были въ Польшу и Венгрію произвести возмущенія, говорить о свободѣ и независимости, чтобы обезпочить Россію и Австрію: надобно согласиться, что это было бы великое и странное зрѣлище видѣть Наполсона, дарующаго Европѣ свободу какъ-бы въ утѣшеніи за то, что онъ не могъ поработить ее своей власти.

Посредствомъ этихъ смѣлыхъ движеній и этого искуснаго соображенія Наполсонъ рассчитывалъ, что предускоритъ союзниковъ началомъ военныхъ дѣйствій. Что касается до меня, я ни-

когда не видалъ его генія въ лучшемъ развитіи, какъ въ этомъ обширномъ предпріятіи, обдуманномъ не въ одинъ день. По плану своему онъ распространялъ операціонную линію на пять сотъ миль отъ Остенды до Вьны, чрезъ Альпы и Италію; пріобрѣталъ безчисленные запасы и потребности всякаго рода; не только препятствовалъ Австрійскому Императору послать свои войска противъ Франціи, но вѣроятно принудилъ бы его прекратить войну, которой все бремя пало бы на наследственные провинціи. Вотъ какія плѣнительныя надежды представлялись Наполеону, когда онъ ступилъ на корабль, возвратившій его съ острова Эльбы во Францію. Но безразсудная поспѣшность Мюрата побудила Европу принять мѣры осторожности и бластательная мечта, исчезла, какъ сонъ.

Издано уже много извѣстій о дѣйствіяхъ Наполеона отъ залива Жуанскаго до Парижа, о войскахъ посланныхъ противъ него, какъ-бы для сопровожденія его въ торжественномъ шествіи; довольно было говорено о появленіи его орловъ на вѣхъ колокольныхъ, потому не стану повторять подробностей, уже всемъ извѣстныхъ; знаю только, что съ полученія свѣденія о Ліонскомъ его декретѣ, исключавшемъ меня изъ амнистіи, я не желалъ, чтобы онъ засталъ меня въ Парижѣ. Но съ другой стороны меня

удерживали обязанности моей должности и я рѣшился оставить ее тогда уже, когда Король и члены его семейства будутъ находиться въ опасности.

Въ числѣ мѣръ и предосторожностей, употребленныхъ мною въ недѣлю моего начальства, для соблюденія въ Парижѣ спокойствія и отвращенія склоненія народа, во время отъезда Королевской фамилии, было позволеніе полученное отложить казнь Дотюня, которой надлежало происходить двадцать перваго числа. Могло случиться, что отъездъ Короля послѣдовалъ бы днемъ позже и какъ четырнадцатаго я былъ уже увѣренъ, что Наполеонъ прибудетъ по крайней мѣрѣ двадцатаго или двадцать перваго, то мнѣ не хотѣлось, чтобы въ этотъ день собралось множество народа, долженствовавшаго, по обыкновенію Парижской черни, присутствовать при совершеніи казни ужаснаго преступника. Мысль мою одобрили; я отдалъ нужныя приказанія и Дотюню оставили еще нѣсколько дней жизни.

Я уже говорилъ о средствахъ, которыми Мармонтъ предполагалъ недопустить Наполеона до Парижа. Средства эти не были приведены въ дѣйствіе. Если вспомнить о радости, изъявленной Бонапартомъ въ Фонтенебло при полученіи извѣстія о выѣздѣ Лудовика XVIII, то можно повѣрить, что присутствіе Короля

въ Парижѣ крайне бы его затруднило. Въ ночь отъѣзда Короля снова совѣтовались съ Мармонтомъ; по мнѣнію его, Королю надлежало отправиться въ Гавръ, въ сопровожденіи 4 или 5000 своихъ тѣлохранителей, которыми командовалъ Мармонтъ. Дѣйствительно корпусъ тѣлохранителей состоялъ изъ людей, одушевленныхъ преданностію, способныхъ защищаться въ укрѣпленномъ мѣстѣ, но не привыкшихъ сражаться въ полѣ. Это мнѣніе Мармонта (*) также заслуживало особенное вниманіе; но какъ извѣстно, оно не имѣло успѣха, и Мармонтъ съ братомъ Короля и Герцогомъ Беррійскимъ отиравились въ Бетюнъ, гдѣ тѣлохранители были распущены.

Мнѣ трудно будетъ выразить горестныя чувствованія, удручавшія меня въ ночь съ девятнадцатаго на двадцатое число, когда я находился при отъѣздѣ Короля и Королевской фамиліи: какъ печалень видѣ дворца, оставляемаго Государемъ! Увѣрившись, что все спокойно и не предстоитъ никакой опасности для Принцевъ, я самъ выѣхалъ двадцатаго, въ четыре часа утра, по дорогѣ въ Лиль, потому что ни мало не сомнѣвался, что Король отправится на Сѣверъ. Мнѣ неизвѣстенъ былъ путь назначенный для Его Величества, но я полагалъ, что онъ послѣдуетъ моему настоящему мнѣнію;

(*) Гавръ удобно могъ быть снабженъ припасами: Королю легко было оттуда отправиться моремъ, въ случаѣ взятія города приступомъ.

единственно въ этомъ предположеніи избралъ я дорогу въ Лиль. Начало моего путешествія ничѣмъ особеннымъ не ознаменовано; однакоже я былъ покоенъ; меня тревожили странныя мысли, а съ прибытіемъ на станцію въ Фень случилось приключеніе, которое сначала меня испугало. Тамъ я нашелъ у почтоваго дома множество экипажей, прибывшихъ прежде моего, которыхъ хозяева подобно мнѣ ждали лошадей, съ большимъ нетерпѣніемъ. Эта остановка немало меня обезпокоила. Я расхаживалъ въ общей комнатѣ и когда потребовалъ лошадей, Почтмейстеръ отвѣчалъ мнѣ весьма сурово: «Ждите вашей очереди.» Потомъ онъ сказалъ: «Вы изъ Парижа?—Я чрезъ него только проѣхалъ по дорогѣ изъ Сана. — Итъ ли чего новаго въ Парижѣ?—Ничего, сколько мнѣ извѣстно.—Уже проѣхала эстафета; онъ тамъ будетъ ввечеру. — Кто?—Ба! вы знаете: Бонапарте.—Увѣрю, что въ первый разъ о томъ «слышу.»

Я не зналъ, что заключить изъ этаго разговора, который былъ прерванъ вызовомъ Почтмейстера съ какою-то таинственностію, сильно меня устранившею.

Расхаживая по комнатѣ съ мрачными мыслями, я нечаянно увидѣлъ большое объявленіе, прибитое къ стѣнѣ и напечатанное на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Это былъ приказъ, исходатайствованный мною у Импе-

ратора Александра для предписанія союзнымъ войскамъ не касаться почтовой собственности и не требовать лошадей, подводъ и фуража, принадлежащихъ Почтмейстерамъ. Я приказалъ перевести его на Русскій языкъ и разослать вездѣ по экземпляру, что имѣло, какъ я говорилъ прежде, желаемый успѣхъ. Для сохраненія присутствія духа я все еще смотрѣлъ на объявленіе, когда Почтмейстеръ, возвратясь въ комнату, подошелъ ко мнѣ: «Вы сударь,» сказалъ онъ, «читаете приказъ, который спасъ мое заведеніе.— Конечно вы не сдѣлаете никакого вреда тому, къмъ онъ подписанъ? . . . — Не ужели вы думаете, что я не узналъ васъ; я для васъ выходилъ отсюда; видѣлъ васъ въ Парижѣ, когда вы были нашимъ начальникомъ и оказали справедливость по моему дѣлу. Въ вашу коляску впрягаютъ пару лошадей; вы сей часъ отправитесь и васъ повезутъ скоро.» Подлинно этотъ добрый человекъ велѣлъ заложить въ мою коляску двухъ бывшихъ лошадей, которыя только у него и оставались. Онъ назначилъ мнѣ проводникомъ своего сына, вывелъ меня на конецъ своего сада, куда подвезли коляску и я отправился въ путь, разумѣется, къ крайнему неудовольствію прибывшихъ прежде меня, которые имѣли, можетъ быть, столько же причинъ избѣгнуть присутствія На-

полеона. Такое вниманіе и признательность Почтмейстера въ Фенѣ меня очень тронули; еслибъ я вспомнилъ его имя, то упомянулъ бы объ немъ съ особеннымъ удовольствіемъ въ моихъ Запискахъ; нѣтъ сомнѣнія, что промедливъ часа два, я былъ бы захваченъ и отвезенъ въ Парижъ. Сверхъ того долженъ сказать, что приказаніе Фенскаго Почтмейстера везти меня скоро было въ точности исполнено, и я увѣренъ, что проводникъ передалъ для того условный знакъ смѣнявшимъ его товарищамъ: я прибылъ въ Лилъ двадцать перваго числа въ одиннадцать часовъ вечера; по этому можно судить, какъ я скоро въхалъ.

Тамъ меня ожидало новое неудовольствіе, не причинившее впрочемъ мнѣ никакого страха. Городекія ворота были заперты; болѣе получаса искалъ я себѣ удобнаго пристанища въ предмѣстіи и съ большимъ затрудненіемъ нашелъ негодную квартиру, которой однакоже былъ радъ, но которую оставилъ на другой день еще съ большимъ удовольствіемъ.

И такъ я въвхалъ въ Лилъ двадцать втораго, а Лудовикъ XVIII прибылъ туда двадцать третьяго. Король, скажу въ утѣшеніе себѣ по случаю вчерашней неурядности, былъ несчастливѣе меня. Его Величество нашелъ также ворота запертыми; Герцогъ Орлеанскій, главноначаль-

ствовавшій въ городѣ, дѣлалъ смотръ войску въ то время, когда пріѣхалъ Лудовикъ XIII; прошло болѣе часа, пока получено было приказаніе отпереть ворота. Короля приняли въ Лилѣ, какъ нельзя лучше: но уже обнаруживались нѣкоторые признаки отпаденія и должно согласиться, что войны старой арміи были такъ неосторожно обходимы въ повышеніи чинами противъ новоприбывшихъ давнишнихъ служителей, что мнѣ казалось неудивительнымъ видѣть ихъ радость при возвращеніи того, который ихъ часто водилъ къ побѣдѣ. Я остановился въ гостинницѣ Гентъ, что однако нельзя почесть за предвѣщаніе съ моей стороны будущей резиденціи Короля. Увидѣвъ свиту Его Величества, я сошелъ, и сталъ у воротъ гостинницы Гента, гдѣ Король, замѣтивъ меня, не преминулъ отличить между лицами ожидавшими его прибытія, и подавая мнѣ поцѣловать свою руку, сказалъ Г. Бурієннъ, пожалуйте ко мнѣ.

По занятіи покоевъ, назначенныхъ Королемъ въ домъ Г. Бригода, Его Величество изъявилъ мнѣ вторично свое удовольствіе за поведеніе мое со времени возвращенія его во Францію и преимущественно во время послѣдняго краткаго управленія префектурою Полиціи, и удостоивъ меня приглашенія къ своему столу, приказавъ сѣсть подлѣ него. На этомъ первомъ

завтракъ много говорили о тогдашнихъ событіяхъ. Каждый судилъ объ нихъ сообразно своимъ понятіямъ, своимъ опасеніямъ и надеждамъ. Бертъе не ожидалъ ничего хорошаго отъ будущаго и былъ изъ числа тѣхъ, которые обнаруживали всего менѣе довѣренности и всего болѣе унынія. Лудовикъ XVIII находился въ такомъ же расположеніи духа. Замѣтивъ, что онъ раздѣляетъ опасенія Князя Ваграмскаго, я позволилъ себѣ повторить сказанное уже въ Тюліерійскомъ дворцѣ, что, судя по распоряженіямъ Европейскихъ Монарховъ и полученнымъ мною свѣденіямъ, мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ возвращеніе его чрезъ три мѣсяца во Францію. Бертъе грызъ ногти подобно тому, когда онъ хотѣлъ оставить армію въ Египтѣ и возвратиться въ Парижъ, чтобъ видѣть предметъ единственной своей любви. Я догадался, что Король привилъ сначала мои слова за лѣсть, которую онъ привыкъ слышать, и очень сомнѣвался въ исполненіи моего предсказанія; однакоже, желая показать минимумъ довѣренности къ словамъ моимъ, онъ повторилъ прежде мнѣ сказанное: «Пока буду Королемъ, вы останетесь Г. Буріеннъ, моимъ префектомъ Полиціи.» Сіе новое изъявленіе Королевскаго благоволенія, мнѣ было весьма пріятно, но не ослѣпило меня.

Лудовикъ XVIII желалъ сколько можно до-

лѣе остался во Фратціи; но Наполеоновская горячка овладѣла умами солдатъ, подобно бриллиантовой болѣзни; и гарнизонъ Лиля подвергся ей по примѣру другихъ войскъ. Маршалъ Мортъе, командовавшій подъ начальствомъ Герцога Орлеанскаго и заслужившій похвалу Короля въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, получилъ свѣдѣніе, что городъ Лиль увлекся общимъ стремленіемъ. Расположеніе не только войска, но даже гвардіи оказывалось весьма сомнительнымъ. Мортъе говорилъ со мною некрепно, обнаружилъ мнѣ самыя основательныя опасенія и многократно убѣждалъ подкрѣпить предъ Королемъ его мнѣніе о необходимости для Его Величества скорѣе удалиться изъ города, чтобы предупредить непріятныя событія. Пригомъ полученныя мною изъ Парижа извѣстія, о которыхъ скоро буду говорить, удостовѣрили меня, что Королю нельзя долѣе тутъ оставаться. Въ теченіи двухъ дней, которые я провелъ при Королѣ, я не преставаъ, по собственному убѣжденію, упрашивать его уступить силѣ постигшихъ его обстоятельствъ.

Король, хотя съ сожалѣніемъ, рѣшился наконецъ выѣхать, и я съ прискорбіемъ вспоминаю о нашемъ пребываніи въ Лилѣ. Два вечера, проведенные тамъ съ Королемъ, были очень скучны; разговоръ, внушенный тяжкими обстоятельствами, въ которыхъ мы находились,

имѣлъ предметомъ только гибельныя предчувствованія или темныя надежды, попеременно казавшіяся вѣроятными и несбыточными. Одному мнѣ представлялись вещи не въ столь мрачномъ видѣ, какъ другіе ихъ воображали, и не трудно было замѣтить во время общаго участія, принимаемаго въ Король, что всѣ тѣ, которые почли долгомъ сопровождать его, не чужды были нѣкоторыхъ тяжкихъ воспоминаній; они не могли забыть продолжительнаго пребыванія внѣ отечества и при переездѣ за границу обращали взоры на Францію.—Въ такомъ расположеніи находились умы, когда я оставилъ Лиль наканунѣ отъѣзда Короля.

Въ Сентябрѣ прошедшаго года Король назначилъ меня Повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи въ Гамбургѣ, но, не получивъ приказанія отправиться туда, я не упоминалъ до сихъ поръ о семъ назначеніи, которое мнѣ сообщено было Талейраномъ, предъ отъѣздомъ его на Вѣнскій Конгрессъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Парижъ, 13 Сентября 1814.

«Честь имѣю увѣдомить васъ, Милостивый Государь, что Король назначилъ васъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи въ Гамбургѣ.

«Доказательства усердія и способности, ознаменовавшія постоянно службу вашу въ отправленіи разныхъ должностей, не подають ни ма-

лѣйшаго сомнѣнія, что вы оправдаете вполне выборъ Его Величества.

«На случай, если вы пожелаете имѣть свидѣніе объ оффиціальныхъ сношеніяхъ, касающихся посольства, вамъ ввѣреннаго, дано мною приказаніе Сѣверному отдѣленію моего Министерства, выдать вамъ, когда вы туда явитесь, бумаги, которыя понадобятся для вашего соображенія.

«Равномѣрно предписано Начальнику счетной части сообщить вамъ, о положеніи, въ которомъ вы будете находиться, по сему случаю, съ Департаментомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

«Королю угодно, чтобы вы приготовившись отправиться, перваго Генваря наступающаго года, въ мѣсто вашего назначенія.

«Имѣю честь быть

«КНЯЗЬ ТАЛЕЙРАНЪ»

При удаленіи изъ Франціи, Королю пришла мысль, что мое присутствіе въ Гамбургѣ будетъ полезно сообщеніемъ ему свидѣній обо всемъ, что могло быть предметомъ его вниманія въ Сѣверной Германіи; но опасности не предстояло съ этой стороны; два мѣста угрожали ему: Главная квартира Наполеона и Сокрѣтство Короля въ Гентѣ. Я посѣдѣвши отпра- виться въ городъ, гдѣ надѣялся найти многихъ друзей. Проезжая чрезъ Бриссель, я остановился въ гостиницѣ Бельвю, куда вскорѣ

прибыль Герцогъ Беррійскій. Принцъ удостоилъ меня чести разговаривать со мною; обнаружилъ ко мнѣ полную довѣренность и пригласилъ на завтракъ, послѣ чего я поѣхалъ далѣе, погруженный въ размышленія о ходѣ происшествій.

Г Л А В А XVIII.

Удаленіе Г-жи Буріеннъ въ деревню. — Посвященіе двадцатаго Марта повѣреннаго важной особы. — Парижскія новости. — Утврєнія въ благосклонности ко мнѣ Бонапарте. — Прибытіе Наполеона ночью. — Посѣщеніе Генерала Бертонъ, посланнаго Коленкуръ. — Обѣщаніе прощенія и забвенія. Воспоминаніе прежнихъ преслѣдованій. — Письмо Наполеона обо мнѣ. — Объясненіе загадки. — Старинная связь съ Генераломъ Дризеномъ въ Гамбургъ. — Рыцарская приверженность Дризена къ Королю. — Прозкъ прокламаціи. — Услужливость и нескромность. — Позднія свѣденія. — Частная аудіенція Лудовика XVIII. — Король читаетъ письмо Наполеона; отвѣтъ его Генералу Дризену. — Возвращеніе Г-жи Буріеннъ въ Парижъ. — Новое благосклонное посланіе и исполненіе Ліонскаго декрета. — Опечатаніе моего кабинета и конфискованіе. — Неудача обыщиковъ. — Безчиніе и бесполезность обыска Польціи. — Преслѣдуемая женщины. — Г-жа Сталь и Г-жа Рскамье. — Императоръ и Король не совершеннолѣтній. — Поясненіе ложныхъ свѣденій. — Картина Парижа во время ста дней. — Республиканды и патріотическія пѣсни. — Тщетное объявленіе Бонапарте о Король Римскомъ и Маріи Луизѣ. — Расположенія уполномоченныхъ въ Вѣнѣ. — Объявленіе двадцатаго Мая. — Исторія этого объявленія. — Талейранъ и Г. Лабрадоръ.

Читатели видѣли, какъ я оставилъ Парижъ
и какія неудовольствія, не имѣвшія впрочемъ
Часть X.

неприятныхъ послѣдствій, испыталъ дорогою. Въ Лилъ и потомъ въ Гамбургъ получилъ я нетерпѣливо ожидаемыя извѣстія о моемъ семействѣ, изъ которыхъ займетствованы слѣдующія подробности о случившемся на счетъ меня при возвращеніи Бонапарте въ Парижъ: Состояніе атмосферы въ день двадцатаго Марта соответствовало почти ночному зрѣлищу, которымъ онъ кончился. Я отправился, какъ уже видѣли въ четыре часа утра; спустя два часа послѣ моего отъѣзда, Г-жа Буріеннъ съ дѣтьми также выѣхала изъ Парика, чтобы удалиться за семь миль отъ столицы въ убожище, предложенное ей однимъ моимъ другомъ. Она оставила въ домѣ сестру, двухъ братьевъ и Графиню Нейльи, свою пріятельницу, жившую у насъ со времени возвращенія своего въ отечество.

Въ девять часовъ утра того же двадцатаго Марта одинъ изъ моихъ знакомыхъ, съ которымъ я всегда находился въ дружескихъ отношеніяхъ, который былъ совершенно преданъ Бонапарте и надѣялся получить важное мѣсто по его прибытіи, приглашалъ Г-жу Буріеннъ пожаловать къ нему: посланный его объявилъ, что онъ у себя и безъ отлагательства желаетъ говорить съ нею о предметахъ весьма важныхъ. Свояченица отвѣчала, что сестра ея уѣхала; но желая знать, какая могла быть до нея

надобность, просила одного изъ нашихъ друзей проводить ее, и поѣхала высокую особу, имя которой вѣроятно угадають, по которую я не назову. Повѣренный долго спрашивалъ мою родственницу на счетъ моего отсутствія и сказалъ ей, что всего болѣе нужно было упросить меня не слѣдовать за Королемъ, для котораго не осталось никакой надежды и что я хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ отправился въ Бургонь, гдѣ могъ оставаться въ безопасности и быть увѣреннымъ въ непремѣнномъ прощеніи Императора.

Черезъ двѣнадцать часовъ послѣ того, то-есть, въ девять часовъ вечера, когда Бонапарте прибылъ въ Тюльерійскій дворецъ, одна дама, пріятельница нашего дома, сынъ которой служилъ въ молодой гвардіи, также пріѣхала видѣться съ Г-жею Буріеннъ. Опять также родственница принуждена была принять ее въ саду, въ потемкахъ и въ жестокую стужу. Эта дама, опасаясь свидѣтелей, не желала войти въ комнаты; она была вмѣстѣ съ другою особою, находившеюся въ дружбѣ съ ея братомъ, который видѣлъ въ прошедшую ночь Бонапарте въ Фонтенебло и поручилъ своей сестрѣ сказать мнѣ, чтобы я остался въ Парижѣ, продолжалъ управлять префектурою Полиціи и былъ увѣренъ въ полномъ прощеніи и совершенномъ забвеніи.

Ничто такъ не было печально, писали ко мнѣ, какъ въѣздъ Бонапарте въ Парижъ: онъ прибылъ ночью, во время густаго тумана. Улицы были пусты и на многихъ лицахъ изображался какой-то ужасъ. Бѣлый флагъ, снятый по утру съ Тюліерійскаго дворца, былъ замѣченъ трехцвѣтнымъ; но онъ развѣвался еще на разныхъ общественныхъ зданіяхъ Парижа и большая часть военныхъ людей имѣли еще въ тотъ день бѣлыя кокарды. Вечеромъ никого не находилось при въѣздѣ Наполеона, но близъ Тюліерійскаго дворца и въ сѣняхъ Павильона Флоры, ожидали приверженцы, проводившіе его въ комнаты. Слышны были на Карусельской площади восклицанія: да здравствуетъ Императоръ, но онѣ были заглушены криками шалуновъ: *à bas la calotte*. Какалъ разница съ первымъ его въѣздомъ во дворецъ Королей, когда мы прибыли туда изъ Люксембурга среди дня и при всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ! тогда Бонапарте не былъ похитителемъ престола, которымъ сдѣлался двадцатого Марта.

Въ наступившее послѣ этого роковаго дня утро Генераль Бертонъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи жертвою своихъ безразсудныхъ покушеній, также прибылъ въ домъ, чтобы объясниться со мною и Г-жею Буріеннъ. По случаю отсутствія насъ обоихъ, онъ былъ при-

нять нашими родственниками. Его прислалъ Коленкуръ, чтобы повторить увѣренія въ безопасности, съ которыми уже къ намъ являлись другіе. Бертонъ настоятельно требовалъ, чтобы меня немедленно извѣстили объ увѣреніяхъ, возложенныхъ на него;—думали, что я скрываюсь въ Парижъ или въ окрестностяхъ и не выѣхалъ изъ Франціи съ Королемъ. Признаюсь, я былъ весьма тронутъ этими доказательствами дружбы, когда дошли до меня о томъ свѣденія; но ни на минуту не раскаявался въ принятомъ мною намѣреніи. Я помнилъ привязки, которыхъ былъ предметомъ съ 1814, и безпрестанная угрозы арестомъ, не дававшая мнѣ во весь тотъ годъ покоя. Коснувшись этой эпохи, расскажу теперь, какимъ образомъ узналъ я уже въ 1814 о причинѣ постигшихъ меня преслѣдованій. Я не могъ вообразить, чтобы злоба Бонапарту ко мнѣ родилась единственно отъ ужасной и нелѣпой клеветы Даву. По возвращеніи Бурбоновъ, я сталъ отыскивать свѣденія, которыя бы могли объяснить неизвѣстную того причину и мнѣ удалось, по благосклонности одной особы, о которой умолчу изъ скромности, получить слѣдующее письмо, котораго подлинникъ находится въ моихъ рукахъ.

«Господинъ Герцогъ Бассано! посылая вамъ «весьма важныя бумаги, касающіяся Буріенна, «прошу васъ представить мнѣ *откровенное до-*

«несеніе объ этомъ дѣлѣ: не отдавайте бумагъ никому. Требуется поступить съ величайшею тайною; все меня убѣждаетъ, что этотъ человекъ ведетъ постоянную переписку съ Лондономъ. Доставьте мнѣ донесеніе о томъ въ четвертокъ. Моллю Бога, да оградить васъ святымъ своимъ покровомъ.

«Въ Парижѣ, 25 Сентября 1811.

«НАПОЛЕОНЪ.»

Наконецъ дѣло нѣсколько объяснилось, хотя впрочемъ я не имѣлъ еще никакого свѣденія о бумагахъ, упоминаемыхъ въ письмѣ Наполеона. Выраженія: *все меня убѣждаетъ, что этотъ человекъ ведетъ постоянную переписку съ Лондономъ* оставались для меня загадкою, которая, какъ увидятъ изъ слѣдующаго со временемъ также объяснилась.

Генераль Дризень, бывшій Губернаторомъ въ Митавѣ, во время пребыванія тамъ Людовика XVIII, пріѣхалъ въ Парижъ въ 1814 году. Я коротко зналъ его въ 1810 въ Гамбургѣ, гдѣ онъ тогда прожилъ не малое время. Въ Митавѣ родилась въ немъ къ Королю Франціи самая рыцарская дружба, которая простиралась до энтузіазма. Сперва мы питали другъ къ другу недовѣрчивость, но потомъ утвердилась между нами самая искренняя и тѣсная связь. Генерала Дризена постоянно занимала мысль возвращенія Бурбоновъ во Францію. Онъ чрезвы-

чайно желалъ видѣть исполненіе своихъ надеждъ и когда говорилъ о томъ, глаза его наполнились слезами. Познакомясь съ нимъ коротко и не сомнѣваясь болѣе въ благородствѣ его характера, я открылся ему съ нѣкоторою довѣрчивостію, ибо находясь всегда съ нимъ наединѣ, когда онъ заводилъ рѣчь о любимомъ предметѣ, я ни мало не опасался послѣдствій отъ частыхъ нашихъ разговоровъ о Бурбонахъ. Я не скрывалъ моего объ нихъ мнѣнія, которое, какъ уже видѣли, родилось съ давняго времени и сказалъ ему, что возвращеніе Бурбоновъ, столь усердно имъ желаемое, есть дѣло сбыточное, но что неизвѣстенъ тому срокъ и что ускореніе его зависитъ единственно отъ ошибокъ Наполеона.

Видя, что неслишкомъ горячо опровергаю его мнѣнія и надежды, Генераль Ванъ-Дризень открылъ мнѣ болѣе, и признался, что переписывается съ Королемъ; онъ сказалъ, что увлекаемый желаніемъ возстановленія престола Бурбоновъ, посылалъ въ Гартвель разные проекты прокламаціи, и присовокупилъ съ откровенностію, что Король ими не доволенъ. Имѣя при себѣ копію одного только послѣдняго проекта, онъ мнѣ показалъ ее и я не скрывъ, что совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Короля. Дѣйствительно онъ обнаруживалъ чувствованія совершенно противныя моимъ, не понималъ

ни нуждъ Франціи, ни желаній большой части ея жителей, и увѣрялъ меня, что Король въ своихъ отвѣтахъ сдѣлалъ много возраженій. Я объявилъ Дризену рѣшительно, что если Король, возвратясь когда нибудь во Францію, посетитъ по его совѣтамъ, то не останется тамъ шести мѣсяцевъ. Тогда Генераль просилъ меня продиктовать ему новый проэктъ прокламаціи, сообразный съ моими понятіями. «Съ великою охотою,» отвѣчала я, «однакоже вы сами должны писать ее: имѣю полную къ вамъ довѣренность; но дѣло такъ важно, что можетъ подвергнуть меня опасности и потому принимаюсь за него съ условіемъ, что вы никогда въ своихъ письмахъ и разговорахъ не объявите моего имени. Предположите, что мы никогда не видались. Вамъ также хорошо, какъ и мнѣ, известны мѣры Полиціи: малѣйшая нескромность возбудитъ ея вниманіе и вы меня погубите.»

Генераль Ванъ-Дризень общалъ все, чего я требовалъ, и тогда я продиктовалъ ему проэктъ прокламаціи, согласный съ моимъ образомъ мыслей. Даже теперь не отрекся бы отъ этого проэкта, еслибъ имѣлъ копию, и могу увѣрить, что во всемъ томъ, что диктовалъ Генералу, не было сказано ни слова о революціи, о сверженіи съ престола, о жестокостяхъ и преступныхъ мѣрахъ, для измѣне-

нія существующаго порядка. Все заключалось единственно въ томъ, чтобы доставить Королю вѣрное свѣденіе о Франціи и познакомить его съ нею на случай, если произшествіи, которыя можно было предуматривать, не назначая впрочемъ съ точностію срока, позволятъ ему когда-либо занять престоль предковъ; и могу сказать, что я замѣтилъ въ разныхъ прокламаціяхъ Людовика XVIII тѣ же самыя выраженія, которыя диктовалъ я въ Гамбургѣ.

Въ продолженіи минувшихъ четырехъ лѣтъ со времени возвращенія моего въ Парижъ, я не имѣлъ никакого свѣденія о Генералѣ Вагъ-Дризенѣ; часто мнѣ приходила мысль, что онъ могъ сдѣлать какую нибудь неосторожность, но мнѣ казалось это несбыточнымъ. Наконецъ при первомъ его посѣщеніи меня, по восстановленіи Королевской власти, разговаривая съ нимъ о проведенномъ вмѣстѣ времени въ Гамбургѣ, я спросилъ, не сдѣлалъ ли онъ какой нескромности. «По чести, сказалъ онъ, теперь можно открыть вамъ всю правду: когда вы уѣхали изъ Гамбурга, Король въ письмѣ своемъ спрашивалъ меня объ имени сочинителя послѣдняго проэкта, который показался ему весьма отличнымъ отъ прежнихъ. Я не отвѣчалъ на этотъ вопросъ; но когда Король настоятельно повторилъ о томъ въ новомъ письмѣ, то я дѣйствительно нарушилъ объ-

«щаніе и по почтѣ изъ Готенбурга, что въ «Швеціи, отправилъ къ нему письмо, въ которомъ объявилъ ваше имя.»

Тутъ мнѣ объяснилось все, что должно было случиться въ послѣдствіи. Это письмо родило въ умѣ Наполеона подозрѣніе о *снотеніяхъ съ Англією*, и я догадываюсь, какимъ образомъ узналъ онъ о томъ: Король въ минуту откровенности, вѣроятно, произнесъ мое имя предъ кѣмъ нибудь изъ тѣхъ людей, которыхъ по положенію ихъ въ обществѣ, нельзя было подозрѣвать въ предательствѣ, и имя мое было сообщено Бонапарте. Впрочемъ это не пустая догадка, потому что мнѣ извѣстно, съ какою поспѣшностію и точностію извѣщали Наполеона о всѣхъ тайнахъ въ Гартвелѣ.

Генераль Дризень просилъ меня ввѣрить ему обвинительное письмо Наполеона, чтобы показать Королю на частной аудіенціи, ему назначенной. Онъ желалъ услужить мнѣ предъ Лудовикомъ XVIII и подробнымъ объясненіемъ дѣла возбудить его вниманіе въ мою пользу. Генераль по выходѣ изъ Тюльерійскаго дворца, посѣтилъ меня и объявилъ, что Король, возвращая письмо, изволилъ премилостиво отозваться, что я очень счастливъ, что меня не разстрѣляли.

Не знаю, получилъ ли въ послѣдствіи Наполеонъ подробное свѣденіе объ этомъ дѣлѣ, въ

которомъ не обнаруживалось никакихъ постоянныхъ сношеній съ Англіею; впрочемъ оно показалось бы ему ничтожнымъ проступкомъ въ сравненіи съ поведеніемъ моимъ по возвращеніи Бурбоновъ. — Нѣтъ сомнѣнія однакожь, что со мною не случилось бы ничего непріятнаго, еслибъ я остался въ Парижѣ; къ приведеннымъ уже доказательствамъ, могу присовокупить еще нѣкоторыя. Двадцать девятого Марта Генераль Вертонъ, посланный Коленкурромъ, опять явился въ мой домъ и требовалъ еще настоятельнѣе чѣмъ въ первый разъ, чтобы я показался и увѣрялъ Г-жу Буріеннъ въ прощеніи и даже въ благосклонности Императора. Все эти увѣренія не произвели никакого дѣйствія надъ Г-жею Буріеннъ, знавшею неизмѣнныя мои чувствованія, и она извѣстила меня съ нарочнымъ, что приказано опечатать кабинеты всѣхъ лицъ, поименованныхъ въ Ліонскомъ декретѣ и въ томъ числѣ мой. Получивъ о томъ свѣденіе, Г-жа Буріеннъ тотчасъ оставила свое убѣжище и пріѣхала въ Парижъ. Это случилось въ ночь двадцать пятого Марта и потому двадцать девятого она находилась тамъ, во время вторичнаго посѣщенія Вертона.

Было уже девять часовъ вечера, когда явились къ ней Полицейскіе; она защищала свои права, ссылаясь на неопозволенный часъ, но ни-

что не могло воспрепятствовать исполненію декрета. Для этой похвальной экспедиціи присланы были шесть надежныхъ служителей Полиціи Фуше; они составили актъ о наложеніи секвестра и поставили часоваго для охраненія печатей. По утру явились для составленія описи и запечатанія моего кабинета, а что всего страннѣе, употребили при этомъ случаѣ печать съ Королевскимъ гербомъ. Все, что я имѣлъ, было конфисковано, и даже не пощадили приданого старшей моей дочери, назначеннаго ей въ рядной, подлиннаго мною за два дня до моего отъѣзда.

Г-жа Буріеннъ пошла долгомъ, находясь въ Парижѣ, лично поблагодарить знаменитую особу, приглашавшую ее къ себѣ утромъ двадцатаго Марта и изъявившую на счетъ насъ такое участіе. Но она отиравилась въ сопровожденіи друга, дабы не могли предположить, что она пришла просить о моемъ прощеніи. Особа, къ которой она явилась, изъявила крайнее сожалѣніе, что я не воспользовался сообщенными мнѣ совѣтами, присовокунивъ: «Впрочемъ, какъ знать! Можетъ быть Буріеннъ поступилъ благоразумно, потому что касается до насъ, мы «рисуемъ головами.» Услужливый человекъ, говоря такимъ образомъ, вѣроятно не думалъ, что его предвѣщаніе сбудется. По возвращеніи Короли, онъ былъ заочно приговоренъ къ

смерти, но въ послѣдствіи судъ объявилъ его невиновнымъ.

Изъ полученныхъ мною отъ Г-жи Буркиной писемъ видно, что она во время моего отсутствія претерпѣла множество непріятностей. Каждый день получала она безъименныя письма, содержащія въ себѣ угрозы; но въ надеждѣ на усміхъ сиравадливаго дѣла, не обнаруживала увѣнія.

Первыми распоряженіями, приведенными въ исполненіе Полицейскими служителями Фуше, не удовольствовались; въ Маѣ назначены были семь человѣкъ для разсмотрѣнія моихъ бумагъ. Въ числѣ этихъ инквизиторовъ находилась два лица весьма извѣстныя и занимающія высшія должности. Только одинъ изъ нихъ исполнилъ возложенное на него порученіе; другой оказался больнымъ и не явился. И такъ число моихъ инквизиторовъ *in domo* уменьшилось до шести, которыхъ весьма достаточно было для того, чтобы рыться повсюду и притомъ ничего не найти. Эти люди поступали въ моему домъ съ величайшимъ безчиніемъ; въ поискахъ своихъ и исполненіи насильственнаго приказанія, они оказали жестокость, весьма огорчившую мое семейство и для нихъ бесполезную. Обыску ихъ подверглись даже карманы стараго моего платья, котораго подкладки были подпороты. Цѣль всего этого была надежда

найти бумаги, которые могли вредить новому властелину Франціи; но не отъ меня можно было ожидать такой оплошности, и я предъ отъѣздомъ принялъ предосторожность, чтобы въ этомъ отношеніи быть совершенно спокойнымъ.

Возвращеніе Наполеона долженствовало встретить не однихъ мужчинъ, обнаружившихъ къ нему сильное недоброжелательство. Опасались новыхъ строгостей даже женщины, которыя въ слѣдствіе системы инквизиторства и привязчивости, недостойной Императора, но согласной съ его ненавистію ко всякой свободѣ, подверглись изгнанію. Пускай занесенные превозносители Бонапарте почитаютъ хорошими всѣ его дѣйствія, даже жестокое обращеніе съ беззащитнымъ поломъ; позволительно имъ шутить надъ горестію женщины, умной писательницы, осужденной безъ всякой законной формы къ наказанію, самому жестокому послѣ смерти. Я съ своей стороны, не вижу ни тѣни справедливости и ничего забавнаго въ изгнаніи Г-жи Шеврѣзъ за то, что она имѣла смѣлость (составлявшую тогда рѣдкое качество даже въ мужчинахъ) сказать, *что она неспособна быть тюремщицею Королевы Испанской* (*); *чтоже касается до положенія знаменитой изгнанницы*

(*) Узнавъ объ этомъ отзывѣ, Наполеонъ сказалъ: она хочетъ подражать примѣру Герцогини Шеврѣзъ Фроудской, но

Коппета въ отношеніи къ Императору, равно какъ во свиданіи, о которомъ говорилъ прежде, между нѣмъ и молодымъ Барономъ Августомъ Сталемъ, предоставляю рѣшить не предупреденному читателю, на чьей сторонѣ были величіе и достоинство. Возвращеніе съ острова Эльбы застигло Г-жу Сталь въ болѣзненнымъ состояніи, которое не могло выдержать внезапнаго и сильнаго впечатлѣнія. Это разстройство здоровья было слѣдствіемъ бѣгства ея изъ Коппета въ Россію, вскорѣ послѣ рожденія сына, прижитаго отъ брака съ Г. Роккою, который она желала сохранить въ тайнѣ. Не взирая на опасность новаго странствованія въ такомъ положеніи, ей казалось гораздо хуже оставаться во Франціи; и, воображая вторичное разсѣяніе ея общества, наблюденіе Императорской Полиціи за ея друзьями, она рѣшилась на новое изгнаніе. Оно было непродолжительно; но здоровье Г-жи Сталь на всегда разстроилось отъ претерпѣнныхъ ею безпокойствъ и утомленій.

Имя автора Коринны по необходимости напоминаетъ мнѣ имя вѣрнѣйшей ея подруги въ несчастіи, которая сама не избѣгла голеній Наполеона, не смотря на справедливое и общее уваженіе; Г-жа Рекамье не удалась изъ

я докажу ей, что имѣть дѣло не съ Королемъ несовершеннопольнымъ. Г-жа Шекрѣзъ умерла съ горести, причиненной изгнаніемъ, въ объятіяхъ Герцогини Лионнъ, своей свекрови.

Парижа въ 1815, хотя возвратилась туда въ 1814 по случаю перемѣны происшествій, безъ явнаго на то позволенія. Мнѣ на вѣрное извѣстно, что Гортензія изъявила желаніе видѣть ее у себя; но Г-жа Рекамье, отказываясь отъ этой опасной чести, извинялась «принятою обязанностію не показываться въ обществѣ до тѣхъ поръ, пока друзья ея будутъ гонимы.»

Здѣсь можно кстати отвѣчать на одно мѣсто Записокъ Герцога Ровиго объ изгнаніи Г-жи Рекамье, и для этого воспользуюсь подлинными словами автора. По его мнѣнію Г-жа Рекамье, принужденная хозяйственными обстоятельствами удалиться въ провинцію, старалась поселить въ друзьяхъ своихъ мысль, что Императоръ къ тому ее принудилъ; потомъ онъ присовокупляетъ: «Въ послѣдствіе того я приказалъ, чтобъ, въ случаѣ возвращенія ея въ Парижъ, воспренятствовали ей имѣть у себя общество противниковъ Правительства, въ кругу которыхъ она обнаруживала притворную горестъ; говоря же откровенно, я написалъ къ ней, чтобы она не очень снѣшила прїѣздомъ въ Парижъ и проч.» Изъ этихъ словъ весьма ясно видно, что Г-жу Рекамье и Г-жу Сталь не прощали за собраніе противниковъ Правительства и за ихъ горестъ.

Меморіалъ Святѣя Элены, напоминая о началѣ неблагорасположенія Императора къ этому

обществу, дѣлаеть, по видимому, упрекъ Г-жѣ Рекамье, *привыкшей*, сказано въ этомъ сочиненіи, *всего просить и все получить, за то, что она домогалась объ опредѣленіи отца своего къ прежней должности*. Каковы бы ни были домогательства Г-жи Рекамье, Бонапарте, подверженный самъ той привычкѣ, въ которой упрекалъ ее, поступилъ бы неосторожно, еслибъ вмѣнилъ ей въ преступленіе ея неблагодарность; собственное его *домогательство* простиралось не на пронципальность, а совершенно на другое чувство. Читатели вспомнятъ, что я находился съ Первымъ Консуломъ во время обвиненія Бернара (*), отца Г-жи Рекамье, и не забылъ условій, съ которыми предлагалось даже *возвращеніе* должности.

Частыя свиданія Г-жи Рекамье съ Г-жею Сталь не могли склонить Наполеона къ чувствамъ и дѣйствіямъ болѣе умѣреннымъ. Раздраженный тѣсною дружбою этихъ двухъ женщинъ, хорошо понимавшихъ другъ друга, онъ приказалъ объявить Г-жѣ Рекамье, по случаю отъѣзда ея въ Конпетъ, что она можетъ возвратиться въ Швейцарію, но не пріѣзжать бо-

(*) Бернара, который занималъ должность Почтмейстера, обвиняли въ томъ, что онъ содѣйствовалъ къ выпуску въ обращеніе журнала, издававшагося Родлистами. За такой поступокъ онъ подвергался смертной казни. Первый Консулъ, по милости своей, оставилъ это дѣло безъ вниманія и Бернаръ лишился только своего мѣста.

лѣе въ Парижъ—«Ахъ, Милостивый Государь, извинительна въ великомъ человѣкѣ слабость любить женщинъ, по ему непростительно ихъ бояться.» Въ этомъ заключался весь отвѣтъ ея Фуше, и она отправилась въ Конпетъ.

Прежде, чѣмъ оставлю, не безъ сожалѣнiя, предметъ, которымъ довольно долго занималъ читателя въ надеждѣ, что онъ проститъ мнѣ эти подробности, я воспользуюсь изображенiемъ, номѣщеннымъ въ одномъ литературномъ журналѣ, достигшемъ въ мое убѣжище и поразившемъ меня нѣжностію пера и вѣрностію сходства. Эта удивительная женщина, ничего не издавъ въ свѣтъ, ничего, можетъ быть, не написавъ, имѣла вліяніе на двухъ отличнѣйшихъ нашихъ писателей, Г-жу Сталь и Шатобріана. Это вліяніе, случайное и невольное, состояло въ любви таланта, во вдохновенiи его и въ возбужденiи въ немъ собственнаго восторга при видѣ впечатлѣній, имъ производимыхъ. Тѣ, которымъ извѣстно, что мысль растетъ и возвышается при развитiи ея предъ другимъ умомъ; что половина краснорѣчія заключается во взорахъ слушателей, что терпѣніе, необходимое для довершенiя сочиненiя, поддерживается вниманiемъ и соучастiемъ, никогда не будутъ удивляться страстной дружбѣ Коринны и автора Мучениковъ къ особѣ, которая сопутствовала ихъ въ изгнанiи и осталась вѣрною

въ несчастіи. Есть благородныя души, способныя понимать и раздѣлять все высокія мысли, все изящества воображенія; имъ желаешь повѣрить все тайны сердца, все доброе и прекрасное. Въ этомъ состоитъ вліяніе Г-жи Рекамье. Прежде нея никогда не соединялось въ одномъ лицѣ столько безкорыстія, скромности и знаменитости. Если въ послѣднемъ столѣтіи сохранились имена Дю-Дефванъ, Графиньи и нѣкоторыхъ другихъ женщинъ, покровительствовавшихъ таланту съ высокоуміемъ богатства или педантизмомъ ученыхъ сообществъ, то какъ забыть имя женщины, которая всегда пользовалась дружбою сильныхъ единственно для доставленія награды скромному достоинству, ласкала одно несчастіе и дружилась съ гениемъ?»

Почитаю однако себя обязаннымъ сдѣлать замѣчаніе, что личная ненависть Императора не имѣла бы столько непреклонности и жесточенія, если бы тому не содѣйствовали нѣкоторые изъ его приближенныхъ. Я самъ былъ этому разительнымъ примѣромъ. Расположеніе его ко мнѣ наконецъ возымѣло бы, можетъ быть, свое дѣйствіе, если бы тому не препятствовала постоянная неприязнь подчиненныхъ.

Я не видалъ состоянія Парижа во время печальной эпохи, известной въ исторіи подъ именемъ ста дней, причемъ достойно замѣча-

ніа, что Бонапарте, достигнувъ Консульства, провелъ ровно сто дней въ Люксембургскомъ дворцѣ до переселенія въ Тюльерійскій. Но хотя я не былъ въ Парижѣ, знаю однако изъ полученныхъ въ это время писемъ и изъ разказовъ даже приверженцевъ Бонапарте, что никогда столица, послѣ неистовствъ революціи, не была такъ печальна и безпокойна, какъ въ эти три мѣсяца томленія. Никто не имѣлъ довѣренности къ продолжительности этого втораго царствованія и открыто говорили, что Фуше, служа дѣлу похищенія, тайно измѣнить ему; повсюду замѣтны были опасенія на счетъ будущаго и всеобщій ропоть. Видъ республиканцевъ, разсѣянныхъ по предмѣстіямъ и булеварамъ и восклицавшихъ : да здравствуетъ республика, смерть роялистамъ; ихъ ужасныя пѣсни, революціонные гимны, раздававшіеся въ театрахъ, все приводило умы въ оцѣпененіе, и ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ развязки этихъ важныхъ событій.

Въ самомъ началѣ ста дней всего болѣе способствовало разсѣянію заблужденія людей, ослѣпленныхъ воспоминаніями минувшей славы Наполеона, объявленіе его съ обычною увѣренностію, что Императрица и сынъ возвращаются къ нему; но предсказаніе не исполнилось. Увидѣли ясно, что ему нельзя надѣяться ни на одного союзника, и, не смотря на не-

моверную дѣятельность при вооруженіи новой арміи, не возможно было безъ ослѣпленія ожидать, что онъ восторжествуетъ надъ цѣлою Европою, которая снова противъ него ополчилась. Я сожалѣлъ о бѣдствіяхъ, долженствовавшихъ произойти отъ дерзкаго покушенія Бонапарте, но предусматривалъ развязку этой борьбы, потому что зналъ о намѣреніяхъ союзныхъ Державъ. Мнѣ извѣстны были чувствованія, одушевлявшія уполномоченныхъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, что меня достаточно успокоивало; и потому нимало не удивлялся полученному въ Гамбургѣ *извлеченію изъ протокола конференцій Державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ* (*) двѣнадцатаго Мая 1815.

Надобно согласиться, что при полученіи въ Вѣнѣ перваго извѣстія о высадкѣ Бонапарте, Конгрессомъ еще ничего не было сдѣлано. Занимались устройствомъ на долгое время прочнаго порядка и потому дѣйствовали съ благо-разумною медленностію и зрѣлымъ соображеніемъ, необходимыми послѣ столь продолжительнаго волненія. Король предписалъ своимъ уполномоченнымъ защищать постоянно начала справедливости и обще-народнаго права, и такимъ образомъ содѣйствовать обезпеченію каждой Державы для устраниенія на будущее вре-

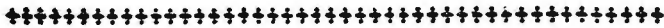
(*) Этотъ актъ хотя весьма важенъ, но такъ извѣстенъ, что я счелъ за лучшее представить его читателямъ въ концѣ тома.

мя повода къ новымъ несогласіямъ. Занимался этими важными предметами, Конгрессъ узналъ объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы и о высадкѣ его въ заливѣ Жуанскомъ. Тогда же уполномоченные подписали упомянутый актъ, который помѣщенъ въ концѣ книги. Въ свое время приписывали редакцію его Талейрану, но это несправедливо; я имѣлъ довольно вѣрныя свѣденія о происходившемъ тогда въ Вѣнѣ и могу ручаться за точность слѣдующаго.

Въ началѣ состоялась первая декларація, но мнѣ неизвѣстенъ ея сочинитель. Знаю только, что эта декларація была написана слабо и вяло и не имѣла рѣшительнаго тона, что однако не помѣшало Министрамъ пяти Державъ утвердить ее своею подписью. Г. Лабрадоръ, уполномоченный Испанскаго двора, одаренный твердымъ характеромъ, отличающимъ древнихъ Испанцевъ, объявилъ, что эта редакція неудовлетворительна. Не сомнѣвались въ Вѣнѣ, что Лабрадоръ послѣдовалъ внушенію Талейрана, который одинъ могъ своими убѣжденіями смягчить его крутой нравъ; но когда Лабрадоръ не согласился подписать, то не рѣшились употребить для того настоятельныхъ требованій, которыя сочли бесполезными; и первую декларацію пятого Мая оставили безъ дѣйствія, что произвело большое затрудненіе; но Г.

Генцъ придумалъ оборотъ дѣлу, который былъ
принятъ двѣнадцатаго и состоялъ въ томъ,
чтобы руководствоваться единственно Париж-
скимъ трактатомъ.

Г Л А В А XIX.

Официальная переписка.—Письмо Талейрана и подробности о внутреннемъ состояніи Франціи.—Извѣстія о Королѣ. — Второе письмо Талейрана о распоряженіи союзныхъ Державъ. — Третье письмо Талейрана и свѣденія о Вѣнѣ. — Письмо Жокура — Франція при Королѣ и Бонапартѣ. — Предписанія Министрамъ Короля при иностранныхъ дворахъ. — Извѣстія изъ Франціи. — Всеобщій журналъ Бертеня старшаго. — Переписка Маркиза Боннея. — Вопросы о двадцатомъ Марта. — Письма со штемпелемъ орла.—Дезоже и несправдливое предубѣжденіе.—Пятнадцатіи Пруссій распространить свои предѣлы на счетъ Франціи.—Посланный отъ Фуше въ Вѣну.—Страшныя условія. — Мнѣніе Боннея о Блакасѣ.—Ослабленіе Короля на счетъ своего Министра — Хорошія и дурныя качества Блакаса. — Самонадѣліе, упорство во мнѣніи и страсть къ исключительнымъ мѣрамъ.— Погрѣшности Герцога Беррійскаго. — Похвала Г. де ла Ферроне. — Протестъ Кергорлея.— Приказъ Карно и уваженіе къ тайнѣ писемъ.—Новыя извѣщенія изъ писемъ Боннея.— Предполагаемое увольненіе Блакаса.

Въ предъидущей главѣ сообщены были извѣстія, полученныя мною изъ Парижа, и нѣкоторыя свѣденія о Вѣнскомъ Конгрессѣ, узнав-

немъ о высадкѣ Наполеона. Слѣдующая будетъ заключать въ себѣ официальные письма, полученные мною изъ Вьны отъ Талейрана, изъ Конснгагена отъ Маркиза Боннея и изъ Гента отъ Графа Франциска Жокура, котораго Король, по отъѣздѣ Талейрана на Конгрессъ, назначилъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. По извѣщеніи Талейрана о прибытіи моемъ въ Гамбургъ, я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Вьна, 19 Апрѣля 1815.

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что вы, Милостивый Государь, должны были по повелѣнію Короля отправиться въ Гамбургъ. Для меня было бы пріятнѣе, если бы Его Величество оставилъ васъ при себѣ, гдѣ ваши услуги принесли бы ему несравненно болѣе пользы. Въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ всего важнѣе имѣть при себѣ людей достойныхъ и способныхъ, такъ хорошо какъ вы, знающихъ дѣла и политическій свѣтъ. Но хотя васъ не употребили тамъ, гдѣ вы могли дѣйствовать съ совершеннымъ успѣхомъ, я увѣренъ, что вы окажете важныя услуги и въ настоящемъ вашемъ назначеніи.

«Все извѣстія, получаемыя изъ Франціи, подтверждаютъ, что Бонапарте находится въ величайшихъ затрудненіяхъ. Все доказываетъ, что многочисленнѣйшая часть націи не распо-

ложена къ нему; что на его сторонѣ, говоря правду, одна армія; и что даже между войсками тѣ, которыя составлены изъ новыхъ солдатъ, не привержены къ нему. Южныя Провинціи не признають его власти. Герцогъ Англемскій все еще тамъ держится. Собранныя имъ войска съ каждымъ днемъ умножаются. Онъ приближился съ ними къ Ліону, и число ихъ было достаточно для объявленія города въ осадномъ положеніи, въ день отправленія коммѣ послѣднихъ извѣстій. Сверхъ того съ границъ приближаются войска скорымъ маршемъ. Повсюду военныя мѣры приняты съ величайшею рѣшительностію и дѣятельностію. Россійскія войска, бывшія на Вислѣ, прибыли въ Богемію четырьмя днями ранѣе, чѣмъ ихъ тамъ ожидали, и придуть на Рейнъ въ одно время съ Австрійскими. Въ половинѣ Мая надѣются начать военныя дѣйствія, и чрезвычайное множество собирающихся войскъ, предвѣщаетъ благоприятное событіе.

«Король, по полученнымъ мною вчера извѣстіямъ, постоянно находится въ Гентѣ, здоровъ и исполненъ твердости и надежды. Братъ его въ Бриссель. Армія Герцога Веллингтона, простирающаяся до восьмидесяти тысячъ, сосредоточена близъ Менса.

«Между Герцогомъ Веллингтономъ и Генераломъ Гисейнау, командующимъ Прусскими

войсками, замѣтно совершенное согласіе.

«Мюрать, надѣявшійся не встрѣтитъ препятствій въ Италіи, когда всѣ Державы соединяють свои силы противъ Бонапарте, вошелъ въ Папскія владѣнія съ своею арміею и приближился къ рѣкѣ По; но ему не удалось нападеніе на мостовое укрѣпленіе при Окхіо—Белло, и онъ принужденъ былъ отступитъ. Послѣ того Австрійскія войска, получающія ежедневно подкрѣпленія, имѣли нѣкоторый успѣхъ около Модены.

Имѣю честь быть и проч.

«Князь Талейранъ.»

Изъ втораго параграфа этого письма видно, что въ Вѣнѣ не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній о дѣлахъ Южной части Франціи, ибо надежда Герцога Ангюлемскаго идти къ Ліону вскорѣ исчезла, и первые его успѣхи продолжились не болѣе одного дня. Въ мѣстѣ новаго моего пребыванія я не любилъ часто заниматься перенескою и мнѣ рѣдко встрѣчалось что нибудь важное для сообщенія Талейрану, а потому находя сношенія мои съ нимъ не довольно дѣятельными, этотъ Министръ сдѣлалъ мнѣ во второмъ письмѣ изъ Вѣны, отъ пятата Мад, слѣдующее вѣжливое замѣчаніе:

«Милостивый Государь! получая всегда съ большимъ удовольствіемъ и находи весьма занимательными ваши письма, я очень сожалѣю,

что теперь гораздо рѣже удостоиваете меня ими. Впрочемъ мнѣ извѣстно, что въ мѣстѣ вашего пребыванія мало встрѣчается предметовъ, достойныхъ любознѣтства и отъ того вы не находите уважительныхъ причинъ писать ко мнѣ. Но для меня было бы весьма пріятно, еслибъ вы продолжали сношенія со мною со всевозможною дѣятельностію.

«Статья, недавно написанная вами для помѣщенія въ Гамбургской газетѣ, превосходна. Желательно, чтобы всѣ извѣстія, сообщаемыя разными журналами, отличались столь хорошимъ духомъ; но къ несчастію, этого не замѣтно. Я часто вижу, что печатаются вѣщи, долженствующія производить вредное впечатлѣніе, и это служитъ новымъ поводомъ желать, чтобы статьи подобныя вашей уничтожали или по крайней мѣрѣ ослабляли такое впечатлѣніе.

«Послѣ письма моего отъ 19 Апрѣля, вы уже, я думаю, знаете, что Герцогу Ангулемскому нельзя было оставаться, какъ мы надѣялись, въ Южныхъ Провинціяхъ. И такъ вся Франція теперь подъ игомъ Бонапарте; военные дѣйствія противъ него начнутся не прежде, какъ чрезъ нѣсколько времени, ибо намѣрены учинить нападеніе вдругъ на всѣхъ пунктахъ и многочисленными силами. Величайшее согласіе господствуетъ между всеми державами на счетъ военныхъ распоряженій.

«Война противъ Мюрата продолжастся съ усѣхомъ, позволяющимъ надѣяться, что она скоро кончится; онъ дважды просилъ о перемиріи и оба раза въ томъ ему было отказано.

Имѣю честь быть и прѣч.

«КНЯЗЬ ТАЛЕЙРАНЪ.»

P. S. «Вы узнаете прежде полученія моего письма, что Герцогиня Ангулемская находится въ Англии.»

Эти письма говорятъ о дѣлахъ того времени болѣе, чѣмъ сужденія, которыя бы я могъ сообщить объ нихъ; и такъ безъ дальнѣйшаго предисловія предлагаю здѣсь читателямъ третье письмо Талейрана, котораго тогда нетерпѣливо ожидали въ Гентѣ. Я удостовѣрился въ томъ изъ сношеній со мною Г. Жокура. На требованіе мое присылки кредитивныхъ писемъ, которыя не могли быть изготовлены при поспѣшномъ моемъ отправленіи, онъ отвѣчалъ мнѣ двѣнадцатаго Мая: «Мы ожидаемъ со дня на день Князя Талейрана. Я не премину напомнить ему о вашихъ кредитивныхъ письмахъ.» Что касается до сказаннаго письма Талейрана, вотъ оно; и мнѣ не нужно будетъ замѣчать содержащихся въ немъ намеканій на акты Конгресса, о которыхъ я говорилъ выше.

«Бонапарте, по пріѣздѣ въ Парижъ, сперва не признавалъ подлинности деклараціи тринадцатаго Марта, а потомъ старался ослабить вне-

чатльнїе ея разными объявленїями, и потому нѣкоторые здѣсь думали, что было бы полезно обнародовать новую. Конгрессъ поручилъ разсмотрѣть этотъ вопросъ Коммисіи, которая въ Конференціи двѣнадцатаго сего мѣсяца представила ему свой докладъ съ такимъ заключенїемъ, что послѣ подтвержденїя всего изъясненнаго Державами въ деклараціи тринадцатаго Марта, послѣ опроверженїя софизмовъ Бонапарте и обличенїя его обмановъ, положенїе его въ отношенїи къ Европѣ не измѣняется ни первыми успѣхами его предирїятїа, ни готовностїю его признать Парижскїй трактатъ, и что потому не предстоить никакой надобности во второй деклараціи. Честь имѣю препроводить къ вамъ нѣсколько экземпляровъ протокола Конференціи, заключающаго въ себѣ полный докладъ Коммисїи.

«Вы изъ него замѣтите, что Европа предпринимаетъ войну не за Короля и не по его просьбѣ, но собственно за себя, потому что ея польза, ея обязанность того требуютъ. Вотъ точная истина; и это всего приличнѣе для Короля и всего благопрїягнѣе для его дѣла. Если бы во Франціи могли подумать, что война начата единственно за права Короля, тогда подданные его увидѣли бы въ немъ виновника всѣхъ бѣдствїй, его причиненныхъ. Такое мнѣнїе не произвело бы другаго дѣйствїа, какъ только уничтожило бы ихъ расположенїе къ Его

Величеству и увлекло бы ихъ на сторону Бонапарте; но въ томъ видѣ, какъ война представлена, можно приписывать одному Бонапарте ея бѣдствія; и въ этомъ-то должно убѣдить всѣхъ, преимущественно во Франціи. Я писалъ вчера къ Графу Жокуру, что желалъ бы опять найти васъ въ Гентѣ, куда вскорѣ прѣйду, располагаясь отправиться въ дорогу въ концѣ слѣдующей недѣли. Но я даю ему знать, что для приличія нужно вамъ представить ваши кредитивныя письма до отъѣзда изъ Гамбурга и оставить оный не иначе, какъ въ видѣ отпуски. И потому поручилъ ему ускорить отправленіе къ вамъ кредитивныхъ писемъ.

Имѣю честь быть и проч.

«Князь Талейранъ.»

Я не нашелъ лучшаго средства дать понятіе о томъ, что дѣлалось въ Вѣнѣ и о тамошнихъ мнѣніяхъ, какъ напечатать нисѣма перваго Европейскаго дипломата, ибо нѣтъ сомнѣній, что это названіе принадлежало въ сію трудную эпоху Талейрану. Онъ не имѣлъ на своей сторонѣ, какъ въ Тильзитѣ, право побѣды и ему надлежало защищать побѣжденных; онъ настоялъ о признаніи Неаполитанскаго престола законною принадлежностію Принца изъ дома Бурбоновъ и вмѣстѣ воспрепятствовалъ увеличенію Пруссіи на счетъ Саксоніи.—Между тѣмъ я получилъ въ Гамбургъ нисѣмо отъ Жокура,

содержавшее подробное объясненіе инструкцій, предназначенныхъ Королемъ для его дипломатическихъ агентовъ въ чужихъ краяхъ. Вотъ оно:

Гентъ, 29 Мая 1815.

«Милостивый Государы!»

«Пѣкорые Министры Короля убѣдительно просили меня сообщать имъ свѣденія о ходѣ происшествій и чаще снабжать ихъ наставленіями въ настоящихъ обстоятельствахъ. Заботливая приверженность къ Его Величеству и къ Августѣйшимъ особамъ его семейства, справедливыя безпокойства, производимыя въ нихъ участію отечества и потребность знать дѣйствительныя отношенія нани къ другимъ державамъ и расположенія послѣднихъ къ Франціи, вполнѣ оправдываютъ такое желаніе, служащее доказательствомъ ихъ усердія и вѣрности.

«Но смутенія, обуревающая Францію, собственное желаніе Короля сдѣлать извѣстными чувствованія его къ народу, и ожиданіе приготовленій, безмолвно занимавшихъ тогда кабинеты и Виенскій Конгрессъ, долженствовали въ началѣ замедлить мои сношенія и побудить меня къ нѣкоторой осторожности. Въ замѣнъ того сообщаемъ былъ всеобщій журналъ (*),

(*) Г. Вертепъ старшій, явившій столько опытовъ приверженности къ дѣлу Бурбоновъ, привлечшему насъ на свою

выходящій здѣсь подъ надзоромъ Правительства, который предварительно могъ извѣщать васъ о важнѣйшихъ событіяхъ и передавать самыя подлинныя свѣденія объ истинномъ состояніи Франціи.

«Посредствомъ этого журнала узнаете вы, Милостивый Государь, о донесеніи Шатобріана и о манифестѣ Его Величества; въ первомъ объявляется противоположность Франціи подъ управленіемъ похитителя престола и подъ властію ея законнаго Короля; обманы Бонапарте, искренность и прямотушіе Лудовика XVIII; всѣ бѣдствія и опасенія съ одной стороны, всѣ благодѣянія и надежды съ другой. Манифестъ Короля обнаруживаетъ чувствованія отца, ко-

сторону въ такое время, когда еще было опасно объявлять себя роялистомъ, удалился послѣ двадцатаго Марта въ Брюссель и вскорѣ былъ приглашенъ въ Гентъ издавать оффиціальныи журналъ Короля, подъ названіемъ *Всеобщаго Монитера*. Первый номеръ былъ напечатанъ съ этимъ заглавіемъ, но при самомъ выпускѣ, Г. Бертенъ получилъ приказаніе назвать его *Всеобщими журналомъ* по той причинѣ, что Нидерландское Правительство *не смѣетъ* позволить его подъ именемъ *оффиціального журнала Франціи*. Бертенъ одинъ занимался этимъ изданіемъ до возвращенія Лудовика XVIII во Францію.

Недавно изумило меня извѣстіе въ журналахъ, которые постоянно читаю въ своемъ уѣздѣ, что Бертенъ осужденъ Съезскимъ судилищемъ первой инстанціи за *оскорбленіе Короля*. Это несбыточно!! И я былъ увѣренъ, что Королевскій судъ окажетъ полную справедливость лучшему роялисту, лучшему гражданину.

Часть X.

39

торья не могли измѣнить ни лвая неблаго-
дарность, ни жестокіе опыты; твердую рѣши-
мость исполнить всѣ обязательства и допол-
нить ихъ съ постепеннымъ усовершенствованіемъ
новыми постановленіями, благопріятствующими
свободѣ націи; наконецъ въ его священномъ
дѣлѣ, общее дѣло Европы. Хотя Король и не
властенъ воспрепятствовать сильнымъ мѣрамъ,
единодушно принятымъ иностранными Державами
для своего сохраненія и безопасности; но участвуя
въ общемъ ихъ договорѣ, Его Величество принимаетъ
на себя исключительную обязанность быть посредни-
комъ между ними и своимъ народомъ, смягчи-
телемъ ихъ негодованія, охранителемъ не на-
рушимости нашихъ правъ и границъ, словомъ,
благотворнымъ гениемъ, который оградитъ оте-
чество отъ безчисленныхъ золъ и облегчитъ не
отвратительныя бѣдствія. Этотъ договоръ
утвержденъ на коренномъ началѣ, объявленномъ
при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ,
повторенномъ еще торжественнѣе 13 Марта сего
года и окончательно признанномъ въ деклараціи
12 Мая, приобщенной къ этому письму; этимъ
началомъ владычество Наполеона Бонапарте
отвергнуто, какъ совершенно несовмѣстное
со спокойствіемъ и безопасностію Европы, и
всего образованнаго міра.

«Съ выступленіемъ за сію черту Державы,

опасались нарушить независимость Французскаго народа, не имѣя намѣренія вмѣшиваться въ его внутреннее правленіе и предписывать ему избраніе Государя, потому что дѣйствительно не предстоитъ надобности въ такомъ выборѣ; но ихъ желанія, ихъ предположенія благопріятствуютъ Лудовику XVIII, ихъ союзнику, и его Августѣйшей династіи. Возстановленіе законной власти есть цѣль ихъ условій и должно быть не сомнѣннымъ слѣдствіемъ ихъ успѣховъ.

«Самое изложеніе этихъ событій должно служить для васъ инструкціею. Нельзя умолчать, что положеніе ваше въ продолженіи еще нѣкотораго времени будетъ затруднительно и щекотливо; выгоды союзныхъ Державъ совокупны, но не одинаковы. Франція для нихъ не отечество; и онѣ не могутъ намъ объяснить бездѣйствія народа угнетеннаго, оправдать заблужденія и ошибки, и питать надежду на раскаяніе въ учиненныхъ преступленіяхъ.

«Между тѣмъ, что скажу вамъ, Милостивый Государь, о Франціи, поверженной въ уныніе и измѣнически преданной похитителю престола! Онъ старается произвести ужасное смѣшеніе правилъ и средствъ различныхъ эпохъ нашей революціи, все что предпринимаетъ и дѣлаетъ, почерпаетъ изъ самыхъ горестивыхъ примѣровъ безначалія и ужаса; а что обѣщаетъ, заимствуетъ изъ поставовленій и дѣй-

ствій, совершенныхъ уже Королемъ для блага его народа.

«Чтобы произвести призракъ народнаго согласія, онъ послѣ продолжительной нерѣшимости, принужденъ былъ позволить избраніе Депутатовъ, но это противузаконный выборъ; избиратели и избранные, конечно, убѣждены въ томъ собственною совѣстію и гласомъ народа, вызывающаго о спасеніи отечества. Позволительно однакожь думать, что Французы могутъ почитать себя принужденными несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ воспользоваться средствомъ, которое предоставляетъ самъ похититель верховной власти, для изъявленія ихъ чувствованій и для охраненія своихъ правъ и выгодъ. Въ числѣ избранныхъ мы увидимъ людей опытныхъ и добродѣтельныхъ. Будемъ благонадежны, что опытность никогда не согласится быть орудіемъ слѣпаго начальника военнаго правительства, что добродѣтель никогда не склонится въ пользу Наполеона Бонапарте.

«И такъ, Милостивый Государь, нація, защищая отечество, учинить это для сохраненія его своему Королю; и когда услышитъ его воззваніе, тотчасъ отдѣлится отъ вѣроломныхъ полчищъ, призвавшихъ деспота и содѣлавшихся, по видимому, исполнителями его преступленій. Нѣтъ! народъ Французскій не переродился; онъ

умѣть еще различать добро отъ зла, справедливость отъ беззаконія; во всѣхъ соотношеніяхъ его господствуетъ единодушіе; доказательства вѣрности Королю служителей его, находящихся въ иностранныхъ Государствахъ и не опасующихся власти хищника, служатъ ручательствомъ въ вѣрности, сохраняемой къ нему во Франціи всѣми истинными гражданами; время обнаружить ее приближается.

«Если не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей сообщить вамъ о мѣрахъ союзниковъ и извѣстить о времени, когда начнутся ихъ дѣйствія, то по крайнѣй мѣрѣ съ удовольствіемъ могу уведомить васъ объ окончаніи Вѣнскаго Конгресса и о скоромъ возвращеніи Князя Талейрана, котораго благородная твердость, безпредѣльная преданность къ законному дѣлу, благоразуміе и настоятельность столь много способствовали къ приготовленію всѣхъ средствъ для спасенія Франціи. По возвращеніи къ Его Величеству, онъ вѣроятно не замедлитъ сообщить вамъ непосредственно всѣ свѣденія, необходимыя для вашего руководства.

Имѣю честь быть и проч.

«ФРАНЦІСКЪ ЖОКУРЪ.»

P. S. «Я обязанъ замѣтить, Милостивый Государь, что Всеобщій Журналь, хотя издается въ мѣстѣ пребыванія Правительства и нѣкоторымъ образомъ подъ его надзоромъ, не дол-

«женъ однако быть признаваемъ официаль-
нымъ во всѣхъ своихъ частяхъ; статьи его,
сочиняемыя вообще въ превосходномъ духѣ
людьми образованными и весьма привержен-
ными къ законному дѣлу, обнаруживаютъ од-
нако болѣе или менѣе частный образъ мыс-
лей писателя; Правительство не можетъ ру-
чаться за справедливость всѣхъ мнѣній. Въ
затруднительномъ положеніи нашемъ, я счелъ
приличнымъ обратить ваше вниманіе на
этотъ предметъ, и отчасти по сей причинѣ
рѣшился сообщить вамъ въ кратцѣ все, чего,
по мнѣнію моему собственно желаетъ Король
и его Правительство.»

Предъидущія письма принадлежатъ къ роду
тѣхъ, которыя въ древности называли *de nego-*
tiis; въ слѣдующихъ будетъ рѣчь *de homini-*
bus. Сказать лучше это не письма, а только
извлеченія изъ писемъ, полученныхъ мною въ
Гамбургѣ отъ Маркиза Боннея; я могъ бы сос-
динить ихъ съ предъидущими, но счелъ за
лучшее не нарушать порядка предметовъ и
дать посредствомъ этой драгоценной перенески,
точное понятіе о томъ, что происходило тогда
въ Франціи, и мнѣніе, какое имѣли на счетъ
людей того времени.

Бонней имѣлъ уже прежде двадцатаго Мар-
та вѣрныя свиденія объ опасностяхъ, угрожав-
шихъ Монархіи и былъ весьма ревностнымъ

служителемъ Короля. Предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Парижа онъ написалъ ко мнѣ слѣдующее: «Справедливо ли Милостивый Государь, что «были получаемы неоднократныя извѣщенія о «намѣреніи Бонапарте и что ихъ оставили безъ «вниманія. Въ чужихъ краяхъ общая молва об- «виняетъ въ томъ лично Блакаса. Не было ли «учинено неосторожности кѣмъ-либо изъ дру- «гихъ Министровъ? Употреблена ли со сторо- «ны Полиціи надлежащая бдительность? или «Агенты ея не измѣнили ли своему Начальст- «ву. Я очень сомнѣваюсь на счетъ попечитель- «ности почтоваго вѣдомства. Если имѣли хотя «малѣйшее свѣденіе о покушеніи Бонапарте ос- «тавить островъ, то для чего Морской Ми- «нистръ не отрядилъ для дѣятельнаго надзора «нѣсколькихъ судовъ, которыя должны были «находиться при островахъ Герскихъ.

Будучи извѣщенъ въ Гамбургѣ о покушені- «яхъ, занимавшихъ Императорскую дипломатику, чтобы правительство Бонапарте было призна- «но въ Франціи; зная даже, что Консулы, на- «значенные Королемъ, получили письма съ пе- «чатью орла, я увѣдомилъ о томъ Боннея, ко- «торый отвѣчалъ мнѣ: «Благодарю васъ за извѣ- «стіе о письмахъ съ печатью орла, адресован- «ныхъ къ Императорскимъ Консуламъ при Бал- «тійскихъ портахъ. Этотъ случай подаль мнѣ «поводъ тотчасъ отозвать Г. Дезожье; не знаю,

известенъ ли онъ вамъ; это человекъ не вредный, но весьма упрямый и безразсудный. Теперь сводить его съ ума ужасная мысль, что иностранныя войска вступятъ во Францію. Онъ желалъ бы, чтобы Бонапарте кончилъ жизнь на островѣ Эльбѣ или на днѣ морскомъ. Но послѣ того, какъ Наполсону удалось прибыть въ Парижъ, Дезожье предпочелъ бы видѣть его спокойно царствующимъ, чѣмъ допустить бѣдствіи, которыя Державы готовятъ Франціи подь предлогомъ ея освобожденія. Король для него ничто; но Франція, по словамъ его все.»

Впрочемъ Дезожье увѣрилъ меня, что не имѣлъ отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Бонапарте никакихъ предписаній, кромѣ простыхъ отзывовъ о полученіи донесеній; и я ни сколько не согласенъ съ мнѣніемъ Боннея о Дезожье; если онъ былъ менѣе приверженъ, то потому только, что поступалъ гораздо осторожнѣе насъ.

Въ это время, какъ Министръ Франціи употреблялъ все усилія, чтобы склонить Державы къ новому обезпеченію цѣлости Франціи, Пруссія обнаружилла желаніе увеличить свои владѣнія приобрѣтеніемъ Алзаса, Лотарингін и Французской Фландріи. Все это по правдѣ было требовано не для нея, но единственно для того, чтобы при раздѣлѣ нашихъ завоеваній можно было ей получить равное вознагражденіе. Мар-

кнзъ Бонней, который также былъ извѣщенъ о намѣреніяхъ Пруссіи, имѣлъ разговоръ о томъ съ своимъ товарищемъ, Министромъ этой Державы въ Копенгагенѣ. Вотъ что сообщилъ мнѣ Бонней отъ 9 Мая:

Г. М . . . , отиравленный, какъ ему извѣстно, въ Вѣну по назначенію Фуше, сдѣлалъ слѣдующія предложенія: «Не начинайте войны; мы васъ избавимъ отъ этаго человѣка.—Хорошо, но напередъ избавьте же.—Хотите ли Римскаго Короля или регентство?—Нѣтъ.—Герцога Орлеанскаго? — Нѣтъ.—Ну такъ Лудовика «XVIII; если непременно того требуете, мы согласны, съ условіемъ однакоже, чтобы не было «дворянства, любимцевъ и особенно Блакаса.—«Хорошо, но напередъ избавьте насъ отъ Бонапарте и его рода.»

Далѣе Бонней писалъ мнѣ о Блакасѣ: «Я слышу отвсюду такія вещи, которыя крайне меня огорчаютъ на счетъ этого человѣка; общее мнѣніе осуждаетъ Блакаса, мнѣ кажется однакоже, что ему никто помѣнать не можетъ и присутствіе его при особѣ Короля, говорятъ, есть зло *неизбѣжное*. Я знаю Короля, знаю и Блакаса; послѣдній имѣетъ прямое сердце и добрыя намѣренія; всѣ его недостатки происходятъ лишь отъ избытка надменности; но онъ предастъ Королю, который никогда не захочетъ слушать объ немъ никакихъ толковъ. Можетъ

быть придетъ время, когда Принцамъ, Министрамъ и Иностраннымъ Державамъ можно будетъ упросить, чтобы его осыпали почестями и назначили первымъ посланникомъ (*). Онъ не хотѣлъ терять меня при себѣ; я говорилъ и повторялъ ему, что онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ несправедливо, потому что, имѣя право ничего предъ нимъ не скрывать, я могъ быть полезенъ и ему самому и Государству. Если я не сообщалъ вамъ еще искренняго моего мнѣнія о Блакасъ, вотъ оно: Я люблю и уважаю этого человека; онъ страстно желаетъ пользы Государству и Королю, въ душѣ его много прямоты, въ умѣ есть здравыя мысли, а въ сужденіяхъ точность; познаній у него не много, но за то нѣтъ недостатка въ средствахъ и въ характерѣ. Въ чемъ же я могу его укорять? Во первыхъ, въ надменности, превышающей всякую мѣру, которой не могутъ служить извещеніемъ самыя блистательныя качества и которая внушаетъ ему мысль, что онъ выше всего и всѣхъ. Во вторыхъ, въ настойчивости, съ которою онъ всегда отвергаетъ сужденія другихъ, если онѣ не согласны съ собственнымъ его мнѣніемъ, хотябы оно было и самое

(*) Какъ Маркизь Бошеи предвидѣлъ, такъ и случилось: Графу Блакасу скоро былъ пожалованъ Герцогскій титулъ, а для пребыванія назначенъ Римъ, который почитается первымъ посланническимъ мѣстомъ.

ошибочное. Когда онъ не встрѣчаетъ противорѣчія или слышитъ сужденіе о предметѣ для него новомъ, о которомъ не произнесъ еще рѣшительнаго приговора, все идетъ, какъ нельзя лучше; въ противномъ же случаѣ онъ никогда не соглашается и никому не уступаетъ. Наконецъ въ желаніи исключительно пользоваться довѣренностію Короля; въ эгоизмъ, съ которымъ онъ старается устранить всякое соперничество, боясь, чтобы ему не пришлось раздѣлить съ кѣмъ нибудь Королевской милости; этимъ самымъ онъ довелъ до того, что Король сдѣлался рѣшительно недоступенъ для другихъ.

«Изъ сказаннаго видно, что Блукасъ, не желая прослѣдить *любимцевъ*, просто мѣтитъ въ *первыя Министры*. Я радъ бы видѣть его на этомъ мѣстѣ, если бы онъ былъ къ тому способенъ, но

«Герцогъ Беррійскій имѣетъ у себя отличнаго челоуѣка, де ла Фероне. Во время кратковременнаго пребыванія моего въ Парижъ, я мало съ нимъ видѣлся, но хорошо замѣтилъ, что онъ не доволенъ. Когда онъ былъ у меня, я не спрашивалъ его, кто именно причиною этого неудовольствія: Герцогъ или зять его Блукасъ. Если бы Герцогъ слушалъ де Фероне, а не Жирардена, то не пришелъ бы въ такое загроуздительное положеніе. Знаетъ ли по край-

нѣй мѣръ Герцогъ, что онъ не правъ? Убѣдился ли онъ въ томъ? Извѣщенъ ли о томъ Король? Я всегда обвиняю тѣхъ слабыхъ и боязливыхъ людей, которые не осмѣливаются говорить правду Государямъ. Могу васъ увѣрить, что когда я управлялъ дѣлами Короля и пользовался его довѣренностию, я рѣшительно ничего предъ нимъ не скрывалъ и долженъ прибавить, что онъ всегда былъ доволенъ. Въ перепискѣ моей съ нимъ, которая продолжается теперь два года, я сохранилъ ту же откровенность.»

Извѣстно, что Бонапарте, предложивъ дополнительныя правила, относящіяся до Конституціи Имперіи, желалъ, чтобы они были приняты большинствомъ голосовъ, и, изъ притворной любви къ свободѣ, позволялъ излагать противныя мнѣнія. Флоріонъ Кергорлей написалъ опроверженіе, основанное въ особенности на послѣдней статьѣ, по которой Бурбоны лишались на всегда своихъ правъ. Его не безночили за такую смѣлость, благодаря Карно, который во многихъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ превосходно. Я, на примѣръ, узналъ, что вступя въ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ началъ съ того, что отдалъ приказъ Ла Валетту, получившему тогда снова мѣсто Главнаго Директора Почтъ, уважать тайну писемъ и отнюдь не вскрывать ихъ. —

Вотъ что сообщили мнѣ Бонней о протестѣ Кергорлея:

«Надѣюсь, Милостивый Государь, что вы столько же, какъ и я были довольны благороднымъ, сильнымъ и смѣлымъ сочиненіемъ лучшаго моего друга, Графа Кергорлея; каждая строка выражаетъ прекрасный его характеръ и цѣлое имѣетъ важность историческую. Дивясь такой отважности, многіе сомнѣвались въ достовѣрности этого сочиненія. Я не только убѣжденъ въ его дѣйствительности, но и надѣюсь притомъ, что авторъ не пострадаетъ. Не такъ опасно, какъ думаютъ быть прямымъ человѣкомъ и дѣйствовать по убѣжденію; лишь бы дѣло было правос: вы должны подавать голосъ, вы говорите какъ велитъ ваша совѣсть и никто не можетъ обвинять васъ. Въ 1789 и 1790 противная партія конечно приказала бы повѣсить Кергорлея или ограбить его домъ. Но веселый или по крайней мѣрѣ на все отважный Бонапарте не будетъ имѣть на то довольно духу, и славный протестъ Кергорлея произведетъ во Франціи чудесное дѣйствіе.

«Мнѣ кажется, что опасность, угрожающая Благазу, съ каждымъ днемъ увеличивается; вліяніе его слабѣетъ и я сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ долго удержаться; во многихъ отношеніяхъ это будетъ чувствительная потеря для Короля, и я крайне сожалею, что онъ надѣ-

лалъ себѣ столько враговъ. Но всеобщее ожесточеніе противъ него слишкомъ сильно, чтобы ему можно было противиться; скажу болѣе, я совѣтовалъ бы ему для пользы Короля и для собственной выгоды не упорствовать долѣе. Общее мнѣніе требуетъ удаленія его отъ двора, но желательно, чтобы онъ остался при Королѣ, хотя для того, чтобы устранять множество людей, которые въ самомъ дворѣ его не стоятъ, начиная съ Версальскихъ придворныхъ. Я только что написалъ Блакасу цѣлыя двѣнадцать страницъ и изложилъ свои мысли такъ откровенно, какъ будто дѣло шло о постороннемъ. Еще разъ повторяю, я люблю и уважаю его; онъ былъ бы очень полезнымъ человѣкомъ, если бы не гордость и самонадѣянность его, которыя я не забылъ поставить ему на видъ. Не сомнѣваюсь, что онъ причинялъ отчасти и много вреда, но безъ него было бы еще хуже; если онъ останется при Королѣ (не вынуждаясь въ дворъ); то преградить путь многимъ злоупотребленіямъ, въ этомъ должно отдать ему справедливость»

Сверхъ того Вонней писалъ мнѣ отъ 29 Мая: «Кажется мы наконецъ сошлись во мнѣніяхъ нашихъ о Блакасѣ и я уже говорилъ вамъ, что писалъ къ нему со всею откровенностію на счетъ его положенія. Сожалѣю, что Короля напрасно беспокоить, но я замѣ-

тиль, что недоброжелатели поступили этотъ разъ снисходительнѣе, нежели они обыкновенно дѣлають съ людьми, пользующимися такою довѣренностію, какъ Блакасъ. По моему мнѣнію онъ все таки не можетъ остаться на своемъ мѣстѣ; въ противномъ случаѣ едвали Королю можно будетъ составить Министерство, которое Англичане называютъ полнымъ.»

Чтобы ни говорилъ Бонней въ приведенномъ отрывкѣ изъ его корреспонденціи, я съ своей стороны могу увѣрить, что не очень согласенъ съ мнѣніемъ его на счетъ Блакаса, котораго всегда почиталъ главнымъ виновникомъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ Францію въ 1815 году. Сверхъ того я былъ крайне удивленъ, прочитавъ въ одномъ изъ писемъ Боннея не выгодный отзывъ о Шатобріанѣ. Наполеонъ умѣвшій такъ хорошо цѣнить людей, когда онъ не былъ ослѣвленъ пристрастіемъ, прямо говорилъ друзьямъ своимъ на островѣ Елены, что если бы Шатобріанъ управлялъ дѣлами въ 1814 году, ему не удалось бы ничего предпринять; и въ этомъ я былъ всегда согласенъ. Вотъ еще послѣднія слова Боннея о Блакасѣ, которому, казалось, пора было раскаяться и оставить управленіе дѣлами, чтобы вторично не подвергнуть Францію опасности.

«Вы полагаете, Милостивый Государь, что Блакасъ оставляетъ службу; я думаю против-

нос: увидимъ, кто изъ насъ будетъ правъ. Мы имѣемъ объ немъ одинаковое мнѣніе; признаемъ его достоинства; но въ настоящемъ положеніи дѣлъ человѣкъ, такъ мало всѣми терпимый, какъ Блакасъ, можетъ только повредить Королю. Онъ играетъ теперь роль Мазарина, не соединяя въ себѣ его дарованій; но хотя бы онъ имѣлъ ихъ еще болѣе, хотя бы у него были твердость и характеръ Кардинала Ришелье, ему все-таки должно удалиться для собственной чести и для блага Франціи, и поберечь себя до благопріятнѣйшаго времени.

Послѣднія слова Бонси меня огорчили; мнѣ трудно было понять, какъ человѣкъ, обыкновенно столь благоразумный, могъ одобрять подобныя средства.

Г Л А В А ХХ.

Продолженіе переписки.—Герцогъ Орлеанскій. — Г-жа Жап-
лисъ. — Беньо.—Дандре.—Англе. — Мортъе. — Фуше.—Лад-
ли.—Толедаль и Шатобрианъ.—Лудовикъ XVIII и его при-
дворные.—Швейцарія.—Вандейцы, Герцогъ Бурбонскій и
и ла Рошъ-Жакелень.—Еще Беньо.—Баронъ Луи, — Ха-
рактеръ Брюжа.—Нѣчто о смерти Бертье.—Нація и вой-
ско.—Герцогиня Ангулемская въ Вандсъ.—Майское поле.
—Бернадотъ и Мюратъ.—Слухи о Конгрессѣ. — Беневент-
ское Княжество.—Принцъ Евгешій.—Эрцъ-Герцогиня Ма-
ріа Луиза.—Бернадотъ, Король Франціи.— О запрещеніи
възъзжать въ Парижъ, сдѣланномъ Мюрату Бонапартомъ;
предводители народной партіи; произвольныя мѣры.— Сту-
жа Сѣвера; Бонапарте въ латахъ.— Присоединеніе Турціи
къ общему союзу. — Г. Ривіеръ. — Веллингтонъ; Принцъ
Оранскій; Герцогъ Брауншвейгскій.— Свѣденія, доставлен-
ныя Веллингтону о силахъ Французской арміи.—Г. Сталь.—
Двѣ партіи во Франціи; республика и Бенжачени-Копстанъ;
Герцогъ Орлеанскій.—Дипломатическія награжденія.—Поц-
цо-ди-Борго.—Ватерло.—Бюллетени.—Г. Сезъ. — Нѣчто о
смерти ла Рошъ-Жакелени.—Алостекая армія. — Порож-
няя чаша.—Г. Алексисъ Ноель —Г. Рожеръ де Дамась.—
Посольство.—Паденіе Наполсона. — Камбрейская прокла-
мація.—Предвѣщаніе Буріенна.—Еще Г. Беньо.— Паскъе,
Барантъ, Гизо. — Іенскій мостъ. — Твердость Лудовика
XVIII.

Продолжаю свои выписки и прошу читателя замѣтить, что сужденія, которыя онъ встрѣтитъ въ этой любопытной перепискѣ, принадлежатъ не мнѣ, а челоѣку, достаточно знавшему положеніе тогдашнихъ дѣлъ, чтобы изобразить состояніе высшей партіи роялистовъ, какъ она была въ 1815 году; однакоже предразсудки Маркиза Боннея и отдаленіе его отъ политическаго поприща, не рѣдко подвергаютъ сомнѣнію точность этихъ показаній.

Я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія въ мѣстахъ, которыя, по мнѣнію моему, требовали объясненій. Читателю легко будетъ замѣтить разницу въ сужденіяхъ моего остроумнаго корреспондента, прежде и послѣ происшествій 1815 года: По мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ людьми и съ обстоятельствами, сопровождавшими ихъ дѣйствія, понятія его объ нихъ дѣлались яснѣе, а приговоры безпристрастнѣе.

Копенгагенъ, Июль 1815.

«Увѣренія ваши, что Герцогъ Орлеанскій не принималъ предложеній, сдѣланныхъ ему въ Парижѣ, много меня утѣшаютъ. Да сохранитъ его Богъ въ такомъ добромъ расположеніи! Въ прошедшемъ году, когда Герцогъ отправился изъ Лондона въ Сицилію за своею супругою и заѣзжалъ на самое короткое время въ Парижъ, то посѣтилъ прежде всѣхъ Г-жу Жан-

лись и оставался у нея до поздней ночи. Г-жа Жаулисъ рассказывала одному изъ моихъ знакомыхъ, что Герцогъ воспоминалъ все прошедшее и плакалъ вмѣстѣ съ нею.

«Но послѣднимъ извѣстіямъ изъ Гента должно заключить, что въ самомъ дѣлѣ есть причина опасаться покушеній на жизнь Короля. Разысканіе этого дѣла поручено Гг. Беньо и Дандре. Я бы скорѣе употребилъ на то Г. Англе; хотя я не знаю его лично, но имѣю къ нему болѣе довѣренности: Князь Талейранъ писаль мнѣ объ немъ съ похвалою.

«Что вы думаете о Мортъе (*)? Онъ навлекъ на себя подозрѣніе Бонапартистовъ въ Кале; и не смотря на то получилъ важное порученіе отъ Наполеона въ Валансьенѣ! Способенъ ли Мортъе долго скрывать свои намѣренія, чтобы послѣ неожиданнаго и вѣрнѣе дѣйствовать въ пользу Короля? его почитали прежде (покрайней мѣрѣ за границею) личнымъ другомъ Бонапарте, который совершенно на него полагался. Меня уведомили, что Фуше предлагаетъ свои услуги Королю; не знаю справедливо ли это извѣстіе.»

Копенгагенъ, Іюня 1815.

«Хотя журналъ, издаваемый въ Гентѣ, ниче-

(*) Я имѣлъ уже случай говорить, какъ поступалъ Мортъе въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; онъ безкорыстно защищаль Францію.

го не упоминаетъ о воззваніи Короля къ Французскому народу, напечатанномъ отрывками въ Нѣмецкихъ газетахъ, я не сомнѣваюсь въ достоверности этой прокламаціи и читаю Лалли-Толендаля ея сочинителемъ; въ ней еще больше лишняго, чѣмъ въ донесеніи Шатобріана, которое такъ многословно. Желательно, чтобы пріѣздъ Талеярана положилъ конецъ всѣмъ этимъ бесполезнымъ мѣрамъ.

«Какимъ образомъ, скажите, Гг. Шатобріанъ (*) и Лалли попали въ совѣтъ? Не думаю, чтобы Жокуръ могъ оказать имъ такое покровительство. Кромѣ Блакаса никто, кажется, не пользуется довѣренностію Короля, и я не полагаю, чтобы Граммонъ и Дюрасъ имѣли столько вліянія. Вообще Король не допускаетъ своихъ придворныхъ вмѣшиваться въ политическія дѣла (**).

«Швейцарія слушается совѣтовъ хитраго Ладарна и я опасуюсь, что она не захочетъ присоединиться къ общему дѣлу. Но храбрость Швейцарцевъ пробудится, лишь только дѣла

(*) Нужно ли при этомъ случаѣ замѣтить, что никто больше Шатобріана не имѣлъ права присутствовать въ совѣтъ Короля. Чтоже касается до сравненія его отчета съ сочиненіемъ Лалли, я столь же мало ручаюсь за литературныя мнѣнія Маркиза Бошея, какъ и за приговоры его этимъ лицамъ.

(**) Лудовикъ XVIII дѣйстви тельно держался сего рѣдкаго правила. Личная привязанность почти никогда не мѣшала ему достойно цѣнить способности окружавшихъ его людей.

Бонапарте примутъ дурной оборотъ; ихъ Ландманъ очень хорошо отвѣчалъ Коленкуру.»

Июля 1815.

«Вы правы, Милостивый Государь; извѣстія съ каждымъ днемъ становятся благопріятнѣе и все доказываетъ, что обстоятельства приняли невыгодный оборотъ для Бонапарте. Союзнымъ Державамъ должно теперь поспѣшить на помощь роялистамъ и храбрымъ Вандейцамъ. Я готовъ плакать отъ стыда и досады, если Герцогъ Бурбонскій до сихъ поръ не соединился съ ма Рошъ-Жакленемъ.

«Я никогда не говорилъ съ Г. Бенбо; онъ человекъ видный и прекрасной наружности, но неспособный дѣйствовать самостоятельно. Не принимаю въ немъ никакого участія, радуюсь только, что онъ не измѣнилъ законному дѣлу. Однакоже, если онъ остался въ Парижѣ, я бы не пригласилъ его въ Генгъ.

«Изъ разговора вашего съ Барономъ Луи (1) я вижу, что онъ все еще принадлежитъ къ *Конституціонной партіи* 1790 года; эти люди никогда не исправятся; я питаю къ нимъ особенную недовѣрчивость и всячески ихъ ос-

(1) Нельзя лучше похвалить непоколебимой чести и некуства въ финансовомъ управленіи Барона Луи, *отказавшагося выдать Королевскую казну, чтобы явиться къ Людовику XVIII съ густою совѣстью и съ густыми руками.* Нельзя также дать лучшаго понятія о невѣденіи придворныхъ людей въ финансовыхъ дѣлахъ.

терегатось. Баронъ Луи поступилъ не рѣшительно, отказавшись выдать казну, подъ предлогомъ ответственности. Мнѣ кажется, однакоже, въ послѣдствіи онъ ясно доказалъ Королю свое безкорыстіе — Не знаю, можно ли ему было въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ держаться лучшей системы финансовъ; но долженъ признаться, что онъ дѣйствовалъ успѣшно и умѣлъ поддержать свое Министерство въ продолженіи цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ. Радуюсь, что теперь по крайній мѣркѣ есть у Короля человекъ, понимающій, что значить заемное письмо; въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ ни одинъ изъ приближенныхъ Его Величества не понималъ этой части и теперь только Баронъ Луи можетъ управлять ею.

«Я имѣлъ случай, именно сего дня, говорить объ васъ съ Розенкранцемъ. Этотъ Министръ отдастъ полную справедливость вашимъ дарованіямъ, я съ своей стороны далъ ему почувствовать, что поступки ваши заслуживаютъ также великую похвалу; онъ не переставалъ говорить, что вы имѣете всѣ нужныя качества, чтобы съ пользою служить Королю, а я прибавилъ, что вы готовы употребить ихъ на защиту праваго дѣла, въ которомъ принимаетъ участіе вся Европа. Датскій Король совершенно увѣренъ въ последнемъ.

«Вы сообщили мнѣ извѣстіе, совершенно для

меня новое; я не зналъ, что вы приказали задержать Фуше. Такая рѣшимость приносить вамъ много чести и я сожалѣю о тѣхъ, которые побоялись прежде это сдѣлать. У честныхъ людей вообще мало твердости. Должно похвалить въ этомъ случаѣ Бллкаса; правду сказать, я не удостоивился на опытъ въ твердости его характера; но если вы въ томъ не сомнѣваетесь, я готовъ вѣрить вмѣстѣ съ вами. Г. Брюжъ также человекъ рѣшительный; но онъ слишкомъ вспыльчивъ и слишкомъ скоро предается гнѣву. Я напротивъ стараюсь сохранять наружное хладнокровіе и обыкновенно тогда бываю рѣшительнѣе въ своихъ поступкахъ. Если же выйду изъ себя, то лишаюсь половины той твердости, которая извѣстна Бллкасу и другимъ придворнымъ.

Нынѣшній день у меня мало свободного времени и я долженъ торопиться. Если Бертъ действительно узналъ съ четвертаго этажа, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ. Вы спросите меня по какой причинѣ? напомниме мнѣ, что онъ говорилъ вамъ въ Бриссель (*); но знаемъ ли мы какъ онъ поступалъ послѣ того? Судя по нѣкоторымъ Нѣмецкимъ газетамъ, онъ находился подъ призоромъ Полиціи и хотѣлъ тайнымъ образомъ возвратить-

(*) Бертъ увѣрялъ меня въ непоколебимой преданности своей къ Королю.

ся во Францію. Можетъ быть онъ навлекъ на себя подозрѣніе перешнекою, которая была перехвачена.

«Вы все объяснили и доказали превосходною статьею вашею о различіи между *Французскою націею и арміею*. Но намъ объявляютъ, что: *если нація будетъ защищать Государство, то угнетитъ это для сохраненія его своему Королю*. Слѣдовательно допускаютъ, что *нація можетъ дѣйствовать за одно съ арміею*.»

Копенгагенъ, 17 Іюня 1815.

«Наконецъ этотъ Конгрессъ кончился. Талейранъ уведомляетъ меня отъ седьмого Іюня, что онъ подпишетъ протоколъ 9 числа и поелѣ того немедленно отиравится въ Гентъ. Для окончательныхъ распоряженій останется Герцогъ Албертъ.

«Я охотно вѣрю предпріятію Герцогини Ангулемской и радуюсь намѣренію ея отиравиться въ Вандею. Одна изъ ея придворныхъ дамъ писала мнѣ отъ 31 Мая: «Въ воскресенье Герцогиня ѣдетъ обратно въ Англію; она принимаетъ важное дѣло; да благословитъ ее Богъ! Это суцая Марія Терезія. Провидѣніе сотворило ее, кажется, именно для настоящихъ обстоительствъ.» Я много ожидаю отъ Герцогини Ангулемской и совершенно на нее надѣюсь.

«Не смотря на увѣренія Парижскихъ Жур-

патовъ, я убѣжденъ, что Майское поле никого не обмануло во Франціи и не доставило Бонапарте ни одного защитника. Жители Парижа слишкомъ привыкли къ такимъ зрѣлищамъ и пожимаютъ только плечами. Одиннадцать Департаментовъ, которые отказались прислать Депутатовъ, поступили рѣшительнѣе другихъ; и если разберемъ рѣчь Бонапарте, то увидимъ, что онъ внутренно не имѣетъ той самонадѣянности, которую старается показывать.

«Я вижу, Милостивый Государь, что наскучилъ вамъ частыми повтореніями о Бернадотѣ (*). Увѣрю васъ, что я не люблю, не уважаю и не боюсь этого чловѣка; если бы я былъ въ Лиссабонѣ, то давно бы забылъ, что онъ существуетъ; къ несчастію онъ у меня здѣсь на глазахъ; всякой день только и слышу, что объ немъ; съ каждымъ курьеромъ получаю новыя доказательства, подтверждающія мое объ немъ мнѣніе; тысячу разъ въ день имѣю случай досадовать, что ему оказываютъ такое почтеніе.—Если его не знаютъ въ Гентѣ, то уже вѣрно не я тому причиною.—Паденіе Мюрата было для него чувствительно. Онъ вѣроятно будетъ сожалѣть, что отказался отъ субсидій;

(*) Маркизь Бонней, по причинѣ политическихъ своихъ мнѣній, не отдавалъ должной справедливости Бернадоту, который возвысился храбростію и личными достоинствами, а не милостію Наполеона. Читателю извѣстно, какъ я о томъ думаю.

но теперь уже нельзя того поправить.

«Не знаю, известно ли вамъ, Милостивый Государь, что Беневентское Княжество назначено во владѣніе Талейрану. Пана однакожь не намѣренъ отъ него отказаться.—Кажется Императоръ Александръ писалъ еще разъ изъ Мюнхена въ Вѣну, чтобы Принцу Евгению назначили пятьдесятъ тысячъ душъ въ Италіи. — Не известно, что будетъ съ Пармою и Пиаченцою; Г. Лабрадоръ, конечно не подписалъ распоряженія, по которому Эрцъ-Герцогиня должна пожизненно владѣть этими Княжествами, а Королева Этрурская съ сыномъ довольствоваться Луккою и Пиомбино, которыя въ послѣдствіи присоединятся къ Тосканѣ, когда Парма и Пиаченца будутъ возвращены настоящему ихъ владѣтелю. Земли, проданныя Папѣ, будутъ простираться не далѣе рѣки По.— За точность этихъ извѣстій не могу ручаться, потому что они сообщены мнѣ не Талейраномъ.

P. S. «Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о Бернадотѣ. Нельзя ли предположить, что найдется Государство, которое, по родственнымъ связямъ и изъ видовъ политики, со временемъ пожелаетъ видѣть сына Густава на престолѣ Швеціи. Онъ былъ бы безопаснымъ сосѣдомъ со стороны Финляндіи и имѣлъ бы должное уваженіе, какъ племянникъ, всемъ обязанный своему дядѣ. Слѣдовательно несравненно удоб-

нѣ помѣтитъ Бернадота въ другомъ выгоднѣйшемъ мѣстѣ; на примѣръ, Лудовикъ XVIII и его семейство могутъ не полюбитья Франціи, и говорятъ, что во время переговоровъ въ Трахембергѣ обѣщано постараться за Бернадота. Разумѣется, по мнѣнію вашему, такое предпріятіе несбыточно; я совершенно съ вами согласенъ; желаю, надѣюсь и увѣренъ, что этого не случится, но не отвергаю возможности подобнаго намѣренія.»

П. Р. 20 Июня 1815.

«Вы предупредили меня, Милостивый Государь, вашею статьею объ исчисленіи голосовъ въ пользу дополнительныхъ постановленій конституціоннаго акта. Я хотѣлъ просить васъ заняться этимъ предметомъ, но былъ увѣренъ, что вы сами то сдѣлаете. Надобно или не вѣрить Барему или согласиться, что исчисленія ваши вѣрны. Не глупо ли, что во Франціи до сихъ поръ никто этого не сдѣлалъ.

«Бонапарте запретилъ Мюрату пріѣзжать въ Парижъ и высылаетъ отсюда кого ему угодно, а между тѣмъ насъ увѣряютъ, что конституція его находится во всей силѣ: Это забавно! Я знаю, что онъ не дорожитъ общимъ мнѣніемъ и надѣется скоро унять наглыхъ демагоговъ, которыми наполннлъ палату Депутатовъ; однакожъ неосторожно провозглашать свободу и въ тоже время дѣйствовать само-

властно. Впрочемъ не должно ничему удивляться

«Вотъ все, что я могу сообщить вамъ изъ Конснгагена. По прїѣздѣ въ Данію я не могъ переносить стужи, но такъ хорошо окуталь себя фланелью, что уже нѣсколько мѣсяцевъ не боюсь простуды. Совѣтую вамъ сдѣлать тоже. Не знаю лучше ли моихъ латы Бонапарте. Я желалъ бы удостовѣриться въ томъ какимъ нибудь особеннымъ орудіемъ.

«Отправляйтесь, Милостивый Государь, скорѣе въ Гентъ или въ Антверпенъ и похлопочите, если можете, чтобы не назначали людей, каковы Бернонвиль и Вобланъ (Префектъ города Метца) Королевскими Коммисарами въ Прусскую армію. Прусскій Король конечно не забылъ, что имѣлъ честь принимать перваго Посланникомъ Республики, единой и нераздѣльной. Я не смѣю обвинять Талейрана въ подобномъ выборѣ и надѣюсь, что онъ сдѣланъ безъ его вѣдома. Вамъ конечно извѣстно, кому еще поручены подобныя должности: Князь Луксенбургскій и Г. Канцль, Префектъ Женевскій, назначены къ Веллингтону; Графъ Рожеръ Дамасъ и молодой Баронъ Талейранъ, Префектъ Орлеанскій, къ Австрійцамъ; Князь Ришелье и какой-то Монье, котораго я не знаю, къ Русскимъ, а Юлій Полницякъ въ Австрійско-Ломбардскую армію.

«Объявленіе, напечатанное 20 Марта въ журналѣ, подъ названіемъ *Vorgesp-Hall*, насъ очень потревожило; всего досаднѣе, что мы можемъ пробывать еще двое сутокъ въ недоумѣніи. Если однакожь между тѣмъ не пріѣдетъ курьеръ или эстафета, я начну думать, что дѣло не такъ важно или не совсемъ худо кончилось: неблагопріятныя извѣстія обыкновенно приходятъ гораздо скорѣе. Признаюсь, мнѣ не нравится, что Бонапарте предупредилъ Веллингтона ночнымъ нападеніемъ; вообще терпѣть не могу этихъ сраженій, *перышенныхъ еще при отправленіи курьера*: это обыкновенная уловка, которою стараются обмануть, когда дѣло проиграно. До слѣдующаго вашего письма я не буду снокоенъ.

«Вы уведомляете меня отъ 20 числа, что Турція присоединилась къ общему союзу; я совершенно того не зналъ и не могу скрыть своей радости. Но за чѣмъ Ривіеръ отправился въ Испанію? теперь всякій долженъ находиться на своемъ мѣстѣ, и въ Константинополѣ слѣдовало оставить надежнаго человѣка. Признаюсь, Бонапарте не очень будетъ радъ такимъ доказательствамъ всеобщей любви.

«Прибытіе Шведской эстафеты, наконецъ меня успокоило; дѣло, происходившее 16 числа, кончилось благополучно; оно вѣроятно началось уже 15 и я не могу понять, какъ Вед-

лингтонъ не предупредилъ нападенія. Онъ отправился изъ Брисселя для наблюденій 16 числа утромъ, полагая къ вечеру возвратиться и встрѣтилъ непріятеля въ шести верстахъ отъ своего дома. Принцъ Оранскій славно выдержалъ натискъ и отразилъ Бонапарте, у котораго было восемьдесятъ тысячъ войска, въ письмѣ однакожь сказано, что ему это *дорого стоитъ*. Я не буду оплакивать Герцога Брауншвейгскаго: онъ былъ полезенъ только въ день сраженія. Послѣ завтра ожидаю подробныхъ извѣстій.

«Одному Офицеру удалось 4 Июня ухать изъ Парика; надѣясь на свою память, онъ не взялъ съ собою никакихъ документовъ и изустно сообщилъ Веллингтону важныя подробности о силѣ и расположеніи Французской арміи. Число линейныхъ войскъ, съ тѣми, которыхъ ожидаютъ прибытія, простирается до 227,000. Національная гвардія состоитъ изъ ста или полутора ста тысячъ человекъ. Пѣхота очень хорошо устроена, а кавалерія не имѣетъ даже необходимой одежды. Легкая артиллерія находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ можно было ожидать и имѣетъ пять сотъ орудій. Укрѣпленныя мѣста вообще дурны и нуждаются въ принасахъ, кромѣ Лилля, Валансьенна и Конде, куда отправлены часть Національной гвардіи и войско, сформированное изъ старыхъ

солдатъ. Надѣюсь скоро услышать о сдачѣ котораго нибудь изъ этихъ мѣстъ.

«И такъ первое предпріятіе не удалось Бонапарте. Союзныя Державы сдѣлали важный шагъ. Теперь не должно медлить и Австрійцамъ придется дѣйствовать, не дожидаясь Русскихъ. Они стоятъ въ виду непріятеля, котораго силы едвали простираются до сорока тысячъ.

«Г. Сталь въ письмѣ отъ 2 Мая (которое адресовано имъ, можетъ быть прямо Наслѣдному Принцу) говорить, что Бонапарте не удержится и что Франція раздѣлена на двѣ партіи: одна провозглашаетъ республику и имѣетъ въ Бенжаменъ-Констанъ самаго ревностнаго защитника; другая дѣйствуетъ въ пользу Герцога Орлеанскаго; къ этой послѣдней принадлежатъ всѣ тѣ, которые не ожидаютъ отъ Короля пощады.

«Талейранъ уступаетъ Беневентское Княжество Неаполитанскому Королю; мнѣ неизвѣстно, однакожь за какую сумму. Послѣднему предложено вознагражденіе Вице-Короля. Возвращая ему Королевство, полагали при этомъ случаѣ удовлетворить и частныя выгоды.

«Распоряженія Конгресса не могли быть подписаны ранѣе 10 числа: вотъ почему Талейранъ замедлилъ своимъ отъѣздомъ. Баварія и Виртембергское Королевство изъявили наконецъ

согласіе на приятіе новой Германской конституціи. Бадену надлежало согласиться послѣ всѣхъ. Я уже писалъ вамъ, что Испанскій Министръ не хотѣлъ одобрить постановленій Конгресса. Въ нихъ ничего не упоминается о семи островахъ.

«Говоря о Поццо-ди-Борго, вы называете, Милостивый Государь, искреннѣйшаго моего друга. Я за него отвѣчаю, какъ за самаго себя. Король не имѣетъ лучшаго и полезнѣйшаго защитника. Въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, я сердечно къ нему привязанъ и всегда былъ одинаковыхъ съ нимъ мнѣній. Давно говорю, что въ цѣлой Европѣ не знаю человѣка, способнаго дѣйствовать противъ Бонапарте, который отчасти много обязанъ ему первымъ своимъ паденіемъ. Надѣюсь, что и теперь онъ намъ въ этомъ поможетъ. Поццо-ди-Борго имѣетъ непоколебимый характеръ, благородную душу, и никогда не измѣняетъ своимъ правиламъ. Замѣчу только, что ему иногда не худо имѣть при себѣ человѣка, который бы могъ умѣрять его пылкость.»

Копенгагенъ, 27 Июня 1815.

«Случаются произшествія столь важныя, столь необъятныя въ своихъ послѣдствіяхъ, что умъ сначала ихъ не постигаетъ и не скоро вѣрять самой истинѣ, какъ бы ни была она привлекательна. Вотъ какое впечатлѣніе

произвело на меня прибавленіе, напечатанное въ журналѣ Borseu Hall. Въ самомъ ли дѣлѣ отбито у непріятеля 200 орудій и взято 15,000 пльнныхъ? Это превосходитъ вѣроятіе! Бонапарте погибъ безвозвратно, если слѣдующая почта подтвердитъ это счастливое извѣстіе; и такимъ образомъ предсказаніе ваше о возвращеніи Короля во Францію, въ Августъ мѣсяцъ, должно исполниться.

«Теперь наступило время отпаденій. Блюхеръ будетъ дѣятельно преслѣдовать непріятеля. Войскамъ и всѣмъ приверженцамъ Бонапарте предстоитъ хорошій случай покинуть его и возвратиться къ законному Королю. Какая важная побѣда, Милостивый Государь! слѣдствія ея будутъ самыя рѣшительныя.

«Я готовъ избавить васъ при этомъ случаѣ отъ вопроса, на который впередъ знаю вашу отвѣтъ. Позвольте мнѣ, однакоже, не сомнѣваться, что во Франціи и въ Парижѣ скоро узнаютъ всю истину. Какъ жестоко были обмануты слабые и легковѣрные люди первыми объявленіями Бонапарте! Какой онъ мастеръ лгаты! Если справедливо и если въ Парижѣ узнаютъ, что онъ лишился 200 орудій, составлявшихъ всю артиллерію большой дѣйствующей его арміи, что 25,000 человекъ осталось на мѣстѣ и 15,000 съ половиною взято въ плѣнъ; что союзныя Державы готовы вступить

во Францію съ тремя стами тысячъ и еще болѣе, и что наконецъ ихъ можно остановить однимъ словомъ; неужели тогда не произнесутъ это слово? неужели оно не повторится во всей его арміи?

«Я теряюсь въ догадкахъ; тщетно стараюсь размышлять и надѣяться. Никогда мысли мои не были такъ встревожены. Съ петербургскимъ ожидаю, чѣмъ все это кончится. Талейранъ уже въ Гентъ; что онъ будетъ тамъ дѣлать? Какъ поступитъ Король? Какая партія восторжествуетъ? Вотъ вопросы, которые я безпрестанно себѣ дѣлаю. Не думаю, чтобы между Талейраномъ и Блассомъ утвердилось согласіе; а Королю нельзя обойтись безъ перваго; пожертвовать послѣднимъ ему также невозможно. Какое затрудненіе! Но чему быть, того не миновать! Я останусь доволенъ, лишь бы изъ всего этого произошло *единство* во всѣхъ частяхъ управленія, подъ вліяніемъ одного начальствующаго лица.

«Говорятъ, что Дессезъ начинаетъ играть важную роль; я знаю съ какимъ самоотверженіемъ, какъ смѣло и какъ искусно онъ защищалъ Людовика XVI; но мнѣ неизвѣстно, способенъ ли онъ быть человекомъ Государственнымъ.

«Весьма желаю, Милостивый Государь, чтобы васъ ничего болѣе не удерживало, и чтобы вы могли скорѣе посвятить Королю ваши спо-

способности, вашъ умъ, ваше усердіе, однимъ словомъ все средства, которыми вы обладаете. Что касается до меня, я лишень почти всѣхъ этихъ средствъ и начинаю сожалѣть о преклонности моихъ лѣтъ. Старость никогда меня не устрашала и не тревожила; даже теперь не дорожу жизнью и не прошу Бога продлить ее долѣе назначеннаго мнѣ срока; но желалъ бы помолодѣть 25 или 30 годами (мнѣ 65), чтобы получить прежнія силы для посвященія ихъ полезнымъ услугамъ. Я сдѣлался почти неспособнымъ человѣкомъ и говорю это съ намѣреніемъ, чтобы вы, Милостивый Государь, не имѣли и не старались подать обо мнѣ такое мнѣніе, которое я не въ состояніи оправдать.

«Вчерашній день я отиравился за городъ и возвратился домой только сегодня къ обѣду, вотъ почему у меня не достаетъ времени, чтобы писать вамъ вышшій разъ много; подробности мои, я думаю, давно уже вамъ наскучили и должны казаться бесполезными; но нечего дѣлать: старики обыкновенно болтливы. Буду отвѣчать коротко на ваше письмо.

«Надобно пожалѣть о смерти ла Рошъ-Жакелена; но *uno avulso, non deficit alter*.

«Должно ли вѣрить слуху, что не большую Алоэскую армію посылають въ тылъ непріятеля? Это, мнѣ кажется невѣроятно, и было бы противно назначенію ея въ Вандею. Если

Мобежъ или какое нибудь другое укрѣпленное мѣсто покорится Королю, я надѣюсь, что онъ немедля займетъ его съ главными своими силами или, по крайней мѣрѣ, съ частию ихъ.

«Я не получалъ изъ Гента послѣдняго вашего дипломатическаго циркуляра. Одинъ знакомый мнѣ старичекъ говаривалъ: *лучше ильть пустую кашу, чѣмъ опорожненную*. Эти слова, не заключающія для многихъ никакого смысла, имѣютъ для меня большое значеніе. Я, напримѣръ, лучше люблю совсѣмъ не получать писемъ, чѣмъ читать въ нихъ пустыя или несбыточные извѣстія.»

1 Юля 1815.

«Я уже сказалъ, что почитаю себя неспособнымъ занимать какую нибудь должность по внутреннему управленію; но за границую, надѣюсь быть полезнѣе многихъ, и желалъ бы получить мѣсто посланника при дворѣ значительнаго Государства. Талейранъ назначилъ въ разныя посольства молодыхъ людей, которыя, хотя и оправдываютъ его выборъ, но обязаны болѣе своимъ связямъ и покровительству. Талейранъ очень ошибается, если думаетъ, что напримѣръ Алексисъ Посль (впрочемъ весьма достойный молодой человекъ) будетъ имѣть большую значительность при Вѣнскомъ дворѣ.

«Предметъ всѣхъ моихъ желаній есть Вѣна, гдѣ я оставилъ множество друзей. Увѣриютъ

однакожь, что Меттернихъ, изъ болзни ко мнѣ, предупредилъ Талейрана, и имѣеть въ виду Рожера Дамаса; я легко отгадываю причину такого предпочтенія: съ Дамасомъ онъ можетъ дѣлать, что ему угодно, а я всегда дѣйствовалъ самостоятельно.

«Увѣзая изъ Вѣны, я писалъ Блакасу, что *на первый случай* не гоужь туда посланникомъ. Всѣ знали меня тамъ эмигрантомъ и сначала я не могъ бы имѣть значительнаго вліянія. Мнѣ надлежало прежде нѣскольکو возвыситься и теперь я начинаю думать, что посольство въ Копенгагенъ, при всей своей маловажности, къ тому уже способствовало. Мнѣ остается узвать, доволенъ ли Талейранъ исполненіемъ этого порученія, и я надѣюсь, что вы меня о томъ извѣстите послѣ перваго съ нимъ свиданія.

«Вѣна есть для меня идеаль счастья и мѣсто, гдѣ я могу оправдать ожиданія Короля. Талейрану, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, какъ меня тамъ всѣ любятъ и почитаютъ. По отношеніямъ моимъ къ Министру, я скоро снискалъ бы его довѣренность, но никогда не подчинилъ бы себя его вліянію. Сомнѣваюсь что бы Герцогъ Альбергъ, послѣ пріема, сдѣланнаго ему тамошнимъ обществомъ, пожелалъ туда возвратиться — Послѣ Вѣны избралъ бы я Цезаноль, но какаа для меня разница! Послѣ

Неаноля — Туринъ. За исключеніемъ этихъ мѣсть, я ничего не желаю и вообще думаю, что буду полезнѣе за границею, чѣмъ внутри Государства.»

2 Юля 1815.

«Надѣюсь, Милостивый Государь, что мое письмо не застанетъ васъ болѣе въ Берлинѣ, или, хотѣлъ я сказать, въ Гамбургѣ отъ радости самъ не знаю, что пишу: сегодня утромъ въ половинѣ десятаго часа, получилъ я счастливую вѣсть объ арестованіи и сверженіи Бонапарте, привезенную изъ Гаги Шведскимъ курьеромъ Г-ну Таварту, который сообщилъ о томъ въ Штокгольмъ. Подробности еще неизвѣстны. Теперь-то республиканцамъ, анархистамъ и всевозможнымъ партіямъ во Франціи предстоитъ обширное поле дѣйствія; но меня ничего болѣе не тревожитъ.»

Копенгагенъ 4 Юля 1815.

«Не нахожу выраженій для описанія моихъ мыслей и чувствованій; цѣлую недѣлю я въ восторгѣ отъ радости, которая съ каждымъ днемъ увеличивается. Посмотрите, Милостивый Государь, какъ скоро замолкли всѣ эти *parties*, которыми стращали легковѣрныхъ; теперь невольно вспомнишь слова Пвенопѣвца: *et non poterunt stare*. О республикѣ не было и помину; признаться, я этого не ожидалъ, но еще менѣе думать, чтобы самые перы Бонапарте

отвергли его сына, и Принца Евгенія, и Герцога Орлеанскаго. Могли ли они ясне ска-
зать, что не хотятъ никого, кромѣ Людовика
XVIII (*) ?

«Постарайтесь, Милостивый Государь, если
можно, чтобы не стали поощрять теперь лю-
дей неспособныхъ, приносящихъ старому
правленію вмѣсто пользы одинъ вредъ, и го-
товыхъ гордиться тѣмъ, что они двадцать или
тридцать лѣтъ тому назадъ были кандидатами
должностей, которыя занимаютъ теперь при
дворѣ.

«Обращаюсь снова къ Камбрѣйской прокла-
маціи, которая, по истинѣ, есть совершенство;
она говоритъ все, что должно, ясно и справед-
ливо ограничиваетъ амнистію, представляетъ
счастливое соединеніе милости и правосудія и,
сверхъ того, никого не обманываетъ. Винов-
ные, которые не въравѣ ожидать прощенія,
знаютъ свою участь, а потому прочіе не смѣ-
шатъ отъ нихъ отдѣлаться. Тѣ, которые воз-
стали противъ Короля не ранѣ возвращенія
Бонапарте въ Парижъ, знаютъ, что покорясь
немедленно, будутъ прощены и что дальнѣй-
шимъ сопротивленіемъ навлекутъ справедливое
наказаніе. Я ожидаю самыхъ спасительныхъ
дѣйствій отъ этой прокламаціи.

(*) Замѣчаніе весьма справедливое, вопреки предразсудкамъ ав-
тора.

«Остается убѣдить Короля въ истиннѣ, по мнѣнію моему, математической. Онъ занялъ уже славное мѣсто въ исторіи по своему уму, по своимъ добродѣтелямъ и по неисчерпаемому милосердію. Онъ долженъ теперь доказать свѣту, что это милосердіе не есть слабость; и онъ въ томъ успѣеть, если поступитъ рѣшительно, осуждая однихъ виновныхъ и награждая только достойныхъ. Пусть наказываетъ и награждаетъ многихъ, лишь бы только по заслугамъ, и Европа узнаетъ, что онъ, по долгу Монарха, умѣлъ пріобрѣсть твердость, которая была не свойственна его характеру.

18 Іюля 1815.

«И такъ вы возвратились въ Парижъ не въ Августъ мѣсяць, а уже восьмого Іюля и находились тамъ при въѣздѣ Короля; честь и слава вамъ, Милостивый Государь, за *предказаніе!* Надѣюсь получить отъ васъ письмо по первой почтѣ (*).»

25 Іюля 1815.

«Меня крайне удивляетъ, Милостивый Государь, что вамъ не поручили до сихъ поръ никакой должности; съ сожалѣніемъ вижу, что мѣста раздаются людямъ вовсе неспособнымъ.

(*) Лудовикъ XVIII, оставляя Францію, пребылъ три дня въ Анль у Г. Бригюда, мера этаго города; я удостоился нѣсколько разъ обѣдать съ Королемъ и, какъ вспомнить читатель, предказалъ Его Величеству, что онъ возвратится въ отечество и вступить въ свои права *прежде трехъ тысячъ*.

При первомъ случаѣ вамъ придется объяснить мнѣ много вещей; а пуще всего не забудьте уведомить меня, какъ намѣрены васъ употребить и что вы думаете дѣлать.

«Вотъ нѣсколько вопросовъ, Милостивый Государь, на которые прошу васъ отвѣчать какъ умѣете и въ какое время вамъ угодно: когда и гдѣ рѣшились на избраніе Фуше, кто именно къ тому способствовалъ и расположенъ ли къ нему Король? Почему Беню, который управлялъ съ такимъ нерадѣніемъ Полицію, поручена должность, требующая самого бдигельнаго надзора?»

«Я все еще думаю, что Талейранъ не даромъ пригласилъ васъ въ Парижъ (*). Избраніе Баронта и Гизо дѣлаетъ ему много чести; но между префектами, что за имена! . . . Европа съ нимъ примирилась; однакоже, если онъ не оправдаетъ ея ожиданій, то подвергнетъ себя большой отвѣтственности. Вамъ извѣстно, въ какихъ я нахожусь съ нимъ отношеніяхъ и, если мнѣ придется перемѣнить доброе о немъ мнѣніе, я буду крайне огорченъ за Францію и за Короля. Талейранъ продолжаетъ васъ принимать къ себѣ, не запрещаетъ вамъ говорить строгія истины, самъ пригласилъ васъ для участія въ дѣлахъ Государства, и невѣроятно, чтобы онъ могъ такъ скоро перемѣнить свой

(*) Талейранъ, однакоже, не поручилъ мнѣ никакой должности.

образъ мыслей и свои намѣренія.

«Благодарю васъ, Милостивый Государь за примѣчательную выписку изъ собственноручнаго письма Короля къ Талейрану (*) на счетъ Уенскаго моста. Французы долго употребляли во зло преимущества, которыя давала имъ побѣда надъ Пруссаками Увы! когда то правда и миръ возродятъ на землѣ согласіе! Противуположность дѣйствій Пруссаковъ съ поступками Англичанъ произведетъ политическое слѣдствіе, со временемъ безконечно полезное»

Копенгагенъ, 1 Августа 1815.

«Теперь, когда иностранныя войска покрываютъ Францію, когда истина, послѣ всеобщаго заблужденія, начинаетъ обнаруживаться, должно болѣе всего желать, чтобы союзныя Державы скоро и рѣшительно объявили свои намѣренія и условія, на которыхъ они готовы вывести войска изъ Франціи и признать неприкосновенность ея границъ. Имъ остается одно это средство для нашего и собственнаго ихъ спасенія. Иначе мятежная армія пріобрѣтетъ снова народное расположеніе и самыя Роллисты будутъ принуждены соединиться съ нею для защиты отечества. Если дойдетъ до

(*) Весьма извѣстно, что Лудовикъ XVIII изъявилъ въ этомъ письмѣ рѣшительное намѣреніе стать на мостъ въ минуту врыва, еслибы Пруссаки дѣйствительно захотѣли истребить этотъ памятникъ Французской славы.

такой крайности, то нѣтъ сомнѣній, что во Франціи возгорится самая истребительная и кровопролитная война. Полагаю однакоже, что армія, для которой Бонапарте не можетъ болѣе существовать, покорится теперь совершенно Королю.

Г Л А В А XXI.

Предсказаніе, которое исполнилось.— Я уезжаю изъ Гамбурга. — Король въ Сентъ-Дени.—Необыкновенное скопленіе народа.—Удивленіе моего семейства.— Фуше, Министръ Короля и мое изумленіе.—Прекрасное восклицаніе Шатобриана.—Фуше желаетъ имѣть свое возстановленіе. — Замедленіе прибытія Короля въ Парижъ.— Следствіе сего замедленія.— Перасположеніе Короля къ Фуше.— Онъ обязанъ своимъ назначеніемъ Веллингтону.— Мнѣ невозможно принять Префектуру Полиціи. — Намышка Фуше надъ Бурбонами.—Замѣчательная приписка. — Удивительное несходство.—Характеръ и желанія Фуше.— Его эгоизмъ. — Несправедливость увѣреній Фуше, доказанная приемомъ, сдѣланнымъ Королю въ Парижѣ.— Споры о белой и трехцвѣтной кокардахъ.— Объявленіе Начальниковъ Легіоновъ Национальной Гвардіи.—Массева въ С. Денисѣ.—Хорошая политика и непростительное снисхожденіе.—Фуше не допускаетъ изъявленій народной радости — Составъ новаго Министерства.—Гг. Ришелье и ла Бульери.— Я оставляю политическое поприще.—Утѣшеніе недовольныхъ.— Исполненіе намѣреній иностранцевъ. — Вниманіе Блюхера и представленный караулъ.—Анличане въ Сентъ-Клу.—Благодарственные посѣщенія.—Блюхеръ въ кабинетъ Наполеона.— Непрочность всего мірскаго.— Мой пльиникъ дѣлается моимъ покровителемъ.

Наконецъ, предсказаніе мое должно было ис-

полниться.— Битва при Ватерлоо открыла Королю дорогу во Францію. Узнавъ, что Его Величество оставляет Гентъ, я немедленно отправился изъ Гамбурга и ѣхалъ со всевозможною скоростію, чтобы присутствовать при вступленіи Короля въ Парижъ. Я прибылъ въ Сентъ-Дени 7 Июля и не смотря на старанія не доброжелателей, нашель тамъ множество людей, которые стремились на встрѣчу Короля, такъ, что съ трудомъ отыскалъ для себя комнату на чердакъ.

Надѣвъ Капитанскій мундиръ Національной гвардіи я прямо явился во дворець и встрѣтилъ тамъ множество мушницъ и дамъ, которые пріѣхали поздравить Короля съ возвращеніемъ въ отечество. Я нашель тамъ и мое семейство, которое крайне удивилось неожиданному моему прибытію, и узналъ, что жители Парижа съ большимъ нетерпѣніемъ желали видѣть Короля, но не имѣли свободнаго выхода изъ города.

По объявленіи Парижа осажденнымъ, заперли ворота столицы и оттуда нельзя было выйти, особливо заставою, называемою *la barrière de la Chapelle*. Правда, на выходѣ давали особенныя позволенія и даже безъ затрудненія снабжали ими, но все же надо было исполнить установленный порядокъ, что препятствовало стремленію жителей къ Сентъ-Дени,

для чего единственно и употреблена была эта мѣра. Такъ какъ вознамѣрились предложить Лудовику XVIII принатіе Фуше и трехъ-цвѣтной кокарды, то и нужно было удалять отъ Короля сколько возможно болѣе людей, которые бы захотѣли въ томъ ему отсовѣтовать. Г-жа Буріеннъ, въ самомъ дѣлѣ, говорила мнѣ, что пріѣхавъ въ Сентъ-Дени и посѣтивъ Гюе и Лефеввра, Королевскаго Медика, слышала отъ нихъ объ этихъ бѣдственныхъ намѣреніяхъ, назnamenованныхъ рукою Фуше. Эти Госнода сказывали ей, что Король твердо бы воспротивился трехъ-цвѣтной кокардѣ, но что принатіе гибельнаго человѣка казалось неизбѣжнымъ.

Фуше—Министръ Полиціи !!! Нѣтъ, если бы я, какъ Донъ-Жуанъ, увидѣлъ идущую статую, то бы менѣе смѣшался, чѣмъ при этой невѣроятной новости. Чтобы убѣдиться въ ней, мнѣ надо было выслушать ее нѣсколько разъ и отъ нѣсколькихъ лицъ. Да и какъ повѣрить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы Король вручилъ важнейшее Министерство, въ минуту переворота, человѣку, задержаніе котораго, сто дней назадъ, считалъ необходимою; человѣку, однимъ словомъ, который Наполеономъ въ Ліонѣ назначенъ былъ къ той же самой должности. И менѣе, чѣмъ въ сутки возложено было на одно и тоже лицо произведеніе въ дѣйство мѣръ самыхъ противоположныхъ, служеніе вы-

годамъ самымъ противорѣчающимъ: сегодня Министръ похищенія престола, завтра, Министръ законной власти. Нѣтъ! не могу высказать чувствъ, стѣснившихъ меня тогда, какъ Фуше присягалъ Лудовику XVIII, а Лудовикъ XVIII, держалъ въ своихъ рукахъ руки Фуше. Всю жизнь не забыть мнѣ грусти, удручавшей меня въ то время. Я былъ возлѣ Шатобріана. Чувствованія, ощущаемыя тогда мною были, вѣроятно, одинаковы съ его чувствованіями, такъ прекрасно потомъ имъ выраженными въ славномъ его твореніи: *de la monarchie selon la charte*: «Было почти 9 часовъ вечера. Я оставался въ одной изъ горницъ предъ Королевскою комнатою. Вдругъ дверь отворилась: входитъ Предсѣдатель Совѣта, опираясь на руку новаго Министра Лудовикъ-Желанный! «Мой злополучный Государь! Ты показалъ, что нѣтъ жертвы, которой бы народъ твой не могъ ожидать отъ твоего отеческаго сердца» Фуше, какъ скоро увидятъ, былъ твореніе Веллингтона.

Фуше хотѣлось имѣть возстановленіе своей власти, какъ Талейранъ имѣлъ возстановленіе своей въ прошедшемъ году, и потому онъ задержалъ четыремя днями вшествіе Короля въ Парижъ. Благоразумные люди изъ Палаты Перовъ, не принимавшіе участія въ Королевскомъ Правленіи въ 1814, первые объявили, что для

пользы Франціи необходимо ускорить, сколько возможно, вшествіе Короля, чтобы отнять тѣмъ у иностранцевъ нѣкоторымъ образомъ право побѣды надъ городомъ, содѣлавшимся добычею гражданскихъ раздоровъ и бѣшенства партій.

Король, мнѣ извѣстно, не хотѣлъ принять Фуше, и съ справедливымъ негодованіемъ отвергнулъ мысль назначить его къ себѣ въ Министры, сначала, когда ему предложили это; но Фуше такъ благородно служилъ въ стодневное правленіе Бонапарте, что надо было награждать его службу. Притомъ Фуше снискалъ себѣ сильную партію между эмигрантами Сентъ-Жерменскаго предмѣстія и обладалъ искусствомъ сдѣлаться необходимымъ. Недалеко видные люди говорили мнѣ весьма важно, что ему обязаны спокойствіемъ Парижа. Сверхъ того, какъ я сказала, Веллингтонъ болѣе всѣхъ способствовалъ тогда помѣщенію Фуше въ Королевскій Совѣтъ. При всемъ расположеніи иностранцевъ, какой дорогой подарокъ Франціи и Королю!

Я зналъ вліяніе Герцога Веллингтона на дѣла втораго возстановленія Бурбоновской Монархіи, но мнѣ долго не хотѣлось вѣрить, чтобы вліяніе это было такъ велико, что Герцогскія мнѣнія поставятъ его выше всѣхъ важныхъ обстоятельствъ, противившихся великой несообраз-

ности видѣть Фуше Министромъ Бурбопа. Я обманулся: Франція и Король обязаны Веллингтону помѣщеніемъ Фуше въ Совѣтъ, а я, въ частности, одолженъ ему невозможностью снова занять мѣсто, оставленное мною при послѣдованіи за Королемъ въ Белгію. Могъ ли я въ самомъ дѣлѣ быть Префектомъ Полиціи при Министрѣ, котораго недавно долженъ былъ задержать и который ушелъ изъ рукъ исполнителей моего приказанія? Королю нельзя было предложить мнѣ мѣсто Префекта Полиціи при Фуше, да еслибы онъ и предложилъ, такъ съ моей стороны нельзя было принять его. Слѣдовательно сомнѣніе мое въ данныхъ обѣщаніяхъ оправдалось; но, признаюсь, выбирая самыя необыкновенныя препятствія къ исполненію этихъ обѣщаній, мнѣ бы въ голову не пришло, что помѣхою будетъ Фуше Министръ Короля Французскаго. Въ эти первыя минуты переворота, я былъ совершенно забыть.

Я довольно уже упоминалъ на счетъ предполагаемой способности Фуше, слѣдовательно мое мнѣніе объ этомъ предметѣ извѣстно; но чѣмъ справедливѣе было предположеніе, касательно этой способности, тѣмъ менѣе было причинъ ввѣрять Фуше главное управленіе Полиціею Королевства. Правила и дѣла его были довольно извѣстны; нельзя было не знать и того, какимъ образомъ этотъ человекъ относился о

Бурбонахъ, какимъ образомъ онъ не переставалъ относиться объ нихъ и по принятіи Министерства, и также свободно, какъ дѣлалъ это, бывъ Министромъ Бонапарте. Всякой зналъ, что въ разговорахъ его Бурбоны были предметомъ насмѣшекъ, и все что онъ ни говорилъ о нихъ, клонилось къ тому, чтобы ихъ унижить и выставить недостойными управлять Францію. Не возможно было не знать, что Фуше внутренно желалъ республиканскаго Правленія, въ которомъ бы ему назначили роль президента. Неужто забыли эту извѣстную притянку, которую поставилъ Фуше въ концѣ своего письма въ Діонъ, къ стоящему его другу Робеспьеру: *чтобы достойно отторжествовать праздники республики, я желаю слаженуть картежью двѣсти пятьдесятъ теловькъ?* ... И этому-то ужасному врагу Монархіи поручили утвердить ее во второй разъ! Право, надо бы новаго Клаудіена, чтобы списать образъ этого новаго Руффина.

У Фуше благодѣяніе было всегда не иное что, какъ средство вредить своему благодѣтелю. Король, обманутый, какъ и многіе другіе, похвалою, снѣтвенною Фуше его приверженцами; не зналъ, что этотъ коварный человекъ никогда не управлялъ Министерствомъ иначе, какъ только въ евою пользу, не заботясь о выгодахъ Правительства, цмѣвшаго слабость

довѣрять ему власть, всегда въ рукахъ его опасную. Фуше имѣлъ мнѣнія, но никогда не имѣлъ партій, и если объясняются чѣмъ-нибудь его политическія удачи, такъ это однимъ умѣнемъ служить стороне, которая по расчетамъ должна взять верхъ,— съ тѣмъ однакоже, чтобы нанослѣдокъ ее также низвергнуть. Со времени кровавыхъ дней ужаса до благополучной эпохи втораго возстановленія Монархіи, онъ выслуживался только тѣмъ, что оставлялъ своихъ и жертвовалъ ими; и можно сказать, одна только идея была въ немъ неизмѣнна: идея эта потребность безпрестанной измѣнчивости; впрочемъ никто не имѣлъ столько легкомыслія и несообразности, какъ Фуше. Во всемъ онъ видѣлъ одного себя и этому законному эгоизму приносилъ на жертву и людей и Правительства. Вотъ отъ чего сохранилъ онъ силу и имѣніе во времена Конвента, и во времена Директоріи, и въ продолженіе Имперіи, и во дни похищенія престола, и при вторичномъ возвращеніи Бурбоновъ; онъ участвовалъ въ основаніи и уничтоженіи каждой изъ этихъ властей. Фуше — примѣръ единственный; я не знаю другаго чловѣка, который бы, переходя различныя и рѣзко противоположныя эпохи, былъ всегда обсыпалъ почестями и почти не испытывалъ немилостей.

7 Июля представили Королю, что Фуше

одинъ можетъ способствовать вступленію Его Величества въ Парижъ, у него одного ключъ отъ воротъ столицы, ему одному покорны умы. На другой день, по сдѣланному Королю приему, можно было судить о справедливости этихъ словъ. Присутствіе Короля служило знакомъ къ согласію, обнаружившемуся самымъ очевиднымъ образомъ; я встрѣчалъ на бульварахъ, и нерѣдко вмѣстѣ, снова принявшихъ бѣлую кокарду и удержавшихъ трехъ-цвѣтную; но отъ различія цвѣтовъ не произошло никакой тревоги.

Этотъ вопросъ о народныхъ цвѣтахъ и бѣлой кокардѣ произвелъ новые толки въ Сентъ-Денись 7 Іюля. Вечеромъ увидѣли мы прибытіе Маршала Массены, который немедленно былъ представленъ Королю. Тотчасъ распространился слухъ, будто пріѣздъ его имѣлъ цѣлью убѣдить Людовика XVIII вступить въ Парижъ въ народной кокардѣ. Массена недолго оставался съ Королемъ, и всякой изъ собравшихся въ замѣ ожидалъ выходъ его въ сильномъ безпокойствѣ, происходившемъ у каждаго отъ различной причины. Многіе начальники національной гвардіи, по лукавому наущенію Фуше, стали открыто за трехцвѣтную кокарду. Впрочемъ я имѣю причину думать, что послѣ 7 Іюля многіе изъ подписавшихъ слѣдующее объявленіе желали бы вымарать свою подпись. Вотъ какого рода было это объявленіе, пред-

ставленное Королю Массеною, начальствовавшимъ тогда національною гвардіею.

Объявленіе начальниковъ Легіоновъ и старшинъ національной гвардіи.

«Мы нижеподписавшіеся начальники Легіоновъ и старшины національной гвардіи, въ отвѣтъ на сегодняшнее повелѣніе отъ 6 Іюля 1815 года, имѣемъ честь объявить Господину Маршалу Массенъ, Принцу Эсслингскому, своему Главнокомандующему, что поставляемъ себя въ честь сохранить на всегда народные цвѣты, которые не могутъ быть оставлены безъ опасности.

«Мы смѣемъ утверждать, что мнѣніе наше согласно съ мнѣніемъ большаго числа нашихъ военныхъ собратьй; въ слѣдствіе чего покорнѣйше просимъ Господина Маршала представить это объявленіе Членамъ Правительственной Коммисіи для обнародованія его, въ отвращеніе безпорядковъ, могущихъ произойти отъ всякаго въ этомъ случаѣ недоразумѣнія.»

«Парижъ 6 Іюля 1815 года, 10 часовъ вечера; составлена и по прочтеніи подписана всѣми присутствовавшими.»

«Шуазель-Праслень, начальникъ перваго Легіона, Графъ Л. де Жирарденъ, начальникъ втораго, Баронъ Делессертъ, начальникъ третьяго, Жобертъ, начальникъ четвертаго, Патинотъ, начальникъ пятаго, Сенепартъ, началь-

«сникъ шестаго, Гюитонъ, начальникъ седьмаго, «Ришардъ-Ле-Поаръ, начальникъ восьмаго, Де-«ларю, Старшина девятаго, Саллеронъ, началь-«сникъ двѣнадцатаго, Боннетъ, Старшина пята-«го, А. Шарметъ, Начальникъ девятаго, де Бри-«удъ, Старшина девятаго, Таббе, Старшина седь-«маго, Ложьеръ, Старшина шестаго, Одіодъ, «Старшина втораго, Жентиль, Старшина чет-«вертаго, Бари, Старшина перваго, Биллингъ, «Старшина третьяго, Габріель-Делессердъ (Ad-«jutant Commandant), Габріель де Вуазень (Ad-«jutant Commandant), Роардъ Старшина двѣнад-«цатаго, Феликсъ де Варанжъ (Capitaine Adjoint), «Бернардъ (Capitaine Adjoint), Аклокъ, Старшій «начальникъ одиннадцатаго, Гиліомъ (Capitaine «Adjoint) въ Главномъ Штабѣ, А. Фень, Стар-«шина одиннадцатаго.»

Мнѣ известно, что мнѣнія Королевскихъ Со-«вѣтниковъ, касательно этого объявленія были «различны; но, какъ мы скоро узнали, благо-«разумнѣйшіе изъ нихъ одержали верхъ и Ко-«роль съ твердостію отвергнулъ странное пред-«ложеніе. Я, съ моей стороны, думалъ и ска-«залъ окружавшимъ меня, что Временное Прав-«леніе въ 1814 году сдѣлало уже большую «ошибку не удержавъ, вопреки мудрому мнѣ-«нію Мармонта, народнаго цвѣта, за чѣмъ же «вводитъ Короля въ другую, не менѣе важ-«ную ошибку, принять народный цвѣтъ въ 1815

году. То, что годъ назадъ было бы поступкомъ благоразумной политики, теперь, въ глазахъ моихъ, казалось бы трусливымъ спихожденіемъ. Фуше зналъ это очень хорошо и потому сдѣлался душею интриги: ему одному надо приписать такую преступную мысль. Тѣхъ, кому покажутся слова мои оскорбительными для памяти Фуше, прошу взять немного терпѣнія: они скоро увидятъ, каковъ былъ у насъ съ нимъ разговоръ и съ какимъ цинизмомъ этотъ человѣкъ обнаруживалъ ненависть свою къ Бурбонамъ.

Оставляя политическое общество единственно потому, что Фуше сдѣланъ былъ Министромъ, я предался обыкновенному утѣшенію недовольныхъ; наблюдалъ странныя и несвязныя происшествія, смотрѣлъ на новыя глупости: они выказывались ежедневно, и зрѣлище было богато и разнообразно. Король не привезъ съ собою Блакаса: уступивъ основательнымъ убѣжденіямъ своихъ благоразумнѣйшихъ Совѣтниковъ, онъ отправилъ по пріѣздѣ въ Монсъ этого вреднаго Министра посломъ въ Неаполь; но въ нѣкоторыхъ сборищахъ заговорили о мести, и безумцы хотѣли воспользоваться присутствіемъ иностранцевъ, чтобы, по ихъ любимому выраженію, *конгитъ революцію*, какъ будто было когда ибудь другое средство къ окончанію ея, кромѣ безпрестра-

етнаго принятія всего того, что произвела она хорошаго.

Каждый день жители собирались въ Тюльерійскій садъ, подъ окны Королевскіе, веселились, пѣли и танцовали. Рѣшетки, ограждавшія зелень были выломаны и она сдѣлалась театромъ увеселеній.

Такія веселости большаго числа людей обоего пола, изъ которыхъ многіе принадлежали къ отличнѣйшимъ сословіямъ общества, не понравились Фуше : надобно было потревожить радость. Подлые наемщики протирались въ толпу, брызгали ядовитыми жидкостями на дамскія шапи и платья; другимъ приказано было дѣлать различныя непристойности, и кончилось тѣмъ, что никто не смѣлъ болѣе показываться въ саду, боясь быть либо пораненнымъ, либо обиженымъ. Чтобы произвести тревогу передъ самыми глазами Короля, заставить его сомнѣваться въ показываемомъ къ нему расположеніи, агенты Полиціи кричали: *да здравствуетъ Императоръ*, среди восклицаній *да здравствуетъ Король!* и не разъ эти безстыдные возглагошатели указывали и останавливали самыхъ честныхъ людей, какъ виновныхъ въ восклицаніяхъ, произносимыхъ клеветами Фуше. Одинъ мой пріятель извѣстный роялистъ, котораго отецъ былъ убитъ въ революцію, рассказывалъ мнѣ, что прохаживаясь съ двумя

дамами, онъ услышалъ подлѣ себя двухъ чело-
вѣкъ, кричавшихъ: *да здравствуетъ Импера-
торъ!* все встревожилось; прибѣжала стража,
и эти два челоѵка имѣли дерзость обвинять
въ томъ моего пріятеля; напрасно бывшіе подлѣ
него люди увѣрили въ несправедливости обви-
ненія, его схватили и отвели на гоубтвахту, гдѣ
онъ просидѣлъ нѣсколько часовъ, пока друзья
невиннаго не пришли освободить его.

Такими гнусными пронырствами выслужил-
ся Фуше: на него смотрѣли, какъ на челоѵка,
который одинъ только можетъ прекратить без-
порядки, имъ однимъ произведенные. Онъ до-
билея возобновленія Тюльерійской Полиціи и
дворецъ принялъ печальный видъ: *плсни за-
молкли.*

Между тѣмъ Король, бывъ еще въ Сентъ-
Дени отдалъ начальствованіе народной гвардіи
Генералу Дессолю, который немедленно ве-
лѣлъ отпереть заставы. Неранѣе, какъ по
вступленіи уже въ Парижъ, но въ самый день
прибытія, Король постановилъ, чтобы тронъ
его окруженъ былъ Тайнымъ Совѣтомъ (*conseil privé*),
составленнымъ изъ Принцевъ Крови
и особъ, которыхъ въ послѣдствіи назначить
Его Величество. Потомъ Король учредилъ свое
новое Министерство, слѣдующимъ образомъ со-
ставленное:

«Князь Талейранъ, Перъ Франціи, Председа-
46*

тель Совѣта Министровъ и Государственный Секретарь по иностраннымъ дѣламъ.

«Баронъ Луи, Министръ Финансовъ.

«Герцогъ Отранскій!! Министръ Полиціи.

«Баронъ Паскье, Министръ Юстиціи и хранитель печати.

«Маршалъ Гувіонъ-Сентъ-Сиръ, Министръ Военный.

«Графъ Жокуръ, Перъ Франціи, Министръ Морскихъ силъ.

«Герцогъ Ришельё (*), Перъ Франціи, Министръ Королевскаго двора.

Управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ поручено было на время Министру Юстиціи,—Съ особеннымъ удовольствіемъ узнали, что вмѣсто ненавистнаго Блакаса назначень

(*) Спустя нѣсколько времени почли за нужное вмѣсто Министерства Королевскаго Двора учредить Генераль-Интендантство. Послѣ Ришелье былъ въ этой должности Графъ Прадель. Генераль-Интендантство сдѣлалось вторично Министерствомъ Двора при моемъ старомъ другѣ Лористонъ, котораго неизмѣнно почести въ отношеніи къ бывшимъ товарищамъ. По смерти его, такъ сильно огорчившей меня, Министерство Королевскаго двора попытало снова перемѣну и сдѣлалось въ другой разъ Генераль-Интендантствомъ, въ каковомъ видѣ оно находится теперь подъ управленіемъ Ла Бульери, котораго дарованія и честность болѣе всѣхъ оцѣнялъ Бонапарте во время Консульства и въ послѣдствіи. Я помню, какъ онъ часто говаривалъ о Ла-Бульери: «Этотъ человекъ рожденъ управлять деньгами; послѣ него пересчитывать не нужно.» По этому-то и вызвалъ его Бонапарте въ Булонскій лагерь для повѣрки расходовъ и въ послѣдствіи, когда мы лишились Эстева, бывшего съ нами въ Египетскомъ походѣ, назначилъ хранителемъ коронныхъ имуществъ.

былъ Ришелье, имя котораго напомнило славнаго Министра, и который заслужилъ уже прежде всеобщее уваженіе своею честностію и благоразуміемъ.

Въ тотъ же день, 8 Іюля, Маршалъ Макдональдъ, къ общему удовольствію, назначень былъ великимъ Канцлеромъ Почетнаго Легіона, на мѣсто Г. Прадта. Г. Шаброль снова принялъ Сентскую Префектуру, которымъ въ теченіи *стодневнаго* правленія распоряджалъ Г. Бонди; Г. Моле сдѣланъ Директоромъ Путьей Сообщенія; на мое мѣсто Префектомъ Полиціи назначень Г. Казесъ, а Г. Бенью замѣнилъ Г. Феррацца по управленію почтами.

Два дня, кажется, спусти по составленіи этого Министерства, я счелъ долгомъ явиться къ Блюхеру, жившему въ Сень-Клу. Узнавъ, что у меня есть въ Сень-Клу домъ, Блюхерь тотчасъ приставилъ къ нему часоваго, и такое вниманіе стояло благодарности моеѣ тѣмъ болѣе, что въ это время много жаловались на грабительство и буйный духъ войскъ (*). Вотъ

(*) Послѣ Пруссаковъ занимали Сень-Клу Англичане. Большою домъ мой, гдѣ помещались дѣти Графа д'Артуа не былъ тронутъ ими; но малой, составляющей часть той же собственности, дворы и прочее все было ими занято. Начальникъ ихъ, изъ предосторожности, приставилъ часоваго къ дверямъ большаго дома. Въ одно утро пришли намъ сказать, что ночью разломали дверь и украли дорогое зеркало. Пожаловались начальнику-- и изъ произведеннаго

новый примѣръ непрочности людскаго величія. Я нашель Блюхера почти Царски расположившагося въ томъ самомъ дворцѣ Сенъ-Клу, гдѣ я такъ долго прожилъ, пользуясь дружбою Наполеона, въ то время, когда онъ давалъ законы Королямъ Европейскимъ, не бывъ еще самъ Государемъ. Въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ мы проводили столько часовъ въ занятіяхъ, гдѣ развѣтвилось столько мыслей, я былъ принятъ моимъ Гамбургскимъ плѣнникомъ. Послѣ обыкновеннаго привѣта онъ напомнилъ мнѣ тогда это обстоятельство: «Кто бы могъ предсказать тогда, говорилъ Блюхеръ, что я, бывъ «вашимъ плѣнникомъ, сдѣлаюсь покровителемъ «собственности вашей. Вы теперь пожнете плоды хорошаго обхожденія со мною въ Гамбургѣ.—Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Вѣрно только то, что на этотъ разъ союзныя «Державы сдѣлаютъ условія, по которымъ останутся на долго въ опасности. Императоръ «Александръ не желаетъ, чтобы Французы «дрого выкунили нанесенное намъ зло: онъ при-

сдѣствіа открылось, что разломалъ дверь и укралъ зеркало самъ часовой. Бѣдникъ осужденъ былъ Воспнымъ Совѣтомъ на смерть, что, разумѣется весьма огорчило насъ. Г-жа Буріенъ просила за преступника, но начальникъ согласился только на отсрочку казни. Спустя нѣсколько недѣль Англійскія войска выступили, виновный уведень за полкомъ—и мы съ тѣхъ поръ ничего не слышали объ участи несчастнаго.

«писываетъ его Наполеону; но Наполеонъ не въ силахъ заплатить военныхъ издержекъ, заплатить же кому-нибудь надобно; хорошо было «сдѣлать одинъ разъ, но теперь уже мы не можемъ вновь принять издержки на себя. Впрочемъ, прибавилъ онъ, вашихъ предѣловъ не «тронуть, въ этомъ могу васъ успокоить. Императоръ Александръ не одинъ разъ говорилъ «при мнѣ моему Королю: я уважаю Францію «и непременно хочу, чтобы она сохранила свои «прежнія границы»

Таковы были собственные слова Блюхера, говоренныя со мною. Стараясь воспользоваться оказываемымъ имъ мнѣ дружествомъ, я объявилъ ему о жалобахъ, приносимыхъ со всѣхъ сторонъ на недостатокъ дисциплины въ войскахъ, расположенныхъ подъ его начальствомъ. «Чтожь дѣлать?» сказалъ онъ мнѣ, «я не могу «вездѣ имѣть глазъ; но могу васъ увѣрить, что «впередъ и по вашему представленію стану строго наказывать всякое буйство, которое дойдетъ до моего свѣденія.»

Г Л А В А XXII.

Брачный контракт моей дочери и строгость этикета.—Производство мое въ Предсѣдательн избирательной Ионской Коллегии.—Приказаніе видѣться съ Фуше и мое не расположеніе.—Пріемъ въ саду.—Невольное молчаніе.—Мнѣніе Фуше о правленіи Короля.—Его глубокая ненависть къ Бурбонамъ.—Невырочный разговоръ Королевскаго Министра.—Сознаніе ошибокъ 1814, и возраженіе.—Необходимость времени для политическихъ перемѣнъ.—Вынужденное объясненіе и дерзкій отвѣтъ.—Священная обязанность и аудіенція у Короля.—Фуше скоро лишеть милости.—Слова Бенарте о Фуше.—Карно обманутой Наполеономъ.—Я избранъ депутатомъ.—Избраніе Г. Рандота и твердость духа.—Возвращеніе мое въ Парижъ и сожалѣніе о Шевъ.—Прекрасный характеръ Макдональда и Неаполитанскій Король.—Встрѣча съ Ранпомъ.—Неожиданная прогулка въ Булонскомъ лѣсу.—Вѣрность Ранпа въ 1815.—Его свиданіе съ Наполеономъ.—Наполеонъ одинъ въ дорогѣ.—Мудрость и уступчивость Ранпа.—Герцогъ Беррійскій и Ранпъ.—Авсдотъ.—Производство мое въ Государственные Министры.—Мое имя, написанное рукою Лудовика XVIII.—Заключеніе.

До отъѣзда своего въ Гентъ, Королю угодно было подписать брачный контрактъ одной изъ дочерей моихъ съ Г. Массьё де Клервалемъ, хо-

тя онъ былъ не болѣе, какъ Лейтенантъ морской службы. Совершенство брака назначено было именно въ воскресенье 19 Марта; но легко можно представить, что во время разстройства, въ которомъ мы тогда находились, никто не вспомнилъ о такомъ маловажномъ дѣлѣ. Въ Июль возобновилъ я мою просьбу, что произвело важныя пренія въ церемоніальномъ Совѣтѣ; строгій этикетъ защищалъ тутъ свои права, полагая, что свадебному контракту простаго Лейтенанта должно состояться въ маломъ собраніи двора, дабы снова не повредить Монархин. Король, помня давнее мнѣ обѣщаніе, рѣшилъ подписать контрактъ въ больномъ собраніи. Пусть смѣются, но, признаюсь откровенно, эта маленькая побѣда надъ церемоніаломъ принесла мнѣ величайшее удовольствіе.

Спустя немного послѣ, Король пожаловалъ меня Государственнымъ Совѣтникомъ; званіе это носилъ я всегда при Наполеонѣ со времени водворенія его въ Тюльери, но не отправлялъ должности, соединенной съ этимъ чиномъ; наконецъ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ слѣдствіе желанія Короля созвать новую Палату Депутатовъ, я назначенъ Предѣтелемъ Избирательной Коммисіи въ Юнскомъ Департаментѣ. Узнавши объ этомъ, я тотчасъ отправился къ Талейрану получить наставленія; но онъ объявилъ мнѣ, чтобы я, сообразно Королевской волѣ, побы-

валь у Министра Полиціи за приказаніями. Я говорилъ Талеѣрану о моемъ нежеланіи видѣться съ Фуше, по причинѣ нашихъ съ нимъ отношеній. «Ступайте, ступайте,» возразилъ мнѣ Талеѣранъ, «будьте увѣрены, что Фуше ничего вамъ не скажетъ.»

Невыразимо нехотѣлось мнѣ видѣть Фуше — и я, скрѣпя уже сердце, пошелъ къ нему. Я ожидалъ пріема холоднаго и скрытнаго; послѣ происшедшаго между нами, наше свиданіе съ нимъ точно дѣлалось вѣщью нѣсколько щекотливою. Я засталъ Фуше въ 9 часовъ утра, гуляющимъ въ своемъ саду въ полномъ утреннемъ безпорядкѣ одежды; онъ былъ одинъ и принялъ меня какъ друга, съ которымъ давно не видѣлся. Подумавъ, я не сталъ много удивляться такому привѣту: Фуше умѣлъ подчинять свою ненависть расчетамъ настоящаго положенія. Онъ даже не намекнулъ о своемъ арестѣ, и можно повѣрить, что не на этотъ предметъ хотѣлъ и я склонить разговоръ. Я спросилъ: «Нѣтъ ли какихъ приказаній объ Іюньскихъ выборахъ?» — «Никакихъ» отвѣчалъ Фуше: «пусть выберутъ васъ, если можете это сдѣлать; старайтесь только удалить Генерала Дефурно; — прочее мнѣ все равно. — Чѣмъ же вы недовольны Дефурно? — Министры его не желаютъ.»

Я собирался уже идти, какъ Фуше остано-

вилъ меня: «Вы очень торопитесь, останьтесь на минуту.»— Тутъ началъ онъ говорить мнѣ о первомъ возвращеніи Бурбоновъ и спрашивалъ, какимъ образомъ могъ я такъ легко рѣшиться дѣйствовать въ ихъ пользу. Потомъ вошелъ объ этой Августѣйшей фамиліи въ такія подробности, о которыхъ по всему должно мнѣ умолчать; и сообщая продолженіе нашего разговора, я постараюсь дать о немъ вѣрное понятіе, сохраняя приличіе, котораго ни сколько не сохранялъ Фуше.

На первый его вопросъ я отвѣчала, что, желая видѣть Францію освобожденною отъ ужасовъ революціи и военного деспотизма, я нетерпѣливо помогала возвращенію Бурбоновъ, которое предвидѣлъ и при которомъ присутствовалъ съ живѣйшею радостью. «Я былъ «убѣжденъ,» прибавилъ я, «что Лудовикъ XVIII «сознаетъ необходимость Конституціоннаго Правленія, одного возможнаго во Франціи; что онъ «обезпечитъ истинную общественную свободу и «что наконецъ, сумѣетъ помирить прошедшее съ «настоящимъ.—Вы думаете, что Французы всѣ за «возстановленное правленіе?—Думаю, что большая «часть за него.—Такъ вы не знаете, что нравственная оппозиція Бурбоновой династіи сдѣлалась «замѣтною съ первыхъ мѣсяцевъ ея возвращенія, «во всѣхъ Департаментахъ? Старые партизаны «республики, Наполеоновы агенты всюду, бѣ-

«гал, распространяли слухъ, что Бурбоны во-
«ротились съ суетвѣремъ и эмигрантами. Я мо-
«гу показать вамъ сотню рапортовъ, совершен-
«но согласныхъ объ этомъ предметъ. Сознайтесь,
«что все сдѣланное или вознамѣренное съ годъ
«назадъ Правительствомъ, слишкомъ доказало его
«наклонности. Видано ли было когда такое пря-
«мое противодѣйствіе выгодамъ и славъ націи?
«А этотъ явный возвратъ къ прошедшему,
«развѣ не испугаль тогда всѣхъ? Роялисты
1815 явились точь въ точь какъ въ 1789. Во
«всѣхъ важнѣйшихъ актахъ воевое безъ внима-
«ніа пропущены наставшія перевороты и ходъ
«вѣка. Имъ и глупость желать насильно заста-
«вить народъ, образованный временемъ, забыть
«свои понятія и создать себѣ новыя истины.
«Всѣми силами старались, оборачпваясь назадъ,
«все подвергать раземотрѣнію, чтобы настоя-
«щее состояніе произпесло судъ надъ всѣмъ
«прошедшимъ въ ихъ пользу. Эти необъясни-
«мые поступки заставили говорить, что на тронъ
«хотѣли возвести контръ—революцію. И те-
«перь еще хотятъ этого, но я здѣсь, и, сколько
«могу, воспротивлюсь тому. Пора положить
«конецъ великому бою революціи, не кончан-
«ной 25-тью годами смятеній и даромъ про-
«павшихъ уроковъ;—сторону Дворянства и Ду-
«ховенства нигдѣ не поддерживаютъ, кромѣ
«Вандеи. Едва 6-й изъ Французовъ захочетъ

«прежняго правленія, и ручаюсь вамъ, изъ плести не окажется одного искренняго предавшаго законной власти. Вы, какъ видно, не знаете, что въ 1814 громко говорили объ иностранномъ Принцѣ, о Герцогѣ Орлеанскомъ и регентствѣ, — такъ послушайте-же: нѣтъ иностраннаго Принца, будь онъ выпрошенный отъ Державъ или просто данный ими, котораго бы тогда не предпочла конституціонная партія; потому что, въ такомъ случаѣ, можно бы было требовать, какъ условія подданства, сохраненія правъ народа. Увѣрляю васъ, что при этомъ во всей конституціонной партіи нашлось одно лишь исключеніе — семейство бывшихъ Королей; но, вѣрно вы не включаете людей этихъ въ число Бурбоновыхъ партизановъ»

Я былъ словно оглушенъ такими рѣчами, слушая ихъ отъ Королевскаго Министра, но между тѣмъ отвѣчалъ Фуше: «Я далекъ, разумеется, отъ того, чтобы одобрить въ какомъ бы-то нибыло случаѣ, систему, принятую въ 1814, которую при томъ никто, сколько знаю, не порицалъ громче моего; но, позвольте сказать, я не вижу по вашему бѣды отъ того, что суевѣріе и эмигранты распространятся по Франціи. Безъ сомнѣнія, ошибки еще будутъ, найдутся люди зачерствѣлые въ старыхъ понятіяхъ, но время разгонитъ ихъ

«мало по-малу, и мнѣ кажется, напротивъ, замѣтнымъ возрастающее присоединеніе въ пользу Бурбоновъ; число ихъ приверженцевъ день ото-дня увеличивается. Что дѣлать? и въ ходѣ гражданственности, какъ въ походѣ побѣдоносной арміи, бывають отсталые. Никто болѣе моего, вы это довольно знаете, не стоитъ за распространеніе просвѣщенія и вамъ извѣстны также мои споры объ этомъ предметѣ съ Первымъ Консуломъ; но и самое просвѣщеніе должно приходиться, какъ свѣтъ дневной, постепенно. Непосредственный переходъ отъ глубокой ночи къ яркому дню тоже опасенъ;—нѣтъ улучшеній, которыхъ бы я не пожелалъ, но не хочу ихъ, когда они быстры и стремительны, и потому-то убѣждаюсь, что Бурбоны одни могутъ водворить мало по-малу истинную общественную свободу. Король самъ по себѣ чловѣкъ не простой и, я увѣренъ, болѣе всякаго другаго знаетъ, что народная независимость и благоразумная свобода, должны со временемъ стать самыми твердыми опорами его трона. Вы, признаюсь, должны знать лучше моего различныя направленія общественнаго ума; но присылающіе вамъ доносенія смотрятъ на вещи, о которыхъ говорятъ вамъ, своими глазами, и вамъ слишкомъ хорошо извѣстны люди, чтобы не знать вамъ ихъ взгляда на все сквозь призму соб-

«ственнаго понятія; еслибы ихъ донесенія были вѣрны, то положеніе всѣхъ было бы горестное; потому, что отъ жалобъ перешли бы наконецъ къ угрозамъ, отъ угрозъ къ насильію; захотѣли бы испровергнуть существующій порядокъ—и вышла бы изъ этого гражданская война. Сохрани насъ Богъ отъ нея.»

Фуше выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, немного задумался, проводя длинными пальцами по блѣдному лицу своему и потомъ отвѣчалъ: «Мнѣ кажется вы въ заблужденіи; но если возгорится гражданская война, то будьте увѣрены, что найдется лишь горсть роялистовъ для противодѣйствія цѣлой массой народа, болѣе чѣмъ въ 60 Департаментахъ; въ большей части ихъ изъ восьми одинъ послушалъ бы роялистовъ, остальные принудили бы ихъ замолчать.—Такъ по вашему, Герцогъ, Бурбоны не могутъ долго оставаться?—Я не говорю вамъ моего мнѣнія,» возразилъ Фуше съ усмѣшкою, напомнившюю мнѣ улыбку его вечеромъ на кануи 3 Пивоза. Впрочемъ, прибавилъ онъ, «заклучайте что вамъ угодно изъ словъ моихъ: это мнѣ совершенно все равно.»

Я спѣшилъ прервать столь необыкновенный разговоръ, бывшій на дѣлѣ еще необыкновеннѣе, чѣмъ въ моемъ разсказѣ; я упомянулъ уже о долгѣ моемъ умолчать о вещахъ, которыя вспоминать мнѣ грустно, а повторять не воз-

можно. Скажу только, что Фуше простеръ до послѣдней степеней ругательство выраженій, не осторожность языка и революціонный цинизмъ. Право, мнѣ казалось, сомнительно, у Королевскаго ли Министра былъ я; таковое-то не уваженіе къ Королевской фамиліи выказывалось въ словахъ Герцога Отранскаго. Это былъ наглый заговорщикъ, либо обманчивый завлекатель. Я бы подумалъ, что онъ, по примѣру тому, какъ поступалъ со мною у него Іосифъ Бонапартъ, самъ наконецъ хотѣлъ подстергаты меня, еслибы не былъ убѣжденъ изъ его ненавистныхъ правилъ, что все говоренное имъ съ обыкновенною его легкостью было выраженіемъ его мыслей. Страсть къ деньгамъ, эта ненасытная въ немъ жажда, преклоняла его предъ всякою властію, какова бы она ни была.

Во всякомъ случаѣ я почелъ священнымъ долгомъ объявить Королю объ этомъ загадочномъ разговорѣ, и такъ какъ Графа Блакаса при немъ уже не было для прегражденія добрымъ совѣтамъ пути къ трону, то просто, по первому отъ меня спросу, я былъ введенъ въ кабинетъ Его Величества. Я старался скрыть отъ Короля обидныя подробности, потому что, въ самомъ дѣлѣ, еслибы представить ихъ во всей наготѣ, то Лудовику XVIII не возможно было бы повѣрить имъ. Король благодарилъ меня въ обязательныхъ выраженіяхъ за сооб-

щеніе ему этого обстоятельства, и я примѣтилъ его убѣжденіе въ томъ, что оставивъ при себѣ долѣе Фуше, онъ сдѣлается жертвою Министра, котораго столь постыдно дали Королю 7 Июля, представивъ его какъ спасителя. Герцогъ Отрантскій вскорѣ былъ лишень милости,—и я при этомъ былъ весьма радъ видѣть себя исправителемъ зла, нанесеннаго Франціи Герцогомъ Веллингтономъ.

Фуше, скажу чтобы кончить объ этомъ лицѣ, слишкомъ уже много занявшись имъ, былъ такъ неограниченно вѣроломъ въ отношеніи къ дѣлу, которому по наружности посвящалъ свою службу, и Бонапарте такъ хорошо зналъ его, что когда въ *стодневное правленіе* называли при Наполеонѣ Министровъ Короля въ Гандѣ, и кто-то сказалъ: «но я вовсе не вижу тутъ Министра Полиціи!—Э! . . . , «подхватилъ Наполеонъ, Фуше!» — Не таковъ былъ Карнотъ, не смотря на неизгладимое пятно поданнаго имъ мнѣнія; если онъ служилъ Королю, Король могъ положиться на него; но ничто не могло поколебать его строгихъ въ пользу свободы правилъ; потому-то, какъ я слышалъ отъ достовѣрнаго лица, Карнотъ до принятія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, предлагаемаго ему въ началъ стодневнаго правленія Бонапартомъ, хотѣлъ напередъ поговорить съ нимъ, чтобы узнать перемѣнился ли онъ? Кар-

ночь повѣрилъ прекраснымъ словамъ Наполеона — и обманулся, какъ обманулись ими многіе другіе.

Вскорѣ послѣ аудіенціи моеи у Короля, отправился я въ Іонскій Департаментъ, гдѣ занялся возложенною на меня должностію, и былъ весьма счастливъ избраніемъ моихъ соотечественниковъ, удостоившихъ меня чести быть ихъ представителемъ въ Палатѣ Депутатовъ. Я имѣлъ товарищемъ Депутаціи Г. Рандота (Randot), который въ одномъ затруднительномъ обстоятельствѣ показалъ твердость духа изъявленіемъ приверженности къ Королевскому Правленію. Вотъ въ чемъ состояло дѣло это, какъ я узналъ и какъ по возможности распространилъ его между избирателями, надъ которыми имѣлъ честь председательствовать, и которые, долженъ сказать, были вообще люди отличнаго ума: — вышедъ на берегъ при заливѣ Жуанъ, Бонапарте на пути изъ Ліона въ Парижъ, остановился въ Авалонѣ и тотчасъ потребовалъ къ себѣ Мера, — Меромъ былъ тогда Г. Рандотъ; — онъ немедленно явился къ Наполеону и сказалъ ему: «что вамъ угодно, *Генераль?*» Названіе это не понравилось Наполеону, который однако сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ Г. Рандоту, готовому обизать его какъ путешественника, но не служить ему какъ Императору. Наполеонъ отдалъ ему кое-

какія приказанія, по достойный этотъ слуга Короля отвѣчалъ: «Генералъ! я не могу имѣть отъ васъ никакихъ повелѣній, потому что не могу признать другаго Государя, кромѣ Короля, которому присягнулъ. Тогда Наполеонъ съ гнѣвомъ велѣлъ ему выдти, и нѣтъ нужды прибавлять къ этому, что Г. Рандотъ не долго ждалъ своего отрѣшенія отъ званія Авалонскаго Мера.

По окончаніи выборовъ въ Іюнь, возвратился я въ Парижъ, гдѣ занимался общественными дѣлами не болѣе почти какъ только любитель, въ ожиданіи открытія засѣданій. Съ глубокимъ огорченіемъ видѣлъ я, что Правительство опять прибѣгало къ мѣрамъ жестокости въ наказаніи проступковъ, которые слѣдовало бы, слушаясь лучшей политики, отнести къ несчастію времени,—и потому никакой доводъ не остановитъ слезъ, посвященныхъ мною памяти Ней. Казалось, желая сдѣлать Францію надолго неспособною предпринять что-либо, какъ Блюхеръ признавался мнѣ въ Сентъ-Клу, возстановляли Дуарскую армію противъ Королевскаго Правленія пораженіемъ одного изъ самыхъ любимыхъ ея начальниковъ, предводившаго ее столько разъ къ славѣ. Не имѣю положительныхъ доказательствъ, но думаю, что голова Ней была знакомъ благодарности, который Фуше считалъ долгомъ для себя изъяснить

вліянію, сдѣлавшему его Министромъ.

Около этого времени узналъ я случай, который не удивить никого, потому что представляетъ лишь новое доказательство рыцарскаго праводушія Макдональда. Когда въ 1815 многіе Маршалы объявляли предъ союзными Государями свои права на дарственные владѣнія въ иностранныхъ земляхъ, тогда вдова Генерала Моро, которой Король пожаловалъ титулъ Маршальши и которая была другомъ Герцога Тарантскаго, не сказавъ ему, написала къ Блакасу, Посланнику нашему въ Неаполь послѣ паденія Мюрата, письмо, прося о сохраненіи Маршалу Макдональду дарственнаго владѣнія въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Макдональдъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ благодарить Г-жу Моро за ея одолженіе, предупреждая однако о намѣреніи своемъ писать въ опроверженіе ея просьбы, совершенно несогласной съ его правилами. Миѣ извѣстно, что Маршалъ въ самомъ дѣлѣ послалъ къ Блакасу письмо, гдѣ говорилъ прямо: «Спѣшу предъувѣдомить васъ, Г-сподинъ Посланникъ, что Маршальша Моро писала къ вамъ вовсе противъ моей воли и прошу васъ не начинать ничего, что бы могло подвергнуть меня отказу. Король ни мало не обязанъ благодарить меня за разбитіе его арміи, за возмущеніе его Королевства и за принужденіе самого его отступить въ Сицилію.»

Поступокъ этотъ былъ достоинъ Маршала, который послѣдній оставилъ Наполеона въ 1814 и послѣдній вновь увидѣлъ его, не вступивъ въ службу, въ 1815. Г. Блакасъ удивился подобному письму; онъ сообщилъ его Неаполитанскому Королю, котораго отвѣтъ, до меня дошедшій, не менѣе достоинъ памяти, вотъ онъ: «Если бы я и не далъ себѣ закона не удерживать ничего изъ дарственныхъ Французскихъ владѣній, то откровенность Маршала заставила бы меня сдѣлать исключеніе въ его пользу.» Много удовольствія видѣть Государей такими точными исполнителями законовъ, ими для себя изданныхъ.

Около послѣднихъ чиселъ Августа 1815, прогуливаясь на бульваръ Капуциновъ, я былъ весьма обрадованъ встрѣчею съ Генераломъ Раиномъ, съ которымъ давно мы уже не видѣлись. Онъ вышелъ изъ дома No 17 отъ живописца Лагрене, рисовавшаго съ него портретъ. Я былъ пѣшкомъ; карета Генерала стояла тутъ, мы сѣли въ нее съ нимъ и поѣхали прогуляться въ Булонскій лѣсъ. Какъ много имѣли мы сказать другъ другу, не издавшишь со времени значительныхъ переворотовъ двухъ возстановленныхъ правленій (*des deux restaurations*). Причиною нашего запоздалаго свиданія было то, что въ 1814 я провелъ часть года въ Сенсъ и что съ самыхъ Мартовскихъ происшествій въ 1815

Раппъ не былъ въ Парижѣ. Это былъ, по справедливости, отличный человекъ, и я нашелъ его совершенно покорившимся переменѣ своего положенія, хоть немного и ворчащимъ противъ иностранцевъ. Раппъ не былъ изъ числа Генераловъ, измѣнившихъ Королю 20 Марта. Онъ сказывалъ мнѣ, что оставался въ повелѣнїяхъ Герцога Беррійскаго предводителемъ дивизіона, которымъ начальствовалъ въ Экуенѣ,—и только уже по отбытіи Короля, отдалъ отрядъ свой въ распоряженіе Военнаго Министра.

«Какъ тебя принялъ Наполеонъ?» спросилъ я его.—«Я ждалъ, чтобы онъ позвалъ меня, отвѣчалъ Раппъ. Вѣдь ты знаешь, я ни крошки еще разумью въ политикѣ. Присягнувъ Королю «—и знаю одну службу, и готовъ былъ драться противъ Императора.—Ба!—Да, мой другъ, я и самому ему объявилъ это. — Не уже ли! ты осмѣлился. — Разумется! я сказалъ ему, что рѣшимость была невольная. . . . Я зналъ, «отвѣчалъ онъ нѣсколько разсердясь, что вы «были противъ меня. Если бы состоялась битва, «я бы нашелъ васъ на полѣ ея; я бы показалъ «вамъ медузину голову; не уже ли бы осмѣлились вы стрѣлять въ меня? — Безъ сомнѣнія, «отвѣчалъ я . . . А! . . . это ужъ слишкомъ, «вскричалъ онъ. Но солдаты не послушались «бы васъ: они оставались мнѣ преданы. . . . «Чтожь было мнѣ дѣлать? подхватилъ я; вы

«отказались, уѣхали, обязали насъ служить Королю — и потомъ возвращаетесь! Къ тому же «откровенно скажу вамъ, я не разгадаю порядочно, что выдетъ наконецъ изъ всего? Войны «и еще войны? Франція ихъ довольно уже имѣла. Тутъ продолжалъ Раннъ, онъ сталъ увѣрять меня, что имѣетъ совершенно другія мысли, что и онъ не желалъ болѣе войны, что «хотѣлъ управлять мирно и заняться единственно счастіемъ своего народа. Когда я представилъ ему на видъ согласіе иностранцевъ, онъ «сказалъ, что имѣетъ союзы. Потомъ началъ «говорить со мною о Королѣ — и я объявилъ «ему, что былъ имъ весьма доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ Король прекрасно принялъ меня «по возвращеніи моемъ изъ Кіева, и я не вижу, «для чего бы мнѣ жаловаться тогда, какъ со «мною хорошо обходился. Въ разговорѣ нашемъ «съ Императоромъ, онъ хвалилъ мнѣ поведеніе «Герцога Орлеанскаго, потомъ разказалъ нѣсколько о своемъ переездѣ съ острова Эльбы «и путешествіи по Франціи до Парижа; жаловался, что его называютъ честолюбцемъ, — и «какъ я при словѣ этомъ выразилъ примѣчательное имъ сомнѣніе, то продолжалъ: Какъ! не «сужто я честолюбивъ? и ударивъ себя обѣими «руками по животу, прибавилъ: такой толстый «и жирный, какъ я, можетъ ли быть честолюбивъ? Тутъ не могъ я удержаться, чгобы не

«сказать ему: Ваше Величество изволите смѣять-
«ся . . . онь увѣрять, что вовсе нѣтъ и чрезъ
«нѣсколько минутъ, замѣтивъ на мнѣ орденъ,
«началь шутить надо мною на счётъ крестовъ
«Св. Лудовика и Лиліи, которыя я носилъ еще.

Я спросилъ Раппа, справедливо ли все то,
что рассказываютъ о восторгѣ, выражавшемся
всюду по дорогѣ Наполеона отъ залива Жуана
до Парижа. «Я тамъ не былъ, также какъ и
«ты, отвѣчалъ онь, но всѣ сопровождавшіе его
«подтвердили мнѣ точность объявленныхъ объ
«этомъ подробностей. Только слышалъ я, ка-
«жется, отъ Бертрана одно обстоятельство,
«когда онь боялся за Императора въ случаѣ,
«если бы явился убійца. Это было, недалеко уже
«отъ Парижа, въ Фоссарѣ, гдѣ Императоръ
«остановился завтракать. Сопровождающая На-
«полеона команда такъ утомилась, что не могла
«слѣдовать, отъ чего онь нѣкоторое время оста-
«вался одинъ на дорогѣ, какъ вдругъ эскадронъ,
«расположенный гарнизономъ въ Меленъ (Melun)
«явился къ Императору и провожалъ его до
«Фонтенебло. Впрочемъ, сколько я слышалъ, онь
«не былъ нигдѣ ни въ одной настоящей опа-
«сности.»—

Мы разговаривали потомъ о настоящемъ на-
шемъ положеніи, о необыкновенности переворо-
товъ нашего счастья, и Раппъ рассказалъ
мнѣ при этомъ, какимъ образомъ онь, нѣсколь-

ко дней лишь назадъ, не находился уже болѣе въ числѣ недовольныхъ; ибо положеніе Генераловъ, начальствовавшихъ надъ корпусами арміи въ сраженіи при Ватерлоо, въ 1815 было совершенно не то, что въ 1814. «Я твердо рѣшился, сказалъ онъ мнѣ, жить въ покоѣ, не смѣшаться ни во что, и даже не прислоняться къ мундиру, и потому-то съ самаго возвращенія Короля нога моя не была при дворѣ; какъ вдругъ, съ недѣлю тому назадъ, прогуливалъ сверхомъ въ двухъ стахъ или трехъ стахъ шагахъ отсюда (*), вижу, человѣкъ на лошади, быстро отдѣлившійся отъ толпы кавалеристовъ, несется ко мнѣ, и я узнаю Герцога Беррійскаго. Едва успѣлъ я выговорить: это вы, Ваше Высочество!—И безъ сомнѣнія, я, любезный Генераль; вы нейдете къ намъ, надобно, чтобы я къ вамъ пришелъ. Приходите завтра по утру со мною завтракать.—Что ты будешь дѣлать, продолжалъ Ранпъ, онъ сказалъ это съ такою добротою, что побѣдилъ меня: на другой день я былъ тамъ,—и онъ принялъ меня такъ, что опять приду туда; но просить не хочу ничего. Еслибы только не эти Пруссаки и Англичане . . . » Одобривъ поступки Ранпа, я замѣтилъ ему, что не возможно такому праводушному и честному человѣку, какъ онъ, не остановить на себѣ со временемъ вни-

(*) Возвращаясь, мы были тогда у заставы la barrière de l'Etoile.

манія Короля—и слова эти были повѣмъ изъ моихъ сбывшихся предсказаній. Съ этихъ поръ я не переставалъ часто видѣться съ Рапиномъ, каждый разъ, какъ мы бывали оба въ Парижѣ; но уже наши бесѣды были только дружескія и выходили изъ круга эпохи, которой достигъ я, и долженъ кончить мои Записки.

Въ Августѣ мѣсяцъ Король объявилъ меня Государственнымъ Совѣтникомъ (*); 19 слѣдующаго мѣсяца я былъ сдѣланъ Государственнымъ Министромъ и Членомъ Тайнаго Совѣта. Надѣюсь, что мнѣ позволено будетъ окончить мой рассказъ воспоминаніемъ лестнаго для меня обстоятельства, по случаю производства меня въ это послѣднее званіе. Король потребовалъ отъ Талейрана, чтобы онъ, въ качествѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, представилъ ему списокъ особъ, которые составили бы Его Тайный Совѣтъ. Прочитавши этотъ списокъ Лудовикъ XVIII сказалъ: «По Г. Талейрану, я не вижу здѣсь именъ двухъ нашихъ добрыхъ друзей—Буріенна и Алексея де Нуаля (Noailles). Государь! я полагаю, что наименованіе Членами Вашего Совѣта будетъ для нихъ лестнѣе, если они получаютъ его прямо отъ Вашего Величества»—Тогда Король прибавилъ въ спи-

(*) Я отправлялъ должность Государственнаго Совѣтника до 1818, когда было издано повелѣніе, назвавшее должность эту несовѣстною съ званіемъ Государственнаго Министра.

скѣ мое и потомъ имя Графа Алексѣя де Нуалля, такъ, что имена наши на подлинномъ повелѣніи написаны рукою Лудовика XVIII. — Этимъ оканчивается мое повѣствованіе о необыкновенныхъ и часто странныхъ происшествіяхъ, которыхъ я былъ зрителемъ и дѣйствователемъ на пути чудесно оживленномъ и отъ которыхъ осталось мнѣ одно лишь воспоминаніе.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАШЯ

И

ОБЪЯСНЕНІЯ.

ТРАКТАТЪ ВЪ ФОНТЕНЕБЛО.

- Статья 1.* «Его Величество Императоръ Наполеонъ отказывается, за себя и своихъ наследниковъ и потомковъ, равно и за каждого изъ членовъ своего дома, отъ всякаго права на господствованіе и власть какъ надъ Французскою Имперією и Италискимъ Королевствомъ, такъ и надъ всякою другою странюю.
- Статья 2.* «Нихъ Величества Императоръ Наполеонъ и Императрица Марія Луиза сохраняютъ титула и достоинства свои пожизненно; мать, братья, сестры, племянники и племянницы Императора удерживаютъ равномерно, гдѣ бы ни находились, титулъ Принцевъ его дома.
- Статья 3.* «Островъ Эльбы, избранный Императоромъ Наполеономъ мѣстомъ своего пребыванія дѣлается, на всю жизнь его, Отдѣльною областью, находящеюся подъ его полною властію и составляющею его полную собственность. Кроме того дано будетъ Императору Наполеону 2 милліона франковъ годоваго дохода, заключающихся въ процентахъ съ кредитнаго установленія, называемаго *le grand livre de France*; изъ нихъ 1 милліонъ поступаетъ въ пользу Императрицы.
- Статья 4.* «Всѣ Державы обязуются, оказывать покровительство къ обезопасенію отъ Варварійцевъ флота и предѣловъ острова Эльбы, и къ сравненію съ Францією сего острова въ сношеніяхъ его съ Варварійцами.
- Статья 5.* «Герцогства Пармское, Пиаченское и Гвастальское отдаются въ полное владѣніе и собственность

Императрицы Маріи Луизы, а отъ нея переходя къ сыну ея и потомкамъ въ прямой линіи. Принцъ, ея сынъ, приметъ титулъ Принца Пармскаго, Пiacенскаго и Гвастальскаго.

Статья 6. Въ земляхъ, отъ которыхъ отказывается Императоръ Наполеонъ за себя и свое семейство, удерживаются владѣнія, или отчисляется доходъ съ кредитнаго установленія *le grand livre de France*, составляющій чистой и отъ всѣхъ повинностей свободной прибылн въ годъ 2 милліона 500 т. франковъ. Эти владѣнія или этотъ доходъ будутъ состоять въ полной собственности и свободномъ распоряженіи Принца въ и Принцессы Императорскаго дома и раздѣлятся такимъ образомъ, что доходъ каждаго будетъ находиться въ слѣдующей соразмѣрности: Матери Императора предоставляется 500 т. франковъ, Королю Иосифу и Королеви 500 т. франковъ, Королеви Гортензін и ея дѣтяи 400 т. Королю Иерониму и Королеви 500 т. франковъ, Принцессы Элизъ 500 т. франковъ, Принцессы Паулинь 300 т. франковъ. Принцы и Принцессы Императорскаго дома сохраняютъ всѣ свои имѣнія движимыя и не движимыя, какого бы рода они были, принадлежащія имъ, какъ частнымъ лицамъ, и особливо доходы, которыми пользуются они, равномѣрно какъ частныя лица, съ кредитнаго установленія *le grand livre de France*, или съ Миланскаго Банка—Наполеонъ (*le Mont — Napoléon de Milan*).

Статья 7. «Годовое содержаніе Императрицы Иозефины ограничивается однимъ милліономъ франковъ, вырочаемыхъ изъ владѣній и изъ доходовъ кредитнаго установленія *le grand livre de France*. Она по прежнему пользуется правомъ полной собственности въ движимомъ и не движимомъ имуществѣ, и можетъ владѣть имъ на основаніи Французскихъ законовъ.

Статья 8. «Принцу Евгению, Вице-Королю Италіи, будетъ дана приличная осѣдаость въ Франціи.

Статья 9. «Имущества, принадлежащая Императору Наполеону и въ качество экстра-ординарныхъ владѣній и въ качество частной собственности, остаются въ пользу короны. Отъ суммъ, положенныхъ Императоромъ Наполеономъ или въ кредитное установленіе *le grand livre de France*, или во Французскій банкъ, или въ заведеніе лѣсныхъ акцій, или употребленныхъ въ другой какой-либо оборотъ, составляетя капиталъ, не превышающій 2 милліоновъ франковъ, на жалованье лицамъ, имѣющимъ быть внесенными въ списокъ, который будетъ подписанъ Наполеономъ; каковая сумма вручится Французскому Правительству.

Статья 10. «Всѣ брилліанты короны остаются во Франціи.

Статья 11. «Императоръ Наполеонъ пополнитъ казну и другія общественныя хранилища суммами и вещами, вынутыми по его повелѣнію, исключая штатной суммы на содержаніе двора.

Статья 12. «Долги двора Его Величества Императора Наполеона, въ томъ количествѣ, въ какомъ находятся при подписаніи сего трактата, будутъ непосредственно уплачены по счетамъ, подписаннымъ нарочно для сего постановленнымъ Коммисіонеромъ, изъ недомочныхъ суммъ слѣдующихъ отъ казны на содержаніе двора.

Статья 13. «Облигаціи Миланскаго Банка-Наполеонъ имѣютъ обязательную сумму въ отношеніи ко всѣмъ кредиторамъ—Французамъ и иностранцамъ безъ всякой по сему перемѣны.

Статья 14. «Необходимыя охранныя письма будутъ выданы для свободнаго путешествія Его Величества Императора Наполеона, Императрицы, Принцевъ и Принцессъ и особъ ихъ свиты, которыя пожелають сопровождать ихъ; равномерно какъ и для провоза экипажей, лошадей и багажа имъ принадлежащихъ:—Союзныя Державы дадутъ въ слѣдствіе сего Офицеровъ и людей для сопровожденія.

- Статья 15.* «Императорская Французская гвардія составитъ отрядъ отъ 1200 до 1500 человекъ, изъ всякаго оружія, для сопровожденія Его Величества до Сентъ-Тропеца, мѣста, гдѣ назначено съѣсть на корабль.
- Статья 16.* «Вооруженный Корветъ съ необходимымъ числомъ судовъ, будетъ снаряженъ для препровожденія Его Величества Императора Наполеона и двора его въ назначенное мѣсто. Корветъ остается въ полной собственности Его Величества.
- Статья 17.* «Его Величество Императоръ возьметъ съ собою и удержитъ при себѣ въ качествѣ гвардіи 400 человекъ, изъ желающихъ Офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ.
- Статья 18.* «Французы, которые послѣдуютъ за Его Величествомъ Императоромъ, обязаны, подѣ опасеніемъ лишенія гражданства во Франціи, возвратиться въ отечество въ теченіе трехъ лѣтъ, если только они не будутъ употреблены въ должности, которыя Французское Правительство имѣетъ право назначать по истеченіи того срока.
- Статья 19.* «Польскія войска всякаго оружія, находящіеся во Французской службѣ, свободны возвратиться на родину, взявъ съ собою оружіе и багажъ, какъ знаки ихъ славныхъ заслугъ; Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты сохраняютъ жалованные имъ орденъ и съ ними соединенные пенсіоны.
- Статья 20.* «Высшія Союзныя Державы ручаются за исполненіе всѣхъ статей сего трактата, обязуясь согласить Францію къ признанію и принятію оныхъ.
- Статья 21.* «Сей Трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ обмѣнены въ Парижѣ въ продолженіе двухъ дней, и ранѣе, если возможно.
«Заключенъ въ Парижѣ 11 Апрѣля 1814.

Подписали:

«Мы приняли вышеозначенный Трактатъ во всѣхъ и всякой изъ его статей, объявляемъ его

принятымъ и ратиѳикованымъ, и общаемъ не измѣнное по немъ исполненіе. Въ увѣреніе чего выдаемъ сіе за подписаніемъ и приложеніемъ нашей Императорской печати. — Фонтенебло 12 Апрѣля 1814.

•НАПОЛЕОНЪ.

«Министръ Государственный Секретарь,

«ГЕРЦОГЪ БАССАНО.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Г Л А В А I.

Вельможи Имперіи.—Люди Франціи и люди Наполеона.
—Дѣти Имперіи.—Важное различіе — Уподобленіе
армейскихъ съ гражданскими. — Мои желанія и мое
содѣйствіе. — Бурбоны незнакомы новому поколѣнію.
—Желаніе церемьны — Совѣтъ регентства.—Вліяніе
Императорской воли. — Слова значительнаго члена
Совѣта.—Записка Камбасереса. — Отъѣздъ и возвра-
щеніе Г. Талейрана.— Мое посѣщеніе Г. Талейрану
и Савари тридцатаго Марта.—Преданность Савари.
—Мармонъ и Мортъе принуждены отступить къ Па-
рижу. — Парижъ пробуждается отъ пушечныхъ вы-
стрѣловъ.— Иосифъ, полномочіе договариваться и по-
бѣтъ.—Вечеръ тридцатаго Марта.—Засѣданіе у Мар-
мона.— Желаніе капитуляціи.—Вліяніе Гг. Перрего
и Лафитта.—Торжество любви къ отечеству.—Импе-
раторскій Адъютантъ.—Мои замѣчанія одобрены. . . I

Г Л А В А II.

Франція спасена капитуляціею Парижа.—Невозможность
защитаться.—Мирныя побѣды и сохраненные памят-
ники.—Г. Блакасъ и Г. Ферранъ.—Благородное по-
веденіе Мармона.—Императоръ въ Эссонъ и скорое
возвращеніе въ Фонтенебло.—Полковникъ Фабіе и
и Полковникъ Денисъ.—Преданность Савари.—Два
префекта.—Капитуляція Парижа.—Надежды, причи-
ною которыхъ отсутствіе Австрійскаго Императора.

Стр.

— Утро тридцать перваго Марта.—Разодранныя платки и выдуманныя кокарды.—Роялистская скачка.—Гг. Состень де ла Рошфуко, Графъ Фроассаръ, Герцогъ Люксамбургскій, Герцогъ Кривошольскій, Сеймуръ и другіе.—Депутація къ Александру. — Шато-брианъ и его книжка. — Засѣданіе у Г. Морфонтена. — Бѣлый шаръ.—Вступленіе союзниковъ.—Несклонность Франціи къ Наполеону.—Александръ у Г. Талейрана. — Присутствіе мое на всехъ собраніяхъ. — Что мнѣ сказалъ Русскій Императоръ.—Разсужденіе о томъ, какое дать правленіе Франціи. — Роялизмъ Аббата Прадта — Рѣшительныя слова Г. Талейрана. —Объявленіе Александра.—Вѣрное возвращеніе Бурбоновъ.—Прокламація Александра.—Скорость объявленія.—Назначеніе меня въ главное управленіе почтъ.

21

Г Л А В А Ш.

Самая важная вещь получена отъ Александра.—Погрѣбность, какую сдѣлалъ Наполеонъ, удаливъ Императрицу изъ Парижа.— Основаніе и составъ Временнаго Правительства. — Списхожденіе Сената. — Аббатъ Прадтъ въ почетномъ легионѣ. — Увеличеніе числа приверженцевъ къ Бурбонамъ.—Ложное мнѣніе о поведеніи Австрійскаго Императора, и моя въ этомъ отношеніи увѣренность. — Югъ Франціи обнаруживаетъ себя за Бурбоновъ — Порученіе данное Наполеономъ Коленкуру.— Подробности этого порученія. —Коленкуру предшествоуетъ градское Начальство.— Слова Александра депутаціи и Наполеонову посланному.—Свиданіе въ Парижѣ.— Полномочіе Коленкура.—Привѣтствіе Александра Сенатской депутаціи.— Неудовольствіе, причиняемое присутствіемъ Коленкура въ Парижѣ, и приказаніе выехать. — Нерѣшимость Г. Талейрана между Бонапарте и Бурбонами.— Возвращеніе Коленкура въ Фонтенебло.

44

Г Л А В А І V.

Положеніе Наполеона во время Парижскихъ произше-
ствій — Бонапарте въ Троа тридцатаго Марта.—Де-
сять миль въ два часа.—Прибытіе въ Сашь.—Импе-
раторъ въ тележкѣ.—Наполеонъ въ Фродманто.—Ге-
нераль Беллиаръ и первыя извѣстія о Парижскомъ
сраженіи.—Карты и цвѣтныя булавки.—Коленкуръ
послалъ въ Парижъ.—Скорый отъездъ въ Фонтенеб-
ло.—Бонапарте замираетъ на цѣлый день въ своемъ
кабинетѣ.—Мармонъ призванъ въ Фонтенебло.—Под-
робности, доставленныя Императору —Планы нападе-
нія на Парижъ и мысль отступить за Лоарь.—Дур-
ной успѣхъ Коленкурова посольства.— Прибытіе го-
ловъ колоннъ въ Фонтенебло.—Рѣчь Императора гвар-
діи.— Наполеонъ утверждаетъ о своемъ желаніи ми-
ра. — Бѣлая кокарда и преданность гвардіи.— Бла-
городное поведеніе Генераловъ въ арміи.— Ослабле-
ніе умственныхъ способностей Наполеона.—Что мнѣ
сказалъ Маршалъ Лесбръ о Наполеонѣ. . . . 54

Г Л А В А V.

Объявленный Сенатомъ актъ о лишеніи правъ. — Адресъ
Временнаго Правительства къ Французской арміи.—
Письмо мое къ Мармону.—Генераль Дессоль на сто-
ронѣ Бурбоновъ.—Посольство Монтестонъ въ Эссонъ.
—Согласіе мыслей моихъ съ мыслями Дессола. —
Пробужденныя воспоминанія объ отечествѣ.— Пере-
писка у Мармона съ Шварценбергомъ.—Какъ стран-
но Маршалъ Макдональдъ узнаетъ о занятіи Пари-
жа.—Приписка Бутье.—Опасенія на счетъ столицы
Герцога Тарантскаго.—Макдональдъ въ Фонтенебло.
—Горячій разговоръ съ Императоромъ.—Отчаянныя
намѣренія Наполеона.—Письмо Берноувилл, и дѣй-
ствіе, произведенное Парижскими извѣстіями.—Нер-

вое отрѣченіе подъ условіемъ учрежденія регенства.— Ограничительныя выраженія.— Мечты Бонапарте.— Ложная радость отъ невѣрнаго донесенія.— Наполеонъ хочетъ взять обратно свой актъ отреченія.— Отказъ Маршаловъ.— Макдональдъ, Ней и Коленкуръ Императорскіе комиссары.— Макдональда отзываютъ.— Наполеонъ признается, въ чемъ виноватъ.— Императорскіе комиссары въ Эссонъ.— Что мнѣ сказалъ о Мармонтъ Князь Шварценбергъ. 84

Г Л А В А VI.

Первыя мои занятія въ главномъ управленіи почтъ.— Назначеніе мое утверждено Временнымъ Правительствомъ.— Задержанныя письма и объявленіе публикъ.— Неожиданное полученіе 500000 франковъ.— Посланный ночью нарочный.— Меня призываютъ къ Г. Талейрану.— Прибытіе Наполеоновыхъ Комиссаровъ.— Опасенія нѣкоторыхъ лицъ.— Старанія мои, чтобы ихъ успокоить.— Слова Г. Талейрана Маршаламъ.— Лудовикъ XVIII.— Выходъ Маршаловъ отъ Императора Александра.— Жаркая сцѣна и прѣветствіе Макдональда.— Берновиль и Дюпонъ.— Подробно сти засѣданія Маршаловъ у Императора Александра.— Вліяніе Дессоли.— Отговорка Императора Александра.— Совѣтуются съ Королемъ Прусскимъ.— Маршалы у Шел.— Мармонтъ Адъютантъ и извѣстія изъ Эссонъ.— Отбытіе войскъ въ отсутствіи Маршала.— Отчаяніе и мужество Мармонта.— Его присутствіе въ Версаи и вліяніе словъ его.— Новыя безпокойства Временнаго Правленія.— Возвращеніе Мармонта.— Бѣлая и трехцвѣтная кокарда.— Горжество хитрости.— Дуриной совѣтъ торжествуетъ. 86

Г Л А В А VII.

Наполеонъ одинъ въ Фонтенблo, и Маршалы въ Па-

Стр.

рижъ.—Воззваніе къ арміи. — Опъ обвиняеть Мар-
монта.—Страшная похвала Сенату отъ Наполеона.—
Три правительства во Франціи. — Марія Луиза въ
Блоа. — Адресъ регентши къ Французскому народу.
— Письмо Графа Монталивета. — Чиста и рука.—
Марія Луиза посылаетъ Герцога Кадорскаго къ Ав-
стрійскому Императору. — Регентство въ Блоа и по-
слѣднія его дѣйствія.—Г. Монталиветь пишетъ второе
письмо къ префектамъ. — Прибытіе Герцога Кадор-
скаго въ главную квартиру Австрійскаго Импера-
тора.—Пріемъ, сдѣланный Францомъ II посланнику
Маріи Луизы. — Увѣренія Императора въ дружбѣ
къ Наполеону. — Отсутствіе Меттерниха.—Г. Стаді-
онъ при Императорѣ и ненависть его къ Наполеону,
—Дурной успѣхъ посольства Герцога Кадорскаго.—
Дружба Меттерниха къ Наполеону. — Возвращеніе
Герцога Кадорскаго къ Маріи Луизѣ.—Отъѣздъ Им-
ператрицы въ Орлеанъ. 107

Г Л А В А VIII,

Первое время вступленія моего въ должность Главнаго
Директора Почтъ.—Посвященіе Блюхера.—Воспоми-
наніе о Гамбургѣ.—Долгій разговоръ.—Блюхеръ въ
кабинетъ Наполеона въ Сень-Блу. — Мой домъ въ
Сень-Клу освобождаетъ отъ постоя.—Мое представ-
леніе Прусскому Королю.—Представленіе Бертье.—
Прусскій Король упрекаетъ Кларка, предъ нами.—
Пріѣздъ Бернадота въ Парижъ.—Дружба его ко мнѣ
не измѣнилась.—Долгій разговоръ съ Королемъ Пра-
вителемъ Швеціи —Мнѣніе Бернадота о Морѣ.—Во-
споминанія о Бернадотѣ и Наполеонѣ — Заблужде-
ніе въ разсужденіи ихъ и противоположное счастье.
—Отверженіе Титула: Князь де Понтекорво.—Гибель
Наполеона.—Конференція Императора съ Шампаньи,
—Слѣдствіе увѣдомленія. 124

Г Л А В А IX.

Возвращеніе Императорскихъ комиссаровъ къ Александру. — Присутствіе мое у Талейрана. — Вторая конференція Александра съ Маршалами. — Присутствіе Короля Прусскаго. — Неизмѣнное опредѣленіе союзниковъ. — Перемиріе на двадцать четыре часа. — Възливотъ, оказанная Александромъ Макдональду, отвѣтъ Маршала. — Фонтенебю въ рукахъ союзныхъ войскъ. — Дружба Александра къ Наполеону. — Отъѣздъ Александра, и Поццо-ди-Борго. — Последний смотръ войскамъ, сделанный Наполеономъ, до его прощанія. — Маршалы въ Фонтенебю и необходимость прямого и леваго отреченія. — Довѣренность Императора къ Макдональду. — Возвращеніе въ Парижъ и присоединеніе Ней. — Макдональдъ возвращается въ Фонтенебю одинъ. — Необыкновенное положеніе Императора. — Намѣреніе отравиться и сомнѣнія въ разужденіи этого. — Глубокая задумчивость Бонапарте. — Любопытный разговоръ Императора съ Маршалами. — Сабля Мурадъ-Бей и благородная награда. — Последнее прощаніе. — Прямое и ясное отреченіе Наполеона. — Благородное присоединеніе Макдональда. — Странное сближеніе чиселъ. 140

Г Л А В А X.

Противуположныя чувствованія мои, произведенныя паденіемъ Наполеона. — Четверкъ и система правленія. — Глубокій предметъ. — Деньги суженныя Наполеономъ Государственному Казначейству. — Сокровища Европы въ Тюльери. — Безполезное скопленіе ихъ и мертвые капиталы. — Ошибочная Финансовая система. — Общее мнѣніе о хранимыхъ деньгахъ. — Мое одобреніе приговора, изданнаго Временнымъ Правленіемъ. — Порицаніе и подражаніе поступкамъ Наполеона. — Правосудное постановленіе Временнаго

Стр.

Правленія.— Измѣненіе системы воспитанія дѣтей и возвращеніе ихъ семействамъ.— Политическое и моральное дѣйствіе.— Назначеніе въ Лици.— Похищеніе дѣтей и разлученіе братьевъ — Спокойствіе Парижа.— Служба національной гвардіи.— Мой оставленный шпата.— Мои занятія почтовыми дѣлами.— Преодоленные затрудненія и Указъ Императора Александра. 153

Г Л А В А Х I.

Молбствіе на площади Лудовика XV. — Замѣчательное безмолвіе. — Иностранныя мудры — Церемонія истинно Французская. — Воспоминаніе и надежда.— Высѣствіе Графа д'Артуа— Письмо Монтескю, отвѣщенное Рошфуко. — Принцъ у Г-жи Дамась.— Временное Правленіе и муниципальный советъ представляются Принцу.— Рѣчь Талейрана и однимъ Французомъ больше.— Мое мѣсто на бульварѣ, и старый кавалеръ Св. Лудовика.— Пѣсня: vive Henri IV — Шествіе Принца.— Шатобрианъ и могущество брошюрки.— Направленіе умовъ. — Александръ въ Элизе— Бурбоны. — Пріѣздъ Австрійскаго Императора. — Душное расположеніе Парижанъ.— Природное сужденіе народа. — Повтореніе церемоніи 31-го Марта.— Притворное спокойствіе Императрицы. — Марія Луиза въ Рамбулье. — Посѣщеніе, сдѣланное Императорами Маріи Луизы.— Отъѣздъ Маріи Луизы въ Вѣну. 162

Г Л А В А Х II.

Последнія заграничныя происшествія.— Италія и Евгений. — Договоръ, заключенный Евгениемъ съ Маршаломъ Беллегардомъ.— Прощаніе Евгения съ войсками Французскими и отказъ проводить ихъ во Францію.— Заблужденія Евгения. — Посредникъ, поудачно выбранный.— Раздраженіе Италіянецвъ и смерть Министра.

Стр.

— Войска Французскія принуждены остаться въ Миланѣ. — Генераль Гренъ и прокламація его. — Падевіе желѣзной короны. — Сила времени. — Рапъ въ Данцигъ. — Заключенная, но неутвержденная капитуляція. — Рапъ пльвинкомъ въ Кіевъ. — Даву не вѣрнть произшествіямъ Парижскимъ. — Выстрѣлы по бѣлому знамени. — Распоряженія Полиціи о разстрѣливаніи. — Радость жителей Гамбурга и несправдливость безъ мести. — Генераль Жераръ въ Гамбургъ. — Отправленіе Даву и Генерала Гогендорфа. — Окончательное освобожденіе Гамбурга. 373

Г Л А В А XIII.

Слово о порученіи Мобреля. — Приѣздъ союзныхъ Коммисаровъ въ Фонтенебло. — Предпочтеніе, оказанное Полковнику Камбелю. — Презрѣніе къ Прусскому Коммисару — Назначеніе дороги и требованіе перемѣнить ее. — Замѣчательныя сближенія. — Союзники соглашаются на требованіе Императора. — Отказъ ѣхать, и слова Бонапарте, сказанныя Генералу Колеру. — Часы Бертрапа и воля Императора. — Прощаніе въ Фонтенебло и отъездъ. — Первые дни въ дорогѣ и восклицанія: да здравствуетъ Императоръ. — Похвала Наполеонова Велинстону. — Провѣздъ чрезъ Ліонъ — Встрѣча съ Ожеро. — Грубость и оскорбленіе. — Первые бывшія кокарды. — Крики оскорбительныя для Наполеона. — Мятежъ передъ Авиньономъ. — Посредничество Коммисаровъ. — Простой народъ въ Оргопъ, и Бонапарте повѣнчанъ въ изображеніи. — Тотъ же миръ и тѣ же люди. — Необходимыя ругательства и признательность. — Бонапарте переодѣтый курьеромъ. — Гостиница въ Каладъ. — Тоже состояніе Императора, какъ и въ Фонтенебло. — Опасеніе быть отравленнымъ. — Чрезвычайная любезность. — Приѣздъ въ Э, и таинственная особа. — Отвращеніе Наполеона

Стр.

къ величію.—Принцесса Паулина.—Отъездъ на островъ Эльбу. 585

Г Л А В Л А XIV.

Могущество времени.—Бонапарте и Лудовикъ XVIII.—Перешика Гартвеля съ Временнымъ Правленіемъ.—Пріемъ, сдѣланный Лудовику XVIII въ Лондонѣ.—Прібытіе Короля въ Кале.—Письмо Герцога де Дюрасъ.—Услуга почты.—Лудовикъ XVIII въ Кампиевъ.—Бертъ говоритъ отъ имени Маршаловъ.—Представленіе мѣе Королю въ Сентъ-Уенъ.—Слова исполненныя милости.—Благодарность Царская и отставленіе меня отъ службы безъ уведомянія.—Декларация изъ Сентъ-Уенъ. — Въездъ Лудовика XVIII въ Парижъ, и статуя Генриха IV.—Холодность народа.—Образованіе Министерства.—Отъездъ Талейрана. . . 209

Г Л А В Л А XV.

Удивительная неспособностъ. — Очевидные признаки возмущенія.—Свиданіе на Шломбергскихъ водахъ и отказъ Евгенія ѣхать туда.—Пожалованъ мнѣ Овндерскій крестъ Почетнаго Легіона.—Причина, побудившая меня отказаться отъ него.—Страшности двора и не возможность предлагать ему хорошіе совѣты.—Посѣщеніе одного друга и первые признаки пагубнаго приключенія.—Другое посѣщеніе и страхъ увеличивается.—Ужась одного добросердечнаго Роллиста.—Различія мнѣній и хорошая дружба.—Открытія Карла Бедойера. — Равнозвѣрностъ трехъ сообщеній.—Невозможностъ видѣться съ де Блакасомъ. — Аббатъ Флёрель.—Письмо безъ отвѣта.—Неучтивостъ и неспособность.—Генераль Балатьеръ и де Блакасъ.—Занятія Министра.—Посредничество Талейрана. — Потерянное время и мнѣнія не принесшія никакой

пользы.—Встрѣча съ Аббатомъ Флёрелемъ въ дворецъ Тюльерійскомъ.	219
---	-----

Г Л А В А XVI.

Приближеніе двадцатаго Марта и мои приготовленія къ отъезду.—Отправленіе изъ Тюльерійскаго дворца нарочнаго тринадцатаго Марта.—Г. Гю вводитъ меня къ Людовику XVIII.—Достопамятныя слова Короля.—Назначеніе меня префектомъ Полиціи.—Мое изгнаніе въ Лионъ.—Советъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ.—Странное невѣденіе нѣкоторыхъ совѣтниковъ Короля.—Слова солдатъ.—Добрый человекъ и маленькій капралъ.—Разсужденіе о дорозѣ Короля.—Я предсказываю прибытіе Бонапарте.—Собственнопоручный списокъ двадцати пяти изгнанниковъ.—Настояніе Корреля о взятіи подъ стражу Фуше.—Услуги Г. Фудраса.—Фуше недержанъ.—Даву изгнанникъ и оставленъ въ некоемъ.—Продолжительный разговоръ съ Блассомъ.—Безполезность арестовъ.—Довѣренность Короля ко мнѣ.—Переписка Бонапарте съ жителемъ Гренобля.—Перехваченное письмо и потеря времени.—Явные доказательства заговора.—Ничто не сдѣлано и что надлежало бы предпринять.—Какъ могъ заговоръ быть уничтоженъ.—Царедворцы смягчены несчастіемъ.—Тяжкія и невознаградимыя ошибки.—Настоящія причины революціи двадцатаго Марта.

234

Г Л А В А XVII.

Намѣренія Наполеона на островъ Эльбъ.—Явные споменія съ Мюратомъ.—Желаніе Мюрата войти во Францію.—Сверженіе съ престола рѣшено.—Колебаніе Австріи.—Сугубое сумасбродство и сугубая измена.—Подлинные акты обширнаго плана, составленнаго Бонапартомъ.—Италія независима и Наполеонъ въ Миланѣ.—Операціонная линія на пяти слахъ мильхъ.

Стр.

—Наполеонъ въ Вѣнѣ.—Исчезнувшая мечта и спротивность Мюрата.—Трудности моего положенія въ Парижѣ.—Желаніе выѣхать и обязанность оставаться.—Меры, принятыя мною для сохраненія спокойствія.—Отсрочка казни Дотюня.—Отъездъ Короля.—Мой отъездъ.—Странное приключеніе на станціи въ Февѣ.—Опасенія основательныя и вскорѣ уничтоженныя.—Услуга Почтмейстера.—Оказанная и награжденная справедливость.—Пріездъ мой въ Лиль.—Лудовикъ XVIII, ожидающій часъ у заставы Лилля.—Упыніе Бертье, раздвляемое Королемъ.—Истина, принятая за ласкательство.—Обыщаніе префектуры Полиціи.—Необходимость Короля удалиться изъ Франціи.—Его сожалѣнія.—Прѣжнее назначеніе и новое вступленіе въ должность.—Письмо Талейрана.—Мой отъездъ въ Гамбургъ.—Герцогъ Беррійскій въ Брисельъ	257
---	-----

Г Л А В А XVIII.

Удаленіе Г-жи Буріениъ въ деревню.—Посѣщеніе двадцатаго Марта повѣреннаго важной особы.—Парижскія новости.—Увѣренія въ благосклонности ко мнѣ Бонапарте.—Прібытіе Наполеона ночью.—Посѣщеніе Генерала Бертонъ, посланнаго Коленкуромъ.—Обыщаніе прощанія и забвенія.—Воспоминаніе прѣжнихъ преслѣдованій.—Письмо Наполеона обо мнѣ.—Объясненіе загадки.—Старинная связь съ Генераломъ Дризеномъ въ Гамбургъ.—Рыцарская приверженность Дризена къ Королю.—Проекты прокламаціи.—Услужливость и нескромность.—Позднія свѣденія.—Частная аудіенція Лудовика XVIII.—Король читаетъ письмо Наполеона; отвѣтъ его Генералу Дризену.—Возвращеніе Г-жи Буріениъ въ Парижъ.—Новое благосклонное посланіе и исполненіе Ліонскаго декрета.—Опечатаніе моего кабинета и конфискованіе.—Неудача обыщниковъ.—Безчinnie и бесполезность обыска Полиціи.—Преслѣдуемая женщнна.—

Часть X. **51**

Г-жа Сталь и Г-жа Рекамье, — Императоръ и Король несовершеннолѣтній. — Поленіе ложныхъ свѣдѣній. — Картина Парижа во время ста дней. — Республиканы и патріотическія пѣсни. — Тщетоное объявленіе Бонапарте о Король Римскомъ и Маріи-Луизѣ. — Расположенія уничиженныхъ въ Вѣвѣ. — Объявленіе двадцатаго Мая. — Исторія этого объявленія. — Талейраць и Г. Лабрадоръ.	273
--	-----

Г Л А В А XIX.

Официальная переписка. — Письмо Тлейрана и подробности о внутреннемъ состояніи Франціи. — Извѣстія о Король. — Второе письмо Талейрана о распоряженіи союзныхъ Державъ. — Третье письмо Талейрана и свѣдѣнія о Вѣвѣ. — Письмо Жокура. — Франція при Король и Бонапарте. — Предисловія Министрамъ Король при иностранныхъ дворахъ — Извѣстія изъ Франціи — Всеобщій журналъ Бергена старшаго. — Переписка Маркиза Бошеля. — Вопросы о двадцатомъ Марта. — Письма со штемпелемъ орла. — Дезожье и несправедливое предубѣжденіе. — Намѣренія Пруссіи распространить свои предѣлы на счетъ Франціи. — Посланный отъ Фуше въ Вѣну. — Странныя условія. — Мнѣніе Бошеля о Блакаса. — Ослабленіе Король на счетъ своего Министра. — Хорошія и дурныя качества Блакаса. — Самоудѣленіе, упорство въ мнѣніи и страсть къ исключеннымъ мѣрамъ. — Погрѣшности Герцога Беррійскаго. — Похвала Г. де ла Ферроне. — Протестъ Кергорел. — Приказъ Карно и уваженіе въ тайнѣ писемъ. — Новыя извлеченія изъ писемъ Бошеля. — Предполагаемое увольненіе Блакаса. . .	296
---	-----

Г Л А В А XX.

Продолженіе переписки. — Герцогъ Орлеанскій. — Г-жа Жаплись. — Бешю. — Д'андре. — Англе. — Мортье. — Фуше. — Лалии. — Толендадь и Шатобрианъ. — Лудовикъ XVIII и его придворныя. — Швейцарія. — Вандейцы,

Стр.

Герцогъ Бурбонскій и ла Рошъ-Жакеленъ. — Еще Беньо.—Баронъ Луи.— Характеръ Брюжа.—Нѣчто о смерти Бертъ.—Нація и войско.—Герцогиня Ангудемская въ Ваидеъ.—Майское поле. — Бернадотъ и Миоратъ.—Слухи о Конгрессѣ. — Беневентское Княжество.—Принцъ Евгений. — Эрцъ-Герцогиня Марія Луиза.—Бернадотъ, Король Франціи.—О запрещеніи въѣзжать въ Парижъ, сдѣланномъ Миорату Бонапартомъ; предводители народнои партіи; произвольныя мѣры.—Стужа Сѣвера; Бонапарте въ латахъ.—Присоединеніе Турціи къ общему союзу.—Г. Ривьеръ.—Веллингтонъ; Принцъ Оранскій; Герцогъ Брауншвейгскій.—Свѣдѣнія, доставленныя Веллингтону о силахъ Французской арміи.—Г. Сталь.—Двѣ партіи во Франціи; республика и Безжамель-Констанъ; Герцогъ Орлеанскій.—Дипломатическія награжденія.—Понцодиборго.—Ватерло.—Бюлетени.—Г. Сезъ. — Нѣчто о смерти ла Рошъ-Жакелена.—Алостекая армія.—Порожняя чаща.—Г. Алексисъ Ноель.— Г. Рожеръ де Дамась.—Посольство.—Паденіе Наполеона. — Камбрейская прокламація.—Предвѣщаніе Буріенна.—Еще Г. Беньо.—Паскъ, Барантъ, Гизо.—Иенскій мостъ.—Твердость Людовика XVIII. 321

Г Л А В Л А XXI.

Предсказаніе, которое не исполнилось.—Я увѣжаю изъ Гамбурга. — Король въ Севтъ-Дени. — Необыкновенное скопленіе народа.—Удивленіе моего семейства.—Фуше, Министръ Короля и мое изумленіе.—Прекрасное восклицаніе Шатобриана.—Фуше желаетъ имѣть свое возстановленіе.—Замедленіе прибытія Короля въ Парижъ.—Слѣдствіе сего замедленія.—Нерасположеніе Короля къ Фуше.—Онъ обзавъ своимъ назначеніемъ Веллингтону. — Мнѣ невозможно принять Префектуру Полиціи. — Насмѣшка Фуше надъ Бурбонами — Замѣчательная приписка.— Удивительное несходство.—Характеръ и желанія Фуше.—Его эгоизмъ.— Несправедливость увѣреній Фуше, доказанная пріемомъ,

Стр.

сдѣланнымъ Королю въ Парижѣ.—Споры о бѣлой и
 трехцвѣтной кокардахъ.—Объявленіе Начальниковъ
 Легіоновъ Национальной Гвардіи.—Массена въ С. Де-
 нишъ.—Хорошая политика и непростительное снисхо-
 жденіе.—Фуше не допускаетъ изъясненій народной ра-
 досты.—Составъ новаго Министерства.—Гг. Ришелье
 и ла Бульери.—Я оставляю политическое поприще.—
 Утѣшеніе недовольныхъ.—Исполненіе намѣреній ино-
 странцевъ.—Вниманіе Блюхера и приставленный ка-
 рауль.—Англичане въ Сенъ-Клу.— Благодарственные
 посѣщенія.— Блюхеръ въ кабинетъ Наполеона.—Не-
 прочность всего мірскаго.— Мой пѣвчикъ дѣлается
 моимъ покровителемъ. 348

Г Л А В А XXII.

Брачный контрактъ моей дочери и строгость этикета.—
 Производство мое въ Предсѣдателя избирательной
 Лонской Коллежии.—Приказаніе видѣться съ Фуше и
 мое перасположеніе.—Пріемъ въ саду.—Невольное
 молчаніе.—Мнѣніе Фуше о правленіи Короля.—Его
 глубокая ненависть къ Бурбонамъ.—Невъротный раз-
 говоръ Королевскаго Министра.—Сознаніе ошибокъ
 1814, и возраженіе.—Необходимость времени для по-
 литическихъ перемѣнъ.—Вынужденное объясненіе и
 дерзкій отвѣтъ.—Священная обязанность и аудіенція
 у Короля.—Фуше скоро лишенъ милости.—Слова Бо-
 напарте о Фуше.—Карио обманутый Наполеономъ.—
 Я избранъ депутатомъ.—Избраніе Г. Раидота и твер-
 дость духа.—Возращеніе мое въ Парижъ и сожалѣ-
 ніе о Невъ.—Прекрасный характеръ Макдональда и
 Неаполитанскій Король.—Встрѣча съ Раппомъ.—
 Неожиданная прогулка въ Булонскомъ лѣсу.—Вер-
 ность Раина въ 1815.—Его свиданіе съ Наполеономъ.
 —Наполеонъ одинъ въ дорогъ.—Мудрость и уступчи-
 вость Раина.—Герцогъ Беррійскій и Раинъ.—Апек-
 дотъ.—Производство мое въ Государственные Мини-
 стры.—Мое имя, написанное рукою Людовика XVIII.
 —Заключеніе. 366

